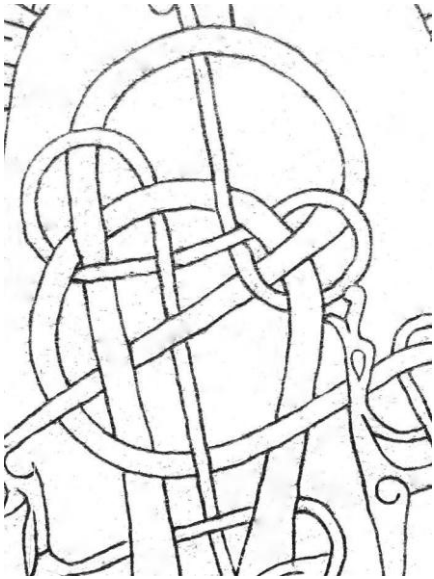
Д.Н.Шипов
Воспоминания и думы о пережитом

материалы по истории позднеимперской России
том 24

Издательство Упыря Лихого
2025

Наше издательство названо именем **Упыря Лихого** (Эпир Неробкий, Öpir Ofeigr), первого русского переписчика книг, имя которого мы знаем.Соратник нормано-русских князей, священник, переписчик книг и рунорезец, Упырь Лихой своим примером напоминает нам о том, как важно без робости распространять знания и красоту среди варварства и тьмы.



орнамент на камне U-104 в Упланде, созданном Упырем Лихим

Дмитрий Николаевич Шипов
Воспоминания и думы о пережитом

Издательство Упыря Лихого
2025

Настоящая книга повторяет издание 1918 года (Москва, издательство М. и С. Сабашниковых)

Оглавление

Глава I 2
Глава II 28
Глава III 66
Глава IV 123
Глава V 164
Глава VI 196
Глава VII 252
Глава VIII 302
Глава IX 374
Глава X 431
Глава XI 451
Глава XII 505
Глава XIII 577
Глава XIV 598
Глава XV 630
Глава XVI 689
Послесловие 734

Глава I

Начало моей земской деятельности. Участие мое в волоколамской уездной управе и в деле введения травосеяния на общинных землях. Обстоятельства, предшествовавшие оставлению Д.А.Наумовым должности председателя московской губернской земской управы. Избрание нового состава губернской управы и вступление мое в исполнение обязанностей ее председателя.

Впервые был я избран уездным земским гласным волоколамского уезда в 1877 году; в том же году уездное собрание избрало меня губернским гласным и с этого времени началось мое участие в земской работе московской губернии, продолжавшееся до 1912 года. К земской деятельности я стремился с молодых лет, и уездное собрание, вскоре по избрании меня гласным, выдвигало мою кандидатуру на должность председателя уездной земской управы, но, к сожалению, личные дела, занимая много времени, не открывали мне возможности принять более близкое участие в земской работе и только во время очередной сессии 1891 года я мог по избранию уездного земского собрания принять должность председателя уездной управы.

За короткое время моего председательствования в уездной управе считаю нужным отметить почин волоколамского земства в организации агрономической помощи населению, главным образом, путем введения в крестьянском хозяйстве правильного травосеяния.

В очередной сессии 1891 года волоколамское собрание постановило: 1) пригласить в распоряжение уездного экономического совета уездного агронома, ассигновав для этой цели из уездных средств 1000 рублей, и 2) ходатайствовать

пред губернским земством о пособии уездному земству в таком же размере для того же назначения. Делая эти постановления, уездное собрание имело в виду проявившиеся за последние года попытки некоторых селений к введению углового травосеяния, в целях обеспечения своих хозяйств кормовыми средствами. Больное место крестьянского хозяйства бесспорно составлял недостаток кормовых средств, вызываемый несоответствием площадей пашни и луговой земли. Статистическое исследование уезда, произведенное губернским земством в 1878 году, выяснило, что из общего количества земли, находящейся во владении крестьян, пашней было занято 69 154 десятины (61,2%), а под лугами и выгонами находилось 43 673 десятины (38,8%). Принимая во внимание средний урожай сена и яровой соломы, годовой запас кормовых средств со всей площади крестьянского землевладения мог быть около 5 580 000 пуд., а считая необходимым на прокорм одной головы скота, в течение года не менее 120 пудов, крестьянское хозяйство имело возможность содержать около 46 500 голов; и действительно, тоже статистическое исследование зарегистрировало во всех селениях уезда 44 612 голов скота, принимая мелкий скот две головы за одну. Такие размеры крестьянского скотоводства обеспечивали удобрение одной десятины пашни навозом не более, как от двух голов, что несомненно являлось совершенно недостаточным и обусловливало крайне низкие урожаи ржи и овса. Представлялось необходимым для крестьянского хозяйства перейти от трехполья к многополью, с включением в севооборот посева трав, чтобы, путем увеличения запаса кормовых средств увеличить количество скота, сократив в то же время площадь пашни, подлежащей ежегодному удобрению.

Постановление волоколамского собрания встретило сочувственную поддержку со стороны губернского экономического совета, который со своей стороны признал, что главная задача земской агрономической организации должна заключаться в устранении неблагоприятных последствий существующего ненормального отношения кормовой площади к зерновой. Однако губернское собрание очередной сессии 1891 г. отклонило ходатайство волоколамского земства о пособии в 1000 руб., поддержанное губернским экономическим советом и губернской управой, и уездная управа имела таким образом в своем распоряжении на 1892 г. только 1000 руб., ассигнованные из уездных средств, сумму, совершенно недостаточную для приглашения специалиста на должность уездного агронома.

Я всегда любил сельское хозяйство и занимался им сначала под руководством моего отца, а с 1872 года самостоятельно, получив в свою собственность имение в волоколамском уезде, в котором под пашней было около 650 десятин. С 1880 года я поселился с семьей в имении и с той поры принимал более близкое, непосредственное участие в ведении хозяйства, причем я, между прочим, приобрел знания по составлению правильных севооборотов, по межеванию и разбивке десятин. Вместе с тем, в течение 11-ти летней жизни в деревне, я находился в близком общении с местным населением и хорошо ознакомился с условиями крестьянского хозяйства. Эти обстоятельства побудили меня за отсутствием уездного агронома принять на себя задачу ознакомления крестьян с правильным травосеянием и введения такового в некоторых селениях, которые желали сделать этот шаг. Приложить свой труд к этому делу меня

особенно побуждало мое принципиальное отношение к общинному землевладению и к земельному вопросу вообще.

Я вполне разделяю убеждения Генри Джорджа и Л.Н.Толстого, что установление права собственности на землю составляет величайший грех, содеянный человечеством. Земля является даром Божьим, предоставленным равно всем людям для приложения своего личного труда с целью получения необходимого им пропитания. Признание права собственности на землю и превращение ее в предмет купли и продажи противоречат духу христианского учения и являются главной основой неправды существующего общественного строя. Я верю, что человечество в своем движении в направлении преобразования общественного строя сознает великий грех права собственности на землю, как оно уже сознало грех рабства и крепостного права, и установит право пользования землей, согласно ее Божественному назначению. Как произойдет этот переворот, когда и какое практическое разрешение получит этот вопрос — предусмотреть в настоящее время невозможно; нужно только с уверенностью признать, что вопрос этот не может быть разрешен путем насилия и борьбы, и что необходимая реформа может быть достигнута лишь пробуждением мысли и поступательным движением в мире идеи. В этом вопросе заслуживает особое внимание и может служить известным указанием отношение к земле духоборов, вытекающее из основы их общего жизнепонимания. Люди сделали и продолжают делать громадные успехи в области материальной культуры и им необходимо достигнуть подобных же результатов в области нравственной. Если теперь нельзя предугадать каким путем будет устранено в будущем право собственности на землю, то тем не менее в предвидении неиз-

бежности этого процесса нужно с особым уважением относиться и оберегать те существующие формы землевладения, в основе которых лежит идея наиболее справедливого пользования землею, и к таковым должно быть отнесено, конечно, общинное землевладение, преобладающее среди сельского населения России. Но в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов прошлого столетия стали раздаваться настойчивые и влиятельные голоса, признававшие необходимым разрушение общинного строя, и в числе их были представители правительственной власти, как, например, С.Ю.Витте и А.С.Ермолов. Последний в изданной им в то время книге, «Неурожаи и народное бедствие», посвященной выяснению причин частых в стране неурожаев, проводил мысль, что общинное землевладение является главным тормозом улучшения крестьянского хозяйства и препятствует проведению необходимых агрикультурных мероприятий. Зная из жизни в деревне, что высказанные А.С.Ермоловым и разделяемые многими предположения не соответствуют действительности, я видел в введении многопольного севооборота с посевом трав в общинном, крестьянском хозяйстве лучший ответ на эти предположения.

В начале 1892 г. я посетил и вступил в сношение с несколькими селениями, из числа обращавшихся в уездную управу с ходатайствами о выдаче им семян клевера и тимофеевки и о содействии со стороны земства в деле организации травосеяния в их хозяйствах. Крестьяне с большим интересом знакомились с различными системами севооборота и выражали полную готовность перейти к многополью и произвести даже передел существующих в полях полос, чтобы облегчить образование новых полей. Так как я имел в виду показать при предстоящих опытах, что общинное

землевладение отнюдь не может служить препятствием для изменения севооборота, то я поставил условием содействия со стороны земства при переходе к новой системе полеводства непременное сохранение всеми домохозяевами принадлежащих им полос и объяснил крестьянам, что в состав новых полей будут входить цельные долины (коны), заключающие в себе по известному количеству полос на каждый двор, и на которые поделены их существующие поля в настоящее время. Уездной управой было признано желательным в 1892 г. на первый раз ввести правильное травосеяние в трех селениях: Хрулево, Елизаветино и Путятино. В д. Хрулево ранней весной, до окончания таяния снега, пашня была разделена на 8 полей и установлен следующий севооборот: пар, рожь с клевером, клевер, клевер, яровое, пар, рожь и яровое. Хрулевские крестьяне отнеслись к новому делу с большим уважением; они подняли церковные иконы и пригласили причт отслужить в поле молебствие пред рассевом клевера по ржаному полю. В частых беседах, происходивших в это время, некоторые члены сельского общества неоднократно высказывали мысль о желательности и пользе общей, мирской обработки всей общественной земли. Эта мысль, встреченная многими сочувственно, не могла, однако, получить тогда же практического разрешения, в виду сложности вопросов, связанных с уравнением в приложении труда членов общины и с распределением между ними получаемых продуктов. Мне казалось, что содействие населению в этом деле могло бы быть включено в число задач, нарождавшейся в то время земской агрономической организации, но, к сожалению, это предположение до сих пор не получило своего осуществления. В дер. Елизаветино, где уже существовало угловое травосеяние при

трехполье, был введен в течение лета также восьмилетний севооборот, но вся пашня была разбита на 4 поля, причем клевер по ржи должен был высеваться не ежегодно, а через год, и клеверное поле в одном году было 1-го укоса, а в следующем 2-го укоса. Крестьяне д. Путятино пожелали ввести травосеяние не на надельной земле, а на покупной, отстоящей от селения в 3 верстах, и просили по возможности сократить площадь занятую рожью и больше земли отвести под траву. В виду выраженного желания этот участок в количестве 75 дес. 700 кв. с. был с осени разделен на семь полей при следующем севообороте: пар, рожь, яровое с клевером, 3 года клевер и яровое. Уездное собрание осенью 1891 г. одобрило действие управы, признало необходимым развить широко содействие крестьянскому травосеянию, пригласив для того уездного агронома, и вновь ходатайствовало пред губернским земством о пособии в этом деле в размере 1000 р. в добавление к такой же ассигновке из уездных средств. На этот раз губернское собрание, ознакомившись с докладом уездной управы, по предложению губернского экономического совета, поддержанному губернской управой, удовлетворило ходатайство волоколамского земства. В начале 1893 года уездная управа пригласила на должность уездного агронома А.А.Зубрилина и в ближайшие годы травосеяние на крестьянских общинных землях получило быстрое и широкое развитие не только в Волоколамском уезде, но и в губернии. Принять дальнейшее личное участие в этом деле в уезде я не имел возможности, так как мне в марте 1893 г. пришлось переменить должность председателя уездной управы на должность председателя управы губернской.

С 6-го октября 1865 г. бессменным председателем московской губернской земской управы был Д.А.Наумов. Всю свою жизнь Д.А. посвятил служению земскому делу московской губернии и вложил в него всю свою душу. В своей неутомимой и строго определенной деятельности он всегда имел в виду исключительно пользу дела и правильную, принципиальную его постановку. Руководимый чувством христианской любви, он посвятил свою деятельность на пользу населения губернии, непрестанно заботясь об удовлетворении его духовных и материальных потребностей. Ему пришлось создавать земское дело в московской губернии и нельзя не признать, как много и целесообразно было сделано за время его служения для исполнения лежащих на земских учреждениях задач. За время его деятельности было устроено в губернии более 550 училищ, 65 медицинских участков; построено земством шоссе около 650 верст; были созданы правильно поставленные санитарная и ветеринарная организации; населению была предоставлена возможность обеспечения убытков от пожаров и падежа скота; было положено начало организованному содействию сельскому хозяйству и кустарным промыслам и наконец, работы статистического отделения дали прочное основание для правильной постановки всех отраслей земского дела. Начинания и постановка земского дела в московской губернии при Д.А.Наумове послужили примером для многих губернских земств. Признавая, что работа и труд могут быть наиболее производительны при условии обеспечения им необходимой самостоятельности, Д.А. всегда старался и умел привлечь к земскому делу лиц, которые с ним вместе ставили себе на первом плане служение задачам общественного самосознания и самодеятельности. Им были привлече-

ны к земской работе такие сотрудники, как — В.И.Орлов, И.А.Каблуков, Е.А.Осипов, Ф.Ф.Эрисман, И.И.Попов, В.О. Нагорский, В.Г.Бажаев и много других. Д.А. придавал особенное значение коллегиальному образу действий, который, по его убеждению, должен лежать в основе земских учреждений. Он всегда оставался верен тому положению, что каждой земской реформе должно предшествовать тщательное изучение интересов и желаний населения. При организации и развитии деятельности губернского земства Д.А. постоянно имел в виду широкое содействие уездным земствам, выражавшееся в самых разнообразных формах, причем в основе его всегда лежало сохранение самостоятельности уездных земств и обеспечение проявления их инициативы и самодеятельности. Исходя из глубокого убеждения, что исполнение земскими учреждениями предстоящих им задач возможно только при условии обеспечения им необходимой свободы действий и проявления личной и общественной инициативы, Д.А. являлся всегда поборником развития общественного самосознания и обеспечения земским учреждениям необходимой самостоятельности.

Со времени моего вступления в состав губернского земского собрания я постоянно с большим интересом следил за деятельностью московского губернского земства, руководимою Д.А.Наумовым, и во мне воспиталось чувство глубокого уважения, как к личности Д.А., так и к пониманию им земского дела. Я видел в Д.А. выдающегося, образцового земского деятеля, примеру которого ставил себе задачей следовать, и потому во мне возбуждало тяжелое чувство, проявившееся в губернском собрании с 1890 года отрицательное отношение к председателю губернской

управы, отношение, представлявшееся мне мало понятным и трудно объяснимым. В это время, действительно, сознание земских потребностей получило значительное развитие и жизнь выдвигала все новые вопросы, требовавшие своего скорейшего разрешения, а Д.А., достигший уже 60-ти летнего возраста, может быть, не достаточно быстро отвечал на предъявляемые новые запросы. Однако это обстоятельство едва ли могло быть достаточным, чтобы игнорировать всю плодотворную работу Д.А. в течение 25 лет и производить на него давление с целью побудить его оставить занимаемую им должность. Выступления гласных в собрании против Д.А. были начаты московским городским головой, Н.А.Алексеевым, но затем число лиц, проявлявших в губернском собрании резкое отношение к Д.А., быстро возросло, и я был крайне поражен, увидав в этой группе таких гласных, как — кн. А.А.Щербатов, Ф.Д.Самарин, кн. А.А. Ливен и т.п.

Движение, направленное против Д.А., прежде всего сказалось при обсуждении в собрании вопроса об организации психиатрической помощи населению губернии. Как известно, в московской губернии при введении земских учреждений забота о душевнобольных формально возлагалась на московское городское управление, получившее в свое ведение соответствующие лечебные заведения приказа общественного призрения, но, конечно, по существу вопроса губернское земство не могло не считать своей обязанностью организовать психиатрическую помощь нуждающимся в ней из населения губернии. Однако, губернская управа не спешила этим делом, тогда как потребность в такого рода помощи предъявляла определенные требования. Причину этого следует видеть в свойственных Д.А.Наумову береж-

ливости и осторожности при расходовании земских средств, а организация психиатрической помощи требовала несомненно очень больших средств. Источник земских доходов был очень ограничен тем более, что земство в первое 25-летие своего существования не воспользовалось предоставленным ему бесспорным правом обложения земским сбором имуществ в г. Москве, в чем, по моему мнению, заключалась крупная и принципиальная ошибка, сделанная земством.

В 1887 году губернское собрание поручило управе приискать и приобрести имение для устройства больницы для душевнобольных, но к очередной сессии 1888 года это поручение не было выполнено управой, сославшейся на затруднения, встреченные при приискании имения. Собрание вторично подтвердило возложенное на управу поручение, но и к очередному собранию 1889 года это поручение не было приведено в исполнение; в тоже время управа внесла предложение о соглашении с городским управлением об уступке земству 100 кроватей в городских психиатрических заведениях. Некоторые гласные предлагали выразить сожаление о неисполнении управой постановления собрания. Собрание, одобрив мысль о соглашении с городом о 100 кроватях, одновременно признало, что это соглашение не отменяет постановления о покупке имения и в третий раз подтвердило возложенное на управу поручение. К очередной сессии 1890 года имение опять приобретено не было, но управа испрашивала ассигновку 60 000 рублей для устройства колонии душевнобольных. В этой же сессии управа представила собранию доклад «об источниках земских доходов», в котором предлагалось обложить губернским земским сбором торгово-промышленные помещения в г.

Москве. Это последнее предложение, после довольно острых прений, было принято собранием, однако, состоявшееся 11 декабря 1890 г. по этому поводу постановление было опротестовано губернатором, вследствие допущенной неравномерности обложения, т.е. обложения только домов, занятых торгово-промышленными заведениями. Принимая во внимание поступивший протест, губернская управа при окончании очередной сессии внесла предложение об обложении всех имуществ в г. Москве наравне с прочими городами губернии и собрание с этим согласилось. 14 декабря собрание, назначив 60 000 рублей на дело призрения душевнобольных, обсуждало вопрос, как распорядиться этими деньгами? По предложению Н.А.Алексеева собрание поручило управе немедленно нанять на один год подходящее помещение для 50 душевнобольных и открыть прием в течение 10 дней. На следующий день по открытии заседания Н.А.Алексеев сообщил, что он в исполнение постановления собрания нанял Дачу Ноева, которая уже отапливается, и что им сделан заказ кроватей. Д.А.Наумов протестовал против такого образа действий отдельного гласного, помимо управы, и собрание передало заявление Н.А.Алексеева на заключение управы и санитарного совета. По их представлению собрание 18 декабря признало дачу Ноева непригодной и поручило управе войти в соглашение с общиной «Утоли моя печали» о принятии 50 психических больных на условиях, предложенных начальницей общины.

В течение той же сессии в собрании были сделаны многочисленные указания на неправильность постановки дорожного отдела губернской управы, а доклад ревизионной комиссии заключал в себе резкие обвинения личного характера, направленные, главным образом, против заведовавше-

го дорожным отделом члена управы, П.Ф.Рихтера. В действительности, как выяснилось впоследствии, в постановке и ведении дорожного хозяйства не было серьезных недостатков, а как совершенно верно заметил в собрании гласный А.А.Оленин, неуступчивость П.Ф.Рихтера была единственной причиной ненормального положения дела. Д.А. Наумов мало входил в дорожное хозяйство и дорожный отдел управлялся единолично П.Ф.Рихтером, относившимся с болезненным самолюбием ко всякой, даже доброжелательной критике своих действий. В заключение обсуждения в собрании вопросов, связанных с постановкой дорожного дела, ревизионная комиссия отказалась от баллотировки той части своего предложения, которая имела характер осуждения личного состава управы, а собрание подтвердило свое постановление предыдущего года о замене единоличного управления дорожным отделом началом коллегиальным. Вместе с тем собрание, по предложению кн. А.А.Щербатова, избрало дорожную комиссию для подробного исследования дорожного хозяйства и составления плана его реорганизации.

В заседании собрания 15 декабря 1890 года Б.Н.Чичериным было представлено подписанное 25 гласными предложение «об изменении порядка делопроизводства в губернском собрании путем избрания комиссии для предварительного рассмотрения смет и докладов управы, с представлением комиссии права приглашать в свои совещания председателя и членов управы, от которых комиссия пожелает иметь разъяснения». Д.А.Наумов протестовал против того способа, которым вносится это предложение: подписи собирались секретно и предложение вносится за подписью 25 лиц, чем в значительной степени предрешается его при-

нятие. По существу предложения Д.А. не возражал, но при условии, чтобы комиссия работала совместно с управой.

Резкие выступления многих гласных в продолжении сессии 1890 г., имевшие оскорбительный характер для личного состава губернской управы, побудили ее председателя и членов при окончании занятий собрания заявить о своем отказе продолжать исполнение своих обязанностей, мотивируя свое заявление отношением к ним гласных и тяжелым положением в котором находилась управа в течение всей сессии. Собрание постановило ходатайствовать о созыве экстренного собрания для производства новых выборов и просило Д.А.Наумова и членов управы до тех пор продолжать исполнение своих обязанностей.

Экстренная сессия губернского собрания состоялась 2 апреля 1891 г., но незадолго до этого времени последовало распоряжение о введении в этом же году в московской губернии нового земского Положения 1890 г. Это обстоятельство побудило собрание просить весь состав губернской управы остаться на своем посту до предстоявших осенью новых земских выборов, на что управа согласилась.

При новом земском Положении состав губернского собрания к очередной сессии 1891 г. мало изменился; не изменилось и отношение значительной части собрания к прежнему составу губернской управы. Продолжались выступления гласных, подчеркивавшие их недоверие к управе, хотя и в менее резкой форме. Группа гласных, стремившаяся к смещению Д.А.Наумова, обратилась ко мне с предложением выставить мою кандидатуру на должность председателя управы. Я отвечал категорическим отказом, мотивируя его моим глубоким уважением к земской деятельности Д.А.Наумова и полным несочувствием агитации, которая

велась против него в собрании последние годы. При этом я говорил, что обращающиеся ко мне, по-видимому, впадают в ошибку: разделяя отношение Д.А. к земской деятельности и к постановке земского дела, я, очутившись на посту председателя управы, считал бы своей обязанностью следовать в земской работе по направлению, которого придерживался Д.А. Однако, несмотря на мои возражения, 17 января 1892 г. при заявлении кандидатов на должность председателя управы Д.А.Наумов получил 28 записок, а с моим именем было подано 37 записок; кроме того, 4 записки были поданы за разных лиц. После определенного моего отказа баллотироваться, Д.А.Наумов изъявил согласие подвергнуться баллотировке и был избран 35 голосами против 32. При происходившей затем баллотировке на должность членов управы избранным оказался только один Л.Н.Сазонов; все остальные кандидаты оказались забаллотированными или отказались подвергнуться баллотировке, получив недостаточное число записок. Выборы 4-х членов управы признаны не состоявшимися и производство новых выборов было отложено до экстренного собрания, назначенного на 18 февраля. В экстренной сессии в члены управы был избран А.Ф.Шнейдер, 3 лица были забаллотированы, а все остальные подложенные кандидаты от баллотировки воздержались. 26 марта состоялось вновь экстренное собрание, на котором был доложен запрос министра внутренних дел — считает ли собрание достаточным состав управы из председателя и 2 членов, с предупреждением, что, в случае признания недостаточности состава управы, последует назначение членов управы министром. Собрание признало состав управы недостаточным и вскоре членами губернской упра-

вы были назначены гласные: инженер В.П.Каразин и санитарный врач Е.М.Дементьев.

Очередная сессия 1892 года происходила при возбужденном настроении собрания и натянутых отношениях между его членами. Заседания с перерывами происходили в декабре, январе, феврале и марте, и тяжелое впечатление производило видеть на стороне оппозиции П.Ф.Рихтера, недавно еще бывшего в составе управы, а теперь выступавшего с резкими осуждениями. Хотя П.Ф.Рихтер держался особняком и группа, агитировавшая против Д.А.Наумова, не включала П.Ф. в свою среду, однако, группа содействовала его избранию председателем комиссии по устройству психиатрического заведения. Эта комиссия представила доклад, в котором, изложив критику несогласных действий управы и директора будущей лечебницы, д-ра Якобия, становилась на сторону последнего и осуждала действия управы, но с своей стороны не внесла ничего для исполнения возложенного на нее поручения — всестороннего освещения вопроса о постройке и организации психиатрической лечебницы. При обсуждении доклада комиссии одним из гласных было предложено поручить все дело по устройству больницы особой комиссии. Когда председатель собрания указал на незаконность предлагаемого порядка, устраняющего исполнительный орган, губернскую управу, то Н.А.Алексеев сказал, что при действующем составе управы дело устройства больницы идти не может, какие бы комиссии ей в помощь ни выбирались, и это мнение было поддержано А.А. Олениным и кн. А.А.Ливеном. Эти заявления побудили А.Ф.Шнейдера и Л.И.Сазонова отказаться от исполнения обязанностей членов управы. Большие нападки на управу были сделаны при обсуждении вопроса об устройстве си-

ротского приюта. Некоторые гласные нарисовали очень мрачную картину состояния приюта, которая, впрочем, как впоследствии выяснилось, далеко не соответствовала действительности, а П.Ф.Рихтер говорил, что не согласно с достоинством земства содержать в таком виде учреждение, основанное для увековечения имени Государя Александра II. Собрание избрало особую комиссию для расследования дела на месте и для представления ею доклада ближайшему экстренному собранию.

При открытии заседания 20 февраля председатель собрания сообщил, что им получено от П.Ф.Рихтера заявление о серьезных неправильностях в дорожном хозяйстве, допущенных членом управы В.П.Каразиным, и признал необходимым это заявление, прежде его оглашения, передать на предварительное заключение ревизионной комиссии, с чем собрание согласилось. Было высказано пожелание, чтобы ревизионная комиссия скорее и по возможности к следующему заседанию представила свое заключение. Ревизионная комиссия, собравшись тотчас во время перерыва заседания собрания, просила Н.Н.Щепкина, как своего председателя, и меня, как ее члена, в тот же день вечером произвести в губернской управе исследование по всем указаниям, сделанным П.Ф.Рихтером в его заявлении, и мы приняли на себя это поручение. Проработав до поздней ночи, мы пришли к убеждению, что все тяжелые обвинения, предъявленные П.Ф.Рихтером В.П.Каразину, не имеют никакого основания, а некоторые непорядки формального характера коренятся в неудовлетворительной постановке дела в дорожном отделе, создавшейся при П.Ф.Рихтере. В этом смысле было составлено наше подробное заключение. На следующий день, когда на очередь обсуждения были по-

ставлены — заявление П.Ф.Рихтера и заключение ревизионной комиссии, Н.Н.Щепкин от себя и от моего имени, обратившись в собрании к П.Ф.Рихтеру, сказал, что мы исполнили поручение собрания и пришли к заключению, что заявление П.Ф. основано на недоразумении, на недостаточно проверенных данных и что мы, как его товарищи по представительству, просим его доверить нам взять свое заявление обратно и считать вопрос исчерпанным. П.Ф.Рихтер отклонил наше предложение и настаивал на оглашении своего заявления. После этого Н.Н.Щепкин прочел заявление П.Ф. по пунктам и параллельно докладывал заключение ревизионной комиссии, а я по каждому пункту оглашал документы, послужившие основанием для наших отзывов. По окончании нашего доклада председатель собрания от себя вновь предложил П.Ф.Рихтеру взять свое заявление обратно, но он опять ответил отказом. Тогда собрание единогласно постановило выразить сожаление, что такое неосновательное заявление могло иметь место в московском губернском земском собрании.

23 февраля 1893 г. Д.А.Наумов попросил слово и в заключение своей речи заявил, что слагает с себя обязанности председателя управы. Все члены управы присоединились к заявлению председателя. Собрание, по предложению своего председателя, выразило Д.А.Наумову благодарность за долговременную и полезную службу и назначило ему ежегодную пенсию в размере 5000 рублей. Производство выборов нового состава губернской управы было отложено до возобновления заседаний очередной сессии в марте месяце.

На следующий день собрание еще продолжалось и во время перерыва этого заседания очень многие гласные обращались ко мне с настоятельными предложениями

выставить мою кандидатуру на должность председателя губернской управы. Я просил предоставить мне время взвесить все создавшиеся обстоятельства и обдумать мой ответ. Принимая во внимание, что вопрос о председательстве Д.А.Наумова получил свое разрешение и им самим окончательно устранен, что собрание не имеет в виду другого кандидата, на избрание которого могло бы согласиться большинство гласных, и что ко мне на этот раз обратились не только гласные, составлявшие группу, агитировавшую против Д.А.Наумова, но и многие гласные, принадлежавшие к числу его сторонников, я пришел к заключению, что на мне лежит общественный долг не уклоняться от сделанного мне предложения. Но, понимая хорошо, что работа управы по существу своему является и должна быть коллегиальной, я счел возможным баллотироваться на должность председателя только при уверенности, что управа будет состоять из людей, руководящихся одинаковым пониманием характера и задач земской деятельности и объединенных взаимным доверием. О моем отношении к сделанному мне предложению я поставил в известность некоторых из влиятельных гласных, ко мне обращавшихся, и вскоре получил ответ, что мое заявление принимается и что меня просят наметить состав будущей управы. Я немедленно вступил в переговоры. Из состава прежней управы я обратился к А.Ф.Шнейдеру, с которым меня связывали старинные, близкие, дружеские отношения, и к Л.И.Сазонову, бывшему всегда солидарным с Д.А.Наумовым и хорошо знакомому с финансовой стороной земского хозяйства, и они оба изъявили свое согласие. Затем мы трое наметили, как очень желательных кандидатов, председателей уездных управ: московской — М.В.Челнокова и серпуховской — Н.Н.Хмелева, на

согласие которых мы могли рассчитывать. Большое затруднение представлял вопрос о кандидате на должность члена управы, заведующего дорожным отделом. Я обратился прежде всего к Н.Н.Щепкину, но он после некоторого колебания не пожелал оставить занимаемую им должность мирового судьи в г. Москве. В среде губернского собрания не было лиц, которые отвечали бы требованиям предстоявшей работы по дорожному хозяйству и были бы согласны принять на себя эти обязанности. Кн. А.А.Ливен, бронницкий предводитель дворянства, рекомендовал, как подходящего кандидата, В.Ф.Мейена, служившего земским начальником в том же уезде. Знакомство и переговоры с В.Ф. привели меня к убеждению, что он является желательным сотрудником в губернской управе, и остальные участники намечавшейся новой управы согласились с своей стороны на кандидатуру В.Ф.Мейена. Список намеченного нового состава губернской управы был сообщен мной губернскому предводителю дворянства, кн. П.Н.Трубецкому, причем я просил его огласить этот список среди гласных и выяснить, не встречает ли он возражений. Через некоторое время кн. П.Н.Трубецкой сообщил мне, что в общем предложенный мной состав управы встречен сочувственно и принимается большинством гласных, но в то же время сказал, что очень многие гласные, особенно предводители дворянства, желали бы видеть в составе губернской управы вместо Н.Н.Хмелева, А.А.Аверкиева, председателя клинской управы, и просил меня согласиться на это изменение. А.А.Аверкиев представлялся мне человеком мало энергичным, с недостаточно широким кругозором и не обладавшим большой инициативой, но так как в то время я вследствие малого знакомства с Н.Н.Хмелевым не мог еще в полной

мере оценить присущие ему высокие качества, то я, не желая проявлять слишком большой настойчивости, согласился на предложенную мне замену. 4 марта возобновилась очередная сессия 1892 года и в заседании 5 марта были произведены выборы губернской управы, причем все намеченные кандидаты получили значительное число избирательных шаров; я был избран большинством 46 против 12 голосов. По окончании баллотировки, возвратясь в залу, я в ответ на приветствие собрания обратился к нему со следующими словами: «Избрание меня на должность председателя московской губернской управы, являясь высоко лестным для меня выражением доверия собрания к моим силам, ставит в то же время для меня трудную и ответственную задачу. Не могу не сознавать, что это выраженное вами мне доверие, мною в настоящее время ничем не заслужено и я, подчиняясь вашему избранию, как бы, принимаю тем на себя ответственность и обязанность оправдать ваши ожидания. Не знаю, хватит ли у меня сил и умения достойно разрешить предстоящую мне задачу, но твердо, с уверенностью могу сказать, что с моей стороны не будет недостатка в доброй воле посвятить сполна свой труд и все свое время дорогому мне земскому делу. Хотя меня приводит в невольное смущение сознание значения сложности и ответственности предстоящего мне дела, но в то же время меня, отчасти, ободряет уверенность, что собрание, почтившее меня своим избранием, не откажет мне и в будущем в необходимой нравственной поддержке. С своей стороны я поставлю первой своей обязанностью строгим и точным исполнением постановлений и указаний собрания, содействовать укреплению необходимой солидарности между собранием и его исполнительным органом, в чем, несомненно, заключается

главный залог успешного и плодотворного хода и развития земского дела. Еще раз принося глубокую благодарность за оказанную мне высокую честь, прошу у собрания снисходительного отношения к легко возможным и неизбежным ошибкам, в особенности, в первое время предстоящей мне деятельности».

В избранном 5 марта 1893 г. составе губернская управа работала до окончания трехлетия, т.е. до очередной сессии 1894 года, когда А.А.Аверкиев возвратился к исполнению обязанностей председателя клинской управы, а на его место в губернскую управу был избран Н.Н.Хмелев. В этом составе мы работали не одно трехлетие и я навсегда сохранил самые отрадные и благодарные воспоминания о наших товарищеских, искренних отношениях и о нашей дружной работе, посвящаемой всецело и с любовью равно всем нам дорогому земскому делу. За все время нашего сотрудничества не было между нами не только случаев принципиального разномыслия, или каких-либо недоразумений, но не помню даже серьезных разногласий на почве практической работы. Установившиеся между нами отношения в значительной мере облегчали и упрощали нашу работу в управе. Каждый член управы в отведенной ему области пользовался полной самостоятельностью. При разрешении предстоявших ему вопросов он, если не чувствовал сомнения, давал вопросу надлежащее разрешение, подписывал постановление и отсылал его для скрепы моей подписью. Я подписывал такие журнальные постановления, часто их не читая, так как знал и был вполне уверен, что в каждом сомнительном случае каждый член управы, непременно, прежде принятия решения предварительно переговорит со мной. При нашем (двоих) единогласии составлялся журнал за нашими подпи-

сями и остальные члены управы относились к его подписанию формально. Если же между членом управы, заведующим данным отделом, и мной обнаруживалось разномыслие, то мы приглашали одного, двух, редко всех товарищей, и вопрос подвергался коллегиальному обсуждению и разрешению. Периодических собраний управы организовано не было, но мы нередко собирались между собой для товарищеских бесед и в это время обсуждали различные вопросы, выдвигаемые земской жизнью. Наша управа, с уверенностью можно сказать, была коллегией вполне солидарной и дружной.

Извещение о моем утверждении в должности председателя было получено в губернской управе 25 марта и вслед затем я вступил в исправление своих обязанностей. В первое время моей новой деятельности я был очень огорчен, заметив, что многие земские служащие, особенно большая часть лиц, являвшихся руководителями работ в отделах, относились ко мне с известным предубеждением и видели во мне человека, чуждаго установившемуся в их среде пониманию земской работы и с недоброжелательством относящегося к так называемому «третьему элементу». Ко времени моего вступления в управу заведующий ветеринарным отделом, В.Ф.Нагорский, и губернский агроном, В.Г.Бажаев, даже приняли решение оставить земскую деятельность и уже получили назначения по ведомству министерства земледелия. Что было причиной проявившегося настроения, мне было непонятно. Отчасти, может быть, тут играл роль тот факт, что я явился заместителем всеми земскими служащими высокоуважаемого Д.А.Наумова, и это давало повод для предположения, что я содействовал удалению Д.А. и являлся, как бы, представителем той части губернского собрания,

которая, между прочим, отрицательно относилась к положению, предоставленному Д.А. заведующим отделами и санитарному совету. Как выяснилось впоследствии, некоторое влияние оказали также разные слухи и отзывы обо мне некоторых гласных, не сочувствовавших моему избранию. Встретить такое предубежденное настроение мне было очень тяжело, но встреченное мной отрицательное отношение на почве земской работы рассеялось и уступило место тесному сотрудничеству, создавшемуся на основе взаимного уважения и доверия. И я счастлив констатировать, что эта перемена не заставила себя долго ждать. Еще до оставления управы В.Ф.Нагорский и В.Г.Бажаев выразили мне сожаление о слишком поспешно принятом ими решении и о невозможности освободиться от обязательств, принятых пред министерством. Впрочем, В.Г.Бажаев с небольшим через год вернулся к деятельности губернского агронома и продолжал ее исполнение до получения кафедры в киевском политехникуме, а В.Ф.Нагорский в течение ряда лет являлся постоянным консультантом в вопросах, касавшихся ветеринарной организации московского земства. В течение ближайшего времени установились вполне нормальные, доброжелательные отношения между мной и всем составом управы с одной стороны и земскими тружениками — с другой. Я всегда с большим уважением смотрел на работу «третьего элемента» в земстве и это уважение значительно возрастало во мне по мере нашей совместной работы. Большая часть земских работников, которых я застал на службе московского земства, а особенно те из них, на которых лежали наиболее ответственные обязанности, по своему образу мыслей и настроению принадлежали к русской интеллигенции, в среде которой с семидесятых годов проявилось и преобла-

дало идейное народническое настроение. Отличительной чертой их настроения являлось народолюбие. Любовь к народу была для них не пустым звуком, а живым, деятельным чувством и они в своей земской деятельности видели исполнение лежавшего на них нравственного долга. В этом именно сознании и заключалась коренная основа нашего взаимного понимания и нашей солидарности в земской работе. Господствующее в это время в среде земских тружеников настроение очень верно было характеризовано Ф.Ф.Эрисманом в ответном письме его в декабре 1896 г. на приветствие земских врачей, посланное ему в Цюрих после вынужденного оставления им кафедры в московском университете и, одновременно, деятельности в санитарной организации московского земства. Швейцарец по происхождению, Ф.Ф.Эрисман много лет прожил, проработал в России и проникся глубоким пониманием духа земской общественной среды. Он видел в русских людях людей отзывчивых, с теплой душой, с более широким (чем на западе) взглядом на жизнь, идеалистов, проникнутых желанием работать для других, людей, движимых глубокой верой в торжество альтруистических идей. В конце своего письма он говорит: «Дорогие товарищи, держитесь крепко земской идеи, земского дела; лелейте эту идею, сплачивайтесь все крепче и крепче во имя ее, храните ее как зеницу ока, она всегда будет для вас источником радости, она всегда согреет вашу душу, осветит ваш жизненный путь лучезарным пламенем». Однообразное понимание управой и земскими тружениками сущности земской идеи сближало нас в нашей работе и являлось в высшей степени благоприятным для нее условием. Настроение, которое при моем вступлении в губернскую управу я застал господствующим

среди земских служащих, сохранилось в значительной мере в течение всего времени моей службы в губернском земстве, но за последние годы, насколько могу судить, наблюдая со стороны, в настроении этой среды произошло, к сожалению, заметное изменение под влиянием получившей большое распространение вообще в кругах нашей интеллигенции идеологии марксизма.

Одиннадцатилетняя работа в московском губернском земстве доставляла мне большое удовлетворение, являясь для меня практическим нравственным делом, отвечающим моему жизнепониманию и устанавливающим внутреннее равновесие в человеке. До конца дней моих сохраню чувство искренней, горячей благодарности к московскому губернскому земскому собранию, оказавшему мне высокое доверие, в котором, в течение всего периода моей деятельности в должности председателя губернской управы, я находил незаменимую нравственную поддержку, а равно ко всем товарищам моим и сотрудникам в земской работе.

Глава II

Мое понимание земской идеи и задач, преследуемых земством. Организация взаимодействия земских учреждений московской губернии. Разрешение в московском земстве вопроса о взаимных отношениях между губернским и уездными земствами.

Я всегда понимал земскую идею, как идею этико-социальную, призывающую всех членов земских союзов к выполнению требований общественной правды и справедливости, требований нравственного долга. Лежащие в основе всех социальных отношений и установленные жизнью — право собственности на землю и капиталистический строй промышленности и торговли обусловливают неизбежность неравномерного распределения средств, необходимых для удовлетворения потребностей всех людей, и земские союзы, по моему убеждению, имеют главной своей задачей постепенное ослабление исторически сложившейся социальной несправедливости. Каждый член земского союза должен участвовать в образовании необходимых земству средств и уплачивать земские налоги пропорционально своим капиталу и доходу, а при распределении собранных таким путем средств земские учреждения в своей деятельности должны иметь в виду, преимущественно, обездоленные классы, не имеющие возможности получать необходимое удовлетворение своих культурных и материальных потребностей по недостатку собственных средств. В земском общественном деле недопустимо условие, при котором плательщики земских сборов считали бы себя в праве предъявлять земскому союзу требование, чтобы каждый его член пользовался выгодами, доставляемыми на общие средства, пропорцио-

нально уплачиваемой им сумме сборов; такое условие противоречит духу общественной солидарности и придавало бы земскому делу характер хозяйственного, коммерческого предприятия. Лица и классы общества, в руках которых при существующем социальном строе сосредоточиваются более или менее крупные средства, не могут не признавать нравственной своей обязанности уделять часть своих избытков на удовлетворение потребностей значительной массы населения, страдающей от несправедливо сложившихся социально-экономических условий жизни. На этом же основании вполне справедливы и принципиально необходимы участие городов в составе земских учреждений и привлечение городских имуществ к земскому обложению. Города являются средоточием буржуазных классов, сложившихся на почве существующего социального строя, и привлечение владельцев городских имуществ, наравне с владельцами промышленных предприятий и крупными землевладельцами, к образованию средств, необходимых для удовлетворения насущных потребностей основной массы населения страны, вызывается требованиями элементарной справедливости.

Земство является общественным союзом всего населения данной местности и в правильном развитии земской деятельности заинтересовано все население. В силу этого нельзя не признать, что принципиально право участия в земских учреждениях должно принадлежать всем, живущим на территории данной земской единицы, путем общего и равного участия в избрании земских гласных. Однако, при сложившемся укладе всей общественной жизни, столкновение классовых интересов с одной стороны, и с другой — недостаточное проникновение в сознание людей значения

нравственных идей, как идей, руководящих личной и общественной деятельностью, приводят к практическому заключению, что активное участие в выборе гласных при данных условиях целесообразнее предоставить лишь плательщикам земских сборов. Но, допуская такое ограничение, я полагаю, что активное избирательное право должно быть предоставлено всем плательщикам земских сборов, независимо от размера оклада, и что к земскому обложению должно быть привлечено, кроме владельцев недвижимых имуществ, большинство остального населения посредством установления в пользу земских учреждений налогов квартирного или подоходного при очень низком existenz-минимуме. Что касается пассивного избирательного права, как при выборе гласных, так и при избрании лиц на земские должности, то тут не должно быть места для каких-либо ограничений.

Земское дело по существу и характеру своему не может быть сравниваемо с делом хозяйственным, коммерческим. Земское дело не базируется на основном капитале и совершенно не преследует цели получения прибыли от своей деятельности. Затем, в частном хозяйстве и в каждом коммерческом предприятии необходимо все предстоящие расходы ограничивать размером средств, находящихся в распоряжении владельцев; в земском же деле раз известная общественная потребность назрела, то вызываемый ее удовлетворением расход должен быть вносим в земские сметы и необходимые средства должны быть покрыты увеличением земского обложения. При этом представляется лишь важным соблюдение следующих условий: во-первых, вновь выдвигающаяся земская потребность должна быть предварительно выяснена тщательным и объективным исследованием, а необходимость ее удовлетворения опреде-

ленно сознана земской средой; во-вторых, для новой потребности нужно путем всестороннего изучения выработать соответствующий план действий в целях возможно полного и справедливого ее удовлетворения при наименьшей затрате средств; в-третьих, расходы на капитальные затраты, предназначаемые служить удовлетворению нужд не только данного времени, но и интересам последующих поколений, следует производить не за счет текущих средств, а путем займов с постепенным их погашением ежегодными сметными ассигнованиями.

Земская общественная работа по существу своему должна быть работой коллективной и совершаться в планомерном взаимодействии всех элементов, призванных к участию в ней. Так как Положением о земских учреждениях 12-го июня 1890 года заведование удовлетворением земских потребностей было возложено в каждой губернии на обязанность губернского и уездных земств, то согласованность их образа действий являлась одним из главных условий успешности развития и осуществления земских мероприятий. Во внутренней жизни каждого земства очень большое значение имеет характер отношений между распорядительным и исполнительным органами земского управления. Если земское собрание получает в докладах и объяснениях управы все данные, необходимые для всестороннего ознакомления со всеми отраслями земского дела, и если земские гласные принимают деятельное участие в различных комиссиях и советах при управах, то собрание сохранит живой интерес к порученному ему делу и явится действительным его руководителем. Если управа будет проявлять широкую инициативу в развитии земских начинаний, будет вызывать соответствующие постановления собрания и при их выпол-

нении действовать в пределах предоставленных ей собранием полномочий, то между собранием и управой установятся столь необходимые взаимное доверие и плодотворное сотрудничество.

В земском деле значительная часть общей ответственной работы выпадает на долю земских служащих, людей специальных знаний. Правильная постановка отношений между избранными представителями земства и земскими работниками, приглашаемыми управами, имеет особенно важное значение для целесообразного направления и успеха земского дела. Для того чтобы работа так называемого «третьего элемента» явилась наиболее плодотворной, необходимо, чтобы положение, этим лицам предоставленное, и работа, ими выполняемая, давали им моральное удовлетворение, и чтобы работа их проходила в таких условиях, которые обязывали бы их работать не за страх, а за совесть. В этих целях им должно быть предоставлено право инициативы в вопросах по их специальности; они должны быть привлекаемы к выяснению земских потребностей и к выработке планов и способов их удовлетворения; они должны входить в состав состоящих при управах советов по различным специальностям и, наконец, они должны объединяться в корпоративных организациях, так как это условие лучше всего воспитывает в их среде чувства общественной солидарности и моральной ответственности за свои действия. Вообще в основу всей земской деятельности должно быть положено постоянное стремление к тесному, основанному на взаимном доверии, единению всех элементов и сил, призванных к участию в земской работе.

Я изложил мое понимание земской идеи и основ постановки земского дела, понимание, с которым я вступил в

исправление обязанности председателя московской губернской управы и которое укрепилось и развилось во мне за время моей деятельности в московском губернском земстве, а теперь перехожу к некоторым вопросам, связанным с этой деятельностью. Характерной чертой деятельности московского губернского земства с самого начала ее возникновения является широкое содействие уездным земствам в их начинаниях. Содействие это выражалось в самых разнообразных формах и касалось почти всех отраслей земского дела, причём в основу своего содействия губернское земство всегда полагало сохранение самостоятельности уездных земств. Содействие уездам проявилось с первых лет введения земских учреждений и еще в то время, когда средства губернского земства были крайне ограничены. Московское губернское земство всегда усматривало во взаимодействии губернского и уездных земств необходимый залог успешного развития земской жизни, но в первые годы это взаимодействие не получило еще надлежащей организации. Губернская управа в новом составе, избранном в марте 1893 года, имея в виду многочисленные запросы, выдвинутые жизнью и требовавшие широкого развития земской деятельности, сочла одной из главных и ближайшей своей задачей содействовать установлению более тесного взаимодействия всех земств губернии и обеспечить ему необходимую планомерность. В этих целях 15 апреля 1893 г. в губернской управе состоялось совещание с председателями уездных управ, на котором было признано желательным, чтобы такого рода совещания для разрешения вопросов, имеющих общее значение для всех земских управ губернии, получили постоянную организацию и созывались периодически через каждые два месяца и, кроме того, по мере надобности по

усмотрению губернской управы. Инициатива возбуждения вопросов, подлежащих обсуждению совещания, была предоставлена как губернской, так равно и уездным управам. С тех пор совещание председателей земских управ действовало как постоянное учреждение, и, несомненно, в значительной мере содействовало укреплению связи в работе губернского и уездных земств. Сначала новая организация встретила в среде губернского земского собрания со стороны некоторых гласных несочувственное отношение; гласные, по-видимому, опасались, чтобы заключения совещания председателей управ не явились как бы предрешением вопросов, подлежащих обсуждению в собрании, но в непродолжительном времени такого рода опасения рассеялись и собрание очень часто возлагало на совещание председателей поручения по многим существенным вопросам.

Содействие губернского земства уездным осуществлялось путем выдачи безвозвратных пособий и беспроцентных ссуд. Возврат последних производился очень неисправно, и значительная часть срочных платежей оставалась за уездами в недоимках. Кроме того, многие уездные управы, получая губернский земский сбор, не передавали его своевременно по назначению и удерживали поступавшие суммы для покрытия текущих расходов уездного земства. Такой порядок в денежных расчетах вызывал в губернском собрании неоднократно выражение возмущения и недовольства. Губернское собрание часто делало постановления в целях побуждения уездных земств урегулировать выполнение своих обязательств и поручало губернской управе изыскивать меры для упорядочения денежных расчетов с уездами. Когда в губернском собрании возникал вопрос о расчетах с уездами, то мне всегда представлялось бесспорным, что

неисправность уездных земств не может быть преднамеренной, не зависит от воли уездных управ, а вызывается исключительно недостатком денежных средств в распоряжении уездных управ. Этот недостаток в свою очередь находился в зависимости, с одной стороны, от зачисления в земские сметы доходов таких статей, как, например, недоимки земских сборов и свободная наличность сумм, которые должны служить покрытием обязательств земства за прежнее время, а с другой — ведением земствами различных оборотов, не связанных с текущей сметой, и в размерах, не соответствующих имеющемуся в распоряжении земства запасу оборотных средств.

Одним из необходимейших условий успешного ведения земского хозяйства, как и вообще всякого более или менее крупного дела, является правильная постановка счетоводства. Существовавший до 1893 года в губернской и уездных управах московской губернии порядок счетоводства совершенно не соответствовал особенностям и требованиям земского дела и не открывал возможности судить о том, в каком соответствии к началу и концу каждого отчетного периода находится итог всех средств, которыми располагает земство, со всеми его обязательствами. Ввиду этого губернская управа признала необходимым применить в своем счетоводстве систему двойной бухгалтерии и предложила совещанию председателей управ эту же систему ввести, начиная с 1894 г., во всех уездных управах. Совещание с этим предложением согласилось, а губернское собрание в очередной сессии 1893 г. одобрило предложение губернской управы и совещания председателей управ и поручило губернской управе пригласить бухгалтера, специалиста двойного счетоводства, для руководства и однообразного введе-

ния нового порядка счетоводства в уездных управах. В следующем году все уездные собрания с своей стороны отнеслись сочувственно к предложению совещания председателей управ. Вскоре по введении нового порядка счетоводства губернскому собранию выяснилось определенно, что исправность возврата заимствуемых уездами из губернской кассы сумм находится в прямой зависимости от финансового положения уездных земств, и собрание поручило совещанию председателей земских управ выработать меры, обеспечивающие необходимое равновесие между средствами и обязательствами каждого земства. Совещанием был выработан порядок составления ежегодных балансов и был предложен ряд мер для установления и сохранения необходимого равновесия между активом и пассивом и, между прочим, было проектировано правило, чтобы в смету доходов на предстоящий год не зачислялись ни недоимка земских сборов, ни свободная наличность, а лишь тот свободный остаток, который по последнему балансу представляет превышение всех средств земства над его обязательствами. В очередной сессии 1897 года предложенные совещанием председателей меры были утверждены губернским и всеми уездными собраниями. Таким образом была исключена возможность ухудшения финансового положения земств путем несоответствующего интересам дела составления доходных смет и был установлен порядок составления ежегодных балансов, открывавший возможность каждому земству иметь отчетливое представление о своем финансовом положении. В дальнейшем на ухудшение денежного хозяйства уездных земств могли иметь влияние лишь допускаемые управами перерасходы при исполнении смет и развитие непредусматриваемых сметами разных оборотов в

размере, превышающем накопленный земством запас оборотных средств. Губернская управа придавала особенно важное значение упорядочению счетоводства, как в губернской, так и в уездной управах, усматривая в этом необходимое условие успешного развития земской деятельности в губернии, возможного лишь при широком субсидировании уездных земств губернским.

В течение первого тридцатилетия своей деятельности московское губернское земство проявляло свое содействие уездным земствам в пределах норм, однообразно устанавливаемых для всех уездов губернии, не принимая во внимание степени обеспеченности их местными средствами. Такая равномерность не представлялась, конечно, вполне справедливой и не могла обеспечивать равномерное удовлетворение потребностей населения всей губернии. Это неблагоприятное условие сознавалось губернским собранием давно и уже в 1878 году, приступая к активным мероприятиям в деле обеспечения народного здравия, собрание впервые внесло в свою смету 18.000 р. на устройство и содержание лечебницы «в одном из беднейших уездов». Этим же принципом собрание руководилось и впоследствии при устройстве сети губернских лечебниц в уездах; но назначение денежных пособий всем уездам производилось до 1896 года на прежнем основании.

В очередной сессии 1894 года губернская управа докладывала собранию о работах организованного собранием совещания по вопросам народного образования и, между прочим, представила доклад подготовительной комиссии[1],

1 Докладчиком был Д.А.Наумов.

одобренный совещанием — «о мерах, необходимых для того, чтобы сделать начальное обучение доступным для всего населения губернии». К докладу был приложен проект сети школьных районов, согласно которому признавалось нужным открыть в губернии вновь 223 нормальных училища и 101 филиальное отделение. Представляя этот доклад, губернская управа с своей стороны говорила, что губернское земство не может ограничиться только теоретической разработкой вопроса и, несомненно, признает необходимым принять материальное участие в предстоящих всем земствам губернии расходах по осуществлению проектированной сети училищ. Участие губернского земства представлялось особенно необходимым, потому что суммы доходности имуществ, облагаемых уездными земствами, очень различны в разных уездах и в некоторых из них, в которых доходность облагаемых имуществ не велика и в которых существовал уже очень высокий процент земского обложения, для осуществления общедоступности обучения нужно было бы удвоить ассигновку на народное образование, что являлось для них совершенно непосильным. Значительная разница по отдельным уездам в суммах доходности имуществ, подлежащих обложению, обусловливается, главным образом, тем, насколько в том или другом уезде источником обложения являются земля или фабрики и заводы. Земские потребности в уездах не умаляются при отсутствии фабрик и заводов, а отсутствие последних вызывает необходимость значительного увеличения процента обложения других видов имуществ. В то же время, при существующем порядке обложения имуществ земскими сборами, создается большая неравномерность в обложении фабрик и заводов на территории всей губернии. Фабричные и заводские предприятия

концентрируются около г. Москвы и некоторых других промышленных пунктов губернии и в этих уездах, вследствие обилия источников обложения, процент его не высок; так, в 1895 г. в московском уезде, например, он был определен в 4 3/4%, тогда как в то же время немногочисленные фабрики и заводы, находящиеся в уездах, отдаленных от промышленных центров, были обложены высоким сбором, доходившим до 17 1/2%. При этом надо иметь в виду, что оценка фабрик и заводов, а также и земель, производилась преимущественно по нормам, выработанным губернским земством.

Мне всегда представлялось и теперь я держусь того же мнения, что предоставление земским учреждениям права обложения заводов и фабрик в зависимости от их местонахождения противоречит требованиям общественной справедливости. Неравномерность распределения этих объектов обложения, указанная по отношению уездов московской губернии, имеет не меньшее значение по отношению земств различных губерний. Наличность промышленных заведений в той или другой местности имеет для земских учреждений случайный характер, а, между тем, население всей страны вправе требовать равного удовлетворения своих земских потребностей, при равном по возможности напряжении всех земских плательщиков. Достигнуть этой цели было бы возможно в том случае, если обложение всех промышленных предприятий и отчисления, которые должны быть уделяемы земским учреждениям от всех видов промыслового обложения, сосредоточивались бы в каком-либо центральном государственном учреждении и затем поступившие суммы подлежали бы распределению между всеми губернскими земствами, на основании установленных для

того норм, принимая во внимание обеспеченность земств источниками местных средств, напряженность их плательщиков, интенсивность земской деятельности и т.п. условия. Распоряжение получаемыми таким образом средствами или распределение их между уездами в каждой губернии могло бы быть предоставлено губернскому земству по соглашению с уездами. Но, пока вопрос этот не получит своего разрешения в законодательном порядке, мне казалось возможным применить этот принцип при обложении промышленных заведений в пределах одной губернии.

Мои товарищи по управе согласились с изложенными мной соображениями и губернская управа признала желательным предложить губернскому собранию одобрить принцип равномерного обложения всех фабрик, заводов и промышленных заведений в московской губернии, сосредоточить их обложение в губернском земстве и таким путем получить источник средств, необходимых для осуществления общедоступности начального обучения. В заключение своего доклада губернская управа просила собрание дать ей поручение разработать указанный вопрос в подробностях и представить о том доклад следующему очередному собранию. Губернское собрание 20 января 1895 г. признало нужным передать проект сети училищ и финансовые предположения губернской управы на предварительное рассмотрение уездных собраний.

Вопрос об общедоступности начального обучения был рассмотрен и разрешен губернским собранием в экстренной сессии в апреле 1896 г. Губернская управа, ввиду того, что её предположения о равномерном обложении всех промышленных заведений губернии не встретили сочувствия в некоторых уездах и что осуществление этого проекта со-

пряжено с затруднениями формального порядка, представила собранию иной финансовый план содействия губернского земства уездным. В своем докладе губернская управа привела сведения — о населении уездов, о доходности земель и других имуществ, облагаемых в каждом из уездов, о расходах, внесенных в уездные сметы на 1896 г., о существующих процентах обложения и о новых расходах, предстоящих по осуществлению проектированной сети училищ по каждому уезду. Приведенные данные свидетельствовали о значительном различии в положении уездов; так, например, в московском уезде на одного жителя приходилось 31 руб. 27 коп. доходности имуществ, облагаемых земским сбором, и при 4$_{3/4}$% обложения расходовалось на удовлетворение земских потребностей каждого жителя 2 руб. 01 коп., а в волоколамском уезде приходилось на каждого жителя 3 руб. 16 коп. доходности и 68 коп. земских расходов при обложении в 17$_{1/2}$%. Новые расходы для осуществления общедоступности обучения вызывали увеличение процента обложения в московском уезде на 0,$_{144}$%, а в волоколамском на 3,$_{021}$%. Эти условия с убедительностью свидетельствовали, что губернское земство обязано построить свое содействие так, чтобы по возможности регулировать существующую неравномерность в условиях земской жизни уездов и в удовлетворении потребностей населения всей губернии; в этом губернская управа видела одну из главнейших задач губернских земств и цель их существования в качестве крупных земских единиц. На основании приведенных в докладе данных управа предлагала признать, — что 5 уездов имеют возможность осуществить проектированную сеть училищ самостоятельно, что 2 уезда могут получить пособия губернского земства после того, как они откроют на свои

средства — одно пять новых училищ и другое два, и что остальным 6 уездам пособия должны быть ассигнованы по мере осуществления ими нового проекта. Величину пособий управа предложила определить в размере 80% предстоявших каждому уезду новых расходов; при этом условии 8 уездам, при получении пособий губернского земства, предстояло увеличить процент уездного обложения на 0,426% в среднем, а в 5 уездах, не получающих губернских пособий, предстоявшее увеличение обложения определялось в среднем в 0,267%. Субсидии, назначаемые губернским земством, по мнению губернской управы, должны были поступать в полное распоряжение уездных земств. Проектируемым пособиям управа предлагала присвоить имя Д.А.Наумова, скончавшегося летом 1895 г. Губернское собрание одобрило все предположения управы и этим постановлением была положена основа содействия уездным земствам в зависимости от их обеспеченности местными источниками средств. С этого времени установленный принцип проводился московским губернским земством последовательно во всех областях его взаимодействия с уездными земствами, причём размер пособий все более индивидуализировался, согласно особенностям условий каждого уезда, и принимались во внимание постепенные изменения, происходящие в этих условиях. Этот же принцип был применен губернским собранием в очередной сессии 1898 г. при утверждении правил пользования уездными земствами кредитом из запасного капитала губернского земства. На основании этих правил каждому уезду был открыт беспроцентный кредит в размере до 75.000 рублей, но сроки возврата заимствуемых сумм установлены различные — 4, 6, 8, 10, 12 и 15 лет, соответственно суммам доходности имуществ, привлекае-

мых к обложению; чем больше доходность, тем короче срок возврата.

Упорядочением счетоводства, предоставлением значительного беспроцентного кредита и установлением принципа оказывать свое содействие преимущественно уездам, ощущающим особенно остро недостаток местных средств, губернское земство создало благоприятные условия для своего взаимодействия с уездными земствами и вызвало усиленное развитие земской деятельности в губернии. Но для успешного развития земских мероприятий и для достижения намечаемых целей при наименьшей затрате сил и средств необходимо, чтобы работа губернского и уездных земств руководилась всегда определенной системой, твердо установленными правилами. Это условие нужно не только для обеспечения планомерности земской деятельности, но и для сохранения всегда устойчивого равновесия в финансовом положении земства. При выработке системы действия в той или другой отрасли земского дела необходимо одновременное составление финансового плана удовлетворения данной потребности, принимая во внимание как имеющиеся в распоряжении земства средства, так и обеспечение своевременного притока новых средств. Определяемые при составлении плана нормы расходов, пособий и ссуд не должны подвергаться затем увеличениям случайного характера, а если установленные нормы окажутся со временем недостаточными, то их увеличению и применению новых норм должны непременно предшествовать всестороннее освещение вопроса и составление нового финансового плана. Предварительная разработка такого рода вопросов по характеру своему должна быть отнесена к кругу обязанностей губернских земств, что не исключает, конечно, инициа-

тиву уездных земств в возбуждении новых вопросов. Руководящие правила, вырабатываемые губернским собранием, состоящим из представителей уездных земств, не могут рассматриваться последними, как положения, составленные посторонним для них учреждением. Проектируемые правила в зависимости от их существа и значения прежде их утверждения губернским собранием, должны быть передаваемы на предварительное заключение уездных собраний и они, в сущности, являются плодом коллективной работы губернского и уездных земств. Только при условии постановки земского дела на твердых началах и ведения его по определенной системе деятельность уездных земств будет обеспечена от случайных местных влияний.

Изложенными соображениями всегда руководилась губернская управа и, внося в течение первых лет своей деятельности на одобрение собрания целый ряд проектов правил, регулирующих содействие губернского земства уездным, губернская управа всегда высказывалась за установление порядка, в силу которого пособия и ссуды выдавались бы уездам лишь при условии соблюдения ими одобренных губернским собранием оснований и собрание с этим соглашалось. Соблюдение этого условия обеспечивает устойчивость положения финансового хозяйства губернского земства, но, кроме принципиальных соображений, губернская управа придавала особенное значение этому условию еще и потому, что с 1892 г. к обложению губернским земским сбором были привлечены все имущества в г. Москве. Признавая справедливость и принципиальную необходимость привлечения г. Москвы к уплате земских сборов, мы в то же время стремились к тому, чтобы содействие губернского земства уездным определялось в преде-

лах действительной потребности дела, несомненным недостатком местных средств и чтобы широко развиваемое содействие уездам не послужило поводом для переложения уездных расходов на губернскую кассу, пополняемую в значительной мере обложением г. Москвы, на которую действие общих правил о содействии губернского земства не распространялось.

Наши предчувствия и опасения в этом отношении не оказались неосновательными и попытки представителей уездных земств возбуждать в губернском собрании ходатайства и вызывать их разрешение в противоречие установленным правилам не замедлили проявиться и с каждым годом усиливались. Такой образ действий получил особенно значительное применение во время очередной сессии 1897 года. Привожу несколько примеров: 20 января 1895 г. губернское собрание утвердило выработанные совещанием по народному образованию правила о приплатах из средств губернского земства к жалованию учителей и учительниц и постановило ввести их в действие с 1-го января 1896 г. § 3-й этих правил устанавливал, что приплатами могут пользоваться только лица, получающие из местных средств жалованья не менее 200 р. и имеющие необходимый образовательный ценз. Можайское собрание в очередной сессии 1897 г. определило жалованье помощницам учителей в 180 руб. и возбудило ходатайство о назначении 7 помощницам приплаты из губернских средств по 20 р. Губернская управа в своем докладе и в губернском собрании выяснила противоречие этого ходатайства недавно установленным правилам и указывала на отсутствие у некоторых из указанных учительниц образовательного ценза, но губернское собрание тем не менее постановило большинством голосов выдать

испрашиваемую приплату, не принимая даже во внимание образовательного ценза этих учительниц. Ничтожность разрешенной ассигновки (140 р.), покрыть которую из уездных средств не могло быть затруднительным, еще более подчеркивало принципиальный характер уездного ходатайства и постановления губернского собрания. — Второй пример: 20-го же января 1895 г. были утверждены правила, определяющие условия и размер пособий и ссуд, выдаваемых губернским земством на постройку сельских училищ. В очередной сессии 1897 г. три уездные собрания возбудили вопрос об увеличении размера пособий и ссуд на постройку школьных зданий «до действительной потребности, определяемой на основании исполнительных смет», как говорилось в докладе одной уездной управы. Губернская управа обращала внимание на то, что, во-1-х, при установлении размера пособий и ссуд имелось в виду не покрытие из губернских средств всей стоимости постройки училищ, а лишь содействие местной инициативе, и что, во-2-х, со времени утверждения правил прошли только 2 года и за этот срок строительная стоимость не могла значительно возрасти. Кроме того, губернская управа просила принять во внимание, что фонд для выдачи ссуд уже в значительной мере исчерпан, наличность его недостаточна даже для удовлетворения всех предъявленных ходатайств в пределах установленных норм и что, во всяком случае, вновь возбужденный вопрос должен быть предварительно передан на рассмотрение и обсуждение совещания по вопросам народного образования. Однако, несмотря на доводы губернской управы, собрание постановило увеличить размер ссуд вдвое против установленного правилами размера. При обсуждении такого рода вопросов представители уездов во время происходивших

прений указывали на то, будто губернская управа не прислушивается к голосу жизни, стремится к опеке и посягает на самостоятельность уездных земств. Ввиду таких заявлений характерное значение получило постановление собрания по следующему поводу. В докладе «о содействии сельскому хозяйству» губернская управа между прочим, приведя сведения о сельскохозяйственных мероприятиях можайского земства, сведения, служившие убедительным доказательством, что агрономическая деятельность развивалась в уезде успешно, сообщала о постановлении уездного собрания, отклонившем все предложения уездной управы и уничтожившем должность уездного агронома. Никаких мотивов для такого постановления ни в журнале собрания, ни в сообщении уездной управы изложено не было. Губернская управа, принимая во внимание, что местное население, в среде которого заметно развивалось стремление к введению правильного травосеяния, будет лишено необходимой ему помощи, предлагала губернскому собранию просить можайское уездное собрание пересмотреть свое постановление об упразднении должности уездного агронома. Председатель можайской управы и губернские гласные этого уезда заявили, что для них обсуждаемое постановление уездного собрания явилось неожиданностью, но они не пожелали сообщить содержание происходивших по этому поводу в уездном собрании прений. В предложении губернской управы трудно было усмотреть желание чем-либо нарушить самостоятельность уездного земства, но некоторые гласные возражали против попытки «вторжения губернского земства в домашнее уездное хозяйство», и предложение губернской управы было собранием отклонено.

В очередной сессии 1897 г. предстояло переизбрание всего состава губернской земской управы. При подаче записок кандидатом на должность председателя большинство наметило меня. Прежде чем подвергнуться баллотировке, я обратился к собранию с речью, в которой отметил, что по всем вопросам губернского хозяйства губернская управа во время происходившей сессии находила поддержку в собрании, но по вопросу об отношении губернского земства к уездным неоднократно делались указания, что деятельность губернской управы посягает на самостоятельность уездов, присваивает себе роль опеки. Я говорил, что товарищи мои по управе и я считаем себя людьми земскими и такие указания не могут не быть для нас весьма тяжелыми. Считая необходимым устранить на будущее время возможность недоразумений и не желая оставлять чего-либо в возникшем вопросе невыясненным и недоговоренным, я подробно изложил перед собранием мое понимание вопроса о взаимных отношениях между губернским и уездными земствами. Высказав убеждение, что исполнительный орган только тогда в состоянии выполнить свою задачу, если между ним и собранием существует полная солидарность, я просил гласных принять во внимание при баллотировке все мною изложенное и закончил словами: «Мне приятнее быть не выбранным, если мои мысли не разделяются многими гласными, чем быть избранным и впоследствии не найти нравственной поддержки со стороны большинства собрания». После этого происходила баллотировка, и я был избран большинством 35 шаров против 19. Члены управы были избраны большинством 40—50 голосов, причём на место А.Ф.Шнейдера, принужденного тяжелым нездоровьем оставить земскую службу, был избран Ф.А.Головин.

По окончании сессии товарищи мои по управе и я полагали, что представленными мною объяснениями и последовавшим затем нашим переизбранием, по-видимому, устранена возможность неправильного понимания большинством собрания характера и программы нашей деятельности в области отношений губернского земства к уездным, и надеялись, что в будущем не будут иметь места постановления собрания, которыми нарушается необходимая планомерность в земской деятельности, и что мы не услышим более на собрании обвинений в посягательстве на самостоятельность уездных земств. Но наши надежды, однако, не оправдались. Во время следующей очередной сессии 1898 года нарушения и отступления от действующих правил, утвержденных собранием, были многочисленнее, а обвинения, предъявлявшиеся представителями уездов, высказывались в более резкой форме. Приведу опять несколько примеров.

В основу утвержденных губернским собранием в очередной сессии 1894 г. правил выдачи приплат учительскому персоналу было положено установление нормального учительского оклада во всей губернии, чтобы создать во всех уездах одинаковые условия вознаграждения и предупредить тем переход учителей из одного уезда в другой в целях получения повышенного вознаграждения. § 2 правил устанавливал, что приплаты губернского земства выдаются «с таким расчетом, чтобы величина уездного жалованья вместе с приплатой из губернских средств не превышала 360 руб.; в тех же случаях, когда величина уездного оклада выше 240 р., приплата из губернских средств выдается в размере добавочном до 360 рублей». 3-го февраля 1898 г. собрание единогласно постановило изменить редакцию § 12 тех же правил так: «Тем учителям и учительницам, которые,

хотя по новым правилам не имели бы права на приплаты, однако уже получали их ко времени введения сих правил в действие, или же поступили на службу ранее их введения, производить выдачу приплат на основаниях, предусматривавшихся прежними правилами». Коломенское уездное собрание по предложению уездной управы в 1898 году пожелало увеличить жалованье учительскому персоналу, доведя его до 450 р., и для того определило оклад из своих средств в 330 р., рассчитывая получать от губернского земства приплату в размере 120 руб., которую ранее учителя уезда получали при уездном окладе в 240 руб., но губернская управа на точном основании § 2-го правил сделать это сочла для себя не в праве. 8 уездных собраний в том же 1898 году возбудили ходатайство об изменении приведенного постановления губернского собрания 3-го февраля 1898 г. в смысле восстановления приплат из губернских сумм указанным в нем преподавателям в размере 100 рублей. Тот факт, что ходатайство это было возбуждено 8 собраниями, обусловливался тем, что звенигородская управа, которой принадлежала инициатива в возбуждении вопроса, минуя губернскую управу и совещание председателей управ, разослала свой доклад во все уездные управы губернии с просьбой возбудить аналогичные ходатайства от своих собраний. Губернская управа, имея в виду возбужденные уездами ходатайства, внесла в губернское собрание предложения: 1) поручить губернской управе, совместно с комиссией по народному образованию, к будущей очередной сессии пересмотреть действующие ныне правила, и 2) ходатайства 8 уездов впредь до пересмотра и изменения правил оставить открытыми. Губернское собрание приняло 1-е предложение и отклонило 2-е, т.е. удовлетворило хода-

тайства 8 уездов. Вместе с тем собрание, по предложению председателя коломенской управы, постановило сохранить на 1898 год прежние приплаты учителям коломенского уезда, хотя губернская управа обращала внимание собрания, что такое постановление предрешает разрешение общего вопроса, так как нельзя будет учителям, получавшим в течение года 450 р., убавить затем оклад до 360 рублей. Во время происходивших прений некоторые гласные говорили, что «губернскою управою парализуются все попытки уездных земств улучшить материальное положение учителей», что «уездное земство просит не о помощи, а лишь о том, чтобы не вредили интересам его учителей» и т.п.

Коломенское собрание в 1898 г. возбудило ходатайство о выдаче ему в ссуду 53.629 р. 26 коп., с возвратом в течение 8 лет, на благоустройство лечебных заведений уездного земства, причём, как видно было из доклада уездной управы и журнала уездного собрания, в основу погашения испрашиваемой ссуды полагалось сохранение существовавшего в уезде сбора с амбулаторных больных. Губернское земство и губернские съезды врачей всегда держались принципа бесплатного лечения населения, старались проводить сознание этого принципа среди уездных земств и к 1898 году больничный сбор сохранился лишь в двух уездах. Руководствуясь усвоенным губернским земством принципиальным пониманием данного вопроса, губернская управа предложила губернскому собранию удовлетворить ходатайство уездного земства, но при условии изменения им оснований погашения ссуды. В губернском собрании представители губернской управы указывали, что без предлагаемой оговорки удовлетворение ходатайства явится санкцией сохранения в части губернии больничного сбора на 8 лет, и

предлагали изменить редакцию своего предложения, оговорив только, что выдача и возврат ссуды не должны быть поставлены в связь с сохранением сбора. Таким образом, губернская управа предлагала удовлетворить ходатайство уезда, не настаивая на отмене больничного сбора, а лишь подчеркнув принципиальную точку зрения губернского земства, но губернское собрание удовлетворило ходатайство уезда, исключив оговорку, предложенную управой.

Звенигородская управа докладывала уездному собранию о перерасходе, оказавшемся при ремонте городской больницы, цифра которого не могла быть определена ко времени созыва уездного собрания, но ожидалась в размере не менее 4.000 рублей. Управа предполагала покрыть эту сумму из остатков от исполнения общей земской сметы за 1898 год и в то же время предлагала ходатайствовать для той же цели о ссуде 1.000 руб. от губернского земства. Уездное собрание согласилось с предложением управы и уполномочило ее воспользоваться ссудой, если остатков от сметы 1898 г. будет недостаточно для покрытия расходов по ремонту больницы. В очередной сессии 1897 г. звенигородское собрание приняло предложения доклада совещания председателей управ «по вопросу об урегулировании исправности возврата заимствованных уездными земствами из губернской земской кассы сумм». 4-й пункт принятых собранием положений установил правило, «что все свободные остатки от заключения смет до тех пор, пока в балансе уездного земства будет значиться дефицит, должны обращаться на пополнение этого дефицита». На 1-ое января 1898 г. дефицит звенигородского земства превышал 17.000 р. и потому отнесение на свободные остатки от сметы 1898 г. расходов по ремонту лечебницы составляло нарушение

установленного порядка, являвшегося основой для урегулирования денежных расчетов губернского земства с уездными. Губернская управа в своем докладе говорила, что звенигородскому земству следует ходатайствовать о выдаче ему в ссуду всей суммы расходов, вызываемых ремонтом больницы, и, идя таким образом навстречу возможно целесообразному удовлетворению нужд уезда, предлагала ходатайство его о ссуде 1.000 руб. отклонить. Председатель уездной управы отстаивал правильность действий звенигородской управы, утверждая, что свободными остатками должно считаться то, что действительно остается, а не то, что могло бы остаться, и губернское собрание признало возможным, при таком очевидном нарушении установленного условия, удовлетворить ходатайство о ссуде 1.000 рублей.

Очень характерным для освещения отношений уездных земств к губернскому явилось разрешение вопроса о содержании 20 училищ, учрежденных в ознаменование бракосочетания Государя Императора. Во время экстренной сессии в июне 1894 г. возник вопрос об ознаменовании предстоящего радостного события бракосочетания Наследника Российского Престола. Избранная собранием комиссия и губернская управа полагали, что московскому земству следует учредить 20 народных училищ, дело, в котором могут принять участие как губернское, так и уездные земства. При частном обмене мнений с председателями управ, присутствовавшими в губернском собрании, выяснилось, что если училищные здания будут построены губернским, то уездные земства, несомненно, примут содержание школ на местные средства обычным порядком. Однако, так как этот последний вопрос мог получить формальное разрешение только в очередных уездных собраниях, то комиссия и

губернская управа предложили губернскому собранию, сделав постановление об учреждении школ и не имея еще постановлений уездных собраний, поручить губернской управе внести в смету на 1895 г. суммы, необходимые на содержание училищ, и войти в соглашение с уездными земствами об их доле участия в предстоящих расходах. Вопрос об участии уездных земств в содержании вновь учреждаемых 20 училищ был предметом обсуждения совещания председателей управ 3 сентября 1894 г., на котором присутствовали представители всех уездов. Совещание единогласно признало желательным, чтобы в содержании этих школ уездные земства приняли такое же участие, как это делается ими по отношению ко всем школам уезда. В докладе совещания по вопросам о народном образовании, представленном очередному собранию 1894 г., говорилось, что совещание считает приятною для себя обязанностью отметить, что значительное большинство уездных земств уже высказало готовность принять на себя все расходы по содержанию вновь учреждаемых 20 училищ, на одинаковых основаниях с прочими училищами; только два уезда высказались за содержание этих училищ на средства губернского земства и совещание находило, что с такой постановкой вопроса едва ли можно согласиться. Ввиду того, что постановления некоторых уездных собраний о принятии на местные средства содержания училищ были недостаточно определенны и было не ясно, носят ли они временный или постоянный характер, совещание предлагало просить их выразить определеннее свое согласие. Губернское собрание приняло все предложения совещания и в то же время постановило признать преждевременным вносить в смету какую-либо сумму на содержание вновь открываемых училищ.

Поставленный губернским собранием вопрос вновь обсуждался в феврале 1895 г. в экстренных сессиях уездных собраний. На этот раз 9 уездов определенно выразили согласие принять содержание открываемых училищ наравне с прочими училищами; московское и коломенское земства определили долю своего участия в сумме 200 руб. каждое; можайское и рузское земства остались при прежнем решении: признать, что содержание училищ должно быть отнесено на средства губернского земства. Губернское собрание 15-го марта 1895 г., ознакомившись с постановлениями уездов, по предложению А.А.Оленина, ввиду отношения к данному вопросу некоторых уездных земств, поручило губернской управе представить очередной сессии доклад о том, возможно ли принять содержание 20 новых школ на средства губернского земства и на каких основаниях. Губернская управа сочла необходимым этот вопрос, касающийся всех уездов, обсудить еще раз в совещании председателей управ, и это последнее в заседании 14 июля 1895 г. при участии представителей всех уездов сочло желательным остаться при своем постановлении 3 сентября 1894 г. и признало необходимым просить коломенскую, можайскую, московскую и рузскую уездные управы внести вновь вопрос о содержании новых школ в предстоящие очередные собрания. Земские собрания коломенское, московское и рузское постановили принять участие в содержании названных училищ на общих основаниях, а бронницкое, дмитровское и клинское собрания изменили свое прежнее решение вопроса и вместе с можайским признали желательным отнести содержание школ на счет губернского земства. Губернское собрание 24 ноября 1895 года, принимая во внимание отношение к вопросу некоторых уездных земств, постановило

принять на счет губернского земства содержание всех вновь открываемых 20 училищ. В очередную сессию 1898 г. губернская управа представила собранию свои предположения об организации хозяйственного надзора за губернскими училищами. При обсуждении этого вопроса некоторые гласные высказывались за передачу губернских школ в заведование уездных земств и собрание, отклонив предложение губернской управы, постановило передать губернские школы в заведование уездных земств с ежегодным возмещением им губернским земством действительных расходов. Такое разрешение получило дело, исходившее из желания создать учреждения на основе правильно организованного взаимодействия губернского и уездных земств и закончившееся изъятием этих учреждений, содержимых всецело на губернские средства, из ведения исполнительного органа губернского земства и передачей их в заведование уездных земств, не принимающих в этом деле никакого материального участия. Такая постановка дела едва ли может быть признана нормальной.

Не могу не отметить, что во время всей сессии чувствовалось какое-то враждебное отношение со стороны, преимущественно, представителей некоторых уездных управ. Неоднократно направление деятельности губернской управы и образ содействий характеризовались во время прений, как проявления просвещенного деспотизма. Было ясно, что большинство председателей уездных управ держится однообразной точки зрения на использование губернских средств и индифферентно относится к принципиальным соображениям в этом вопросе. Это обусловливало их солидарность, а в собрании они находили поддержку своему образу действий. Мне приходилось сознавать, что все старания,

направленные к единению земской среды на почве идейного понимания земских задач, не достигают цели, а приводят к противоположным результатам.

Я отвел довольно много места изложению примеров некоторых постановлений губернского собрания, чтобы сделать ясными мотивы, которые побудили меня и весь состав губернской управы к дальнейшему образу действий. 17 марта 1899 г., когда собрание закончило рассмотрение всех докладов, представленных управой очередной сессии 1898 года, я обратился к собранию с речью, в которой напомнил мое обращение к нему в прошлом году перед избранием меня, напомнил изложенную мною тогда программу, которую губернская управа считает необходимым проводить в своей деятельности, отметил, что состоявшиеся в течение настоящей сессии постановления свидетельствуют, что большинство собрания отрицательно относится к программе и пониманию губернскою управою вопроса о взаимных отношениях между губернским и уездными земствами; это обстоятельство исключает возможность создания и укрепления необходимой солидарности между губернским собранием и его исполнительным органом и поэтому я заявил, что считаю долгом сложить с себя возложенные на меня собранием полномочия и что мною подано прошение через губернатора об отставке. После моей речи был объявлен перерыв и затем, после перерыва, собрание было объявлено закрытым, губернская управа удалилась, а гласные собрались в частном совещании.

На следующий день по открытии собрания, председательствовавший в течение сессии, Дмитровский предводитель дворянства, Г.И.Кристи, обратился ко мне со следующими словами: «Д.Н. Ваше вчерашнее заявление глубоко

поразило собрание и гг. гласные уполномочили меня заверить вас, что выставленные вами причины, побудившие вас не продолжать вашу высокополезную деятельность, являются только плодом недоразумения с вашей стороны. Собрание всегда сочувствовало и сочувствует вашей деятельности, как в общем её направлении, так и в частностях, и если возникали какие-либо разногласия в этом случае, то единственно такие, какие не только неизбежны, но и естественно необходимы при ведении общего дела. Выражая вам от имени гласных глубокое сожаление о возникшем недоразумении, я имею честь заявить вам вместе с тем просьбу гласных принять выражение полного доверия и высокого уважения к вашей деятельности, столь всеми ценимой, и взять назад ваш отказ». Эта речь могла только укрепить мое решение, свидетельствуя о полном непонимании сущности обнаружившегося разномыслия и причин, побудивших меня устраниться от продолжения моей деятельности, которые в речи председателя собрания определялись, как недоразумение с моей стороны. Выразив собранию благодарность за оказанное внимание, я сказал, что не вижу возможности изменить мое решение. «Не отсутствие доверия собрания побудило меня отказаться от должности, а мое убеждение, что взгляд мой на отношения губернского земства к уездным не разделяется большинством собрания. Вопрос о взаимных отношениях земств поставлен жизнью, требует своего разрешения и, несомненно, будет разрешен в благоприятном для земского дела смысле. Удаляясь от активной деятельности, я сочту своей обязанностью содействовать разработке этого вопроса».

Л.Н.Сазонов от себя и от лица всех членов губернской управы заявил, что все они отказываются от своих должностей, чтобы не стеснять собрание при предстоящих выборах.

26 марта состоялось последнее заседание очередной сессии, в начале которого председатель огласил предложение губернатора о производстве выборов кандидата на должность председателя управы, вследствие поданного мной прошения об увольнении меня от этой должности, и предложил собранию приступить к выборам. Из 47 поданных записок 42 выставляли вновь мою кандидатуру и затем в собрании многие гласные выступили с речами, в которых убеждали меня изменить мое решение. Первыми говорили председатели звенигородской и коломенской управ; в своих речах они отмечали, что собрание вполне солидарно с управой, с общим направлением моей деятельности и выражали желание, чтобы разработку вопроса о взаимных отношениях земств я продолжал, оставаясь на посту председателя управы. А.И.Геннерт говорил, что мой отказ от должности и моя речь многое уяснили гласным. В.И.Герье указывал, что я не только поставил важный вопрос, но и старался дать ему практическое разрешение; вопрос о взаимных отношениях губернского и уездных земств нуждается во всестороннем освещении и гласный внес предложение — избрать в этих целях особую комиссию и просить меня остаться на моем посту. После этих речей и выступлений многих других гласных я не мог не почувствовать, что, повидимому, большинство собрания уяснило себе причины моего отказа и признает необходимость выяснить разномыслие в вопросе о взаимных отношениях земств; ввиду этого я заявил о готовности подвергнуться новой баллотировке и был избран вновь большинством 49 против 10

голосов. Вслед за тем собрание единогласно просило членов управы взять их отказ от должности обратно, на что они изъявили согласие, а по предложению В.И.Герье, собрание избрало комиссию из 7 лиц для выяснения отношений губернского земства к уездным и определения границ деятельности губернского земства.

В сентябре была напечатана составленная мной брошюра «К вопросу о взаимных отношениях губернских и уездных земств», которую я представил избранной губернским собранием комиссии. В этой брошюре я изложил свое понимание вопроса и попутно ответил на возражения и замечания Б.Н.Чичерина, который в ряде статей[2] выступил принципиальным противником направления деятельности московской губернской земской управы. Комиссия подвергла порученный ей вопрос всестороннему обсуждению, привлекла к своей работе председателей уездных управ и представила очередному губернскому собранию 1899 г. подробный доклад, в котором формулировала свои заключения в семи положениях. Доклад комиссии был поставлен на очередь в заседании собрания 18 января 1900 г., но обсуждение его в этой сессии не состоялось, так как по предложению, внесенному Г.И.Кристи, собрание постановило передать доклад комиссии на предварительное рассмотрение уездных собраний и московской городской думы. Доклад комиссии с отзывами уездных земств и московской городской думы был предметом обсуждения губернского собрания очередной сессии 1900 года в заседаниях 7 и 8

2 Б. Чичерин. «Вопросы политики».

декабря[3]. После продолжительных прений собранием были одобрены следующие шесть положений[4].

1) Имея в виду, что закон возлагает как на уездные, так и на губернские земства общее попечение о материальном и духовном преуспеянии местного населения уезда или губернии, следует признать, что задача эта должна и впредь осуществляться со стороны московского губернского земства: в одних случаях при непосредственном ведении дела, причём область этих дел принадлежит определению (по указаниям и в пределах закона) по соображениям целесообразности; в других же случаях: а) поддержкой уездных земств денежными пособиями из средств губернского земства и б) изучением общих условий (статистика), разработкой общих вопросов и заботою об общих интересах населения губернии.

2) При распределении своих средств губернское земство должно иметь в виду интересы всего населения губернии, как одного целого, и по возможности повсеместное обеспечение земских потребностей населения (больниц, школ, общественного призрения, улучшения санитарных условий и т.п.) по мере своих средств и платежных сил населения.

3) Для осуществления указанной задачи губернское земство должно руководиться обдуманным систематиче-

3 См. «Материалы по разрешению в московском земстве вопроса о взаимных отношениях губернского и уездных земств». Изд. моск. губ. земства, 1901 г.

4 1 и 2 положения, предложенные комиссией, были объединены в одном положении — 1-м, принятом собранием.

ским планом и выдавать разного рода пособия из губернских средств не иначе, как при соблюдении условий, устанавливаемых правилами, вырабатываемыми губернским земским собранием относительно назначения и расходования этих пособий.

Примечание: В правилах, общих планах и основных положениях, вырабатываемых губернским земством, не должно быть слишком детальной регламентации, могущей поставить их в несоответствие с местными условиями уездов.

4) Такая деятельность губернского земства, состоящего из представителей уездных земств, не может повести к стеснению их самостоятельности, безусловно необходимой для успеха дела, а послужит, напротив, к оживлению энергии и возбуждению интереса к общему делу со стороны местных земских деятелей. Для обеспечения этой самостоятельности уездов вырабатываемые губернским земством общие планы и основные положения следует передавать на предварительное заключение уездных собраний.

5) Денежная помощь губернского земства должна быть оказываема сообразно со степенью возможности для уездов удовлетворить известной потребности своими местными средствами и при условии участия со стороны местного земства в данном расходе, причём, однако, должна быть принята во внимание степень напряженности платежных сил в уездах.

Примечание. Для установления необходимой при этом одинаковости норм, оценочные работы в губернии желательно предоставить губернскому земству.

6) В случаях столкновения интересов и возражений против установленного губернским земством плана действий со стороны одного или нескольких уездных земств, следует: 1) тщательно обсудить, не вытекают ли эти возражения из местных условий, которые необходимо принять во внимание, и 2) в необходимых случаях подвергнуть пересмотру весь общий план, но не допускать произвольных отступлений от него для данного случая.

Принятием этих положений вопрос о взаимных отношениях между губернским и уездными земствами получил в московском земстве свое принципиальное разрешение. «Состоявшиеся постановления, — говорил я, между прочим, в речи, произнесенной в собрании после их принятия, — свидетельствуют, что в направлении деятельности московского губернского земства и его учреждений нет и не может быть места просвещенному деспотизму, как это полагают одни; нет и не может быть почвы для развития бюрократического социализма, как говорят другие; состоявшиеся постановления свидетельствуют только, что московское губернское земство в основу своей деятельности кладет глубокое сознание того, что целесообразное и успешное выполнение земскими учреждениями многочисленных и сложных задач, возложенных на них государственною властью, возможно лишь путем организованного взаимодействия губернского и уездных земств. При распределении средств губернского земства, губернское собрание признает необходимым руководиться идеей правды и справедливости, которая в приложении к общественной жизни заключается в том, что каждый должен нести общественные тягости пропорционально своему доходу, а при распределении собираемых, таким путем, общих средств, следует иметь в

виду обеспечение классов и местностей, потребности которых не могут быть в необходимой мере удовлетворены из местных средств».

Принципиальное разрешение вопроса в губернском собрании оказало немалое влияние на уяснение этого важного вопроса земской жизни в сознании вообще земской среды и благотворно отозвалось на практическом деле, на отношениях уездных земств к губернскому. Во время моей дальнейшей деятельности в губернской управе возникали случайные разногласия с уездными управами, но в общем отношения с уездными земствами получили характер более уравновешенный, характер большего стремления к единению. Оканчивая настоящую главу, не могу не вспомнить с отрадным чувством слова И.Ф.Рихтера, бывшего в то время председателем московской уездной управы, с которыми он от себя и от лица других председателей уездных управ обратился ко мне в губернском собрании 14 февраля 1904 г. перед предстоявшими очередными выборами состава губернской управы. Н.Ф. говорил, что прежде в земских собраниях не раз заходила речь о взаимных отношениях между губернским и уездными земствами, и на почве этого вопроса имели место некоторые недоразумения и шероховатости, но за последнее время никаких недоразумений не существует, нет речи о каких-либо поползновениях со стороны губернского земства посягать на самостоятельность уездов и в заключение Н.Ф. от себя и товарищей благодарил за мою деятельность и выразил уверенность, что я и на будущее время останусь на посту председателя губернской управы. Это приветствие доставило мне большое моральное удовлетворение; оно говорило мне, что мое стремление, направленное к укреплению единения земской среды мос-

ковской губернии, дало, все-таки, известные положительные результаты.

В последующих сессиях губернская управа нередко встречала в собрании несочувствие и противодействие своим начинаниям, но эти разногласия возникали на почве вопросов, касавшихся области деятельности губернского земства, и вызывались или классовыми интересами крупного землевладения, как, например, по поводу увеличения норм доходности земель и привлечения к обложению губернским земским сбором жилых помещений в губернии, преимущественно усадеб, или различиями взглядов общественного, политического характера по таким вопросам, как, например, устройство общеобразовательных курсов для учащих или издание земского органа печати; в этих последних начинаниях представители консервативного и реакционного направления усматривали желание способствовать распространению в населении «ходячих» идей. Такого рода разногласия вполне естественны и неизбежны в общественных собраниях; они не могли производить тяжелого впечатления на губернскую управу тем более, что, несмотря на многочисленность возражавшей группы гласных, управа всегда находила поддержку в большинстве собрания. Но обвинения губернской управы в не земском образе действий в отношениях ее к уездным земствам в губернском собрании более места не имели.

Глава III

Попытки единения губернских земств. Земская секция Всероссийского съезда сельских хозяев в Москве в декабре 1895 г. Съезд председателей губернских управ в Москве в мае 1896 г. во время коронации. Совещание председателей губернских управ в Нижнем Новгороде в августе 1896 г. Съезд председателей губернских управ во время освящения памятника императору Александру II в Москве в августе 1898 г. Вопрос об издании общеземского периодического органа печати. Образование перестраховочного союза губернских земств. Общеземская организация помощи раненым и больным воинам на Дальнем Востоке.

Насколько необходимость планомерного взаимодействия губернского и уездных земств одной губернии определяется характером земской деятельности и существом стоящих пред земством задач, настолько теми же причинами обусловливается потребность постоянного, живого общения земских учреждений соседних губерний, а нередко и всей страны, и объединения их работы. Для правильной и наилучшей постановки земского дела имеет большое значение, чтобы каждое земство было ознакомлено с деятельностью и работой других земств и могло руководиться указаниями коллективного опыта земских учреждений. Общение представителей этих учреждений и совместное обсуждение ими на съездах лучших способов удовлетворения различных земских потребностей являются необходимыми условиями, обеспечивающими целесообразность постановки и развития земских мероприятий. Многие из этих мероприятий нуждаются в согласованном образе действий соседних земств, а

некоторые отрасли земского дела, как, например, страхование строений и движимости, закупка и снабжение населения сельскохозяйственными орудиями, семенами, кровельным железом и т.п. мероприятия, могут получить правильную и экономически выгодную постановку лишь при условии участия в них возможно большего числа земств. Но, кроме указанных условий и характера земской деятельности, ко времени вступления моего в состав московской губернской управы, сознание необходимости единения особенно сильно вызывалось и укреплялось в земской среде отношением правительственной власти к органам общественного самоуправления и проведением целого ряда мер и распоряжений, направленных к стеснению общественной самодеятельности. Земские учреждения, каждое в отдельности, чувствовали себя бессильными реагировать на реакционную политику правительства и естественно стремились к единению, хорошо понимая, что только своим объединением они могут представить известную силу для защиты своего положения, силу, которую государственная власть не будет в состоянии игнорировать. С своей стороны, я считал своим долгом всеми зависевшими от меня и губернской управы мерами содействовать стремлению земской среды и, главным образом, губернских земств к объединению.

С 10 по 20 декабря 1895 г. в Москве происходил всероссийский съезд сельских хозяев, созванный московским обществом сельского хозяйства. По избранию собранием общества я вошел в состав комиссии, организованной для устройства съезда. При выработке программы вопросов, подлежавших обсуждению съезда, я обратил внимание комиссии на то, что статьей 2-й положения о земских учреждениях на земство возложена задача «воспособления

зависящими от него способами местному земледелию, торговле и промышленности», указал на развитие, которое за последнее время получает земская агрономия, и предложил комиссии включить в программу съезда вопрос: какими мерами земские учреждения могут содействовать развитию сельского хозяйства? Мое предложение было встречено сочувственно, но комиссия сочла необходимым доложить о нем собранию общества, так как включение такого рода вопроса не было предусмотрено предварительными предположениями о съезде. Собрание общества, признав желательным дополнить программу предложенным мной вопросом, возбудило соответствующее ходатайство пред министром земледелия и государственных имуществ. Несмотря на неоднократные обращения президента общества, в продолжение очень долгого срока ответа на возбужденное ходатайство не поступало, вследствие возникших по его поводу продолжительных сношений между министерствами земледелия и внутренних дел, и поэтому вопрос, касающийся земских мероприятий в области сельского хозяйства, не мог быть включен в программу, опубликованную и разосланную одновременно с приглашениями на съезд, на который, тем не менее были приглашены все председатели губернских и уездных управ. Только накануне открытия съезда была получена от министра телеграмма, разрешавшая дополнить программу семнадцатым вопросом: «Какими мерами земские учреждения могут содействовать развитию сельского хозяйства?» Эта телеграмма по открытии съезда 10 декабря была оглашена его председателем и, по предложению последнего, съезд избрал меня председателем земской секции.

Так как вопрос, предложенный на обсуждение земской секции, не был включен ранее в программу съезда, то по

этой причине съезду не было представлено докладов по вопросам земской агрономической и экономической деятельности. Это обстоятельство побудило меня отсрочить до 14 декабря первое заседание секции и в это время комиссией, в которой по моему приглашению приняли участие Н.А.Хомяков, Н.Н.Хмелев, В.Г.Бажаев и представители экономического и статистического отделений московской губернской земской управы, был составлен и отпечатан проект кратких положений, который и был предложен мной секции, как материал для начала ее занятий. Этот проект исходил из основного положения, что оказывать содействие сельскому хозяйству призваны: министерство земледелия, сельскохозяйственные научные учреждения, общества сельского хозяйства и земства, а потому деятельность всех этих учреждений должна быть, по возможности, определенно между ними разграничена и согласована; затем в проекте намечались преимущественно меры, которыми земские учреждения могут содействовать развитию сельского хозяйства. Секция признала желательным вести свои занятия в порядке вопросов, предложенных в проекте. Земская секция была наиболее многолюдной из всех секций съезда и занятия ее при напряженном интересе продолжались в течение пяти заседаний. Особенное внимание было уделено секцией вопросам: о мелких сельскохозяйственно-экономических органах и об организации областных съездов представителей земских учреждений. По первому из указанных вопросов был представлен председателем черниговской губернской земской управы, В.М.Хижняковым, особый доклад: «О мелких земских бессословных единицах». По окончании своих занятий секция формулировала свои заключения в 13 положениях, которые были затем одобрены общим собрани-

ем съезда, и в то же время съезд постановил: 1) ходатайствовать пред правительством а) о предоставлении земству права организовывать мелкие сельскохозяйственные экономические органы и б) об ускорении утверждения выработанного сельскохозяйственным советом при министерстве земледелия нормального положения о съездах сельских хозяев[5] и 2) выразил пожелание, чтобы заведование делами сельскохозяйственного управления в территории меньшей, чем уезд, было возложено на органы государственного управления, которые должны быть организованы по типу земских учреждений. Постановления съезда были представлены в министерство земледелия и государственных имуществ, где в то время разрабатывался вопрос о местных органах министерства по сельскохозяйственной части.

В начале февраля 1896 г. я получил письмо от Д.С.Сипягина, в котором он, по просьбе А.С.Ермолова, приглашал меня приехать в Санкт-Петербург, так как министр земледелия желал предложить мне принять должность директора департамента земледелия. Приехав в Санкт-Петербург, я имел продолжительную беседу с А.С.Ермоловым, благодарил его за желание привлечь меня к сотрудничеству в министерстве, но уклонился от принятия сделанного мне предложения. Я, вообще, не чувствовал склонности к бюрократической, административной деятельности и меня сильно привлекала земская работа тем более, что в московском

5 При обсуждении в секции вопроса о возбуждении этого ходатайства имелось в виду, что при утверждении нормального положения о сельскохозяйственных съездах представители земских учреждений получат возможность организовывать областные съезды и обсуждать на них ка ктехнические, так и экономические впоросы.

губернском земстве по моей инициативе было поставлено на очередь много существенно важных вопросов, и я не считал себя в праве не довести начатых дел до конца и оставить пост председателя губернской управы, на который я был избран доверием собрания вторично в прошлом году. На предложенный мне вопрос, — кто был бы, по моему мнению, желательным кандидатом на должность директора департамента земледелия из среды общественных деятелей, я назвал Н.А.Хомякова. Во время нашей беседы разговор большею частью сосредоточивался на вопросах, затронутых постановлениями съезда по земской его секции, и я, с своей стороны, старался выяснить значение, которое должно иметь для организации правильного и живого взаимодействия министерства и земства планомерное разграничение круга деятельности этих учреждений. А.С.Ермолов, казалось мне, соглашался с приводимыми мною доводами и соображениями, и я считал вероятным, что при составлении законопроекта о местных органах министерства в основу его будет положено определенное разделение задач и обязанностей министерства и земских учреждений.

Однако, осенью того же 1896 года в сельскохозяйственный совет при министерстве земледелия был внесен проект закона о местных органах министерства, которым устанавливалась должность губернских инспекторов по сельскохозяйственной части, но не предлагалось на обсуждение никакой определенной системы, объединяющей деятельность всех учреждений, призванных оказывать содействие сельскому хозяйству. Состоя членом сельскохозяйственного совета, я представил записку, в которой подробно изложил все мотивы, которыми руководился съезд сельских хозяев, устанавливая принятые им положения, и

отметил, что комиссия, организованная при министерстве для рассмотрения постановлений съезда, в своем журнале и департамент земледелия в своем докладе признают необходимость разграничить круг действий министерства и местных общественных учреждений, но затем ими не предлагается какой-либо определенной системы разграничения и доклад лишь останавливается на указании значительности потребных сумм для осуществления разнообразных сельскохозяйственных мероприятий и полагает, что значительная часть этого дела неизбежно должна принадлежать местным силам и местным средствам. Признавая справедливость удовлетворения местных потребностей местными же силами и средствами, я говорил, что осуществление мероприятий государственного значения должно быть отнесено к кругу обязанностей центрального правительственного органа и необходимые расходы должны быть покрыты из государственных средств. Участие центрального ведомства должно быть определяемо исключительно в зависимости от существа и объема мероприятий государственного значения и никак не может быть поставляемо в зависимость от размера средств, которыми ныне располагает министерство. В заключение я предлагал признать разрешение вопроса о местных органах преждевременным и просить департамент земледелия предварительно наметить разграничение сельскохозяйственной деятельности министерства и местных учреждений, пригласив принять участие в этой работе представителей земских учреждений и обществ сельского хозяйства. Министр выступил в совете с пространными и горячими возражениями против предложения оставить вопрос о местных органах открытым. По-видимому, в моей записке вызвали опасения указание на необходимость

значительного увеличения сметы министерства земледелия и предложение привлечь земских представителей к выработке определенной системы взаимодействия министерства и местных учреждений. А.С.Ермолов опасался вызвать недовольство всесильного министра финансов, С.Ю.Витте, с одной стороны, и с другой — министерства внутренних дел и влиятельных кругов, с недоверием и подозрительностью относившихся к земскому самоуправлению. Вследствие возражений, сделанных министром, законопроект о местных органах был одобрен советом в представленном виде. Убедившись, в течение очередной сессии сельскохозяйственного совета 1896 года, что участие в нем общественных представителей имеет преимущественно декоративный характер и что они, независимо от своего личного состава, обусловливаемого не избранием их местными общественными учреждениями, а приглашением министерством, являются в меньшинстве сравнительно с представителями министерства и различных ведомств, я на следующий год подал заявление о выходе моем из состава совета.

На съезде сельских хозяев в декабре 1895 г. я, как председатель московской губернской земской управы, в первый раз встретился с земскими представителями других губерний, но в их числе было очень немного председателей управ. Познакомиться и войти в личные сношения с председателями губернских земских управ мне пришлось только в 1896 году. 14-е мая 1896 г. было назначено днем коронации Их Императорских Величеств и к участию в предстоящих торжествах были приглашены все председатели губернских земских управ. 22-го ноября 1895 г. мною было получено от председателя самарской губернской земской управы, В.С.Племянникова, письмо следующего содержания:

«Милостивый Государь Дмитрий Николаевич. Предстоящим губернским земским собраниям придется обсуждать вопрос, чем чествовать имеющее быть коронование Их Императорских Величеств, и, вероятно, по заведенному исстари обычаю, по крайней мере, большинство из них постановят поднести хлеб-соль, для чего необходимо будет приобрести блюда и солонки. Конечно, каждому губернскому земству в отдельности на покупку их придется потратить небольшую сумму, но если соединить все суммы, которые будут истрачены земствами на покупку блюд и солонок, то составится весьма почтенная сумма, на которую в память священного коронования Их Величеств можно бы было устроить какое-нибудь общеполезное дело. Такая мысль родилась у членов самарской губернской земской управы, но для осуществления ее необходимо, чтобы кто-нибудь принял на себя труд снестись со всеми губернскими управами земских губерний. Самарская губернская земская управа считает, что инициативу этого дела было бы всего ближе принять на себя губернской управе первопрестольной столицы нашей, в которой будет происходить и самое коронование, а потому, сообщая вам настоящую мысль нашу, я обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой, если вы разделяете эту мысль, то примите на себя и труд сношений со всеми губернскими управами. К этому считаю нужным присовокупить, что как я, так и товарищи мои полагают, что выбор учреждения, которое должно быть устроено на средства всех земств, а равно и выбор места, где таковое должно быть устрое-

но, должно принадлежать московскому губернскому земскому собранию».

Почин самарской управы встретил полное сочувствие всего состава московской управы и по обсуждении в нашей среде способа осуществления предположения самарской управы было составлено мной письмо к председателям всех губернских управ, в котором, после сообщения текста письма В.С.Племянникова, говорилось:

«Московская губернская управа, всецело разделяя высказанную самарскою губернскою управою мысль, с своей стороны, признает осуществление ее в высокой степени желательным и полагает, что предложение самарской губернской управы, вероятно, будет встречено сочувственно всеми губернскими земскими собраниями. Останавливаясь на разрешении вопроса о том, какое общеполезное дело могло бы быть устроено в память священного коронования Их Величеств, московская губернская управа приходит к заключению, что создание для этой цели особого учреждения едва ли может представиться возможным. С одной стороны, для устройства и содержания такого рода учреждения, которое не могло бы не быть грандиозным, потребовался бы слишком большой капитал; с другой стороны, подобное учреждение должно бы, конечно, по возможности в равной мере служить интересам всех участвующих земств, но это не может быть осуществимо, так как всякое учреждение, устроенное в пределах той или другой губернии, будет, по преимуществу, служить местному населению и, во всяком случае, не может распространить свое действие более,

чем на несколько соседних губерний. Вследствие этих соображений, московская губернская управа полагала бы желательным передать капитал, который составится из взносов всех губернских земств, в распоряжение установления, имеющего своею целью приходить на помощь всем нуждающимся, безразлично принадлежности их к населению той или другой губернии. 1-го сентября настоящего года Государю Императору благоугодно было в заботах о всех своих верноподданных, обратив внимание на горестную судьбу тех из них, которые, терпя крайнюю нужду, тщетно ищут себе заработка и приюта, учредить особое попечительство о домах трудолюбия и работных домах. Её Императорскому Величеству благоугодно было, приняв упомянутое попечительство под непосредственное свое покровительство, принять на себя и председательство в комитете попечительства. По мнению московской губернской управы, представлялось бы вполне отвечающим намеченной самарской губернской управой цели представить от всех губернских земств сумму, имеющую образоваться из их взносов, в состоящее под покровительством Государыни Императрицы попечительство для употребления этого капитала по указаниям Её Величества. Московская губернская управа, имея в виду общий итог смет всех 34 земских губерний приблизительно в 15.000.000 р., предполагает, что размер капитала, который может образоваться из взносов всех губернских земств, составит сумму в 300.000 р., если все губернские собрания отчислят для этой цели, в круглых цифрах, не менее двух процентов итога своих смет на 1896 г. Представляя все вышеиз-

ложенное на ваше благоусмотрение, я покорнейше прошу вас, доложить, если признаете возможным, настоящее предложение предстоящему губернскому земскому собранию и о последующем не оставить меня уведомлением. По получении от всех председателей губернских управ извещений о постановлениях губернских собраний, московская губернская управа, в случае принятия губернскими собраниями настоящего предложения, испросит надлежащее разрешение для его осуществления, о чем я не замедлю своевременно вас уведомить и сообщить вам постановления всех собраний».

Имея в виду то предубеждение, с которым правительство постоянно относилось к попыткам земского единения, и желая предупредить возможность какого-либо конфликта между администрацией и земскими учреждениями по поводу участия их в предстоящих коронационных торжествах, я, прежде рассылки заготовленных писем, доложил о возникшем предположении московскому генерал-губернатору, великому князю Сергею Александровичу, и познакомил его с текстом моего письма к председателям губернских управ. В.К. отнесся к моему докладу весьма сочувственно и сказал, что не видит никаких препятствий к приведению нашего предположения в исполнение. На следующий день, 30 ноября, В.К. осматривал открывавшуюся 1 декабря выставку сельского хозяйства и я представлял ему объяснения, относящиеся к экспонатам московского губернского земства.

По окончании осмотра, В.К. просил меня тотчас же приехать к нему. Приняв меня в своем кабинете, В.К. сказал,

что, подумав о вчерашнем моем докладе, он, как московский генерал-губернатор, не встречает препятствий к осуществлению предположения, возникшего среди земств, но полагает, что мне следует, прежде рассылки моего письма, переговорить по этому поводу с И.Л.Горемыкиным, недавно назначенным министром внутренних дел, приезд которого ожидался в Москву в ближайшие дни. Я сообщил великому князю, что письмо мое уже разослано председателям, и он просил меня сообщить телеграммами всем председателям, чтобы они повременили докладом возникшего предложения губернским земским собраниям до переговоров моих с министром, что мной и было исполнено в тот же день. Как я узнал в скором же времени, перемена в отношении великого князя к моему докладу произошла под влиянием управляющего его канцелярией, В.К.Истомина.

В первых числах декабря министр внутренних дел приехал в Москву, и я посетил его вскоре после его приезда. И.Л.Горемыкин видел уже великого князя и был ознакомлен с вопросом, о котором я имел с ним переговорить. Министр старался проявить большую любезность в отношениях своих ко мне и начал беседу с выражения сочувствия земским учреждениям и готовности оказывать им необходимое содействие с своей стороны. Перейдя к вопросу о возникшем предположении совместимыми средствами всех земств ознаменовать предстоящее коронование Их Величеств, И.Л.Горемыкин отнесся к нему отрицательно и говорил, что задачи попечительства о домах трудолюбия и работных домах представляются очень неопределенными и что попечительство имеет в своем распоряжении достаточные средства, ассигнованные из государственного казначейства, но не знает, какое дать им назначение. Я заметил, что если

предположение московской управы, по мнению министра, является не целесообразным, то оно может быть легко изменено; соединенным земским средствам можно дать иное назначение, но желательно избежать непроизводительной затраты земских средств на приобретение подносов и солонок. Тогда министр высказался вообще против совместного выступления всех земств по случаю предстоящей коронации; он говорил о предубеждении и недоверии к земским учреждениям, особенно к их единению, со стороны многих влиятельных лиц и кругов и выражал опасение, что объединенное земское выступление усилит это отрицательное отношение к земству, а это обстоятельство может помешать ему, министру, развить свое содействие земским учреждениям, которое он признает необходимым. В виду этих соображений И.Л.Горемыкин просил не настаивать на осуществлении предположения самарской управы. Все приведенные мной доводы не могли побудить министра изменить свое отношение к данному вопросу. В тот же день у великого князя был обед, на котором присутствовали все представители губернского управления. После обеда В.К. в присутствии И.Л.Горемыкина в беседе со мной, между прочим, сказал, что министр относится отрицательно к возникшему в среде земств предположению и что придется его указаниям подчиниться. Считая своим долгом содействовать осуществлению столь необходимого единения земств и предусматривая возможность найти иные способы создания земского единения, приемлемые для И.Л.Горемыкина, а также выраженное им сочувствие к земским учреждениям, я и товарищи мои по управе пришли к заключению, что в интересах преследуемой нами цели не следует в данное время настаивать на осуществлении возникшего

было предположения и создавать конфликт, который, несомненно, еще более затруднит задачу земского объединения. В то же время я не мог не поставить в известность все губернские управы о происходивших сношениях с министром и великим князем и представлялось вероятным, что, ознакомившись с ними, многие земства не пожелают присоединиться к общему выступлению, если московская управа предложила бы, тем не менее, осуществить предположение, изложенное в моем письме, к председателям губернских управ. В виду этих соображений, я сообщил всем председателям губернских управ о происходивших переговорах, и о том, что московская управа снимает свое первоначальное предположение.

В мае месяце 1896 г. съехавшиеся в Москву для участия в коронационных торжествах председатели губернских земских управ собирались неоднократно в помещении губернской управы и в оживленных беседах обменивались мнениями по различным вопросам земской жизни. Всеми сознавалось определенное принципиальное значение и большая практическая польза общения между собой председателей губернских управ, и все пришли к единодушному решению организовать совещания председателей губернских земских управ и собираться периодически для обсуждения наиболее важных земских вопросов. Желая устранить нелегальный характер наших совещаний и предупредить возможные в административных кругах о них кривотолки, собравшиеся признали нужным довести о нашем решении до сведения министра внутренних дел и возложили на меня соответствующее поручение. Пред окончанием коронационных празднеств все председатели собрались на прощальном приеме у министра внутренних дел. По окончании общего

официального приема, я сказал министру, что имею сделать ему сообщение по поручению всех председателей управ, и просил назначить время, когда министр мог бы меня принять. И.Л.Горемыкин предложил мне остаться и пригласил перейти в его кабинет. Я подробно сообщил министру соображения, по которым общение председателей имеет выдающееся значение для целесообразной и правильной постановки различных практических земских мероприятий, и сказал о принятом нами решении организовать наши периодические совещания, о чем все председатели поручили мне довести до сведения министра внутренних дел. И.Л.Горемыкин ответил, что он не вправе дать разрешение на такого рода собрания, так как они не предусмотрены положением о земских учреждениях. Я объяснил, что председатели имели в виду это возражение, поэтому и не испрашивают официального разрешения министра. Председатели имеют в виду собираться частным, не официальным порядком, но желают, чтобы их собрания не носили характер таинственности, и поэтому возложили на меня поручение о нашем решении откровенно довести до его, И.Л.Горемыкина, сведения. И.Л.Горемыкин сказал, что если он не имеет права дать официальное разрешение, то он в то же время хорошо понимает, что не имеет возможности воспретить частные собеседования председателей земских управ, а по существу не может отрицать пользы для земского дела от таких совещаний. Высказав благодарность за прямое и откровенное предупреждение о принятом решении, И.Л.Горемыкин, с своей стороны, счел нужным преподать следующие советы. Во-первых, ограничить состав совещания участием в них только председателей губернских управ, чтобы избежать многолюдства и обеспечить практический

характер обсуждения земских вопросов. Во-вторых, собираться не в помещении губернских управ, а на частных квартирах, что более будет соответствовать частному характеру предполагаемых собраний. «В-третьих, — сказал И.Л.Горемыкин, — примите меры, чтобы печать о ваших собраниях не трубила». Я отвечал, что передам председателям управ выслушанные мной советы и полагаю, что принятие первых двух не встретит затруднений; что же касается третьего, то принять нам какие-либо меры невозможно. Мы можем не помещать в прессе непосредственно от себя сообщений о наших совещаниях, но не можем скрывать сведения от интересующихся лиц и не можем окружать наши собеседования таинственностью. Полное умолчание в прессе о совещаниях председателей управ откроет простор для всякого рода слухов, не соответствующих действительности, тогда как краткие, но верные сообщения устранят возможность нежелательных извращений. После этого беседа была закончена, и я тотчас же познакомил с ее содержанием председателей управ, ожидавших меня в помещении московской губернской управы. Было решено собраться в этом же году в Нижнем Новгороде, где происходила Всероссийская выставка, а определить время нашего собрания и наметить программу вопросов, подлежащих обсуждению, было предоставлено мне и председателю нижегородской земской управы, В.В.Хвощинскому. По состоявшемуся между нами соглашению, В.В.Хвощинский письмом от 21-го июня обратился ко всем председателям губернских управ с приглашением собраться в Нижнем Новгороде к 8-му августа и сообщил два вопроса, которые мы считали желательным подвергнуть обсуждению на предстоящем совещании, а именно: 1) введение однообраз-

ного счетоводства в губернских и уездных управах и 2) целесообразность и удобоприменимость пособий из губернских средств уездам, придерживаясь принципа, проведенного московским губернским земством для введения всеобщего начального образования в губернии.

К 8-му августа в Нижнем Новгороде собрались 19 председателей губернских земских управ, а 9 прислали уведомление, что текущие дела лишают их возможности прибыть на съезд. Совещания наши состоялись с 8-го по 11-е августа включительно и происходили — первое в квартире В.В.Хвощинского, а затем, в особом помещении при ресторане на выставке. Председательствовал в нашем собрании председатель нижегородской управы, а я исполнял обязанности секретаря. Первым обсуждался вопрос об организации последующих совещаний. Все единодушно выражали пожелания, чтобы начавшееся общение получило дальнейшее развитие и чтобы все председатели губернских управ принимали участие в этих совещаниях; при этом указывалось, что такие съезды открывают участникам их возможность знакомиться с постановкой дела в других земствах и содействуют всестороннему выяснению основных положений земской деятельности. На съездах председатели могут по вопросам, осуществление которых нуждается в согласии правительства, прийти к соглашению о единовременном внесении в губернские собрания предложений о возбуждении однообразных ходатайств, что явится условием, обеспечивающим большую вероятность их удовлетворения. Было постановлено:

1) организовать при московской управе бюро совещания председателей губернских земских управ;

2) просить войти в состав бюро председателей управ: петербургской, В.П.Маркова, смоленской, Н.А.Рачинского, орловской, С.А.Хвостова, нижегородской, В.В.Хвощинского, и московской, Д.Н.Шипова;

3) признать желательным, чтобы по каждому вопросу, представляемому совещанию, были составляемы обстоятельные доклады;

4) уполномочить бюро поручать посторонним лицам составление докладов, если этот труд не будет принят на себя кем-либо из членов совещания, и

5) назначить следующий съезд в Санкт-Петербурге, в марте 1897 г., предоставив бюро определить день начала совещания.

Был затронут вопрос о составе наших съездов, в виду желания многих гласных принимать в них участие. Я возражал против расширения состава совещаний; наши съезды представляются делом совершенно новым и нужно дать время новой организации окрепнуть и примириться с ее существованием как правительству, так и всем, относящимся отрицательно к развитию общественной самодеятельности; на первое время необходимо сохранить частный характер наших собраний, а при их многолюдстве это будет невозможно. Совещание согласилось с приведенными мной соображениями.

Установив организацию совещания, собравшиеся перешли к обсуждению очередных вопросов. Первым на очередь был поставлен возбужденный по постановлению председателей земских управ казанской губернии председателем ее губернской управы, П.М.Останковым, вопрос о сельскохозяйственном кризисе, являвшемся последствием

крайнего понижения цен на хлеб. При рассмотрении этого вопроса произошел обмен мнений по вопросу о дифференциальных железнодорожных тарифах и по продовольственному вопросу; последний было признано желательным включить в программу предположенного в Санкт-Петербурге съезда, подготовив необходимый материал. Большое внимание совещание уделило вопросам, намеченным в пригласительном письме председателя нижегородской управы. За введением однообразного счетоводства и порядка составления смет во всех земствах совещание признало очень важное значение и постановку этого вопроса нашло вполне своевременной, в виду производившейся в хозяйственном департаменте м.в.д. выработки новых форм и правил по составлению земских смет. Совещание просило меня принять на себя труд составления соответствующего доклада к съезду, назначенному на март месяц 1897 г., а член бюро, С.А.Хвостов, принял на себя поручение к этому же совещанию приготовить доклад о желательных изменениях в порядке взимания земских сборов, в виду возрастания недоимок.

По вопросу об отношениях между губернским и уездными земствами произошел продолжительный и оживленный обмен мнений. Я сделал сообщение о постановке этого вопроса в московском земстве при рассмотрении последним губернским собранием доклада губернской управы о мерах, необходимых для осуществления всеобщего начального образования. Председатель олонецкой управы, В.В.Савельев, ознакомил совещание с аналогичными основаниями разрешения того же вопроса в олонецком земстве. Совещание пришло к заключению, что губернское земство: 1) должно иметь своей задачей общее направление земского

дела в губернии путем принципиальной разработки различных вопросов земской деятельности и 2) должно быть регулятором земских средств в губернии, с целью равномерного использования всех источников земского обложения и равномерного удовлетворения потребностей населения всей губернии. Для всестороннего освещения вопроса о взаимных отношениях губернского и уездных земств было признано необходимым собрать материал из всех земских губерний и поручить бюро составить для одного из ближайших съездов доклад, который содержал бы в себе: 1) свод сведений о положении вопроса во всех губерниях, 2) выяснение того влияния, которое оказало на развитие земского дела та или иная постановка отношений между губернским и уездными земствами, и 3) ряд положений, вытекающих из произведенного исследования, которые будут подлежать обсуждению совещания.

Кроме вопросов, возникших в среде председателей управ, совещание занялось еще двумя вопросами, возбужденными инициативой извне. Председатель вольно-экономического общества, граф П.А.Гейден, предложил организовать связь между деятельностью общества и земства. Он говорил о возможности образовать при обществе особый отдел по земским вопросам, в состав которого вошли бы председатели губернских управ, чем открывалась возможность осуществлять те же задачи, которые ставит себе настоящее совещание. По обсуждении сделанного предложения, совещание благодарило графа Гейдена за его готовность содействовать земскому делу, приветствовало мысль о создании земского отдела при вольно-экономическом обществе, но признало, что задачи общества и земства часто между собой близки, но не тождественны, и в

состав общества и его отдела председатели управ не могут войти, как непременные члены, а могут принимать в них только личное участие по избранию, как все прочие члены общества. Эти соображения привели собрание к заключению, что образование земского отдела при обществе не исключает необходимость самостоятельной организации совещаний председателей губернских земских управ.

Затем, к совещанию обратился чиновник министерства финансов, г. Рейнбот, заявив, что он командирован своим ведомством с тем, чтобы просить председателей управ обсудить и выяснить причины отрицательного отношения земских учреждений к закону 8-го июня 1893 г., об оценке недвижимых имуществ, и неуспешности производства оценочных работ. Единодушные отзывы председателей управ сводились к следующему. К участию в выработке закона не были привлечены представители земских учреждений, тогда как на последние возлагалось, как ранее, так и новым законом, производство всех оценочных работ, и вследствие этого новый закон не согласован с потребностями жизни; применение новых норм и порядка к оценке торгово-промышленных заведений грозит внесением большой неуравнительности в обложение и переложением тяжести сборов с фабрик и заводов на землю; в основу нового закона положено недоверие к земским учреждениям возложением руководства в постановке работ, производимых земскими учреждениями, и утверждения оценочных норм на административные учреждения и, наконец, министерство внутренних дел всемирно препятствует и затрудняет производство местных статистических исследований, без которых невозможно получить необходимые данные.

В обращении к совещанию чиновника министерства финансов собравшиеся председатели управ были склонны усмотреть, что правительственные учреждения относятся, по-видимому, к вновь создающейся земской организации без предубеждения и признают возможным и желательным вступать с ней в сношения, хотя и частного характера. Это обстоятельство не могло не отразиться благоприятно на настроении собравшихся и укрепило в среде нас надежду, что наши совещания получат дальнейшее благоприятное развитие. При таком настроении закончилось первое, но, к сожалению, вскоре оказавшееся и последним, совещание председателей губернских земских управ.

В сентябре члены избранного совещанием бюро собрались в Москве для выполнения возложенных на него поручений. Занятия бюро происходили у меня на квартире и продолжались два дня. Я доложил составленный мной журнал происходивших в Нижнем Новгороде совещаний, причем бюро остановило свое внимание на следующем. Выше было сообщено о посещении заседания совещания г. Рейнботом, и в проекте журнала я изложил происходившие по этому поводу суждения, упомянув, что г. Рейнбот заявил о своей командировке министерством. Так как обращение представителя ведомства не соответствовало, казалось, частному характеру, который имело наше совещание, а в то же время г. Рейнботом не было представлено никакого документа, удостоверяющего его командировку, то я, желая выяснить это обстоятельство, написал Н.Н.Кутлеру, директору департамента окладных сборов, с которым я был знаком по его московской службе, и просил уведомить меня — имел ли г. Рейнбот уполномочие от министерства и следует ли включать в журнал нашего совещания о всем, происхо-

дившем по поводу его заявления? Н.Н.Кутлер ответил мне, что участие г. Рейнбота на съезде не имело официального характера и такое поручение ему дано не было, тем не менее, Н.Н. высказал мнение, что к включению в журнал совещания прений по поводу оценочных работ не может встретиться препятствий; этот вопрос настолько близок земству, что мог быть возбужден и без участия представителя министерства финансов. Бюро, ознакомившись с ответом Н.Н.Кутлера, признало более правильным не включать вовсе в журнал ни заявления г. Рейнбота, ни суждений, высказанных по поводу его обращения. За этим исключением проект журнала был одобрен и затем было решено журнал не печатать, а отлитографировать и разослать его в нескольких экземплярах всем губернским управам и, кроме того, выдавать его лицам, интересующимся занятиями совещания.

Много времени бюро уделило обсуждению программы для анкеты по вопросу о взаимных отношениях губернского и уездных земств. Я познакомил членов бюро с лицами, которые, согласно данному мне в Нижнем Новгороде членами бюро поручению, были подысканы для подготовительной работы составления доклада по указанному вопросу. Была выработана и утверждена детальная программа, получение ответов по которой открывало возможность прийти к заключению по каждой отрасли земского дела, какой порядок взаимодействия губернского и уездных земств, из действующих в различных губерниях, обеспечивает достижение лучших результатов. Следующее собрание бюро было назначено на декабрь.

Когда журнал был отлитографирован, я представил его в московский цензурный комитет и просил цензора, кн.

Н.В.Шаховского, моего хорошего знакомого, принять на себя труд ознакомления с журналом и представления своего заключения комитету. Кн. Н.В.Шаховской не встретил препятствий к выпуску журнала из типографии, но с его заключением не согласилось большинство комитета и разрешение вопроса было отложено до следующего заседания комитета. Случайно, на этом заседании присутствовал главный начальник по делам печати, Соловьев, который признал заключение кн. Н.В.Шаховского правильным, и, благодаря этому, было получено надлежащее разрешение.

В ноябре мне пришлось провести в Санкт-Петербурге более двух недель во время сессии сельскохозяйственного совета. По приезде, я в тот же день направился к министру внутренних дел, но у него в этот день приема не было. Вслед затем я посетил директора хозяйственного департамента, И.И.Кабата, передал ему два экземпляра журнала совещания председателей управ и ознакомил его во всех подробностях с предположениями о мартовском совещании в Санкт-Петербурге. И.И.Кабат высказал удовольствие, что вопрос о порядке составления земских смет включен в программу предстоящего съезда и сообщил, что в департаменте соответствующий проект разрабатывается и должен быть представлен не позднее половины марта на уважение государственного совета. Ввиду этого, И.И.Кабат выразил пожелание, чтобы совещание председателей состоялось в самом начале марта месяца и чтобы вопрос о сметах был поставлен первым на обсуждение, при этом директор департамента выразил готовность принять участие при рассмотрении этого вопроса. Я просил И.И.Кабата один экземпляр журнала передать министру и на случай, если министр пожелал бы получить от меня какие-либо дополнительные

сведения, просил директора департамента поставить меня о том в известность. И.И.Кабат участвовал в сельскохозяйственном совете, как представитель своего ведомства; по этой причине, во время моего пребывания в Санкт-Петербурге, мы встречались почти ежедневно и вступали часто в собеседования, причем речь шла преимущественно о занятиях совещания председателей управ. Многие члены сельскохозяйственного совета выражали желание ознакомиться с журналом совещаний, и я передавал им экземпляры журнала.

Беседы с И.И.Кабатом давали мне основание предполагать, что министерство внутренних дел относится к земскому совещанию благоприятно и что постепенно установятся необходимые для пользы дела нормальные отношения между министерством и земскими учреждениями. Однако, по возвращении в Москву 30-го ноября, я был крайне удивлен, известившись о совершенно неожиданном обороте дела. В губернской управе мне сообщили, что губернатор просит меня побывать у него тотчас по моем возвращении из Санкт-Петербурга, и я поспешил отправиться по его приглашению. А.Г.Булыгин, бывший в это время губернатором, передал мне свое конфиденциальное письмо от 25-го ноября 1896 г. следующего содержания.

> «Милостивый Государь, Дмитрий Николаевич! Г. министр внутренних дел уведомил меня, что по дошедшим до него сведениям, на частном совещании председателей губернских земских управ в Нижнем Новгороде, происходившем между 8 и 11 августа текущего года, было, между прочим, решено: 1) организовать периодические съезды председателей всех губернских земских управ, 2) для подготовительных

действий и для разработки, подлежащих обсуждению съездов вопросов, учредить при московской губернской земской управе бюро совещания председателей губернских земских управ, и 3) следующий съезд председателей назначить в марте 1897 года в С. Петербурге. С своей стороны г. министр внутренних дел находит, что никакие съезды, и тем более должностных лиц, состоящих на государственной службе, не могут иметь места без особого каждый раз разрешения в установленном порядке, и что объединение деятельности земских учреждений и установление общих руководящих начал для этой деятельности принадлежит исключительно ведению министерства внутренних дел».

«По сим соображениям, и имея в виду, что предположенная на нижегородском совещании председателей губернских земских управ организация съездов означенных председателей не была разрешена им министром, и как нарушающая строй нашего государственного порядка и не соответствующая основной задаче земских учреждений — ведать только местные дела губернии и уезда — ни в каком случае допущена быть не может, г. министр внутренних дел просит меня поставить о сем в известность ваше пр-тво и предложить вам немедленно закрыть учрежденное при московской губернской земской управе бюро председателей управ и не принимать в таковых съездах никакого участия. Сообщая вам о всем вышеизложенном, для соответствующих распоряжений и исполнения, имею честь просить ваше превосходительство уведо-

мить меня как о времени закрытия означенного бюро, так и о получении вами настоящего сообщения».

А.Г.Булыгину было известно о моих переговорах в мае с министром по поводу совещаний председателей управ и журнал нижегородского совещания был передан мной губернатору лично в сентябре. А.Г.Булыгин не менее меня был удивлен тем, что министр, зная о моем пребывании в Санкт-Петербурге, не пригласил меня и не обратился непосредственно ко мне. В своем письме к губернатору министр предлагал ему немедленно закрыть учрежденное при губернской управе бюро и это предложение ставило А.Г.Булыгина в затруднительное положение, так как ему хорошо было известно, что в губернской управе никакого бюро совещания председателей губернских управ не существует. При обсуждении с А.Г.Булыгиным возможных причин, вызвавших такую перемену в отношениях министра к известному ему факту, я высказал предположение, что не послужила ли к тому поводом неточность, случайно вкравшаяся в журнал совещания; там было сказано, что совещание признало нужным организовать бюро при московской губернской управе, тогда как в действительности это вовсе не предполагалось и следовало сказать, что бюро организуется в Москве. Ввиду этого, я сказал А.Г.Булыгину, что изложу свои объяснения в особом письме, содержание которого прошу сообщить министру. 2-го декабря я послал губернатору следующее письмо.

«Милостивый Государь, Александр Григорьевич! Письмо вашего пр-ва от 25 ноября получено мною только 30-го, по возвращении моем из Санкт-Петербурга, где я в течение ноября как вам известно,

принимал участие в сельскохозяйственном совете министерства земледелия. Ваше пр-во изволите предлагать мне, согласно распоряжению г. министра внутренних дел, немедленно закрыть учрежденное при московской губернской земской управе бюро съезда председателей губернских управ, вследствие чего я имею честь представить следующее объяснение. Состоявшееся в прошлом августе в Нижнем Новгороде совещание 19-ти председателей губернских управ имело совершенно частный характер. Присутствовавшие на этом совещании председатели управ пришли, между прочим, к заключению, что такого рода беседы и обмен мнений имеют для лиц, стоящих близко к земскому делу, большое значение, содействуя им в выяснении и правильном освещении различных вопросов, входящих в круг ведения земских учреждений, и поэтому было признано желательным собираться и в будущем, время от времени, для таких частных между собою совещаний. Для того, чтобы всем председателям управ были известны предметы, которые предполагается обсуждать в частных между собою беседах, и для того, чтобы иметь возможность по намеченным вопросам предварительно ознакомиться с относящимся к ним материалом, совещание нашло полезным избрать из своей среды пять лиц, которые образовали бы бюро совещания. Этому бюро не предполагалось вовсе придать значение какого-либо постоянного учреждения, а имелось только в виду, что избранные пять лиц будут иногда собираться, предварительно выяснять обсуждение каких вопросов в частных совещаниях председателей управ желательно, какой для того дол-

жен быть собран материал, и будут распределять между собою труд по разработке этого материала. Пять лиц, принявших на себя такую предварительную работу, согласились собираться для намеченной цели в Москве, как в более центральном пункте, о чем и было записано в журнале частного совещания, но при этом случайно вкралась редакционная ошибка: в журнале было записано, что совещание пришло к заключению организовать бюро при московской управе, тогда как следовало записать, что избранные совещанием члены бюро будут собираться в Москве, как это в действительности и безусловно понимало совещание. В конце прошлого сентября пять лиц, избранные совещанием, собирались в Москве, и наши частные беседы происходили отнюдь не в управе, а в моей частной квартире, и никакого отношения ни к управе, ни к нашим служебным обязанностям не имели. Из представленных мною объяснений ваше пр-во усмотреть изволите, что при московской губернской управе не существовало и не существует никакого бюро совещания председателей губернских управ, о закрытии которого вы предлагаете. Как происходившее в Нижнем Новгороде, так и предположенное в будущем совещание, могут иметь, несомненно, характер лишь исключительно частных бесед и обмена мыслей, и председатели управ, принимающие в этих совещаниях участие, участвуют в них только как частные лица».

20-го декабря я получил от А.Г.Булыгина следующий ответ:

«Милостивый Государь, Дмитрий Николаевич! Сообщенные мне вашим пр-ом 2 сего декабря за № 3196, сведения по вопросу о съездах председателей губернских земских управ были мною представлены по принадлежности и ныне г. министр внутренних дел уведомил меня, что представленные вами по означенному вопросу объяснения не могут быть признаны удовлетворительными и не убеждают в возможности разрешения периодических съездов председателей управ. Означенные представители земского общественного управления являются, по закону, лицами должностными, состоящими на государственной службе. При таком положении дела, как самые съезды, так и бюро для подготовительных к оным действий, не могут быть признаны исключительно частными собраниями, не требующими разрешения правительства, а потому и организация их, без испрошения такого разрешения, представляется нарушением закона. Вследствие сего г. министр внутренних дел просит меня объявить вашему пр-ву к исполнению, что он, министр, не допускает ни дальнейшего существования бюро, в каком бы виде оно ни было учреждено, ни участия вашего в вышеупомянутых съездах. Об этом имею честь сообщить вашему пр-тву к надлежащему исполнению».

Насколько мне удалось выяснить, перемена в отношении И.Л.Горемыкина к совещаниям председателей управ произошла под влиянием тревоги, возбужденной в петербургских реакционных, но влиятельных кругах, слухами о земских совещаниях и особенно под давлением К.П.Победоносцева. И.Л.Горемыкин, не обладавший стойкостью и

независимостью и ставивший выше всего сохранение своего положения, очевидно, не пожелал сообщить, что он своевременно был поставлен в известность об организации частных совещаний и что он даже преподал свои советы, которые были приняты и выполнены председателями губернских управ. Вместе с тем, решившись изменить свое отношение к земским совещаниям, он чувствовал себя в неловком положении относительно лиц, прямо и откровенно к нему обратившихся, уклонился поэтому от личных переговоров и объяснений и предпочел бюрократическое сношение при посредстве губернатора. По-видимому, И.И.Кабат своевременно не был предупрежден министром и предложение последнего было сделано губернатору по канцелярии министра, а не по хозяйственному департаменту. Да и трудно предположить, чтобы И.И.Кабат в течение более двух недель продолжал говорить со мной о дальнейших занятиях совещания председателей, если бы ему было известно новое положение, занятое министром. О распоряжении И.Л.Горемыкина я известил всех председателей управ и начатые в бюро совещания подготовительные работы были прекращены. Распоряжение министра, конечно, не могло устранить стремление земств к объединению и только вынуждало их для достижения той же цели изыскивать иные пути. Со своей стороны, потеряв всякое доверие к словам и намерениям И.Л.Горемыкина, я более к нему не обращался и не встречался с ним, пока он оставался министром внутренних дел.

Председатели губернских управ вновь собрались в Москве в августе 1898 года во время открытия памятника Императору Александру II. 16 августа при торжестве освящения памятника присутствовали председатели всех гу-

бернских управ, а также члены губернской управы и председатели уездных управ московской губернии. На следующий день все эти лица собрались к завтраку в губернской управе, а после завтрака происходила продолжительная беседа по многим, общим для всех, вопросам земской жизни и о способах возможного между губернскими земствами единения. Столы для завтрака были накрыты в большой зале управы перед мраморным памятником с бюстом Императора Александра II, украшенным цветами и зеленью. Для характеристики настроения, господствовавшего среди собравшихся, привожу две речи, произнесенные мной и председателем херсонской губернской земской управы, В.П.Андреевским, встреченные общим горячим сочувствием. Я обратился к присутствовавшим со следующими словами:

> «Позвольте мне, милостивые государи, приветствовать наших дорогих гостей, председателей губернских управ, сделавших нам честь, собравшись сегодня в помещении московской губернской управы. Собрание председателей управ вообще столь желательное, в настоящее время имеет особое для нас значение, так как все мы собрались в Москве для присутствия при торжественном открытии и освящении памятника блаженные памяти Императору Александру II, призвавшему к жизни земские учреждения. Корень земской реформы 1864 г., как и всех других реформ 60-х годов, лежит в освободительно-гуманном движении конца пятидесятых и начала шестидесятых годов, которому Россия обязана своим быстрым обновлением и возрождением. Этим движением были захвачены все лучшие общественные силы, и в то же время известно,

какие препятствия это движение встречало со стороны реакционной и весьма влиятельной партии. Но все создаваемые препятствия были устранены и все реформы были осуществлены, благодаря инициативе и личной энергии в Бозе почивающего Императора Александра II, основанных на глубоком убеждении и вере в правоту предпринятого Им дела. Так было и с введением земских учреждений. Когда обсуждение проекта земской реформы, вследствие противодействия реакции, грозило затянуться на неопределенное время, то 1 ноября 1863 года последовало Высочайшее повеление: „требую, чтобы дело это непременно было окончено до 1 января 1864 года“ и, только благодаря державной воле, дело это получило окончательное разрешение. Величайшая из реформ Императора Александра II, упразднение крепостного права, обусловливала гражданское перерождение народа, впервые получившего сознание о своих правах, о своей правоспособности. С изданием «Положения о крестьянах», установившего крестьянское самоуправление как в сельском, так и в волостном обществе, предчувствовалась неизбежность создания местного самоуправления для всего народонаселения, для всего русского общества. Освобождение крестьян должно было завершиться уничтожением бюрократической опеки над местной жизнью и вызвать установление общественного самоуправления. Обеспечение гражданской свободы всему населению приводило к сознанию, что удовлетворение местных потребностей немыслимо без свободного и самостоятельного участия местного населения в деле местного управления, т.е. немыслимо без общественной самоде-

ятельности. Нельзя было не признать, что невозможно организовать удовлетворение потребностей местного общества путем только административных предписаний, помимо свободной воли населения и его сознательного и самостоятельного в этом деле участия. Великий Самодержавный Государь с доверием отнесся к общественным силам и 1 января 1864 г. «Положение о земских учреждениях» получило законодательную санкцию. Образование земских учреждений имеет своею целью призвать в каждой местности к заведованию местными хозяйственными делами все без различия классы общества, составляющие земство, так как самое земство есть ничто иное, как соединение — общественный союз жителей одной местности для удовлетворения общих хозяйственных нужд. Хотя этот общественный союз является союзом принудительным и имеет своею задачей равномерное, в интересах справедливости, распределение как общественных тягостей, так и выгоды, доставляемой членам его на общие средства, но в основе этого союза, несомненно, лежит нравственное начало, — начало взаимопомощи по долгу христианской любви. Исходя из этого начала, земские учреждения и не руководствуются исключительно стремлением только равномерно распределить все поступающие в их распоряжение средства для равномерного предоставления выгод всем классам и членам данной земской единицы, а сосредоточивают свою деятельность и свои средства для обеспечения классов и местностей, наиболее нуждающихся в удовлетворении насущных своих потребностей. Так, например, как всем известно, владельцы крупных недвижимых иму-

ществ участвуют значительными суммами в раскладке земских сборов, но получают непосредственно от расходования земских средств сравнительно незначительные для себя выгоды и средства эти служат преимущественно для удовлетворения насущных потребностей крестьянского населения. Такая взаимопомощь не есть благотворительность, а есть только выполнение обществом лежащего на нем нравственного долга. Провидение наделило человека свободною волею, но оно же дало нам нравственный закон и выполнение этого закона открывает нам путь к личному и общественному благу. Участие в земских общественных союзах и обязанности, этим участием налагаемые, вполне гармонируют с исповедуемой нами христианской моралью. Земская идея есть по существу своему идея нравственная и вот почему, мм. гг., земское дело является всегда делом живым и привлекает к себе и со стороны людей, проникнутых желанием работать для других, людей, движимых глубокой верой в торжество альтруистических идей, вообще людей с более широким взглядом на жизнь. Со времени введения земских учреждений прошло уже 33 года. Не нам, конечно, судить, насколько удовлетворительно выполнило земство возложенные на него обязанности, но мы не можем не сознавать, что за этот срок было сделано весьма много для справедливого удовлетворения местных потребностей. Не могу пройти молчанием, что, как всем известно, при пересмотре положения о земских учреждениях в 1890 году было внесено много изменений, неблагоприятно отражающихся как на составе, так и на самостоятельности земских учреждений. Зем-

ское дело по существу своему, как дело живое и как дело общественное, может успешно идти и развиваться только при условии обеспечения ему необходимой самостоятельности. Мы, люди земские, глубоко верим, что местные потребности могут быть удовлетворены лишь при широком развитии общественной самодеятельности на почве исторически сложившегося государственного строя России. С глубоким благоговением и беспредельной благодарностью вспоминая высокомилостивое доверие, оказанное русскому обществу Великим Государем Императором Александром II, призвавшим к жизни общественные учреждения, приложим наши силы к тому, чтобы земские учреждения были всегда на высоте своего призвания и были бы всегда достойны доверия, оказываемого им верховною властью Монарха».

В.П.Андреевский с большим подъемом произнес следующую глубоко прочувствованную речь:

«Если бы каким-нибудь чудом сила моего слова могла подняться до высоты переживаемого нами в эти дни исторического момента, то мне, как русскому человеку, было бы тяжело, тяжело потому, что человеческое творчество, в какой бы то ни было области его проявления, я твердо верю, еще не доросло до возможности обнять в подобающей форме красоты и величия деяния Того, чей обаятельный облик, в открытом вчера памятнике, предстал умиленному взору восторженных россиян. Восторженное настроение это дает мне неслыханную смелость обратиться прямо к дорогому нам изображению незабвенного Монарха. Ве-

ликий в Бозе почивший Государь, щедрою рукою расточавший неизреченные блага своему народу, мученическою смертью еще более расширивший необъятный ореол своей неувядаемой славы, к подножию открытого Тебе памятника мы благоговейно повергаем лучшие силы своей человеческой души! Осени их обаянием Своего бессмертного гения и направь к той правде и любви, какими полна была Твоя многострадальная царственная жизнь. Одно лишь воспоминание о Твоем славном, отмеченном божественным перстом, царствовании вызывает в благодарных современниках и потомках благоговейные слезы восторга. Слезы обычных житейских горестей и печали иссушаются неумолимым временем; тех же слез источник не иссякает. Таятся они в сердцах, согретых любовью к ближнему и отчизне, и льются они неудержимо в торжественные исторические моменты, и под их живительною влагой растут и крепнут гражданские доблести, как под влагой небесною растут и зреют питающие нас земные плоды. Хочется верить в загробную жизнь, хочется чувствовать, что Твоя великая душа теперь витает над нами и вдохновляет нас неуклонно следовать предначертанным Тобою путем... Мир праху Твоему, великий человек, возлюбленный и незабвенный Монарх! Пройдут века, многое изменится в мире, деяния же исполинов мысли и воли, работавших за свободу, правду и любовь, великими пребудут навсегда, и мы, русские люди, гордясь величием и славой своего родного, русского исполина, поднимем высоко наши бокалы за благоденствие столь горячо любимой Им России».

Эти речи вызвали горячий отклик и многие председатели губернских управ выступили с заявлениями, в которых отмечали свою полную солидарность с высказанными мной и В.П.Андреевским мыслями и чувствами. Было высказано единодушно встреченное и поддержанное пожелание, чтобы произнесенные мною и В.П.Андреевским речи были напечатаны на следующий же день в московских газетах, и меня просили озаботиться этим делом. Однако, обратившись в редакцию «Русских Ведомостей» я узнал, что распоряжением министра внутренних дел всем органам московской прессы воспрещено помещать какие-либо сведения о собраниях прибывших в Москву на торжества председателей губернских управ. Вследствие этого редакция направила сообщение о происходившем собрании и текст произнесенных речей в Санкт-Петербург, где они были помещены 22-го августа в «Петербургских Ведомостях» и «Сыне Отечества».

18-го августа все председатели губернских управ отслужили в Чудовом монастыре торжественную панихиду по в Бозе почившем Императоре и возложили на Его памятник венок с надписью на лентах: «Основателю земских учреждений Великому Императору Александру II — благодарные земские учреждения России.» В воспоминание об этом председатели управ изъявили желание, чтобы всеми губернскими земствами была сооружена серебряная доска и укреплена к подножию мраморного памятника Александра II, находящегося в большой зале дома московского губернского земства, и поручили мне составить проект надписи на предполагаемой доске и сообщить его на заключение всех губернских управ. Возникшее в среде председателей управ предположение и проектированная на доске надпись были

доложены в 26 губерниях губернским земским собраниям и были встречены общим сочувствием. В 7 губерниях, еще до губернских собраний, состоялись по этому поводу соответствующие постановления губернских управ.

Не присоединилось к общему решению только симбирское земство; председатель симбирской управы, С.С.Андреевский, в ответ на обращение московской управы уведомил, что предположение о сооружении доски к памятнику Императора Александра II губернскому собранию доложено не было, а о желании симбирской губернской управы присоединиться к возникшему в среде председателей управ предположению никакого извещения не последовало. По этой причине из проекта надписи пришлось исключить слово, указывавшее, что доска сооружена всеми земствами России. Надпись на доске, укрепленной к подножию памятника, следующая:

«1898 года, августа 18-го дня, председатели губернских земских управ, присутствовавшие в Москве на торжестве освящения и открытия памятника Императору Александру II, движимые чувством глубокого благоговения и беспредельной благодарности к Державному Отцу русского земства, с любовью и доверием призвавшему общество к гражданской жизни, отслужили в Чудовом монастыре панихиду по в Бозе почивающем Государе и возложили венок на его памятник, воздвигнутый в Кремле, с надписью на лентах: «Основателю земских учреждений Великому Императору Александру II — благодарные земские учреждения России».

«В воспоминание о сем сооружена настоящая доска губернскими земствами России».

По постановлению московского губернского земского собрания были препровождены во все губернские управы

фотографические снимки с памятника Императора Александра II, находящегося в здании губернского земства, с укрепленной к подножию его доскою.

Во время съезда председателей губернских земских управ в Москве в августе 1898 г. обсуждался, между прочим, вопрос о земском периодическом органе печати. В очередной сессии 1897 г. костромское губернское земское собрание поручило управе снестись со всеми губернскими управами по вопросу о желательности учреждения особого земского органа. Воронежская губернская управа ответила костромской и в то же время сообщила московской управе, что местом издания общеземского органа должна быть Москва и высказала пожелание, чтобы московское губернское земство приняло на себя организацию этого дела. К этому пожеланию присоединились собравшиеся в Москве председатели управ и, по обмену мнениями по этому вопросу, просили московскую управу выработать проект программы будущего земского органа печати и разослать его во все губернские управы для отзывов. Почти одновременно та же мысль возникла в Вольно-Экономическом Обществе. 15-го сентября президент общества обратился ко всем председателям губернских управ с письмом, в котором просил высказаться: представляется ли желательным издание В.-Э. Обществом «Земского Ежегодника» и «Земского Сборника», какие изменения в проектированных программах признаются полезными и необходимыми, и на какую материальную помощь общество могло бы рассчитывать. Московская управа составила проект программы земского органа и, рассылая его в октябре того же года председателям губернских управ, просила известить, присоединяются ли они к предположению об издании в Москве печатного органа на

соединенные средства губернских земств, или к предположениям В.-Э. Общества и в то же время просила сообщить поправки и замечания на проект программы, составленной московской управой. Из полученных ответов выяснилось, что издание периодического органа, посвященного земским вопросам, признается необходимым, причем подавляющее большинство высказалось в пользу издания такого органа в Москве. Сводку полученных отзывов московская управа сообщила всем губернским управам и препроводила исправленный, согласно высказанным замечаниям, проект программы. Вместе с тем были сообщены соображения о предстоявших ежегодно расходах, исчисленных приблизительно в 30.000 руб. Отношение заканчивалось просьбой поставить в известность о постановлениях, которые состоятся в губернских собраниях по вопросу о земском органе печати. Отношение московской управы сопровождалось моим частным письмом к председателям, в котором я извещал их о следующем: В.П.Андреевский уведомил меня, что постановление херсонского собрания, выражавшее сочувствие инициативе костромского земства, ассигновавшее 300 р. на расходы по изданию печатного органа и состоявшееся до получения первого отношения московской управы, было опротестовано губернатором. Граф П.А.Гейден, при личном свидании, сообщил мне, что предположения В.-Э. Общества встречают сильное сопротивление со стороны министерства внутренних дел. Эти обстоятельства внушали опасения, что земское начинание может встретить препятствия, и прежде всего со стороны местной администрации. Поэтому, писал я, представлялось бы желательным, чтобы постановления собраний были облечены в форму, исключающую возможность протеста губернаторов. По разъяснению сената все

ходатайства, возбуждаемые земствами, не могут быть опротестованы на местах и должны быть представлены правительству. Ввиду этого желательно, чтобы все земские собрания, сочувствующие возникшему предположению, возбудили ходатайства о том, чтобы правительством было разрешено издание земского органа печати.

Из полученных ответов выяснилось, что вопрос о земском органе рассматривался в 29 собраниях; из них калужское отклонило доклад управы «по неизвестности программы будущего органа», ярославское передало вопрос в комиссию «для выработки подробной программы», 7 губернских собраний присоединились к предложению В.Э.Общества, 2 земства признали желательным, чтобы земские органы издавались как московским земством, так и В.Э.Обществом, и 18 земств, присоединившись к предложениям московской управы, постановили: возбудить пред правительством соответствующие ходатайства и просить московское губернское собрание представить программу земского органа на утверждение. На случай удовлетворения ходатайства, собрания ассигновали каждое от 1000 р. до 1500 р. на расходы по изданию. Уфимская управа известила, что доклад ею был составлен, но «по обстоятельствам, от управы не зависящим, рассмотрен не был». Псковская управа не получила своевременно отношение московской управы, которое затерялось на почте. Симбирская управа ограничилась сообщением, что предположение об издании земского органа собранию доложено не было. От тульской управы ответа не было получено.

Московское губернское собрание 17 марта 1899 г. в очередной сессии 1898 г. одобрило программу земского периодического органа печати и уполномочило управу

возбудить ходатайство: 1) о разрешении московскому губернскому земству издавать при губернской управе и за ее ответственностью с января 1900 г. «Земский Вестник» и 2) о разрешении бесплатной рассылки его во все губернские управы. Означенные ходатайства были предъявлены в мае 1899 г., а в июле московский губернатор известил управу, что по распоряжению министерства внутренних дел с 1900 г. при хозяйственном департаменте будет издаваться «Вестник земского и городского хозяйства» и что редакция «Вестника» с полною готовностью откроет страницы издания для помещения в оном желающими статей по вопросам земского и городского дела. Вслед за тем, московская управа в ответ на свое ходатайство была уведомлена, что министр не признал возможным удовлетворить предъявленный многими губернскими собраниями ряд ходатайств об издании в Москве земского периодического органа печати на средства всех губернских земств. В сентябре 1899 г. хозяйственный департамент препроводил во все губернские управы перечень вопросов, по которым просил поспешить доставить материалы, необходимые для «Вестника земского и городского хозяйства», и все просимые материалы московскою управою были препровождены в департамент. Осенью 1899 г. многие губернские управы запрашивали московскую управу относительно ее дальнейших намерений и не предполагает ли она нужным возбудить вновь ходатайство об издании земского органа печати. 27 ноября московская управа ответила, что она полагает полезным повременить предъявлением новых ходатайств и выждать, в какой мере проектируемый министерством орган будет отвечать потребности земства. Однако, вскоре, по окончании очередных губернских собраний, в большинстве губерний, хозяй-

ственный департамент известил циркулярно все управы, что в 1900 году издание «Вестника земского и городского хозяйства» не состоится.

20 декабря 1899 г. Вольно-Экономическое Общество уведомило все управы, что оно, вследствие отклонения земских ходатайств об издании земского органа печати, приступает к изданию «Земского Ежегодника» и «Земского Сборника» и просило об ассигновании на этот предмет земских средств, но 20 апреля 1900 г. деятельность В.-Э. Общества была приостановлена «впредь до утверждения нового устава» и предположение общества не могло получить своего осуществления.

Проектированный министерством орган, посвященный земскому и городскому делу, не получил своего осуществления и в 1901 году, а, между тем, потребность в таком органе сознавалась земской средой все острее. Наличность этой потребности наряду с земствами признавалась и самим министерством, как о том говорило его намерение принять на себя издание «Вестника земского и городского хозяйства», но, однако, осуществить свое предположение оно оказалось не в силах. Ввиду этого московская губернская управа сочла необходимым предложить губернскому земскому собранию очередной сессии 1901 года вновь ходатайствовать пред правительством о предоставлении московскому земству права на соединенные средства губернских земств издавать орган печати, который отвечал бы запросам и нуждам всех земств, и губернское собрание единогласно приняло предложение управы. Это вторичное ходатайство было предъявлено, но на него не последовало никакого ответа, хотя министерство, очевидно, оставило уже мысль об издании собственного органа, являвшуюся единствен-

ным, выставленным министерством, мотивом к отклонению ходатайств губернских земств в 1899 году.

Необходимость взаимодействия губернских земств всегда особенно определенно чувствовалась в области страхового дела. Почти одновременно с введением земского страхования возникло в земской среде сознание необходимости в организации взаимного перестрахования для правильной постановки страхового дела. Мне пришлось впервые принять участие в этом вопросе при его обсуждении в земской секции Всероссийского съезда сельских хозяев в декабре 1895 г. Земская секция признала, что страховое дело может быть поставлено широко и прочно только при условии объединения в этом деле земских учреждений и организации между ними перестрахования, но для постановки дела на таких началах земским деятелям должно быть предоставлено право, коим пользуются частные страховые учреждения, — право периодических съездов. Съезд, согласившись с заключением секции, в заключительном своем заседании признал необходимым устройство съездов представителей губернских земств по вопросам страхования и организации земского перестрахования.

Московское губернское земское собрание в экстренной сессии в апреле 1896 г., согласно с предположением управы, при рассмотрении возбужденного министерством внутренних дел вопроса о пересмотре положения о взаимном земском страховании постановило возбудить ходатайство о разрешении в Москве съезда представителей учреждений, заведующих земским страхованием, для выработки: а) положения о земском взаимном страховании и б) нормального устава о земском взаимном перестраховании. В очередном собрании того же года губернская управа предста-

вила доклад по поводу циркулярного запроса министерства, последовавшего вследствие предъявленного орловским земством ходатайства о разрешении ему перестраховывать свои риски в других земствах. Циркуляром предлагалось высказать принципиальное отношение к вопросу, возбужденному орловским земством, и наметить главные основания земского перестрахования. Губернское собрание, выразив полное сочувствие предположениям орловского земства, одобрило представленные московской губернской управой основные положения земского перестрахования для представления их в министерство.

К ходатайству орловского земского собрания присоединились 17 земств, причем 11 из них указали на необходимость созыва съезда представителей земств для разработки поставленного на очередь вопроса. Однако, земский съезд разрешен не был, но в мае 1899 года при страховом комитете министерства было организовано совещание, на которое были приглашены представители 8 губернских управ, в их числе и московской. На этом совещании были выработаны общие положения, но практическое разрешение вопроса последовало еще не скоро, и московское губернское собрание в декабре 1901 года вновь ходатайствовало о скорейшем внесении на рассмотрение государственного совета законопроекта о взаимном земском перестраховании. Только 12 декабря 1902 г. закон о перестраховании был утвержден и в основу его легли положения, выработанные совещанием при страховом комитете в мае 1899 года. Тотчас, по издании закона, последовали ходатайства многих земств о созыве представителей управ. Совещание состоялось в Санкт-Петербурге при страховом комитете, с 20 по 28 апреля 1903 г., под председательством управляющего стра-

ховым отделом, при участии 3 членов страхового комитета и 40 представителей 23 губернских земских управ. Занятия совещания происходили по программе, представленной московской губернской управой, выработавшей ее по соглашению с представителями управ, ходатайствовавших о созыве совещания. После рассмотрения всех вопросов программы, совещание перешло к обсуждению порядка составления перестраховочного между земствами договора и поручило составление соответствующего проекта комиссии из представителей курской, московской, нижегородской, орловской, смоленской и тверской управ. Комиссия, собравшись в Москве в июне, выработала проект договора и препроводила его на заключение всех губернских управ, а по получении их отзывов, установила текст договора, который в том же году был представлен на одобрение губернских собраний, пожелавших вступить в перестраховочный союз. Одновременно представители управ согласились предложить губернским собраниям возбудить ходатайства о ежегодном созыве в начале второй недели великого поста при страховом комитете представителей губернских земств для разрешения вопросов, связанных с перестрахованием. Такие ходатайства были представлены и этим открывалась возможность ежегодных собраний представителей всех управ, так как к назначенному сроку могли приезжать в Санкт-Петербург и председатели управ из губерний, не участвующих в перестраховочном союзе.

В последний раз мне, как председателю московской губернской управы, пришлось принять участие в объединении земств в деле помощи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке. 27 января 1904 г. московское губернское земское собрание, под впечатлением разрыва дипломатиче-

ских сношений с Японией и начала военных действий, прервало занятия очередной сессии 1903 года и постановило возобновить их 10-го февраля. В этот день собрание, ассигновав средства на нужды, вызываемые войной, сделало, между прочим, следующее постановление: «Не предрешая вопроса, в какой форме должна быть организована помощь раненым и больным, но признавая желательным, чтобы в деле обеспечения этой помощью московское земство приняло не только материальное, а и возможно широкое активное участие, и признавая, что эта цель может быть наиболее успешно достигнута при взаимодействии московского земства с земствами других губерний, избрать комиссию из 10 гласных и предоставить ей, совместно с губернской управой, полномочия: выработать план действий и организовать дело помощи раненым и больным на месте военных действий, привлекать необходимых для этого дела лиц и входить в соглашение с другими общественными учреждениями». В устном докладе, вызвавшем это постановление, я сообщил, что соображения управы о желательности и целесообразности работы на театре военных действий, совместно с другими земствами, разделяются представителями некоторых губернских земских управ, бывшими за последние дни в Москве. Избранная собранием комиссия и управа приступили к работе в тот же день вечером. Согласно общему желанию, 12-го февраля губернская управа поставила в известность 14 ближайших губернских управ о постановлении московского земского собрания «на случай, если бы они признали нужным принять участие в организации врачебно-санитарной помощи на Дальнем Востоке и вступить в этом деле в соглашение с московским земством». В ответ на это обращение желание организовать совместно

помощь раненым и больным воинам изъявили земства: воронежское, казанское, костромское, курское, орловское, пензенское, Санкт-Петербургское, тамбовское, тульское, уфимское, черниговское, харьковское и ярославское.

Приступая к организации взаимодействия земств в деле помощи раненым и больным воинам, все мы, земские люди, опасались встретить препятствие земскому единению со стороны министра внутренних дел, В.К.Плеве, и наши опасения в ближайшем же времени оправдались. Министр тотчас же принял меры, чтобы пресечь осуществление земского начинания, и земским представителям пришлось с своей стороны безотлагательно приступить к действиям, с целью преодолеть противодействие В.К.Плеве и осуществить свое предположение. Вскоре, по объявлении войны, главное управление Красного Креста организовало исполнительную комиссию, во главе которой был поставлен граф И.И.Воронцов-Дашков. 24-го февраля председатель исполнительной комиссии обратился с обширным воззванием к земским и городским учреждениям, в котором, между прочим, говорил: «Если население желает, чтобы Красный Крест действительно выполнил свою задачу, необходимо влить в него живые силы людей, желающих трудиться, и материальные средства. Только тогда объединенные под флагом Красного Креста усилия всего населения вырвут из рук смерти все то, что может быть спасено с поля битвы и от эпидемических заболеваний. К этому объединенному действию под флагом Красного Креста исполнительная комиссия считает своим долгом пригласить земства и города». В самом начале апреля в Санкт-Петербурге при страховом комитете министерства внутренних дел состоялся съезд представителей губернских управ для заключения перестра-

ховочного договора; на съезде присутствовали представители 19 земств. В частных между собой совещаниях во время, свободное от занятий съезда, земские представители обсуждали с большим интересом вопросы, связанные с организацией совместной работы в деле помощи раненым и больным на Дальнем Востоке. Многие из нас вступили в обстоятельные переговоры с исполнительной комиссией Красного Креста и затем представители 8 губернских земств подали графу И.И.Воронцову-Дашкову докладную записку, в начале которой говорилось: «Представители губернских земств, сделавших ассигнования на помощь больным и раненым воинам на Дальнем Востоке при условии совместной деятельности, обсудив предложение исполнительной комиссии Российского Общества Красного Креста о видах этой помощи, могущих быть обслуженными объединенной организацией земств, пришли к следующим выводам: 1. Для продуктивности работы в этом деле необходима соединенная организация земств, желающих принести существенную пользу общему делу. В этих видах образуется в Москве особый исполнительный орган из представителей заинтересованных земств, в круг обязанностей которого входят: сношения с исполнительной комиссией Красного Креста, с земскими управами и с уполномоченными на Дальнем Востоке, исполнение поручений отдельных участников по приглашению служебного персонала и заготовки продуктов и инвентаря, заведование отправкой таковых на места действий, ведение общей отчетности и решение всех вопросов, вытекающих из организации дела. 2. Объединенная земская организация принимает на себя осуществление на Дальнем Востоке санитарной и питательной помощи путем устройства и содержания этапных врачебно-питательных пунк-

тов... В целях более удобного действия намеченной организации, в целях правильности надзора, в целях большего привлечения к делу пожертвований со стороны земских собраний и частных лиц, земским уполномоченным должна быть предоставлена возможно большая самостоятельность при организации и ведении дела»... Далее в записке в 4-х пунктах (3—6) устанавливались подробности постановки дела и отношений между земской организацией и учреждениями Красного Креста. Заканчивалась записка так: «Изложенные положения были обсуждены представителями 19 земств. В заключение мы просим ваше сиятельство доложить наше заявление исполнительной комиссии Российского Общества Красного Креста и сообщить его вместе с постановлением комиссии губернским и уездным земским управам». В беседе, последовавшей после прочтения записки, представившие ее земские деятели доложили председателю исполнительной комиссии об отрицательном отношении к организации земского взаимодействия министра внутренних дел, о встречаемых земствами по этой причине затруднениях и обратили внимание графа на то, что состоявшиеся постановления губернских земств о совместной их деятельности на помощь больным и раненым воинам не были нигде опротестованы губернаторами и в настоящее время должны быть признаны имеющими законную силу. На следующий день граф И.И. Воронцов-Дашков пригласил меня к себе и по его желанию я рассказал ему более подробно, как о препятствиях, оказываемых министром внутренних дел вновь создающейся земской организации, так и вообще об отношении В.К.Плеве к земским учреждениям.

Исполнительная комиссия, обсудив представленную земскими представителями записку и имея в виду, что

начертанный в ней план действий вполне соответствует вошедшим в законную силу постановлениям земских собраний, нашла с своей стороны предполагаемую земскую организацию вполне целесообразной и признала возможным принять ее предложение к исполнению. Постановление комиссии ее председателем было доложено Августейшей Покровительнице Российского Общества Красного Креста, Императрице Марии Федоровне, и получило одобрение Её Величества. Таким образом, земская организация была принята под флаг Красного Креста и В.К.Плеве пришлось считаться с совершившимся фактом.

Тем не менее в начале апреля московская губернская управа получила через губернатора запрос министра внутренних дел о действиях управы по объединению земств. Управе предлагалось ответить на следующие вопросы:

> «1) Обращалась ли московская управа к земским управам других губерний, и к каким именно, с приглашением принять участие в совместной помощи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке? 2) В какой форме последовало приглашение и от каких земств и какие получены ответы? 3) Действовала ли в этом случае управа по уполномочию земского собрания и в чем таковое выразилось? 4) При каких условиях было образовано в Москве совещание представителей земств для обсуждения совместных действий по подаче помощи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке? 5) Из кого состоит названное совещание? 6) В каком порядке протекают занятия совещания, кто председательствует, ведутся ли журналы заседаний и кто заведует делопроизводством? 7) Какие вопросы были предметом суждений совещания и ка-

кие приняты по ним решения? 8) Имеется ли при совещании постоянный исполнительный орган, в каком виде он устроен и из кого состоит? 9) Входило ли совещание в непосредственные сношения с какими-либо земскими управами сверх тех, представители которых участвуют в соглашении, с какими именно, и по каким предметам?».

Московская губернская управа ответила на все предложенные вопросы подробно в соответствии с действительным положением дела, ничего не утаивая. Запрос министра давал основание предполагать, что земским учреждениям будет оказано дальнейшее противодействие в их начинании со стороны министерства, но, однако, такое противодействие было отчасти парализовано следующим обстоятельством.

27-го апреля, князь Г.Е.Львов, главноуполномоченный общеземской организации на Дальнем Востоке, представлялся Государю Императору и просил напутственного благословения Его Императорского Величества на трудное и ответственное дело. Его Величество милостиво благословил князя и соизволил повелеть передать представителям земств, принимавших участие в объединенной земской организации, и персоналу земских отрядов Высочайшее сочувствие предпринимаемому земством делу, напутственное благословение и пожелание успеха в святом деле человеколюбия. Повеление Его Величества было выполнено князем Г.Е.Львовым в совещании представителей общеземской организации 2-го мая. Министр внутренних дел был поставлен пред необходимостью подчиниться и примириться с фактом существования неприятной ему земской организа-

ции, но в то же время он признал возможным, констатировав в своем циркуляре образование земской организации, принятой под флаг Красного Креста и в состав которой к этому времени вошли 14 земств, воспретить остальным земствам дальнейшее присоединение к возникшей вновь организации. Вследствие этого распоряжения губернаторами опротестовывались все последовавшие после циркуляра министра постановления земских собраний о присоединении их к общеземской организации.

Когда почин в деле организации взаимодействия земств получил благоприятное принципиальное разрешение, тогда возник вопрос — на каких началах это взаимодействие должно быть организовано? Представлялись возможными два решения: или все суммы, ассигнованные отдельными земствами, вносятся в общую кассу, из которой и производятся все расходы по распоряжениям совещания, составленного из представителей всех земств, участвующих в организации, или представителями всех земств вырабатывается общий план действий, а затем каждое земство, в зависимости от своих средств, организует один или несколько санитарно-продовольственных отрядов, действия которых объединяются на месте распоряжением Общеземского главного уполномоченного. Совещание приняло последнюю форму взаимодействия. Первое заседание общеземской организации состоялось в Москве 10-го марта в помещении губернской земской управы. Состав совещаний не был строго определен; число представителей от губернии колебалось от 1 до 5. Такой состав не вызывал никаких недоразумений; совещания представлялись периодическими съездами земских деятелей для разрешения определенных задач и согласие достигалось всегда свободно взаимными уступками.

Журналы совещаний препровождались во все губернские управы, которые и присылали к назначаемым срокам своих представителей в Москву.

Общеземская организация была встречена общим сочувствием на театре военных действий. Главнокомандующий А.Н. Куропаткин проявлял заботливое отношение к земским отрядам и в беседе с уполномоченным московского земства сказал, что он считает себя членом земской семьи, как сын бывшего председателя земской управы, научившимся с ранней молодости ценить и уважать земскую деятельность. Во второй половине 1904 года, после убийства В.К.Плеве, во главе министерства внутренних дел встал князь П.Д.Святополк-Мирский, человек чуждый реакционным стремлениям и с доверием относившийся к органам общественного самоуправления. 17 октября в совещании общеземской организации было оглашено следующее распоряжение министра внутренних дел, опубликованное в «Правительственном Вестнике»: «Генерал-адъютант Куропаткин в телеграмме на имя министра внутренних дел свидетельствует, между прочим, о полезной и самоотверженной деятельности врачебно-санитарных отрядов при Манчжурской армии, снаряженных на средства 14 земств, высказывая пожелание об усилении этих отрядов. По докладе о сем Его Императорскому Величеству министр внутренних дел циркуляром от 6-го сего октября поставил губернаторов в известность, что в видах усиления размера помощи раненым и больным воинам, он не встречает препятствий к осуществлению могущих возникнуть со стороны земств предположений об ассигновании средств, как на развитие деятельности уже существующих земских отрядов, так равно и на образование новых».

Это распоряжение, открывавшее всем земствам возможность присоединения к общеземской организации и авторитетно признававшее значение и результаты деятельности этой организации, доставило большое моральное удовлетворение всем, кому дороги интересы земского самоуправления и развитие земской деятельности. С тех пор общеземская организация не прекращала своей деятельности; по окончании войны работа организации и поступавшие в ее распоряжение средства направлялись преимущественно на помощь населению, страдавшему от неурожаев, а в 1914 году, с начала великой европейской войны, общеземская организация явилась основной ячейкой, из которой развился мощный Всероссийский Земский Союз.

Глава IV

Отношение государственной власти к земскому самоуправлению. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 года. Отношения местной администрации к земским учреждениям московской губернии. Законодательные акты, направленные к ограничению прав и компетенции земства. Законодательные предположения министров, не получившие осуществления. Записка С.Ю.Витте о несовместимости земских учреждений с самодержавным строем государства.

Мое вступление в состав сначала волоколамской, а затем вскоре губернской управы совпало с первым трехлетием введения в московской губернии «Положения о земских учреждениях 12-го июня 1890 года». Новое земское «положение» явилось законодательным актом, вытекавшим из характера всей внутренней политики государственной власти восьмидесятых годов прошлого столетия. Общий смысл этой политики может быть определен, как отрицание всех преобразований шестидесятых годов и как стремление вернуть общественную жизнь в старое русло бесправия общества и самовластия правительства. Государственная власть, проникнутая недоверием к общественным силам, поставила себе одной из главных задач — ограничение общественной самодеятельности. «Положение 1890 года» имело своею целью ослабить влияние демократических элементов в земской жизни и предоставить в ней главную роль дворянству, но, однако, в то же время власть не была склонна отнестись с большим доверием к новому земству и в реформированном его составе. Новое «положение» всемерно усиливало административный надзор над новыми

земскими учреждениями, так, например: губернатору предоставлялось наблюдение не только за законностью действий земства, но и за целесообразностью постановлений земских собраний (ст. 87); ему же было предоставлено право ревизии земских управ и других органов земского управления (ст. 103); приглашение и определение управами лиц на земскую службу было обусловлено согласием губернатора (ст. 107); дискреционное право министра внутренних дел и губернатора не утверждать избранных собраниями представителей земских управ было усилено и распространено на лиц, избираемых на должность членов управ, а министру было дано право в известных случаях замещать должности председателей и членов управ по назначению (ст. 118 и 119).

Все мероприятия правительства, направленные к ограничению необходимой земству самостоятельности, мероприятия, несправедливые и неправомерные в своем основании, не могли достигнуть преследуемых ими целей и дали результаты, совершенно противоположные ожиданиям власти. Установление сословной группировки избирателей при избрании земских гласных являлось принципиально неправильным, вступая в противоречие с сущностью земской идеи и с задачами земского дела. Установление сословного представительства могло лишь воспитывать в демократических кругах населения недовольство и отрицательное отношение к представителям в земстве того сословия, которому новое «положение» стремилось предоставить руководящую роль в земском деле. Но, независимо от соображений принципиального характера, новая система выборов создавала немало практических затруднений при образовании земских собраний. Число гласных для каждого уезда было определено с таким расчетом, чтобы гласных от дворянского избира-

тельного собрания было никак не менее половины всего состава уездного земского собрания. Это условие в уездах с большим населением, но с незначительным количеством дворянского землевладения, ограничивало общий состав уездного собрания и лишало многие местности возможности иметь своих представителей в земстве. Так, в богородском уезде, занимающем по количеству населения первое место в московской губернии, с сильно развитой фабричной промышленностью и при 17 волостях, новое «земское положение» вводило в состав уездного собрания всего 16 гласных, в том числе: 8 представителей дворянства, 4 лица от второго избирательного собрания и 4 гласных от сельских обществ, тогда как по «земскому положению 1864 г.» уездное собрание состояло из 44 гласных, из числа которых 19 являлись представителями сельских обществ. По инициативе богородского земства губернское собрание в очередной сессии 1893 года возбудило ходатайство об увеличении числа гласных в богородском уезде от 2-го избирательного собрания и особенно от сельских обществ. Это ходатайство было представлено губернской управой, а весной 1894 г. я был в Санкт-Петербурге и, как председатель управы, обратился к товарищу министра внутренних дел, Д.С.Сипягину, чтобы лично поддержать предъявленное ходатайство и узнать о его дальнейшей судьбе. Д.С. Сипягин сообщил, что ходатайство московского земства рассмотрено министерством и признано подлежащим отклонению, как противоречащее принципу, положенному в 1890 году в основу земского представительства. Все приведенные мной доводы не могли поколебать точку зрения, усвоенную министерством, и тогда я высказал мысль, что, ввиду настоятельной необходимости увеличить вообще состав богородского собрания, не найдет

ли министерство возможным удовлетворить ходатайство земства и одновременно увеличить соответственно число гласных от 1-го избирательного собрания; при этом я счел нужным оговорить, что это последнее увеличение будет фиктивным, вследствие небольшого числа дворянских имений в уезде и безучастности многих их владельцев к местным земским интересам. Это предложение было встречено сочувственно, и законом 30 мая 1894 года число гласных в богородском уезде было увеличено: для первого избирательного собрания до 12, для второго до 6 и до 6 же для избираемых от сельских обществ.

Предоставляя дворянству численное преобладание в составе земских собраний, государственная власть предполагала найти в представителях этого сословия добровольных сотрудников администрации, призываемых для наблюдения, чтобы в земстве не проявлялось либеральных веяний и чтобы направление деятельности земских учреждений соответствовало «видам правительства», но и тут правительство ошиблось в своих расчетах. Предположения его могли бы оправдаться, если русское дворянство являлось бы политическим общественным сословием, преследующим в государственной жизни свои классовые интересы; в этом случае направление земской жизни, несомненно, определялось бы борьбой сословных интересов. Но представительство и борьба интересов были чужды нашему дворянству, да и вообще русскому духу. Преобладание в составе реформированного земства представителей дворянства не помешало земским учреждениям направлять по-прежнему свои силы и средства на обслуживание широких масс населения и характер земской деятельности остался неизменным и определялся, преимущественно, идейными стремлениями. Земская

идея по существу своему есть идея нравственная и, как таковая, воспитывает в соприкасающихся с ней сознание долга и желание работать на пользу общую. Несмотря на сословную группировку избирателей, установленную «земским Положением 1890 года», представители имущественных классов, имевшие в земских собраниях подавляющий перевес, не останавливались перед необходимостью последовательного увеличения обложения своих имуществ для образования средств, направляемых, главным образом, на удовлетворение потребностей сельского населения. Демократические тенденции в земстве притекали сверху, а не снизу, и вытекали из земской идеи, а не из борьбы интересов. В земской среде продолжало неуклонно крепнуть и развиваться убеждение, что в земском деле в составлении земских средств должны участвовать все плательщики земских сборов пропорционально своим доходам или ценности принадлежащих им имуществ, а расходоваться земские средства должны, преимущественно, на удовлетворение культурных и материальных потребностей менее состоятельного, но многочисленного населения. Земское общественное дело само по себе воспитывает дух и настроение в людях, принимающих в нем участие. Нельзя, однако, не отметить, что предоставление дворянству преобладания в земстве не оказало неблагоприятного влияния на земское дело отчасти и по той причине, что участие в нем принимали преимущественно наиболее прогрессивные и культурные дворянские представители, хорошо понимавшие земскую идею и земские задачи, а члены сословия, реакционно настроенные или чуждые вообще интересам политической и общественной жизни, долгое время в большей части воздерживались от участия в земских учреждениях.

Ближайшие годы по введении в действие «Положения 1890 года» с достаточной наглядностью и убедительностью выяснили неправильность и ошибочность оснований, на которых оно было построено, и нецелесообразность политики власти по отношению к общественным учреждениям. Правительству, казалось, нельзя было не видеть и не понять, что его политика воспитывает в обществе отрицательное отношение к власти, подрывает её авторитет и исключает возможность создания столь всегда необходимых в государственной и общественной жизни взаимодействия и единения правительственных и общественных сил. Но правительство не хотело ни видеть, ни слышать, ни понимать, что его политика не достигает преследуемых ею целей, и в слепом упорстве продолжало законодательными и административными мерами стеснять общественную самодеятельность. Законодательные акты, проникнутые недоверием к земским учреждениям, начиная с 1893 года, следовали один за другим непрерывно и стремились стеснить общественную самодеятельность. Я укажу на некоторые из них, наиболее существенные и на которые тем или иным способом реагировало московское земство, но предварительно сообщу о нескольких случаях, характеризующих отношения к земским учреждениям местной администрации.

Осенью 1892 года в должность московского губернатора вступил Д.С.Сипягин, человек по своим убеждениям, преклонявшийся пред режимом господствовавшего бюрократического абсолютизма. Свое отношение к земским учреждениям он поспешил проявить своим циркуляром (2 января 1893 г.), направленным в губернскую и во все уездные управы губернии. Этот пространный циркуляр, состоявший более чем из 30 пунктов, касался почти всех отраслей

земского дела и стремился регламентировать детально всю деятельность управ. Некоторые из преподанных указаний не имели существенного значения, однако, совершенно напрасно обременяли управы бесконечными формальностями; но в то же время в циркуляре предъявлялось очень много таких требований, выполнение которых грозило очень вредными последствиями земскому делу, а в некоторых случаях ставило управы в безвыходное положение. Так, например, циркуляр предлагал управам к обязательному исполнению: 1) вносить в земские сметы доходов благонадежные к поступлению недоимки земских сборов и 2) приобретать в начале сметного года на суммы, назначаемые по сметам расходов на образование оборотных капиталов, процентные бумаги и помещать их на хранение в казначейства. Первое из этих требований предъявлялось в то время, когда земским учреждениям с определенностью выяснилось, что внесение в сметы недоимок, к чему некоторые земства прибегали, избегая увеличения обложения, — является главной причиной, колеблющей финансовое положение земств, а второе требование являлось противоречием цели, преследуемой законом, установившем ежегодные сметные отчисления на образование оборотных капиталов, чтобы облегчить денежные обороты управ, приобретение же на эти суммы процентных бумаг исключало бы их из денежного оборота. Как пример требований невыполнимых, укажу на пункт циркуляра, предлагавший управам не допускать приглашаемых ими на службу лиц к исполнению поручаемых им обязанностей впредь до получения уведомления о согласии губернатора. Такие уведомления обычно поступали через несколько месяцев после представления управ и, очевидно, приглашаемые на земскую службу лица не могли

такое продолжительное время, не получая содержания, выжидать решения своей участи. Председатель московской уездной управы поспешил возразить на полученный циркуляр и представил губернатору объяснения по пунктам о нецелесообразности и невыполнимости предъявленных требований, но тотчас же получил резкий ответ, предлагавший не вступать с губернатором в пререкания и принять его указания к неуклонному исполнению.

В январе 1893 г. возобновилась очередная сессия губернского земского собрания 1892 г. и председатели уездных управ воспользовались этим случаем, чтобы, собравшись под председательством Д.А.Наумова, обсудить создавшееся циркуляром положение и найти какой-либо выход. При совместном обсуждении были выяснены все вызываемые циркуляром недоразумения и возражения и затем собравшиеся просили меня, как лицо, близко знакомое с Д.С.Сипягиным[6], переговорить с ним частным порядком и попытаться прийти к приемлемому для земских управ соглашению. Я поспешил исполнить возложенное на меня поручение и в продолжительной беседе, в течение целого вечера, мне удалось доказать Д.С.Сипягину основательность отрицательного отношения всех управ к его циркуляру и, в заключение наших переговоров, мы наметили пункты циркуляра, которые могли быть выполнены с теми или иными изменениями, и условились относительно пунктов, от которых Д.С. признал возможным отказаться. В частности

6 Д.С.Сипягин был землевладельцем Волоколамского уезда; в 80-х годах он был в уезде предводителем дворянства, а я председателем съезда мировых судей, и мы находились в товарищеских отношениях.

относительно указанного выше требования о порядке приглашения лиц на земскую службу мы пришли к следующему соглашению: так как предъявленное в циркуляре требование противоречит ст. 611 Общего учреждения губерний, согласно которой неполучение от губернатора уведомления в течение 2-х недель признается за изъявление его согласия, а в то же время ст. 20 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия предоставляла губернатору право удалять со службы в земских учреждениях лиц, признаваемых им неблагонадежными, то было признано возможным установить, что управы будут допускать приглашаемых ими на земскую службу лиц к исполнению их обязанностей, не ожидая уведомления губернатора, но если затем на основании сведений, полученных от департамента полиции, губернатор уведомит о невозможности для данного лица оставаться на земской службе, то управа примет меры к удалению этого лица. В заключение Д.С.Сипягин просил меня сообщить о результатах наших переговоров всем председателям управ частным образом и передать им, что официальная переписка по поводу циркуляра признается нежелательной.

Неуважение к общественному самоуправлению особенно резко было проявлено Д.С.Сипягиным в вопросе об издании обязательных постановлений земства. В очередной сессии 1892 года губернским собранием был одобрен проект обязательных санитарных постановлений, причем на редакции выработанных правил неблагоприятно отразилось возбужденное настроение, в котором протекала сессия, как это указано ранее в I-ой главе. Собрание рассматривало проект постановлений в двух параллельных текстах, принадлежавших — один губернской управе, а другой редакци-

онной комиссии, принимало статьи, предложенные то одним проектом, то другим, и спешно вносило в них изменения, отчего редакция их не могла не пострадать. 15 апреля 1893 г. выработанный собранием проект был представлен губернатору, который не признал возможным его утвердить и передал его на рассмотрение губернского по земским делам Присутствия. Из частных бесед со мной Д.С.Сипягин знал, что и я с своей стороны нахожу необходимым пересмотр и исправление редакции проекта обязательных санитарных постановлений и просил меня частным порядком принять на себя труд подготовить указания на желательные изменения в тексте статей проекта для облегчения его рассмотрения в Присутствии. Приняв во внимание, что проект постановлений в представленном виде утвержден не будет, что губернской управе будет предстоять внести этот вопрос на новое рассмотрение губернского собрания и что желательно в интересах дела, чтобы новая редакция санитарных постановлений не вызвала в будущем возражений со стороны губернатора, я согласился на предложение Д.С.Сипягина. Губернской управой совместно с санитарным её отделением была произведена соответствующая работа, с которой я познакомил Д.С.Сипягина, а затем по его просьбе при докладе вопроса в Присутствии делал замечания и указывал на желательные изменения в проекте. Все мои предложения принимались и заносились в журнал. 23 августа губернатор сообщил управе официально о неутверждении выработанного губернским земским собранием проекта санитарных постановлений и о желательных в нем изменениях, намеченных губернским по земским делам Присутствием. Таким образом, казалось, дело получило правильное направление, и губернская управа должна была бы внести

вновь в губернское собрание проект санитарных правил в новой редакции. Каково же было мое и сотрудников моих в земской работе удивление, когда нам сделалось вскоре известным, что губернатором сделано распоряжение о распубликовании в «Губернских Ведомостях» обязательных санитарных постановлений с изменениями, предположенными губернским Присутствием. Я немедленно посетил Д.С.Сипягина и обратил его внимание на то, что губернатору законом предоставлено право только опубликовывать постановления, принятые земским собранием, но ему не дано право изменять их по своему усмотрению или согласно заключению Присутствия, и что на точном основании ст. 111 и ст. 85 земского положения опротестованное постановление собрания считается несостоявшимся, о чем должно быть извещено земское собрание с приведением соображений, служивших основанием решения Присутствия. В то же время я высказал недоумение, как мог Д.С.Сипягин просить меня подготовить проект измененной редакции постановлений, раз он имел намерение опубликовать эти постановления с нарушением права, предоставленного земству. Однако, слова и убеждения не могли повлиять на изменение решения, принятого самоуправным администратором. Д.С.Сипягин говорил, что, обращаясь к моему содействию, он руководился желанием, чтобы вносимые изменения соответствовали требованиям земского дела, но он не может допустить, чтобы решение правительственного органа, которому поручен надзор за деятельностью земских учреждений, поступало бы на обсуждение земского собрания и не было бы для него обязательным. «Я, — говорил Д.С.Сипягин, — присягал держать крепко в моих руках порученную мне власть». Незаконное распоряжение губер-

натора было доложено управой губернскому собранию, которое постановило обжаловать его Правительствующему Сенату. 8 февраля 1897 г. состоялось определение Сената, в заключительной части которого было сказано, что «распубликование санитарных обязательных постановлений с исправлениями, предположенными губернским по городским и земским делам Присутствием, без передачи этих постановлений вновь на обсуждение губернского земского собрания последовало не согласно закона, а потому распоряжение губернатора отменить и предложить губернскому земскому собранию обсудить сделанные Присутствием изменения и в дальнейшем поступать по закону».

В мае 1894 года Д.С.Сипягин был назначен товарищем министра земледелия и государственных имуществ, но незадолго до оставления им поста губернатора между нами имел место конфликт по следующему поводу. В течение лета 1893 г. губернской управой был приглашен на должность санитарного врача М.С.Уваров, о чем своевременно было сообщено губернатору, а М.С.Уваров, согласно действовавшему соглашению с Д.С.Сипягиным, приступил тогда же к исполнению своих обязанностей. В начале весны 1894 года губернатор уведомил управу, что он не может изъявить согласия на поступление М.С.Уварова на земскую службу. Имея несомненные сведения, что во всей предыдущей деятельности М.С.Уварова не было ничего, что могло бы вызвать подозрительное отношение к нему департамента полиции, и предполагая, что в данном случае имеет место какое-либо недоразумение, примеры чего были не редки, я обратился лично к Д.С.Сипягину и просил его ознакомить меня с отзывом департамента полиции. Д.С.Сипягин уклонился от сообщения источника и характера полученных

сведений и настаивал, чтобы управа на основании действовавшего соглашения предложила М.С.Уварову оставить земскую службу. Я настаивал с своей стороны на необходимости предварительного выяснения вопроса, указывал, что по установленному между нами соглашению управа должна уволить М.С.Уварова только в том случае, если это требование предъявляется губернатором на основании отзыва департамента полиции; если такой отзыв имеется, то необходимо предоставить М.С.Уварову выяснить вероятное недоразумение. Несколько раз при наших свиданиях Д.С.Сипягин и я возвращались к этому вопросу, но не могли прийти к соглашению, и вопрос оставался неразрешенным ко времени оставления Д.С.Сипягиным Москвы и вступления в должность губернатора А.Г.Булыгина, который являлся для меня человеком совершенно незнакомым. Представляясь в первый раз губернатору, я имел с ним продолжительную беседу, во время которой я, между прочим, ознакомил его с соглашением, состоявшимся с его предшественником по вопросу о порядке приглашения управами лиц на земскую службу. А.Г.Булыгин вполне одобрил установленный порядок и выразил пожелание о его сохранении. Я сообщил губернатору об остающемся открытым вопросе относительно М.С.Уварова. А.Г.Булыгин не был еще ознакомлен с этим делом и тут же потребовал из канцелярии справку. Из представленных ему сведений выяснилось, что отзыв департамента полиции о М.С.Уварове вполне благоприятный и что предложение Д.С.Сипягина имело своим основанием очень неопределенный отзыв П.Д.Ахлестышева, губернатора тверской губернии, где прежде работал М.С.Уваров. А.Г.Булыгин тотчас же сказал, что не видит никакого основания для устранения М.С.Уварова и тем

вопрос был исчерпан, а М.С.Уваров в скором времени был приглашен на службу в медицинский департамент министерства внутренних дел.

А.Г.Булыгин был одним из лучших губернаторов своего времени. Он обладал большой работоспособностью и отличался внимательным, добросовестным отношением к делу и работе. Председательствуя в многочисленных губернских коллегиальных учреждениях, он всегда был хорошо подготовлен и основательно осведомлен в подлежавших обсуждению вопросах. При ведении прений он старался быть объективным и беспристрастным. В отношениях к органам общественного самоуправления А.Г. был корректен, не стремился стеснять предоставленные им законом права и самостоятельность, с вниманием входил в рассмотрение заявлений представителей общественных учреждений и старался идти им навстречу или найти почву для компромисса. Однако, в то же время А.Г.Булыгин был строгим исполнителем предъявляемых ему требований и указаний центральной власти и опасался навлечь на себя её недовольство. Он нередко был не чужд желания заискивать расположения влиятельных лиц в высоких сферах. Примером этого может служить тенденциозное сообщение им некоторых сведений во всеподданнейшем отчете о деятельности земства в деле народного образования. 6 апреля 1896 года попечитель учебного округа, Н.П.Боголепов, сообщил официально председателю губернского училищного совета, губернскому предводителю дворянства, кн. П.Н.Трубецкому, копию полученного им, попечителем, предложения министра народного просвещения и копию извлечения из всеподданнейшего отчета губернатора за 1894 год и просил отзыва кн. П.Н.Трубецкого. Из препровожденных докумен-

тов было видно, что А.Г.Булыгин в части своего отчета, касавшейся начального образования, между прочим, говорил, что «к заведованию училищами призваны с одной стороны земства при посредстве училищных советов, а с другой — православное духовенство. К сожалению руководители народного образования не проявляют свою деятельность в полном единении, с единственною целью принести посильное содействие великому делу народного образования. Взамен сего между ними проявляется, если не полный разлад, то по меньшей мере отсутствие солидарности. В московской губернии земство не оказывает никакой материальной поддержки церковно-приходским школам, а исключительно заботится о своих». Приведенные слова были отчеркнуты Государем и на полях была сделана отметка: «Весьма грустно и неуместно». В дальнейшей части отчета были сообщены некоторые цифровые данные, не соответствовавшие действительности и дававшие неправильное освещение вопросу. Кн. П.Н.Трубецкой тотчас же ознакомил меня с отношением попечителя, и мы совместно составили ответ Н.П.Боголепову. В этом ответе было прежде всего с возмущением устранено утверждение губернатора, будто руководители народной школы проявляют свою деятельность «не с единственной целью» содействия народному образованию; затем опровергалось указание отчета на существующий якобы «разлад» между руководителями школ гражданской и церковной и было высказано предположение, что, вероятно, поводом для заключения губернатора послужило отклонение губернским собранием предложения обер-прокурора синода о материальном содействии земства церковно-приходским школам. Постановление собрания состоялось на основании доклада Ф.Д. Самарина, в

котором было выяснено, что главное различие школ земской и церковной заключается в устранении от участия в заведовании последней общественных элементов, приветствовалась попытка духовенства принять участие в деле народного образования и назначение духовным ведомствам денежных средств на содержание церковно-приходских школ, а отказ в ассигновании на эти школы земских средств мотивировался тем, что земство не может отвлекать свои средства от своей прямой задачи, содержания своих школ, так как такое отвлечение было бы равносильным признанию, что земская школа стоит дальше от того идеала, который ставит себе школа церковная. Можно предположить, что приведенные из отчета А.Г.Булыгина слова были им помещены с целью снискать расположение всесильного в ту пору К.П.Победоносцева, а неожиданное оглашение их было ему очень неприятно. Но по своей деятельности внутри губернии А.Г. Булыгин, несомненно, занимал одно из первых мест среди губернских администраторов.

Недоверие и подозрительность к земской деятельности со стороны министерства внутренних дел получили характерное выражение в вопросе о производстве московским земством оценочных работ на основании закона 8 июня 1893 г. В предыдущей главе были приведены сведения о принципиальном отношении к этому закону совещания председателей губернских управ в Нижнем Новгороде и здесь я сообщу лишь о тех затруднениях, с которыми встретилось московское земство при выполнении возложенных на него этим законом обязанностей. В июне 1894 г. губернское земское собрание возбудило ходатайство, чтобы, впредь до издания закона о взимании земского, добавочного к казенному, сбора с прибылей торговых и промышленных предприятий,

обложение таковых, а равно и всех недвижимых имуществ, было оставлено на прежних основаниях. Это ходатайство вытекало из того, что закон 8 июня 1893 г. отношение доходности к ценности торговых и промышленных предприятий определял в значительно меньшем процента, сравнительно с принятыми в губернии нормами, и при применении новых норм общая сумма доходности этих предприятий в губернии должна была бы понизиться более, чем на 40%, а так как закон не устанавливал определенного процента доходности земель, то эти условия грозили крупным переложением земского обложения с промышленности на землевладение. В ответ на это ходатайство в декабре было получено от министра финансов разъяснение, в котором говорилось, что «оценочные работы должны быть произведены независимо от вопроса о земском обложении и притом безотлагательно».

Управа, задаваясь целью собрать точный и полный материал для установления правильных норм оценки, выработала программы собирания данных по всем видам недвижимых имуществ и составила программу подворной переписи в таком виде, чтобы собранный материал дал не только все то, что необходимо для оценочных работ, но и доставил основания для правильной постановки всей земской деятельности. Представленные программы были одобрены в марте 1895 г. губернской оценочной комиссией и земским собранием, а затем программа подворного обследования была представлена на утверждение министра внутр. дел. Вскоре последовало уведомление, что, «ввиду предстоящей государственной переписи населения, министром признано неудобным предпринимать какие-либо иные обследования переписного характера». Губернская управа обратилась к

губернатору с просьбой выяснить вопросы — должна ли управа приступить к оценочным работам «безотлагательно», как на то указывалось в декабре, или, согласно последнему уведомлению, она не имеет права производить местные исследования и собирать на местах материалы по указаниям закона 8 июня 1893 г. и сопровождающей его инструкции? В апреле губернатор сообщил разъяснение, полученное от министра внутренних дел, что «инструкция по оценке требует вообще собирания сведений, но о том, чтобы необходимые данные были получены путем статистического исследования и путем подворных опросов, указаний не сделано. Само собой разумеется, что подворный опрос населения мог бы дать более точные данные, но министр полагает более удобным производить обследование не подворно. За вышеизложенными указаниями к открытию работ препятствий не встречается, но с тем, чтобы из программы обследования были исключены все вопросы, относящиеся до личного состава населения; что же касается остальных частей программы, то она должна быть пересоставлена и уже тогда представлена на утверждение министра». Губернская управа, придя к заключению, что подворное обследование не будет разрешено ввиду предстоящей общей переписи, предложила губернскому собранию сложить с управы поручение о производстве местного исследования в 1895 году и возбудить пред министром финансов ходатайство о разрешении отложить собирание оценочных данных до окончания государственной переписи, и собрание с этим согласилось. Министр финансов ответил, что «ходатайство земства о разрешении отложить подготовительные работы по переоценке имуществ не подлежит удовлетворению». Этот ответ не соответствовал смыслу предъявленного хода-

тайства; оно имело в виду собирание сведений на местах, а ответ говорил о подготовительных работах, которые все время производились земством в широком масштабе безостановочно. Вскоре затем управой были получены через губернатора разъяснения о том, какие вопросы не могут быть включены в программу местного обследования; к таковым были отнесены: все вопросы о составе населения, о переделе общинных земель, об арендной плате, в зависимости от степени нужды в земле, и общее заключение о хозяйственных условиях селения. Пересоставленная программа была вновь представлена на утверждение министра внутренних дел и в ноябре 1895 г. управой было получено предложение губернатора, в котором значилось, что «министр признал неудобным разрешение местного обследования и утверждение программы впредь до представления управой инструкции лицам, имеющим производить это обследование». Управа не сочла возможным исполнить это требование, признавая такую инструкцию ненужной, а скорее вредной для дела, и имея в виду, что такого рода инструкции не предусмотрены ни законом 8 июня 1893 г., ни сопровождавшей его инструкцией министра финансов. С доводами управы согласилась губернская оценочная комиссия, и губернатор соображения управы представил дополнительно министру.

В сентябре 1896 г. управа, согласно постановлению губернского собрания, возбудила ходатайство о разрешении снять копии с переписных материалов государственной переписи и в феврале 1897 г. была извещена, что ходатайство это отклонено министром внутренних дел «по преждевременности». Управа вторично возбудила то же ходатайство, указывая, что из её программы местного исследования

исключены вопросы о личном составе населения, но что в то же время эти сведения совершенно необходимы земству, как для оценочных целей, так и вообще для всей земской деятельности.

Наконец, в декабре 1897 г. ходатайство земства о местном исследовании получило удовлетворение. Сначала министр разрешил производство обследования без представления инструкции лицам, его производящим, но при условии, чтобы о времени прибытия в селение агента управы заблаговременно извещался местный земский начальник, а затем последовало разрешение извлечь из третьих переписных листов государственной переписи сведения, необходимые земству. Таким образом только через 4½ года по издании закона 8 июня 1893 года, после бесконечных усилий, московское земство получило разрешение и возможность произвести местное обследование, к которому оно смогло приступить с весны 1898 года и которое во все время его производства не вызвало никаких недоразумений и нареканий со стороны администрации.

8 июня того же 1893 г. был утвержден «устав лечебных заведений министерства внутренних дел», законодательный акт, которому суждено было остаться мертворожденным. При рассмотрении этого устава в государственном совете подавляющее большинство его членов отнеслось к законодательному предположению министра внутренних дел, И.Н.Дурново, вполне отрицательно и Государственный Совет отклонил проект почти единогласно, но Император Александр III по представлению министра утвердил этот устав, согласившись с мнением незначительного меньшинства членов государственного совета. Этот устав посягал на автономные права общественных учреждений в деле заведо-

вания лечебными заведениями, созданными и содержимыми на общественные средства, стремился возложить управление и заведование ими на старший врачебный персонал и, вообще, преследовал цель нарушить солидарность и взаимодействие, создавшиеся на почве общей работы между органами общественного самоуправления и медицинским персоналом. В то же время устав игнорировал многие стороны в постановке и в деятельности лечебных заведений, принося интересы живого дела в жертву целям административно-полицейского характера.

Когда устав был опубликован и распоряжением министра предложен земским учреждениям к введению в действие, то сначала не возникало сомненья, что действие устава распространяется на все земские лечебные заведения, и губернской управой было возбуждено лишь ходатайство об отсрочке применения его в лечебницах московского земства. Вскоре, однако, при внимательном ознакомлении с текстом устава губернская управа пришла к обратному заключению. Ст. 4-ая, пункт 2-ой, устава устанавливала, что действие его «не распространяется на сельские лечебницы, управляемые на основании особых правил», причем делалась ссылка на врачебный устав, ст. 7, п. 5, примечание 3, по прод.1886 г., а там говорилось, что «в тех губерниях, где введено положение о земских учреждениях, устройство сельской врачебной части возложено на попечение сих учреждений». Такое убеждение нашло себе еще более наглядное подтверждение, когда в управе был получен вновь изданный кодификационным отделом государственного совета том свода законов, озаглавленный: «Продолжение свода законов Российской Империи 1893 года», в котором был, между прочим, помещен новый устав лечебных

заведений. Здесь ссылка при ст. 4-ой, п. 2-м, устава сделана уже не на ст. 7, п. 5 врачебн. устава по прод. 1886 г., а на заменившую ее ст. 285 второго раздела устава врачебного по прод. 1893 г., которая говорит: «Устройство медицинской и ветеринарной частей в селениях возлагается на попечение земских учреждений». В заседаниях санитарного совета губернского земства при обсуждении этого вопроса принимал участие губернский врачебный инспектор и таким путем заключение совета и управы стало известным министру. 31 декабря 1893 г. управе был сообщен врачебным управлением циркуляр министра, в котором указывалось на вкравшуюся, якобы, модификационную ошибку при издании «продолжения свода законов 1893 г.» и подтверждалось, что новый устав не распространяет силу своего действия лишь на губернии, в которых нет земских учреждений. Для губернской управы не оставалось сомнений, что разъяснение министра не имеет законного основания, так как ст. 285 врач. ус. 1893 г. повторяет то же, что говорилось прежде в ст. 7, п. 5, прим. 3, того же устава по прод. 1886 г. Кроме того, к этому времени управа имела в своем распоряжении экземпляр печатных материалов, представленных в государственный совет при рассмотрении проекта устава. В объяснительной к нему записке говорилось, хотя и недостаточно определенно, что министерство не имеет в виду распространить действие устава на земские сельские лечебницы, но в отзывах многих ведомств, на заключение которых был сообщен проект, указывалось вполне определенно на нежелательность подчинения земских лечебниц новому уставу и в своем ответе на эти отзывы министр внутренних дел категорически заявлял, что на сельские земские лечебные заведения устав распространен не будет.

На основании изложенных соображений управа докладывала собранию в очередной сессии 1894 г., что может быть место для предположения, что действию устава подлежат земские больницы в уездных городах, каковых в ведении губернского земства нет, но на сельские земские лечебницы устав на основании закона распространен, несомненно, быть не может. По частной просьбе А.Г.Булыгина доклад управы был поставлен на обсуждение собрания на второй день сессии, 10 января 1895 г., и собрание единогласно признало, что, согласно точному смыслу закона, действие устава не может распространяться на сельские лечебницы земства. Это постановление было тотчас же опротестовано губернатором и 12 января внесено им на рассмотрение губернского по земским и городским делам Присутствия. Присутствие собралось в полном составе; в заседании принял участие и вице-губернатор, Л.А.Боратынский, обычно заседания Присутствия не посещавший. До начала заседания я просил А.Г.Булыгина предоставить мне право прочесть в Присутствии выдержки из материалов, бывших на рассмотрении государственного совета, и он не встретил к этому препятствий, но не признал удобным вносить оглашенные мной сведения в журнал. По открытии заседания губернатор сообщил о внесенном им протесте и предоставил мне слово. Я подробно изложил все приведенные выше данные и соображения, а затем прочел те места из записки министра внутренних дел и из его переписки с ведомствами, из которых было совершенно ясно, что о распространении действия устава на земские сельские лечебницы в государственном совете не было и речи и что так смотрел на этот вопрос сам И.Н.Дурново, но затем, когда Государь утвердил устав и согласился с мнением

меньшинства членов совета, министр счел возможным дать самовольно распространительное толкование действию устава и на земские сельские лечебные заведения. После моего доклада прений не происходило, и губернатор приступил к голосованию. Спрошенный первым вице-губернатор, ответил, что после всего выслушанного он не может признать постановление губернского земского собрания неправильным и противоречащим закону. К этому мнению присоединились все члены Присутствия, а А.Г. Булыгин сказал, что он, на основании полученного им предложения министра, должен приостановить исполнение решения Присутствия в порядке ст. 12 полож. о земских учреждений и представить дело министру. Однако, министр не счел возможным войти в сенат с представлением об отмене решения Присутствия, так как, очевидно, сенат не отменил бы этого решения, а, вероятнее, возбудил бы вопрос о не закономерных действиях самого министра.

Доклад губернской управы и постановление губернского собрания были сообщены во все губернские земские управы и аналогичные постановления состоялись в большинстве губерний. Городские управления также поспешили проявить свое отрицательное отношение к новому уставу в постановлениях городских дум и в возбужденных ими ходатайствах. Под влиянием общего недовольства и возбуждения министр был принужден сложить оружие и новый устав, как принято говорить в бюрократическом мире, был положен под сукно и лежит там без движения до сего времени.

Потерпев неудачу с лечебным уставом, министерство внутренних дел не отказалось от преследуемой им цели — нарушить или ослабить тесную и живую связь, установив-

шуюся между представителями земства и земской врачебной корпорацией. Так как взаимодействие этих двух элементов получило планомерную организацию и широкое развитие в московской губернии, то, вероятно, по этой причине, сюда прежде всего и были направлены новые мероприятия министерства. 8-го декабря 1898 года министром был утвержден устав губернских съездов врачей московской губернии. Этот устав был составлен министерством не только без ходатайства земства об изменении действовавшего устава, утвержденного в 1876 г., но новый устав получил утверждение даже без предварительной передачи его на рассмотрение губернского собрания. Новый устав вносил в организацию съездов значительные изменения, из которых наиболее существенные были следующие. Председательство на съездах, вместо избиравшегося ранее самим съездом председателя, возлагалось на начальника врачебного управления, или на иного врача по назначению губернатора. Заседания съезда закрывались для публики. Протоколы и отчеты съезда могли быть печатаемы не иначе, как с разрешения губернатора. Ему же предоставлялось право закрытия съезда, в случае уклонения съезда от целей и задач, предусмотренных уставом. Наконец, вследствие несогласованности нового устава с происшедшими после 1876 г. переменами в организации земской медицины в губернии и уездах, создавалось положение, в силу которого участие в съездах было затруднено, а в некоторых случаях даже исключено не только для земских гласных, но и для председателей и членов земских управ. Необходимость внесения некоторых изменений в устав 1876 года уже давно сознавалась земством и врачебной организацией. Этот устав был составлен, когда врачебная часть находилась в ведении

санитарной комиссии, в состав которой входили, кроме 4-х врачей, избираемых съездами, губернская управа в полном составе и земские гласные. Но с 1885 г. санитарная комиссия перестала существовать, а при губернской и уездных управах были образованы санитарные советы, как совещательные органы. Представители управ обязательно присутствовали в заседаниях советов, предлагали вопросы, участвовали в прениях, но в голосовании постановлений советов не участвовали. Министерство, не осведомившись о переменах, происшедших в организации врачебной части в земствах губернии, выработало новый устав при предположении, что санитарная комиссия продолжает существовать попрежнему, и совершенно игнорировало действующие санитарные советы.

Утвержденный в декабре 1898 г. устав, был сообщен губернской управе только в марте 1899 года во второй день происходившей очередной сессии собрания 1898 г. Управа поспешила доложить возникший неожиданно вопрос губернскому собранию, признавшему, что новый устав совершенно не соответствует современному положению врачебно-санитарной организации в губернии и не обеспечивает плодотворной деятельности съездов врачей. В то же время собрание поручило управе переработать устав 1876 г. и представить его ближайшему очередному собранию для возбуждения ходатайства об его утверждении взамен устава, выработанного министерством. Переработанный устав был одобрен губернским собранием в очередной сессии 1899 г. и представлен в министерство.

В ответ на предъявленное ходатайство в июле 1901 г. губернатор препроводил в управу утвержденный министром в том же месяце «Нормальный устав губернских съездов

членов и представителей земских учреждений по врачебно-санитарной части» и предлагал управе передать этот нормальный устав на рассмотрение московского губернского земского собрания с целью выяснения вороса: признает ли оно необходимым по издании нормального устава настаивать на удовлетворении своего ходатайства? Сравнение нормального устава с уставом, проектированным земством, свидетельствовало, что последний послужил основой при составлении нормального устава министерством, но при этом были сделаны некоторые существенные изменения. По нормальному уставу созыв съездов, их программа, приглашение врачей, не состоящих на земской службе, и специалистов по разным вопросам, избрание съездом председателя, допущение публичности заседаний и внесение членами съезда и управами внепрограммных вопросов — обусловлены согласием и утверждением губернатора. Второе отличие заключалось в том, что врачи городские, уездные, фабричные и вообще разных учреждений в московской губернии по земскому проекту признавались по своему положению членами съездов с совещательным голосом, а по министерскому уставу эти лица могли быть приглашаемы управой с разрешения губернатора; приглашение же врачей и представителей общественных учреждений не московской губернии, предусмотренное земским проектом, нормальным уставом исключалось вовсе.

Губернское собрание очередной сессии 1901 года, ознакомившись с нормальным уставом и отмеченными отличиями его от проекта, выработанного земством, постановило просить министерство о внесении в нормальный устав дополнений и изменений, которыми предусматривалось: 1) чтобы съезду было предоставлено право обсуждать внепро-

грамные вопросы с согласия председателя губернской управы и председателя съезда, не испрашивая разрешения губернатора, 2) чтобы заседания съезда были доступны для публики и 3) чтобы врачи и представители различных учреждений московской губернии, а равно и врачи-делегаты из смежных губерний допускались на съезд с совещательным голосом по приглашению управы, не испрашивая разрешения губернатора. В июле 1902 года губернатор сообщил управе, что министр признал ходатайство земства не заслуживающим удовлетворения ввиду того, что со времени утверждения нормального устава прошел слишком незначительный срок и практически не могли быть еще выяснены его недостатки. Вместе с тем министр указывал, что если земства пожелали бы созвать съезды на отличных от нормального устава основаниях, то циркуляром 8 июля 1901 г. им предоставлено ходатайствовать об утверждении предположенных ими отступлений. Казалось, что московское земство именно о такого рода отступлениях и ходатайствовало, и перед XV-м съездом врачей о том же вновь представляло губернатору, но тем не менее эти ходатайства остались без положительных результатов.

Законодательство, направленное к умалению прав и компетенции земских учреждений, получило особенное развитие, когда министром внутренних дел был назначен Д.С.Сипягин. Законодательные акты указанного направления сыпались как из рога изобилия, и в числе их наиболее существенными являлись два закона, получившие свое утверждение 12-го июня 1900 г.: — «временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей» и закон «об установлении предельности земского обложения». «Временные правила» устраняли земство

от возложенного на него положением о земских учреждениях «заведования делами по обеспечению народного продовольствия» и все продовольственное дело на местах поручалось надзору административных учреждений: губернских присутствий, уездных съездов и земских начальников. Новые правила, очевидно, не вызывались требованиями целесообразности и пользы дела. Поручение продовольственного дела земским учреждениям стояло в тесной связи с возложенными на них же обязанностями по «воспособлению земледелию, торговле и промышленности» и вообще по содействию экономическому благосостоянию населения. Если в постановке продовольственного дела были недостатки, то эти недостатки обусловливались не неудовлетворительностью деятельности земских учреждений, а исключительно неудовлетворительностью действовавшего продовольственного устава и земства постоянно указывали на необходимость его переработки. Устранение от продовольственного дела земских учреждений не замедлило вызвать практические затруднения. В 1906—1907 гг., когда неурожаем были захвачены многие губернии и правительство было поставлено в необходимость ассигновать очень крупные суммы для снабжения населения хлебом и на организацию общественных работ, само правительство должно было признать неизбежным обратиться к широкому содействию не только местных земств, но и общеземской организации.

Закон о предельности земского обложения имел главною целью задержать развитие земской деятельности. Состав земских собраний по земскому положению 1890 года в достаточной мере охранял интересы крупного землевладения, и представители сельского населения не имели возможности увеличивать обложение по своей воле. Но пред-

ставители имущественных классов, встречаясь с бездной потребностей населения, требующих неотложного удовлетворения, добровольно и вполне сознательно шли на увеличение обложения своих имуществ, видя в этом выполнение своего нравственного долга. Быстрое развитие земской деятельности, направленной на удовлетворение культурных и экономических запросов населения, несомненно содействовало росту в его среде сознания своего тяжелого правового и экономического положения и тем воспитывало в нем отрицательное отношение к подавлявшему всю нашу жизнь произволу центральной и местных властей. Чтобы парализовать это влияние земской работы на население, правительство прибегло к ограничению права земства на самообложение.

Я не буду приводить других примеров законодательных актов этого времени, но считаю не лишним упомянуть здесь о некоторых законодательных предположениях влиятельных представителей правительства, предположениях, не получивших, однако, своего осуществления, вероятно, по той причине, что проектируемые меры не встречали сочувствия и поддержки даже в среде бюрократического мира. В начале 1900 года, во время одной из поездок в Санкт-Петербург по делам земства, я узнал, что в министерстве внутренних дел по поручению Д.С.Сипягина обсуждается вопрос об исключении права общественных учреждений, городских и земских, приносить в сенат жалобы на постановления губернских по земским и городским делам присутствий с тем, чтобы постановления этих присутствий, в случае заявлений заинтересованных общественных учреждений, подлежали отмене или утверждению министра внутренних дел. Д.С. Сипягин находил, что отмена сенатом постановлений гу-

бернских присутствий колеблет авторитет власти. Очень вероятно, что Д.С.Сипягин поспешил вскоре после своего назначения министром возбудить этот вопрос под влиянием сообщенного в этой же главе случая отмены сенатом распоряжения московского губернатора о распубликовании санитарных обязательных постановлений губернского земства. Однако, вопрос, возбужденный Д.С.Сипягиным, не облекся в форму законодательного предположения и не получил дальнейшего движения.

В 1901 году Д.С.Сипягиным был поднять вопрос о подчинении земских учреждений государственному контролю. С этой целью по его инициативе в Санкт-Петербурге было организовано под председательством товарища государственного контролера совещание, к участию в котором были приглашены, кроме чинов государственного контроля и представителей министерств внутренних дел и финансов, также и председатели губернских земских управ: Санкт-Петербургской — В.П.Марков, херсонской — В.П.Андреевский, саратовской — Н.Н.Львов, орловской — С.А.Хвостов и я — от московской губернии. Первое, оказавшееся и последним, заседание совещания состоялось летом 1901 г. Председатель, познакомив собравшихся с возбужденным министром внутренних дел вопросом, изложил в общих чертах предположения государственного контроля относительно ревизии им земских расходов и просил земских представителей высказать наше мнение по поводу этих предположений. Все мы прежде всего сочли необходимым обратить внимание совещания на принципиальное противоречие возникшего вопроса с основной идеей общественного самоуправления. Председатель сказал, что принципиальный вопрос не подлежит обсуждению и разре-

шению совещания, но если тем не менее земские представители желают высказаться по этому поводу, то председатель не встречает к тому препятствий и высказанные ими суждения будут занесены в журнал. Все председатели управ поспешили воспользоваться предоставленным им правом, которое, мы сознавали, являлось нашей общественной обязанностью. После наших заявлений принципиального характера, согласно желанию, выраженному председателем, мы высказали наши мнения относительно предполагаемой организации дела и отношений между представителями государственного контроля и земскими учреждениями. Нами было указано на многочисленные затруднения, которые неизбежно встретятся на практике, и на неприменимость вообще приемов государственного контроля к живому земскому делу. В.П. Андреевский обратил внимание на сложность проектируемого вновь контрольного аппарата и предложил вопрос, — как велики будут ежегодные расходы государственного контроля по ревизии земских учреждений, и председатель пояснил, что сумму ежегодного на этот предмет расхода можно предвидеть в размере 200—250 тысяч рублей. Тогда один из председателей управ спросил, не имеются ли у правительства сведения о размере сумм, растраченных в земстве за истекшее время его существования. Принимавший участие в совещании директор департамента окладных сборов, Н.Н.Кутлер, сообщил, что в министерстве финансов имеются такого рода сведения за первое тридцатилетие действия земских учреждений; всего было растрачено в земских управах немногим более 80 тысяч рублей, из которых около 50 тысяч рублей было пополнено виновными или их близкими, а около 30 тысяч рублей остались не возмещенными. В.П.Андреевский, сопоставив

две приведенные справки обратил внимание совещания на то, что растрата земских сумм в среднем составляет около одной тысячи рублей в год, а новый расход государственного контроля ожидается в размере 200—250 тысяч рублей ежегодно. Это замечание было также занесено в журнал совещания. По окончании заседания председатель передал земским представителям, что государственный контролер, П.Л.Лобко, желал бы с нами познакомиться и просит посетить его на следующий день. Все председатели управ собрались у государственного контролера в назначенный час и были приняты одновременно. Во время общей беседы П.Л.Лобко старался проявить особую любезность и речь шла о происходившем накануне совещании. Из высказанного государственным контролером все мы вынесли впечатление, что он относится отрицательно к возникшему в министерстве внутренних дел предположению и думает, что вопрос не получит своего практического разрешения, но если бы это случилось, то им будут приняты все меры, чтобы новый порядок по возможности меньше стеснял земские учреждения. В тот же день председатели управ составили заявление, переданное ими председателю совещания. В этом заявлении указывалось, что на обсуждение совещания был внесен только проект правил ревизии земской отчетности, но не был передан на его заключение принципиальный вопрос о целесообразности подчинения земской отчетности ревизии государственного контроля. Затем были приведены соображения отрицательного характера по существу вопроса и относительно предположенного порядка и в заключение говорилось о необходимости прежде введения в действие предположенного нового порядка передать этот вопрос на предварительное обсуждение зем-

ских собраний. Как известно, вопрос, возбужденный Д.С.Сипягиным, не получил практического разрешения, но возбуждение вопроса такого рода является характерной чертой для этого администратора.

Политика, которую старался проводить Д.С.Сипягин, была политика человека, призванного к государственной власти, но не обладавшего необходимым для государственного деятеля широким общим и политическим жизнепониманием. Воспитанный в традициях крепостного права и русского барства, он являлся искренним сторонником приказного строя и неограниченной власти правительства. Но его образ действий и проводимые им мероприятия исходили всегда из усвоенных им, если не убеждений, то определенных взглядов и его во всяком случае нельзя упрекнуть в отсутствии искренности и прямоты. Совсем иным представлялся, бывший в то время министром финансов, С.Ю.Витте. В нем все признавали человека большого ума, выдающихся способностей и знали о том влиянии и авторитете, которыми он пользовался в среде правительства. Казалось очевидным, что для такого государственного человека не могло быть сомнения, что жизнь государства не может правильно и успешно развиваться без тесного взаимодействия государственной власти и общественных сил. Однако, в мероприятиях, проводимых С.Ю.Витте, и в его образе действий нередко проявлялись неуважение и недоверие к общественным учреждениям и готовность посягать на их самостоятельность. Трудно было составить себе заключение о политических убеждениях С.Ю.Витте и уяснить себе истинные цели, преследуемые его политикой.

Тяжелое впечатление произвел на общество одобренный 12 февраля 1899 г. Императором всеподданнейший

доклад министра финансов, получивший широкую огласку, по-видимому, с ведома его автора. В докладе говорилось об упрочившемся нашем финансовом положении, открывавшем возможность удовлетворения наиболее назревших государственных потребностей и в первую очередь потребностей народного образования. Дело начального образования, указывалось далее, находится на попечении собственно двух ведомств: св. синода и министерства народного просвещения. На содержание школ церковно-приходских ассигновка по смете синода в ближайшем времени достигнет 6.750.000 рублей, а по смете министерства народного просвещения на начальное образование назначается около 5.700.000 рублей, включая в эту цифру расходы по содержанию училищ в губерниях, в которых не введены земские учреждения. Но кроме этих сумм, на тот же предмет в земских губерниях расходуется около 7 миллионов рублей. «Суммы эти, — пояснялось в докладе, — расходуются по распоряжению земских учреждений, но так как все земские расходы производятся за счет сборов, взимаемых с того же населения, то всякое лишнее земское обложение настолько же лишает правительство возможности пользоваться платежными силами населения, как источником государственных доходов. Ввиду этого нет основания полагать, что обращение на дело начального народного образования взимаемых земскими учреждениями сборов в чем-либо облегчает задачи правительства, так как, будучи взимаемы с одного и того же населения, суммы, расходуемые по сметам св. синода и министерства народного просвещения, по существу не отличаются от сумм, расходуемых по распоряжению местных учреждений». Затем далее относительно последних сумм говорилось: «Находясь в зависимости от

земских учреждений, расходы эти являются, как бы, самостоятельными и не связанными с правительственными мероприятиями, а при такой неопределенности границ деятельности на одном и том же поприще затрудняется выработка определенного плана действий по распоряжению народных училищ». В заключение министр финансов предлагал «возложить на особое совещание под председательством обер-прокурора св. синода из министров — внутренних дел, финансов и народного просвещения обсуждение вопроса о том: следует ли оставить без изменения существующий порядок открытия начальных народных училищ и производства расходов на их содержание или же следует принять надлежащие меры для установления в этом деле более определенного положения и, в таком случае, в чем меры сии должны заключаться»?

Трудно было найти объяснение тому, какие цели преследовал и чем руководился С.Ю.Витте, представляя свой доклад, в котором давалось такое странное освещение вопросу о средствах, взимаемых и расходуемых земскими учреждениями. Ведь с принятием проводимой в докладе точки зрения и ее применением к расходам на народное образование представлялось бы неизбежным распространить ее последовательно на все области земской деятельности и прийти к заключению о необходимости упразднения вообще земских учреждений. Между тем многим земским представителям, в том числе и мне, приходилось неоднократно обращаться к министру финансов по земским делам, встречать его готовность идти навстречу земским начинаниям и видеть его сочувственное отношение к общественной деятельности. Многие были склонны объяснить появление доклада желанием С.Ю.Витте заручиться расположением и

поддержкой К.П.Победоносцева, но такое предположение едва ли могло иметь место, так как возбужденный в докладе вопрос не получил практического разрешения и, насколько известно, особое совещание и не приступало к исполнению возложенного на него поручения. По-видимому, скорее можно предположить, что доклад имел целью произвести известное впечатление на земскую общественную среду. Это предположение, как будто, находит себе подтверждение в дальнейшем образе действий С.Ю.Витте.

Летом 1899 г. министром внутренних дел, И.Л.Горемыкиным, был составлен законопроект о введении земских учреждений в западных губерниях; проект этот до внесения его на рассмотрение государственного совета был препровожден во все министерства для их отзывов. Министр финансов отозвался на законодательное предположение министра внутренних дел обширной конфиденциальной запиской, в которой дал вопросу совершенно неожиданную постановку. Основная мысль, проведенная в записке, заключалась в том, что прежде, чем поднимать вопрос о территориальном распространении земских учреждений, необходимо предварительно поставить и разрешить вопрос — совместимо ли вообще земское самоуправление с самодержавием? Изложить вкратце содержание записки очень трудно и даже, думается мне, излишне, так как обширный труд С.Ю.Витте получил большое распространение; он был напечатан за границей редакцией «Освобождения» особой книгой, озаглавленной «Самодержавие и земство», в 1908 г. записка появилась в печати в Санкт-Петербурге с предисловием Череванина и наконец в 1914 г. записка была издана самим гр. С.Ю.Витте в виде книги, носящей заголовок — «По поводу непреложности законов государственной жизни».

Мне пришлось ознакомиться с запиской министра финансов вскоре после её выпуска в ноябре 1899 г. Она была прислана мне для прочтенья кн. А.А.Ливеном, состоявшим управляющим дворянским и крестьянским банками, лицом, пользовавшимся особым расположением С.Ю.Витте. Кн. А.А.Ливен, с которым я находился в близких отношениях, писал мне, что сообщает записку не только с ведома, но и по желанию её автора, и просил меня, возвращая записку, написать мое о ней мнение.

Читая записку в первый раз, я испытывал чувство глубокого возмущения, так как автор выступал в ней, как бы, противником развития общественной самодеятельности и, казалось мне, признавал необходимость упразднения земства. В записке доказывалась несовместимость земского самоуправления с самодержавным строем государства и говорилось, что формула славянофилов — «самоуправляющаяся местно земля с самодержавным царем во главе» — должна быть признана несостоятельной, а такое заключение противоречило моим убеждениям. Однако, кончая первое чтение и в особенности последних глав записки, я почувствовал, что мое первое впечатление, по-видимому, ошибочно, что записка преследует иную цель, чем ту, которая в ней официально выставлена; я еще более укрепился в моем заключении, прочтя записку вторично и делая из неё выписки. Хотя автор и говорит, что «в трудном и ответственном деле государственного управления надо быть прежде всего искренним», но он сам этим путем не следует. Я пришел к выводу, что С.Ю.Витте убежденный конституционалист и что главная цель его записки доказать неизбежность конституции для России. Хотя в конце записки он и говорит, что «конституция вообще великая ложь нашего времени», но

это положение автор не пытается подтвердить какими-либо вескими доводами, а мнение противоположное, как будто автором неразделяемое, в записке пространно изложено и с убедительностью выдвинуто. С.Ю.Витте не высказывается принципиально против местного самоуправления, признает его, как наиболее удобную форму для заведования местными делами, но в то же время в записке неоднократно говорится, что земские учреждения, чтобы оправдать свое назначение, должны пользоваться самостоятельностью, а это условие невозможно при самодержавном строе «с неизбежным при нем бюрократическим центром». В сущности, вопрос в записке ставился так: земские учреждения, обеспеченные необходимой им самостоятельностью, вполне отвечают своему назначению, но предоставление народному представительству участия в управлении местном предрешает необходимость предоставления ему участия в управлении государственном, а так как это противоречит принципу самодержавия, то, следовательно, нужно выбирать одно из двух. Как человек широкого кругозора, С.Ю.Витте понимал, что полумеры хуже всего и что необходимо определенно решить — куда нам идти? Поставив так вопрос, он, однако, как царедворец и министр, дорожащий своим положением, высказывается, как будто, за самодержавие и говорит о необходимости «поставить правительственные органы в тесную связь с обществом», но, как разрешить эту задачу, он не указывает. Записка заканчивается словами: «Ничто так не подавляет самодеятельности общества, не подрывает в такой мере престижа власти, как частое и широкое применение репрессивных мер. Меры эти, меры опасные и продолжение их применения либо приводит ко взрыву, либо действительно обращает все население в бессвязные толпы,

в людскую пыль». После вторичного чтения я пришел к убеждению, что С.Ю.Витте, сочувствуя конституционному режиму, дает в своей записке материал для освещения вопроса, желает, чтобы вопрос был поставлен ребром, а сам до поры, до времени предпочитает оставаться в стороне. Если конституционные веяния возьмут верх, С.Ю.Витте поспешит к ним открыто присоединиться, если же восторжествует противоположное мнение и будет признана необходимость ограничения местного самоуправления, то, вероятно, С.Ю.Витте рассчитывал, что такое решение вопроса укрепит и усилит отрицательное отношение общества к существующему строю и приблизит время неизбежного «взрыва», о котором говорится в конце записки.

Изложенные мысли и предположения я сообщил в письме кн. А.А.Ливену. Он отвечал, что разделяет мое заключение и что он в этом смысле уже ранее говорил с С.Ю.Витте, на что последний отозвался такими словами: «Поверьте, если бы Государь был другого образа мыслей, то я первый стал бы говорить, как Чичерин и Градовский, но я смотрю на себя, как на приказчика моего Государя, а его взгляды безусловно самодержавные. Нужно уметь служить своему Государю и много можно сделать полезного».

Ближайшим последствием записки министра финансов было удаление И.Л.Горемыкина с поста министра внутренних дел и назначение на его место Д.С.Сипягина, кандидатура которого, как говорили, была выдвинута С.Ю.Витте. Чем руководился С.Ю.Витте, выставляя кандидатуру Д.С. Сипягина, установить определенно, конечно, очень трудно, но невольно приходит на ум мысль, не имел ли он в виду, что Д.С.Сипягин был человеком, способным довести реакционную, репрессивную политику в отношении к обще-

ственному самоуправлению до крайности, и тем содействовать накоплению в широких кругах общества сознания необходимости искать выхода из тяжелого, невыносимого положения, угнетавшего все стороны общественной и государственной жизни.

Глава V

Разлад между правительством и обществом. Сознание необходимости организованного взаимодействия государственной власти и населения. Предположение о подаче в этих целях Государю записки общественными деятелями в 1901 году. Мое политическое жизнепонимание.

Политика правительства, полная недоверия к общественной самодеятельности и ставившая себе целью ограничение необходимой земству самостоятельности и стеснение развития земской деятельности, вызываемого требованиями жизни, воспитывала в земской среде и в широких общественных кругах чувства недовольства, обиды, раздражения и лишала земские учреждения возможности работать спокойно и успешно. Работу в земских управах можно было сравнить с работой паровой машины, поставленной в неблагоприятные условия, при которых большая часть развиваемой машиной энергии затрачивается на непроизводительное трение и лишь меньшая её часть идет на полезную работу. При составлении плана работ в какой-либо отрасли земского дела и при их постановке нужно было иметь в виду не только требования целесообразности, а приходилось затрачивать много внимания, времени и сил для предупреждения всегда возможного противодействия административной власти, но, однако, все предосторожности оказывались недостаточными и земская работа обрекалась неизбежно на продолжительные, непроизводительные трения. Но в то же время политика правительства побуждала все, участвовавшие в земской работе, элементы сплачиваться между собой теснее для более интенсивной земской деятельности, не

считаясь с встречаемыми препятствиями. На этой почве окрепли и усилились взаимодействие и более живая связь между земскими выборными представителями и приглашаемыми управами на земскую службу работниками, так называемым, «третьим элементом». Это условие благоприятно отразилось на размахе земской деятельности и земская жизнь, и земская работа получили более определенный демократический характер.

Другим положительным последствием прискорбного отношения правительства к земскому самоуправлению явилось стремление губернских земств к объединению. Представители губернских управ широко пользовались всяким случаем, как-то: различные официальные события и разного рода съезды по вопросам, соприкасавшимся с земской деятельностью, для того, чтобы собираться между собой, и в этих собраниях обсуждались разные вопросы земской жизни, а в их ряду более всего сосредоточивал на себе общий интерес, самый жгучий вопрос — о положении, создаваемом слепой политикой власти. Такое же стремление к живому общению проявлялось вообще в земской среде, как со стороны земских гласных, так и со стороны «третьего элемента» в земстве.

Отношения правительства к общественному самоуправлению не замедлили отразиться и на широких кругах общества. В обществе возрос интерес к деятельности общественных учреждений; заседания земских собраний и городских дум привлекали значительное количество публики и чувствовалось, что общество видит в земстве своего главного представителя и выразителя интересов всего населения.

Реакционная политика получила свое вполне определенное направление со вступлением на престол императора

Александра III и в первое время не встретила сильного недовольства и противодействия со стороны общества, которое в подавляющем большинстве находилось под влиянием чувства глубокого возмущения, вызванного позорным в истории России актом, — цареубийством Императора Александра II, положившего рядом великих реформ начало обновлению нашей государственной и общественной жизни. В скором времени, однако, общество очнулось под влиянием быстро усиливавшейся реакционной деятельности власти и вышло из пассивного состояния, в котором оно находилось. Эта перемена общественного настроения в значительной мере обусловилась сознанием, что характер политики власти определялся не столько вожделениями бюрократии, а имел своего вдохновителя в лице царствовавшего государя. Александр III не признавал допустимым активное участие общественных элементов в государственной жизни и последовательно проводил принцип административной централизации. Человек, сильного характера и крепкой воли, он хотел сам всем управлять и во всех членах государственного управления видел только исполнителей своей воли. Если он искал, как бы, опоры в дворянстве, то он смотрел на представителей этого сословия, главным образом, как на добровольных чиновников на местах для наблюдения за остальными элементами общества. В основе политического понимания Александра III лежала роковая, глубокая, принципиальная ошибка — отождествление самодержавия с самовластием. Обществу было совершенно ясно, что во время царствования Александра III нельзя было ожидать перемены в политике власти, и в среде общественных учреждений, стоявших в более близком соприкосновении с правительственными мероприятиями, естественно возникал вопрос —

какими мерами возможно было бы повлиять на изменение создавшегося положения?

При вступлении на престол Императора Николая II в земстве появилась было надежда, что молодой государь сознает необходимость сближения власти с обществом и создания их взаимодействия, но эти надежды тотчас же потерпели крушение. Уже в манифесте 20 октября 1894 г. по случаю восшествия на престол было, между прочим, сказано, что молодой император ни в чем не уклонится от вполне миролюбивой, твердой и прямодушной политики своего отца. Губернские земские собрания поспешили обратиться к государю с адресами, в которых говорилось: о желательности доверия власти к общественным учреждениям, о необходимости единения и совместной работы правительства и общественных сил, о предоставлении земству доступа его голоса о нуждах народа к престолу и тому подобное, но ни в одном адресе не говорилось об изменении существующего государственного строя. Эти, вполне законные и справедливые пожелания и надежды, высказанные в адресах многих земств, были встречены, однако, с недовольством и с раздражением, которые проявились определенно и очень резко 17 января 1895 года при приеме в дворце депутаций, приносивших поздравления по случаю бракосочетания государя. В речи, обращенной к депутациям, Николай II, между прочим, сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный

родитель». Эти слова свидетельствовали, что новый император не уяснял себе значение общественных сил в государственной жизни и склонен был разделять неправильное понимание своим предшественником идеи и принципа самодержавия.

И действительно, с воцарением Николая II условия нашей государственной жизни не изменились к лучшему: преследования общественной самодеятельности не прекратились, отношения правительства к общественным учреждениям не изменились и по-прежнему продолжал господствовать в стране неограниченный произвол административной власти. Правительство теряло всякое уважение и необходимое ему доверие со стороны общества, а образ действий правительства все больше колебал авторитет верховной власти, именем которой правительство действовало. Бессмысленный порядок управления, неуважение действовавших законов и бесправие народных масс систематически воспитывали во всех слоях населения недовольство, раздражение и отрицательное отношение к государственному строю, при котором такой порядок был возможен. Остро сознавалась настоятельная потребность создать и укрепить всегда необходимую в государстве тесную связь власти с обществом на основе взаимного доверия и уважения. Сознавалась необходимость в таком государственном преобразовании, которое, с одной стороны, открывало бы возможность представителям населения участвовать в выяснении общих и местных нужд государственной жизни, а, с другой, — укрепляло бы нравственный авторитет власти путем её живого общения и тесного единения с представительством населения. Чувствовалось, что если в ближайшем времени не будет совершена сверху необходимая реформа,

вызываемая государственною предусмотрительностью, то в недалеком будущем верховная власть будет вынуждена ходом вещей и под влиянием быстро нараставшего в стране оппозиционного настроения согласиться на более коренное преобразование нашего государственного строя.

Эти мысли постоянно и все с большим напряжением обсуждались в частных собраниях земских и общественных деятелей. Многими лицами высказывалось, что молодой государь мало и плохо подготовлен к ответственному делу государственного управления, не имеет ясного представления о настроениях общественных кругов, незнаком с нуждами населения и находится под влиянием окружающих его безответственных советчиков из представителей бюрократии, пред ним раболепствующих и в то же время его именем самовластно управляющих государством. На основе этих соображений возникло предположение составить записку с изложением в ней существенных недостатков существующего порядка государственного управления и с указанием главных основ необходимого преобразования, предложить ее подписать всем губернским предводителям дворянства, председателям губернских управ, городским головам более крупных городов и некоторым общественным деятелям, пользующимся особым уважением общества, и затем представить эту записку через избранных лиц непосредственно Государю. Мне было поручено (зимой 1900—1901 гг.) организовать в Москве кружок для детального обсуждения вопроса, выработки основных положений, составления записки и вообще для осуществления возникшего предположения. Участие в дальнейшем обсуждении вопроса приняли: кн. П.Н.Трубецкой, Н.А.Хомяков, М.А.Стахович, Ф.Д. Самарин, кн. С.Н.Трубецкой, кн. П.Д.Долгоруков, Р.А.

Писарев, Н.В.Давыдов и В.О.Ключевский, в котором все участники видели желательного редактора предполагаемой записки. Приглашенный к участию московский городской голова, К.В.Рукавишников, уклонился от сделанного ему предложения по принципиальному несочувствию к возникшему предположению. После предварительного обмена мнениями и мыслями между собравшимися лицами, различных политических воззрений, было признано необходимым прежде всего наметить те основные положения, которые должны быть развиты и обоснованы в записке и которые были бы приемлемы для всех участников. Составление проекта такого рода тезисов было возложено на меня. Прежде, чем привести содержание проектированных мной тезисов, я считаю необходимым изложить основания моего политического жизнепонимания, которыми я руководился при выполнении данного мне поручения.

Я приступаю к этой задаче с чувством невольной робости и большого смущения. Я не искушен в философском мышлении и никогда не занимался научными исследованиями, не имея для того необходимой подготовки и не обладая достаточным научным багажом. Меня смущает опасение, чтобы читатель моих «воспоминаний» не усмотрел в изложении моего понимания политической жизни попытку представить определенную, обоснованную систему. Я далек от попытки разрешения такой сложной проблемы, но, давая отчет о моей общественной деятельности, я считаю необходимым изложить те соображения, мысли и идеи, которыми я руководился при своих выступлениях политического характера.

Мое понимание целей и задач государственной жизни и соответствующего им государственного строя вытекает из

моего общего миросозерцания, основы которого приведены в предисловии к настоящим запискам. Эволюция социальной и государственной жизни представляется мне процессом постепенного развития и осуществления идей, усвояемых общественным сознанием. Вся история человечества может быть рассматриваема, как поступательное движение в мире идей, как постепенный переход от идей низших к идеям высшим. Одни идеи руководили жизнью человечества в прошлом, другие, сознаваемые большинством людей в данное время, получают свое выражение в современном строе общественной и политической жизни, а в будущем нельзя не предвидеть дальнейшее уяснение сознанием всего человечества новых идей и их влияние на изменение быта и уклада жизни во всех областях людских отношений. Нередко, конечно, приходится наблюдать в развитии жизни человечества те или иные изменения, происходящие под влиянием борьбы и насилия, но создающиеся таким путем положения не являются прочными; только идеи и принципы служат устойчивыми основами улучшения жизни. Общественный прогресс всегда выражается в освобождении от влияния идей, которые человечество переросло в своем духовном развитии, и в возрастающем сознании долга заботиться не столько о своем личном благополучии, сколько стремиться к обеспечению блага общего. Царство истины, добра и высшей правды — конечная цель мира, заключающая в себе смысл мирового прогресса и его разумное основание.

Движение в мире идей направляется, с одной стороны, работой человеческого разума, непрестанным развитием человеческой мысли, а с другой, — стремлениями духовной природы человека и свойственным ей религиозным сознанием. Это движение в мире идей может совершаться в

надлежащем направлении только при условии единовременного и согласованного влияния двух указанных факторов и, даже вернее, при преобладании последнего над первым. Однако, в процессе развития усвояемых человечеством идей наблюдается скорее преобладание рационализма над религиозным сознанием и в зависимости от этого слагаются — жизнь личная и общественный строй. Господство рационализма сосредоточивает внимание преимущественно на условиях жизни окружающего людей материального мира, выдвигает на первый план потребности материальной природы человека и невольно заглушает в нем голос его духовной сущности. Люди становятся склонными наблюдать в жизни мира, главным образом, проявление в ней материальных, физических сил, поддающихся исследованию человеческого разума, и даже уклад и изменения общественного строя и социальных отношений нередко рассматриваются и понимаются, с точки зрения рационализма, как процесс естественно-исторический, слагающийся и развивающийся под влиянием закона борьбы за существование, борьбы сил экономических и классовых. Так, например, Карл Маркс в предисловии к своему «Капиталу» говорит: «Та точка зрения, на которой я стою, считает развитие экономических общественных формаций — естественно-историческим процессом». Этот процесс признается, как будто, неизбежным, независящим или мало зависящим от воли человека, и люди сосредоточивают силу своего разума на изучении и выяснении закономерности этого, признаваемого ими естественно-историческим, процесса.

Однако, разум же свидетельствует человеку, что он обладает сознанием своего личного «я», что он наделен свободной волей, что ему присущи сознание добра и зла и

чувство нравственной ответственности за свои действия, и что человек является участником жизни всего космоса в его вечности и пространственной бесконечности. Эти свидетельства разума воспитывают в человеке сознание несомненной и неразрывной связи жизни его личного «я» с жизнью всего космоса. Природа человека двойственна и состоит из тела и самосознающего себя духа. Если наука с несомненностью подтверждает вечность материи, изменяющейся лишь в своих формах, и если, следовательно, материя, из которой создано человеческое тело, также вечно, то не может быть места предположению, чтобы самосознающий себя дух человека мог бы не быть вечным. Для человеческого разума навсегда останутся великой тайной, как появление в сей жизни в материальной оболочке его сознающего себя «я», так и будущее этого «я» после нарушения его временной связи с этой оболочкой, но бессмертие души человека и связь её с духовной жизнью всего космоса представляются несомненными. Двойственность природы людей, думается мне, не может не ощущаться каждой сознающей себя личностью. В каждом человеке всегда происходит внутренняя борьба материальной и духовной его природы. Материальная природа вызывает в нем желания возможно полного удовлетворения его материальных потребностей и пробуждает в нем животные инстинкты; духовная природа побуждает человека ограничивать потребности его материальной оболочки и призывает его на путь неустанного стремления к нравственному совершенствованию. Результаты соперничества этих двух начал человеческой природы всегда проявляются в характере и образе действий каждого человека.

Жизнь, как материального мира, так равно и мира духовного, направляется предвечными законами Божественного Разума. Различие здесь, видится мне, только в следующем: физические законы природы действуют постоянно, неизменно и независимо от воли человека, который, изучая их, пользуется ими и применяет их для удовлетворения своих материальных потребностей; в проявлении же деятельности своей духовной сущности человек, наделенный Провидением способностью самоопределения своих действий, может по своей воле поступать так или иначе. Но смысл нашей жизни, верю я, заключается в том, чтобы люди стремились творить в сем мире не свою личную волю, руководимые побуждениями нашей материальной природы, а в том, чтобы уяснить себе и осуществлять в сей жизни волю Миродержавного Начала, посылающего нас в мир. С благодарностью вспоминаю всегда профессора П.Г.Редкина, говорившего в своих лекциях, что смысл человеческой жизни заключается в том, чтобы человек сознательно и вполне свободно поступал так, как это ему совершенно необходимо по его духовной природе.

Сложившиеся социальные отношения и строй государственной жизни едва ли возможно рассматривать, как стадии естественно-исторического процесса. Эти отношения и строй являются последствием коллективной воли целого ряда поколений людей, в подавляющем своем большинстве смотревших и еще рассматривающих жизнь, как процесс постоянной борьбы разных сил. Но если люди, путем воспитания в себе духовного сознанья, были бы проникнуты убеждением в необходимости согласовать свою волю с волей Высшего Разума, управляющего всем миром, то, несомненно, весь наш социальный и политический строй

получил бы совсем иную структуру. Религия служит путем, открывающим человеку смысл его жизни и уясняющим ему Божественный закон его земного существования. Сущность этого закона открыта нам, христианам, в Евангельском учении, призывающем всех людей к сознанию лежащего на них нравственного долга, к проявлению деятельной любви и к постоянному стремлению содействовать всеми своими силами всечеловеческому единению. Религия должна воспитывать понимание духовных интересов и подготовлять людей к новому культурному строю. Когда большинство людей действительно проникнется высокими идеалами учения Христа и признает своим свободным долгом служить всем своим разумением и всеми своими силами осуществлению в нашей жизни этих идеалов, тогда весь социальный строй сам по себе должен будет постепенно измениться и в дальнейшем будет развиваться в совершенно ином направлении. Необходимо понять и признать, что современный уклад всей жизни является, главным образом, последствием ошибок человечества в устроении своей жизни, благодаря игнорированию или только формальному исповеданию требований религиозного сознания. Я верю, что люди постепенно придут к сознанию невозможности осуществления общего блага путем вечной борьбы интересов и классовых сил, хотя бы и регулируемой тем или иным правовым порядком, и приступят к постепенному переустройству жизни на других началах, более соответствующих духовной сущности человека. Лозунг — «в борьбе обретешь ты право свое» должен уступить место признанию, что права и свобода человека могут быть обеспечены всем равно лишь при сознании моральной солидарности всех людей между собой. Творческим предначертанием

должны воодушевиться жизнь и развитие общества совершенно так же, как им обусловливается жизнь и развитие индивидуальной личности.

Основой правильного развития общественной жизни служит внутреннее устроение личности, заключающееся в уяснении каждым человеком смысла своей личной жизни среди жизни всего мира и в воспитании в себе сознанья лежащего на человеке нравственного долга и личной его ответственности. Но забота религиозно-мыслящего человека о внутреннем устроении своей личности не может освобождать его от выполнения его обязанностей, лежащих на нем, как на члене общества. Человек по воле Провидения и по свойству своей природы, как материальной, так и духовной, предназначен жить в обществе себе подобных и, состоя членом общества, он должен сознавать свою ответственность в устроении жизни общественной, являющейся плодом коллективного разума и коллективной воли всех людей. «Задача каждого человека в отдельности, — говорит совершенно верно Гершензон в своих «Исторических записках», — сводится к тому, чтобы правильно устроить свой дух; общественное же призвание человека заключается в том, чтобы и лично помогать другим в устроении их духа и совместно с другими содействовать такому устроению общего быта, при котором основная, индивидуальная цель достигалась бы всеми членами общества возможно легче»[7]. Каждый член общества должен сознавать свою общественную обязанность по мере сил содействовать устранению из общественной жизни всего того, что разделяет людей, и

7 М.Гершензон. «Исторические записки», стр. 135

введению в нее всего того, что может их объединять. При искреннем желании блага всем людям не может иметь места борьба между ними и должно создаться их единение. Замена в мире господства насилия доброжелательным единением людей зависит от силы ясности сознания большинством людей нравственной ответственности, лежащей на них, как на отдельных личностях и как на членах общества.

Признавая внутреннее устроение личности главной основой улучшения и устроения всего социального строя, нельзя в то же время не принять во внимание, что перевоспитание человеческой души совершается постепенно и что существенное воздействие этой основы на общественную жизнь возможно лишь тогда, когда сознание высоких идеалов, поставленных пред человечеством, сделается достоянием большинства людей. Но и в этом случае, несомненно, всегда многие члены общества будут отставать в своем духовном развитии, будут по-прежнему склонны преследовать по преимуществу интересы своего личного или классового благополучия и в борьбе за них будут посягать на социальный порядок, установленный согласно сознанию большинства. Стремясь к осуществлению того, что должно быть, нельзя не считаться с тем, что есть при существующем строе жизни и что на долгое время сохранит еще неизбежно свое влияние в жизни человечества. Люди своей духовной природой призваны к постоянному стремлению осуществить в сей жизни законы высшей правды и любви, но возможно ли полное осуществление на земле этих высоких идеалов — знать людям не дано. Тем не менее, постоянное стремление к уяснению и усвоению человеческим сознанием высоких идеалов, предуказуемых Божественным Разумом, является необходимым условием для постепенного

улучшения и действительного усовершенствования личной и общественной жизни. Только при этом условии возможен несомненный прогресс в жизни человечества и только это условие может предостерегать от роковой ошибки, заключающейся в признании правильности и закономерности того направления, в котором развивается личная и социальная жизнь в настоящее время, и в отождествлении того, что есть, с тем, что должно быть. Идеалы высшей правды, любви и всечеловеческого единения должны всегда служить людям маяком, освещающим им жизненный путь, ведущий от преходящего личного к всеобъемлющему вечному.

По несовершенству человеческого рода люди не могут обойтись без организованного порядка общественной жизни и без организованного элемента принуждения, которые представляются государством. Государство — необходимое и неизбежное условие общественной жизни, но оно является не самодовлеющей целью своего существования, а должно служить лишь средством, содействующим осуществлению высшей цели всего человеческого бытия. Государственный строй и установленный в нем правовой порядок должны исходить из признания равенства всех людей и обеспечения каждой личности полной свободы в своем духовном развитии и в своих действиях, не причиняющих ущерба и не производящих насилия по отношению к своим ближним в христианском значении этого слова. Государство должно всегда иметь своей задачей улучшение общественной жизни ради всех своих членов. Исходя из убеждения, что действительный прогресс в общественной жизни может быть обеспечен только путем внутреннего устроения личности, воспитания в населении государства нравственного настроения и подъема его духа, государство в своей деятельности долж-

но руководиться принципами христианской этики. Политика и общественное хозяйство должны направляться государством к тому, чтобы объединять людей, а не разделять их. Для этого необходимо, чтобы вся деятельность государства воспитывала в своих гражданах сознание идеи долга и противодействовала силой своего морального авторитета стремлению людей к отстаиванию и противоположению своих личных или классовых интересов. Государство должно вести народ к тому, чтобы он всегда стремился к нравственному совершенствованию. При этом условии не может быть и речи о подавлении личности, и государство должно всегда открывать широкий простор для развития личной и общественной самодеятельности. Идея единения людей должна служить главным основанием государственного строя и политики государства.

В основу государства полагаются два принципа: принцип права и принцип власти. Необходимость этих двух начал, как и неизбежность государственного строя вообще, обусловливается несовершенством человека, наделенного свободной волей, но не достигшего надлежащего развития своего нравственного сознания и потому способного при проявлении своей деятельности нарушать нормальное течение жизни общества или отдельных его членов. Устанавливаемые государством правовые нормы имеют целью оградить общество от посягательств со стороны злой воли людей. Но право само по себе не имеет абсолютного значения и содержания. В каждый период исторической жизни понимание сущности права находится в тесной связи со степенью развития современного нравственного сознания общества. То, что признавалось правильным и узаконялось правовыми нормами в прежнее, пережитое человечеством

время, с ростом его духовного сознания представляется уже нередко даже преступным. Так, например, рабство и крепостная зависимость людей не возмущали прежде человеческой совести и эти явления в течение продолжительного времени не вступали в противоречие с современным им пониманием права и подтверждались действовавшими законами. И в настоящее время современному пониманию права не противоречат установленные жизнью право собственности на землю и капиталистический строй промышленности, но, несомненно, при дальнейшем развитии духовной сущности человека и более глубоком уяснении людьми требований высшей правды, право собственности на землю и капиталистический строй должны будут уступить место иным порядкам, и эта перемена не может не отразиться на содержании и понимании идеи права. Право всегда стремится подойти возможно ближе к требованиям высшей правды, уясняемым постепенно и последовательно человеческой совестью; оно является всегда отражением эволюции нравственного, религиозного сознания человечества. Право — начало временное, юридическое и служит выражением современного сознания человечеством начала вечного, нравственного закона, предуказуемого Божественным Разумом. Рассматривая правовое начало с этой точки зрения, нельзя не признать необходимым, чтобы правовые нормы, устанавливаемые государством, не отставали от роста общественного сознанья, находились всегда в соответствии с выясняющимися требованиями высшей правды и справедливости и содействовали тем дальнейшему воспитанию духа личности и общества.

Второму основному началу государства, государственной власти, в прежнее время многие были склонны прида-

вать божественное происхождение и рассматривали власть, как божественное право монарха. Такое понимание совершенно не соответствует условиям, вызывающим необходимость установления власти в государственном строе, и поставляемым ей задачам. Главнейшая задача государственной власти заключается в охранении установленного в государстве правового порядка, выражающегося в действующем законодательстве, и в ограждении, путем применения принуждения и материальной силы, государственного строя, общественной безопасности и личных прав всех граждан от посягательств злой воли людей. Необходимость власти так же, как и правового порядка вытекает из греховности человека и уклонения людей от выполнения Божественного закона любви и высшей справедливости. Власть является неизбежным условием государственного строя, вследствие преобладания в жизни эгоистических инстинктов и интересов над сознанием нравственного долга, т.е. необходимость власти обусловливается, главным образом, господством в мире зла. В то же время власть, носящая в себе элемент принуждения, всегда оказывает некоторое развращающее влияние на обладающих ею и вызывает в них нередко склонность к злоупотреблению предоставленной им властью. Это свойство власти и условия, определяющие необходимость её существования в государстве, всегда вызывали во мне отрицательное отношение к идее народовластия и народоправства. Провозглашение идеи народовластия и стремление осуществить её в государственном строе невольно выдвигают на первый план значение личных прав граждан и заглушают или отодвигают на второй план сознание нравственного долга и обязанностей, лежащих на них, как на людях. Принцип народоправства полагает в основу

государственного строя личную волю, личные права граждан, тогда как необходимое условие государственной жизни, представляется мне, должно заключаться в подчинении личной воли иным, высшим началам. Идея народовластия, как бы, призывает всех граждан к отстаиванию своих прав, поселяет в них переоценку значения личных и классовых интересов и тем неизбежно влечет людей на путь социальной и политической борьбы.

Изложенные соображения воспитали во мне убеждение, в силу которого я признаю более целесообразным, чтобы осуществление необходимой в государстве высшей власти было возложено на одно лицо, стоящее вне столкновения интересов отдельных общественных групп, и чтобы носителем власти был наследственный монарх. Наследственная монархия исключает необходимость возложения власти на новое лицо путем периодических выборов, которые неизбежно вызывают в государстве политическую борьбу и при которых избранный таким порядком носитель власти является невольно представителем победившей политической группы, а это условие лишает его возможности сохранения всегда необходимой объективности власти. Но, усматривая в наследственной монархии наиболее соответствующую форму организации государственной власти, нельзя, однако, упускать из вида свидетельство истории всех народов, что монархическая власть очень часто склонна признавать себя властью, ничем неограниченной, и своими произвольными действиями нарушать и подавлять права и свободу граждан. Такие злоупотребления являются последствием неправильного понимания сущности и задач государственной власти, и они прежде всего нарушают крепкую связь власти с населением, всегда и безусловно необходимую в государствен-

ном строе. Власть монарха должна быть сильной, но она может быть таковой только в том случае, когда она пользуется доверием народа. Монарх должен всегда и прежде всего смотреть на свою власть, как на обязанность, возложенную на него, tacito consensu, всем народом, и осуществлять свою власть согласно с требованиями народного сознания. Следуя этим путем, власть должна стремиться к созданию и развитию тесного единения с населением, быть всегда осведомленной о его нуждах и всеми силами содействовать развитию личной и общественной самодеятельности.

История подтверждает, что у всех народов рано или поздно вводится в том или другом виде выборное представительство, которое вносит в государственную жизнь непосредственное знание местных и общих потребностей страны.

Народное представительство является необходимым условием живого единения государственной власти с населением, но при организации народного представительства имеет громадное значение для правильного развития государственной жизни идея, которая полагается в основу взаимодействия власти и народа. В основе конституционного строя лежит, преимущественно, идея права. Конституционный строй устанавливается, главным образом, в целях ограждения народа от произвола государей, и основывается, как бы, на противоположении интересов власти и населения. Конституционная теория преследует ограничение прав государственной власти и расширение прав народного представительства и тем, как будто, возводит в принцип систему неизбежных между ними соперничества и борьбы. Этот принцип противоречит всему моему жизнепониманию. Я держусь убеждения, что плодотворное взаимодействие

власти и народного представительства возможно лишь при моральной их солидарности, при сознании и выполнении обеими сторонами лежащего на них нравственного долга, т.е. при том условии, что в основе взаимодействия власти и народа будет лежать не столько идея правовая, сколько идея этико-социальная. Организация народного представительства и отношений между ним и государем должна быть создана не во имя разделения их прав, а во имя сознания необходимости разделения и наилучшего выполнения лежащих на них обязанностей пред государством, в целях постепенного осуществления в жизни идеалов добра и правды. Истинная свобода может быть обеспечена не противопоставлением власти и народа, а их совокупной деятельностью, направленной к высшей цели, предстоящей человеческому бытию. Только при этом условии из государственной жизни может быть устранен элемент политической борьбы и народное представительство сможет явиться выразителем соборной совести народа и сосредоточить все свое внимание на уяснении и удовлетворении материальных и, что еще важнее, духовных потребностей населения; только при этом условии государственная власть явится исполнительницей велений народной совести и будет почерпать необходимую ей силу в доверии и в поддержке населения. Государство не может не быть учреждением правовым, но право, нормирующее жизнь государства, всегда должно стремиться к постепенному установлению в государстве высшей правды и справедливости, призывающих всех людей к доброжелательному единению и к проявлению деятельной любви. Правовое государство должно всегда ставить себе целью создание условий государственной жизни, наиболее соответствующих этическим запросам

человечества. Власть, охраняющая и осуществляющая в государстве начало правовое, должна в своей деятельности всегда руководиться требованиями начала нравственного и поручение правительственных обязанностей лицам, хотя бы и даровитым, но без нравственных устоев, представляет большую опасность для правильного течения и развития государственной жизни.

Старое русское самодержавие имело, несомненно, в своей основе идею моральной солидарности государя и народа. В моем представлении идея самодержавия никогда не отождествлялась с идеей абсолютизма. «Термин самодержец», — говорит В.О.Ключевский, — «выражал понятие не о государе с неограниченной властью, а о государе независимом, никому не платящем дани[8]». «Доверие и согласие государя и народа», — говорит В.С.Соловьев,— «основывались на том, что они одинаково преклонялись пред общим духовным авторитетом христианского начала, ставя одну общую цель — водворение правды Божией на земле[9]». Взаимное доверие и живое единение русских самодержцев и народа получили свое наглядное подтверждение на земских соборах. Русские цари хорошо понимали, что только сближение с народом может дать им надлежащую опору и укрепить авторитет их власти. Земские соборы созывались для обновления законодательства, для изыскания денежных средств, для совета по возникавшим важным государственным вопросам, для восстановления расстроенного государственного порядка и для избрания царей. Представители

8 В.О.Ключевский. «Лекции», 1-я часть, стр. 207.

9 В.С.Соловьев. «О духовной власти», стр. 320.

всего народа, призывавшиеся на земские соборы для обсуждения общегосударственных дел, видели в этом не осуществление своего политического права, а выполнение своего нравственного долга. На земских соборах никогда не возникал вопрос об ограничении царской власти, как и не слышалось указаний на нежелание самодержцев считаться с голосом народных представителей. Объяснение этого нужно видеть в том, что в основе самодержавия и земских соборов лежала идея не правовая, а идея морально-политическая. Вопрос о том — имели ли мнения и постановления земских соборов характер совещательный или решающий — представлялся совершенно лишним и неуместным. Вполне справедливо отмечает Г.Ф.Шершеневич: «Мы совершенно не знаем борьбы между соборами и царем, не знаем даже случаев, когда бы царь поступил в противность соборному мнению» …; «земский собор был силен не знанием, а авторитетом» …; «мыслимо ли было, чтобы царь разошелся с земским собором? Царь обращается к народному авторитету для подкрепления своего, но, ведь, в случае разногласия с собором, авторитет царя был бы еще более ослаблен» …; «царь не может разойтись с волей всего народа, представленного на соборе. Это было ясно всем и без определения в законе, каково значение соборного мнения[10]». Сила и авторитет земских соборов определялись не законом, а народным сознанием, сознанием, что призвание самодержавных государей состоит в том, чтобы творить не свою волю, а быть лишь выразителями соборной совести народа.

10 Г.Ф.Шершеневич. «Земские соборы», стр. 13-15.

К сожалению, земские соборы, созывавшиеся в XVI и XVII веках, не превратились в постоянное государственное учреждение, а с воцарением Петра I самодержавие утратило свой прежний идейный характер и превратилось в неограниченное самовластие. Живая связь и взаимодействие верховной власти с населением были нарушены, и государственная власть присвоила себе исключительное право направления всей государственной жизни по своему усмотрению, не считаясь ни с волей народа, ни с голосом народной совести.

Выход из создавшегося в стране тяжелого положения можно было видеть только в восстановлении всегда необходимого в государстве взаимодействия государственной власти с населением и в привлечении народного представительства к участию в государственном управлении. В этом были все согласны, но относительно главных оснований организации взаимодействия власти и народа в общественных кругах возникали принципиальные разногласия. Представители конституционной теории признавали неизбежным положить в основу необходимых реформ правовую идею и не считали возможным устранить господствовавший произвол власти иначе, как путем ее правового ограничения, предоставления народному представительству законодательной власти и установления ответственности правительственной власти пред народным представительством. Другие, в их числе был и я, усматривая в праве и государстве лишь средства для осуществления этических задач, отвечающих духовной сущности человека, полагали, что взаимодействие власти и народного представительства должно быть организовано на основе нравственной между ними связи, и признавали желательным возвращение самодержа-

вию его прежнего характера, как это было во времена земских соборов. Кроме принципиальных соображений, лица, разделявшие последнее мнение, имели также в виду, что возбуждение вопроса о введении в наш государственный строй конституционных принципов, знаменуя противоположение монарха и народного представительства, вызвало бы, несомненно, сильное противодействие со стороны государственной власти, что в свою очередь углубило бы пропасть, разделяющую власть с населением, и неизбежно толкнуло бы страну на путь политической борьбы. Обращение же к монарху не с требованием ограничения его прав, а с призывом к восстановлению моральной солидарности между ним и народом по примеру, указываемому нашей историей, представляло, казалось, большую вероятность вызвать сочувствие царя к такому общественному почину.

Руководясь изложенными здесь соображениями и мыслями, я приступил к выполнению возложенного на меня поручения, — составлению проекта тезисов для предполагавшейся записки. При исполнении этой работы я принял также во внимание, что всякое государственное преобразование должно совершаться с осторожностью и постепенно, не вызывая обострения политических отношений в стране. Нужно, с одной стороны, чтобы необходимость и желательность предлагаемой реформы были сознаны и признаны широкими кругами населения, а, с другой, — желательно, чтобы необходимое преобразование происходило в условиях, примиряющих с ним государственные и общественные элементы, игравшие руководящую роль в изменяемом государственном строе. Признавая восстановление земских соборов желательным, я не мог, однако, не сознавать, что при их восстановлении необходимо было бы внести в их

организацию существенные изменения, соответствующие современным условиям государственной жизни, и что разработка порядка и условий организации народного представительства должна быть произведена при непременном участии представителей общества. Чтобы вступить возможно скорее на путь последовательного осуществления необходимых государственных реформ в целях создания тесного единения и живого общения самодержавной власти с населением, мне представлялось возможным ограничиться на первое время введением в состав комиссий при государственном совете выборных представителей общественных учреждений. Предлагая это нововведение, совпадавшее с предположениями графа Лориса-Меликова 1880 года, я видел в нем первый шаг для дальнейшего развития народного представительства и для создания его взаимодействия с самодержавной властью на основе сознания обеими сторонами лежащего на них одинаково нравственного долга.

Мною был представлен на обсуждение кружка общественных деятелей нижеследующий текст проектированных мной тезисов:

1. Ненормальность настоящего порядка государственного управления заключается в отсутствии необходимого в государственной жизни взаимного доверия между правительством и обществом; правительство не доверяет общественным силам; — общество не имеет уважения к правительству.

2. Отношение правительства к обществу имеет в своем основании неправильное положение, которым признается, что развитие общественной самодеятельности и участие общества во внутреннем государственном управлении стоят

в противоречии с идеей самодержавия. Исходя из этого положения, правительство стремится к административной централизации во всех отраслях местного управления и к опеке над всеми сторонами общественной жизни.

3. Положение это не только ошибочно, но и ложно. Самодержавие возможно лишь при живом и тесном общении самодержавного государя с народом; при отсутствии этого условия самодержавие царской власти теряет свое идейное значение и заменяется самодержавием министров и бюрократии, с которым русское общество никогда примириться не может.

4. Бюрократический строй, прикрываясь стремлением охранять самодержавие, но в действительности разобщая царя с народом, создает почву для проявления административного произвола и личного усмотрения. Такой порядок лишает общества необходимой уверенности в строгой охране законных прав всех и каждого и подрывает уважение к правительству.

5. Для беспрепятственного выражения общественного мнения и для всестороннего выяснения обществом своих нужд необходимы обеспечение свободы совести, мысли и слова и развитие общественной самодеятельности, путем предоставления обществу самостоятельного заведования удовлетворением местных потребностей.

6. Необходимо, чтобы обществу было предоставлено право доводить до сведения самодержавного государя о своих нуждах и о действительном положении вещей на местах.

7. Составляемые в центральных государственных учреждениях законопроекты должны быть доступны предвари-

тельной критике со стороны общества и мнения общества должны быть известны государю при утверждении законов самодержавной властью. Для этого необходимо, чтобы, применительно к предусмотренному положением об учреждении государственного совета порядку, были привлекаемы представители общественных учреждений к участию при обсуждении законопроектов в комиссиях при государственном совете и чтобы законопроекты, прежде внесения их в государственный совет, опубликовывались заблаговременно для всеобщего сведения, а общественным учреждениям было бы предоставлено право в тех случаях, когда они признают это необходимым, представлять свои мнения или отзывы по тому или другому законопроекту.

8. Следует признать желательным, чтобы к обсуждению в центральных государственных учреждениях законопроектов и различных государственных мероприятий привлекались представители общества исключительно по его избранию, так как только при этом условии эти лица могут являться представителями общественного мнения и будет исключена возможность преднамеренного подбора лиц.

9. Организация порядка и условий общения самодержавного государя с народом должна составлять задачу государственной власти, но при обсуждении этого вопроса необходимо участие представителей общества.

Эти тезисы были подвергнуты многократному обсуждению в собраниях указанных выше лиц, происходивших весной, летом и осенью 1901 года, и вызвали большие разногласия с различных и самых противоположных точек зрения. Отрицательное отношение к основным положениям представленных тезисов особенно определенно проявил

Ф.Д.Самарин. Еще в начале 1900 года в переписке со мной, по поводу условий нашей политической жизни и желательных в ней изменений, Ф.Д., характеризуя переживаемое время «с одной стороны тем, что носители власти совершенно утратили веру в себя и сознание своего значения, а с другой—тем, что в обществе совершенно отсутствуют какие бы то ни было связующие и объединяющие принципы не только политические, но и религиозные», и указывая на «все более усиливающееся стремление устранять общество от всякого, даже самого скромного участия в государственных делах и не допускать его даже до выражения своего мнения по поводу правительственной политики»,— признавал, что «управлять Россией через посредство одного чиновничества без всякого участия общественного элемента в настоящее время уже невозможно», но полагал, что «предугадывать, какую форму примет в конце концов у нас содействие общественного элемента, никто, конечно, не возьмется, да в этом нет и надобности». Далее в том же письме Ф.Д., усматривая главную задачу царской власти в постепенном возвращении самодержавию его исконного земского характера, говорил: «Первым шагом в этом направлении должно бы быть укрепление и расширение всех тех местных органов государственной власти, в которых деятельными лицами являются не чиновники, а люди, привлеченные к делу из самого населения. Только при самом широком развитии местного самоуправления и возможно теперь самодержавие». — Отвечая на это письмо, я писал Ф.Д.Самарину, между прочим, что не могу согласиться с ним, будто нет необходимости предугадывать форму, которую должно принять содействие общественных элементов в нашей государственной жизни и высказывался за неизбежную

необходимость постановки этого вопроса на очередь и выяснения его в сознании как общества, так и правительства.

Ознакомившись с представленными тезисами, Ф.Д. особенно возражал против 7, 8 и 9 пунктов. Он опасался, что возбуждение вопроса о привлечении избранных общественных представителей к законодательной деятельности даже в той форме, как это намечалось в тезисах, явится первым шагом для перехода к конституционному режиму. Все доводы его оппонентов, которые указывали, что нельзя же ограничиться констатированием существующей ненормальности нашей государственной жизни, говорить о возвращении самодержавию его исконного земского характера, о необходимости тесного единения самодержавной власти с народом и не наметить в то же время путей и почвы для создания этой связи, — не могли убедить Ф.Д. 21 ноября 1901 г. он письмом на мое имя уведомил о своем решении не принимать дальнейшего участия в наших совещаниях. Свое решение Ф.Д. пространно мотивировал следующими главными соображениями. Ненормальность отношений правительства к обществу занимает, конечно, видное место, но сводить все к одной этой причине едва ли правильно. Недоверие власти до известной степени оправдывается самым характером нашего общества, которое не обладает необходимою нравственною силой, устойчивостью и ясностью убеждений и способностью к дружной работе. В обществе преобладают течения отрицательного свойства: отрицательное отношение к вере отцов, к истории своего народа, к его пониманиям и быту. Большинство вожаков нашего общественного мнения смотрят на самодержавие, как на государственную форму, отжившую свой век, и считают

необходимым вести борьбу с этим злом. Вследствие этого нельзя утверждать, что правительство только по недоразумению не доверяет обществу. Соглашаясь, что правительство поступает неправильно, постоянно стесняя общество, Ф.Д. признавал необходимым, чтобы правительство изменило свою систему не потому, что оно может или должно доверять обществу, а потому, что нынешняя политика совершенно не достигает цели. Полицейскими мерами невозможно побороть отрицательное отношение умов. «Только привлекая общество к практической работе над государственным и общественным делом, можно противодействовать современному направлению мысли и создать посредствующую между властью и народом среду, которая должна с одной стороны верно выражать мысль и волю народа, а с другой — служить проводником для действия власти на народ[11]». Затем в письме Ф.Д-ча говорилось, что меры, предлагаемые в тезисах, составляют сущность, так называемой, либеральной программы, хорошо известной правительству, и рекомендовать ее значило бы советовать правительству, чтобы оно свое нынешнее, одностороннее и ложное направление заменило другим, противоположным ему, но не менее ошибочным и односторонним.

На основании совершенно иных соображений отнесся отрицательно к возникшему предположению кн. С.Н.Трубецкой. Он находил мысль о восстановлении идейного самодержавия утопичной, не считал возможным устранить произвол власти без её ограничения определенным правовым порядком, видел единственный выход из переживаемо-

11 Этими именно мылями и руководился составитель проекта тезисов.

го страной тяжелого положения в решительной замене приказного строя строем конституционным и, исходя из этих положений, признавал подачу предполагавшейся записки бесцельной и бесполезной.

Кн. П.Д.Долгоруков и Р.А.Писарев, разделяя принципиальные соображения кн. С.Н.Трубецкого, не возражали, однако, против подачи записки, предполагая, что осуществление высказываемых в ней пожеланий, хотя и не даст надлежащего разрешения вопросу, но может облегчить и подготовить преобразование нашего государственного строя в конституционное государство.

Принимая во внимание: 1) несогласие К.В.Рукавишникова принять участие в обсуждении возникшего предположения, 2) отказ Ф.Д.Самарина и кн. С.Н.Трубецкого от участия в дальнейшем обсуждении вопроса по принципиальным соображениям и 3) заявления кн. П.Д. Долгорукова и Р.А.Писарева, свидетельствовавшие об отсутствии необходимой их солидарности с остальными членами совещания, последние признали, что возникшее предположение не может рассчитывать встретить поддержку и сочувствие в широких кругах общества, и поэтому мысль о составлении и подаче записки была оставлена без дальнейшего движения.

Глава VI

Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Совещание земских деятелей в мае 1902 года. Объявление Высочайшего неудовольствия участникам земского совещания. Мои беседы по этому поводу с министрами — В.К.Плеве и С.Ю.Витте. Ознакомление земской среды с содержанием этих бесед. Условия деятельности земских представителей в местных комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Попытка объединить общественных деятелей на мысли о подаче записки Государю, в целях откровенного выяснения переживаемого положения, создаваемого в стране реакционною политикой правительства, потерпела неудачу, а, между тем, в сознании представителей вполне умеренных, консервативных политических течений в обществе, все сильнее укреплялось убеждение в неотложности установления более нормальных отношений между государственной властью и населением. Представлялось несомненным, что если власть в ближайшем времени не отрешится от усвоенных ею недоверия и пренебрежения к общественным силам и не создаст благоприятных условий для сотрудничества с общественными элементами на основе моральной солидарности с ними в понимании смысла и задач государственной жизни, то в недалеком будущем под влиянием быстро нараставшего в стране оппозиционного настроения окажется неизбежной коренная реформа нашего государственного строя и будет поставлен на очередь вопрос об осуществлении идеи народовластия. Эта уверенность настоятельно побуждала общественные элементы, признававшие насущную необходимость обновления нашей государственной

жизни в соответствии с требованиями правды, справедливости и нравственного долга, стремиться всеми возможными им путями и мерами обратить внимание представителей власти на необходимость коренного изменения внутренней политики и на неотложность проведения в жизнь назревших реформ. Однако, все предпринимаемые в этом направлении шаги не имели успеха и правительство продолжало оставаться в положении человека, про которого говорят: нет более глухого, как нежелающий слышать, нет более слепого, как нежелающий видеть.

1902 год еще более углубил разлад между властью и обществом и еще более усилил антагонизм между ними. 22 января по инициативе министра финансов состоялось Высочайшее повеление об учреждении под председательством С.Ю.Витте Особого Совещания «для выяснения нужд сельскохозяйственной промышленности и соображения мер, направленных на пользу этой промышленности и связанных с ней отраслей народного труда». В первых заседаниях этого Совещания, 2, 9 и 26 февраля, были поставлены вопросы: о пределах задачи, поставленной Совещанию, и о способах и приемах её выполнения. Отвечая на первый вопрос, Совещание признало, что его обсуждению подлежат все вопросы, касающиеся сельскохозяйственной промышленности и связанных с ней отраслей народного труда, и наметило обширную программу, состоявшую из 40 пунктов. По второму вопросу Совещание признало, что «едва ли целесообразно предпринимать какие-либо меры, не спросив мнения тех, чьи нужды удовлетворить должны эти меры, кто близко стоит к земледелию и кому лучше всего известны его слабые стороны и насущные требования». «Местными силами должна быть сделана не подробная разработка отдельных

мер, которая составляет задачу Совещания и его подготовительных комиссий, а, главным образом, указаны те нужды, удовлетворение которых, по мнению местных людей, представляется в настоящее время существенно важным». Перейдя к обсуждению вопроса — какие именно учреждения и лица должны быть опрошены, Совещание нашло, «что едва ли есть необходимость спрашивать в настоящее время земские учреждения», так как они «были запрошены о нуждах земледелия и сельскохозяйственной промышленности в конце 1894 года министерством земледелия» и «такой опрос может весьма затянуть работу». Затем Совещание признало нужным, вместо обращения к земским учреждениям, образовать особые комитеты в губерниях, под председательством губернаторов, из губернского и уездных предводителей дворянства, председателя и членов губернской земской управы, председателей уездных управ, управляющих казенною палатою и государственными имуществами, уполномоченных по сельскохозяйственной части, председателей сельскохозяйственных обществ и всех тех лиц, участие которых будет признано губернатором полезным, а в уездах, под председательством уездных предводителей дворянства, в составе председателя и членов уездной земской управы и лиц, участие коих будет признано уездным предводителем дворянства полезным.

Устранение земских собраний, являющихся единственным организованным представительством местного населения, удовлетворению нужд которого должны были служить меры, проектируемые Совещанием, не могло не вызвать чувств недовольства и обиды в широких земских кругах. Участие в комитетах представителей земских управ не могло быть, конечно, приравнено к опросу земских собра-

ний; председатели и члены управ могли высказывать в комитетах лишь личные свои мнения. В то же время предоставление председателям комитетов дискреционного и ничем не ограниченного права привлекать в состав комитетов лиц, «участие коих будет признано ими полезным», открывало возможность создавать по личному усмотрению председателей такой состав комитета, в котором представители земских управ были бы всегда в меньшинстве.

В марте 1902 года в Санкт-Петербурге происходили выставка кустарных изделий и съезд, устроенный министерством земледелия, по вопросам кустарной промышленности. В этом съезде принимали участие земские деятели и многочисленные представители земского «третьего элемента». В частных совещаниях земские люди обменивались впечатлениями от недавно опубликованного положения об Особом Совещании и о местных комитетах, причем большинство склонялось, по-видимому, к мысли, что представители управ не должны принимать в работах комитетов активного участия и должны были бы ограничиться подачей записок с мотивировкой своего воздержания.

С 31 марта по 6 апреля в Москве состоялся пожарный съезд. Прибывшие на этот съезд представители земских управ, земские гласные и некоторые участники петербургских бесед во время кустарного съезда собирались между собой для обмена мнениями по земским делам. На настроении собиравшихся отражались события последних дней: убийство 2 апреля Д.С.Сипягина и назначение 4 апреля на пост министра внутренних дел В.К.Плеве, предвещавшее еще более реакционную политику правительства. В происходивших совещаниях принимали участие около 40 лиц из 20 губерний и, главным образом, обсуждались вопросы,

вытекавшие из приглашения представителей земских управ войти в состав организуемых комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Все признавали желательным, чтобы образ действий земских представителей в комитетах был, по возможности, одинаков, и чтобы ими, по крайней мере в губерниях, были представлены записки, в общих основаниях между собою сходные и выясняющие, что улучшение сельскохозяйственной промышленности невозможно частными мероприятими без изменения общих условий, тормозящих всю нашу жизнь. Тут же были намечены главные основные положения, которые признавалось желательным развить в губернских записках. В целях достижения возможного единства действий все участники пришли к заключению о необходимости поставить в известность о возникшем предположении всех председателей губернских управ и предложить им собраться в Москве для совместного обсуждения — программы предполагаемых записок, порядка их подачи, вопроса об участии представителей земских управ в комитетах и вообще всех вопросов, связанных со включением земских представителей в состав губернских и уездных комитетов. Исполняя изложенное заключение, я сообщил о нем письмами всем председателям губернских управ и просил их прибыть в Москву к 23 мая.

К назначенному сроку в Москву съехались представители большинства губернских управ и некоторые более деятельные гласные.

Частные совещания земских деятелей по вопросам, вытекавшим из привлечения представителей управ в состав комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, происходили в моей квартире, на Собачьей площадке, в доме Романовского, и продолжались 23, 24 и 25 мая. В этих

совещаниях приняли участие 52 лица, обозначенных в следующем списке.

Губерния	Фамилия, имя и отчество
Бессарабская	Барон Стуарт, Александр Федор., пред. губ. упр.
Вологодская	Кудрявый, Виктор Андреевич, предс. губ. упр.
Воронежская	Перелешин, Дмитрий Александров., чл. губ. упр.
Костромская	Соколов, Василий Семен., пред. костром. уезд. упр.
Курская	Кн. Долгоруков, Петр Дмитр., пр. судж. уезд. упр., Загорский, Эразм Клементьевич, член губ. упр., Раевский, Николай Владимирович, пред. губ. упр., Фон-Руцен, Александр Николаевич, Якушкин, Вячеслав Евгениевич.
Московская	Головин, Федор Александрович, чл. губ. упр., кн. Долгоруков, Павел Дмитриевич, Нарбут, Андрей Михайлович, член губ. упр., Рихтер, Николай Федорович, пр. моск. уезд. упр., Хмелев, Николай Николаевич, член губ. упр., Шипов, Дмитрий Николаевич, председатель губ. упр.
Нижегородская	Килевейн, Георгий Робертович, член губ. упр., Савельев, Александр Александров., пр. губ. упр.

Новгородская	Бередников, Сергей Григор., пр. тихв. уезд. упр., Сомов, Николай Николаевич, пред. губ. упр.
Орловская	Маслов, Сергей Николаевич, пред. губ. упр., Полкнов, Алексей Дмитриевич, Стахович, Александр Александрович, Стахович, Михаил Александрович, Татаринов, Федор Васильев., пр. орлов. уезд. упр.
Пензенская	Атрыганьев, Алексей Александров., пр. губ. упр., Ладыженский, Владимир Николаевич, чл. губ. упр.
Полтавская	Лизогуб, Федор Андреевич, председатель губ. упр.
Псковская	Гр. Гейден, Петр Александрович.
Рязанская	Кн. Волконский, Николай Сергеевич.
Самарская	Племянников, Василий Андреевич, пр. губ. упр.
Саратовская	Масленников, Александр Михайлович, гр. Олсуфьев, Дмитрий Адамович, пр. губ. упр., Юматов, Александр Дмитриевич, чл. губ. упр.
Симбирская	Кн. Баратаев, Сергей Михайлович, пр. губ. упр.
Смоленская	Полуектов, Илья Григорьевич, член губ. упр., Садовский, Борис Тимофеевич, председатель губ. упр., Хомяков, Николай Алексеевич.
Таврическая	Харченко, Яков Тарасович, председатель губ. упр.

Тамбовская	Вернадский, Владимир Иванович, Колобов, Михаил Петрович, председатель губ. упр.
Тверская	Фон-Дервиз, Владимир Дмитриев., пр. губ. упр., Линд, Василий Николаевич, Милюков, Николай Кононович, член губ. упр., Петрункевич, Иван Ильич, Петрункевич, Михаил Ильич.
Тульская	Кн. Голицын, Михаил Владимирович, Писарев, Рафаил Алексеевич.
Уфимская	Георгиевский, Александр Григорьев., чл. губ. упр., Жуковский, Иван Григорьевич.
Херсонская	Парамонов, Александр Констант., чл. губ. упр.
Черниговская	Свечин, Алексей Александрович.
Ярославская	Кн. Шаховской, Дмитрий Иванович.

По избрании меня собравшимися председателем наших бесед, я предложил обсудить вопросы: следует ли представителям земства принимать участие в работе образуемых комитетов для выяснения нужд сельскохозяйственной промышленности, не следует ли им подать в комитеты записки, ограничившись указанием в них только причин, по которым они не считают возможным принимать участие в работе комитетов, или следует также выяснить, что частные мероприятия, проектируемые Особым Совещанием, не могут оказать существенной помощи сельскому хозяйству впредь до изменения тех общих условий, которые препятствуют правильному развитию нашей общественной и государ-

ственной жизни, в частности, тормозя применение отдельных мероприятий по улучшению положения нашего сельского хозяйства?

Из происходивших затем прений выяснилось, что все участники беседы единодушно признают, что факт обращения правительства за выяснением нужд сельскохозяйственной промышленности не к земским учреждениям, а к особым комитетам, куда привлекаются представители исполнительных органов земских собраний, как должностные лица, является неправильным действием правительства по отношению к обществу, является попыткой правительства разрешить в порядке административном, помимо участия общественных учреждений, вопрос первостепенной важности, входящий в круг ведения земства. При этом в прениях было указано, что не реагировать на подобное отношение правительства земство не может. Вопрос поставлен ребром — быть или не быть земству. Правительство производит опыт — обойтись без земства в разрешении земских вопросов и привлечь к разработке этих вопросов председателей и членов управ ex officio, как сведущих людей. Момент высказать земству определенно свои взгляды на общее направление нашей внутренней и финансовой политики настал в высшей степени удобный и им необходимо воспользоваться. Сам закон указывает к тому способы. Из высочайше утвержденного журнала заседания Особого Совещания видно, что образуемые уездные и губернские комитеты для выяснения нужд сельскохозяйственной промышленности являются в сущности передаточной инстанцией материала, собранного ими чрез опрос мнений своих членов. Поэтому записки, которые могут представители земства внести в эти комитеты, должны быть переданы последними в Особое Совеща-

ние, хотя бы большинство членов комитета и не согласилось с проводимыми в этих записках взглядами. Но так как тем же высочайше утвержденным журналом не ограничено какими-либо рамками право членов комитетов высказывать свой взгляд на нужды сельскохозяйственной промышленности, то ни один комитет не может воспретить каждому из своих членов указывать на общие условия нашей государственной жизни, препятствующие, по его мнению, успешному развитию сельского хозяйства в России. Подобное действие представителей земства не будет нелояльным. Едва ли можно сомневаться, что комитеты окажутся недостаточно сведущими для успешного выполнения возложенных на них задач. Этот неуспех комитетов правительство может поставить в укор земству, указывая на то, что в составе комитета было немало земских людей. Такой упрек был бы, конечно, совершенно несправедлив, так как нельзя отождествлять земские учреждения с отдельными его членами, попавшими в комитет или ex officio, или по выбору их председателей, да еще растворенными в массе лиц, далеко стоящих от земского дела и действующих сообразно взглядам своего начальства. Но, тем не менее, нельзя игнорировать возможность такого упрека и потому следует, чтобы земцы в первом же заседании подали в комитет письменное заявление, что они будут принимать участие в занятиях комитетов только в силу высочайшего повеления, причем просят иметь в виду, что они высказывают только личные свои взгляды, а не мнение земского собрания, что они действуют в комитетах только по личному своему усмотрению, а не по уполномочию своих собраний.

Некоторые из участников беседы полагали, что земцам следовало бы уклониться от активного участия в занятиях

комитетов, заявив только протест по поводу того, что правительство не счело нужным вопрос о сельскохозяйственных нуждах передать на обсуждение земских собраний, а затем ограничиться только пассивным участием в комитетах. При этом было указано, что полный отказ от участия в комитетах явился бы нарушением высочайшей воли. Но с другой стороны земцы не могут работать в комитетах, не подчеркнув, что они работают лишь в силу высочайшего повеления за свой страх и риск, а не по уполномочию своих собраний, так как умолчание об этом явилось бы также нарушением закона, Положения о земских учреждениях, которое предусматривает работу председателей и членов управ, а также и отдельных гласных, лишь как исполнителей постановлений собраний.

Некоторые из участников стояли за вполне активное участие земцев в работе уездных и губернских сельскохозяйственных комитетов. По мнению этих лиц, организация комитетов дает возможность земству довести до сведения правительства свое истинное мнение по поднятым Особым Совещанием вопросам. В самом деле, уездные управы в большинстве случаев могут добиться, чтобы уездные предводители дворянства организовали уездные комитеты, если не из всех гласных уездных земских собраний, то из числа всех наиболее деятельных. Управы имеют полную возможность внести в эти комитеты, в сущности же в земские собрания, особые доклады. Таким образом мнение уездных комитетов явится мнением тех же земских собраний. Затем губернские управы совместно с председателями уездных управ выработают и внесут в губернские комитеты доклады по губерниям. Если некоторые вопросы в губернских комитетах пройдут, несогласно взглядам земцев, то они имеют

возможность изложить свои взгляды в особых мнениях, которые также будут препровождены в Особое Совещание. Таким образом до этого Совещания дойдет истинное мнение земства.

Это предложение не встретило поддержки со стороны большинства. В опровержение его было высказано, что уездные комитеты, даже в указанном выше составе, не могут все же рассматриваться как земские собрания, так как на характере работы его членов не может не отражаться сознание, что они участвуют в комитете по приглашению предводителя, а не по предоставленному им законом праву, главное же, что, даже при добром желании предводителя составить комитет возможно ближе к соответствующему земскому собранию, при выборе членов комитета личное усмотрение предводителя на значение отдельных гласных не может, конечно, не иметь места. Затем надо быть большим оптимистом, чтобы не опасаться, что в очень значительном числе случаев, если не в большинстве, предводители не пожелают отказаться от предоставленного им права и, образуя комитеты, не будут заботиться о том, чтобы мнение комитета явилось в сущности мнением земского собрания. В губернских же комитетах дело будет обстоять еще хуже.

В заключение было признано, что в силу высочайшего повеления председатели и члены управ обязаны участвовать в комитетах как должностные лица, причем они должны заявить комитетам, что они принимают участие в занятиях не по уполномочию земских собраний и, следовательно, являются выразителями только своих личных взглядов, а не мнений своих собраний.

Далее было высказано пожелание, чтобы земские учреждения, отдельно от комитетов, занялись разработкой

порученных комитетам вопросов и попытались обсудить их в земских собраниях. При обсуждении этого пожелания выяснилось, что нельзя рассчитывать на то, что в большинстве губерний будет допущено внесение управами в собрания докладов по этим вопросам. Поэтому наилучшим способом дать возможность высказаться по этим вопросам земским собраниям, является, по-видимому, следующий: земцы, участвующие в комитетах, вносят в последние записку, в коей излагают свой взгляд на нужды сельскохозяйственной промышленности, а затем управы эту же записку доводят до сведения земского собрания, чтобы оно выразило свое одобрение или порицание действиям своих уполномоченных. Такое постановление собрания опротестовано быть не может и явится выражением мнения собрания по существу изложенных в записке взглядов.

Этот способ был одобрен большинством 36 голосов против 5, а затем собрание единогласно пришло к заключению, что представители земств должны просить комитеты возбудить ходатайство о том, чтобы вопрос о нуждах сельскохозяйственной промышленности был передан на обсуждение земских собраний.

Далее было приступлено к выработке программы, могущей послужить основой для составления тех записок, которые предполагалось подать в комитеты, причем было указано на крайнюю желательность подачи от возможно большего числа земств записок, составленных по однородной программе, так как только одновременное и единодушное заявление многих земств может иметь больший вес в высших правительственных сферах. Прежде всего было установлено, что в эту программу должны войти указания не на частные мероприятия для поднятия сельскохозяй-

ственной промышленности, могущие служить только паллиативами в этом деле, а на коренные причины народного бедствия, на те недостатки в строе нашей государственной жизни, которые в корне подрывают народное благосостояние и без устранения коих все частные мероприятия по улучшению условий сельского хозяйства в России не могут оказать существенной пользы. В результате происходивших бесед была установлена следующая программа.

I. Устранение земских учреждений от выяснения нужд сельскохозяйственной промышленности совершенно неправильно. Если Особое Совещание признало, что «едва ли целесообразно предпринимать какие-либо меры, не спросив мнения тех, чьи нужды удовлетворить должны эти меры, кто близко стоит к земледелию и кому лучше всего известны его слабые стороны и насущные требования», — то очевидно, что такое мнение может быть представлено лучше всего земскими учреждениями, которые являются единственными представителями всего населения. Кроме того: а) земство имеет в этом отношении большой опыт, и теоретический, и практический, б) земство явится в большинстве случаев исполнителем намеченных мероприятий, что должно придать его отзывам особую жизненность и силу, и в) земство обладает в лице своих экономических советов и статистических отделений обширной организацией, при помощи которой только и возможно более или менее удовлетворительно выполнить задачу — выяснения сельскохозяйственных нужд населения.

II. То обстоятельство, что земские учреждения были запрошены о нуждах земледелия и сельскохозяйственной промышленности в конце 1894 года, не может служить причиной не спрашивать эти учреждения в настоящее вре-

мя. В то время имелось в виду выяснить преимущественно ближайшие задачи только что возникшего министерства земледелия и основания для взаимодействия последнего с местными учреждениями. Агрономическая и экономическая деятельность земств почти только что началась в первой половине девяностых годов и лишь во второй половине их получила свое наибольшее развитие. С другой стороны, неблагоприятные условия, в которых находится сельскохозяйственная промышленность, особенно рельефно обозначились в последнее время, что и было причиной учреждения Особого Совещания, которое, с своей стороны, сознавая, очевидно, изменившиеся условия, признало необходимость нового местного опроса.

III. Образуемые в губерниях и уездах комитеты не могут явиться выразителями взглядов местного населения и при предположенном способе опроса будут получены ответы, не выражающие «мнения тех, чьи нужды удовлетворить должны эти меры, кто близко стоит к земледелию и кому лучше всего известны его слабые стороны и насущные требования».

IV. Для того, чтобы вырабатываемые правительством мероприятия были согласованы с действительными потребностями жизни нужно, чтобы к участию в работах высочайше учрежденного Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности были приглашены выборные от губернских земских собраний, а также следует признать необходимым, чтобы выборные представители губернских земств были включены в состав учрежденного при министерстве земледелия сельскохозяйственного совета, так как только при этом условии центральное правительство будет

всегда и своевременно осведомлено о местных сельскохозяйственных нуждах населения.

V. Нужды сельскохозяйственной промышленности отнюдь не могут быть удовлетворены отдельными частными мероприятиями и прежде всего необходимо устранить те общие условия, которые тормозят её развитие, так как только после их устранения можно будет с надеждой на успех наметить частные меры в области сельского хозяйства.

VI. В этих целях следует признать необходимым изменение следующих неблагоприятных для сельскохозяйственной промышленности общих условий:

Так как вопрос сельскохозяйственный в значительной мере сводится к вопросу крестьянскому, то, прежде всего, следует поднять личность русского крестьянина и обеспечить развитие его самодеятельности, а для этого нужно обеспечить правовое положение крестьян: — а) уравнением личных прав с лицами других сословий, б) освобождением крестьян от административной опеки, в) ограждением прав крестьян правильною формою суда и г) отменою телесного наказания.

Так как при современных условиях жизни успех во всех видах промышленности (в том числе и сельскохозяйственной) зависит прежде всего от степени просвещения народа, то необходимо предоставить общественным учреждениям широкую возможность скорейшего осуществления фактической общедоступности народного образования, расширить объем даваемых в начальной школе знаний и устранить существующие препятствия для внешкольного просвещения.

Так как воспособление сельской промышленности на местах возложено на обязанность земских учреждений, то для того, чтобы учреждения эти могли успешно выполнить эту обязанность необходимо: а) чтобы земское представительство населения было организовано вне зависимости от сословных соображений, б) чтобы земские учреждения были приближены к сельскому населению и в) чтобы земским учреждениям были обеспечены необходимые им устойчивость и самостоятельность, без которых они не могут быть удовлетворительными органами самоуправления.

Необходимо устранить недостатки современной финансовой и экономической политики государства, в силу которых насущные местные потребности населения не получают своего справедливого удовлетворения по недостатку на местах необходимых для того средств, тогда как в то же время население обременено платежами косвенных налогов на предметы первой необходимости, а государственные сметы составляются таким порядком, при котором их выполнение заканчивается ежегодно значительным превышением доходов над расходами, отягощая тем излишне платежную способность населения.

Для правильной постановки и разрешения экономических вопросов должна быть предоставлена широкая свобода гласному обсуждению их вообще, в особенности в печати. Такая гласность существенно важна для самой разработки известных мероприятий общего и частного характера и только такая гласность даст средства для постоянного контроля за действием и влиянием принятых мер, только она одна даст возможность своевременного и точного знания всех фактов текущей экономической жизни и происходящих в ней перемен. Такая гласность нужна, разу-

меется, не на одно только время работ Особого Совещания, а она должна быть признана, как всегда необходимое условие правильной постановки всей экономической жизни страны.

26-го мая в том же составе, но в помещении губернской управы, происходило совещание по вопросам народного образования. Ежедневно, по окончании дневных занятий, все участники совещаний собирались в гостинице «Эрмитаж» в колонном зале для товарищеских обедов, после которых в продолжительных беседах живо и дружно обсуждались разнообразные вопросы земской и государственной жизни. Наши собрания не имели отнюдь характер какой-либо таинственности, происходили открыто и за все время не встретили никаких препятствий со стороны местной администрации.

24-го и 25-го июня в Курске происходили совещания земских деятелей, собравшихся там по случаю организованной курским губернским земством выставки народного образования; эти собрания также не вызвали подозрительного к ним отношения курской администрации.

Выработанная московским совещанием программа и краткое изложение происходивших бесед, были сообщены всем губернским управам и, казалось, не было основания предполагать, что обсуждение в земской среде близко затрагивавшего ее вопроса могло вызвать в дальнейшем вмешательство правительственной власти. Вскоре, однако, выяснилось, что земским беседам пересудами и слухами, распространенными лицами, относящимися вообще отрицательно к проявлению общественной самодеятельности, был придан характер, далеко не соответствовавший действительности. В наших совещаниях была усмотрена попытка

организовать противодействие правительству и сложилось, преимущественно в кругах предводителей дворянства, мнение, будто земским совещанием было постановлено, что представители управ должны проявить в комитетах пассивную обструкцию, заявив отказ от участия в работах в виду того, что земские учреждения были обойдены положением об Особом Совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Такого рода слухи и сведения дошли до министра внутренних дел и он, не проверив их и не запросив объяснений от лиц, к которым предъявлялись такие обвинения, доложил Государю о земском совещании в Москве с неверным освещением происходившего и испросил повеление объявить высочайшее неудовольствие всем принимавшим участие в беседах должностным лицам (предводителям дворянства, председателям и членам управ) с предупреждением, что повторение таких действий повлечет за собой увольнение от занимаемых должностей с воспрещением дальнейшего участия в общественной деятельности[12]. Об этом мне стало известно только 1-го июля, а еще ранее, 28-го июня, я получил от директора департамента полиции, А.А.Лопухина, письмо, в котором он, по приказанию министра внутренних дел, просил меня прибыть в Санкт-Петербург для объяснений с министром по делам

12 Высочайшее повеление было объявлено орловскому губернскому предводителю дворянства М.А. Стаховичу и мне министром внутренних дел, а остальным лицам — через губернаторов, причём министерство, по-видимому, имело в своих руках список участников земского совещания, прибывших к первому дню, так как прибывшим позже и включённым в список дополнительно неудовольствие Его Величества объявлено не было.

службы. Я совершенно недоумевал, по какому делу В.К.Плеве желает со мной переговорить, не предполагал чего-либо чрезвычайного или спешного и собрался прибыть в Санкт-Петербург 1-го июля, так как 29 июня был праздничный, а 30-го воскресный день. 30-го числа, ранее предстоявшего мне отъезда, я получил телеграмму от М.А.Стаховича, извещавшего о своем выезде из Санкт-Петербурга и просившего меня дождаться в Москве его приезда. Приехав 1-го июля в Москву, М.А.Стахович познакомил меня с выяснившимся отношением центральной власти к земскому совещанию и сообщил, что он был накануне принят в 10 ч. утра министром в присутствии директора департамента полиции. Высочайшее повеление было объявлено М.А.Стаховичу министром, стоя, в очень резкой форме и ему даже было отказано в праве представить объяснения с своей стороны. Предполагая, что мне, как организатору земского совещания, предстоит еще более суровый прием, М.А. счел долгом предупредить меня и поставить меня в известность по какому делу я вызываюсь в Санкт-Петербург. Я выехал в тот же день, во время пути думал о предстоявшем мне приеме и готовился дать надлежащий отпор, если бы министр позволил себе резкое и неуместное ко мне отношение.

Прибыв в Санкт-Петербург 2-го июля, я в скором времени направился в департамент полиции, чтобы узнать от А.А. Лопухина, где и когда буду я принят министром. А.А. тотчас же по телефону, находившемуся на его письменном столе, обратился к В.К.Плеве для получения его указаний. Когда министр отвечал на предложенный ему вопрос, я заметил на лице А.А.Лопухина выражение удивления и недоумения. Он просил министра повторить его распоряже-

ние и затем передал мне, что министр примет меня в тот же день в 10 ч. вечера на даче на Аптекарском острову. Меня, так же как и А.А. Лопухина, удивило назначение такого позднего часа для приема. К назначенному времени я был на даче министра и тотчас был приглашен в его кабинет. В.К.Плеве, вопреки моему ожиданию, принял меня очень любезно; мы сели друг пред другом около небольшого стола, на который тотчас же подан был чай, и министр вызвал меня на продолжительную беседу, продолжавшуюся более полутора часа. Во время нашего разговора выяснилось, что министр признает нужным считаться с настроением земской среды, признает факт существования известной организации, имеющей целью объединения земских деятелей, и говорить со мной, как её представителем, хотя одновременно объявил мне неудовольствие Государя за попытку создать такую общественную организацию. Вследствие этого происходивший разговор приобретал известный общественный интерес и я, по возвращении от министра, под свежим впечатлением восстановил нашу беседу в следующей записи почти со стенографической точностью.

Плеве. Я давно желал, Дмитрий Николаевич, с вами познакомиться; я всегда с вниманием следил за вашей общественной деятельностью и с уважением к ней относился, и очень сожалею, что один факт из вашей деятельности самого последнего времени заставляет меня начать нашу беседу не так, как бы я того желал. Я должен прежде всего объявить вам высочайшее повеление. В конце мая вами было организовано совещание земских деятелей, на котором обсуждался вопрос об участии представителей земских управ в губернских и уездных комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Получив все сведения о

ваших совещаниях и выработанную на них программу, я доложил о них Государю. Его Императорское Величество был очень возмущен, узнав о таком незаконном совещании, и усмотрел в нем попытку оказать противодействие правительству и лишить организуемые в губерниях и уездах комитеты по вопросам сельскохозяйственной промышленности работников из среды представителей земских управ, которые были включены в комитеты по высочайшему соизволению. Государь поручил мне выразить вам свое неодобрение и даже неудовольствие и предупредить вас, что если вами будут организованы вновь такие совещания, то, как ни полезна ваша деятельность вообще, он уволит вас от занимаемой вами должности с воспрещением навсегда всякого участия в общественной деятельности.

Шипов. Должен я принять все выслушанное мною только к сведению и руководству, или имею право представить вашему высокопревосходительству объяснения с своей стороны?

Плеве. Прошу вас высказать все, что считаете нужным для объяснения ваших действий.

Шипов. Прежде всего должен заявить, что я глубоко удручен и огорчен тем, что навлек на себя неудовольствие Его Императорского Величества. Но я должен объяснить, что беседа земских людей, о которой идет речь, не имела вовсе того характера, который был в ней усмотрен, как ваше высокопревосходительство изволили мне объявить. Беседа, происходившая в конце мая в Москве, ничем не отличалась от целого ряда таких же бесед, происходивших в среде земских людей, начиная с 1895 года. Во время всякого рода официально разрешенных съездов, как-то съезды сельских хозяев, агрономический, кустарный, по народному образо-

ванию и т.п., приезжающие на эти съезды земские люди естественно собираются между собой для бесед и обмена мнений по различным общим для всех нас практическим вопросам земской жизни. В этом году такие беседы происходили в Санкт-Петербурге во время кустарного съезда и в Москве во время съезда пожарного. На этих беседах обсуждались, главным образом, вопросы, вытекавшие из включения представителей земских управ в состав губернских и уездных комитетов по сельскохозяйственной промышленности. Не скрою от вас, что обсуждение этих вопросов происходило при некотором раздражении и недовольстве в настроении земских людей, для которых не могло быть безразлично то, что правительство сочло возможным обойти земские учреждения при разрешении столь важного вопроса о нуждах сельского хозяйства, затрагивающего все стороны нашей государственной и общественной жизни. Под влиянием этого настроения многие в то время полагали, что представителям управ в комитетах следует заявить, что они отказываются принимать в них активное участие. Однако это мнение встретило возражения и окончательно выяснить этот вопрос во время пожарного съезда земским людям не удалось, почему присутствовавшие на нем согласились, в виду важности вопроса, собраться вновь в мае, пригласив еще нескольких лиц. В мае, обсудив вновь тот же вопрос при более покойном настроении, участники беседы пришли к заключению, что раз представители управ включены в состав комитетов, согласно высочайше одобренному положению Особого Совещания, то уклонение их от участия в работах комитетов было бы уклонением от выполнения высочайшей воли, и потому подавляющим большинством было признано, что представители управ в силу высочайше-

го повеления обязаны принимать деятельное участие в комитетах, и меньшинство, разделявшее противное мнение, заявило, что оно подчиняется большинству. Таким образом первый результат нашей беседы был тот, что вместо пассивной обструкции комитетам, которая была возможна в некоторых губерниях, теперь повсюду представители управ примут активное в комитетах участие. При этом все участники беседы согласились, принимая участие в работах комитетов, заявить, что мы можем высказывать только свои личные мнения, а не мнения земских собраний, от которых не имеем соответствующих уполномочий и указаний. Затем в наших беседах мы обсуждали вопрос об объеме нашего участия в работах комитетов. Имея в виду, что Особое Совещание, как видно из его журналов, не ожидает от комитетов разработки отдельных вопросов, касающихся частных мероприятий, а желает иметь отзывы на предложенный комитетам общий вопрос о нуждах сельского хозяйства, понимая под этим вопрос об экономическом благосостоянии сельского населения вообще, участники беседы, исходя из положения, что нужды сельскохозяйственной промышленности не могут быть удовлетворены частными мероприятиями, пока не будут изменены те общие условия, которые тормозят её развитие, сочли необходимым обменяться мнениями по этому поводу и выяснить себе какие, именно, условия, общие для всех губерний, неблагоприятно влияют на экономическое благосостояние сельского населения. Таковыми условиями собеседники признали, как видно из имеющейся у вас программы, — 1) необходимость обеспечения правового положения крестьян, 2) недостаточность просвещения сельского населения, 3) неудовлетворительное положение земских учреждений, призванных оказывать

воспособление сельской промышленности на местах, и 4) недостатки финансовой и экономической политики, вызывающие излишнее отягощение платежной способности населения. Из представленных объяснений вы можете усмотреть, что мы в наших беседах задавались целью выяснить себе, как лучше могут представители управ выполнить свои обязанности в комитетах, и что неблагоприятные общие условия мы обсуждали исключительно с точки зрения нужд сельскохозяйственной промышленности и экономического благосостояния населения. Я позволяю себе просить ваше высокопревосходительство представленные мною объяснения доложить Его Императорскому Величеству.

Плеве. Я доложу Государю всё мной от вас выслушанное, но не знаю, изменит ли Его Величество своё заключение. С своей стороны, как министр внутренних дел, должен сказать, что ваши объяснения не могут быть признаны вполне удовлетворительными. То обстоятельство, что не разрешённые законом собрания имели место в течение ряда лет, не может служить оправданием вашего последнего совещания и оно не может быть признано законным. Затем, хорошо, что в данном случае благоразумное большинство взяло верх и меньшинство ему подчинилось; но ведь могло быть и обратное, т.е. большинство могло быть неблагоразумным и тогда, может быть, благоразумное меньшинство сочло бы себя обязанным подчиниться. Поэтому такого рода организация не может быть признана законной. Закончим на этом наш официальный разговор и перейдём к частной беседе. — Мне давно хотелось с вами побеседовать. Я полагаю, что мы люди близкие по нашим убеждениям, и считал, что мы будем людьми одного лагеря. Не знаю, так ли это будет в действительности, и я очень рад случаю

обменяться с вами мнениями. Я сторонник земских учреждений и убеждён, что никакой государственный строй немыслим без привлечения общества к местному самоуправлению. Я не признаю возможным управлять страной при посредстве армии чиновников и не признаю, чтобы земские учреждения противоречили нашему государственному строю. Напротив, считаю, что при самодержавном строе государства необходимо широкое развитие местного самоуправления. Но, признавая необходимость участия общества в делах местного управления, я не могу не сказать, что часто земские учреждения бывают склонны выходить из круга подведомственных им задач и преследуют политические цели. В программе, выработанной на совещании, происходившем в Москве, вы касаетесь вопроса о правовом положении крестьянского сословия. Не буду останавливаться на том, насколько затронутый вами вопрос находится в связи с вопросом о нуждах сельскохозяйственной промышленности, хотя не могу отрицать, что некоторая связь между этими вопросами и существует, хотя, может быть, и не такая тесная, как вы полагаете. Но я считаю нужным отметить, что земские учреждения не ограничиваются даже такими вопросами, а нередко возбуждают вопросы, прямо или косвенно касающиеся общего правового порядка. Вы, конечно, хорошо помните и знаете, что нередко земские собрания, на обсуждение которых предлагались правительством различные важные вопросы, как-то: о народном продовольствии в 70-х годах, о местных учреждениях в 80-х при графе Лорис-Меликове, и т.п., в своих ответах и отзывах, как например, новгородское, черниговское земства, не оставались в пределах предложенных им вопросов и касались вопроса об изменении нашего государственного строя. Возбуждение

земскими учреждениями вопросов политического характера, прямо или косвенно противоречащих существующему государственному правовому порядку, представляется не только неправильным, но и вредным для земского дела. Хотя я сторонник земских учреждений и готов содействовать их правильному развитию, но я только министр внутренних дел и обязан считаться с течениями, которые выше меня, и эти же течения, конечно, должны иметь в виду и земские учреждения. Между тем, возбуждение земскими людьми вопросов политического характера усиливает неблагоприятные для общественных учреждений течения и служит оружием для тех, которые вообще отрицательно относятся к принципу местного самоуправления. Я, повторяю, признаю необходимость широкого развития местного самоуправления и готов содействовать установлению необходимого между правительственными и общественными учреждениями взаимодействия, но для этого нужно прежде всего, чтобы земские учреждения не создавали к этому препятствий. Я полагаю, что никакой государственный порядок не может оставаться навсегда неизменным и, очень может быть, наш государственный строй лет через 30, 40, 50 должен будет уступить место другому (прошу вас, чтобы эти слова мои не вышли из этих стен), но возбуждение этого вопроса теперь во всяком случае несвоевременно; исторические события должны развиваться с известною постепенностью.

Шипов. Позвольте мне выразить вам глубокую благодарность за то, что вы признали возможным и нужным познакомить меня так откровенно со взглядами вашими на местное самоуправление и на значение его в нашем государственном строе. Если вы уполномочите меня познакомить с

содержанием выслушанного мною моих товарищей по земскому представительству, как московской, так и других губерний, то я уверен, что это могло бы в значительной мере внести успокоение в земскую среду и земские люди с большим спокойствием стали бы ожидать грядущих событий. Позволите ли, ваше высокопревосходительство, мне высказать с своей стороны мой взгляд на значение общественных учреждений?

Плеве. Очень вас прошу.

Шипов. Я убеждённый сторонник идеи самодержавия и признаю, что самодержавие вполне отвечает жизнепониманию русского народа. Удовлетворение требований общественной правды представляется мне более надёжным при самодержавии, чем при парламентаризме, т.е. представляется более обеспеченным при том условии, когда выражение и осуществление народной воли предоставлено самодержавному государю, который принимает этим на себя ответственную нравственную обязанность перед населением, чем в том случае, когда выражение народной воли является последствием случайно сложившегося большинства, часто на почве борьбы классовых или материальных интересов. Знаю, что по этому вопросу существуют различные мнения, и я считаю нужным изложить вам моё по этому предмету убеждение. Но высказывая свою преданность идее самодержавия, правильно понимаемой, я не могу отождествлять самодержавие с абсолютизмом и потому убеждён, что самодержавному строю государства не может противоречить развитие общественной самодеятельности. Напротив, при самодержавии не только необходимо широкое участие общества в местном управлении, но если самодержавный государь принимает на себя тяжёлую обязанность осу-

ществления народной воли, то для выполнения этой обязанности необходимо непосредственное общение его с выбранными представителями населения. Только при этом условии самодержавный государь будет иметь возможность быть всегда и близко ознакомленным с действительными потребностями населения и положением дела на местах. Переживаемое нами тяжёлое положение обусловливается полной разобщённостью между правительством и обществом, отсутствием необходимого взаимного понимания и взаимодействия. Я далёк от мысли оправдывать в этом отношении общество и полагаю, что отчасти причина такого положения заключается в современном состоянии общества. Общество наше находится в болезненном процессе, в нём преобладают отрицательные настроения, мало положительных идеалов и отсутствует определённое общественное мнение. Но, если вы признаете необходимым участие общественных элементов в нашем государственном строе, то в таком случае, мне кажется, нельзя не согласиться, что правительство должно быть заинтересовано в воспитании общества для участия его в государственной жизни, а это возможно только при условии обеспечения обществу необходимой организации и путём привлечения его к совместной работе с правительственными учреждениями. Между тем, пропасть, отделяющая правительство от общества, за последнее время всё увеличивается и это замечается особенно после того, как по всей России получила широкое распространение записка министра финансов: «Самодержавие и Земство», в которой устанавливается положение, будто принцип местного самоуправления противоречит идее самодержавия. Согласно этому положению, все, кому дорого самоуправление и кто считает своим долгом отстаивать необходимым учреждени-

ям местного самоуправления свободу и самостоятельность, — признаются, как бы, неблагонадёжными в политическом отношении. Возможна ли при таком условии спокойная работа земских людей, и может ли быть при нём нормально настроение земской среды? Вслед за этой запиской появляются законодательные новеллы, служащие, как бы, подтверждением, что правительство усвоило себе программу, изложенную в записке министра финансов, и намерено её последовательно проводить. Наконец, в самое последнее время, автор записки назначается председателем Особого Совещания, которое признало возможным, при обсуждении столь важного вопроса, как вопрос о нуждах сельскохозяйственной промышленности, затрагивающий все стороны общественной жизни, обойти общественные земские учреждения. Указывая на этот факт, я должен оговориться, что не могу признать, что только одни земские учреждения, особенно при настоящем их составе, могут сообщить необходимый Особому Совещанию материал и высказать вполне компетентные мнения, но опрос общественных учреждений в данном случае имеет не столько практическое значение, сколько принципиальное.

Плеве. По поводу сделанных вами указаний на записку министра финансов скажу вам, что в среде министров нет ни одного, который был бы более С.Ю.Витте убеждён в необходимости общественной самодеятельности и широкого развития местного самоуправления. Записка, о которой вы говорите, имела главным своим назначением свергнуть моего предшественника, И.Л.Горемыкина, а также предупредить распространение положения о земских учреждениях на наших окраинах. С последним я, с своей стороны, совершенно согласен. К стыду нашему, мы не сумели со-

здать себе на окраинах такое положение, при котором возможно было бы предоставить им местное самоуправление. Я не поклонник политики С.Ю.Витте (прошу, чтобы это также осталось между нами), но должен сказать, что он не противник общественных учреждений. Я преклоняюсь пред его гениальными способностями, создавшими настоящее блестящее положение наших государственных финансов, думаю, что будущие поколения ещё более будут ему благодарны за то, что для них делается в настоящее время, но не могу не признавать, что всё, что делается теперь для обеспечения будущих поколений, ложится слишком тяжёлым бременем на платежную способность современного населения. Ввиду этого я считаю очень полезным, чтобы в тех записках, которые представители земских управ предполагают внести в местные комитеты, было обращено особое внимание на слабые стороны нашей финансовой и экономической политики. Возвращаясь к тому, что вами было высказано, я, признавая отмеченную вами разобщённость правительства и общества, а также признавая необходимость постройки моста через пропасть, их отделяющую, — не могу согласиться с вами, будто при самодержавном строе необходимо общение государственной власти непременно с выборными представителями, и думаю, что взаимодействие правительства с обществом возможно путём общения правительства с должностными лицами общественного управления. Для создания необходимого взаимодействия с обществом правительству нужны сведущие люди, хорошо знакомые с местными условиями и потребностями, а такими лучше всего могут быть, например, председатели губернских управ, которые уже облечены доверием земских собраний и ближе всего стоят к земскому делу. Если бы речь шла

о представительстве интересов, то тогда, конечно, были бы нужны выборные представители, которые явились бы представителями определённых интересов; но об этом теперь речи нет и правительству нужны только сведущие люди. Затем при выборном представительстве недалеко и до земского собора.

Шипов. Лица, избранные земскими собраниями для заведования делами земского управления, не всегда отвечают тем требованиям, которые должны быть предъявлены к лицам, приглашаемым правительством в качестве сведущих людей. Очень часто земские собрания избирают в состав управ людей, более склонных к практической, хозяйственной деятельности, но эти лица не всегда могут обладать широтой взгляда и подготовкой, необходимыми при обсуждении государственных вопросов. Представительство интересов было всегда чуждо русскому духу, и, нужно надеяться, никогда на Руси не разовьётся. Положение о земских учреждениях 1890 года ввело сословную группировку в земскую среду; дворянство, купечество и крестьянство имеют своих представителей в земских собраниях. Какие же получились от этого результаты? Понижение земской деятельности, апатия в общественном настроении, но ни дворянство, ни купечество не явились в земских собраниях представителями своих классовых интересов. И те, и другие в земском общественном деле продолжали руководиться земской нравственной идеей и соединяли свои силы и свои средства для удовлетворения насущных потребностей массы населения, наименее обеспеченной. Я уверен, что когда государственной властью будут призваны выборные земские люди, то они явятся представителями земли и всего населения и будут обсуждать единое для всех государствен-

ное — земское дело, а не явятся представителями классовых интересов.

Плеве. Во всяком случае такая постановка вопроса теперь несвоевременна, и в настоящее время может быть поставлен на очередь вопрос лишь об общении правительства с должностными лицами общественного управления. Прошу вас, Д.Н., не подавать более повода к беседам такого характера, который имел наш разговор сегодня вначале. Я желаю и постараюсь привлекать председателей губернских управ к совместному при министерстве внутренних дел обсуждению различных вопросов, входящих в компетенцию земских учреждений. — Теперь перейдём к другим вопросам. Недавно я получил вновь ходатайство московского земства об экономических попечительствах. Я ранее в своём отзыве указывал, что земство могло бы организовать такие попечительства на основании ст. 105 полож. о земск. учр.; теперь губернская управа в своём представлении разъясняет те затруднения, которые могут при этом встретиться. Мне хотелось бы знать ваше мнение по вопросу о мелкой земской единице, а также, как отнеслись бы вы к мысли об упразднении уездных земских учреждений? Пожалуйста, не считайте, что это моё предположение, как министра внутренних дел; это — мысль, которая пришла совершенно случайно.

Шипов. Упразднение уездных земских учреждений, по моему мнению, совершенно невозможно. Если теперь очень часто слышатся справедливые указания на то, что губернские земские учреждения слишком далеки от населения, то что же будет, если губернской управе придётся иметь непосредственные отношения с целой сетью мелких организаций в губернии? По существу дела нужно, чтобы мелкие земские

единицы объединялись в уездном земстве, уездные земства — в губернском, а губернские — государством. Только такая организация может создать правильный государственный земский строй. Что касается мелкой земской единицы, то я могу высказать по этому вопросу только моё личное мнение. Этот вопрос обсуждался земскими людьми в прошлом году в Москве на агрономическом съезде, и представители московского земства разошлись в мнениях с представителями других губерний. Мои товарищи и я, признавая в принципе необходимость образования мелких земских единиц, думаем, что для практического разрешения этого вопроса нет ещё в наличности нужных условий. Я уже изложил вам мой взгляд на современное состояние общества; я не вижу тех общественных элементов, которые могли бы принять на себя руководящую роль в жизни мелких земских единиц.

Плеве. Даже в московской губернии?

Шипов. Да, и в нашей губернии. Сословная группировка общества после реформ 60-х годов потеряла естественно всякое значение, а новая группировка общества не получила ещё определённого выражения. Затем, не знаю, можно ли говорить о создании мелкой земской единицы наряду с существующей крестьянской волостью, исполняющею много всесословных обязанностей, но содержащейся на средства одного сословия?

Плеве. Конечно, нет.

Шипов. А если так, то, прежде решения вопроса о мелкой земской единице, необходима продолжительная законодательная работа по пересмотру положения о крестьянах. Далее, можно ли говорить о создании мелкой земской единицы при существующих цензовых условиях для участия в

земских учреждениях? При настоящих условиях встречаются очень часто затруднения не только при выборе состава уездных управ, но и для избрания достаточного числа уездных гласных. Откуда же при таких условиях найдётся многочисленный контингент лиц, необходимый для образования мелких земских единиц и их исполнительных органов? Нельзя также признать возможной дальнейшую децентрализацию земского обложения на установленных для него ныне основаниях. Неравномерность распределения имуществ, подлежащих обложению в уездах той же губернии, служит нередко почвой для недоразумений между губернским и уездными земствами. Но насколько осложнится вопрос, если, например, находящаяся в уезде крупная фабрика, уплачивающая значительную долю уездного земского сбора, будет отнесена к одной мелкой земской единице в уезде? Ввиду этих соображений я полагаю, что теперь необходимо поскорее разрешить вопрос о создании на местах мелких исполнительных органов губернских и уездных земских учреждений. Образовать их на основании ст. 105 нельзя, так как на основании этой статьи могут быть избираемы только лица, удовлетворяющие условиям ценза. К участию в экономических попечительствах желательно привлечь: — духовенство, учителей, врачей, мелких землевладельцев, арендаторов и т.п., но, главным образом, более развитых крестьян. Работа экономических попечительств будет воспитывать самодеятельность в населении, выяснит ему ближе задачи, преследуемые земством, и облегчит проведение в жизнь необходимых мероприятий, при посредстве которых только и может быть поднято экономическое благосостояние населения. Если ходатайство московского земства будет удовлетворено, то, очень вероятно, по

примеру московской губернии, экономические попечительства создадутся и в других губерниях, и когда правительством будет закончена необходимая для создания самостоятельных и самооблагающихся земских единиц предварительная обширная законодательная работа, то к тому времени на местах уже подготовятся кадры работников для таких организаций, — Затем в ответ на вопрос министра я изложил детально предполагаемые функции попечительств в различных отраслях земского дела. — После этого министр перешёл к другим вопросам.

Плеве. В деле народного образования я не могу признать нормальным параллельное существование двух начальных школ, между собой, как бы, конкурирующих. Но и в этом деле лица, близко стоящие к школе земской, часто своими действиями препятствуют желательному разрешению вопроса. Скажите, зачем, например, во время последних курсов в Курске, нужно было учителям и учительницам земских школ устраивать демонстрацию на станции железной дороги при проезде гр. Л.Н.Толстого? Я признаю в лице Л.Н. выдающегося беллетриста и гениального мыслителя; но ведь здесь, в Санкт-Петербурге, никто не сочтёт поступок учителей за акт выражения уважения к великому писателю, а все усмотрят в нём демонстрацию, направленную против правительства. Согласитесь, что это не может содействовать правильному разрешению вопроса об объединении начальной школы.

Шипов. Я согласен, что поступок курских учителей и учительниц может быть понят здесь так, как вы сказали, но обусловливается это, думается мне, отсутствием необходимой связи между правительством и обществом и правильного взаимного понимания. Вследствие этого каждая сторона

склонна оценивать действия другой не по их существу, а предусматривать в них демонстрацию или противодействие себе.

Плеве. Я желал бы выслушать ваше мнение относительно значения, так называемого, «третьего элемента» в земских учреждениях. Контингент лиц, приглашаемых на земскую службу, быстро растёт количественно, приобретает, по-видимому, всё большее значение, а, между тем, в громадном большинстве представляется далеко неблагонадёжным в политическом отношении.

Шипов. Высказываясь пред вами с полной откровенностью, я должен сказать, что, по глубокому моему убеждению, будущность земского дела заключается в «третьем элементе».

Плеве. Неужели?!

Шипов. Я уже имел случай сказать, что в настоящее время ни одна сословная группа, как таковая, не может претендовать на руководящую роль в жизни общества. Эта роль может принадлежать теперь и в будущем только тем общественным группам, которые явятся средоточием умственных и духовных сил, а эти силы преимущественно сосредоточиваются в «третьем элементе». В числе «третьего элемента» есть, несомненно, люди неблагонадёжные в политическом отношении, как таковые же, найдутся и в земской среде, но едва ли возможно обобщать заключение о политической неблагонадёжности большинства лиц, составляющих «третий элемент». Нельзя не принять во внимание, что известное, неспокойное и легко возбуждаемое настроение этой среды находится в значительной мере в зависимости от неопределённости часто их положения не только в государстве, но и в земстве. В большинстве же эти люди

вполне бескорыстно посвящают свой труд земскому общественному делу.

Плеве. Что касается бескорыстия, то я вполне уверен, что люди эти не преследуют материальных интересов, довольствуются скромным содержанием и являются самоотверженными работниками; но в то же время я полагаю, что они преследуют, главным образом, политические цели — разрушение всего существующего социального строя.

Шипов. Повторяю, что как среди «третьего элемента», так и в земской среде найдутся люди, руководящиеся указанными вами целями, но они составляют исключения. Мне давно и близко приходится работать с «третьим элементом» в земстве и я должен сказать, что значительное большинство этих лиц являются скорее толстовцами, в лучшем значении этого слова, т.е. не в смысле отрицания государственного строя, а в смысле сознания лежащего на всех людях нравственного долга — служить всеми своими силами своим ближним, благу общему. Руководясь этой нравственной идеей, «третий элемент» и приобретает значение той силы, которую он имеет в земском деле.

Затем министр опять говорил о своём намерении организовать общение министерства внутренних дел с председателями губернских управ. Признавая, что для осуществления этого предположения необходима предварительная работа, В.К. Плеве просил меня принять в ней участие и выбрать для того время, более мне удобное, чтобы не помешать моим текущим занятиям. Я указал, что для меня такое время совпадает с окончанием сессии очередного губернского земского собрания. После этого министр говорил, что он рассчитывает на моё ближайшее сотрудничество в недалёком будущем и, хотя он не высказывался определённо, но

я мог понять, что он имеет меня в виду, как кандидата на должность начальника проектировавшегося в то время главного управления по делам местного хозяйства. Прощаясь со мной, В.К.Плеве проводил меня до следующей комнаты. При выходе из кабинета я сказал министру, что не получил его ответа на мой вопрос — могу ли я сообщить моим товарищам по земскому представительству, как московской, так и других губерний, всё мною выслушанное во время нашего разговора? В.К.Плеве, подумав и затем предпослав несколько любезных слов по моему адресу, сказал: «Предоставляю вашему усмотрению форму и объём сообщения вашим товарищам содержания нашей беседы».

На следующий день я посетил министра финансов, С.Ю.Витте, согласно его желанию, переданному мне М.А. Стаховичем. По предложению С.Ю.Витте я подробно сообщил ему мой разговор с В.К.Плеве в части, касавшейся земского совещания, и изложил все соображения, которыми руководились земские деятели при обсуждении между собой вопросов, вытекавших из приглашения представителей земских управ к участию в местных комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности, а затем между нами произошла следующая беседа, записанная мной тотчас по возвращении от С.Ю.Витте.

Витте. Я очень рад, что вы встретили любезный приём со стороны министра внутренних дел. Может быть, я косвенно оказал этому некоторое содействие; я говорил с В.К. после того, как у него был М.А.Стахович. Даже вначале, когда предполагалось, что беседы земских людей имели в виду организовать обструкцию местным комитетам, я советовал оставить вас в покое и говорил, что не следует это дело раздувать. Теперь же, когда выяснилось, что на ваших

беседах была дана совершенно правильная постановка вопроса, я тем более не вижу повода придавать вашим собраниям то значение, которое в них было усмотрено. Я имею вашу программу. В некоторых пунктах её я, может быть, с вами разойдусь, это будет зависеть от различия наших взглядов и убеждений, но я должен признать, что все пункты вашей программы не выходят из рамок предложенного комитетам общего вопроса. Я нахожу такой обмен мнений, какой происходил в Москве между земскими людьми, очень полезным для дела. Для Особого Совещания нет надобности в разработке местными комитетами отдельных пунктов его программы, а важно выяснить на местах общие условия, тормозящие развитие сельскохозяйственной промышленности. Обсуждение этого вопроса в таком совещании, какое было в Москве, даёт возможность установить общий взгляд и общее мнение, что не может не иметь значения. Как председатель Особого Совещания, я сочту долгом доложить об этом Государю. Скажите, пожалуйста, как вам, земским людям, живётся и как вы себя чувствуете?

Шипов. Живётся и чувствуется нам очень нехорошо. Земство окружено такой атмосферой недоверия, которая не позволяет земским людям спокойно работать, и мы находимся всегда в каком-то нервном возбуждении. Вместо того, чтобы спокойно заниматься тем или другим практическим делом, озабочиваясь лишь тем, как лучше его разрешить по существу и в интересах населения, приходится сосредоточивать всё своё внимание на другой стороне дела — предусматривать, как бы не вызвать подозрений со стороны администрации и как предупредить различные формальные затруднения, которые неизбежно встретятся. Невозможно работать как следует при существующей разобщённости

правительства и общества, при отсутствии между ними взаимного доверия и необходимого взаимодействия.

Витте. Чем объясняете вы, что эти условия за последнее время, по-видимому, ухудшаются?

Шипов. Могу ли я говорить совершенно откровенно?

Витте. Прошу вас отнюдь не стесняться. Мы говорим не как министр и председатель управы, а как частные лица.

Шипов. В таком случае я позволю себе сказать, что записка ваша по вопросу о введении земских учреждений в западном крае, получившая большое распространение, внесла в земскую среду большую смуту.

Витте. Почему?!

Шипов. В этой записке устанавливается положение, что земские учреждения не совместимы с самодержавным строем государства, а отсюда получается вывод, что все, кому дорого местное самоуправление и кто стоит за необходимую самостоятельность земских учреждений, люди политически неблагонадёжные. Это не могло не усилить разобщённость между правительством и обществом.

Витте. Записка моя была совершенно неверно понята; она не заключает в себе ничего такого, что могло бы вызвать недовольство в земской среде. Я и в настоящее время не отступаю от того, что я говорил в своей записке, т.е. я считаю безусловно верными и никем неопровергнутыми два основных положения моей записки. Первое положение то, что предоставление обществу участия в управлении местном предрешает неизбежность предоставления ему участия в управлении верховном. Это аксиома, находящая себе подтверждение в истории всех стран, в науке и ни один добросовестный человек не может отрицать верность этого

положения. В России со мной согласны такие представители государственной науки, как Градовский, Чичерин и другие. Со мной не соглашаются только такие люди, как мой милейший приятель, князь Алексей Дмитриевич Оболенский, который витает в области теоретической фантазии и полагает, что русский народ какой-то особенный, руководящийся какой-то особой идеей. Я с этим, конечно, согласиться не могу и считаю, что все народы одинаковы, как англичане, французы, немцы, японцы, так и русские. Что хорошо для одних, то почему же тоже не будет хорошо и для других?

Шипов. (перебивая) Позвольте мне, оставаясь добросовестным, с вами не согласиться.

Витте. Да разве в государствах с представительной формой правления дело идёт хуже? Так почему же нам от этого положения отрекаться? В своей записке я говорю, что земские учреждения — исторический факт нашей государственной жизни и об упразднении их не может быть речи и что участие общества в управлении местном предрешает его участие в управлении верховном. Как министр, я считал своим долгом открыто сказать об этом, чтобы Государю известно было, куда мы неизбежно идём. Второе положение моей записки следующее. Если земские учреждения существуют и упразднены быть не могут, то им нужно давать жить, а им жить не дают, что я и выяснил в моей записке. Отчего земские учреждения находятся в таком недовольстве и не покойны? Да потому, что они в настоящем их виде учреждения беспочвенные, они висят в воздухе (показывает руками). Снизу от земли и народа их отделяет бюрократическая стенка, — сверху над земством бюрократическая подушка. Земцы просятся вниз — не пускают; земцы просятся вверх — не пускают. Ну куда же вам деваться; вот вы и

мечетесь. Устранить вовсе неизбежность хода политических событий невозможно, но задержать их развитие можно. Для этого необходимо приблизить земские учреждения к населению и дать им большое практическое дело. Как министр-финансов, я не нахожу возможным широкое проведение в население экономических мероприятий, без которых немыслимо улучшение его благосостояния, помимо общественной самодеятельности. Но для этого нужно, чтобы земские учреждения стали учреждениями народными и чтобы ничто не отделяло их от населения; нужно создать мелкую земскую единицу. Если при этих условиях на земство будет возложено проведение в жизнь многочисленных необходимых экономических мероприятий, то у земцев будет такая масса практического дела, которая даст им большое удовлетворение и надолго отвлечёт их от политических поползновений. Кроме моей записки, что же ещё вызывает недовольство земских людей?

Шипов. После вашей записки появляются законодательные новеллы, являющиеся, по нашему мнению, выполнением программы, намеченной в вашей записке. Продовольственное дело изымается из ведения земских учреждений.

Витте. Вот тут я должен с вами согласиться. Такое разрешение продовольственного вопроса было большой ошибкой. Я предвидел это и предупреждал Д.С.Сипягина, но убедить его не удалось; он настаивал, а я, к сожалению, согласился. Теперь дело по существу, очевидно, поставлено неудовлетворительно, а устранение земских учреждений, конечно, не могло быть для них не обидным. Ещё что?

Шипов. Затем закон о предельности земского обложения.

Витте. Тут опять недоразумение. В этом законе нет ничего, что могло бы быть оскорбительным для земских учреждений. Нигде не признаётся правильным и допустимым неограниченное обложение имуществ, как местными, так и государственными сборами. Доходность имуществ, привлекаемых к обложению, может быть использована в этих целях не свыше известного предела. Установить этот предел для земского обложения в настоящее время не представляется возможным, впредь до окончания оценочных работ, и закон 12 июня 1900 г. имеет временный характер. Если при установленном пределе земского обложения земские учреждения не будут иметь достаточных средств для удовлетворения местных потребностей, то необходимые им средства могут быть отпущены государством. Почему земства не пользуются этим источником? В государственную смету 1901 года на этот предмет было внесено 500 000 рублей, а земскими учреждениями было использовано только около 50 000 рублей. Если 500 000 рублей будет мало, я готов увеличить это ассигнование значительно, в мере действительной потребности.

Шипов. Если бы речь шла об установлении вообще максимального предела для обложения имуществ земскими сборами, как вы только что сказали, то, конечно, такая постановка вопроса представлялась бы совершенно правильной и не могла бы вызвать недовольства в земской среде. Но ведь закон 12 июня 1900 года не устанавливает такого предела, а ограничивает только ежегодное увеличение обложения определённым процентом и таким образом только стесняет самостоятельность земства в самом существенном для него праве — праве самообложения. Пользоваться же правительственными субсидиями при установ-

ленных условиях, земские учреждения воздерживаются из опасения потерять ещё более в своей самостоятельности.

Витте. На что ещё можете вы указать?

Шипов. В самое последнее время состоящее под вашим председательством Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности признало возможным при разрешении столь важного вопроса, затрагивающего все стороны нашей общественной жизни, обойти земские учреждения.

Витте. Прошу вас верить, что я говорю совершенно искренно. В Особом Совещании я высказывался за опрос земских учреждений, но встретил возражения со стороны Д.С.Сипягина, который был поддержан А.С.Ермоловым и большинством членов Совещания. Мне с трудом удалось провести состав комитетов в настоящем их виде. Я признавал нужным в этом деле обратиться к земским учреждениям и предчувствовал, что обход их вызовет недовольство в обществе. Но скажите мне откровенно — полагаете ли вы, что земские собрания могут по существу дела, в данном случае, высказать компетентные мнения и дать вполне определённые указания?

Шипов. Говоря откровенно, я должен согласиться, что земские собрания, особенно при настоящем их составе, едва ли окажутся на высоте задачи, но, тем не менее, привлечение их к обсуждению вопроса о нуждах сельского хозяйства представляется мне безусловно необходимым, и не столько в практических целях, сколько с точки зрения принципиальной — политической.

Витте. И я так же смотрю на этот вопрос. На днях я получил ходатайство московского губернского комитета о

том, чтобы земским собраниям было предложено представить Особому Совещанию свои отзывы о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Я доложу это ходатайство Совещанию, но не знаю, признает ли оно возможным представить возбуждённый в этом ходатайстве вопрос Его Императорскому Величеству. Во всяком случае ближайшее заседание Совещания может быть не ранее конца октября или начала ноября, когда уездные собрания будут уже закончены, а до открытия губернских останется очень мало времени.

Шипов. Для рассмотрения столь важного вопроса земские собрания охотно соберутся в экстренных сессиях.

Витте. Да, но тогда это может задержать работу Совещания и, я не знаю, согласится ли на созыв экстренных земских собраний министр внутренних дел. Кроме того, едва ли вообще будет признано возможным отступить от порядка опроса, уже высочайше одобренного по предложению Особого Совещания. Нельзя ли иными путями подойти к разрешению этого вопроса? С своей стороны, я буду ходатайствовать перед Его Величеством о включении нескольких председателей губернских земских управ в Особое Совещание; я буду широко практиковать передачу на предварительное заключение земских собраний различных проектов, вырабатываемых подготовительными комиссиями при Особом Совещании, ранее окончательного обсуждения их в этом Совещании. Не имеете ли вы предложить что-либо с своей стороны?

Шипов. Во время бесед земских людей в Москве был намечен следующий порядок, который мог бы предоставить земским собраниям возможность, хотя косвенным путём, выразить свои мнения по вопросам, предложенным Особым

Совещанием. Во многие уездные комитеты и в большинство губернских представителями земских управ будут, вероятно, представлены записки, составленные по программе, имеющейся у вас. Эти записки могут иметь, конечно, значение только личного мнения их составителей, так как представители управ не будут иметь соответственных указаний своих собраний. Однако, председатели и члены управ не могут не сознавать лежащей на них ответственности за свои действия пред своими собраниями, потому что они всё-таки включены в состав комитетов не как частные лица, а как должностные лица земского управления. Ввиду этого мы согласились между собой представить отчёт о своих действиях в комитетах своим земским собраниям, сообщить им к сведению поданные нами записки и просить одобрения собраниями наших действий. Представление таких отчётов не может, казалось бы, вступить в противоречие с порядком опроса, установленным Особым Совещанием, а заключения собраний по таким отчётам управ в значительной мере усилят компетентность мнений, высказанных в записках, а в противных случаях подчеркнут, что изложенные в записках мнения — личные мнения их составителей.

Витте. Это было бы хорошо, но не может ли такой порядок встретить препятствий с формальной стороны, — со стороны положения о земских учреждениях?

Шипов. Со стороны «положения» не может встретиться никаких препятствий, но затруднения могут явиться, и несомненно будут, со стороны администрации. Уже теперь, как известно, в некоторых губерниях губернаторы препятствуют обсуждению вопросов, вытекающих из программы Особого Совещания, даже в экономических советах при управах. Но если вы признаете желательным осуществление

изложенного мною предположения, переговорите по этому вопросу с Вячеславом Константиновичем и если министр внутренних дел циркулярно предупредит губернаторов, чтобы они не препятствовали внесению управами таких докладов в собрания, то тогда, конечно, никаких затруднений на местах не встретится. При этом можно было бы даже ограничиться предоставлением собраниям возможности дать только своё заключение об одобрении или неодобрении действий своей управы без права обсуждения затронутых в записках вопросов по существу.

Витте. Я переговорю об этом с В.К.; не знаю согласится ли он, я же нахожу осуществление вашего предположения желательным и готов содействовать с своей стороны. Прошу вас изложите высказанную мне вами мысль в частном письме ко мне, чтобы мне яснее и определённее было то, о чём именно нужно переговорить с министром внутренних дел, а я сообщу вам о результатах моих переговоров.

Затем С.Ю.Витте расспрашивал меня об арестах в Москве лиц, признаваемых полицией политически неблагонадёжными, много ли таких арестов и какое производят они впечатление на общество. В ответ я объяснил, что такие аресты в Москве очень многочисленны, что по большей части привлекаются люди, не имеющие за собой ничего предосудительного, причём привёл несколько примеров, и указал, что такие произвольные действия возмущают всех, дорожащих законностью и порядком. Витте, выслушав меня, сказал: «А ведь Сипягин был хороший, честный человек, но к сожалению дальше этого не видел». (При этих словах С.Ю. закрыл глаза руками). Этим беседа была закончена.

После свидания с министрами я возвращался в Москву в бодром настроении. Мне хотелось верить, что оба министра действительно сознают необходимость сближения с общественными силами, что будет найден язык для взаимного понимания и что в ближайшем времени будет положено начало созданию и укреплению взаимодействия правительства и общества.

На основании высказанного министрами я приходил к заключению, что В.К.Плеве и С.Ю.Витте признают за обществом реальную силу, с которой, хотя может быть и против их желания, неизбежно считаться и которую нельзя по-прежнему игнорировать. В то время, когда объявляется высочайшее неудовольствие участникам земского совещания, оба министра считаются с организацией общеземского объединения, как с существующим фактом, и говорят со мной, как с её представителем. Если то, что говорилось министрами даже и не соответствовало их искренним убеждениям, то и в этом случае, казалось, их слова свидетельствовали, что они всё-таки не видят возможности идти прежним курсом; если постройка моста через пропасть, отделяющую правительство от общества, и не была действительным желанием министров, то тем не менее, они, по-видимому, признавали постройку этого моста необходимой, чтобы самим не свалиться в эту пропасть. Под влиянием воспринятых мной впечатлений значительно оживился свойственный мне вообще оптимизм, но такое оживление оказалось непродолжительным.

Возвратясь в Москву, я прежде всего поделился петербургскими впечатлениями с моими товарищами по управе, а 18-го июля я сообщил о своих беседах с министрами собравшимся с этой целью в Москве нескольким председате-

лям губернских управ и некоторым гласным, участникам майского совещания. По окончании моего сообщения, я говорил, что из слов не только министра финансов, но и министра внутренних дел, мне кажется, можно заключить, что они понимают необходимость изменения реакционной политики правительства и, по-видимому, готовы вступить на путь взаимодействия с обществом, но, считаясь с течениями, выше их протекающими, они считают нужным известную постепенность в осуществлении этого дела и желают, чтобы земские учреждения не создавали к тому препятствий с своей стороны. Такого рода препятствие министр внутренних дел усматривал в возбуждении в настоящее время земствами вопросов о земском выборном представительстве в центральных правительственных учреждениях, как, например, в Особом Совещании о сельскохозяйственной промышленности. Доверяя искренности выраженной министрами готовности идти в дальнейшем по пути сближения с общественными учреждениями, я предложил не настаивать на выполнении IV-го пункта программы, принятой земским совещанием, и тем показать с нашей стороны готовность идти на некоторые уступки для достижения главной цели — создания взаимодействия власти и общественных сил. Моё предложение было одобрено собравшимися и в тоже время было признано обязательным поставить в известность о возникшем предположении и ознакомить с содержанием моих бесед с министрами представителей всех губернских земств. Выполнение этой задачи приняли на себя шесть лиц из числа присутствовавших, распределив губернии между собой.

Установленная майским совещанием программа, за исключением из неё IV-го пункта, послужила основанием для

заявлений земских представителей в большинстве губернских и многих уездных комитетов. Земские люди явились в комитетах представителями организованного единения общественных элементов и сыграли в комитетах выдающуюся роль. Но то противодействие и те репрессии, которые они встретили со стороны как местной, так и особенно центральной администрации, с убедительностью доказали, что проявленные В.К.Плеве и С.Ю.Витте в разговорах со мной доброжелательные, будто бы, отношения их к земским учреждениям и готовность сближения с ними были, во всяком случае, лишены правдивости.

Исполняя выраженное мне С.Ю.Витте пожелание, я 18-го июля изложил ему подробно в письме высказанную мной во время нашей беседы мысль о предоставлении земским собраниям возможности, хотя бы косвенным путём, выразить своё мнение по вопросам, переданным Особым Совещанием на обсуждение местных комитетов. С.Ю.Витте, отвечая 31-го июля, известил меня кратким письмом, что он затрудняется разрешить возбуждённый мной вопрос без внесения его на обсуждение Особого Совещания, которое начнёт свои занятия в ноябре месяце. Такой ответ являлся простой отпиской, не давал и не дал, конечно, в дальнейшем никакого разрешения вопроса по существу. Мне неизвестно вступал ли по этому поводу С.Ю.Витте в переговоры с В.К.Плеве, как он мне говорил, но в июле же министр внутренних дел обратился через губернаторов ко всем губернским и уездным предводителям дворянства с циркуляром, в котором указывалось, что «положением Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности участие земских учреждений в обсуждении подлежащих рассмотрению названного совещания вопросов не признано необхо-

димым», и поэтому предлагалось «ни в коем случае не допускать возбуждение и обсуждение означенных вопросов в очередных земских собраниях». Несколько позднее, в сентябре, губернаторы, согласно циркуляру того же министра, предупреждали предводителей дворянства о возможности возбуждения в земских собраниях вопросов, связанных с объявлением высочайшего неудовольствия участникам майского совещания, и просили «принять все меры к тому, чтобы подобные запросы в земское собрание внесены не были, буде же тем не менее таковой будет кем-либо внесён, то прошу тотчас же своею властью, как председателя собрания, устранить обсуждение его».

Не буду приводить сведений о всех репрессиях и преследованиях, которым подверглись земские представители за их выступления в местных комитетах. Соответствующие данные с достаточной полнотой приведены в книге И.П.Белоконского — «Земское движение»[13]. Я ограничусь здесь сообщением некоторых сведений, относящихся к деятельности московского губернского комитета.

Первое заседание губернского комитета состоялось 18 июня 1902 г. под председательством временно исправлявшего должность губернатора, вице-губернатора Л.А.Баратынского, и происходило в составе, предусмотренном положением о комитетах, без приглашения председателем посторонних лиц. В этом заседании была доложена записка, подписанная всем составом губернской управы и председателями уездных управ губернии. В заключительной части записки представившие её: 1) заявили, что в силу высочай-

13 И.П. Белоконский. «Земское движение», гл. VI, стр. 106—131.

шего повеления они считают своим долгом принимать участие в комитете, как должностные лица, но, не имея надлежащих уполномочий и указаний земских собраний, они будут высказывать только свои личные мнения, и 2) просили комитет ходатайствовать перед Особым Совещанием, чтобы им испрошено было высочайшее соизволение на предложение земским собраниям представить в Особое Совещание свои отзывы, как по общему вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности, так и по частным вопросам программы. Это предложение было принято комитетом большинством 24-х голосов против 7 и было представлено в Особое Совещание. В июле вице-губернатор был вызван министром, который объявил ему в очень резкой форме выговор, за допущенное постановление комитета и потребовал от Л.А.Баратынского немедленно подать прошение об отставке, чтобы не быть уволенным по 3-му пункту. Такое самоуправство министра произвело тяжёлое впечатление на московских земцев, которые всегда с уважением относились к добродушному и прямому Л.А.Баратынскому. Ни в постановлении комитета, принятом значительным большинством голосов, ни в действиях вице-губернатора не было ничего противозаконного и непонятно, как и на каком основании мог бы председатель не допустить заявление земских представителей и его голосование.

Вновь назначенный вскоре московским губернатором Г.И.Кристи поспешил принять меры предосторожности для будущего и пригласил 26 лиц, «участие коих в занятиях комитета было признано председателем полезным для дела». В состав приглашённых лиц вошли: вице-губернатор, два советника губернского правления, управляющий канцелярией губернатора, пять непременных членов губернских

присутствий, чиновник, состоящий при губернаторе, шесть земских начальников, секретарь дворянства, губернский гласный, четыре землевладельца, московский городской голова, директор сельскохозяйственного института и управляющие — удельным округом и конторой государственного банка. Результаты такого подбора сказались тотчас же при начале обсуждения комитетом вопросов, предложенных Особым Совещанием. В первом заседании, 18-го февраля 1903 года, посвящённом этим вопросам, земскими представителями была внесена обширная записка, составленная согласно программе, принятой майским земским совещанием. Председатель предложил прежде всего рассмотреть заключительные положения этой записки с целью выяснения насколько эти положения находятся в связи с нуждами сельскохозяйственной промышленности и могут подлежать обсуждению комитета. Комитет признал, что его обсуждению не подлежат: первое положение, касающееся правового порядка сельского населения, и пункты а и б девятого положения, говорящие об условиях, при которых земские учреждения могли бы с успехом выполнять возложенные на них обязанности. Такое заключение было принято большинством 37 голосов против 22, причём из числа 33 обязательных членов — 21 признали указанные вопросы подлежащими обсуждению комитета и только 12 высказались против, а из 26 приглашённых лиц только городской голова подал голос за обсуждение этих вопросов, а остальные 25 присоединились к мнению губернатора. 19-го февраля земские представители, явившись на заседание комитета, представили заявление, в котором, указав на состоявшееся накануне постановление, неправильное по существу, и на состав комитета, который не может обеспечить выражение взгля-

дов местного населения, а является лишь голосом местной администрации, заявили об отказе в дальнейшем участии в работах комитета.

На следующий день в «Русских Ведомостях» было напечатано официальное сообщение о заседании комитета 19-го числа, в котором вовсе не упоминалось о поданном земскими представителями заявлении. Вследствие этого в следующем № газеты было помещено моё письмо в редакцию, в котором я изложил подробно содержание поданного земскими представителями заявления и результат голосования при искусственном составе комитета. Это письмо произвело сенсацию в административном мире и 25-го февраля главное управление по делам печати по приказанию министра предложило циркуляром всем редакциям на основании статьи 140 устава о цензуре и печати «не перепечатывать, как полностью, так и в извлечениях, помещённого в № 53 Русских Ведомостей письма председателя московской губернской земской управы, Д.Н.Шипова, а равно воздержаться от обсуждения этого письма», но ещё до этого распоряжения моё письмо уже было помещено на страницах нескольких газет.

Образ действий министра внутренних дел вскоре после нашей беседы привёл меня к убеждению, что я напрасно отнёсся с доверием к его словам. Мне стало ясно, что В.К. Плеве своим любезным приёмом и намерением привлечь меня в число своих ближайших сотрудников имел в виду подкупить меня и рассчитывал с одной стороны воспользоваться мной в министерстве, как человеком, близко знакомым с земским делом, а с другой, принимая во внимание известное уважение, которым я пользовался в земской среде, он полагал, что моё сотрудничество сможет ослабить

оппозиционное настроение общества к власти. Увидав, что его расчёты не оправдались, В.К.Плеве резко изменил своё отношение ко мне и вступил на путь последовательного моего преследования.

Глава VII

Ветеринарные правила 12-го июня 1902 года. Совещание в министерстве внутренних дел по пересмотру этих правил. Манифест 26 февраля 1903 года. Беседа с В.К.Плеве в марте 1903 года. Приезд министра внутренних дел в Москву. Совещание земских деятелей в Санкт-Петербурге в апреле 1903 года. Участие земских представителей в совещаниях по разным вопросам при министерствах. Постановления губернских земских собраний очередной сессии 1903 года по вопросу об участии земских учреждений в законодательной деятельности. Ревизия земских учреждений московской губернии. Неутверждение меня министром внутренних дел председателем губернской земской управы на пятое трехлетие.

Перемена в отношении ко мне В.К.Плеве была вызвана, вероятно, следующими двумя ближайшими причинами. Во-первых, мое письмо, помещённое в «Русских Ведомостях» по поводу отказа земских представителей принимать дальнейшее участие в работах московского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, о чём было сообщено в предыдущей главе, а во-вторых, отношение земских учреждений к новым ветеринарным правилам, обсуждавшимся в очередных сессиях 1902 года.

В № 65 «Собрания узаконений и распоряжений правительства» 28-го июня 1902 г. были опубликованы утверждённые 12-го того же месяца новые правила «о ветеринарно-полицейских мерах по предупреждению и прекращению заразных и повальных болезней на животных». Эти правила в своей основе и по характеру отношения к учреждениям общественного самоуправления имели много общего с

лечебным уставом 10-го июня 1893 г., вызвавшем в своё время дружный отпор со стороны земских учреждений и не введённым в действие. Новые ветеринарные правила, формально сохраняя за земством некоторые права, по существу совершенно устраняли его от фактического руководства делом, которое передавалось в руки администрации и правительственного надзора. С введением новых правил земский ветеринарный персонал поступал в полное распоряжение администрации и был лишён инициативы и самостоятельности, а вместо практиковавшегося общественными управлениями проведения мер путём мирного, культурного воздействия и развития в населении сознания необходимости этих мер, правила выдвигали на первый план принцип принудительности и применения мер без согласия владельцев. Опубликованные правила не скоро стали известны московской губернской управе, и она обратила на них внимание лишь осенью, по получении предложения губернатора о введении этих правил в действие с 1-го июля 1903 года. Ознакомившись с новым законом и увидав, что он совершенно не согласован с условиями жизни, существенно ограничивает компетенцию земств и серьёзно нарушает интересы здравоохранения, а равно правовые и экономические интересы населения, нельзя было не притти к убеждению о неприменимости закона и о безусловной необходимости пересмотра его при участии представителей земств. Внося соответствующие предложения на рассмотрение московского губернского земского собрания в очередной сессии, открывавшейся в декабре, губернская управа имела в виду, что на удовлетворение возбуждаемого пред правительством ходатайства можно рассчитывать только при том условии, если таковое будет возбуждено одновременно

значительным числом земств. Вследствие этого 13 ноября я обратился письменно ко всем председателям губернских управ и, сообщив им об отношении к новому закону московской управы, просил их уведомить меня, предполагается ли ими возбуждение аналогичных ходатайств, и просил о присылке соответствующих докладов. Моё письмо к председателям губернских управ, как выяснилось впоследствии, сделалось известным В.К.Плеве и вызвало его недовольство.

Ходатайства об отсрочке применения новых ветеринарных правил и о пересмотре их при участии земских представителей были возбуждены, если не ошибаюсь, всеми губернскими земствами и министерство внутренних дел признало себя вынужденным организовать в январе 1903 года под председательством товарища министра, Н.А.Зиновьева, совещание, в состав которого, кроме представителей ветеринарного управления и департаментов министерства, были приглашены 8 председателей и 3 члена губернских земских управ и 3 земских ветеринарных врача. При выборе земских представителей министерство видимо руководилось желанием не приглашать земских деятелей, принимавших участие в земском совещании в мае 1902 года, и из числа последних среди приглашённых были только три председателя управ, вероятно не включённые в список участников майского совещания, имевшийся в распоряжении министерства. От московской управы был приглашён член её, М.В.Челноков, не заведовавший в управе ветеринарным её отделом и потому мало знакомый с вопросами ветеринарной организации, вследствие чего ему пришлось спешно затратить немало труда и времени, чтобы войти в курс вопросов, подлежавших обсуждению в совещании. Выбор министерства пал на М.В.Челнокова, потому что М.В., как ему объ-

яснил Н.А.Зиновьев, не был в числе участников майского совещания и министерство предполагало, что М.В. воздержался от участия в этом совещании по принципиальным соображениям, в действительности же М.В. в мае 1902 г. был за границей для совета с врачами, что и помешало ему принять участие в земском совещании.

М.В.Челноков во время своего пребывания в Санкт-Петербурге ежедневно делился со мной своими впечатлениями и сообщал мне в своих письмах подробно о всём происходившем. По приезде в Санкт-Петербург М.В.Челноков счёл нужным посетить прежде всего председателя совещания. Н.А.Зиновьев, заговорив о ветеринарных правилах, сказал, что он не является автором этого закона и неудача последнего не затрагивает его, Н.А.Зиновьева, самолюбия, но в тоже время он высказал предположение, что закон на местах не верно понят. М.В.Челноков, возражая на это предположение и указывая на ряд существенных недостатков закона, обращал особенно внимание на тенденцию умаления компетенции и прав общественных учреждений, положенную в основу новых правил. Н.А.Зиновьев, отличавшийся раздражительностью и очень невоздержанный на язык, перебил речь М.В. и резко сказал: «Очень жаль, что вы обращаете внимание на такую ерунду, как эти правила; их написал какой-то дурак. Я сам их своевременно не видал, потом их выкрали и пошла история».

На следующий день М.В.Челноков был у министра вн. дел, который принял его очень любезно, но мало спрашивал и выслушивал М.В-ча, а говорил больше сам. В.К.Плеве, коснувшись ветеринарных правил, между прочим, сказал: «Этот закон возбудил недовольство среди земств; многие земства возбудили ходатайства о его пересмотре. Как это ни

странно, я этого закона совершенно не знал; он вырабатывался в канцеляриях продолжительное время и при мне он был только внесён в государственный совет. Зная, что кн. А.Д.Оболенский, говорящий всегда о правах земства с пеной у рта, принимал участие в составлении этого законопроекта, я был спокоен, что проект земство не затрагивает. Теперь вижу, что закон не свободен от недостатков, свойственных вообще работе специалистов. Я готов внести в закон какие угодно инструкционные исправления, но дело, кажется, серьёзнее; по-видимому, придется кое-что изменить в законодательном порядке. Но, вы понимаете, что простое чувство приличия по отношению к государственному совету не позволяет сказать — закон, вами одобренный, никуда не годится. Хорошо, если удастся внести по возможности немногочисленные законодательные поправки и расширить область инструкционных распоряжений, чтобы удовлетворить желания земств». Затем министр предложил М.В.Челнокову указать на главные недостатки закона. Перечислив все статьи правил, возбуждающие возражения, М.В. говорил об основной тенденции закона. В.К.Плеве сказал: «Не должно быть разговора об умалении прав земства. На нашей душе и так слишком много грехов в этом отношении — продовольственный устав и многие другие законоположения. Но нет ли в данном случае известной тенденции со стороны земства во всём видеть покушение на их самостоятельность; не объясняется ли в настоящем случае встреченный законом отпор излишней нервностью земства и политиканством? Не винят ли тут вашего Шипова, который создал себе положение какого-то земского вершителя?» М.В.Челноков горячо возражал на такого рода предположения и обращал внимание своего собеседника, что новый закон

является лишь одним из звеньев цепи, которою правительство последовательно и неуклонно старается связать свободу действий и самодеятельность общественных учреждений. В дальнейшем течении разговора В.К.Плеве просил М.В. Челнокова высказаться по двум вопросам из области деятельности московского земства.

Желая познакомиться и вступить в сношение с приглашёнными к участию в совещании земскими представителями, М.В.Челноков направился в министерство, чтобы получить список приглашённых лиц и узнать их адреса в Санкт-Петербурге. Список участников совещания был получен свободно, но адреса приезжих сообщены не были и, как выяснилось вскоре, никому из приезжих земцев не сообщали в министерстве адресов их товарищей по представительству с целью затруднить возможность их взаимного ознакомления и установления между ними известного соглашения к началу занятий совещания, состоявшемуся 21 января. По открытии первого заседания председатель в своей речи наметил вопросы, подлежавшие, по его мнению, обсуждению совещания, подчеркнул, что мнения совещания имеют исключительно характер совещательный и всем предоставляется высказываться, но голосований производиться не будет. Один из председателей управ просил отложить заседание до следующего дня, чтобы дать земским представителям возможность ознакомиться с только что розданной им сводкой постановлений земских собраний и обменяться предварительно мнениями между собой, на что Н.А.Зиновьев заявил резко: «Мнение земцев вкупь нам не интересно; пусть каждый скажет своё личное мнение и пусть каждый говорит о своей губернии». Эта отповедь возмутила всех земцев и они поняли, что в происходящем заседании нужно

занять время ничего не говорящими речами и не касаться обсуждения вопросов по существу. Эта программа и была ими осуществлена.

По окончании заседания земские представители собрались за товарищеским обедом и установили между собой прочное единение. Вечер и следующий день были посвящены земцами совместному обсуждению ветеринарных правил, после чего была составлена подробная записка, с мотивированным выяснением недостатков закона и необходимых в нём изменений. В следующих заседаниях согласованный образ действий всех земских представителей был обеспечен и все поддерживали солидарные мнения, а при окончании занятий совещания, представили председателю свою записку за общей подписью. Н.А.Зиновьев в своей заключительной речи сообщил, что министерство пришло к убеждению в необходимости полной переработки закона. И действительно циркуляром 23 марта 1903 г. министр вн. дел уведомил все губернские управы, что Государь Императорь повелеть соизволил приостановить введение в действие законоположения 12 июня 1902 года относительно ветеринарных правил до утверждения в установленном порядке внесённых министерством вн. дел в государственный совет предположений по пересмотру сих правил.

Заканчивая сообщения о совещании при министерстве о ветеринарном законе, считаю нужным отметить следующий факт. Всё время переписка земских представителей подвергалась тщательной перлюстрации. Получаемые мной письма М.В.Челнокова и мои ему ответы носили следы перлюстрации, но доставлялись нам всё-таки запечатанными; что же касается переписки М.В.Челнокова с его женой, то их письма доставлялись во вскрытых и незапечатанных конвертах.

О том же говорил мне председатель курской управы, Н.В. Раевский. Вскоре пришлось удостовериться, что В.К.Плеве был ознакомлен с содержанием моих писем к М.В.Челнокову.

Конфликт между правительством и земством по поводу ветеринарных правил, закончившийся признанием министерством необходимости изменения и переработки закона, согласно указаниям земских представителей, казалось, должен был бы побудить представителей власти отрешиться от недоверия к общественным силам и признать справедливость заявлений общественных учреждений о привлечении их представителей к участию в составлении законопроектов, регулирующих местную жизнь. Однако правительство продолжало оставаться глухим и слепым и продолжало политику, пагубную для существовавшего государственного строя и толкавшую более оппозиционные элементы общества на путь борьбы с властью. Подтверждением этому мог служить обнародованный 26 февраля 1903 года манифест. В этом акте говорилось о путях «к осуществлению народного блага в разуме приснопамятных дел державных наших предшественников», но так как эта фраза не имела определённого значения и могла возбудить сомнение, какие именно пути и дела имеются в виду манифестом, т.е. преобразования ли Александра II, исходившие из доверия монарха к общественным силам, или диаметрально противоположная им политика Александра III, то вслед за приведёнными словами следовало — «и, прежде всего, незабвенного Родителя Нашего», а далее говорилось о долге «довершить начатое Им дело укрепления порядка и правды в Русской земле в соответствии с возникающими потребностями народной жизни». Этими указаниями с достаточной опреде-

лённостью предрешалось сохранение неизменным непримиримого отношения власти к обществу и к развитию его самодеятельности. Препятствием к работе по улучшению народного благосостояния, указывалось далее в манифесте, является «смута, посеянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлечением началами, чуждыми русской жизни». Это указание относилось очевидно к недовольству политикой правительства, проявлявшемуся в широких кругах общества и получавшему своё выражение на съездах, в которых принимали участие земские деятели. Затем в манифесте были намечены следующие мероприятия, которые, предполагалось, должны были «незамедлительно удовлетворить назревшим нуждам государства»: укрепление заветов веротерпимости, улучшение имущественного положения православного духовенства, расширение деятельности дворянского и крестьянского поземельных банков, пересмотр законодательства о сельском состоянии, отмена круговой поруки, сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств и преобразование губернского и уездного управления «для усиления способов непосредственного удовлетворения многообразных нужд земской жизни трудами местных людей, руководимых сильной и закономерной властью, пред Нами строго ответственной». Разработка намеченных мероприятий должна была производиться обычным бюрократическим порядком и 27 того же февраля под председательством министра вн. дел начались занятия по преобразованию губернского управления, причём к участию в этой работе были привлечены такие представители бюрократии, имена которых свидетельствовали, что правительством имеется в виду не «удовлетворение многообразных нужд

земской жизни», а, главным образом, усиление административной власти.

В рассматриваемом манифесте вызывали во мне большое недоумение следующие слова и выражения. В начале манифеста говорилось о принятии Государем обета «свято блюсти вековые устои Державы Российской», а в заключительной части все верноподданные призывались к утверждению «нравственных начал, при которых, под сенью Самодержавной Власти, только и могут развиваться народное благосостояние и уверенность каждого в прочности его прав». Эти положения вполне согласовались с моими убеждениями и моим политическим жизнепониманием, но мне представлялась совершенно непонятной ссылка на эти начала в манифесте, который предвещал политику власти, противоречащую этим началам. Вековые устои нашего государства я понимал всегда, как союз власти с населением не на основе идеи правовой, а на основе идеи нравственной. Нравственное начало самодержавия я видел в сознании царей, что они имеют своим призванием творить в государстве не свою личную волю, а являются лишь исполнителями требований соборной народной совести. Выполнение этих условий возможно лишь при живом и тесном единении государственной власти с населением и при существовании порядка, обеспечивающего возможность такого единения. Между тем политикой власти идейное самодержавие было заменено принципом самовластия и своеволия, а стремление консервативнейшей части общества к восстановлению нарушенной связи власти с общественными силами признавалось «смутой и увлечением началами, чуждыми русской жизни». Ввиду этого упоминание об обете блюсти вековые устои Державы Российской и призыв к утверждению нрав-

ственных начал под сенью самодержавной власти в манифесте, который своим содержанием и своим общим духом отождествлял самодержавие с абсолютизмом — представлялись мне неуместными, даже кощунственными и могли служить лишь к укреплению весьма распространённого мнения, отрицавшего вообще самобытность нашего государственного строя. Я не знаю, кто был автором этого манифеста, но, несомненно, вдохновителем его был В.К. Плеве, а мне из нашей беседы с ним в июле предыдущего года было известно, что он сам не имел веры в жизненность и прочность устоев самодержавия.

Высказанное В.К.Плеве во время его беседы со мной 2 июля 1902 г. намерение привлечь меня к предварительной работе по вопросу об организации общения министерства вн. дел с председателями губернских управ не было им осуществлено, и я не был даже приглашён к участию в совещаниях, организованных при министерстве по ветеринарному закону в январе и по продовольственному вопросу в марте 1903 года. 17 марта мне пришлось быть в Санкт-Петербурге в министерстве земледелия по делу московского губернского земства. По заведённому порядку все должностные лица общественного самоуправления, приезжавшие в Санкт-Петербург, обычно представлялись министру вн. дел и мне нужно было разрешить вопрос — следует ли мне в данном случае исполнить установившийся обычай? Принимая во внимание, что с одной стороны В.К.Плеве несомненно не мог усмотреть в исполнении мной практиковавшегося обычая моё желание восстановить между нами отношения, которые, как будто, намечались в июле, а с другой — что о моём приезде ему могло сделаться случайно известным и в таком случае моё уклонение от посещения министра могло

бы получить неправильную оценку, я в тот же день явился к нему во время официального приёма. Когда дошла моя очередь, я был приглашён в кабинет министра и между нами произошёл такой разговор.

Плеве. Мы встречаемся сегодня в первый раз после нашего свидания прошлым летом на Аптекарском острове, когда я должен был объявить вам высочайшее повеление. Сожалею, что выраженное мною тогда желание организовать наше взаимодействие не осуществилось и что я не мог привлечь вас к участию в происходящих при министерстве совещаниях. Один я сделать этого не мог... вы не пошли ко мне навстречу. Вы продолжаете руководительствовать оппозиционной общественной группой с целью постоянного противодействия правительству.

Шипов. Я не понимаю ваше высокопревосходительство, что вы имеете в виду, предъявляя мне такое обвинение, и прошу вас высказаться определённее.

Плеве (прищурив глаз и со злобным выражением лица) Д.Н., мы с вами оба люди умные (подчёркивает интонацией это слово) и вы понимаете, что я, как министр внутренних дел, могу и обязан знать всё, что происходит среди общественных деятелей[14].

14 Вероятно, министр этими словами хотел дать понять, что ему известно моё письмо к М.В. Челнокову, написанное из Москвы 20 января 1903 года в Санкт-Петербург, во время происходившего при министерстве совещания по пересмотру ветеринарных правил 12 июня 1902 года. В этом письме я, между прочим, писал: «Всё более и более проникаюсь убеждением, что Плеве — человек без совести и чувства чести и что он полагает возможным путём лжи и лицемерия всех обойти. Ведь всё, что он говорил тебе, а ранее мне, Савельеву, Садов-

Шипов. Я это знаю, но мне совершенно неизвестно, какие факты или какие мои действия вы имеете в виду, а не зная их, не могу представить разъяснения, которые могли бы рассеять вероятные недоразумения.

Плеве. Вы продолжаете организовывать нелегальные съезды земских деятелей и коллективное противодействие правительству.

Шипов. Не понимаю о каких съездах вы говорите?

Плеве. А майский съезд, который происходил у вас; ведь вы должны согласиться, что он был незаконный.

Шипов. Я уже имел честь представить объяснения мои, касающиеся всего происходившего на майском съезде, и считал этот вопрос исчерпанным. Ведь сегодня вы изволили говорить мне о моей деятельности после нашего свидания в

скому и прочим земцам, теперь очевидно — ложь сознательная. Он говорит, что на правительстве много грехов перед земством, указывает на продовольственный закон, а что же он делает сам? Он оправдывается в ветеринарном законе ссылкой на кн. Оболенского, который за год до утверждения этого закона вышел из товарищей министра по несогласию с тенденциями Сипягина. Плеве говорит, что чувство приличия по отношению к Государственному совету не позволяет сказать ему, что „закон, вами утверждённый, никуда не годится“, как будто Государственный совет рассматривал и утверждал законопроект, выработанный и представленный не министром внутренних дел. Никак не могу понять и объяснить себе его тактику. Ведь Плеве производит впечатление несомненно умного человека, но при этом как объяснить, что он может признавать возможным строить всю свою политику на лжи и лицемерии. Ведь умный человек не может не сознавать, что ложь и хитрость, с которыми при отсутствии нравственного чувства Плеве примиряется, не могут оставаться продолжительное время невыясненными».

июле и я прошу вас указать мне, какой съезд за это время был мной организован?

Плеве. А съезд председателей управ в Москве этим летом.

Шипов. Председателей каких управ — уездных?

Плеве. Ну да.

Шипов. Так ведь такие съезды бывают постоянно, с давнего времени, как в московской, так и в других губерниях. На этих съездах обсуждаются различные практические вопросы земской жизни губернии и ничего оппозиционного они из себя представлять не могут.

Плеве. На этом съезде вы обсуждали вопрос, как создать в уездах противодействие сельскохозяйственным комитетам.

Шипов. Вовсе нет. Мы обсуждали только совместно, какие общие для всей губернии нужды должны быть отмечены земскими представителями в уездных комитетах.

Плеве. Но какое же отношение к нуждам сельского хозяйства имеют вопросы о свободе совести, о раскольниках, о свободе печати.

Шипов. Такие вопросы не были затронуты ни в губернском, ни в одном из уездных комитетов московской губернии.

Плеве. Однако они были подняты в суджанском комитете.

Шипов. Какая же может быть связь между моей деятельностью и постановкой вопросов в уездном комитете курской губернии. Ваше высокопревосходительство преувеличиваете значение моего влияния. Если вам угодно вообще усматривать моё влияние на постановку вопросов в комите-

тах, то вы могли бы заметить, что я, насколько мог, постарался распространить в земской среде, что вы признаете нежелательным возбуждение вопроса о приглашении выборных земских представителей в Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и этот вопрос в большинстве губерний был исключён из майской программы.

Плеве. Вы и ваши единомышленники старались в комитетах провести указания, как должно правительство организовать государственное управление.

Шипов. Нет, мы указывали только на ясно и определённо сознаваемые нами нужды и причины их, по нашему глубокому убеждению, обусловливающие, но не говорили и не указывали, как должно быть организовано государственное управление.

Плеве. Около вас группируются в Москве лица, оппозиционного правительству направления и к вам стекаются сведения о действиях комитетов и общественных учреждений из всех мест. Вот, например, когда я был в Москве, то там были получены только два экземпляра записки воронежского комитета — один для меня, другой для вас.

Шипов. Я этой записки не получал, очевидно она не была мне доставлена, о чём очень сожалею. Не знаю, о каких лицах, группирующихся около меня, вы говорите. У меня много друзей, товарищей и сотрудников, но никого из них я не знаю, как людей принципиально оппозиционного правительству направления. Не зная имён и фамилий лиц, которых вы имеете в виду, я не могу дать объяснений. Что касается получения сведений о деятельности других общественных учреждений, то в данном случае вы смешиваете меня с губернской управой. По установившемуся обычаю

все земские учреждения обмениваются своими докладами, записками, работами и вообще всеми своими изданиями; это единственный способ, который имеют земские учреждения, чтобы знакомиться с деятельностью друг друга. Порядок этот соблюдается в московской управе, может быть, последовательнее, чем в других губерниях.

Плеве. В деле оппозиции правительству то место, которое в печати занимают «Русские Ведомости», вы занимаете его среди общественных деятелей. Если это может быть, по нашим цензурным условиям, терпимо по отношению органа печати, то такое нелегальное направление недопустимо со стороны должностного лица, так как, хотя председатели управ и выбираются земскими собраниями, но они такие же должностные лица на государственной службе, как и все другие.

Шипов. Ничего нелегального в моей деятельности и в моих поступках никогда не было, нет и не будет, и я не получил от вас никаких указаний на определённые факты. Мои убеждения я высказывал и высказываю всегда прямо и открыто. Затем, хотя я и должностное лицо, состоящее на государственной службе, но прежде всего я сознаю себя избранником общества, почтившего меня своим доверием, и считаю своей священной обязанностью отстаивать самостоятельность и независимость общественных учреждений, без которых, по глубокому моему убеждению, не может правильно развиваться ни общественная, ни государственная жизнь.

Плеве. После слов, сказанных Государем в Курске и после последнего всемилостивейшего манифеста, не должно быть сомнений в доброжелательном отношении Государя к земским учреждениям и нет оснований опасаться за их

самостоятельность и независимость. (Встаёт и подаёт руку). Я знаю, Д.Н., что вы стойки в своих убеждениях и от них не отступитесь; очевидно, мы вместе не пойдём.

Шипов. Это вероятно, так как наши убеждения, очевидно, различны. Уходя, я позволяю себе ещё раз заявить, что я ухожу, не получив от вашего высокопревосходительства указаний на какие-либо факты или действия мои, которые могли послужить основой для высказанной мне вами характеристики моей деятельности.

Через три недели мне опять пришлось встретиться с В.К.Плеве. В конце страстной недели министр внутренних дел говел в Троице-Сергиевской лавре, а первые дни пасхи провёл в Москве. В этой поездке министра сопровождал директор департамента общих дел, Б.В.Штюрмер, который в 1893—4 г.г. был председателем тверской губернской земской управы по назначению. Я познакомился с ним в 1893 году, во время посещения мной бурашевской психиатрической лечебницы тверского губернского земства, а затем он, приезжая в Москву, как председатель тверской управы, бывал у меня, и мы неоднократно беседовали по различным земским вопросам. Остановившись в Москве при проезде в Троице-Сергиевскую лавру, Б.В.Штюрмер посетил меня, как прежнего земского сослуживца, и во время завязавшейся между нами беседы завёл речь о размолвке и недоразумении, как выразился он, возникших между мной и В.К.Плеве. Он полагал, что в основе обострившихся между нами отношений заключается, вероятно, недоразумение, что мы не хорошо друг друга поняли, и советовал мне повидаться с В.К.Плеве во время его пребывания в Москве и ещё раз с ним обстоятельно переговорить. Я объяснил Б.В.Штюрмеру, что он находится в заблуждении. Я совершенно определён-

но и откровенно познакомил В.К.Плеве с моим пониманием нашей государственной жизни и необходимости организованного взаимодействия правительства и общественных учреждений. Но В.К.Плеве, хотя и высказывает на словах доброжелательное отношение к земскому самоуправлению, но на деле продолжает неизменно политику, основанную на недоверии и подозрительности к развитию общественной самодеятельности. При окончании нашей последней беседы, министр сам сказал, что наши убеждения расходятся, что я своими убеждениями, очевидно, не поступлюсь и что вместе мы пойти не можем. После такого откровенного объяснения я не вижу основания обращаться к В.К.Плеве вновь по своей инициативе; если министр с своей стороны пожелает вызвать меня на возобновление переговоров, то в таком случае я не сочту возможным от них уклониться. Б.В.Штюрмер продолжал настаивать на правильности своей точки зрения, но объяснить, в чём именно заключается происшедшее, по его мнению, недоразумение, он не мог. Прощаясь, мы условились, что я буду у него в национальной гостинице в первый день пасхи утром и мы продолжим наш разговор.

В условленное время, 6-го апреля, я посетил Б.В. Штюрмера. Приступая к беседе, Б.В. просил меня выяснить, что именно в направлении деятельности В.К.Плеве вызывает, главным образом, моё отрицательное к ней отношение. Отвечая на вопрос, я развил следующие мысли. Прежде всего меня возмущает отождествление самодержавия с самовластием, и даже не с абсолютизмом царской власти, а с самовластием бюрократии. Исходя из этого положения, правительство не желает считаться с общественным мнением, всемирно стесняет свободу личности и общества и стремится всех и всё опекать и подчинять все проявления

жизни «видам правительства». Правительство видит неизбежность роста и совершающегося изменения условий государственной жизни и сознаёт необходимость реформ, но не понимает сущности и значения назревающих запросов общественной жизни, а потому, даже при искреннем желании, не способно на созидательную деятельность без живого общения с общественными силами. Правительство, может быть, и желало бы найти опору в обществе, но не знает, где и в каких элементах общества её искать. Правительство продолжает искать опору в дворянстве, которое безвозвратно утратило своё прежнее значение, а к всесословным общественным организациям правительство относится с недоверием, и своим к ним отношением с каждым днём углубляет пропасть, отделяющую власть от населения. Народившаяся и всё крепнущая всесословная интеллигенция представляется правительству беспочвенной и опасной. Но если дворянство после реформ шестидесятых годов утратило своё значение, то правительству необходимо получить опору в новых общественных группировках. Нельзя вечно относиться отрицательно к всесословной интеллигенции. Само государство её создаёт, широко открывая двери в средние и высшие учебные заведения и ежегодно выпуская тысячи людей всех сословий с расширенным кругозором и повышенными запросами к жизни. Надо утилизировать интеллигентные силы, надо сделать их по возможности консервативными, а не толкать их в оппозицию и не возбуждать в них справедливое недовольство, постоянно оскорбляя их самолюбие и затрудняя им возможность приложения своих сил и знаний на благо общественной и государственной жизни.

Б.В.Штюрмер выслушивал меня, по-видимому, с напряжённым вниманием и несколько раз выражал согласие и сочувствие, когда же я кончил, он сказал: — «Убедительно прошу вас, повидайтесь ещё раз с В.К.Плеве и повторите ему всё сказанное вами мне; я уверен, что он признает основательность ваших доводов и пойдёт вам навстречу». Я ещё раз обратил внимание Б.В-ча, что министру известны мои мысли и мои взгляды, и я не вижу основания ещё раз ему их высказывать. При продолжении нашей беседы я, ввиду настойчивых убеждений Б.В.Штюрмера, сказал, что на следующий день я и члены губернской управы будем представляться министру; если Б.В. предполагает, что В.К.Плеве не верно меня понял, то пусть Б.В. сообщит ему о нашей беседе, изложит ему содержание мною высказанного и тогда министр, в случае его желания вызвать меня на новый обмен мнениями, может назначить мне время соответствующего приёма. Мне неизвестно, обращался ли ко мне Б.В.Штюрмер по собственному почину или, может быть, выполнял поручение министра, желавшего сделать вид, что я несу ему повинную голову; не знаю, что говорил, и говорил ли вообще Б.В.Штюрмер с В.К.Плеве о своей беседе со мной, но никакого приглашения от самого министра я не получил. 7-го апреля весь состав губернской управы был принят очень любезно министром. В.К.Плеве расспрашивал о распределении занятий между председателем и членами управы, интересовался некоторыми начинаниями московского земства и выразил желание посетить губернскую управу, но не знал, не встретится ли к тому препятствия по случаю праздничного времени. Я сообщил, что обычно на пасхальной неделе в среду собираются председатель, члены и часть служащих управы для разрешения

некоторых срочных вопросов, но, зная о намерении министра посетить губернскую земскую управу, управой будет предложено собраться всем служащим. В.К.Плеве, прощаясь с нами, сказал, что надеется в среду посетить управу; но министр не привёл своего намерения в исполнение и вечером 9-го апреля уехал в Санкт-Петербург.

При окончании занятий земского совещания в мае 1902 г. было признано желательным, чтобы такого рода земские съезды устраивались периодически, раз в год, в конце мая, в Москве, а в случаях возникновения важных вопросов, требующих неотложного обсуждения, должны быть созываемы экстренные собрания. Для более правильной организации этого дела было избрано организационное бюро, в состав которого вошли: — весь состав московской губернской земской управы и 12 лиц[15] из числа участников майского совещания; меня просили принять на себя исполнение обязанностей председателя этого бюро. Созыв земского съезда в 1903 году, вскоре после объявления высочайшего неудовольствия участникам майского совещания 1902 года, не представлялся возможным, а, между тем, весьма остро сознавалась необходимость единения земской среды и согласованного образа действий земских учреждений.

Под влиянием всё усиливавшегося проявления самовластия правительственной власти, грубого подавления ею свободы и личных прав граждан и полного пренебрежения к справедливым и вполне умеренным запросам развивающей-

15 В.П.Вернадский, В.Д. фон Дервиз, И.Г.Жуковский, М.П.Колобов, В.Н. Линд, И.И.Петрункевич, Р.А.Писарев, Н.Ф.Рихтер, А.А.Савельев, Б.Г.Садовский, кн. Д.И.Шаховской и В.Е.Якушкин.

ся общественной жизни оппозиционное настроение в стране и, в частности, в земской среде быстро возрастало. Много земских людей, стремившихся прежде лишь к установлению нормального взаимодействия между властью и обществом при существовавшем государственном строе, теряли надежду, чтобы государственная власть добровольно отказалась от пагубной политики недоверия и преследования свободного проявления личной и общественной жизни, и приходили к убеждению, что никакие изменения в нашей политической и социальной жизни невозможны без ограничения власти конституционным режимом. Число убеждённых конституционалистов в широких кругах общества быстро увеличивалось и в первой половине 1903 года уже намечалась организация «Союза освобождения», который должен был объединить все оппозиционные элементы и ставил себе целью — политическое освобождение страны, уничтожение самодержавия и установление в России конституционного строя. Руководясь идеей народовластия, «Союз освобождения» в основу политической реформы полагал принцип всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов.

Не разделяя этих убеждений, признавая их не отвечающими жизнепониманию русского народа и относясь принципиально отрицательно к политической борьбе, я считал своим долгом всеми силами и доступными мне мерами противодействовать конституционным течениям и содействовать восстановлению в стране условий, вытекающих из свойственного русскому народному духу признания необходимости господства в государственной жизни преимущественно нравственного начала. Я не терял надежды, что государственная власть под влиянием доброжелательного и корректного воздействия земской среды поймёт ошибоч-

ность избранного ею пути, сознает необходимость отрешиться от недоверия к общественным силам, признает своё служебное значение в государственной жизни и увидит свой долг в создании живого единения с населением для осуществления совместными усилиями высших целей, предстоящих всему человечеству. Осуществление этих нужд мне представлялось более возможным и вероятным при условии сохранения и сосредоточения в земской среде общественного движения, стремящегося к обновлению нашей государственной жизни. Только при создании тесного и живого взаимодействия власти с земскими учреждениями и приближении последних к населению представлялось мне возможным восстановление и прочное укрепление государственно-земского строя. Руководясь этими убеждениями и принимая во внимание, что продолжающаяся реакционная политика правительства с одной стороны и нарастающие в стране конституционные стремления с другой — угрожают возникновением в стране острой политической борьбы и государственным переворотом, я находил необходимым, чтобы земские учреждения в 1903 году выступили объединённо с представлением государственной власти о неотложности насущных реформ для удержания ближайшего будущего страны в русле государственной жизни, указываемом её историей.

20-го апреля при страховом комитете министерства внутренних дел начались занятия совещания по вопросам о взаимном между земствами перестраховании имуществ от огня. Участие в этом совещании принимали представители 23-х губернских земств не по приглашению министерства, а по уполномочию земских управ. Я предложил представителям земств на страховом совещании, принимавшим участие

в майском земском совещании в Москве, собраться между собой для беседы по некоторым существенным вопросам земской жизни и такое предложение было встречено общим сочувствием. Было признано желательным привлечь к участию в наших беседах некоторых земских деятелей, находившихся в Санкт-Петербурге, преимущественно из числа участников майского совещания, но в то же время при организации предстоящих бесед мы считали необходимым принять некоторые меры предосторожности во избежание излишней огласки и кривотолков. В состоявшихся собраниях приняли участие 28 лиц и беседы наши на частных квартирах происходили 24-го и 25-го апреля. Собравшиеся просили меня принять руководство нашими беседами, но я просил освободить меня от этих обязанностей, имея в виду внести на обсуждение некоторые предложения, которые, я предчувствовал, могут вызвать разногласие, и поэтому я хотел пользоваться полной свободой для отстаивания моих предложений. Беседы наши происходили под председательством кн. Д.И.Шаховского.

В первый день прежде всего по просьбе собравшихся Н.В.Раевским было сделано сообщение о беседах, происходивших у В.К.Плеве с 9-ю представителями губернских управ и 5-ю губернскими предводителями дворянства, принимавшими участие в организованном при министерстве в марте совещании по продовольственному вопросу. В этих беседах по предложению министра приглашённые им лица высказывались по вопросам: о предоставлении земствам участия в промысловом налоге, о фиксации земского обложения, о земском представительстве, о народном образовании, об антагонизме между светской и церковной школами, о крамоле, о мелкой земской единице, о взаимных отноше-

ниях губернского и уездных земств, о возможности уничтожения губернских земств, о «третьем элементе» и о недробимости дворянских имений. Н.В.Раевский ознакомил собрание с высказанными по этим вопросам суждениями и говорил, что министр мало высказывался по этим вопросам, но когда Н.В.Раевский поднял вопрос о неутверждении избираемых земскими собраниями должностных лиц, министр возразил: «Что же, по-вашему, утверждать и тех, у кого тайные типографии?» Затем В.К.Плеве отрицательно отнёсся к возможности разрешения земских съездов находя, что общение земцев между собой в Санкт-Петербурге во время их совещаний при министерстве вполне достаточно. При прощании с собравшимися у него, В.К.Плеве отметил, что с высоты престола объявлено благорасположение Государя к местным общественным силам и что министр надеется, если не во всём сойтись во взглядах с земцами, то, по крайней мере, не разойтись во многом.

Выслушав сообщение Н.В.Раевского, собравшиеся перешли к обсуждению вопросов, которые желательно было бы выдвинуть во время ожидавшегося приёма министром земских представителей на страховом совещании. Я не буду приводить изложение происходившего по этому поводу обмена мнений, подробно занесённого в журнал нашего собрания, так как приём земских представителей министром носил официальный характер и во время его никаких вопросов к обсуждению предложено не было.

На следующий день, 25-го апреля, земские деятели в беседе между собой обсуждали вопросы: 1) об отношении земства к предстоящим законодательным работам, касающимся местной жизни и предвозвещённых манифестом 26-го февраля 1903 г., и 2) о значении и характере участия

представителей губернских управ, приглашаемых министерствами в совещания по различным вопросам. Я указал, что манифест 26 февраля возвещает многочисленные реформы, но к обсуждению соответствующих законопроектов имеется в виду привлечь достойнейших местных людей, а не земские учреждения. Не следует ли, говорил я, очередным губернским собраниям возбудить ходатайства, чтобы правительство прежде издания законов, касающихся многообразных нужд земской жизни, выслушивало предварительно мнение общественных учреждений. Основанием для возбуждения таких ходатайств могут служить примеры недавнего прошлого. Лечебный устав 1893 года и ветеринарные правила 1902 г., изданные без предварительного опроса местных учреждений, оказались неприменимыми в жизни и правительству пришлось отказаться от введения их в действие. Такие факты дискредитируют государственную власть в глазах населения и могут быть предотвращены лишь в том случае, если составляемые в министерствах законопроекты, до внесения их в государственный совет, будут передаваться на заключение губернских земских собраний. Переходя к вопросу, каким порядком лучше довести до сведения государственной власти пожелания земства, путём ли подачи соответствующих адресов Государю, или путём предъявления ходатайств пред правительством, я высказался в пользу последнего порядка. Все участники беседы признавали, что земство не может и не должно оставаться безучастным в вопросе о порядке и способах предстоящих законодательных работ и видели в предъявлении земствами ходатайств более правильный и желательный путь для сообщения правительству своего мнения и отношения к этому вопросу. После происходивше-

го обсуждения было признано желательным, чтобы все губернские земские собрания в предстоящей очередной сессии, путём предъявления аналогичных ходатайств, довели до сведения правительства, что земство признает необходимым, чтобы все законопроекты, имеющие быть составленными, согласно манифесту 26-го февраля и касающиеся местной жизни, до представления их на утверждение, были передаваемы на предварительное заключение губернских земских собраний. О состоявшемся заключении было признано необходимым поставить в известность все губернские земские управы и так как в беседе принимали участие представители только 17 губерний, то присутствовавшие распределили между собой обязанность по оповещению губернских управ, не имевших представителей в среде участников беседы.

Вслед за тем К.К.Арсеньев в дополнение к принятому заключению возбудил вопрос: «Не следовало бы представить одновременно ходатайство о приглашении представителей земств по выбору губернских земских собраний в центральные государственные учреждения при выработке законопроектов местной реформы?» Предложение К.К. Арсеньева встретило горячее сочувствие и поддержку со стороны гр. П.А.Гейдена, И.И.Петрункевича и А.А.Савельева, причём внесённое предложение было расширено в смысле привлечения земских представителей к участию в выработке всех вообще законопроектов. С возражением на внесённое К.К.Арсеньевым предложение выступил я. Соглашаясь с ним по существу, я указывал на необходимость известной постепенности при постановке и разрешении вопросов о создании взаимодействия власти с общественными силами. Одновременное предъявление двух хода-

тайств неминуемо повредит успеху первого. Нельзя не считаться со взглядами лиц, к которым обращаешься, если желать успеха делу. Первое ходатайство не идёт вразрез со взглядами правительства; тогда как вопрос о привлечении к участию в законодательной работе выборных земских представителей с точки зрения членов правительства рассматривается как изменение существующего государственного строя. Моё мнение было поддержано: А.А.Свечиным, С.П.Балахонцевым, кн. П.Д.Долгоруковым и Н.В.Раевским. По окончании прений предложение К.К.Арсеньева было поставлено на голосовании и вопрос получил отрицательное решение большинством 15 голосов против 13.

Здесь я считаю не лишним привести список участников земских бесед 1903 года с указанием распределения голосов при баллотировке предложения К.К.Арсеньева.

Губерния	За предложение (расширение ходатайства)	Против предложения (за поэтапность)
Вологодская		В.А. Кудрявый, пред. губ. зем. управы
Казанская	В.В. Марковников, пред. губ. зем. управы	
Курская	В.Л. Анненков, кн. П.Д. Долгоруков, член губ. зем. управы, А.Н. Руцен	Н.В. Раевский, пред. губ. зем. управы
Московская		Ф.А. Головин, член губ. зем. управы, Д.Н. Шипов, пред. губ. зем. управы

Нижегородская	Г.Р. Килевейн, член губ. зем. управы, А.А. Савельев, пред. губ. зем. управы	
Новгородская		Н.Н. Сомов, пред. губ. зем. управы
Орловская		С.Н. Маслов, пред. губ. зем. управы
Псковская		А.Д. Поленов
Санкт-Петербургская	гр. П.А. Гейден	
Саратовская	К.К. Арсеньев	
Смоленская	Н.Н. Львов	
Таврическая		Я.Т. Харченко, пред. губ. зем. управы
Тамбовская		М.П. Колобов, пред. губ. зем. управы
Тверская	бар. И.С. Вревский, член губ. зем. управы, В.Д. фон-Дервиз, пред. губ. зем. управы, И.И. Петрункевич	
Уфимская		С.П. Балахонцев, пред. губ. зем. управы
Черниговская		А.А. Свечин, пред. губ. зем. управы
Ярославская	кн. Д.И. Шаховской, А.П. Крылов, пред. губ. зем. управы	Мусин-Пушкин, член губ. зем. управы

Как видно из приведенного списка, за положительное решение вопроса высказались представители 6 губерний, за отрицательное — представители 9 губерний, а голоса представителей двух губерний разделились поровну. По второму вопросу — о значении и характере участия представителей губернских управ в совещаниях при министерствах, собрание единодушно признало желательным, чтобы приглашались представители всех губерний, по выбору губернских собраний, и чтобы собрания были оповещены о предмете вопросов, подлежащих обсуждению совещания, и могли бы дать избранным им лицам определенные указания.

27 апреля представители губернских земских управ, принимавшие участие в совещании при страховом комитете, были приняты министром внутренних дел. В.К.Плеве вышел к собравшимся, стоявшим полукругом в большом зале, и обратился к нам со следующей речью:

«Я очень рад видеть вас здесь. Управляющий страховым отделом уже доложил мне, что ваши совещания идут очень успешно, с чем вас поздравляю. Дело земского страхования весьма важное и, постепенно развиваясь, в будущем будет иметь большое значение. Ваши совещания в министерстве на почве практического дела сближают вас с представителями министерства, облегчают общую работу и взаимные отношения. В то же время такого рода совещания дают вам возможность общения между собой и по другим вопросам земской жизни. Я очень сочувствую этому общению и признаю его желательным и необходимым. Это во

всяком случае правильнее келейных собраний, и лицам, облеченным общественным доверием, не следует действовать с опущенным забралом[16]. Только при этом условии возможен честный и открытый спор. Я придаю большое значение участию земских работников в подготовительной работе при министерстве. Я считаю вашу деятельность на почве практических вопросов очень полезной, она лучше отвлеченных мечтаний. Поздравляю вас с окончанием ваших занятий и благодарю вас за вашу работу».

После этого министр поклонился всем общим поклоном и удалился. По выходе министра земские представители обменивались между собой впечатлениями от выслушанной нами речи, а Н.В.Раевский, Ф.А.Головин и я тотчас же восстановили ее письменно.

Сознание необходимости участия земских учреждений в законодательной работе при существовавшем государственном строе сделалось убеждением подавляющего большинства земской среды и это убеждение получило, между прочим, свое выражение в заявлениях земских представителей, приглашаемых в совещания при министерствах. Как ни старалось министерство искусственным подбором земских представителей найти в среде приглашаемых в совещания сочувствие своей точке зрения, оно терпело постоянную неудачу. В марте 1903 года состоялось совещание по пересмотру узаконений по продовольственному делу и приглашенные в состав совещания представители земских управ подали министру внутренних дел записку, в которой, высказываясь по существу вопроса за поручение продовольствен-

16 При этих словах министр повернулся и смотрел в мою сторону.

ного дела ведению земских учреждений, они вначале оговаривались: «Высказываемые нами положения представляют из себя наше личное мнение, а не взгляд на это дело местных земских собраний». Заканчивалась записка просьбой, «чтобы проект, имеющего быть выработанным продовольственного устава, был сообщен на заключение губернских земских собраний».

В августе того же года земские представители участвовали в совещании, организованном по инициативе Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, для рассмотрения проекта положения о местных дорогах. В одном из первых заседаний Н.В.Раевским, по единогласному поручению всех его товарищей по представительству, было внесено предложение о передаче законопроекта до внесения его в государственный совет на обсуждение земских собраний. Одновременно от имени тех же лиц была им заявлена просьба, чтобы все материалы по рассматриваемому вопросу были сообщены всем губернским управам, представители которых не были приглашены к участию в совещании. Ходатайства о передаче дорожного законопроекта на заключение земских собраний были заявлены земскими представителями также при общем их приеме сначала у министра внутренних дел, а затем у председателя Особого Совещания. В.К.Плеве сказал в ответ, что он ничего не имеет против обсуждения этого вопроса на земских собраниях и добавил: «С.Ю.Витте выразил согласие принять во внимание отзывы собраний, если это не задержит рассмотрение проекта в Особом Совещании в декабре». Однако, проект положения о местных дорогах на обсуждение земских собраний передан не был, а о действительном отношении к этому вопросу обоих министров можно получить

правильное представление из полученного мной в свое время и приводимого ниже сообщения одного из членов Особого Совещания о прениях, происходивших в его заседании 28 февраля 1904 г.:

«При обсуждении о том, какие права можно предоставить земству по постройке дорог и какие на земство в этом отношении могут быть возложены обязанности, А.И.Куломзин доказывал, что те выводы, к которым по этому вопросу придет Особое Совещание, должны быть разосланы на обсуждение и заключение земств, которые одни могут с уверенностью сказать, насколько предположения Совещания являются исполнимыми и насколько они соответствуют действительным потребностям; главным образом, в состоянии ли земство вынести то бремя, которое на него возлагается новым законом. С.Ю.Витте восстал против этого самым решительным образом и заявил, что он не имел бы ничего против того, чтобы на заключение земств был разослан проект, выработанный подготовительной комиссией, но он безусловно не может допустить, чтобы те заключения, к которым пришло то Совещание, где он имеет честь председательствовать, рассылались на заключение каких бы то ни было местных людей. Предложение А.И.Куломзина нашло поддержку в некоторых членах совещания. В.В.Калачов напомнил, что еще недавно министерством внутренних дел были выработаны проекты законов врачебного и ветеринарного, которые, по их утверждении, при введении в действие оказались настолько несоответствующими практическим условиям жизни, что применение этих законов пришлось сразу приостановить и затем законы

эти пришлось переделывать по указаниям местных деятелей. Во избежание связанной с таким порядком проволочки времени и даже во избежание несомненного скандала надо начать дело не с введения закона в действие, а с обсуждения его местными людьми. — После этого С.Ю.Витте обратился к В.К.Плеве. — В.К.Плеве заявил, что он вообще не считает возможным в настоящее время создавать законы для всей России из Санкт-Петербурга. По его мнению, участие местных сил в обсуждении законодательных предположений является безусловно необходимым, но при этом он не может не обратить внимания на то, что при настоящем земском представительстве земские учреждения далеко не являются действительными представителями населения. Действительными рабочими силами в них являются не люди местности, а наемные лица управ, чиновники, разбором хуже петербургских. Если мы пошлем наш проект на заключение местных людей, то получим отзывы не местных деятелей, знающих местные нужды и с этой точки зрения обсуждающих наши предположения, а мнения людей посторонних местности, рассматривающих все с отвлеченных доктринерских положений. Государственным центростремительным началам они противополагают начала индивидуалистические, центробежные, и можно заранее сказать, какие ответы мы получим под видом земских: это будут указания на то, что при современном укладе государственной жизни никакие реформы дорожного дела невозможны, что, когда переменится государственный строй, сами собой улучшатся проселочные дороги. С этой точки зрения теперь

подходят ко всем вопросам; даже реформу крестьянского законодательства ставят в связь с общим правопорядком. Я, конечно, не хочу сказать, что во всех земствах эти неместные элементы совершенно оттеснили местные, но я не могу не опасаться того, что в значительном числе случаев те отзывы, которые мы получим, будут написаны не местными людьми, а всякого рода поднадзорными статистиками, фельдшерами и, в лучшем случае, народными учителями. И это будут те отзывы, которые более других остановят наше внимание, так как наиболее талантливые из местных деятелей не особенно искусны в письменном изложении своих мнений и значительно уступают в этом отношении тем, кто в течение долговременных тюремных досугов упражнялся в составлении всякого рода рефератов. Не фальсифицированное мнение действительно местных людей можно получить только путем образования совещаний, в которых были бы представлены и элементы государственные, и элементы местные, представители сословий и проч. Поэтому я предполагал бы передать наш проект на обсуждение губернских совещаний, составленных из должностных лиц губернии и из представителей земств и дворянств, причем я бы не встречал препятствий к тому, чтобы эти представители были избраны соответствующими собраниями. С.Ю.Витте возражал против предложения А.И.Куломзина, утверждая, что передача какого-либо законопроекта на обсуждение земств может только похоронить этот закон: получится 60 томов противоречивых и несогласованных заключений, в которых никто никогда не разберется. Государственная опыт-

ность А.И.Куломзина такова, что он, конечно, знает, что из проектов, передававшихся на заключение местных учреждений, ни разу ничего не вышло. Что же касается тех совещаний, о которых говорил министр внутренних дел, то он, Витте, не сомневается, что земства никогда не признают заключения, высказанные подобными совещаниями, за мнения самого земства, и их отношения к проекту ничуть не изменятся от того, что подобные совещания выскажутся в пользу его».

В октябре земские представители были приглашены в совещание при министерстве финансов под председательством В.Н.Коковцева по вопросу об оскудении центральной части сельскохозяйственной России. Всеми земскими представителями была внесена в совещание записка, в которой были развиты положения, изложенные в программе, установленной земским совещанием в мае 1902 года, и обращалось преимущественное внимание на необходимость реформы в деревенском правопорядке. В заключительной части записки указывалось на желательность, чтобы законопроекты, касающиеся местной хозяйственной жизни, прежде внесения их в государственный совет, передавались на заключение земских собраний, и чтобы, при приглашении земских деятелей в совещания при министерствах, программы подлежащих обсуждению вопросов передавались предварительно на земские собрания с тем, чтобы их представители, избранные собраниями, являлись выразителями мнений этих последних.

Краткое изложение бесед, происходивших в Санкт-Петербурге 24-го и 25-го апреля, было сообщено всем губернским земским управам, причем состоявшиеся заклю-

чения были сформулированы так: «Желательно, чтобы в губернские земские собрания предстоящей очередной сессии были внесены следующие предложения:

Возбудить перед правительством ходатайства, чтобы имеющие быть составленными в министерствах, согласно высочайшему манифесту 26-го февраля с.г., законопроекты «для усиления способов непосредственного удовлетворения многообразных нужд земской жизни», прежде внесения их на уважение государственного совета, были переданы на заключение земских собраний.

Принимая во внимание, что в последнее время к участию в совещаниях при министерствах для обсуждения разных вопросов, касающихся местной жизни, приглашаются представители некоторых губернских управ, возбудить перед правительством ходатайства: а) чтобы во всех тех случаях, когда будет признано нужным привлекать к участию в совещаниях при министерствах местных людей, последние приглашались из всех земских губерний и через посредство губернских земских собраний, б) чтобы губернским земским собраниям было предоставлено уполномочивать, по их усмотрению, к участию в означенных совещаниях кого-либо или из состава губернской управы, или из состава губернского собрания, и в) чтобы губернские земские собрания одновременно с предложением назначить своего уполномоченного были поставлены в известность о предмете, подлежащем обсуждению в предстоящем совещании, и могли, в случае они то признают нужным, преподать своему уполномоченному руководящие указания».

Эти предложения встретили сочувственный отклик в большинстве[17] земских губерний, и соответствующие вопросы были возбуждены в 25 губернских земских собраниях, но губернаторы и председатели собраний были предупреждены министерством и им было предложено оказать возможное противодействие обсуждению этих вопросов собраниями. Под влиянием давления со стороны министерства обсуждение означенных вопросов не было допущено председателями собраний в губерниях: казанской, новгородской, полтавской, тульской и харьковской, а состоявшиеся постановления собраний были опротестованы нижегородским и уфимским губернаторами. Кроме того, были опротестованы постановления костромского и тамбовского собраний в части, касавшейся возбуждения ходатайства о том, чтобы представителям земства в совещаниях были гарантированы свобода слова и неприкосновенность личности. Однако, протесты губернаторов и препятствия земским начинаниям со стороны губернских предводителей дворянства не могли умалить значения определенно проявившегося единения земской среды, единения, создавшегося на почве стремления к установлению необходимого и справедливого взаимодействия государственной власти и земских учреждений. Но правительство, а, главным образом, министр внутренних дел продолжали не сознавать значение надвигавшихся событий и не желали отступить от своей точки зрения. Земское движение только вызывало в

17 Вопросы, затронутые во время бесед земцев в Санкт-Петербурге, не были возбуждены в земских собраниях губерний — бессарабской, владимирской, вятской, олонецкой, пензенской, пермской, самарской, таврической и херсонской.

В.К.Плеве все большее раздражение и, считая меня главным вдохновителем оппозиционного настроения в земской среде, он желал дискредитировать мою деятельность и устранить меня от участия в земской работе.

Министр внутренних дел испросил высочайшее повеление на производство в 1903 году ревизии земских учреждений московской губернии, с возложением этого поручения на товарища министра Н.А.Зиновьева. В сентябре Н.А.Зиновьев с многочисленным штатом чиновников прибыл в Москву. С самого начала производства ревизии нам, земским людям, стало с очевидностью ясно, что ревизор и его сотрудники не имеют ясного представления о сущности и характере земского дела и подходят к ознакомлению с ним с чиновничьей, бюрократической точки зрения и с известным, предвзятым отношением к деятельности московского земства. Так, например, ревизоры хотели проследить порядок сношений отделов управы между собой и с ее председателем и были удивлены отсутствием соответствующей переписки и представленными им объяснениями, что все интересующие их сношения происходят путем словесных переговоров. При осмотре лечебных и других земских учреждений Н.А.Зиновьев не углублялся в суть дела, насколько та или иная организация целесообразно и полно обслуживает потребности населения, а обращал внимание, главным образом, на внешнюю сторону, на внешний порядок. С земскими служащими он держал себя резко и высокомерно и мне не раз приходилось разъяснять и устранять происходившие на этой почве недоразумения. Живая работа земских людей, руководящаяся сознанием общественного долга и объединенная общностью убеждений, ему была совершенно непонятна. Предоставленная и необходимая

земским труженикам известная самостоятельность и уважение их человеческого достоинства рассматривались Н.А. Зиновьевым, как недостаток дисциплины и распущенность.

Немало внимания было уделено ревизией вопросу о взаимных отношениях между губернским и уездными земствами. С этой целью ревизоры усидчиво изучали журналы совещаний председателей губернской и уездных управ, а сам Н.А.Зиновьев, в своих беседах с председателями уездных управ, постоянно останавливался на этом вопросе, желая выяснить влияние губернской управы на деятельность уездных земств.

С особенным напряжением разыскивалась переписка, относящаяся к земскому совещанию, происходившему в мае 1902 года, и к сношениям моим с председателями других губернских управ по разным вопросам, стоявшим в связи с создавшимся земским объединением. Все земские служащие, к которым ревизоры неоднократно и настойчиво обращались по этому поводу, не скрывали, что им известно о моих сношениях с земскими деятелями и в то же время объясняли, что такого рода переписка, как частная переписка Д.Н.Шипова, ведется мной самим, сосредоточивается у меня на квартире и канцелярия управы в ней участия не принимает.

Ревизия, продолжавшаяся около двух месяцев, действовала на всех нас удручающе и отнимала у всех, работающих в управе, много времени тогда, когда всем приходилось работать с особым напряжением, ввиду приближавшейся очередной сессии губернского собрания. Во время производства ревизии и особенно при приближении ее окончания свойственная Н.А.Зиновьеву раздражительность постепенно, казалось нам, возрастала; товарищи мои и я склонны

были объяснить это тем, что ожидания и надежды ревизора найти факты и данные, обнаруживающие незакономерность и неправильность действий губернской управы и в частности моих — не оправдались.

Когда ревизия была закончена, Н.А.Зиновьев приехал в управу, вошел в кабинет председателя и, сказав, что желает проститься, просил меня пригласить всех членов управы, что было тотчас же исполнено. Н.А.Зиновьев с полным отсутствием на этот раз раздражительности, а скорее с явным благодушием, обратился ко всему составу управы с краткой прощальной речью. Он говорил, что уезжает, унося благоприятные впечатления о деятельности земских учреждений губернии; бесхозяйственности он не нашел, личный состав губернской управы в полном курсе порученного ему дела и отношения между губернской и уездными управами мирные. В заключение Н.А.Зиновьев сказал, что, как только отчет его о ревизии будет закончен, он тотчас же сообщит его нам.

Прощальная речь Н.А.Зиновьева доставила губернской управе некоторое удовлетворение, но заключения, к которым пришел ревизор, совершенно не отвечали желанию министра внутренних дел и В.К.Плеве потребовал от Н.А. Зиновьева согласовать заключения ревизии с видами министра. О таком давлении, оказанном со стороны В.К.Плеве, стало известно нам лишь впоследствии и потому меня и членов управы очень удивил напечатанный в «Правительственном Вестнике» 29 июня 1904 года совершенно нами неожиданный всеподданнейший рапорт Н.А.Зиновьева. В этом рапорте говорилось: «Чтобы уяснить себе деятельность земства, недостаточно познакомиться с внешними его проявлениями, а необходимо проследить не легко улавлива-

емое и не всегда наглядно выражающееся направление этой деятельности». Исходя из этого положения, ревизор признавал, что «направление внутренней жизни земства московской губернии едва ли соответствует требованиям закона и условиям правильного развития», но в рапорте, кроме произвольных умозаключений, не было приведено ни одного реального факта, которым подтверждалось бы нарушение или противоречие деятельности земства нормам и порядку, установленным законом. Отрицательное отношение рапорта к деятельности губернского земства сводилось собственно к указаниям на — 1) подавление самодеятельности уездных земств и 2) усиление влияния «пришлого элемента». «Руководительство губернским земством уездных», отмечалось в рапорте, «идет вразрез с указанием закона, обеспечивающего как губернскому, так и уездным земствам полную самостоятельность в круге их действий». Нарушение самостоятельности уездов усматривалось в учреждении губернских больниц и школ, в учреждении санитарных и экономических уездных советов и в выдаче пособий и ссуд уездам из губернских сумм, но при этом, как бы, не принималось во внимание, что губернские больницы и школы в подавляющем большинстве случаев учреждались по ходатайству уездов, не обеспеченных достаточно местными средствами, что санитарные и экономические советы в уездах учреждены и организуются согласно постановлениям уездных собраний и что, только благодаря назначаемым губернским пособиям, развивается широко и вполне самостоятельно деятельность уездных земств, получающих эти пособия на условиях, устанавливаемых по соглашению губернского земства с уездными. В рапорте указывалось, что направление деятельности губернского земства поставило в 1898

году ребром вопрос о взаимных отношениях губернского и уездных земств, но замалчивалось, что вопрос этот был поставлен не уездными земствами, а самой губернской управой, и что возникшее было недоразумение получило тогда же вполне благоприятное разрешение, причем все уезды признали, что их самостоятельность ни в чем не нарушается политикой губернского земства. Подчинению уездных земств влиянию губернского много послужила, по мнению рапорта, организация совещания председателей управ — «учреждение, существующее не только без санкции закона, но и без санкции губернского собрания». Действительно, в положении о земских учреждениях вовсе не говорится о совещании председателей управ губернии, но в нем нет никакого указания на недопустимость такого установления, а в то же время, например, устав эмеритальной кассы московского земства (§ 74), утвержденный министром внутренних дел в 1895 году, предусматривал существование совета, состоящего из председателей губернской и уездных управ. Что касается санкции губернского собрания, то ревизорам не могло быть неизвестно, что губернское собрание из года в год возлагало ряд поручений на совещание председателей управ. Рапорт отмечает, что «в совещании перевес разумеется на стороне губернской управы», но вслед за тем тут же говорится, что члены губернской управы в голосовании не участвуют и поэтому первое указание представляется совершенно непонятным. Что касается земских работников, так называемого «третьего элемента», то в нем ревизор видит «другого[18] вредного спутника цен-

18 Повидимому, «первым вредным спутником» признается совещание

трализации», укоренившейся в московском земстве. «Вместо того, чтобы прибегнуть к помощи уездных земств», говорится в рапорте, «губернская управа предпочла вверить земское дело лицам, служащим по найму, поставив их к тому же вне всякой зависимости от управ..., не останавливаясь для этого и перед открытой борьбой с уездными управами». Тут, кроме неверного освещения вопроса, очевидна точка зрения бюрократа, смотрящего на подчиненных ему чиновников с высоты своего олимпийского величия и не признающего за ними права «свое суждение иметь». В этом вопросе бюрократы и земские люди стоят, несомненно, на противоположных точках зрения и первым кажется непонятным уважение в своих младших сотрудниках человеческой личности и предоставление им необходимой самостоятельности, обеспечивающей большую производительность их труда.

Усиление значения губернского земства в делах местного хозяйства находит себе объяснение, по мнению, высказанному в рапорте, в «введении в состав губернского земского собрания значительного числа гласных от города Москвы, в общеземском деле не заинтересованных и смотрящих на него лишь с отвлеченной точки зрения». Но в том же рапорте ранее говорится, что своим блестящим материальным положением московское земство обязано «столице, состоящей при земстве в качестве оброчной статьи..., уплачивающей более половины губернского сбора, но взамен этого почти ничего не получающей». Сопоставление этих двух выдержек, казалось бы, должно было побудить автора

председателей управ.

рапорта усомниться в правильности сделанных им заключений.

Обещанный Н.А.Зиновьевым отчет о произведенной им ревизии никогда губернской управе сообщен не был. Через год стало известно, что отчет напечатан в 3-х или 4-х томах, но он составил канцелярскую тайну и мне случайно пришлось в короткое время ознакомиться только бегло с 1-м томом. По-видимому, отчет имел целью иллюстрировать «несогласную с законом постановку земского дела в московской губернии», но даже поверхностное ознакомление с содержанием первого тома объяснило мне облекающую отчет канцелярскую таинственность. Большая часть сделанных указаний не соответствовала действительности или свидетельствовала о полном незнакомстве и непонимании авторами земского дела.

Рапорт Н.А.Зиновьева был опубликован, когда я уже не находился в составе губернской управы. Несоответствие характеристики в рапорте направления деятельности губернского земства с отзывом ревизора, сделанным им по собственному почину при прощании с губернской управой, свидетельствовало о предвзятости приведенных в рапорте заключений. Из бесед членов управы с некоторыми чиновниками, принимавшими участие в ревизии, вскоре выяснилось, что под влиянием требований со стороны министра внутренних дел им пришлось во многом пересоставлять уже законченный отчет по ревизии, чтобы удовлетворить пожеланиям В.К.Плеве. Тем не менее, заключения рапорта в той части, которая касалась отношений между губернским и уездными земствами, вызывали во мне некоторые сомнения. Я знал, что в материалах, относящихся к этому вопросу и находившихся в распоряжении ревизоров, а главное в осно-

ве содействия губернского земства уездным никогда не было и тени мысли о подавлении самостоятельности уездов, но меня тревожило предположение, — не ошибался ли я в отношениях к этому вопросу со стороны уездных управ и не послужили ли основанием для заключений рапорта мнения и отзывы председателей уездных управ, высказанные ими, может быть, в беседах с Н.А.Зиновьевым? Представлялось необходимым в интересах земского дела выяснить это сомнение, особенно принимая во внимание, что я, в котором земская среда видела инициатора политики губернского земства, уже не состоял председателем губернской управы, а для губернской управы в изменившемся ее составе имело важное значение знать определенно признается ли уездами желательным продолжать их взаимодействие с губернским земством на прежних основаниях и, в частности, считают ли председатели уездных управ полезной организацию совещаний председателей управ губернии. Этими мыслями я поделился с моими прежними товарищами по земской работе и избранный вместо меня председателем управы Ф.А.Головин созвал 13 августа 1904 года совещание председателей управ. После изложения мотивов внесения вопроса о дальнейшей участи совещания, Ф.А.Головин огласил часть рапорта Н.А.Зиновьева, относившуюся к вопросу об отношениях между губернским и уездными земствами, и предложил на обсуждение вопрос о законности совещания и его влиянии на самодеятельность уездных земств. Общий голос собравшихся признал организацию совещания вполне законной и сохранение его по существу дела необходимым. Затем единогласно было отмечено, что совещание не чувствует никакого гнета со стороны губернской управы и что в то же время существование совещания не оказывает никакого

давления на самостоятельность уездных земств. Этим постановлением было устранено всякое сомнение в данном вопросе, а взаимодействие губернского и уездных земств на установленных ранее основаниях получило в дальнейшем широкое развитие.

14 февраля 1904 года я был избран губернским собранием на должность председателя губернской управы на пятое трехлетие и губернатором, Г.И.Кристи, было тотчас же сообщено министру внутренних дел о моем избрании. В течение двух месяцев со стороны министра не последовали распоряжения о моем утверждении в должности. В начале апреля я получил письмо от великого князя Александра Михайловича с извещением, что, согласно распоряжению Наследника Престола, я приглашаюсь вступить членом в состоявший под его председательством Особый Комитет по сбору пожертвований на усиление военного флота. 12 апреля я приехал в Санкт-Петербург, чтобы представиться великому князю Михаилу Александровичу, и, находясь в Санкт-Петербурге, счел нужным в тот же день утром явиться на обычный прием у министра внутренних дел, предвидя в то же время, что таким путем я ускорю разрешение вопроса — буду ли я утвержден председателем губернской управы или нет?

Войдя в кабинет министра, я сообщил ему причину моего приезда в Санкт-Петербург. В.К.Плеве обратился ко мне со следующими словами: «Я имел в виду пригласить вас приехать ко мне в пятницу 16-го, но раз вы приехали в Санкт-Петербург, чтобы представиться Государю Наследнику и явились ко мне, то я сообщу вам теперь же то, что хотел сказать 16-го. До сих пор вы не имели еще моего ответа относительно вашего утверждения или неутвержде-

ния. Вы понимаете, что для министра внутренних дел вопрос о неутверждении председателя московской губернской земской управы, а тем более лица, создавшего себе положение самозванного представителя всероссийского земства, является вопросом весьма сложным и требующим большого размышления. В настоящее время я пришел к окончательному решению и на днях московские власти получат мое уведомление о вашем неутверждении. Остановившись на таком решении, я хочу объяснить вам, почему я признаю вашу деятельность вредной, и прошу вас передать точно, кому вы найдете нужным, то, что я вам скажу. Что касается вашей работоспособности, то она всем известна, ваши нравственные качества вне всякого упрека и поэтому не в этом, конечно, причины, по которым я считаю вашу деятельность вредной. Я считаю ее вредной в политическом отношении. Когда говорят о политической точке зрения в такого рода вопросах, то обыкновенно имеют в виду политическую неблагонадежность, тайную революционную деятельность и т.п., но по отношению к вам об этом, конечно, не может быть и речи. Я признаю вашу деятельность вредной в политическом отношении потому, что вы последовательно стремитесь к расширению компетенции и круга ведения общественных учреждений и к созданию организации, объединяющей деятельность земских учреждений различных губерний. Я не могу не согласиться, что мы к этому идем и что разрешение этого вопрос дело недалекого будущего, но вопрос этот может быть разрешен только сверху, а не снизу и только тогда, когда в этом направлении выскажется определенно воля Государя. До тех же пор все, поступающие так, как поступаете вы, насилуют волю Государя и создают противодействие его правительству. Вторая причи-

на, по которой я признаю вашу деятельность вредной, заключается в том положении, которое вы отводите в земском деле пришлым людям, не имеющим никакой связи с местными интересами. При земских управах образуются когорты санкюлотов, которые приобретают доминирующее влияние на ход земских дел, отстраняя от них те элементы, которые призваны к самоуправлению законодателем. Вот почему я должен был притти к решению относительно вашего неутверждения. Я очень об этом скорблю, так как, к сожалению, у нас людей мало и мы должны их беречь; в вашем же лице я не могу не признавать крупной силы, которую рад был бы иметь на своей стороне. Вы не забыли нашу беседу два года тому назад на Аптекарском острову? Тогда я рассчитывал, что мы пойдем вместе, но через месяц вы вступили в такие конъюнктуры (?), после чего мне сделалось очевидным, что наши дороги разошлись». После этих слов министр дал понять, что аудиенция кончена, и я мог только успеть сказать, что не сознаю за собой никакой вины и во всех своих действиях руководился своими убеждениями, долгом совести и присяги. В.К.Плеве, провожая меня к выходу из кабинета, на это мне сказал: «Вы всегда поступали и говорили прямо и открыто, и я знаю, что вы действовали всегда согласно своим убеждениям, но убеждения и взгляды наши расходятся и, очевидно, мы вместе идти не можем. Последняя моя просьба — повремените несколько дней сообщать о нашем разговоре»[19]. Когда я уже отворял

19 Вероятно, В.К. Плеве о своём решении не докладывал ещё Государю и имел в виду это сделать во время ближайшего очередного доклада 15 апреля.

дверь, министр обратился ко мне вновь и сказал: «Я предвижу возможность различных осложнений в московском земстве по случаю вашего неутверждения. Предупреждаю вас, что я приготовился ко всем возможным случайностям и принял все необходимые меры». На это я ответил, что это меня касаться не может, так как я тотчас, по получении в Москве официального уведомления о моем неутверждении, удалюсь в деревню.

Вернувшись в Москву, я передал моим товарищам все высказанное мне министром и просил их не распространять мое сообщение, особенно среди земских служащих. Затем я посетил губернатора, рассказал ему о моей беседе с В.К.Плеве и просил его, по получении от министра извещения о моем неутверждении, предупредить меня заблаговременно частным путем, после чего я уеду к себе в имение и таким образом, официальное уведомление получится в управе, когда меня в Москве уже не будет. Этим я хотел избежать возможность какой-либо манифестации со стороны моих сотрудников в земской работе и облегчить себе тягостное чувство расставания с дорогим мне земским делом. 21 апреля Г.И.Кристи предупредил меня частным письмом о получении им уведомления о моем неутверждении, о чем губернатором должно было быть сообщено официально губернской управе на следующий день, и 22 утром я выехал из Москвы в свое имение волоколамского уезда.

Глава VIII

Убийство В.К.Плеве и назначение на пост министра внутренних дел кн. П.Д.Святополк-Мирского. Деятельность организационного бюро по подготовке земского съезда в 1904 году. Переговоры по этому поводу с кн. П.Д.Святополк-Мирским. Частное совещание земских деятелей 6—9 ноября 1904 года. Разногласие между большинством и меньшинством земского совещания. Сообщение заключений земского совещания министру внутренних дел. Банкеты, устроенные «Союзом освобождения» после земского совещания. Высочайший указ и правительственное сообщение 12 декабря 1904 г. Сообщение кн. П.Д.Святополк-Мирского об обстоятельствах, сопровождавших составление и опубликование этих актов.

Устранение меня от активной земской деятельности явилось для меня тяжелым ударом, горечь которого была в значительной мере смягчена многочисленными выражениями мне сочувствия, как со стороны общественных учреждений, так и со стороны общественных деятелей и особенно близких и дорогих мне земских моих сослуживцев и сотрудников. Но, кроме значения этого события в моей личной жизни, отказ министра в утверждении меня в должности председателя губернской управы вызывал во мне удручающие впечатления по своему общественному значению. Мне представлялось несомненным, что В.К.Плеве не мог не видеть во мне человека, преданного идее самодержавия, правильно понимаемой, и стремящегося к созданию необходимого тесного взаимодействия самодержавной власти с населением страны, а в то же время сам В.К.Плеве не при-

знавал существовавший государственный строй жизненным. 2 июля 1902 года во время нашей беседы он говорил, что «наш государственный строй лет через 30, 40, 50 должен будет уступить место другому», а при последнем нашем свидании он, признавая мою деятельность вредной в политическом отношении и, будто бы, стремящейся к изменению государственного строя, сказал: «Я не могу не согласиться, что мы к этому идем и что разрешение этого вопроса — дело не далекого будущего, но вопрос этот может быть разрешен только сверху, а не снизу». Если бы В.К.Плеве был искренним сторонником высказанных им мыслей, то он, как министр внутренних дел, должен был бы считать своим долгом не возбуждать в Государе недовольства деятельностью земских представителей, придавая ей неверное освещение, а, напротив, вызывать в Государе сознание правомерности пожеланий земств и необходимости пойти им навстречу. Но весь образ действий В.К.Плеве с убедительностью свидетельствовал, что его слова о благожелательном отношении власти к общественным учреждениям имели исключительною целью ввести земскую среду в заблуждение относительно истинного характера политики министра, стремившегося в действительности к подавлению роста общественного сознания и к управлению страной посредством неограниченного произвола бюрократической власти. Устранение меня от активной земской деятельности явилось еще новым и наглядным подтверждением такого характера политики министра внутренних дел и могло только еще более усилить оппозиционное настроение земской среды. Московское губернское земское собрание в первом заседании, после отказа в моем утверждении, сделало постановление, которым выразило моральную солидар-

ность с моей общественной деятельностью, а затем избрало председателем губернской управы Ф.А.Головина, убежденного конституционалиста и принципиального противника существовавшего государственного строя. Многие земские деятели заявляли мне, что они согласны были с моей политической программой действий и не теряли надежды, что правительство в конце концов сознает необходимость удовлетворить самые умеренные и лояльные пожелания общества, но после неутверждения меня министром они потеряли всякую надежду на возможность мирного разрешения вопроса и были приведены к убеждению в неизбежности перейти на путь политической борьбы с существующим государственным строем. Такого рода факты, находившиеся в связи с моим устранением от земской деятельности, вызывали во мне тревожные мысли и опасения еще большего усиления и углубления разлада между государственной властью и обществом. Политика министра внутренних дел возбуждала раздражение в широких кругах населения, а чувство недовольства существующими порядками невольно переносилось на основу нашего государственного строя. Однако, В.К.Плеве не суждено было долгое время оставаться руководителем внутренней политики; 15 июля 1904 года В.К.Плеве пал жертвой террористического акта, совершенного Сазоновым.

Лето 1904 года я провел в деревне и весть об убийстве В.К.Плеве была мне сообщена в тот же день, 15 июля, санитарным врачом губернского земства по получении в г. Волоколамске телеграммы об этом событии. Это известие произвело на меня угнетающее впечатление. Относясь, по своим убеждениям, безусловно отрицательно во всякого рода насилию, а тем более к посягательству на жизнь чело-

века, я всегда особенно возмущался террористическими актами с политическими целями. Моему мышлению и моему чувству всегда было и остается непонятным, как можно при стремлении к переустройству уклада жизни людей на началах добра и высшей правды идти путем преступного всегда, да и во всяком случае убийства. Преследуемая цель, как бы ни была она по существу своему идеальна, не может никогда оправдывать преступность средств для ее достижения. Политический убийца и насильник, по глубокому моему убеждению, руководится, может быть, и сам, не давая себе ясного отчета, не столько порывом к добру и правде, сколько чувством злобы и ненависти к существующей неправде социального и политического строя. Но переустройство жизни человечества и создание всечеловеческого единения возможны лишь на основе чувства христианской любви, а с этим чувством и с этой целью вступает в непримиримое противоречие всякое насилие, а тем более посягательство на жизнь человека, в котором всякий религиозно мыслящий человек обязан видеть своего ближнего. Весть об убийстве В.К.Плеве возмутила меня прежде всего по соображениям принципиального характера, вытекающим из моего жизнепонимания, но в то же время, она вызвала во мне тяжелое впечатление той формой, в которой она была мне сообщена. Письмо врача, сообщившего мне эту весть, дышало, как бы, радостью и он, по-видимому, спешил приветствовать меня, предполагая, очевидно, что и я разделяю его отношение к событию. Такое предположение было мне больно и обидно тем более, что я знал автора письма, как человека очень умного, всегда с уважением относился к его общественной деятельности и знал о таком же его отношении ко мне. Это письмо подтвердило мне с убедительно-

стью, как трудно людям, руководствующимся различными основными миросозерцаниями, понимать друг друга.

Со смертью В.К.Плеве возник вопрос — кто явится его преемником на посту министра внутренних дел? Этот вопрос, естественно, в высшей степени интересовал все русское общество, так как выбор лица Государем должен был предуказать то направление, в котором можно было ожидать проявление внутренней политики государственной власти в ближайшем времени. Во второй половине августа министром внутренних дел был назначен кн. П.Д.Святополк-Мирский. Новый министр был лицом, мало известным в широких кругах общества, и его назначение не давало определенного ответа на озабочивавший всю страну вопрос. Я лично имел случай неоднократно встречаться с кн. П.Д. в течение ряда лет, беседовать с ним по разным вопросам нашей общественной жизни, и составил себе о нем определенное представление. Кн. П.Д.Святополк-Мирский получил преимущественно военное образование, сначала в пажеском корпусе и затем в николаевской академии генерального штаба. Он был человек умный, но мало подготовленный для предстоявшей ему государственной деятельности. Его политический кругозор не был, может быть, достаточно широк и он не обладал всеми знаниями, необходимыми для лица, призванного к руководству внутренней жизнью страны, но эти недостатки в значительной мере возмещались достоинствами его духовной природы. Кн. П.Д. был человек всегда прямой и безусловно честный деятель; он обладал добрым сердцем и чуткой душой и всегда подходил к людям с доверием и любовью. Он хорошо понимал установившуюся в нашем государственном строе ненормальность в отношениях власти к населению и сознавал необхо-

димость моральной между ними солидарности. Можно было быть уверенным, что кн. П.Д.Святополк-Мирский всегда открыто и прямо изложит свое мнение пред Государем. Но в то же время он не был человеком достаточно сильным, чтобы импонировать своему собеседнику, и не обладал способностью аргументировать свое мнение убедительными доводами и соображениями. С назначением князя П.Д. Святополк-Мирского на пост министра внутренних дел можно было не сомневаться, что он откажется от политики недоверия к общественным силам, которую проводили последовательно его предшественники, и, действительно, 16 сентября новый министр поспешил высказать свою программу в этом вопросе в речи к представлявшимся ему членам министерства.

«Приступая сегодня к выполнению, возложенных на меня Монаршим доверием обязанностей», — говорил министр, — «я считаю долгом заявить, что в основу направления вверенного мне министерства мною будут положены начала, провозглашенные с высоты престола всемилостивейшим манифестом 26 февраля 1903 года. Приглашаю вас, господа, к деятельному, самоотверженному сотрудничеству именно в этом направлении. Административный опыт привел меня к глубокому убеждению, что плодотворность правительственного труда основана на искренно благожелательном и истинно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы можно получить взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного успеха в деле устроения государства. Призывая вас, господа, к неустанной работе, я верю в силы и опытность вашу, которые мне помогут достигнуть цели в предстоящем труде». Эта речь

пронеслась как оживляющая струя по всей стране и так как время ее произнесения совпало с обычным временем очередных сессий уездных земских собраний, то последние поспешили отозваться на программу, провозглашенную министром, посылкой ему приветственных телеграмм. Речь министра внутренних дел не могла не оказать влияния и на оживление деятельности организационного бюро земских съездов.

Со смертью В.К.Плеве и с назначением на его место кн. П.Д.Святополк-Мирского можно было ожидать, что организация съездов земских деятелей не встретит со стороны правительства прежнего непримиримого к ним отношения, и под влиянием этих соображений 8 сентября было созвано председателем московской губернской управы, Ф.А.Головиным, избранное земским совещанием в мае 1902 г. организационное бюро земских съездов для обсуждения вновь создавшегося положения. Бюро пришло к единодушному заключению о необходимости созыва съезда представителей губернских управ и земских деятелей и наметило следующую программу вопросов для обсуждения на предстоящем съезде: 1) о ревизиях земских учреждений, произведенных за последнее время министерством внутренних дел, 2) об утверждении земских должностных лиц, как выбранных, так и приглашаемых управами, 3) об устранении земских учреждений от участия в пересмотре крестьянского законодательства и 4) о нуждах, вызываемых войной. Съезд было постановлено созвать в Москве на 6 и 7 ноября.

После опубликования приведенной выше речи кн. П.Д.Святополк-Мирского, произнесенной им 16 сентября, организационное бюро признало необходимым пересмотреть намеченную 8 сентября программу вопросов, предпо-

ложенных к обсуждению на земском съезде. Многими членами бюро было высказано, что доверие к обществу провозглашено пока только лицом, поставленным во главе министерства вн. дел, но необходимо, чтобы это чувство доверия отдельного члена правительства было усвоено всей государственной властью и облеклось в правовую норму, обставленную гарантиями, исключающими возможность изменения отношений правительства к обществу в зависимости от такой случайности, как перемена лиц во главе государственного управления. Насущнейшею потребностью переживаемого времени, указывалось далее, является правильная постановка законодательной деятельности и предоставление участия в ней народному представительству. Соглашаясь по существу с правильностью приведенных соображений, я, тем не менее, полагал более осторожным и целесообразным не спешить с возбуждением такого рода вопросов. Я не сомневался в искренности отношений кн. П.Д.Святополк-Мирского к обществу и в сознании им необходимости предоставления представителям населения участия в законодательстве, но я опасался, что слишком резкая постановка общественными деятелями этого вопроса может поколебать положение нового министра. Я указывал, что кн. П.Д.Святополк-Мирский — государственный деятель, еще недостаточно опытный, и человек, недостаточно сильный, чтобы быстро провести необходимую реформу и, главное, преодолеть серьезные препятствия, которые он, несомненно встретит со стороны реакционных и могущественных кругов. Я считал желательным при содействии кн. П.Д.Святополк-Мирского прежде всего рассеять и устранить то недоверие к общественным силам, которое такое продолжительное время являлось основой политики государственной

власти, а затем, когда положение нового министра упрочится, тогда по соглашению с ним поставить на очередь вопрос об организации взаимодействия государственной власти с народным представительством. Но мнение мое не встретило поддержки в среде членов бюро и большинством голосов всех присутствовавших против одного моего голоса было постановлено внести на обсуждение съезда вопрос об общих условиях нашей государственной жизни и желательных в ней изменениях. Затем, в виду выяснившихся новых условий, бюро нашло несвоевременным предлагать на обсуждение съезда первые три пункта программы, намеченной 8 сентября, и признало желательным заменить их следующими вопросами: 1) недостатки положения о земских учреждениях, 2) условия сельского быта, препятствующие деятельности земских учреждений, 3) участие земства в деле народного образования и 4) пособия семьям чинов запаса.

Высказываясь против включения в программу вопроса о желательных изменениях в нашей государственной жизни, я, кроме изложенных мной выше соображений, возражал еще и потому, что предчувствовал неизбежность серьезного, принципиального разногласия между мной и подавляющим большинством членов бюро по вопросу о целях и основах признаваемого всеми нами необходимого участия народных представителей в законодательной деятельности. Предчувствия мои не замедлили найти себе полное подтверждение. Все члены бюро, кроме меня, были убежденными конституционалистами, входили большею частью в «Союз Освобождения», и настаивали на определенном указании о необходимости предоставления народному представительству участия в осуществлении законодательной власти. По моим убеждениям, вытекавшим из моего жизнепонимания, я не

мог согласиться с такой постановкой вопроса и, чувствуя себя изолированным от общего настроения всех членов бюро, я не считал возможным оставаться его председателем. Вместе с тем я выразил намерение воздержаться от участия на предстоящем съезде, чтобы, не имея возможности повлиять на разрешение вопроса в приемлемом для меня смысле, не вносить диссонанс в земскую среду. Все члены бюро обратились ко мне с просьбами и убеждениями не оставлять общего дела, выражали мне свое сочувствие и готовность содействовать установлению соглашения между нами. Принимая во внимание добрые и доверчивые ко мне отношения всего состава бюро и сознавая, что мое дальнейшее участие в занятиях бюро, а также и на предстоящем съезде, может иметь, согласно сделанным мне членами бюро указаниям, известное влияние, умиротворяющее общее настроение, я согласился не уклоняться от участия в работах бюро и съезда, но решительно отказался от дальнейшего руководства занятиями бюро по вопросу, вызвавшему между нами коренное разногласие. Последующее обсуждение этого вопроса происходило под председательством В.Е.Якушкина. Были отмечены причины, обусловливавшие разлад между правительством и обществом, и намечены более насущные реформы и условия, необходимые для установления действительного взаимодействия государственной власти с населением страны. При этом было установлено, что в положениях, которые будут представлены на обсуждение совещания, должно быть указано только на необходимость участия народного представительства в законодательной деятельности государства. Составление тезисов по вопросу об общих условиях нашей государственной жизни бюро

поручило комиссии в составе: В.Е.Якушкина, Ф.Ф.Кокошкина и меня.

В первой половине октября председателю московской губернской земской управы пришлось быть по земским делам в Санкт-Петербурге. 10 октября мною получена была телеграмма Ф.А.Головина, которой он сообщал мне просьбу С.Н.Гербеля, начальника главного управления по делам местного хозяйства, приехать в Санкт-Петербург для переговоров по весьма важному вопросу. Не состоя больше представителем московского земства, я не считал удобным вступать в переговоры с министерством, не имея на то уполномочий со стороны земской среды, и в таком смысле телеграфировал Ф.А.Головину. 13 октября Ф.А.Головин возвратился в Москву и тотчас по телефону сообщил мне, что одновременно с ним прибыл С.Н.Гербель, имеющий намерение посетить меня; при этом Ф.А.Головин предупредил меня, по какому вопросу С.Н.Гербель желает со мной переговорить. Приехавший ко мне в скором времени С.Н.Гербель, сообщил следующее. Предположение организационного бюро о созыве 6 ноября земского совещания получило большое распространение и стало известно министерству внутренних дел. С.Н.Гербель, сочувственно относясь к мысли об организации земского единения и имея в виду доверчивое отношение к общественным учреждениям, выраженное кн. П.Д.Святополк-Мирским, предложил ему испросить высочайшее соизволение на разрешение съездов председателей губернских земских управ. С.Н.Гербель показал мне докладную записку, представленную министром внутренних дел Государю, с Его отметкой о согласии на представление министра. В этой записке говорилось о существовании съездов губернских предводителей дворян-

ства и указывалось, что попытка председателей губернских земских управ к организации подобных совещаний в своей среде вызывала к себе отрицательное отношение правительства. Министр не видел основания для такого отношения к земским совещаниям, на которых обсуждаются исключительно практические вопросы земской жизни, и предлагал предоставить председателям управ то право, которым уже пользуются предводители дворянства, с тем, чтобы такие совещания происходили в Санкт-Петербурге. Содержание этой докладной записки вызвало во мне большое недоумение, так как в ней земским совещаниям придавался характер, далеко несоответствовавший действительности. Я сказал С.Н.Гербелю, что ему, как недавнему председателю губернской управы[20], должно быть известно, что в земских совещаниях принимают участие не только председатели управ, но и многие земские гласные, и что обсуждению совещаний подвергаются не только практические вопросы жизни, но и многие другие. На предстоящем совещании имеется в виду сосредоточить главное внимание на вопросе об изменении общих условий нашей государственной жизни. Это, очевидно, осталось неизвестным кн. П.Д.Святополк-Мирскому и такое недоразумение необходимо ему выяснить. С.Н.Гербель говорил, что Ф.А. Головин делал ему те же указания, после чего он перед отъездом в Москву доложил министру о составе совещания земских деятелей в 1902 году и князь П.Д.Святополк-Мирский признал воз-

20 С.Н. Гербель в 1902 году был председателем херсонской губернской управы и, хотя он не принимал участия в майском совещании этого года, но ему были сообщены журнал совещания и список его участников.

можным участие в предстоящем совещании тех гласных, которые уже были участниками совещания 1902 года. Тут же С.Н.Гербель сообщил мне, что кн. П.Д.Святополк-Мирский очень хотел бы переговорить со мной лично и просит меня приехать в Санкт-Петербург. Я, с своей стороны, не мог не признать, в виду возникшего недоразумения, такие личные переговоры совершенно необходимыми и сказал С.Н.Гербелю, что со сделанным им мне сообщением поспешу ознакомить организационное бюро, а затем приеду в Санкт-Петербург. С.Н.Гербель предупредил меня о нездоровье кн. П.Д.Святополк-Мирского и обещал, по возвращении в Санкт-Петербург, сообщить мне, когда князь по состоянию своего здоровья будет иметь возможность меня принять.

16 октября я ознакомил организационное бюро со сведениями, сообщенными мне С.Н.Гербелем. Бюро просило меня съездить в Санкт-Петербург и уполномочило на переговоры с министром внутренних дел. В том же заседании бюро рассмотрело проект тезисов по вопросу об условиях нашей государственной жизни, представленный комиссией. При составлении этого проекта комиссия, выполняя указания организационного бюро, имела в то же время в виду положения, установленные земским совещанием в мае 1902 г., а я, кроме того, принимал во внимание и тезисы, намеченные мной в 1901 г. для предполагавшейся в то время записки. Текст первых девяти тезисов был утвержден организационным бюро в редакции, помещенной ниже. Затем в том же заседании был составлен список лиц, которым председателем московской губернской земской управы были разосланы приглашения прибыть в Санкт-Петербург 6 ноября для участия в земском совещании. В этот список

было внесено 95 лиц[21]. При составлении этого списка бюро руководилось постановлениями земского совещания 1902 года, признавшим, что в состав земских съездов должны входить председатели всех губернских управ, или, при невозможности для них принять личное участие, по их уполномочию члены управ, или губернские гласные; если бы кто пожелал ввести на съезд еще других лиц, кроме участников майского совещания 1902 г., то о том должно было быть заявлено бюро, которому предоставлялось обсудить и решить, насколько возможно удовлетворение каждого заявления.

17 октября я получил письмо от С.Н.Гербеля, в котором он, между прочим, писал: «Ваш приезд в Санкт-Петербург по случаю нездоровья министра затянется; он никого не принимает; как только начнутся приемы, я вам сейчас сообщу». Так как до 6 ноября оставалось очень мало времени, то я 18 октября написал кн. П.Д.Святополк-Мирскому и, ссылаясь на приглашение, переданное мне С.Н.Гербелем, просил князя уведомить меня о дне, в который он мог бы меня принять. 22-го я получил ответное письмо с просьбой прибыть в Санкт-Петербург 25-го и посетить князя в этот же день в 5 час. дня. В назначенное время я приехал к кн. П.Д.Святополк-Мирскому и был им немедленно принят.

Приступая к беседе, кн. П.Д.Святополк-Мирский сказал, что он хотел переговорить со мной по поводу предстоящего совещания председателей губернских управ, о котором теперь так много говорят и раздувают его значение; ему

21 7 ноября совещанием были приглашены дополнительно принять участие в его занятиях ещё 12 лиц.

придают характер чуть не учредительного собрания. Я с своей стороны выразил удовольствие, что имею возможность изложить князю мои соображения по этому поводу, так как мне думается, что он не вполне точно осведомлен о характере наших совещаний, как прежних, так и предстоящего. Я рассказал, как возникли эти совещания в 1894 г., во время съезда сельских хозяев в Москве, о съездах председателей губернских управ в 1896 г. в Москве и в Нижнем Новгороде, об отношении к ним И.Л.Горемыкина, изъявившего сначала, в мае 1896 г., свое согласие на организацию таких совещаний, а затем, в ноябре того же года, сделавшего распоряжение об их закрытии, о том влиянии, которое имели это распоряжение и последующая политика министерства на постепенное изменение состава и задач наших совещаний. Более подробно я ознакомил князя с совещаниями 1902 и 1903 гг. и с учреждением в 1902 году организационного бюро. Далее я говорил о заседаниях бюро, происходивших в сентябре сего года, на которых был решен вопрос о созыве совещания на 6 ноября в Москве. Отметил, что при этом были высказаны два мнения: одно незначительного меньшинства, полагавшее нежелательным спешить созывом совещания, в виду сделанного кн. П.Д.Святополк-Мирским заявления о готовности вступить на путь доброжелательного соглашения с обществом, и потому считавшее нужным предварительно переговорить с министром, чтобы не создавать созывом съезда препятствий к осуществлению его намерений, а другое мнение подавляющего большинства, признавшее невозможным отсрочивать созыв совещания, вызываемого неотложными потребностями времени, и ставить вопрос в зависимость от случайного присутствия на министерском посту лица, хотя и расположенного идти

навстречу обществу, но которое легко может быть в короткое время заменено другим лицом, готовым вернуться к прежней политике. Познакомив князя с намеченной бюро 8 сентября первоначальной программой вопросов для обсуждения их в земском совещании, я сказал, что когда бюро стало известно о высочайшем соизволении на созыв совещаний председателей губернских управ в Санкт-Петербурге и что князь П.Д. изъявил согласие на участие в совещании 6 ноября, кроме председателей, также и лиц, принимавших участие в прежних совещаниях, то, с одной стороны, нам, земским людям, было приятно видеть такое доверчивое к нам отношение и признание открыто законного права наших совещаний, но, с другой — мы не могли не сознавать, что это неожиданное обстоятельство очень расширяло значение наших совещаний и возлагало на нас большую ответственность. В виду изменившихся условий, организационное бюро признало необходимым отказаться от постановки на совещании почти всех вопросов, намеченных ранее, и считало обязательным прежде всего высказаться откровенно по вопросу, как выйти из тяжелого положения, переживаемого страной за последнее время, и как создать взаимодействие правительства и общества на началах взаимного доверия.

Выслушав меня, кн. П.Д. сказал: «Я имел в виду совсем иной характер ваших совещаний при докладе моем Государю. С.Н.Гербель говорил мне, что на этих совещаниях, кроме председателей управ, бывают также некоторые гласные, что вопросы обсуждаются только в пределах компетенции земских учреждений, как, например, вопросы: продовольственный, врачебный и т.п. Я доложил Государю, что на этих совещаниях не будет речи об общих политических вопросах, ни о конституции, ни об изменении нашего госу-

дарственного строя; я сказал, что эти совещания имеют такой же характер, как и совещания губернских предводителей дворянства, и что протоколы, как тех, так и других совещаний, будут сообщаться министерству, которое может пользоваться ими, как материалами при обсуждении разных вопросов». После этих слов я ознакомил министра со списком приглашенных на совещание лиц, причем он обратил особое внимание на то, что большинство участников не принадлежит к числу председателей губернских управ и что губернии по числу лиц представлены очень неравномерно. Далее я доложил князю, что в заседании бюро 16 октября обсуждались и были установлены основные положения, которые будут внесены на обсуждение совещания по вопросу об общих условиях нашей государственной жизни и о желательных в них изменениях. Князь П.Д. прочел громко представленный ему мной текст тезисов, выработанных организационным бюро, и затем между нами произошла следующая беседа.

Кн. Святополк-Мирский. Я вполне согласен со всеми положениями и готов сейчас под ними обеими руками подписаться, но постановка этой программы на обсуждение совещания равносильна моей отставке. Если совещание приступит к своим занятиям по этой программе, то, не сомневаюсь, что я буду уволен на следующий же день. Если в виду выяснившегося в настоящее время полного разногласия действительности с тем, что я докладывал Государю, я сам до совещания подам в отставку, то это произведет скандал. Лично я не дорожу занимаемым мною постом, но мой уход теперь может иметь нежелательные последствия. Моя политика встречает много врагов, которые не упустят воспользоваться моим уходом. Я очень смущен положением

вопроса и не вижу возможности провести совещание в намеченном вами направлении. Нельзя ли хотя отсрочить созыв совещания, чтобы иметь время обдумать, как быть?

Шипов. Изменить намеченную программу и отменить или отсрочить совещание на неопределенное время опасно и невозможно. Повсюду ожидают с напряженным вниманием и нетерпением результата этого совещания и в ожидании его временно замолкли все многочисленные недовольные и беспокойные кружки и организации. Говорить теперь о продовольственном, врачебном и т.п. вопросах нельзя. Мы переживаем такое время, когда земским людям молчать просто преступно и необходимо высказаться откровенно; только этим путем можно умиротворить настроение и прийти к соглашению. Назад идти теперь невозможно. Шаг, князь, вами сделан и надо идти дальше. Да и какой может быть выставлен повод, который мог бы удовлетворительно объяснить отсрочку совещания.

Кн. Святополк-Мирский. По характеру вопросов, которые имеется в виду предложить на обсуждение совещания, были бы правильнее привлечь в состав его выборных представителей земств. Если совещание 6 ноября состоится в намеченном составе и оно сделает свои постановления, то хотя эти постановления будут иметь значение пожеланий круга лиц, собравшихся для обмена мнений в частном совещании, но, тем не менее, эти постановления будут рассматриваться и как требование, предъявляемое правительству, и в таком случае можно сомневаться в благоприятном результате. Другое дело, если сделать так, чтобы эти вопросы были предложены сверху; может быть, Государь и согласится на созыв с этой целью представителей, выбран-

ных земскими собраниями, и поэтому лучше было бы отложить совещание.

Шипов. Конечно, выборное представительство явилось бы в данном случае более правильным и желательным. Если можно было бы с уверенностью рассчитывать на призыв выборных представителей, то, я думаю, это могло бы послужить поводом для отсрочки совещания, но это может быть сделано не иначе, как по постановлению бюро. Могу ли я сообщить бюро, что вы испросите согласие Государя на созыв выборных земскими собраниями лиц? При этом необходимо точно определить теперь же срок, на который будет перенесено совещание.

Кн. Святополк-Мирский. Я не могу вас на это уполномочить; я не могу ручаться за согласие Государя и не могу быть в его согласии уверен.

Шипов. В таком случае я не вижу выхода.

Кн. Святополк-Мирский. Однако, это необходимо; подумайте, как найти выход из этого положения?

Шипов. Позволите мне говорить совершенно откровенно?

Кн. Святополк-Мирский. Убедительно вас прошу.

Шипов. Князь, как министр, вы согласны с прочитанными положениями?

Кн. Святополк-Мирский. Да, совершенно согласен.

Шипов. Значит, вы, как честный человек, опасаетесь только, что Государь может заподозрить и обвинить вас в умышленной неправде?

Кн. Святополк-Мирский. Да; Государь может подумать и сказать, что я ему солгал и умышленно ввел его в обман.

Шипов. В таком случае исправьте вашу невольную ошибку, в которую вы сами были введены; покажите Государю тезисы, которые организационное бюро намерено представить на обсуждение земского совещания, и испросите его согласия на обсуждение этой программы совещанием.

Кн. Святополк-Мирский. Хорошо, я согласен; это, действительно, может быть выходом из настоящего положения. Я объясню Государю, что если согласия на такое совещание в Санкт-Петербурге не последует, то ведь вы все равно соберетесь в другом месте частным образом, сделаете свои постановления и их огласите.

Шипов. Конечно.

Кн. Святополк-Мирский. Может быть, Государь согласится и на созыв для такого совещания выбранных земскими собраниями лиц. Но в виду военных событий и возможного падения Порт-Артура, обстоятельство, которое, очень вероятно, может вызвать взрыв внутри страны, не лучше ли отложить совещание до конца войны?

Шипов. Напротив, раз вы сами опасаетесь возможности взрыва внутри страны, то надо спешить провести совещание, так как только этим путем можно, хотя отчасти, внести умиротворение и ослабить возможные осложнения, вследствие наших неудач на Дальнем Востоке. Теперь все ожидают 6 ноября и все волнующиеся течения временно притихли; но если нашего совещания не будет и если земские люди будут лишены возможности сказать свое откровенное слово, то общее недовольство может проявиться очень резко и, несомненно, произойдут значительные беспорядки.

Кн. Святополк-Мирский. Да, это очень вероятно. Однако, отсрочить совещание во всяком случае необходимо.

Государь завтра уезжает прощаться с войсками и вернется только 1 ноября. Я не буду иметь возможности переговорить с ним до его отъезда, да и в интересах дела лучше не ставить вопрос на разрешение Государя так поспешно и следовало бы его к нему подготовить. Так как некоторые губернские собрания начинаются в конце ноября и в это же время остальные управы будут заняты подготовительными работами к собраниям, которые будут происходить в декабре и даже январе, то следовало бы перенести совещание на конец января или начало февраля.

Шипов. Могу ли я сообщить бюро, что вы доложите Государю программу, установленную бюро, будете просить согласие Государя на обсуждение этой программы совещанием и предложите для этой цели созвать в совещание лиц, избранных земскими собраниями?

Кн. Святополк-Мирский. Да. Я понимаю, что вам это нужно.

Шипов. Я сообщу об этом бюро, но не знаю, конечно, согласится ли оно. О заключении бюро я немедленно поставлю вас в известность. Вы сказали, князь, что согласны с представленными мною вам положениями, но мне хотелось бы знать, не имеете ли вы каких-нибудь замечаний по отдельным пунктам?

Кн. Святополк-Мирский. Первые три пункта заключают в себе только критику существовавшего; не излишни ли они?

Шипов. Это — диагноз болезненного процесса в нашей государственной жизни и прежде, чем наметить и установить лечение, необходимо отдать себе ясный отчет о *причинах, обусловливающих болезнь.*

Кн. Святополк-Мирский. С вашими положениями я вообще согласен и сейчас возражений не имею. Сам я намечал себе четыре, по моему мнению, главных вопроса, обсудить порядок постановки и разработки которых я думал или в особом комитете под председательством Государя, или в комитете министров. Вот эти вопросы: 1) крестьянский, 2) свобода печати, 3) реформа земского положения, в целях передачи разрешения многих вопросов из центра в губернии, при участии на местах выборных земских представителей, и 4) участие народного представительства в той или иной форме в законодательной деятельности. Но, конечно, в разрешении каждого вопроса нужна постепенность.

Шипов. Противоречий между намечаемыми вами вопросами и положениями бюро, по-видимому, нет, но наша программа шире. В числе вопросов, вами намеченных, нет одного, на мой взгляд, очень важного, если не главного: что нужно сделать для создания солидарности в среде общества и для устранения наблюдаемого в настоящее время антагонизма между различными его группами? Необходимо, думается мне, совершенно отрешиться от сословной группировки в государственных целях и стараться сплотить все наличные силы общества. Постепенность проведения реформ и для земских деятелей является условием несомненным, но важно определенно и ясно установить программу необходимых реформ и общими силами правительства и общества идти к последовательному их осуществлению.

В заключение наших переговоров мы условились, что я вернусь в Санкт-Петербург 30 или 31 октября и доложу министру о результате обсуждения сделанных им указаний в организационном бюро, а князь П.Д.Святополк-Мирский выразил намерение познакомить меня с отношением к его

докладу Государя Императора и после того еще раз обсудить между нами вопрос о времени и месте предстоящего земского совещания.

По возвращении моем в Москву были приглашены приехать все иногородние члены организационного бюро, заседания которого состоялись 28 и 29 октября. Я ознакомил собравшихся с результатами моих переговоров с министром внутренних дел и подробно сообщил о происшедшей между нами беседе. Создавшееся положение давало вопросу о предстоявшем земском съезде очень сложную постановку, вследствие чего обсуждение его потребовало много времени и вызвало продолжительный обмен мнений. Все члены бюро хорошо сознавали серьезное, выдающееся значение предстоявшей их разрешению ответственной задачи. Было ясно, что кн. П.Д.Святополк-Мирский был введен докладом С.Н.Гербеля в заблуждение о действительном характере земских съездов и что предстоявший съезд по составу своему и по преследуемым им задачам совершенно не соответствовал тем частным совещаниям председателей губернских земских управ, на созыв которых министр внутренних дел испросил высочайшее соизволение. Между тем, председатель московской губернской управы, Ф.А.Головин, извещая 13 октября всех приглашаемых на съезд лиц о постановлении бюро созвать земское совещание на 6 и 7 ноября, одновременно уведомил их о полученном от начальника главного управления по делам местного хозяйства сообщении относительно последовавшего разрешения земских совещаний и просил прибыть 6 ноября в Санкт-Петербург к 1 часу дня в помещение губернской земской управы. Таким образом все приглашенные лица имели основание предполо-

жить, что предстоявшее земское совещание состоится с официального разрешения власти.

Отменить назначенный уже съезд было во всяком случае очень трудно за краткостью оставшегося срока. Но, независимо от этой причины, бюро не признало правильным такое решение вопроса и по его существу, и по соображению всех обстоятельств дела. Доклад министром вн. дел вопроса о земском совещании мог быть сделан Государю не ранее 1 ноября и до той поры должно было оставаться неизвестным, какое разрешение получит намерение кн. П.Д.Святополк-Мирского. При этом нельзя было не принять во внимание, что положение министра вн. дел представлялось весьма затруднительным. Ему приходилось говорить о допущенной им ошибке при испрошении 5 октября высочайшего соизволения на разрешение земских совещаний и вслед затем докладывать программу вопросов, предлагаемых на обсуждение земского съезда, в числе которых был вопрос об изменении условий нашей государственной жизни, причем министру представлялось неизбежным высказать пред Государем свое определенное отношение к этому вопросу, к чему кн. П.Д.Святополк-Мирский едва ли был достаточно подготовлен. Пред организационным бюро невольно возникало сомнение, найдет ли в себе кн. П.Д.Святополк-Мирский необходимые для такого шага мужество и решимость. Затем трудно было предвидеть решение, на котором остановится Государь, даже в том случае, если министр при своем докладе даст определенную и благоприятную для земского съезда постановку вопроса. Кроме того, отмену уже созванного земского съезда и отсрочку его на неопределенное время организационное бюро признавало невозможными в виду явно обозначавшегося

повышенного общественного настроения, связанного с ожиданием съезда, и сознания широкими кругами общества неотложной необходимости изменения отношений правительства к населению и создания их организованного взаимодействия.

Все члены бюро, относясь отрицательно к мысли об отсрочке земского съезда, отмечали в своих речах, что предстоящее совещание, поставленное было сперва, неожиданно для бюро и помимо его инициативы, в связь с испрошенным министром разрешением Государя на созыв совещаний председателей губернских земских управ, а затем, благодаря переговорам с кн. П.Д.Святополк-Мирским, приобретало особенно важное политическое значение. Имея в виду это условие, все были склонны согласиться со справедливостью указаний кн. П.Д.Святополк-Мирского, что для разрешения вопроса о тех или иных изменениях в нашей государственной жизни должны были бы быть привлечены избранные населением представители, облеченные надлежащими полномочиями. Однако, в то же время все признавали, что наши земские совещания, хотя имеют характер частных собраний, тем не менее, пользуются, несомненно, общественным доверием земской и городской среды и являются в значительной мере выразителями общественного мнения страны. При этом подчеркивалось, что предстоявшее совещание не ставит себе задачей разрешение столь сложного вопроса об основах и формах взаимодействия правительства и народного представительства, а лишь имеет целью указать на неотложность постановки этого вопроса на очередь, и все полагали, что такого рода откровенное заявление может скорее побудить государственную власть к созыву выборных представителей народа для разрешения этого вопроса по

существу. Исходя из этих соображений, бюро сочло нужным дополнить проектированные им девять тезисов по вопросу об общих условиях нашей государственной жизни соответствующим десятым положением.

Принимая во внимание, что предстоящее совещание, вероятно, не получит официального разрешения и что в таком случае заседания его придется назначить не в губернской управе, а в частных помещениях, бюро просило Ф.А. Головина разослать дополнительно предупреждение о том всем приглашенным на съезд и указать частную квартиру в Санкт-Петербурге, где все приезжающие могли бы получить сведения о времени и месте первого заседания.

29 октября организационное бюро утвердило следующую программу вопросов для обсуждения их в земском совещании.

1. Недостатки действующего положения о земских учреждениях и желательные в нем изменения.
2. Условия сельского быта, препятствующие развитию деятельности земских учреждений, имеющей своею целью удовлетворение материальных и духовных потребностей населения.
3. Участие земств в деле народного образования.
4. Пособия семьям чинам запаса в связи с вопросом о мобилизации.
5. Дальнейшее участие земств в общеземской организации помощи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке.
6. Общие условия, неблагоприятствующие правильному развитию нашей земско-государственной жизни, и желательные в них изменения.

В виду предстоявших дальнейших переговоров с министром внутренних дел и предвидя, что во время этих переговоров может встретиться необходимость неотложного разрешения разных вопросов, касающихся предстоявшего земского совещания, бюро признало желательным поручить ведение этих переговоров и разрешение всех возникающих при этом вопросов депутации, в состав которой просило войти: кн. Г.Е.Львова, И.И.Петрункевича и меня. В тот же день, 29 октября, депутация выехала в Санкт-Петербург.

По приезде 30 октября я поспешил известить письмом кн. П.Д.Святополк-Мирского о поручении, возложенном организационным бюро на депутацию, и просил уведомить, когда прибывшая депутация может быть принята министром. В скором времени посыльный доставил мне ответное письмо князя, в котором он писал, что, к сожалению, не может принять депутацию в этот же день, так как С.Н.Гербель передал ему, что я приеду в Санкт-Петербург только 31-го, и министр, имея это в виду, распределил уже свои занятия и приемы на весь день и вечер 30-го. Прием депутации министром состоялся 31 числа в 10 ч. утра. Согласно выраженному предварительно кн. Г.Е.Львовым и И.И.Петрункевичем желанию, я познакомил кн. П.Д.Святополк-Мирского с результатами обсуждения организационным бюро земских съездов вопросов, возбужденных князем в беседе со мной 25 числа, и подробно изложил все соображения, на основании которых бюро пришло к заключению о невозможности отсрочки уже созванного на 6 ноября совещания. Затем министру была передана программа вопросов, представляемых бюро на обсуждение совещания. Заключение бюро о невозможности отсрочки земского совещания, видимо, вызывало в кн. П.Д.Святополк-Мирском большое

смущение и он вновь повторил перед депутацией те соображения и доводы, которые он высказывал мне 25 октября. Все члены депутации приводили возражения с своей стороны и определенно указывали на невозможность изменить принятое решение. Тогда министр предложил созвать совещание в другом городе; так как созыв совещания в Москве мог бы встретить противодействие со стороны великого князя Сергея Александровича, то кн. П.Д.Святополк-Мирский указал на Нижний Новгород. Члены депутации, отклоняя это предложение, указывали прежде всего на неосуществимость его по соображениям практического характера, но особенно обращали внимание министра на то, что такое разрешение вопроса должно внести большую смуту в общественную среду, как бы свидетельствуя, что провозглашенное князем искренно благожелательное и истинно доверчивое отношение к обществу не получает своего подтверждения и что земцы под влиянием противодействия центральной власти вынуждены собираться тайно в губернском городе, а не в Санкт-Петербурге, о чем уже всем было известно. Эти доводы были признаны кн. П.Д.Святополк-Мирским убедительными. Князь сообщил, что возвращение Государя ожидается на следующий день 1 ноября и что он, министр, завтра же доложит Его Величеству о предстоящем земском съезде, в связи с последовавшим 5 октября высочайшим соизволением на частные совещания председателей губернских земских управ, и затем сообщит депутации соответствующие указания.

Перейдя к рассмотрению программы вопросов, вносимых на обсуждение совещания, и сказав, что он считает себя обязанным представить ее Государю, министр находил при этом желательным исключить из программы 6-ой пункт.

Члены депутации считали с своей стороны такое исключение невозможным и заявили, что если министром при представлении программы Государю будет исключен из нее 6-ой пункт, то это обстоятельство во всяком случае не может помешать обсуждению совещанием этого важного и главного вопроса. Для сообщения депутации результата доклада министра Государю, нам было предложено кн. П.Д.Святополк-Мирским посетить его 1 ноября в 7 часов вечера.

На следующий день министр, руководясь указаниями, полученными от Государя, объявил депутации, что предположенный на 6 ноября съезд ни по составу своему, ни по предметам, намеченным к обсуждению, не совпадает с теми совещаниями председателей губернских земских управ, на которые было испрошено высочайшее соизволение. Официальное разрешение совещания с намеченной программой невозможно, так как это значило бы, что правительство, считая необходимым постановку такого рода вопросов, поручает их обсуждение кружку частных лиц. Выслушав министра, мы заявили, что 6 ноября состоится частное совещание земских деятелей и спросили, не встретится ли со стороны правительства каких-либо к тому препятствий. Министр ответил, что частные беседы на частных квартирах не могут быть воспрещаемы на основании закона и что земское совещание не встретит противодействия со стороны полицейской власти, а затем добавил, что полицией будут приняты предосторожности лишь против представлявшихся возможными демонстраций со стороны студентов и рабочих — демонстраций, может быть, враждебных совещанию. Таким образом вопрос о частном совещании земских деятелей получил благоприятное разрешение.

Занятия совещания начались 6 ноября и продолжались 4 дня. Хотя организационное бюро знало об отношении к частному совещанию земских деятелей министра вн. дел, тем не менее, оно не могло отрешиться от опасений, сделавшихся уже привычными, встретить препятствия земскому начинанию со стороны административной власти, и потому признало необходимым, в видах предосторожности, подготовлять ежедневно для собраний земских деятелей новые помещения, сохраняя, по возможности, их адресы в тайне. Но такого рода предосторожности оказались совершенно излишними. Полиции, очевидно, были всегда известны дома, в которых назначались земские совещания, и около них находились немногочисленные представители местной полиции, любезно указывавшие подъезжавшим участникам совещания на подъезды приготовленных помещений. Предупредительное отношение администрации к земскому совещанию проявилось также в беспрепятственном доставлении многочисленных приветствий, преимущественно телеграмм, адресованных: «Санкт-Петербург. Съезду земских деятелей», или «Земскому съезду», несмотря на то, что многие из этих приветствий содержали в себе определенное выражение конституционных пожеланий, телеграмма же из г. Архангельска от политических ссыльных была доставлена чиновником министерства вн. дел. Земские совещания происходили: первое и четвертое в квартире И.А.Корсакова (Фонтанка, 52), второе — в квартире А.Н.Брянчанинова (Кирочная, 34) и третье — в квартире В.Д.Набокова (Большая Морская, 47).

Открыв, как председатель организационного бюро, первое заседание земского совещания, я предложил приступить к выбору председателя собрания. Не подавая записок, боль-

шинство собравшихся просило меня принять на себя председательство. Благодаря за оказываемую мне честь, я говорил, что предвижу неизбежность моего выступления на съезде в качестве его участника при обсуждении наиболее важного вопроса, об изменении условий нашей государственной жизни, и, принимая на себя обязанность председателя, я просил предоставить мне право, как члену совещания, выступить своевременно с отстаиванием моего мнения. Затем, по моему предложению, были избраны: товарищами председателя — И.И.Петрункевич и кн. Г.Е.Львов, а секретарями — Л.Д.Брюхатов, Ф.А.Головин, Ф.Ф.Кокошкин и Н.Н.Хмелев.

Занятия совещания происходили при торжественном настроении собравшихся и при глубоком сознании ими лежащей на них нравственной ответственности. Совещание земских людей, не имевших надлежащих полномочий со стороны общества, имело характер, как бы, частного совещания, но в то же время в стране получили широкое распространение сведения о том, что решение бюро о созыве земского съезда в Москве послужило поводом для официального разрешения совещаний председателей губернских земских управ и некоторых гласных в Санкт-Петербурге, причем первоначально имело место предположение, что это разрешение распространяется и на настоящее совещание, которое поэтому, именно, и было перенесено в Санкт-Петербург. Это обстоятельство и выдающаяся важность вопросов, вносимых на обсуждение съезда, невольно расширяли значение происходившего частного совещания, как в широких кругах общества, так и в глазах правительства. Эти условия оказывали заметное воздействие на настроение собрания и многие из участников в течение всех заседаний

признавали необходимым обращать на эти условия особое внимание совещания. Так, например, были делаемы следующие указания.

«Хотя мы и случайно собраны, но мы все же представляем собою общественное мнение земской среды. Умалять своего значения нам не нужно. Мы выражаем голос нужд и потребностей народа. Одни многочисленные приветствия[22], обращенные к нам, уже характеризуют наше значение». (Ф.И.Родичев).

«Наше совещание состоит из частных лиц, выражающих свои личные мнения, тем не менее, решения его будут иметь огромное общественное значение, причем ответственность совещания усугубляется тем, что оно состоит из лиц, не имеющих надлежащих полномочий. Наше совещание не есть собрание выборных людей и потому участники его должны и могут сказать лишь то, в чем они вполне уверены встретить сочувствие в массе населения» (Д.Н. Шипов).

«Мы — общественные деятели и обязаны высказать правительству наше мнение о положении вещей в России. Если не дано будет правильно обоснованных начал, Россия пойдет с неизбежностью к революции» (гр. П.А.Гейден).

«Хотя и говорят, быть может и справедливо, что с нами солидарна большая часть мыслящей России, но, тем не менее, мы составляем лишь частное совещание, чего нам не следует забывать. Право выразить мысль народа принадлежит не нам, а самому народу. Мы не возбуждаем вопроса о

22 Съездом было получено 42 приветствия, адресованные разными учреждениями, общественными группами и отдельными лицами.

созыве учредительного собрания, а лишь устанавливаем положение, что народу, совместно с правительством, принадлежит право решить вопрос о реформах в государственном строе». (И.И.Петрункевич).

«Совещание не должно забывать, что выработанные им положения могут быть и ошибочными. Вот почему, необходима поверка этих положений представителями народа, но следует точнее выразить эту мысль, чтобы устранить возможность смешения этого народного представительства с учредительным собранием». (К.К. Арсеньев).

Все такого рода мысли и указания вполне отражали общее настроение и вызывали выражения единодушного сочувствия.

Первые три заседания земского совещания, 6—8 ноября, были посвящены вопросу — об общих условиях, необходимых для правильного течения и развития нашей общественной и государственной жизни. Я не привожу здесь подробных сведений о происходивших при обсуждении этого вопроса очень оживленных и весьма интересных прениях, так как журналы совещания были своевременно напечатаны и изданы особой книгой[23]. Я ограничусь приведением параллельно двух текстов положений (тезисов): 1) предложенных организационным бюро и 2) принятых совещанием земских деятелей, а затем остановлюсь лишь на вопросе, вызвавшем принципиальное разногласие в среде земских деятелей и по которому приведены два мнения — большинства и меньшинства членов совещания.

23 «Частное совещание земских деятелей, происходившее 6—9 ноября 1904 г. в Санкт-Петербурге». Москва. 1905 г.

Положения:

Предложенные организационным бюро	Принятые совещанием земских деятелей
1. Ненормальность существующего в нашей жизни порядка государственного управления, с особой силой проявившаяся с начала восьмидесятых годов, заключается в полной разобщенности правительства с обществом и в отсутствии необходимого в государственной жизни взаимного между ними доверия.	
2. Отношения правительства к обществу имели в своем основании опасение развития общественной самодеятельности и постоянное стремление к устранению общества от участия во внутреннем государственном управлении. Исходя из этих оснований, правительство стремилось к проведению административной централизации во всех отраслях местного управления и к опеке над всеми сторонами общественной жизни. Взаимодействие с обществом признавалось правительством исключительно в смысле приведения деятельности общественных учреждений в соот-	

ветствие с видами правительства.	
3. Бюрократический строй, разобщая верховную власть с населением, создает почву для широкого проявления административного произвола и личного усмотрения. Такой порядок лишает общество необходимой всегда уверенности в строгой охране законных прав всех и каждого и подрывает доверие его к правительству.	
4. Правильное течение и развитие государственной и общественной жизни возможно лишь при условии живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом.	
5. Для устранения возможности проявления административного произвола и для обеспечения прав личности необходимо установление и последовательное проведение в жизнь принципа, в силу которого никто без постановления независимой судебной власти не должен быть подвергаем взысканию и ограничиваем в своих правах.	5. Для устранения возможности проявления административного произвола необходимо установление и последовательное проведение в жизнь принципа неприкосновенности личности и частного жилища. Никто без постановления независимой судебной власти не должен быть подвергаем взысканию и ограничиваем в своих правах. Для вышеуказанной цели необходимо, кроме того, установление такого порядка привлечения к гражданской и уголовной

	ответственности должностных лиц за нарушение закона, который обеспечивал бы практическое осуществление начала законности в управлении.
6. Для беспрепятственного выражения общественного мнения и для всестороннего выяснения и удовлетворения общественных нужд необходимо обеспечение свободы совести, слова и печати, а также свободы собраний и союзов.	6. Для полного развития духовных сил народа, для всестороннего выяснения общественных нужд и для беспрепятственного выражения общественного мнения необходимо обеспечение свободы совести и вероисповедания, свободы слова и печати, а также свободы собраний и союзов.
7. Самодеятельность общества является главным условием правильного и успешного развития политической и экономической жизни государства. Так как значительное большинство населения России принадлежит к крестьянскому сословию, то следует прежде всего поставить это последнее в положение, благоприятствующее развитию в нем самодеятельности и энергии, а это достижимо только путем коренного изменения нынешнего неполноправного и приниженного состояния крестьян. В этих целях необходимо: а) уравнять крестьян в личных (гражданских и политиче-	7. Личные (гражданские и политические) права всех граждан Российской Империи должны быть равны.

ских) правах с лицами других сословий, б) освободить от административной опеки сельское самоуправление и в) оградить крестьянство правильною формою суда.	
8. Земские учреждения, в которых по преимуществу сосредоточивается местная общественная жизнь, должны быть поставлены в такие условия, при которых они могли бы с успехом выполнять лежащие на них обязанности; для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословных началах и чтобы к участию в земских учреждениях были привлечены по возможности все наличные силы местного населения, б) чтобы земские учреждения были приближены к населению путем создания мелких земских единиц на началах, обеспечивающих их действительную самодеятельность, и в) чтобы земским учреждениям были предоставлены должные устойчивость и самостоятельность, при наличности которых только и возможны правильное развитие их деятельности и создание необходимого взаимодействия правительственных и обще-	8. Самодеятельность общества является главным условием правильного и успешного развития политической и экономической жизни страны. Так как значительное большинство населения России принадлежит к крестьянскому сословию, то следует прежде всего поставить это последнее в положение, благоприятствующее развитию в нем самодеятельности и энергии, а это достижимо только путем коренного изменения нынешнего неполноправного и приниженного состояния крестьян. В этих целях необходимо: а) уравнять крестьян в личных правах с лицами других сословий, б) освободить от административной опеки сельское население во всех проявлениях его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда.

ственных учреждений.

9. Но для создания и сохранения всегда живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом на основе вышеуказанных начал и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участие в законодательстве народного представительства, как особого выборного учреждения.

9. Земские и городские учреждения, в которых по преимуществу сосредоточивается местная общественная жизнь, должны быть поставлены в такие условия, при которых они могли бы с успехом выполнять обязанности, присущие правильно и широко поставленным органам местного самоуправления; для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословных началах и чтобы к участию в земском и городском самоуправлении были привлечены по возможности все наличные силы местного населения, б) чтобы земские учреждения были приближены к населению путем создания мелких земских единиц на началах, обеспечивающих их действительную самодеятельность, в) чтобы круг ведомства земских и городских учреждений простирался на всю область местных польз и нужд и г) чтобы названным учреждениям были предоставлены должные устойчивость и самостоятельность, при наличности которых только и возможны правильное развитие их деятельности и создание

	необходимого взаимодействия правительственных и общественных учреждений. Местное самоуправление должно быть распространено на все части Российской Империи.
	10. Но для создания и сохранения всегда живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом на основе вышеуказанных начал и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни безусловно необходимо: **Мнение большинства:** правильное участие народного представительства, как особого выборного учреждения, в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации. **Мнение меньшинства:** правильное участие в законодательстве народного представительства, как особого выборного учреждения.
10. Совещание, признавая себя случайным по составу собранием лиц, высказывающих свои личные мнения, полагает, что	11. В виду важности и трудности внутреннего и внешнего состояния, переживаемого Россией, частное совещание выра-

разрешение вопроса об основаниях и формах взаимодействия правительства и народного представительства должно быть предоставлено представителям народа, избранным при наличности указанных выше условий, необходимых для свободы выборов.

жает надежду, что Верховная Власть призовет свободно избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа.

Девятый тезис в проекте организационного бюро явился, как было пояснено ранее в этой же главе, плодом компромисса. В виду обнаружившегося разномыслия относительно характера народного представительства, признаваемого по существу всеми равно необходимым, бюро остановилось на редакции, которая оставляла спорный вопрос открытым. Такое решение казалось мне особенно правильным, потому что земское совещание, состоявшее из лиц, не облеченных надлежащими полномочиями, не представлялось достаточно компетентным учреждением, и следующий, десятый тезис в проекте бюро указывал, что разрешение вопроса об основаниях и формах взаимодействия правительства и народного представительства должно быть предоставлено выборным представителям народа. Однако, это предположение не оправдалось. 2 ноября в Москве в квартире Ю.А.Новосильцева состоялось многочисленное собрание участников предстоявшего земского совещания, конституционалистов по своим политическим убеждениям, и на этом собрании было решено выставить на земском совещании определенные конституционные требования. Это решение встретило в среде совещания сочувствие со сторо-

ны большинства его членов. С возражениями на такую постановку вопроса выступил в совещании только я один, хотя при голосовании вопроса на стороне моего мнения оказалось сначала 27, а затем 38 лиц. Такое воздержание моих единомышленников от изложения соображений и мотивов, которыми они руководились при подаче своих голосов, ставит меня, некоторым образом, в затруднительное положение при выяснении основы разномыслия, проявившегося между большинством и меньшинством совещания. По этой причине я буду говорить здесь только лично от себя.

Я изложил мое политическое жизнепонимание выше, в V-ой главе, и сохраняю его неизменно. Руководясь изложенными убеждениями, я видел среди тезисов, представленных бюро и принятых совещанием, центральное, основное положение в четвертом пункте, признававшим, что «правильное течение и развитие государственной и общественной жизни возможно лишь при условии живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом». Все следующие тезисы я рассматривал, главным образом, как указания на условия, необходимые для создания и укрепления этого единения. С точки зрения конституционалистов основное положение тезисов заключалось в 9-м пункте, предложенном бюро, и в 10-м, принятом совещанием; все же остальные тезисы в их глазах имели значение лишь мотивов, приводящих к заключению о необходимости ограничения государственной власти и предоставления народному представительству участия в законодательной власти. Иначе говоря, вместо единения власти с населением противопоставлялись их права и интересы. Правовой строй признавался, как бы, самодовлеющей целью

предстоявшей реформы и в речах участников совещания, настаивавших на изменении редакции девятого тезиса в проекте бюро, выдвигалось на первый план требование прав и их гарантий.

Наши разногласия имели принципиальный характер и вытекали, очевидно, из различий не только политического, но и общего жизнепонимания, так как в основе политической идеологии всегда лежит известное миросозерцание. Рационализм и позитивизм, имеющие в своей основе исключительно систему положительных знаний, рассматривают социальную и политическую жизнь преимущественно как процесс постоянного соперничества составных элементов общества и государства и главными действенными началами личной и общественной жизни признают интересы. Такое жизнепонимание приводит к убеждению в необходимости обеспечения прежде всего прав личности и общества, видит в этом главную цель государственной жизни и потому кладет в основу политического строя исключительно правовую идею.

Миросозерцание религиозно мыслящего человека, вытекающее из сознания неразрывной связи личной жизни с жизнью всего мира и из признания Божественного закона любви, призывающего всех людей к доброжелательному единению, побуждает его признавать, что в основе всей государственной жизни должна лежать идея этико-социальная и что единение государственной власти с населением должно корениться в сознании обеими сторонами лежащих на них нравственного долга и обязанностей. Для устроения общественной и политической жизни и для улучшения ее условий ради блага всех людей следует всегда обращаться скорее к чувству долга в людях, чем к пробуж-

дению в них сознания своих интересов. Неизбежный в государстве правовой строй должен служить лишь средством для постепенного осуществления в жизни высших целей, предстоящих всему человечеству. Гражданские идеалы должны быть всегда органически связаны с идеалами нравственными, а право должно всегда являться выражением сознания религиозно-моральной ответственности, лежащей на отдельных людях и на обществе.

Очень широко распространено мнение, что осуществление общего блага возможно лишь путем усовершенствования и изменения форм социального и политического быта мирным или даже насильственным, революционным путем. Представители этого учения полагают, что переустройство государственной жизни на новых экономических и политических началах и соответствующие изменения правового строя могут улучшить жизнь людей, которая, по их мнению, находится в прямой зависимости от внешних условий, политических прав граждан и социальных отношений. Но рядом с этим учением существует другое воззрение, которое не считает возможным достижение благополучия всех людей помимо внутреннего, духовного устроения личности и уяснения людьми смысла своей личной и общественной жизни в связи с жизнью всего человечества и всего мира.

Усовершенствование общественных форм и внутреннее устроение личности составляют сущность двух основных жизнепониманий, между собой постоянно сталкивающихся, и разногласие между большинством и меньшинством земского совещания, думается мне, проявилось на этой именно почве.

В речи, произнесенной мной 7 ноября в земском совещании, я развивал следующие мысли. Все согласны, что

правильное течение и развитие государственной жизни возможно лишь при условии живого общения и тесного единения государственной власти с населением. Большинство говоривших считает, однако, необходимым обеспечить отношение власти к населению правовыми гарантиями; я полагаю, что в основу реформы государственного строя должна быть положена не столько идея права, сколько идея этико-социальная, более соответствующая всему мировоззрению русского народа. Совещанию не следовало бы предрешать, на какой основе должно быть построено народное представительство, и лучше предоставить самому народу осуществить в этом деле свои идеалы. Политические учреждения оказывают всегда воспитательное влияние на участвующих в них и если в основу реформы будут положены требование прав и обеспечение их гарантиями, то таким путем из народного сознания будет постепенно вытравлена религиозно-нравственная идея, которая теперь еще сильна в русском народе. Формула, предложенная бюро, хороша именно тем, что не предрешает этого основного вопроса.

Моя речь вызвала многочисленные и продолжительные возражения, но так как никто из состава совещания не выступил с поддержкой моей точки зрения, то я счел неудобным единолично продолжать теоретический спор и затягивать прения. Отметив, что сделанные мне возражения не могут поколебать моих убеждений и исповедуемого мною политического жизнепонимания, я просил собрание принять такую формулу, которая не насиловала бы личных убеждений. По предложению кн. П.Д.Долгорукова было признано желательным 10-й пункт положений изложить параллельно в двух редакциях, согласно мнениям большинства и меньшинства членов совещания.

На голосование прежде всего была поставлена формула, предложенная в 9-м пункте организационным бюро, причем за нее было подано 27 голосов, а против — 71. При голосовании вопроса о введении в формулу указания на участие народного представительства в осуществлении законодательной власти, за включение этого выражения высказалось 60 человек, а против — 38. За предоставление народному представительству бюджетного права высказалось 91, против — 7, а по вопросу о контроле за деятельностью администрации 95 голосов против 3-х.

Сообщая в настоящей главе сведения о земском совещании 1904 года и о моем участии в нем, я считаю уместным отметить некоторые указания, сделанные во время происходивших прений моими оппонентами, и пояснить имевшие место недоразумения. Многие из говоривших возражали мне, как представителю славянофильского учения, но на чем было основано такое заключение, мне остается непонятным, так как я в своих выступлениях никаких ссылок на это учение не делал. Я отношусь с глубоким уважением к славянофильскому учению, имеющему в своем основании глубокое сознание религиозно-нравственного долга, лежащего на людях, и высоко чту таких представителей этого учения, как И.В.Киреевский, А.С.Хомяков и Ю.Ф. Самарин, так много содействовавших уяснению в общественном сознании значения внутреннего устроения личности, но я не вполне разделяю отношение славянофилов к лозунгам: православие, самодержавие и народность.

Состоя и оставаясь членом православной церкви — так как православие вероисповедание русского народа и вероисповедание моих предков — я не могу, однако, видеть несомненное преимущество православия пред другими

христианскими вероисповеданиями. Совершившееся на почве разногласий в догматических толкованиях разделение церквей представляется мне актом, противоречащим сущности Евангельского учения. Учение Христа призывает всех людей к единению, и единение всех христиан прежде всего необходимо в лоне единой, вселенской, соборной церкви. Такое необходимое объединение церквей тем более возможно, что всеми ими одинаково понимается сущность христианского учения, уясняющего обязанности, лежащие на людях в их земной жизни, и призывающего их к свободному подчинению своей воли требованиям Высшего мирового Начала. Я верю, что догматические споры и разногласия могут и должны быть постепенно устранены и примирены путем доброжелательных соглашений и что представители иерархии единой вселенской церкви, свободные от всякого давления государственной власти и от влияния современных условий общественной жизни, признают своим великим и главным долгом доброжелательно и последовательно обличать и выяснять с христианской точки зрения неправду, коренящуюся в существующем жизненном строе, в целях устроения истинной общественности на основе закона христианской любви.

Я не вполне согласен также с пониманием славянофильством идеи самодержавия. Славянофилы, думается мне, склонны признавать божественное происхождение самодержавной власти и усматривать в принципе самодержавия источник неограниченности власти монарха. В V-й главе я привел соображения, в силу которых я отношусь отрицательно к мысли о божественном установлении власти вообще и повторять изложенные соображения считаю лишним. Не могу также ни в каком случае отождествлять

самодержавие с абсолютизмом. В самодержавии я вижу идею союза и взаимодействия власти с народом на основе преимущественно нравственного принципа, на основе их морально-политической солидарности. Самодержавие представляется мне принципом ограничения власти не во имя правовой идеи, а ее самоограничением во имя сознания носителем власти лежащего на нем нравственного долга — быть выразителем голоса коллективной совести народа. Не отрицая безусловной необходимости известного правового порядка в установлении и проявлении взаимодействия власти и населения, я вижу в этом правовом порядке не самостоятельную основу, а лишь практическое выражение идеи моральной между ними солидарности, которая должна служить действительной основой государственного строя. Эта идея, по моему пониманию, является руководящей идеей государственного строя Англии, где власть монарха ограничена не правовыми нормами действующей конституции, а глубоким сознанием, как представителя верховной власти, так и кабинета министров, их моральной солидарности с народным представительством. В Англии, как и в России, среди ее населения преобладают настроения и стремления религиозно-нравственного характера над интересами правовыми, и я считал вероятным и возможным, что если идея русского самодержавия сохранится непоколебленной в своей основе, то при постепенном развитии нашей государственной жизни эта идея могла бы получить в более или менее близком будущем выражение и осуществление в формах и порядке, аналогичных государственному строю Англии. Такое направление нашей государственной жизни обеспечивало бы ее развитие без острых потрясений, и без

пробуждения в населении правовых интересов и эгоистических инстинктов.

И.И.Петрункевич, указывая в своей речи на существующее в обществе и литературе славянофильское течение мысли, говорил: «это течение полагает, что русский народ имеет какую-то особую миссию сравнительно с народами западноевропейскими». Опровергая затем это положение, И.И., надо полагать, имел в виду возразить на мнение, представителя которого в совещании он видел в моем лице, но мое отношение к данному вопросу не совсем совпадает с предположением моего оппонента. Признавая предпочтительным положить в основу взаимодействия власти и народного представительства идею этико-социальную, я говорил, что «этот принцип соответствует всему мировоззрению русского народа, вытекает из его христианского жизнепонимания и ярко сказывается в чертах его характера». Мне представляется несомненным, что религиозное сознание являлось первоначальной основой жизнепонимания большинства народов, но постепенно, под влиянием рационалистического направления мысли и получившего широкое распространение понимания жизни как процесса постоянной борьбы за существование, отразившегося на характере экономических и социальных отношений, религиозное сознание вытеснялось сознанием правовым. Если создавшийся на такой основе жизненный строй обеспечивал бы осуществление действительной справедливости и общего блага и давал бы надлежащее удовлетворение как материальным потребностям, так и духовным запросам всех граждан, то народы, отставшие от других в усовершенствовании форм общественной жизни, вступая на путь реформ, должны были бы естественно последовать примеру народов,

опередивших их в своем, историческом развитии. Но действительность свидетельствует совершенно противоположное. Мы видим, что общественная и государственная жизнь, построенная согласно рационалистическим учениям на основе правовой идеи, оставляет людей неудовлетворенными и побуждает их к соперничеству и отстаиванию преимущественно материальных, личных и классовых интересов. Более молодые народы должны, несомненно, пользоваться примерами более старых наций в устроении своей государственной жизни, но при этом, воспользовавшись тем, что дает благие результаты, они должны избегать повторения в своей жизни ошибок, сделанных другими народами. Все народы призваны к участию в устроении жизни всего человечества, но каждый народ является своеобразным выразителем общечеловеческой истины и каждому народу естественно стремиться проявить и осуществить то, что сокрыто в глубине его духа и вытекает из свойственного ему миросозерцания. В русском народе, по многим условиям его исторической жизни и быта, получило слабое развитие правовое сознание, но еще в первые годы настоящего века в нем живо было христианское жизнепонимание и, принимая во внимание это условие, чувствовалась возможность положить в основу народного представительства и его взаимодействия с властью иные начала, чем те, на которых зиждется государственный строй большинства народов западной Европы.

Заканчивая выяснение сущности разногласия между мнениями большинства и меньшинства земского совещания, я не могу не отметить, что представители большинства, повидимому, не усматривали причину обозначившегося разномыслия в различии двух основных жизнепониманий. В этом отношении меня особенно удивили слова гр. П.А.

Гейдена. Возражая на мое заявление, что едва ли есть основание продолжать в земском совещании теоретический спор, так как он не может переубедить искренних последователей того или иного известного учения, гр. П.А.Гейден сказал: «Едва ли можно признать правильным утверждение Д.Н.Шипова, что выяснение вопросов не может никого переубедить». Из этих слов можно было заключить, что гр. П.А., как бы, игнорировал возможность существования иного мировоззрения, кроме усвоенного им и его единомышленниками, и не признавал, что мысли, которые я высказывал в совещании, являлись выражением не только моих убеждений, но и моей веры.

Обсуждение вопроса о желательных изменениях в нашей государственной жизни закончилось в третьем заседании, 8 ноября. Подъем настроения земского совещания достиг в этот день наивысшего напряжения. Все участники совещания определенно и ясно сознавали лежавшую на них громадную нравственную ответственность при выполнении представшей пред ними исторической задачи, выдающегося значения. Все речи говоривших носили на себе отпечаток самого серьезного отношения к обсуждавшемуся вопросу и отличались большой выдержанностью. Чувствовалось, что, несмотря на некоторое разногласие в вопросе о характере народного представительства, все единодушно стремятся к сохранению солидарности в среде земского совещания и проникнуты общим, искренним и горячим желанием содействовать созданию тесной связи государственной власти с населением. В этом заседании совещанию предстояло окончательно формулировать свои заключения, но предварительно на обсуждение был поставлен 10-й пункт положений, предложенных организационным бюро. Не вполне удовле-

творительная редакция этого тезиса могла дать место предположению, что решение вопроса об основаниях и формах взаимодействия правительства и народного представительства должно быть предоставлено учредительному собранию. Такая постановка вопроса совершенно не отвечала действительным предположениям бюро и не соответствовала настроению собрания. По поводу оглашенного в совещании текста 10-го пункта выступило много ораторов, в словах которых ярко отразились настроение и единодушное отношение к этому вопросу всего совещания. Я приведу для характеристики настроения совещания выдержки из некоторых речей. А.А.Свечин, указав на то, что народ свыкся с мыслью, что им руководит верховная власть, признавал нужным «стремиться к тому, чтобы верховная власть, сознав ненормальность существующего порядка, сама обратилась к народу с вопросом об основаниях желательного государственного строя». А.М.Колюбакин говорил о желательности, «чтобы сама верховная власть признала потребность перехода в новым формам государственного строя и обратилась к народу лишь за выработкой этих форм». Ф.Ф.Кокошкин, отметив, что учредительные собрания образуются лишь в эпоху анархий, чего в России в настоящее время нет, высказал пожелание, «чтобы новый порядок был сразу установлен верховной властью. При этом условии необходимое государственное преобразование протечет вполне мирно». «Не следует настаивать на каком-либо предварительном собрании; лучше всего, если сразу будет созвано законодательное собрание с определенными правами».

С большой речью выступил Н.Н.Львов. Относясь отрицательно к возможности предположения о созыве учреди-

тельного собрания, и указав, что, кроме начала свободы, в основе общественной жизни лежит начало авторитета власти, Н.Н. сказал: «Правда, правительство подорвало к себе доверие и уважение в стране, но обаяние верховной власти не поколебимо; источник могущественного воздействия на массы русского народа не иссяк. С таким положением нужно не только считаться; его нужно признать, приняв за основание, на котором только и возможно что-либо созидать. Осуществление преобразований необходимо возложить на власть. Многие требуют реформ, предвидя в противном случае неизбежность революции, но революция в настоящее время невозможна; для этого нет наличных сил в народных массах, готовых к ниспровержению существующего строя. Нам угрожает не революция, а то, что есть: бесцельное терзание, годами длящееся мучительство, упадок и разложение духовных сил русского народа, ослабление и упадок России. Страшна не революция; страшна бесплодность жертв, бесцельная гибель русских людей. Я вижу выход в том, чтобы сложилось, наконец, и окрепло такое общественное движение, которое нашло бы в себе силы воплотить в русскую жизнь в союзе с властью новые начала свободы и права, но понимаю, как труден путь между двумя течениями, как трудно соблюсти меру и не потерять настойчивость, хранить мужество перед властью и мужество своих убеждений среди раздраженного и оскорбленного общества. Понятно, каких усилий стоит поборов в самих себе чувство раздражения и негодования, вызванное несправедливостью не только в отношении лично многих из нас, но и того, что нам всего дороже. Понятно, какие усилия нужны, чтобы сломить укоренившееся недоверие и отношение к власти, как к неумолимой, стихийной силе, не подле-

жащей воздействию разума. Но это нужно сделать, этого требуют от нас тяжкие испытания, бедствия, которые мы переживаем, весь смысл совершающегося вокруг нас. Сегодня должны мы встать на работу, иначе завтра совершат ее другие иными орудиями и для иной цели. За нами нет грозных народных сил, нет могущественной поддержки влиятельных общественных классов, но за нами — неумолимая логика событий. Настало время, когда преобразование должно совершиться так, как совершилось освобождение крестьян, по почину верховной власти. Этого требует благо России».

Речь Н.Н.Львова вызвала громкие выражения общего сочувствия, так как она совершенно верно формулировала истинное настроение, желания и надежды всего совещания. 11-й пункт положений был принят совещанием в измененной редакции, предложенной президиумом и помещенной выше.

По окончании всех речей, я прочел все 11 пунктов положений, принятых совещанием и, имея в виду, что в первом заседании 6 ноября было постановлено представить заключения совещания министру внутренних дел через особую депутацию с просьбой доложить их Государю Императору, я предложил выработанные совещанием положения подписать всем участникам совещания для того, чтобы выражение нашего мнения было сделано вполне открыто. Это предложение было принято единогласно и затем переписанные мной 11 положений были подписаны президиумом и всеми членами совещания в алфавитном порядке представленных ими губерний. Когда подписание положений было закончено, я, огласив их еще раз, обратился к совещанию со следующими словами: «Позвольте мне

приветствовать совещание с только что состоявшимися постановлениями. Мы переживаем момент огромной исторической важности. В самом начале наших совещаний я имел честь указать на трудность нашего положения, вытекающую из его двойственности; с одной стороны, мы собрались никем не уполномоченные, с другой, исторический жребий налагает на нас ответственную задачу — сказать Его Императорскому Величеству Государю Императору правдивое слово о положении нашей общественной и государственной жизни. Совещание оценило по достоинству важность этой задачи и выполнило ее именно так, как можно было ожидать от представителей земства. Не могу не отметить при этом того в высшей степени отрадного факта, что при формулировке пункта, по которому мнения разделились, представители большинства настаивали, чтобы в заключениях совещания были приведены оба мнения. Я вижу в этом доказательство, что во всех нас, быть может, бессознательно для нас самих, живет та руководящая этико-социальная идея, о которой я говорил вчера. Именно эта идея побудила представителей большинства, вместо того, чтобы настаивать на своем формальном праве, искать единения и позаботиться о том, чтобы голос общества был высказан полностью, не односторонне. Меня часто упрекают в оптимизме. Я остаюсь оптимистом и теперь, и твердо верю, что наши пожелания получат осуществление с соизволения Верховной Власти, что наш голос будет услышан. Если одушевляющие нас искания правды и убеждение в необходимости постоянного взаимодействия государственной власти и народа проникнут в сознание всего населения нашего отечества, то, несомненно, надежды наши превра-

тятся в действительность. Я закончу пожеланием, чтобы это крепкое сознание охватило все слои русского общества».

В состав депутации к министру вн. дел были избраны 5 лиц: председатель и два товарища председателя совещания, гр. П.А.Гейден и М.В.Родзянко.

Вслед затем совещание постановило: 1) выразить пожелание, чтобы члены совещания познакомили земскую среду своих губерний с заключениями совещания и чтобы в предстоящих очередных губернских земских собраниях при обсуждении текущих вопросов земской жизни были затронуты в том объеме и в тех пределах, в каких это окажется возможным, и общие условия, необходимые для правильного течения и развития нашей общественной жизни; 2) признать желательным, чтобы очередные губернские земские собрания возбудили ходатайства о приглашении выборных представителей земств для пересмотра земского положения и для обсуждения общих условий земской деятельности, и 3) выделить из состава совещания комиссию для разработки вопроса о земской реформе и представления доклада по этому предмету будущему земскому совещанию.

В заключение заседания 8 ноября был рассмотрен вопрос об организации дальнейших земских совещаний и было принято следующее постановление: признать, что земские совещания в будущем должны состоять: а) из всех выборных председателей губернских управ и б) из лиц, избираемых в количестве четырех от каждой губернии совещаниями губернских гласных.

9 ноября состоялось четвертое и последнее совещание, в котором я не мог принять участия, так как мне встретилась неотложная необходимость по личному делу уехать 8 числа на два дня в Москву. В этом последнем заседании, происхо-

дившем под председательством И.И.Петрункевича, совещание обсудило и вынесло свои заключения по всем остальным вопросам, включенным в программу, представленную организационным бюро. Но до постановки на очередь программных вопросов совещание признало нужным, в дополнение к состоявшимся накануне основным заключениям по вопросу об общих условиях нашей общественной и государственной жизни, высказать следующее мнение:

1. Находя, что положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 14 августа 1881 года является одним из главных условий, создающих почву для административного произвола и общественного неудовольствия и тем препятствующих взаимному доверию и единению правительства и населения, совещание признает желательной немедленную отмену названного положения.
2. Имея в виду, что основанная на вышеупомянутом положении система административной репрессии, применяемая в последнее время с особой силой, имела своим последствием множество жертв административного произвола, подвергшихся различным карам и ограничениям прав, совещание считает долгом высказаться за необходимость полного освобождения их от всех взысканий, наложенных в административном порядке.
3. Вместе с сим совещание выражает надежду, что актом помилования по отношению к лицам, подвергшимся преследованию и наказаниям по политическим делам, Верховная Власть внесет в страну умиротворение.

Возвратясь 11 ноября в Санкт-Петербург и повидавшись с членами избранной совещанием депутации, я посетил кн. П.Д.Святополк-Мирского, чтобы переговорить о времени, которое он назначит для приема депутации. Кн. П.Д. сказал мне, что не считает возможным принять избранную земским совещанием депутацию, так как совещание имело характер частного собрания, а прием министром депутации придал бы происходившему совещанию характер официальный, что совершенно не соответствовало бы тем разъяснениям и указаниям, которые он сообщил 31 октября депутации организационного бюро. Вместо официального приема депутации, кн. П.Д. выразил желание, чтобы я ознакомил его в частной между нами беседе с резолюциями, на которых остановилось совещание, и со всем, происходившем на наших собраниях. Я отвечал, что считаю своим долгом предварительно сообщить о всем мною выслушанном всем членам депутации, а затем, когда депутация примет то или иное решение, я вновь буду у князя и в дальнейшем свои слова и действия согласую с общим мнением всей депутации.

Выслушав мое сообщение, члены депутации не признали возможным настаивать на приеме депутации министром, в виду его категорического и мотивированного отказа, и сочли желательным, чтобы я сообщил кн. П.Д.Святополк-Мирскому интересующие его сведения, но в то же время было признано необходимым сопроводить постановления совещания письмом за подписью всех членов депутации. На следующий день я передал министру текст всех состоявшихся резолюций при следующем письме.

«Милостивый Государь, князь Петр Дмитриевич.

Частное совещание земских деятелей, происходившее в Санкт-Петербурге 6—9 сего ноября, поручило избранной совещанием депутации, в составе нижеподписавшихся лиц, представить вашему сиятельству заключения, на которых остановилось совещание, и просить вас, князь, довести о них до сведения Его Императорского Величества.

Так как вы не признали возможным принять избранную совещанием депутацию, то мы имеем честь при сем приложить все, без исключения, заключения совещания земских деятелей и просим ваше сиятельство довести эти заключения до сведения Государя Императора.

Просим вас, князь, принять уверение в глубоком уважении и преданности».

Санкт-Петербург. 12 ноября 1904 года.

Кн. П.Д.Святополк-Мирский прочел громко все представленные ему заключения совещания и особенное внимание сосредоточил на 11-ти положениях по вопросу о желательных изменениях в нашей государственной жизни. Прочтя в 10-м пункте изложение двух приведенных в нем мнений, кн. П.Д. не усмотрел, в чем в сущности заключается различие этих мнений и просил меня разъяснить его недоумение. Я сказал приблизительно следующее. Все земские деятели единодушно согласны, что создание и сохранение живого общения и тесного единения государственной власти с обществом немыслимо без народного представительства, организованного, как особое выборное учреждение. При этом, однако, меньшинство полагает, что земскому совещанию нет надобности предрешать в настоящее время характер, который получит у нас народное представительство. Если власть пойдет открыто навстречу общественному почину, призовет свободно избранных народом его предста-

вителей и с доверием отнесется к ним, то взаимодействие власти с народным представительством, по мнению меньшинства, может создаться и укрепиться на основе сознания лежащего на обеих сторонах нравственного долга перед страной, как было во времена земских соборов. Большинство совещания признает необходимым теперь же указать, что в основу народного представительства должно быть положено правовое начало предоставления народному представительству законодательной власти, т.е. принцип конституционный. Кн. П.Д. заметил, что он не видит большого, непримиримого разногласия между двумя приведенными мнениями, но его личные симпатии склоняются в сторону мнения меньшинства. По прочтении всех постановлений совещания я, согласно желанию, еще раз выраженному князем, рассказал ему о ходе занятий совещания и о господствовавшем в нем настроении. Я особенно старался отметить, насколько совещание осторожно отнеслось к выполнению своего общественного долга, обязывавшего его сказать откровенно свое слово, которое, совещание надеется, министром будет доложено Государю. Я обращал внимание князя на то, что мы высказали наши мнения и наше понимание переживаемого момента, но все земские деятели удержатся одинакового убеждения, что необходимое государственное преобразование может совершиться правильно и спокойно только в том случае, если оно будет проведено сверху и если вся подготовительная работа будет произведена самим правительством при участии общественных представителей. Кн. П.Д.Святополк-Мирский выражал полное и, как я видел, вполне искреннее сочувствие заключениям земского совещания, сказал, что доведет их до сведения Государя, и в то же время выразил пожелание, чтобы земские деятели при-

няли на себя труд составить и доставить ему записку, в которой были бы изложены мотивы, послужившие основанием для выработанных совещанием положений, и были бы указаны порядок и способы осуществления реформ, признаваемых необходимыми. Такая записка, говорил кн. П.Д., в значительной мере может помочь ему при выполнении предстоящей ему сложной и ответственной задачи. Я выразил уверенность, что земские деятели с полной готовностью исполнят желание князя, и этим беседа наша была закончена.

В Санкт-Петербурге перед отъездом и в Москве по моем возвращении я сообщил некоторым участникам земского совещания о желании кн. П.Д.Святополк-Мирского иметь записку, составленную земскими деятелями, и вскоре с указанной целью в Москве образовался кружок, в состав которого вошли: В.И.Вернадский, Ф.А.Головин, кн. П.Д. Долгоруков, Ф.Ф.Кокошкин, кн. Г.Е.Львов, Н.Н.Львов, И.И. Петрункевич, Р.А.Писарев, Н.Ф.Рихтер, М.В.Челноков, Н.Н. Хмелев, кн. Д.И.Шаховской, Д.Н.Шипов и В.Е.Якушкин. В первом нашем собрании было признано необходимым прежде всего наметить лицо, которое приняло бы на себя труд составления предполагаемой записки. Все пришли к единогласному заключению, что таким лицом является кн. С.Н.Трубецкой, который с готовностью изъявил свое согласие. В наших собраниях были обсуждены программа и план записки, а когда проект записки был составлен кн. С.Н. Трубецким, то он несколько раз читал ее и вносил изменения и дополнения, согласно делаемым и принятым в собрании указаниям. Составленная записка представляет высокоценный труд кн. С.Н.Трубецкого. Являясь очень интересной и значительной по своему содержанию, эта записка служит

вместе с тем ярким выражением настроения земской среды того времени и, в виду этого условия, полный текст записки помещен ниже в виде особого приложения. Когда составление записки было закончено, кн. С.Н.Трубецкой и я 28 ноября посетили кн. П.Д.Святополк-Мирского в Санкт-Петербурге и записка, после прочтения ее автором, была передана министру. Кн. П.Д.Святополк-Мирский горячо благодарил кн. С.Н.Трубецкого, но насколько эта записка была использована министром при докладе им своих предположений Государю остается неизвестным.

Постановления земского совещания по вопросу об общих условиях нашей общественной и государственной жизни произвели громадное впечатление на всю страну и были встречены с большим сочувствием в широких общественных кругах. Спокойное, стремившееся к примирению настроение земского совещания, можно было предполагать, отразится на настроении всей земской среды и это ожидание открывало надежду, что на этот раз государственная власть с доверием отнесется к проявлению общественного мнения, не усмотрит в общественном движении желания вступить в борьбу с властью и признает не только возможным, но и необходимым безотлагательно приступить к организации общественных сил на началах народного представительства для укрепления своего авторитета и связей своих с населением. Эта надежда казалась тем более вероятной, что на посту министра внутренних дел находился человек, хотя, может быть, недостаточно авторитетный, но несомненно искренний сторонник правильного понимания значения и роли общественных сил в государственном строе. Кн. П.Д.Святополк-Мирскому предстояло неизбежно встретить сильное противодействие со стороны властных представи-

телей бюрократии и реакции, которые прежде всего преследовали цель поддерживать в Государе недоверие к общественным выступлениям, и в виду этого, сохранение в земской среде неизменным того настроения, которое так рельефно проявилось на земском съезде, до разрешения возбужденного совещанием вопроса по существу, представлялось условием, которое могло в значительной мере обеспечить благоприятный результат доклада министра внутренних дел Государю.

Однако, к сожалению и в ущерб благоприятному разрешению вопроса, настроение многих общественных кругов вскоре по окончании земского совещания резко проявилось в совершенно ином направлении. «Союз освобождения» при посредстве своих отделов поспешил распространить сведения о постановлениях земского совещания и организовал в столицах и во многих более значительных губернских городах многолюдные банкеты, на которых, как отмечает И.П.Белоконский, «всем членам „Союза", организаторам банкетов, рекомендовалось предлагать проекты резолюций, которые не выражали бы только присоединение к постановлениям земского съезда, а провозглашали конституционные и демократические требования в форме гораздо более яркой и решительной. В резолюциях банкетов было выставлено прямое требование учредительного собрания, тогда как в постановлениях земского съезда, как известно, не было произнесено даже самое слово *конституция*»[24]. Значение этих банкетов усугублялось тем, что участие в них приняли очень многие члены земского совещания, выступали с

24 И.П. Белоконский. «Земское движение». Москва, 1914 г., стр. 239.

речами, по своему содержанию и духу совершенно не соответствовавшими настроению земского совещания, и участвовали в резолюциях, принимаемых на банкетах.

Б.Б.Веселовский, не сочувствовавший направлению земского освободительного движения, рисует следующую картину настроения, господствовавшего на происходивших банкетах: «Ноябрь и декабрь 1904 года, т.е. время, непосредственно следовавшее за „частным совещанием" земцев, было временем шумных банкетов, праздником либеральной интеллигенции. Демократическая интеллигенция, „третий элемент", расширила и углубила требования земской оппозиции, придала им большую определенность и вынесла на улицу. На этих многочисленных банкетах обывателю впервые приходилось подходить к формулировке политических требований и приобретать вкус к участию в общественной жизни. Земцы как бы стушевались за этим подъемом обывательского движения, а дальнейшие события и совсем переросли их туманные и скромные пожелания»[25]. К этой картине следует добавить, что на некоторых банкетах превозносились террористические акты последних лет и лица, их совершившие.

Агрессивное, воинствующее настроение, проявившееся на банкетах, вступало в резкое противоречие со стремлением земского совещания к доброжелательному соглашению с властью, а участие в банкетах земских деятелей, членов земского съезда, углубило разномыслие между большинством и меньшинством земского совещания и придало

25 «Общественное движение в России в начале XX века». Том I. Б. Веселовский. — «Движение землевладельцев», стр. 312.

этому разномыслию более определенные значение и смысл. Проявившееся во время совещания разномыслие имело, казалось, характер скорее теоретического принципиального спора о том, на основе какой преимущественно идеи, правовой или этико-социальной, признается желательным и возможным создать в государстве взаимодействие власти с населением страны. Но при этом большинство совещания в полном согласии с меньшинством признавало необходимым при преобразовании нашей государственной жизни охранять авторитет государственной власти и осуществить предстоящую реформу мирным путем. Между тем представители большинства, состоявшие одновременно членами «Союза освобождения», явились одними из главных инициаторов и организаторов банкетов, на которых заключениям земского совещания противополагались определенные требования «в форме гораздо более яркой и решительной» и даже было выставлено «прямое требование учредительного собрания», о котором не только не было и речи на земском совещании, а напротив, именно представители большинства старались в своих речах устранить возможность самой мысли об учредительном собрании.

Нельзя было также не принять во внимание, что участие земских представителей в такого рода банкетах, состоявших в большинстве из самых разнородных элементов, как бы, переносило возникшее в земской среде освободительное движение в широкие обывательские круги и тем лишало земскую среду возможности сохранить в этом движении руководящую роль. Совершенно справедливо говорит Б.Веселовский, что «земцы, как бы, стушевывались за подъемом обывательского движения», а в то же время участие земских представителей свидетельствовало об открытом их выступ-

лении на путь политической борьбы с властью. Таким образом, действиями представителей большинства земского совещания определилась неизбежность раскола и разделения земской среды. Одна часть земцев старалась сохранить и поддерживать прежнее направление земского освободительного движения, признавая возможным воздействовать на правительственную власть лишь посредством последовательного и настойчивого выяснения условий и нужд общественной жизни, и таким путем постепенно осуществить организацию взаимодействия власти и общества на основе взаимного доверия. Этот путь, хотя, может быть, и более долгий, обеспечивал проведение реформ без острого потрясения всей государственной жизни страны и более соответствовал высоким целям и идеалам правды и добра, преследуемым освободительным движением. Другая часть земских деятелей, видя главную задачу освободительного движения в требовании прав и в обеспечении их гарантиями, признала возможным осуществить эти требования лишь путем открытой борьбы с властью, привлекая к этой борьбе в интересах ее успеха широкие круги населения, не считаясь с теми осложнениями в жизни страны, которые должны неизбежно явиться последствиями такого рода тактики. Разделение земской среды, определенно проявившееся вскоре после окончания ноябрьского земского совещания, в дальнейшем все более усиливалось и исключало возможность согласованного образа действий земских деятелей.

Происходившие после земского совещания банкеты и, главным образом, участие на них представителей этого совещания открывали возможность усомниться в искренности заявлений земского съезда, чем, конечно, не замедлили воспользоваться в правящих кругах. Влиятельные в при-

дворных сферах лица были склонны оценивать и выставлять проявившиеся на банкетах настроения, как действительные настроения всей земской среды, лишь временно прикрывшиеся заявлениями земского совещания. На этой почве укрепилась сильная реакционная оппозиция министру внутренних дел, который предлагал Государю сделать необходимые первые шаги для сближения власти с обществом, но, как известно, предложения министра внутренних дел были отклонены. Вместо того 12 декабря 1904 года были обнародованы высочайший указ и правительственное сообщение. В последнем из этих актов заключения земского совещания и стоящие в связи с ними постановления городских дум и земских собраний приравнивались к требованиям, предъявленным различными собраниями случайного характера, и рассматривались, как проявление смуты, направленной против существующего порядка государственного управления. В заключительной части сообщения органы местного самоуправления, а равно всякого рода учреждения и общества призывались не выходить из пределов вопросов, предоставленных их ведению, а должностные лица общественного управления угрожались привлечением к законной ответственности. Указ Правительствующему Сенату признавал неотложным ряд мероприятий, которые в большинстве случаев совпадали с указаниями, заключавшимися в положениях (пп. 5—8), принятых земским совещанием 6—8 ноября по вопросу об изменении условий нашей государственной жизни, но разработка намеченных в указе мероприятий возлагалась по-прежнему на бюрократические учреждения без привлечения к этой работе общественных сил.

После свидания с кн. П.Д.Святополк-Мирским 28 ноября 1904 г., когда ему была передана записка, составленная кн. С.Н.Трубецким, мне пришлось вновь встретиться с кн. П.Д. только в мае 1906 года. В это время я находился в Санкт-Петербурге, как член государственного совета по избранию московского губернского земского собрания, и воспользовался случаем посетить кн. П.Д.Святополк-Мирского. Наша беседа сосредоточилась, главным образом, на событиях, последовавших после земского совещания 1904 года и вызвавших в то время отставку министра внутренних дел. Кн. П.Д. сообщил мне следующие сведения, краткую запись которых я сделал с его согласия, во время его рассказа.

Кн. П.Д. 2 декабря доложил Государю о происходившем земском совещании, представил выработанные совещанием 11 положений по вопросу об условиях нашей государственной жизни и, признавая справедливым пойти навстречу общественным пожеланиям, предложил ввести в состав государственного совета выборных представителей от общественных учреждений. Признавая необходимость такой меры в возможно близком времени, в видах успокоения общественного мнения и для сближения правительства с обществом, кн. П.Д. предупреждал, что в этом он видит первый, необходимый в настоящее время шаг, но хорошо понимает, что, вступив на этот путь, нужно будет постепенно идти далее в развитии взаимодействия государственной власти с выборными представителями населения, и в какую окончательную форму выльется народное представительство, предусмотреть трудно, но возможно, что через 10—20 лет придется перейти, может быть, к конституционному строю. Государь, по-видимому, отнесся к предложению

министра благоприятно и кн. П.Д.Святополк-Мирский, в виду важности вопроса, просил образовать для его обсуждения совещание под председательством Е.И.В. Государь сказал, что он несколько раз пробовал организовывать такие совещания, но они не давали никогда ожидаемых от них результатов. Кн. П.Д.Святополк-Мирский настаивал на созыве совещания, ссылаясь на громадную ответственность, лежащую на министре вн. дел, и заметил, что неудача прежних совещаний объясняется отчасти тем, что Государь слишком скоро высказывает свое мнение, после чего многие стесняются приводить свободно свои соображения. Государь, изъявив согласие на обсуждение вопроса в совещании, наметил следующих лиц: О.Б.Рихтера, гр. И.И.Воронцова-Дашкова, А.С.Ермолова, Н.В.Муравьева, гр. Д.М.Сольского, Э.В.Фриша и П.П.Гессе. Кн. П.Д.Святополк-Мирский спросил, не признает ли Е.И.В. нужным пригласить к участию в совещании К.П.Победоносцева и С.Ю.Витте. Относительно первого Государь сказал, что К.П.Победоносцев будет говорить все то же, что он говорит постоянно и что все знают, а относительно второго отозвался, что С.Ю.Витте франкмасон и ничего определенного не скажет. Кн. П.Д. Святополк-Мирский просил о приглашении С.Ю.Витте и Государь согласился. Возвратясь с доклада, министр вн. дел, вспомнив, что в состав совещания не включен В.Н.Коковцев, по телефону просил П.П.Гессе доложить об этом Е.И.В. и вскоре получил известие о согласии Государя. 3 декабря кн. П.Д.Святополк-Мирским были разосланы всем намеченным лицам приглашения на совещание, назначенное на следующий день. Вечером в тот же день его посетил С.Ю. Витте и, говоря о предстоявшем совещании, не соглашался с предположениями министра внутренних дел и находил, что

если перемена в государственном строе необходима, то лучше прямо перейти к конституции.

4 числа, в экстренном поезде, с которым отправлялись в Царское Село члены совещания, неожиданно для кн. П.Д. Святополк-Мирского оказался К.П.Победоносцев, получивший от Государя записку: «Приезжайте помочь разобраться в хаосе». На совещании присутствовал великий князь Михаил Александрович. По открытии заседания большинство членов совещания горячо выражали возмущение общественным движениям; при этом не различали резолюций земского совещания от требований, выставленных во время банкетов и различными собраниями, и настаивали на опубликовании правительственного сообщения, которым осуждались бы все проявления общественного недовольства. Кн. П.Д.Святополк-Мирский возражал на эти нападки и указывал, что нельзя отождествлять голос представителей земских учреждений и земских деятелей с постановлениями, принимаемыми на разных митингах и собраниях случайного характера. Но, однако, имея в виду, главным образом, осуществление своего предположения о включении в состав государственного совета представителей местных самоуправлений, министр вн. дел соглашался на опубликование правительственного сообщения, предполагая, что оно даст некоторое удовлетворение представителям реакции, и рассчитывая, что общество отнесется к такому сообщению безразлично, раз одновременно будет положено начало призыву государственной властью к законодательной деятельности общественных представителей.

Перейдя к обсуждению записки министра вн. дел, в которой, кроме приглашения в государственный совет общественных представителей, говорилось о необходимости

мероприятий, включенных впоследствии в указ 12 декабря, внимание совещания сосредоточилось на основном предложении записки. С резкими возражениями выступил К.П. Победоносцев, который указывал, что самодержавие имеет не только политическое значение, но религиозный характер, и что Государь не в праве ограничивать свою власть, возложенную на него Божественным промыслом. В.Н.Коковцев высказывался против предоставления общественным представителям права контроля над действиями правительства и против вмешательства их в распоряжение финансовыми средствами государства и говорил, что уступка общественным требованиям в настоящее время грозит в дальнейшем полным ограничением царской власти. С.Ю.Витте возражал В.Н.Коковцеву на его опасения относительно предоставления общественным представителям участия в направлении финансовой политики, но по существу вопроса не высказывался определенно; он «вилял», как выразился кн. П.Д. Святополк-Мирский, и нельзя было понять его отношение к существу обсуждавшегося предложения. Определенную и сильную поддержку своему предложению кн. П.Д.Святополк-Мирский встретил со стороны гр. Д.М.Сольского и Э.В.Фриша. Они признавали необходимым идти по пути сближения государственной власти с обществом и не видели в этом опасности для принципа самодержавия. Но они оба находили более целесообразным не вводить в состав государственного совета представителей общественных учреждений, а составить особый совет из выборных лиц, в качестве первой инстанции, причем, по мнению гр. Д.М.Сольского, эти лица должны были бы явиться избранниками населения, а не общественных учреждений. Мнение этих двух членов совещания встретило сочувствие Государя и он

согласился с ними, признав, однако, что в состав предлагаемого ими особого совета должны войти представители по выбору местных общественных учреждений.

С.Ю.Витте, ссылаясь на то, что обсуждаемый вопрос относится к компетенции совета министров, а делопроизводство этого совета состоит при комитете министров, предложил составление редакции указа по данному вопросу поручить ему, как председателю комитета министров, и барону Э.Ю.Нольде, как управляющему его делами. Кн. П.Д.Святополк-Мирский, не возражая против предложения С.Ю.Витте, просил сохранить и за ним право представить с своей стороны проект редакции указа, на что Государь соизволил.

В следующем заседании, состоявшемся 7 декабря, кроме присутствовавших в первом заседании, приняли участие великие князья: Владимир, Алексей и Сергей Александровичи. В этом заседании с возражениями по существу выступили в. кн. С.А. и Н.В.Муравьев, причем последний проводил мысль, что на основании действующих основных законов Империи Государь не в праве изменять существующий государственный строй. Кн. П.Д.Святополк-Мирскому нетрудно было опровергнуть мотивировку министра юстиции. Сделанные в этом заседании возражения не поколебали решение Государя, который, одобрив проект указа в редакции, представленной министром вн. дел, поручил ему внести некоторые исправления, согласно последовавшим в совещании указаниям, и представить затем указ для подписи.

Указ в исправленной редакции был представлен Государю 8 декабря утром и кн. П.Д.Святополк-Мирский считал вопрос получившим уже окончательное разрешение.

После этого прошло четыре дня, в течение которых министр внутренних дел ожидал возвращения указа, подписанного Государем, но 11 декабря, вечером получил письмо С.Ю. Витте, извещавшего, что он в этот день был вызван в Царское Село и что Государь исключил из указа ту его часть, в которой говорилось о привлечении к законодательной деятельности выборных представителей общественных учреждений. Затем С.Ю.Витте посетил кн. П.Д.Святополк-Мирского лично и так объяснил последовавшее изменение указа. Государь говорил, что его смущает редакция этой части указа, и спросил С.Ю.Витте, как он относится вообще к этому предположению, на что С.Ю. отвечал, что он не относится к нему отрицательно, но и не ожидает от его осуществления положительных результатов. Тогда Государь зачеркнул эту часть указа и поручил переписать указ за этим исключением. Н.В.Муравьев передавал впоследствии кн. П.Д.Святополк-Мирскому, со слов вел. кн. Сергея Александровича, будто, Государь изменил указ по настоянию С.Ю.Витте.

12 декабря были опубликованы высочайший указ и правительственное сообщение и в тот же день кн. П.Д. Святополк-Мирский подал прошение об отставке.

Глава IX

Высочайший указ и рескрипт на имя министра внутренних дел 18 февраля 1905 года. Устранение представителей общественных учреждений от участия в совещании, организованном под председательством А.Г.Булыгина. Составление проекта организации народного представительства, согласно основной идее мнения меньшинства совещания земских деятелей 6—8 ноября 1904 года. Земский съезд 22—26 апреля 1905 года. Совещание земских деятелей, принадлежавших к меньшинству земского съезда, 22—23 мая 1905 года. Общий земский съезд 24—25 мая 1905 года. Поездка моя на Дальний Восток. Манифест 6 августа 1905 года. Манифест 17 октября 1905 года.

Указ и правительственное сообщение 12 декабря 1904 г. и последовавшее за ними удаление с поста министра внутренних дел кн. П.Д.Святополк-Мирского явились новым подтверждением тому, что государственная власть не придает никакого значения голосу представителей общественной среды, не принимает во внимание роста общественного сознания и быстро нарастающего в слоях всего населения недовольства политикой власти и совершенно не понимает истинных причин все более и более обостряющегося общественного движения. Государь и его правительство, как будто, не сознавали, что политика государственной власти играет в руку самых оппозиционных элементов, с убедительностью подтверждая мнение последних, что никакое доброжелательное соглашение с властью не может иметь место и что осуществление справедливых общественных требований возможно лишь путем политической борьбы и

ниспровержения государственного строя. И, действительно, события ближайшего времени показали, что тот шаг, который государственная власть не сочла возможным и нужным сделать в ответ на откровенное и вполне лояльное заявление совещания земских деятелей, она была вынуждена на него решиться под влиянием революционного движения. 9 января 1905 года произошло выступление рабочих в Санкт-Петербурге, сопровождавшееся большим кровопролитием, а 5 февраля в Москве был убит великий князь Сергей Александрович, и вслед за тем, 18 февраля, были опубликованы — указ сенату и рескрипт на имя министра внутренних дел, А.Г.Булыгина, которыми полагалось начало привлечению избранников населения к участию в законодательной деятельности.

Акты, обнародованные 18 февраля, явились полной противоположностью актам, опубликованным 12 декабря. Правительственное сообщение 12 декабря говорило о пожеланиях, выраженных ноябрьским земским совещанием, которые, «вопреки требованиям закона, рассматривались в заседаниях некоторых городских дум и земских собраний» и сделались предметом обсуждения различных общественных собраний. Усматривая в этом «движение против существующего порядка управления», сообщение объявляло, что «всякие сборища противуправительственного характера должны быть и будут прекращены всеми имеющимися в распоряжении властей законными средствами, а виновные в сих нарушениях, особенно же лица, состоящие на государственной службе, будут привлекаемы к законной ответственности. Земские и городские управления и всякого рода учреждения и общества обязаны не выходить из пределов, предоставленных их ведению, и не касаться тех вопросов, на

обсуждение которых они не имеют законного полномочия; председатели же общественных собраний, за допущение в них обсуждения не относящихся к их ведению вопросов общегосударственного свойства, подлежат ответственности на основании действующих законов». В указе 18 февраля проявилось совсем иное отношение к обсуждению общегосударственных вопросов в общественных собраниях; текст указа был следующий: «В неустанном попечении об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния Империи признали Мы за благо облегчить всем Нашим верноподданным, радеющим об общей пользе и нуждах государственных, возможность непосредственно быть Нами услышанными. В виду сего повелеваем возложить на состоящий под председательством Нашим совет министров, сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмотрение и обсуждение поступающих на имя Наше от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». А в рескрипте министру внутренних дел поручалось — «передать приветственно обращавшимся ко Мне собраниям и обществам Нашу благодарность за выраженные ими верноподданнические чувства, которые в трудное переживаемое нами время были нам тем более отрадны, что высказанная в этих обращениях готовность, по слову Моему, прийти содействовать успешному осуществлению возвещенных Мною преобразований всецело отвечает душевному Моему желанию совместной работой правительства и зрелых сил общественных достигнуть осуществления Моих предначертаний, к благу народа направленных».

Из сопоставления этих актов легко усмотреть, что то, что осуждалось 12 декабря и за что сулились строгие кары, 18 февраля признавалось вполне правомерным и удостаивалось высочайшей благодарности. Это противоречие невольно вызывало сомнение в искренности заявлений, заключавшихся в последних актах, но в то же время, казалось вероятным, что под влиянием тех или иных соображений государственная власть, встав раз на новый путь в своих отношениях к обществу, пойдет в дальнейшем открыто и прямодушно к осуществлению реформы, признанной ею необходимой. Так поняло высочайшую волю московское губернское земское собрание.

Очередная сессия собрания была созвана 13 декабря 1904 года и в этот день был принят собранием текст адреса Его Императорскому Величеству, в котором, между прочим, говорилось:

> «Мы твердо верим. Государь, что близок тот счастливый день, когда по воле Вашего Величества будет отменен существующий бюрократический строй, разобщающий Верховную Власть с народом, когда Царь призовет свободно избранных представителей всей земли русской к участию в законодательстве».

На следующий день гласные собрались, удрученные впечатлением от напечатанного в этот день в московских газетах правительственного сообщения от 12 декабря. 45-ю гласными председателю собрания было подано следующее заявление:

> «Мы, нижеподписавшиеся, имеем честь просить вас сделать на некоторое время перерыв в занятиях

собрания, так как мы, глубоко взволнованные сегодняшним правительственным сообщением, не находим в себе должного спокойствия для продолжения своих занятий».

По единогласному постановлению собрания очередная сессия была прервана и возобновилась 12 февраля. 19 февраля, когда в Москве сделались известными указ сенату и рескрипт на имя А.Г.Булыгина, губернские гласные поспешили до начала заседания земского собрания собраться в частном совещании для обсуждения вопроса, как может и должно губернское собрание реагировать на обнародованные акты, столь важного значения. Гласные были склонны забыть тяжелое впечатление и чувство обиды, навеянные на них правительственным сообщением 12 декабря 1904 года, и были готовы с чувством удовлетворения и с полным доверием отнестись к возвещенной реформе, полагающей основу для создания необходимого взаимодействия государственной власти с населением. Совещание признало желательным предложить земскому собранию отправить телеграмму Государю Императору и одобрило предложенный мной текст телеграммы. По открытии заседания собрание приняло большинством против 11 голосов проект телеграммы-адреса в следующей редакции:

«Животворною вестью пронеслась сегодня по всей России выраженная Вашим Императорским Величеством в рескрипте на имя министра внутренних дел воля Ваша, Государь, привлечь достойнейших, доверием народа облеченных избранных от населения людей, к участию в законодательной работе. Московское губернское земское собрание спешит в этот зна-

менательный для нашего отечества день высказать Вашему Императорскому Величеству одушевляющие московское земство чувства благодарности и радости, вызванные указанием Вашим, Государь, что выраженная людьми земли русской готовность по зову Вашему прийти содействовать успешному осуществлению возвещенных Вами преобразований всецело отвечает душевному желанию Вашего Величества. Московское губернское земское собрание проникнуто сознанием, что призыв Вами, Государь, свободно избранных представителей народа укрепит единение Верховной Власти с землею, обеспечит плодотворность законодательной работы, внесет успокоение во внутреннюю жизнь нашу и восстановит в стране прочный порядок и правильное течение общественной и государственной жизни».

В том же заседании собрание постановило избрать комиссию из 10 лиц, поручив ей, совместно с губернской управой, составить и внести на обсуждение губернского земского собрания проект предположений по вопросу об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния, для представления его в совет министров, согласно высочайшему указу. При этом было высказано пожелание произвести выборы комиссии безотлагательно с тем, чтобы комиссия и управа в возможно скором времени представили свои соображения по вопросу о привлечении представителей общественных учреждений в образуемое под председательством министра вн. дел совещание. Однако, вследствие противодействия выраженному пожеланию председательствовавшего в собрании звенигородского уездного предводителя дворянства,

гр. П.С.Шереметева, избрание комиссии состоялось после перерыва сессии 22 февраля, только по ее возобновлении, 7 марта. В этот же день, вечером, комиссия и управа обсудили поставленный им на первую очередь вопрос и 8 марта представили собранию доклад, в котором был намечен порядок избрания общественных представителей. Собрание большинством против 11 голосов одобрило предположение комиссии и управы и признало нужным представить изложенные в докладе соображения министру вн. дел через особо избранную депутацию. 9 марта депутация была избрана собранием в составе: кн. П.Д.Долгорукова, Н.Ф.Рихтера, Д.Н.Шипова и Н.Н.Щепкина, и 10 выехала в Санкт-Петербург одновременно с городской депутацией, на которую было возложено поручение представить министру вн. дел аналогичное ходатайство, согласно постановлению московской городской думы, состоявшемуся 4 марта.

Земская депутация поспешила выехать одновременно с городской, так как прием последней, вследствие телеграфных сношений городского головы с министром, был назначен на 11 марта в 11 ч. 30 м. дня. О выезде земской депутации министр был предупрежден телеграммой московского губернатора. Дежурный чиновник, доложивший министру о прибытии земской депутации, сообщил нам, что министр не имеет в этот день времени принять земскую депутацию и предлагает ей явиться на следующий день во время обычного общего приема. Обе депутации просили чиновника доложить министру, что они просят принять их одновременно и что прием земской депутации лишнего времени не потребует; но министр не пожелал изменить свое решение и городская депутация была одна приглашена в кабинет министра. Принимая во внимание:

1) что 12 марта должно было происходить последнее заседание губернского земского собрания, на котором депутация должна была сообщить о результатах своей поездки, о чем чиновником было доложено министру,

2) что на следующий день, во время общего приема, депутация не могла иметь возможность представить министру обстоятельные объяснения и

3) что прием министром земской депутации одновременно с городской не мог представить каких-либо затруднений, члены земской депутации решили в тот же день выехать обратно в Москву, известив о том министра письменно и препроводив ему постановление губернского земского собрания.

Я привел сведения о неудачной поездке земской депутации, так как образ действий министра вн. дел по отношению к депутации московского губернского земства явился первым после опубликования рескрипта на имя А.Г.Булыгина актом, подрывавшим доверие к искренней готовности представителей бюрократии изменить свое отношение к общественным учреждениям и вступить на путь действительного сближения правительства с обществом. Последовавший вскоре циркуляр министра внутренних дел губернаторам, имевший целью разъяснить и преподать указания, в каких пределах и в каком составе собраний разрешается обсуждение упомянутых в указе 18 февраля вопросов об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния, был составлен в очень неопределенных и туманных выражениях, но по общему своему тону циркуляр, несомненно, призывал местную администрацию к стеснению свободного проявления общественного мнения и на этой почве создалось нема-

ло конфликтов. В то же время все многочисленные ходатайства земств и городов о привлечении их представителей в состав Булыгинского совещания оставлялись не только без удовлетворения, но даже без каких-либо отзывов, и разработка вопроса, имевшего целью организовать тесное единение власти с населением производилась обычным бюрократическим порядком без участия в ней общественных сил.

Однако, уклонение правительства от сотрудничества общественных элементов не могло ослабить интерес общества к поставленному Верховной властью на очередь вопросу об организации народного представительства, а, напротив, такой образ действия правительства вызывал и усиливал в обществе недоверие к келейной работе вновь учрежденного бюрократического совещания и пробуждал в разнообразных общественных кругах настойчивое желание высказать и проявить свое отношение к данному вопросу. Не могла, конечно, отнестись безучастно к этому вопросу земская среда, и организационное бюро земских съездов, постановив созвать 22 апреля в Москве земское совещание, приступило к составлению доклада о желательных основаниях народного представительства и о порядке введения в жизнь представительных учреждений. При обсуждении этого вопроса в организационном бюро не замедлила обнаружиться невозможность сохранения того единения земских людей, поддержать которое так единодушно стремилось ноябрьское земское совещание 1904 года. Прежнее единение земской среды, как выяснилось с очевидностью, создалось не на основе общности понимания предстоявших стране положительных творческих задач, а лишь на почве отрицательного отношения к бюрократическому строю. Разномыслие, проявившееся в земском совещании в ноябре

1904 года и имевшее в то время преимущественно принципиальный, теоретический характер, при обсуждении вопроса об организации народного представительства переходило на практическую почву и приводило представителей двух мнений к совершенно различным заключениям об основаниях и системе избрания народных представителей. Это условие побудило меня выйти из состава организационного бюро и приступить к составлению проекта организации народного представительства в согласии с основной идеей меньшинства ноябрьского совещания земских деятелей.

Я желал привлечь к этой работе некоторых членов земского совещания, вотировавших за мнение его меньшинства, но, к сожалению, из числа этих лиц в Москве находился в это время только один Н.А.Хомяков, и мы, по взаимному соглашению, пригласили принять участие в обсуждении вопроса некоторых лиц, хотя и не входивших в состав земского совещания, но с нами единомышленных. Н.А.Хомяков и я особенно стремились привлечь с этой целью Ф.Д.Самарина, но наше обращение к нему потерпело неудачу. Ф.Д.Самарин продолжал относиться отрицательно к самой мысли о создании народного представительства, как постоянно действующего учреждения, и признавал, что участие выборных людей в законодательной работе может быть основано только на принципе государственной службы, а система избрания их должна быть поставлена в связь с существующей в государстве сословной группировкой населения. Участие в обсуждении вопроса об организации народного представительства вместе с Н.А.Хомяковым и мной приняли: московский губернский предводитель дворянства, кн. П.Н.Трубецкой, московский городской голова, кн. В.М.Голицын, М.А.Стахович, В.И.Герье, кн. Г.Г.Гага-

рин, О.П.Герасимов и А.Д.Алферов. Заключения, на которых остановилась указанная группа лиц, были изложены в особой брошюре[26], в составлении которой, кроме меня, принял ближайшее участие О.П.Герасимов. При составлении проекта организации народного представительства я руководился изложенными ниже соображениями, с большею частью которых были согласны все принимавшие участие в обсуждении вопроса лица, а в некоторых случаях я считал возможным поступиться своими предположениями, чтобы прийти к общему согласию.

Если в основу государственного строя полагается идея правовая, т.е., главным образом, обеспечение личных прав и интересов всех граждан, и если источник государственной власти усматривается в суверенном праве всего населения государства, то организация избрания народных представителей должна явиться выражением принципа народовластия и в основу избирательной системы логически следует признать правильным положить формулу всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов. Но выше, в главе V-й, я высказал уже мое отрицательное отношение к идее народовластия по соображениям принципиального характера и эта идея не могла служить мне базисом для проектирования порядка избрания народных представителей. «Коренная ошибка учения о полновластии народа, — говорит Б.Н.Чичерин, — заключается в том, что оно личную свободу, личную волю человека полагает в основу всего общественного здания»... «Но человек не только существо сво-

26 «К мнению меньшинства частного совещания земских деятелей 6—8 ноября 1904 года». Москва, 1905 г.

бодное; он вместе с тем существо разумно-нравственное»... «Свобода человеческая есть свобода разумно-нравственного существа. Человек имеет права, потому что имеет обязанности»... «Человек вступает в общество не только для удовлетворения своих потребностей, но и по нравственно-разумной необходимости. Он является на свет не только существом свободным, но и с прирожденными обязанностями»... «он обязан служить государственной цели — общему благу»... «необходимое условие государственной жизни состоит в подчинении личной воли другим высшим началам»[27]. Всецело разделяя приведенные мысли, я видел и вижу в народном представительстве лишь необходимое условие для создания и сохранения всегда живого общения и тесного единения государственной власти с населением и придерживаюсь убеждения, что народное представительство по составу своему должно являться не представительством случайно сложившегося во время выборов большинства избирателей, а должно служить выражением действительного направления и силы народного духа и общественного сознания, опираясь на которые, власть только и может получить необходимый ей нравственный авторитет, а веления ее будут встречать живой и сочувственный отклик в населении государства. Чтобы народное представительство соответствовало указанному назначению, необходимо привлечь в состав его наиболее зрелые силы народа, которые видели бы в предстоящей им деятельности не осуществление идеи народовластия, а выполнение возлагаемых

27 Б. Чичерин. «О народном представительстве». Москва, 1899 г., стр. 41—45.

на них ответственных обязанностей в устроении и развитии, в сотрудничестве с верховной властью, государственной жизни в целях обеспечения всем гражданам достойного человеческого существования и установления в стране условий, благоприятствующих не только материальной, но и духовной жизни людей, — условий, содействующих как политическому, так и моральному воспитанию народа.

В современном конституционном государстве предполагается, что каждый гражданин способен судить о всех вопросах, которые приходится разрешать народному представительству. Едва ли, однако, можно признать такое предположение справедливым. Для обсуждения и правильного разрешения весьма сложных вопросов государственной жизни необходимо, чтобы лица, входящие в состав народного представительства, были достаточно к тому подготовлены, обладали жизненным опытом и установившимся определенным миросозерцанием. Чем менее просвещен человек умственно и духовно, тем с большей самоуверенностью и легкомыслием готов он разрешать самые сложные проблемы жизни; чем большим развитием ума и духа обладает человек, тем осторожнее и осмотрительнее относится он к вопросам устроения жизни личной и общественной. Чем менее сведущ и опытен человек в жизни и в деле государственном, тем более он склонен к восприятию самых крайних политических и социальных увлечений; чем более человек имеет сведений и жизненного опыта, тем более сознает он неосуществимость крайних учений.

Народное представительство должно вносить в государственную жизнь непосредственное знание местных и общих потребностей, назревающих в стране. Население получает удовлетворение своих потребностей, как при

посредстве общих государственных учреждений, так и при посредстве органов местного самоуправления, и поэтому участие в общественных, земских и городских учреждениях и усвоение навыков в делах местного самоуправления являются лучшей школой для подготовки людей к государственному народному представительству. Предоставление избрания народных представителей земским и городским общественным учреждениям обеспечивает, с одной стороны то, что выборы эти будут произведены людьми, близко знакомыми с потребностями местной жизни и привыкшими к общественной самодеятельности, а, с другой — то, что лица, избираемые народными представителями, будут хорошо знакомы избирателям, которые имеют возможность остановить свой выбор на людях, способности и достоинства которых им хорошо известны. При всеобщих и прямых выборах личность избираемых кандидатов остается для подавляющего числа избирателей неизвестной и избиратели поставлены пред необходимостью подавать свой голос за программы и кандидатов, выставляемых борющимися между собой политическими партиями, причем значительное большинство избирателей не в состоянии разобраться в политических программах и вотум их обусловливается, главным образом, партийными лозунгами, возбуждающими и поощряющими эгоистические и классовые инстинкты и интересы. Избрание народных представителей органами общественного самоуправления обеспечивает правильный отбор действительно лучших и более зрелых сил общества для целесообразного направления государственной жизни страны и исключает или значительно сокращает элемент политической борьбы, в которую при всеобщем голосовании неизбежно вовлекается все население страны.

Земские и городские общественные учреждения своею многолетнею деятельностью засвидетельствовали свою жизненность. Сосредоточивая свою работу преимущественно на заботах о местных пользах и нуждах, они в то же время всегда стояли на высоте понимания государственных задач и воспитали в себе глубокое сознание долга общественного и государственного служения. Предоставление самоуправления всем местностям Российской Империи является, несомненно, потребностью неотложной. Настолько же необходимым следует признать расширение компетенции учреждений местного самоуправления, что откроет возможность проведения в жизнь необходимой децентрализации государственного управления. Но недостаточно расширить компетенцию земских учреждений и ввести их повсеместно; необходимо приблизить их к населению. Только при образовании мелких земских единиц земские учреждения станут учреждениями народными и сельское население получит возможность принимать активное участие в их деятельности. Только при такой организации земских учреждений они приобретут вполне демократический характер, явятся вполне компетентными для выбора народных представителей, призываемых к участию в государственной работе в центральном учреждении, и наш земско-государственный строй явится органически цельным, представляя в себе постепенное развитие идеи служения общему благу, начиная с мелких земских единиц и до государственного народного представительства.

Одновременно с приближением земских учреждений к сельскому населению нельзя не признать настолько же необходимой реорганизацию вообще представительства населения в этих учреждениях, как для удовлетворения

требований общественной справедливости, так и в целях привлечения к участию в земском деле новых сил. К числу последних должны быть отнесены: члены церковных причтов, арендаторы и управляющие имениями и промышленными заведениями, состоящие на государственной, общественной и частной службе и вообще все лица, проживающие в данной местности при определенных занятиях и занимающие квартиру не ниже известной стоимости. Право представительства в учреждениях местного самоуправления должно быть предоставлено всем привлеченным к уплате местных общественных сборов, причем к платежу этих сборов, в виде квартирного налога, следует привлечь всех лиц, имеющих определенные занятия и проживающих в данной местности в течение известного срока, предоставляющего им возможность ознакомиться с населением и освоиться с условиями местной жизни. Группировка избирателей для выбора гласных в основные мелкие земские и городские единицы не должна быть организована на основе представительства каких-либо сословных, классовых или имущественных интересов и в общественном деле наиболее соответствующей идее общественного служения нужно признать территориальную систему организации избирательных собраний, при которой все лица, пользующиеся избирательным правом и проживающие в границах определенной территории, выбирают, сообща, своих представителей в мелкие общественные учреждения в одном общем избирательном собрании.

Уездные земские собрания должны состоять из уездных гласных, избираемых собраниями мелких земских единиц и городами, входящими в состав уездных земств, а губернские — из гласных, избираемых уездными собраниями и города-

ми, не входящими в состав уездных земств. Принимая во внимание, что при такой организации земского представительства некоторые лица, участие которых в уездных или губернских собраниях может быть весьма желательным и полезным, могут оказаться не вошедшими в их состав по случайным причинам, как, например: неблагоприятно сложившиеся личные или хозяйственные отношения данного лица к местному населению, наличность достойных кандидатов, превышающая число гласных, которые могут быть избраны от данных мелкой земской единицы или уездного собрания, и т.п., — представляется целесообразным предоставить уездным и губернским собраниям право пополнять свой состав путем кооптации. Если собрание пожелает воспользоваться этим правом, то оно может пополнить свой состав путем производства соответствующих выборов, причем, однако, число кооптированных собранием лиц не должно превышать 1/5 всего состава собрания. Избрание народных представителей должно происходить в губернских земских собраниях и в думах городов с населением не менее установленной нормы.

Относясь отрицательно к группировке избирателей по интересам, нельзя в то же время не принять во внимание, что при производстве выборов в общем собрании при мажоритарной системе, при которой решающее влияние получает сложившееся в собрании большинство голосов, меньшинство избирателей, как бы значительно оно не было, не имеет возможности провести своих кандидатов, что, конечно, не может отвечать требованиям общественной справедливости. Устранение этой несправедливости возможно лишь при условии применения во всех стадиях выборов, начиная с выборов гласных в мелкие общественные единицы и кончая

избранием народных представителей, системы пропорциональных выборов, обеспечивающей каждой части населения или собрания возможность провести при выборах своих кандидатов, если только данная часть населения или собрания достигает известной предельной численности по своему составу. Пассивное избирательное право, как при выборе гласных и должностных лиц местного самоуправления, так и при избрании народных представителей, должно быть предоставлено всем лицам, принадлежащим к местному населению и имеющим право голоса в избирательных собраниях и съездах[28].

Приведенные здесь соображения относительно порядка избрания народных представителей были развиты в указанной выше брошюре — «К мнению меньшинства частного совещания земских деятелей 6—8 ноября 1904 года», но предварительно в этой же брошюре были изложены главные основания желательной организации народного представительства, причем признавалось, что для осуществления предстоявшей реформы нет надобности создавать новое учреждение и достаточно замены личного состава существующего государственного совета избранными от населения людьми. При таком преобразовании государственный земский совет явится выразителем народной мысли и между ним и Верховной властью не должно быть никакого посредствующего учреждения, так как в противном случае не будет осуществлена основная идея — непосредственного

28 Таково было мнение большинства лиц, принимавших участие в обсуждении вопроса; я с своей стороны полагал, что пассивное право должно быть предоставлено всем лицам, принадлежащим к местному населению, независимо от их активного избирательного права.

доступа к царю голоса народа и тесного, живого между ними единения.

Все изложенные в упомянутой брошюре мысли и соображения были формулированы в следующих 20-ти положениях:

1. Народное представительство не составляет противоречия идеи самодержавия, а является, напротив, необходимым условием ее правильного осуществления.
2. Народное представительство не должно иметь характера парламентарного, с целью ограничения царской власти, но должно служить органом выражения народного мнения, для создания и сохранения всегда тесного единения и живого общения царя с народом.
3. Народное представительство должно быть организовано, как особое выборное учреждение — государственный земский совет.
4. В круг обязанностей государственного земского совета должны входить: а) рассмотрение всех законопроектов, б) обсуждение государственного бюджета, в) рассмотрение отчетов по исполнению государственной росписи и деятельности ведомств; сверх того, предоставляется государственному земскому совету возбуждение вопросов о необходимости издания новых законов или изменения прежних.

   Примечание. Все законопроекты, возникшие как по правительственной инициативе, так и по инициативе государственного земского совета, по предварительной разработке их в подлежащих ведомствах, поступают в особое правительственное учреждение, которое и вносит их в оконча-

тельной форме на рассмотрение государственного земского совета.

5. Государственному земскому совету должно быть предоставлено право запроса министров, но министры ответственны не перед народным представительством, а перед Государем[29].
6. Председатель государственного земского совета утверждается Государем из избранных советом кандидатов, и все мнения совета докладываются Государю председателем совета.
7. Народное представительство должно быть построено не на всеобщем и прямом избирательном праве, а на основе реорганизованного представительства в учреждениях местного самоуправления, причем последнее должно быть распространено по возможности на все части Российской Империи.
8. Русский земско-государственный строй представляется в следующем развитии: мелкие земские единицы и уездные города, объединенные в уездных земствах, уездные земства и губернские города — в губернских земствах, губернские земства и города с населением свыше установленной нормы — в государственном земском совете.

29 Высказываясь за ответственность министерства перед Монархом, я исходил из убеждения, что министры должны назначаться Государем из лиц, принадлежащих к составу избранных народных представителей, так как при этом условии члены правительства будут всегда проникнуты сознанием, что они являются не только слугами короны, но и слугами народа.

9. Представительство в учреждениях местного самоуправления должно быть организовано не на сословных началах, и к участию в земском и городском самоуправлении должны быть привлечены по возможности все наличные силы местного населения.
10. Право представительства в учреждениях местного самоуправления должно быть предоставлено плательщикам земских и городских сборов.
11. К платежу земских и городских сборов, в виде квартирного налога, должны быть привлечены лица, не уплачивающие местных сборов с доходности принадлежащих им имуществ или предприятий, но проживающие в данной местности при определенных занятиях не менее года и занимающие квартиру стоимостью не ниже определенного размера (в уездах, примерно, 60 руб. в год). Право на представительство эти лица должны приобретать по истечении двух лет своего пребывания в данной местности и одного года со времени привлечения их к платежу квартирного налога.

    Примечание. Стоимость квартир, занимаемых лицами, состоящими на государственной, общественной или частной службе и получающими определенное жалованье, исчисляется в размере 20% получаемого ими содержания.
12. В общем избирательном собрании, для выбора гласных в собрание мелкой земской единицы, право непосредственного голоса должны иметь все плательщики местных сборов, уплачивающие таковые с доходности не ниже определенного размера (примерно, 300 рублей), а также лица, привлеченные к

платежу квартирного налога. Юридические лица, в том числе и сельские общества, участвуют через избранных ими из своей среды представителей, причем число таковых от сельских обществ должно быть определяемо по расчету одного представителя на каждые 10 дворов. Плательщики местных сборов с доходности имуществ и предприятий менее определенного размера, но не менее одной его десятой, избирают на предварительных съездах своих представителей, для участия последних в избирательных собраниях.

13. Число гласных в собраниях мелких земских единиц определяется пропорционально их населению по расчету одного гласного на 250 жителей, но общее число гласных в таких собраниях не должно быть более пятидесяти.
14. Уездные земские собрания составляются из уездных гласных, из числа которых четыре пятых избираются собраниями мелких земских единиц и уездными городами, а остальные могут быть замещаемы путем кооптации. Число уездных гласных, избираемых от мелких земских единиц и городов, определяется пропорционально их населению, по расчету одного гласного на 3000 жителей.
15. Губернские земские собрания составляются из губернских гласных, из числа которых четыре пятых избираются уездными земскими собраниями и городами, не входящими в состав уездных земств, а остальные могут быть замещаемы путем кооптации. Число губернских гласных, избираемых уездными земскими собраниями и городами, определяется

пропорционально населению уездов и городов, по расчету одного гласного на 30.000 жителей.

16. Избрание земских гласных во всех случаях производится путем пропорциональных выборов.
17. Пассивным избирательным правом при выборе гласных и должностных лиц местного самоуправления должны пользоваться все лица, принадлежащие соответственно к населению мелкой земской единицы, города или губернии и имеющие право голоса в избирательных собраниях или съездах.
18. Народные представители в государственный земский совет избираются губернскими земскими собраниями и думами городов, с населением свыше 250.000 жителей, путем пропорциональных выборов, как из своей среды, так и из среды всех лиц, принадлежащих к населению губернии или города и имеющих право избирательного голоса. Число избираемых народных представителей определяется пропорционально населению губернии или города, по расчету одного представителя на 250.000 жителей.
19. Уездные и губернские гласные и народные представители содержания не получают, но им должны выдаваться прогонные деньги и суточные во время пребывания их на сессиях с таким расчетом, чтобы исполнение ими возложенных на них общественных обязанностей не вызывало никаких расходов с их стороны.
20. Производство выборов народных представителей в государственный земский совет может быть организовано на изложенных основаниях теперь же, незави-

симо от реорганизации существующих учреждений местного самоуправления и введения таковых в остальных частях государства, причем первоначальные собрания избирателей (п. 12) могли бы быть приурочены временно к волости или приходу, а затем дальнейшие выборы произведены в уездных, городских и губернских избирательных собраниях.

Я изложил главные соображения, на основе которых указанной выше группой лиц была проектирована в 1905 году организация народного представительства и избрания народных представителей. И в настоящее время я держусь убеждения, что основные положения составленного нами в 1905 г. проекта представляются вполне целесообразными и что только при их осуществлении возможна правильная организация взаимодействия государственной власти с населением, взаимодействия, обеспечивающего спокойное и мирное развитие государственной жизни. Путь политической борьбы, по которому пошло преобразование нашего государственного строя, противоположение интересов государственной власти и населения и стремление к осуществлению идеи народовластия с изумительной быстротой разложили народный дух, жизнепонимание народа и привели страну к событиям, потрясшим и разрушившим ее экономические, государственные и нравственные устои. События последних лет с наглядностью и убедительностью подтверждают какое выдающееся значение имеют сущность и характер идеи, которая полагается в основу государственного преобразования и направления государственной жизни, и как важно и необходимо, чтобы развитие государственной и социальной жизни совершалось всегда во имя высоких идеалов добра, правды и всечеловеческого единения, пред-

стоящих пред всеми людьми, а не в целях обеспечения личных и классовых прав и интересов.

Брошюра — «К мнению меньшинства частного совещания земских деятелей 6—8 ноября 1904 года» — была напечатана в начале апреля 1905 года и тотчас же подверглась жестокой критике со стороны представителей конституционных течений, причем составителям брошюры, преимущественно мне, приписывалось желание сохранить абсолютизм монархической власти и предоставить народному представительству только совещательный голос. Такое неправильное заключение могло иметь место только в силу того, что наши оппоненты совершенно не верно понимали или, скорее даже, оставляли вовсе без внимания основную мысль изложенного в брошюре проекта и оценивали формулированные в ней положения исключительно с правовой точки зрения, усвоенной конституционалистами для определения основы в отношениях между верховной властью и народным представительством. Исходя из признания, что организация народного представительства имеет своими целями ограничение царской власти и предоставление законодательной власти представительному учреждению, наши оппоненты, видя наше отрицательное отношение к этим целям, приходили к заключению, что если мы этих целей не преследуем, следовательно, мы высказываемся за сохранение абсолютизма и за предоставление народному представительству не решающего, а совещательного голоса. Нашим оппонентам, по-видимому, было совершенно непонятно, что для нас, при усвоенной нами исходной точке зрения, является совершенно излишним и чуждым вопрос — решающим или совещательным голосом будет пользоваться народное представительство, и исключается вовсе возможность со-

хранения абсолютизма власти, не считающейся с представительством народной мысли, народного мнения. Различие в наших отношениях к этим вопросам обусловливается исключительно тем, что конституционалисты в основу преобразования нашего государственного строя полагали идею правовую, а мы считали необходимым в основу предстоявшей реформы положить идею этико-социальную, сознание нравственного долга, лежащего равно, как на носителе верховной власти, так и на народном представительстве. Конституционалисты признают возможным организовать взаимодействие власти и представительного учреждения, лишь обеспечив его правовыми нормами и гарантиями, а мы полагаем, что это взаимодействие принципиально правильнее и целесообразнее создать на основе моральной солидарности власти с народным представительством. Исходя из этого убеждения, мы признаем невероятным, чтобы верховная власть, раз народное представительство будет существовать, как постоянно действующее учреждение, могла что-либо предпринять вопреки голосу представителей народной мысли и народной совести, так как в этом случае она прежде всего не могла бы сохранить необходимый ей авторитет, и в то же время признаем, что моральная основа государственного строя может скорее обеспечить доброжелательное и спокойное развитие государственной жизни, чем идея правовая, всегда носящая в себе семена политической борьбы. Ни в заключительных положениях нашего проекта, ни в предпосланных им в брошюре соображениях, нигде не говорится ни о совещательном характере народного представительства, ни о сохранении абсолютизма государственной власти. Второе положение проекта хотя и указывает в начале, что «народное представительство не

должно иметь характера парламентаризма с целью ограничения царской власти», но тут же говорится далее, что оно «должно служить органом выражения народного мнения для создания и сохранения всегда тесного единения и живого общения царя с народом». Само собой представляется понятным, что не может быть речи о тесном единении власти с народным представительством, если допустить предположение, что верховная власть может не считаться с голосом народного представительства. Разномыслие и разногласие между сущностью нашего проекта и его пониманием и характеристикой нашими оппонентами коренились, несомненно, в различиях наших миросозерцаний, в различиях нашего понимания смысла человеческой жизни, как личной, так и общественной.

22—26 апреля 1905 года в Москве происходило совещание земских деятелей, на котором обсуждался вопрос — «об основаниях желательной организации народного представительства в Российской Империи и о порядке введения в жизнь представительных учреждений». Организационное бюро в пункте 2-м представленного им совещанию проекта положений говорило, что «представительство от органов местного самоуправления не может служить единственной и главной основой народного представительства. Необходимо представительство, избираемое населением без посредства каких-либо общественных учреждений». Этот пункт был введен организационным бюро, очевидно, в виду появившейся незадолго до открытия земского совещания брошюры — «К мнению меньшинства совещания земских деятелей 6—8 ноября 1904 г.» Земское совещание по обсуждении вопроса большинством голосов пришло к следующим заключениям:

В организации народного представительства Российской Империи не может быть допущено ни сословное начало, ни так называемое представительство интересов (т.е. отдельные выборы от различных классов или групп населения). В основу будущей постоянной организации народного представительства в Российской Империи должны быть положены следующие начала:

1. необходимы выборы представителей от населения путем всеобщей, равной и тайной подачи голосов;
2. вышеозначенные выборы от населения должны быть прямые, т.е. представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имеющими активное избирательное право;
3. наряду с представительным собранием, избираемым путем всеобщего и прямого голосования (палатой народных представителей), должно быть образовано особое представительство от реорганизованных на демократических началах и распространенных на всю Российскую Империю органов местного самоуправления;
4. обе палаты должны быть равноправны.

Затем совещание перешло к обсуждению вопроса о задачах и составе первого представительного собрания, которому совещание придавало характер собрания учредительного. По этому вопросу было внесено три предложения, между которыми голоса земских деятелей разделились так:

Мнение большинства — 71 голос. Первое представительное собрание, главной задачей которого будет установление государственного правопорядка Российской Империи, должно состоять из одной палаты народных представителей,

избранных путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Мнение 37 голосов. Первое представительное собрание, главной задачей которого будет установление государственного правопорядка Российской Империи, должно состоять из народных представителей, избранных путем всеобщего, равного, тайного, но двухстепенного голосования.

Мнение 17 голосов. Первые выборы в представительное собрание должны быть произведены:

а) в земских губерниях — губернскими земскими собраниями, пополненными представителями крестьянского населения и рабочих там, где развита фабричная промышленность, а также городскими думами значительнейших городов, пополненными представителями рабочего класса и высших учебных учреждений;

б) в не-земских губерниях (9 губерний западного края, область Войска Донского, Прибалтийские и Привислянские губернии) должны быть введены коллегии на началах, на которых организованы земские учреждения;

в) применение к остальным окраинам общего избирательного закона должно составить предмет занятий первого собрания народных представителей с привлечением делегатов от этих окраин.

После голосования трех приведенных мнений многие земские деятели, принадлежавшие к меньшинству, не считали для себя возможным дальнейшее участие в занятиях совещания и, удалившись из совещания, в своей среде обсуждали создавшееся положение, при котором представители меньшинства были лишены возможности войти в подробное и всестороннее обсуждение вопроса о желатель-

ной, по их мнению, организации избрания народных представителей. Было признано необходимым созвать с этой целью особое совещание земских деятелей, разделяющих мнение меньшинства, и в этих целях было составлено письменное обращение к нашим единомышленникам, в котором, между прочим, говорилось:

> «Принимая во внимание выдающееся значение, которое будет иметь то или иное разрешение вопроса о составе народного представительства, особенно в первые годы по его учреждении, и имея в виду, что по этому вопросу в земской среде существуют крайне различные мнения, группа членов частного совещания земских деятелей 22—26 сего апреля, обсудив по окончании занятий упомянутого совещания затронутый в настоящем обращении вопрос, полагает необходимым предложить земским деятелям, как не сочувствующим вообще началу всеобщей и прямой подачи голосов, так и тем, которые, признавая желательным положить это начало в основу организации народного представительства в принципе, не считают однако эту систему осуществимой в близком будущем, — собраться в особое совещание для установления главных оснований, на которых желательно построить избрание народных представителей, и для выработки соответствующей программы, которая могла бы по возможности объединить всех, не разделяющих мнение о желательности применения всеобщего и прямого голосования в настоящее время».

Предположенное совещание было назначено в Москве на 22 мая, и в письме были изложены порядок организации

совещания и все относившиеся к этому вопросу подробности. Это письменное приглашение было разослано 28 апреля и было подписано следующими лицами, принадлежавшими к составу земств следующих губерний: А.Ф.Алейников — бессарабской губ., М.В.Родзянко — екатеринославской губ., П.И.Геркен — казанской губ., М.Д.Ершов — калужской губ., Д.Н.Шипов — московской губ., М.А.Стахович — орловской губ., кн. С.С.Волконский и А.П.Языков — пензенской губ., Ф.А.Лизогуб — полтавской губ., кн. П.С.Волконский — рязанской губ., Н.А.Хомяков — смоленской губ., кн. А.Д.Голицын и А.В.Кучеров — харьковской губ., А.В.Васюхнов — херсонской губ., и Н.П.Глебов — ярославской губ. Эти приглашения были посланы во все земские губернии лицам, хорошо известным подписавшим письменное обращение, с просьбой распространить в своей губернии в среде, сочувствующей мнению меньшинства земского съезда, сведения о предстоявшем совещании. В ответ на наш призыв поступили многочисленные заявления о желании принять участие в совещании представителей меньшинства земских съездов, и к 22 мая с этой целью прибыло в Москву большое число лиц, собравшихся в Екатерининском зале дворянского собрания.

Однако занятия совещания под влиянием известий о страшной катастрофе, постигшей наш флот в Цусимском проливе, получили иной характер и направление, чем это предполагалось. Как только была получена весть, так угнетающе отозвавшаяся на общественном настроении, немедленно было созвано организационное бюро земских съездов, которое пришло к заключению о необходимости, в виду создавшегося положения, созвать на 24 мая в Москве общее земское совещание. Исполняя поручение организационного

бюро, Ф.А.Головин обратился ко мне с просьбой передать группе лиц, созывающей совещание представителей мнения меньшинства земских съездов, и всем, имеющим прибыть на это совещание, приглашение организационного бюро принять участие в созываемом им общеземском съезде. Ф.А. говорил, что, по мнению организационного бюро, в виду переживаемого Россией грозного времени, необходимо отложить всякую рознь и разномыслие в земской среде и единодушно обратиться к государственной власти, чтобы общими усилиями внести умиротворение в нашу государственную жизнь и предупредить возможность дальнейших потрясающих ее событий. Я ответил на сделанное мне сообщение выражением принципиального сочувствия возникшей в среде организационного бюро мысли, но в то же время высказал опасение, как бы в прениях и особенно при редактировании обращения земского съезда к государственной власти вновь не проявилось усвоенное большинством агрессивное настроение, что с одной стороны может поставить в затруднение представителей меньшинства земских деятелей, а с другой стороны, и это главное, может вместо сближения власти с обществом вызвать еще большее обострение их отношений. Ф.А.Головин утверждал, что такого рода опасения напрасны и что организационное бюро в настоящее время проникнуто желанием доброжелательного соглашения и сознает необходимость при угрожающем России положении поддержать авторитет государственной власти.

22 мая по открытии совещания представителей меньшинства я доложил о приглашении организационным бюро всех собравшихся принять участие в общеземском съезде. Обсуждение вытекавших из этого приглашения вопросов

вызвало продолжительный обмен мнений. Многие участники совещания отнеслись отрицательно к вопросу об участии представителей меньшинства на общем земском съезде. Высказывались мнения, что поддержать столь необходимые в переживаемый момент авторитет власти и бодрость общественного настроения было бы возможно только в том случае, если имелись бы в наличности благоприятные для того условия и искренняя готовность с обеих сторон создать и осуществить действительное взаимодействие власти с населением, но этого, к сожалению, не существует. Можно ожидать скорее, что, при существующем антагонизме между правительством и обществом, подача в настоящее время съездом адреса или петиции может только усилить эту рознь и едва ли явится средством, содействующим укреплению нашей государственной мощи. Такой результат представлялся тем более вероятным, что на редакции петиции несомненно отразится привычное для большинства земского съезда нетерпимое и слишком резкое отношение к существующему государственному строю. Однако большинство совещания не согласилось с такой точкой зрения и полагало желательным, чтобы члены нашего совещания не уклонялись от участия в общеземском съезде. Созыв такого съезда — дело уже решенное. Наш отказ принять в нем участие не заставит инициаторов съезда и их сторонников отказаться от своего предположения. Если съезд состоится без участия представителей меньшинства, то вынесенные съездом резолюции и составленные им адрес или петиция по своему содержанию и своей форме, с большей вероятностью можно предположить, вызовут обострение в отношениях между властью и обществом. Присутствие на земском съезде участников нашего совещания, если не сможет оказать

содействие осуществлению доброжелательного соглашения власти с общественной средой, то во всяком случае может оказать некоторое примиряющее воздействие на настроение съезда и отразится на его постановлениях. Это последнее мнение при заключении заседания было принято значительным большинством голосов.

На следующий день совещание приступило к рассмотрению вопроса об организации выборов народных представителей, но обсуждение этого вопроса не могло сосредоточить необходимого внимания и интереса собравшихся, так как все находились под впечатлением «Цусимы» и были озабочены мыслями о предстоящем общеземском съезде. Сложный вопрос об организации политических выборов не мог быть обсужден всесторонне и детально, но большинство участвовавших в прениях соглашалось с соображениями и основными положениями проекта организации выборов, изложенными в брошюре «К мнению меньшинства частного совещания земских деятелей 6—8 ноября 1904 года». Мне не пришлось принять деятельного участия в занятиях совещания 23 мая по той причине, что в этот день организационное бюро земских съездов обратилось ко мне с просьбой о содействии с моей стороны для устранения препятствий к открытию общеземского совещания на следующий день.

Под влиянием циркуляра министра вн. дел относительно порядка обсуждения в общественных собраниях вопросов, касающихся усовершенствования государственного благоустройства, о чем было сообщено выше, московская администрация всеми мерами старалась противодействовать устройству совещаний земских деятелей. Председатель московской губернской управы пред апрельским земским совещанием был предупрежден градоначальником, что

созыв земских совещаний не может быть допущен без испрошения предварительно разрешения, и так как, тем не менее, приглашения на совещание, происходившее 22—26 апреля, были разосланы председателем московской управы, то Ф.А.Головин был привлечен к ответственности за незаконный созыв земского съезда. 23 мая Ф.А.Головин прибыл в дом дворянского собрания и, вызвав меня из происходившего в это время заседания земского совещания, сообщил о полученных организационным бюро сведениях, что полиции отдало распоряжение принять решительные меры к недопущению собрания земских деятелей, созываемого бюро на 24 мая. Принимая во внимание, что созыв совещания представителей меньшинства земских съездов, без испрошения предварительного разрешения, не встретил каких-либо затруднений и что участники этого совещания приняли решение участвовать в общеземском съезде, Ф.А.Головин передал мне просьбу бюро принять участие в устранении препятствий, встречаемых этим съездом. Для разрешения возникшего вопроса я направился к московскому генерал-губернатору, А.А.Козлову. В довольно продолжительной беседе я ознакомил А.А.Козлова с соображениями, побуждающими земских деятелей собраться для общеземского совещания, и о решении собравшихся в настоящее время в дворянском доме земцев принять участие в общем земском съезде. Я указал, что предстоящий съезд ставит себе целью построить мост через пропасть, разобщающую правительство с обществом, и содействовать столь особенно необходимому единению государственной власти с населением в переживаемое страной время тяжелых испытаний. Генерал-губернатор, выслушав меня и получив от меня все желаемые им разъяснения, сказал, что не видит причин для

противодействия осуществлению возникшего в земской среде намерения. Не считая возможным без сношений с министром вн. дел дать официальное разрешение съезда, он предоставит земским деятелям возможность собраться для частного совещания и сделает распоряжение, чтобы со стороны полиции такому совещанию не создавалось препятствий. Я предупредил А.А.Козлова, что земское совещание состоится в доме М.К.Морозовой на Смоленском бульваре.

Состоявшееся 24 и 25 мая общеземское совещание не оправдало возлагавшихся на него ожиданий и подтвердило опасения, возможность которых я предвидел во время моей первой беседы с Ф.А.Головиным и на которые указывалось 22 мая многими членами земского совещания. К сожалению, я не имею в своем распоряжении журналов и материалов, относящихся к общеземскому съезду, и они, насколько мне известно, не сохранились, вследствие чего я лишен возможности восстановить вполне точно и с желательными подробностями все, происходившее во время общеземского съезда, и могу сообщить лишь то, что сохранилось в моих личных воспоминаниях и в вынесенных мной впечатлениях.

По открытии совещания, под председательством гр. П.А.Гейдена, не замедлило проявиться в речах и происходивших прениях очень возбужденное настроение и очень резкое отношение к правительству и существующему государственному строю. Чувствовалось, что подавляющее большинство ораторов, как и вообще среди присутствовавших, руководится не столько сознанием необходимости смягчить рознь и разлад между государственной властью и обществом и напрячь все свои силы к созданию возможного между ними единения для укрепления престижа нашей государственной мощи, сколько находится под влиянием,

может быть и справедливого, чувства негодования действиями правительства, вовлекшего Россию в несчастную и непонятную для народного сознания войну и приведшего страну к внутренней и внешней разрухе. Чувствовалось, что значительное большинство совещания высказывается за обращение к государственной власти не с целью поддержать в переживаемое грозное время ее авторитет, подавив в себе чувство возмущения политикой правительства, а видит в этом обращении в данный момент преимущественно средство предъявить настойчивое требование о немедленном изменении государственного строя на основах, признанных желательными большинством земского совещания 1904 года. Такое настроение особенно наглядно проявилось во внесенном и поддержанном несколькими лицами предложении отправиться всем собравшимся (более 200 человек) в Санкт-Петербург, испросить прием всего состава совещания Государем и предъявить требование о безотлагательном созыве народного представительства, избранного на основе четырехчленной формулы. Такое предложение вызвало твердое возражение со стороны представителей меньшинства, в числе которых выступил и я. Мы категорически отвергали мысль о возможности и допустимости такого обращения к Верховной Власти, доказывали, что таким шагом можно лишь пагубно потрясти нашу государственную жизнь и еще более ухудшить положение страны. После горячих прений внесенное предложение было отклонено и на очередь был поставлен вопрос о представлении Государю через депутацию адреса-петиции за подписью всех членов совещания. Депутацию предлагалось избрать в числе 20—30 лиц. Одновременно был оглашен предложенный организационным бюро проект адреса-петиции, составленный в

очень резких выражениях и заключавший в себе некоторые положения, неприемлемые для меньшинства совещания. Представители меньшинства старались выяснить, что если совещание желает осуществить первоначальное предположение организационного бюро, т.е. путем обращения к Государю содействовать созданию действительного единения власти с обществом, то для этого необходимо облечь это обращение в форму и обставить его условиями, способными привести Государя к убеждению в искренности желания общественных деятелей прийти к доброжелательному соглашению и исключающими возможность усмотреть в этом шаге проявление политической борьбы. В этих целях указывалось на необходимость изменить соответственно текст петиции и для представления ее избрать не многочисленную депутацию, в составе 5—6 членов, причем признавалось желательным, чтобы в состав депутации совещанием были избраны лица, которые не могли бы возбудить в Государе известного предубеждения к земской депутации и недоверия к искренности земского обращения к Верховной Власти. Эти мысли, хотя и вызвали ряд возражений, но большинство совещания согласилось с их основательностью и признало их правильными.

Во время перерыва заседания, организационное бюро пригласило Н.А.Хомякова и меня, как представителей меньшинства совещания, высказать свои замечания относительно проекта адреса-петиции. Прежде всего мы возражали против включенного в проект указания, что избрание созываемых без замедления народных представителей должно быть произведено «путем всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосов». По состоявшемуся соглашению эти слова были заменены выражением: «избранных для сего

равно и без различия всеми подданными Вашими». Затем мы обращали внимание на многие весьма резкие выражения, которые не могли не возбудить недовольства Государя и не явиться серьезным препятствием для доверчивого соглашения власти с общественными представителями. Хотя проект редакции, согласно нашим указаниям, был в некоторых местах изменен, тем не менее, и после этих поправок общий тон адреса-петиции оставался неизменно агрессивным. Чтобы изменить общий характер земского обращения, нужно было бы, отказавшись от представленного проекта, составить совершенно иную, новую, его редакцию, что не могло не потребовать довольно значительного времени для согласования очень различных настроений и пожеланий, и против такой переработки проекта организационное бюро энергически возражало. Петиция была принята совещанием в измененной редакции, но одобренный текст не мог удовлетворить меньшинство участников совещания, так как и в новой редакции он не создавал благоприятной почвы для установления действительно доброжелательного соглашения.

Избрание депутации было произведено посредством подачи записок. По подсчете поданных записок оказалось, что 12 лиц получили наибольшее число голосов (большинство абсолютное) и тогда совещание признало нужным включить всех 12 намеченных кандидатов в состав депутации. В числе избранных таким порядком членов депутации оказался и я на 5-м месте, и перед мной встал вопрос — следует ли мне подчиниться избранию и принять участие в депутации? Принимая во внимание: 1) что в числе избранных лиц я явился единственным представителем, хотя и меньшинства совещания, но меньшинства значительной

численности, 2) что личный состав депутации не соответствовал мыслям и соображениям, высказанным и одобренным при обсуждении этого вопроса в совещании, 3) что я не мог не чувствовать отсутствие солидарности с своей стороны с составом депутации, а, напротив, сознавал наличность принципиального между нами разногласия, 4) что текст адреса-петиции, по глубокому моему убеждению, не соответствовал цели, которая имелась в виду при возникновении мысли о созыве общеземского совещания, и 5) что многие выражения, включенные в петицию, придавали ей не характер доброжелательного выражения голоса общественного мнения, а характер демонстративного предъявления требований, — я должен был признать для себя невозможным принять участие в депутации и заявил совещанию, что не могу подчиниться его избранию.

Вот те воспоминания, которые сохранились в моей памяти об общеземском съезде 24—25 мая 1905 года. В последовавших затем съездах земских и городских деятелей я более участия не принимал и с деятельностью их ознакомливался из любезно сообщаемых мне председателем московской губернской земской управы, Ф.А.Головиным, постановлений съездов и различных к ним приложений.

Летом 1905 года мне пришлось съездить на Дальний Восток по делам общеземской организации помощи больным и раненым воинам. Главноуполномоченным общеземской организации на театр военных действий сначала был кн. Г.Е.Львов, а затем обязанности главноуполномоченного исполнял председатель орловской губернской земской управы, С.Н.Маслов. Последний, возвратясь в Москву в конце июня месяца, сделал центральному управлению организации доклад о положении земских отрядов в Мань-

чжурии. Из сообщений С.Н.Маслова выяснилось, что большинство уполномоченных и медицинского персонала земских отрядов чувствовало большое утомление от продолжительного пребывания на театре военных действий, а неудачное для нас развитие военных событий и сознание бесцельности вызванной нашим государственным управлением войны угнетающе отзывались на настроении земских представителей и земских тружеников. Положение дела усложнялось еще тем, что за последнее время, по-видимому, отчасти поколебались установившиеся ранее между всеми участвующими в работе вполне нормальные в земском деле отношения, а это также невольно отражалось неблагоприятно на общем настроении. Общее настроение приводило к желанию скорейшего отозвания и возвращения земских отрядов тем более, что военно-санитарная часть была обставлена удовлетворительно и располагала достаточными средствами, оборудованием и личным составом. Однако, отозвание земских отрядов могло последовать не иначе, как с согласия главнокомандующего всеми военными силами, но можно было ожидать, что с его стороны осуществление этого предположения встретит отрицательное отношение. В виду всех изложенных условий, С.Н.Маслов признавал желательным, чтобы я, в качестве главноуполномоченного организации, отправился в непродолжительном времени на театр войны для разрешения на месте всех назревавших в земской организации вопросов. Ко времени возвращения С.Н.Маслова управлению общеземской организации выяснилось, что предстоявший в 1906 году большой неурожай хлебов угрожает народным бедствием во многих земских губерниях и что по этой причине земству необходимо заблаговременно сосредоточить все свои средства и силы для

оказания помощи местному населению. Принимая во внимание все эти условия, кн. Г.Е.Львов и все члены общеземского управления пришли к заключению о желательности моей поездки на Дальний Восток. Так как я в то время был свободен от всякой общественной деятельности и не мог принимать участие во все более развивавшемся в стране общественном движении, не сочувствуя характеру и направлению, которые это движение все более и более определенно и резко принимало, я счел долгом принять возлагавшееся на меня поручение.

20 июля я выехал из Москвы и через 15 суток, 5 августа, прибыл в Харбин, где находились управление и главные склады земской организации. Ознакомившись с лицами, с которыми мне предстояло вступить в ближайшее сотрудничество, и с положением дела, я через несколько дней, совместно с некоторыми земскими уполномоченными, направился на юг по железной дороге на разъезд № 84-й (предпоследняя остановка пред конечной железнодорожной станцией у военного фронта), где было сосредоточено несколько земских отрядов и находилось отделение склада. На следующий день собрались для общего совещания представители всех земств, участвовавших в общеземской организации, и врачи, заведовавшие земскими отрядами. Благодаря встреченному мной со стороны всех участников совещания вполне доверчивому и предупредительному ко мне отношению, моя ближайшая задача — оживить и укрепить среди всего персонала земское единение — оказалась весьма легкой и на нашем совещании незамедлило проявиться единодушное стремление к общей солидарности. Ознакомив собравшихся с предположением главного управления об отозвании отрядов, встреченное общим сочувствием, я

предложил выработать, сообща, план постепенной ликвидации деятельности земской организации. Такой план был составлен совещанием, причем была принята во внимание необходимость прекращать деятельность земских отрядов и разных учреждений организации с известной постепенностью, чтобы не поставить в какое-либо затруднение военно-санитарную организацию. Ликвидацию всех учреждений было предположено произвести в течение 3-х месяцев и закончить ее по возможности к 1 ноября.

При обсуждении вопроса о получении согласия главнокомандующего на отозвание земских отрядов все высказывали опасения, что с этой стороны встретятся несомненные и трудно устранимые препятствия. При этом, главнокомандующий, генерал Линевич, характеризовался, как человек очень властный, неприятный, тяжелый в своих отношениях и склонный всегда отрицательно относиться к представляемым ему соображениям. Имея в виду такие отзывы о генерале Линевиче и опасаясь встретить с его стороны резкий отказ в удовлетворении земских предположений, я счел полезным обратиться предварительно за советом и содействием к командовавшему 1-й армией, генералу Куропаткину, бывшему ранее главнокомандующим и относившемуся постоянно доброжелательно к земской организации. На следующий, после происходившего совещания, день я поехал в г. Херсу, где находилась ставка командующего 1-й армией, в расстоянии по грунтовой дороге около 20 верст от разъезда № 84. Генерал Куропаткин, как оказалось, в этот же день выехал на маневры и начальник его штаба изъявил готовность сообщить ему по телефону о моем приезде и узнать, где и когда командующий армией может меня принять. Генерал Куропаткин пригласил меня приехать к нему

на другой день в то селение, где должны были закончиться маневры, приблизительно в 30-ти верстах от Херсу. Проведя ночь в Херсу, я отправился в путь, согласно полученному приглашению, в сопровождении командированного со мной начальником штаба казака-проводника. После продолжительного путешествия, сопряженного с различными дорожными приключениями, я прибыл в назначенное мне место одновременно с возвращавшимся с маневров генералом Куропаткиным, который тотчас же пригласил меня к себе. Я сообщил ему о цели моего посещения и в подробностях ознакомил его с земскими предположениями. Во время моего доклада я не мог не заметить на лице моего собеседника выражение печали и смущения. Когда я окончил свое сообщение, А.Н.Куропаткин сказал, что он выслушал меня с чувством глубокого огорчения и с своей стороны высказал пожелание, чтобы земская организация отказалась от своего намерения. Материального затруднения удаление земских отрядов представить не может, но моральное впечатление такое решение на армию может произвести тяжелое. Генерал Куропаткин продолжал верить, что война не кончена и может быть доведена до победы, но для этого необходимо прежде всего поддержать дух в войсках. Удаление с театра военных действий учреждений земской организации явится свидетельством, что общество теряет интерес к войне и отказывает армии в своем содействии и доброжелательном участии. По этой причине А.Н.Куропаткин не находил возможным оказать в этом вопросе свое содействие земской организации и добавил, что в этом содействии, вероятно, не будет и надобности, так как едва ли земское предположение встретит противодействие со стороны главнокомандующего. На этом обсуждение вопроса было закончено и А.Н.Куро-

паткин пригласил меня идти с ним к обеду в обширную палатку, где были в сборе все начальствующие лица, принимавшие участие в маневрах. Генерал просил меня занять место за столом с ним рядом и во время обеда выражал свое удовольствие встретиться со мной в Маньчжурии.

По окончании обеда А.Н.Куропаткин просил меня вернуться с ним в его помещение и познакомить его с тем, что происходит и происходило в политической и общественной жизни России со времени начала войны. Исполняя желание А.И.Куропаткина, я нарисовал картину все усиливающегося разлада между государственной властью и обществом, рассказал о появившейся было с назначением кн. П.Д.Святополк-Мирского на пост министра внутренних дел надежде на изменение политики правительства, о земском съезде 1904 года, о последовавших вслед за ним актах, опубликованных 12 декабря 1904 года и усугубивших оппозиционное настроение в широких общественных кругах. Затем говорил о событиях начала 1905 года, после которых последовали указ и рескрипт 18 февраля, сообщил о совещаниях земских деятелей в апреле и мае и о петиции, представленной Государю через депутацию. В заключение я отметил, что пропасть, отделяющая государственную власть от населения, последовательно быстро расширяется и углубляется, с одной стороны, вследствие нежелания и отсутствия в правящих кругах сознания поспешить удовлетворением вполне справедливых и умеренных общественных стремлений, а с другой стороны, под влиянием все нарастающего в обществе агрессивного настроения, готового перейти на путь политической борьбы с властью. А.Н.Куропаткин с большим интересом и вниманием следил за моим рассказом, предлагал много вопросов с своей стороны и беседа наша

затянулась до позднего вечера, после чего я уехал в ночь в предоставленном мне Л.И.Куропаткиным экипаже обратно на разъезд № 84.

Не получив от А.Н.Куропаткина совета и указаний относительно занимавшего меня вопроса, я чувствовал себя в затруднительном положении. Приходилось обратиться непосредственно к главнокомандующему и 13 августа с этой целью я по железной дороге направился в Гунджулин, где находилась его ставка. Главнокомандующий и его штаб помещались в вагонах, стоявших на запасном пути. Я просил дежурного адъютанта доложить о моем приезде и был тотчас же приглашен в вагон-кабинет главнокомандующего. На основании всех отзывов о генерале Линевиче я предполагал встретить в нем сурового, высокомерного человека, привыкшего иметь дело и сношения с людьми, подчиненными ему в порядке военной дисциплины. Каково же было мое удивление, когда я очутился перед пожилым генералом, большого роста, с привычной военной выправкой, но с добродушным выражением глаз и всего лица, и встретил самый радушный прием и полную готовность выслушать мои объяснения и пойти навстречу земским пожеланиям. По окончании моего доклада Н.П.Линевич предложил мне несколько вопросов, касавшихся некоторых подробностей, и затем сказал, что признает вескость представленных ему мной соображений, побуждающих земскую организацию отозвать свои отряды, и не встречает к тому препятствий. Так как одновременно с устным докладом я представил главнокомандующему докладную записку с изложением в ней плана постепенной ликвидации учреждений земской организации, то я просил главнокомандующего положить на записке свою резолюцию. Он тут же сделал собственноруч-

но надпись об утверждении изложенного в записке порядка действий, с предложением главному начальнику военно-санитарной части и всем начальствующим лицам, имеющим соприкосновение с деятельностью земской организации, оказать последней содействие к выполнению намеченного в записке плана и к приведению в порядок всех материальных и денежных расчетов.

Когда предстоявшая мне задача получила совершенно неожиданно для меня такое быстрое и благоприятное разрешение, то я, имея в виду происходившие в то время в Портсмуте мирные переговоры с представителями Японии, спросил главнокомандующего о положении этих переговоров и какие результаты он от них ожидает. Н.П.Линевич очень любезно отвечал на мой вопрос и высказался по поводу его с удивившей меня откровенностью. Он сказал, что о начале мирных переговоров он узнал только из телеграмм телеграфного агентства и местных газет. Прочтя эти телеграммы, главнокомандующий счел необходимым телеграфировать Государю, чтобы выяснить, имеет ли появившееся известие достаточное основание в действительности. Только после этого обращения главнокомандующий получил подтверждение и ему предложено было представить свое мнение. Н.П.Линевич в своем отзыве, как он сказал, сообщил приблизительно следующее. Наше положение на театре военных действий в настоящее время лучше и сильнее, чем во все время войны. Наши войска занимают неприступные позиции, что подтверждается тем, что после Ляояна и Мукдена японцы остановились и не решаются перейти в дальнейшее наступление. Но и мы, говорил Н.П.Линевич, не можем пока также решиться на наступление, так как для этого необходимы крупные военные силы, — тысяч 300, —

которые могли бы быть направлены в обход сильно укрепленных позиций японцев. Взять необходимые для обхода силы из числа имеющихся войск невозможно, так как нельзя ослабить наш фронт. Нужно ожидать прибытия направляемых в Маньчжурию подкреплений и перейти с ними в наступление можно будет в конце сентября или начале октября. Успех нужно ожидать несомненный, но этот успех будет куплен дорогой ценой, потерей тысяч ста человек с каждой стороны. Однако, нужно иметь в виду, что отброшенные японцы отступят на заранее приготовленные позиции, которые будут столь же неприступны, как наши позиции в настоящее время, и на дальнейший успех нам рассчитывать трудно. Если одержанная победа может содействовать более желательному и почетному заключению мирного соглашения, то в этих целях можно и следует решиться на связанные с победой многочисленные жертвы. Эти условия должны принять в соображение наши представители на мирной конференции и они должны разрешить вопрос — необходимо ли наше наступление или нет.

Поблагодарив Н.П.Линевича за его любезное и очень интересное сообщение, я хотел удалиться, но он пригласил меня перейти с ним в вагон-столовую, где его ожидали к завтраку несколько лиц, принадлежавших к штабу главнокомандующего, и несколько командиров корпусов и разные начальствующие лица. Во время завтрака многие обращались ко мне с вопросами, касающимися политической и общественной жизни, на которые я старался дать соответствующие ответы, но сам Н.П.Линевич, сидевший рядом со мной, не принимал участия в этом разговоре, а во время его сказал мне, что любит и хорошо понимает военное дело, но вопросы политики ему совершенно чужды и мало его инте-

ресуют. После завтрака я откланялся и затем направился к генералу Иванову, главному начальнику военно-санитарной части, которому предъявил мою докладную записку с резолюцией главнокомандующего и переговорил о некоторых подробностях ликвидации земских отрядов.

По моем возвращении в Харбин управление известило всех заведующих учреждениями земской организации об утверждении выработанного совещанием плана их ликвидации и тотчас же было приступлено к его выполнению. Но 21 августа появились телеграфные известия о последовавшем заключении в Портсмуте мирного соглашения и об окончании войны. Это обстоятельство поставило на очередь вопрос — не следует ли изменить порядок прекращения деятельности земских отрядов и ускорить их обратное направление в Россию? 23 августа я вновь посетил главнокомандующего в Гунджулине, чтобы доложить ему о возникшем вопросе и получить его указания. Н.П.Линевич не только признал возможным сократить срок ликвидации деятельности общеземской организации на театре военных действий, но указал на необходимость поспешить по возможности с отправкой земских отрядов, чтобы воспользоваться временем, пока железная дорога не будет загружена обратной перевозкой войск. Согласно полученным указаниям главнокомандующего, управление известило все отряды о скорейшей укладке всего инвентаря и спешном окончании всех расчетов. Благодаря дружным усилиям всего персонала, ликвидация деятельности общеземской организации на Дальнем Востоке была закончена в первой половине сентября.

Когда приблизилось время отправки последних отрядов, я счел долгом еще раз быть у главнокомандующего с прощальным визитом, чтобы принести глубокую благодар-

ность за доброжелательное отношение и предупредительное содействие, которые земская организация постоянно встречала со стороны военного начальства на Дальнем Востоке. Прощаясь со мной, главнокомандующий поручил мне передать всем земским уполномоченным, всему медицинскому персоналу и всем, принимавшим участие в земской работе, горячую благодарность от лица армии. «Приехав сюда, — говорил Н.П.Линевич, — вы увидели в земских лазаретах большое число больных и раненых и видели рядом хорошо обставленные лазареты военно-санитарного ведомства почти пустыми. Я хочу отметить, чем это обусловливалось. В военно-санитарных лазаретах солдат всегда чувствует себя только солдатом, а в земских отрядах он чувствовал себя не только солдатом, но и сознавал себя человеком. Вот почему солдаты всегда стремились и желали быть помещенными в земские лазареты. За такого рода отношения к больным и раненым воинам прошу вас передать мою особенную благодарность всему медицинскому и служебному персоналу земских отрядов».

13 сентября я выехал из Харбина одновременно с членами общеземского управления и с последним земским отрядом и тем деятельность моя на Дальнем Востоке была закончена.

Во время моего пребывания в Харбине, вскоре после моего приезда, в местных газетах был опубликован, сообщенный по телеграфу, высочайший манифест 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной Думы. Ознакомление с этим актом произвело на меня удручающее впечатление, так как он явился несомненным свидетельством, что им не разрешается удовлетворительно вопрос об организации столь необходимого взаимодействия государственной

власти с населением, а, напротив, им вносится в этот вопрос еще большее обострение и предопределяется дальнейшее развитие политической борьбы в стране. Манифест 6 августа 1905 г., так же как манифест 26 февраля 1903 г., служил новым подтверждением полного непонимания государственной властью существа основной идеи самодержавия и устоев исторического прошлого России. Манифест 6 августа 1905 года провозглашал в своем начале, что «согласие и единение Царя и народа — великая нравственная сила, создавшая Россию в течение веков», но затем не было приведено никаких указаний — на какой основе создавались между ними согласие и единение и что именно придавало этим последним значение нравственной силы. При предстоявшей организации народного представительства стране было необходимо иметь вполне определенное и ясное представление о том, на основе какой идеи государственная власть признает нужным установить свое единение с населением. Согласие и единение царей с народом во времена земских соборов обусловливались не противопоставлением прав государя и прав народа, а сознанием обеими сторонами лежащего на них равно нравственного долга — содействовать общими усилиями возможному осуществлению в государственной жизни требований высшей правды. Земские соборы не стремились к ограничению царской власти; но в то же время представители верховной власти не считали возможным разойтись с народным мнением, с голосом народной совести. Обе стороны сознавали наличность моральной между ними солидарности и только в этом сознании коренилась нравственная сила согласия и единения царя с народом. Взаимодействие власти с населением, построенное на такой основе, исключало вовсе вопрос о

решающем или совещательном голосе земских соборов. Манифест же 6 августа 1905 года спешил провозгласить, что учреждаемая вновь Государственная Дума должна быть установлением законовещательным и тем самым, как бы, признавал, что государственная власть свое взаимодействие с населением стремится организовать не на основе идеи нравственной, являвшейся главным устоем нашего исторического прошлого, а на основе идеи правовой, чуждой жизнепониманию и духу русского народа. Но, положив, таким образом, в основу своего взаимодействия с народным представительством правовую идею, государственная власть разрешала вытекавший отсюда практический вопрос не согласно с требованиями справедливости, а в ущерб прав народного представительства и в целях поддержания своего самовластия. Такое разрешение вопроса не могло не вызвать справедливого неудовольствия в широких кругах населения, и такая постановка вопроса облегчала задачу, преследуемую конституционалистами. Они получали возможность утверждать, что сама государственная власть признает неизбежным построить свои отношения к народному представительству только на основе идеи права, но разрешает этот вопрос односторонне и несправедливо. В то же время манифест даже исключал возможность исправления этой несправедливости по почину народного представительства, так как в манифесте было сказано: «Мы сохраняем всецело за собой заботу о дальнейшем усовершенствовании учреждения Государственной Думы».

Через 15 дней по опубликовании в столицах сопровождавших манифест законоположений: Учреждение Государственной Думы и Положение о выборах в Государственную Думу, эти законодательные акты в виде особых приложений

к газетам были получены в Харбине. Первый закон ставил Государственную Думу в положение подготовительной комиссии при Государственном Совете, который являлся бюрократическим учреждением, отделявшим народное представительство от государственной власти и препятствовавшим действительному единению царя с народом. О такой организации народного представительства, как о первом шаге в этом направлении, могла быть речь ранее, как, например, в 1881 году или даже в 1901 году, когда вопросы о необходимости устранения всемогущего влияния полновластной бюрократии и о создании взаимодействия государственной власти с населением были еще недавно поставлены на очередь развитием общественной жизни и не проникли еще вполне ясно и определенно в сознание широких кругов населения. Но с тех пор, вследствие последовательного противодействия правительства постепенному удовлетворению справедливых общественных заявлений, политическая жизнь и сознание всего населения получили за последние, хотя и немногочисленные годы такое быстрое развитие, при котором народное представительство неизбежно и безотлагательно должно было получить самостоятельное положение. Положение о выборах в Государственную Думу предоставляло участие в ней преимущественно представителям привилегированных, имущественных классов и лишало проектируемое учреждение возможности явиться действительным выразителем народной мысли.

Как манифест 6 августа 1905 года, так равно и опубликованные одновременно с ним законоположения свидетельствовали с достаточной ясностью, что государственная власть при их составлении руководилась желанием формально дать, как будто, известное удовлетворение пожела-

ниям общества, но сохранить при этом в сущности прежний бюрократический порядок государственного управления. Проектированная организация Государственной Думы, не открывая возможности живого общения и тесного единения власти с представителями населения, создавала лишь почву для неизбежных и постоянных между ними конфликтов. Вместе с тем, отсутствие искренности и готовности власти пойти прямодушно на путь сближения с народными силами и полное непонимание ею, в чем именно заключалась нравственная сила нашей государственной жизни в ее прошлом, невольно изолировали власть и удаляли от нее даже самые умеренные элементы общества. В назревавшем конфликте на стороне власти могли оставаться только слуги отжившего бюрократического строя и представители некоторых классов, видевшие в старых порядках сохранение своего привилегированного положения и обеспечение своих материальных интересов.

То, что обнародованные 6 августа 1905 года законы не получат своего осуществления и что правительство будет вынуждено внести в них предварительно существенные изменения, мне представлялось несомненным, как только я ознакомился с этими законодательными актами. Еще 6—8 июля, происходивший в Москве многочисленный съезд земских и городских деятелей, заслушав доклад о составленном Булыгинским совещанием проекте народного представительства, почти единогласно (за исключением 2-х голосов) вынес ему категорическое осуждение и признал, что такого рода организация народного представительства не может внести успокоение в страну, предотвратить все опасности, ей угрожающие, и вывести ее из состояния анархии на путь правильного и мирного развития на основах

твердого государственного правопорядка. Тот же съезд одобрил проект «основного закона», представленного на его обсуждение организационным бюро, — проект, построенный на определенно конституционных принципах. Аналогичные постановления принимались одновременно различными многочисленными собраниями и, следя во время моего пребывания в Маньчжурии за развитием в России общественного движения по получаемым московским газетам, нельзя было не усмотреть, как стремительно нарастало недовольство в общественных кругах и возбуждалось общественное настроение. Неизбежность проявления политической борьбы обусловливалась в значительной мере тем, что правительство всем своим образом действий с убедительностью доказывало, что оно неспособно понять истинное положение вещей в стране, неспособно руководить общественным движением, потеряв в стране всякий авторитет, и что власть изъявляет готовность вступать на путь необходимых реформ только исключительно под угрозой и влиянием выступлений революционного характера, направленных против существующего строя. Такая политика власти предрешала неизбежность превращения лояльного общественного движения в движение революционное.

Во время нашего 15-тидневного путешествия из Харбина в Москву все чаще и чаще получались московские газеты и мы ускоренным темпом переживали отражавшиеся в них общественные настроения, проявлявшиеся во всей стране с каждым днем все интенсивнее и в разнообразных формах. Приехав 28 сентября в Москву, мы увидели ее охваченной общественным возбуждением, которое в скором времени почти во всей стране проявилось общей забастовкой и в резких резолюциях, выносимых многочисленными митин-

гами и собраниями. Все умеренные элементы общества принуждены были стушеваться, отступить на задний план и оказались бессильными внести умиротворение в возбужденное настроение широких и разнообразных общественных кругов.

Государственная власть была вынуждена капитулировать пред революционным движением и манифестом 17 октября Государственной Думе была предоставлена законодательная власть, были расширены избирательные права населения при выборах народных представителей и одновременно удостоился высочайшего одобрения доклад графа С.Ю.Витте о преобразовании нашей государственной жизни на строго правовых началах. В этих актах не говорилось уже об устоях нашего исторического прошлого и изменение государственного строя предрешалось на основе начал конституционных. Принципиально я не мог сочувствовать введению этих начал в наш государственный строй, так как они противоречили и противоречат моему жизнепониманию, но я не мог не сознавать, что слепая политика власти привела страну к неизбежности такого государственного преобразования. Не теряя надежды и веры, что с течением времени в России может восстановиться единение государственной власти и всего народа на основе идеи нравственной, на почве необходимой между ними моральной солидарности, я не мог не сознавать, что при сложившихся условиях порядок, предначертанный манифестом 17 октября, являлся единственным выходом в данное время из положения, в котором очутилась страна, благодаря непредусмотрительности и беспринципности власти. Успокоение нашей государственной жизни и постепенное направление ее в другое русло представлялось мне возможным в том лишь

случае, если власть в переживаемый критический момент вполне искренно и честно вступит и пойдет по пути, указанному в актах 17 октября, осуществит с необходимой полнотой возвещенные реформы и тем восстановит доверие к себе населения и укрепит в стране свой авторитет. Хотя в это время я стоял в стороне от общественной жизни, но, тем не менее, сознавал, что если, быть может, силою обстоятельств я буду привлечен вновь к известному участию в политической жизни страны, то на мне будет лежать долг содействовать всеми силами осуществлению нового порядка государственного строя, стараясь в то же время, по мере возможности, согласовать свои действия при новых условиях с началами, лежащими в основе моего политического и общего жизнепонимания.

Глава X

Приглашение графом С.Ю.Витте общественных деятелей вступить в образуемый им кабинет после манифеста 17 октября 1905 года.

18 октября 1905 года мною была получена в Москве телеграмма от графа С.Ю.Витте, помеченная 16 числом, но задержанная при передаче происходившей в то время общей забастовкой, в том числе и служащих в почтово-телеграфном ведомстве. Граф Витте просил меня приехать немедленно в Санкт-Петербург. Вечером в тот же день я воспользовался единственным поездом, отправлявшимся из Москвы, и 19-го был в Санкт-Петербурге. По приезде я вместе с князем Е.Н.Трубецким, приехавшим одновременно из Москвы, посетил кн. Алексея Дмитриевича Оболенского, человека, бывшего в то время правою рукою графа Витте, и от него узнал о намерении графа С.Ю. пригласить меня войти в состав образуемого им кабинета и о намеченных уже изменениях в положении о выборах в Государственную Думу, высочайше утвержденном 6 августа 1905 года. В час дня я был у графа Витте, у которого застал кн. А.Д. Оболенского.

Граф С.Ю., встречая меня, сказал, что он обращается ко мне, как к общественному деятелю, пользующемуся доверием в общественных кругах, просит меня в настоящее тяжелое время помочь ему при осуществлении высочайшего манифеста 17 октября и предлагает мне занять пост государственного контролера. Граф Витте при этом подчеркнул, что он хорошо сознает, насколько правительство нуждается в настоящее время в доверии со стороны общества, и высказал предположение, что мое присутствие в кабинете и заве-

дование мной государственным контролем создаст в обществе уверенность в правильном расходовании государственных средств. Я отвечал, что не имею принципиальных возражений на делаемое мне предложение, но сочту себя обязанным принять его лишь в том случае, если буду иметь уверенность, что вступление мое в состав правительства будет находиться в условиях, при которых участие мое может быть полезным. Правительству необходимо доверие общества не по отношению к вопросу о правильном расходовании государственных средств; нужно, чтобы общество было уверено, что старый строй государственного управления уступил бесповоротно место новому строю, возвещенному 17 октября, а для создания такой уверенности необходимо привлечь в состав правительства представителей различных общественных кругов. Я принадлежал к правому крылу земского съезда в ноябре 1904 года, к его меньшинству. В настоящее время я не вхожу в состав съездов земских и городских деятелей, по несогласию с принятым ими направлением, и потому мое единоличное вступление в кабинет не может иметь значения. Я указывал на необходимость привлечь представителей большинства этих съездов, более левого направления, и говорил, что для создания атмосферы доверия желательно, чтобы общественным деятелям были предоставлены портфели министерств: внутренних дел, юстиции, земледелия, народного просвещения, торговли и промышленности. Граф Витте признавал мои соображения правильными и заметил, что он не боится людей более левого направления, но считает необходимым, чтобы общественные деятели, которые согласятся войти в состав кабинета, обладали сильной волей, серьезным отношением к государственному делу и определенно сознавали

необходимость поддержания авторитета государственной власти и порядка в стране в переживаемое переходное время. Он спросил меня, каким путем было бы ему возможно вступить в сношение с лицами, которых я имею в виду. Так как 22 и 23 октября предстояли в Москве собрания бюро съезда земских и городских деятелей, то я предложил графу С.Ю. телеграммой на имя председателя бюро, Ф.А.Головина, выразить пожелание, чтобы несколько членов бюро прибыли в Санкт-Петербург для переговоров, а я, с своей стороны, заявил готовность предупредить бюро о предмете предстоящей беседы и высказал предположение, что бюро изберет для этой цели И.И.Петрункевича, С.А.Муромцева и князя Г.Е.Львова.

Граф Витте не был знаком лично с названными мной кандидатами и потому выразил желание получить от меня некоторые сведения, относящиеся к характеристике этих лиц. Выслушав меня с большим вниманием, граф сказал, что из моих отзывов он заключает, что указанные мной личности являются желательными кандидатами на министерские портфели, и спросил мое мнение о том, какие портфели могли бы быть им предложены. Я ответил, что С.А.Муромцев представляется мне несомненно кандидатом на пост министра юстиции, а князю Г.Е.Львову и И.И.Петрункевичу было бы желательно предоставить министерства внутренних дел и земледелия. Кому из них лучше поручить то или другое министерство, этот вопрос выяснится после личного знакомства графа с указанными мной лицами. Граф Витте сообщил, что он имеет в виду предложить портфели: народного просвещения князю Е.Н.Трубецкому, а торговли и промышленности А.И.Гучкову. Граф Витте тут же при мне написал и отправил телеграмму Ф.А.Головину.

После этого кн. А.Д.Оболенский сообщил графу Витте, что я уже ознакомлен с намеченными предположениями относительно изменений в порядке выборов в Государственную Думу и что я отношусь к этим предположениям отрицательно. Граф С.Ю. передал мне напечатанный экземпляр «мемории особого совещания, образованного по делу о способах осуществления Высочайших предуказаний, возвещенных в пункте 2-м манифеста 17 октября» и проект указа Правительствующему Сенату об опубликовании намеченных изменений и просил меня объяснить причины моего отрицательного к ним отношения. Я сказал, что, главным образом, мне представляется в высшей степени неправильным и опасным проектированный порядок выборов от рабочих в предприятиях фабрично-заводской промышленности. По проекту рабочие в каждом предприятии избирают из среды своей уполномоченных; уполномоченные на губернских съездах избирают выборщиков, которые в 6-ти окружных собраниях избирают членов Государственной Думы. Такой порядок создает очень сильную профессиональную организацию, и фракция членов Думы от рабочих составит как бы легализованный всероссийский стачечный комитет. Граф Витте, признавая справедливость моих опасений, полагал, однако, что проектированная организация даст полное удовлетворение пожеланиям рабочего класса и привлечет его тем на сторону правительства. Я высказал сомнение в возможности таким путем внести успокоение в возбужденное настроение рабочих масс и обращал внимание на то, что проектируемое представительство рабочих получит преобладающее влияние в Государственной Думе, угрожая постоянно всеобщей забастовкой в случае непринятия требований представителей рабочих. Признавая спра-

ведливым, а в виду возбужденного настроения всех классов даже необходимым, проведение в настоящее время принципа общего избирательного права, я не возражал против широкого предоставления права участия в выборах рабочим, но не как отдельному классу, а как вообще всем русским гражданам в общих для всех классов выборах.

На этом наша беседа закончилась и граф Витте, прощаясь со мной, сказал: «Итак, вы принципиально от сделанного мною вам предложения не уклоняетесь?». Я повторил, что принципиальных возражений не имею, но оставляю за собой свободу окончательного решения в зависимости от разрешения вопроса о привлечении в состав кабинета других общественных деятелей. Уходя, я просил графа С.Ю. оказать мне содействие к выезду в тот же день из Санкт-Петербурга, так как правильное железнодорожное движение прекратилось. Благодаря сделанным распоряжениям, мне удалось выехать ночью на 20-е число в поезде, с которым отправлялись, при участии чинов железнодорожного батальона, пустые вагоны 3-го класса и один старый вагон 2-го класса, в котором я был единственным пассажиром; вагон был неотоплен и огни не были зажигаемы во всем поезде до ст. «Колпино».

Предлагая графу Витте обратиться к бюро съездов земских и городских деятелей, я рассчитывал, что его обращение будет обсуждено в общем собрании бюро, назначенном на 22-е число, на которое должны были приехать иногородние его члены. Я имел в виду сообщить бюро мою беседу с графом Витте и мне казалось несомненным, что после акта 17 октября бюро сочтет последовательным и своевременным отказаться от оппозиции правительству, что избранные бюро лица вступят в переговоры с председателем совета

министров, придут с ним к соглашению относительно плана действий и вступят в состав правительства, которое, опираясь на среду, представленную на съездах земских и городских деятелей, сумеет крепкой рукой охранить особенно необходимый в переходное время порядок в государственной жизни и возможно скорее и полнее обеспечить стране пользование правами и свободами, возвещенными в манифесте 17 октября. Однако, этим надеждам не суждено было осуществиться. В Москву я приехал 20-го только к ночи, а 21-го утром узнал, что накануне Ф.А.Головиным, по получении телеграммы графа С.Ю.Витте, было созвано экстренно заседание бюро съездов в составе нескольких его членов, находившихся в Москве, и что собравшиеся признали возможным обсудить немедленно предложение графа Витте, не дожидаясь общего собрания, назначенного на 22-е число, и избрали для переговоров с председателем совета министров — Ф.А.Головина, Ф.Ф.Кокошкина и князя Г.Е.Львова, которые и выехали в Санкт-Петербург 20-го вечером. Состав депутации, за исключением князя Г.Е.Львова, и поспешность, с которой депутация выехала в Санкт-Петербург, предрешала результат предстоявших огромной важности серьезных переговоров, тем более, что, насколько стало известным, руководящая роль в депутации была возложена на Ф.Ф.Кокошкина, — человека в то время очень молодого и увлеченного лозунгами, недавно провозглашенными на учредительном собрании конституционно-демократической партии. 21 октября депутация была уже у графа Витте и с самого начала приняла вызывающий тон, исключавший возможность благоприятных результатов. Прежде чем приступить к беседе, депутаты поставили условием, чтобы все содержание предстоявшей беседы стало достоянием

гласности. Граф Витте изъявил на это свое согласие и происшедший разговор, изложенный по его окончании в тот же день депутатами письменно и по одобрении текста графом Витте, был напечатан 23 октября в № 278 «Русских Ведомостей». Основные положения, выставленные депутацией, были следующие: единственный выход из переживаемого положения — созыв учредительного собрания для выработки основного закона, при чем собрание это должно быть избрано путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; возвещенные в манифесте свободы должны быть немедленно осуществлены; необходима полная политическая амнистия. Все эти реформы неизбежны и лучше дать их сразу, чем идти к ним болезненным путем через видоизмененную Государственную Думу. — Очевидно, что такая постановка вопроса свидетельствовала о полном отсутствии сознания необходимости сохранения и поддержания авторитета государственной власти в переживаемое страной время и исключала для правительства возможность дальнейших переговоров с членами бюро съезда земских и городских деятелей и привлечение его представителей к участию в государственном управлении.

Тотчас, после приема депутации, граф Витте телеграфировал мне, прося немедленно приехать, и 22 октября я был в Санкт-Петербурге. Одновременно был приглашен приехать А.И.Гучков. Утром 22-го гр. Витте, сообщив мне о своей беседе с членами бюро съездов земских и городских деятелей, исключившей возможность дальнейших переговоров, сказал, что он доложил Государю о согласии моем на назначение меня государственным контролером, что назначение мое состоялось и что завтра, 23-го, я должен представиться Его Величеству. Я выразил графу С.Ю. мое удивле-

ние, что он, зная о моем согласии вступить в его кабинет лишь при известных условиях, тем не менее счел возможным теперь же доложить о моем назначении Государю; я сказал, что считаю себя обязанным изложить Его Величеству те же соображения, о которых я говорил ему, графу Витте. Гр. С.Ю., и присутствовавший при этом разговоре кн. А.Д.Оболенский, с своей стороны, удивились моему заявлению и считали мое намерение неосуществимым, так как мое назначение уже состоялось. Я повторил, что как общественный деятель, считаю своим долгом, раз Его Величеству угодно наградить меня своим доверием, откровенно высказать ему мое убеждение. После этого граф Витте обратился по телефону в Петергоф к статс-секретарю, кажется, Воеводскому, и просил его задержать указ о моем назначении впредь до моего представления Государю Императору, а меня просил по возвращении из Петергофа приехать к нему.

На следующий день я отправился в Петергоф и на пароходе встретился с К.С.Немешаевым, назначавшимся на пост министра путей сообщения, и с моим двоюродным племянником, И.П.Шиповым, кандидатом на пост министра финансов. Я был принят первым и, как мне показалось, Государь был предупрежден о том, что я имел ему доложить. Расспросив меня о моей деятельности за последнее время и припомнив, когда он меня последний раз видел, Государь сказал о своем намерении назначить меня государственным контролером. Поблагодарив за оказываемое мне милостивое внимание и высокое доверие, я сказал, что не обладаю необходимою административною опытностью, что, несомненно, известно Его Величеству, и если, тем не менее, Государю угодно было остановить на мне свое внимание, то, думаю, это объясняется тем, что, положив манифестом

17 октября начало новому строю государственного управления и признавая необходимым укрепить необходимую связь и единение между правительством и обществом, Государь желает привлечь меня в состав правительства, как общественного деятеля, пользующегося известным доверием в некоторых общественных кругах. Сочувствуя всецело этой цели и признавая необходимым, с своей стороны, содействовать ее осуществлению, я полагаю, однако, что достигнуть ее будет возможно только в том случае, если в состав правительства войдет не тот или другой отдельный член общества, а целая группа лиц, принадлежащих к различным течениям политической мысли. Только при этом условии установится необходимое взаимное между правительством и обществом доверие и общество получит уверенность в возможно полном осуществлении прав, дарованных ему манифестом 17 октября. Первая попытка в этом направлении председателя совета министров, его обращение к представителям бюро съездов земских и городских деятелей, к сожалению, не увенчалась успехом. Но если не удалось соглашение с представителями известной общественной организации, то, может быть, окажется возможным привлечь в состав правительства несколько лиц, пользующихся доверием различных кругов общества, и в таком случае и мое участие в кабинете могло бы иметь значение; приглашение же меня одного из среды общества, в котором я принадлежу по своим убеждениям к незначительному его меньшинству, скорее может дать нежелательные результаты.

Его Величество, выслушав меня, сказал: «Я нахожу правильными ваши соображения; передайте это от меня графу Сергею Юльевичу», и этими словами аудиенция была

закончена. По возвращении из Петергофа я тотчас же посетил графа Витте и сообщил ему о том, что было доложено мною Государю и заключительные слова Его Величества.

Вечером того же дня и на следующий день у графа Витте происходили совещания, в которых, кроме кн. А.Д.Оболенского, А.И.Гучкова и меня, принимал все время участие М.А.Стахович. Гр. Витте счел нужным ознакомить нас с обстоятельствами, предшествовавшими опубликованию манифеста 17 октября. — 14 октября гр. Витте был вызван в Петергоф и Государь, в виду происходивших повсеместно волнений и забастовок, обратился к его совету и предложил ему принять главное руководство государственным управлением. Граф Витте на следующий день изложил Государю свое мнение в письме, с содержанием которого он нас ознакомил. В этом письме гр. Витте говорил, что выход из переживаемого страной тяжелого положения может быть двоякий — или нужно немедленно, опираясь на военную силу, принять ряд репрессивных мер и восстановить нарушенный порядок, или также неотложно нужно пойти навстречу пожеланиям общества, даровать населению незыблемые основы гражданской свободы и участие в осуществлении законодательной власти. В первом случае гр. Витте не считал себя человеком подходящим и соответствующим требованиям; во втором случае он соглашался принять на себя тяжелую ответственность. При этом гр. Витте признавал своим долгом просить Государя принять во внимание, что избрание второго пути знаменует отказ от начала самодержавия и явится переходом к новому правовому строю. Государь признал за благо избрать второй путь и тогда графом Витте были составлены всеподданнейший доклад и текст манифеста, удостоившиеся высочайшего

одобрения 17 октября, и граф Витте был назначен председателем совета министров.

При обсуждении кандидатов на министерские портфели в образуемом кабинете, гр. Витте заявил, что портфели министров финансов и путей сообщения должны быть предоставлены лицам, обладающим специальными знаниями, и что на эти посты уже назначены: И.П.Шипов и К.С.Немешаев. 24 числа прибыл в Санкт-Петербург, намеченный графом Витте на пост министра народного просвещения, кн. Е.Н.Трубецкой и принимал также постоянное участие в происходивших совещаниях, но от кандидатуры на пост министра кн. Е.Н.Трубецкой тотчас же отказался.

В это время стало известным, что в среде только что организовавшейся партии «народной свободы» и академического союза профессоров создалось определенное настроение, в силу которого входящие в их состав лица должны были считать для себя обязательным уклоняться от приглашения вступить в состав образуемого гр. Витте кабинета, если бы соответствующие предложения были им сделаны. Таким образом, предположение привлечь в состав правительства общественных деятелей из состава различных политических кругов представлялось трудно осуществимым. При дальнейшем обмене мнений приходилось иметь в виду преимущественно лиц из административных кругов, имена которых могли бы рассчитывать на известное доверие со стороны общества. Наибольшее разногласие вызвал вопрос о замещении поста министра внутренних дел. Гр. Витте с самого начала высказал, что при назначении лица на этот пост нужно иметь в виду, что с министерством внутренних дел соединено заведование всей как секретной, так и общей полицией, а потому необходимо, чтобы министр,

вступающий в управление этим министерством в момент революции, был хорошо ознакомлен с организацией русской полиции и мог бы нести ответственность за безопасность царствующего дома и за ограждение жизни и имущества граждан. Лицами, удовлетворяющими этим требованиям, являются, по мнению гр. С.Ю., двое — Д.Ф.Трепов и П.Н.Дурново. Все участвовавшие в совещании общественные деятели горячо возражали против этих кандидатур и отмечали, что назначение этих лиц, пользующихся резко отрицательным к ним отношением широких кругов общества и тесно связанных со старым режимом, исключит возможность создания необходимого правительству доверия населения. Сознавая безусловную необходимость обеспечить безопасность царствующего дома и возложить эту ответственную задачу на лицо, вполне компетентное и пользующееся доверием Государя, все члены совещания выражали желание видеть Д.Ф.Трепова на посту дворцового коменданта. Что касается замещения поста министра внутренних дел, то общественные деятели полагали, что, при всей важности полицейских задач, им не могут быть принесены в жертву задачи внутренней политики, которые должны составлять главное содержание деятельности министерства. Существенные возражения против кандидатуры П.Н.Дурново относились не только к политической его физиономии, но и к облику его моральной личности. А.И.Гучков и я заявили решительно, что о вступлении нашем в состав кабинета не может быть и речи, если П.Н.Дурново будет предложен пост министра внутренних дел.

При дальнейшем обмене мнений были названы еще несколько кандидатов на пост министра внутренних дел. Кн.

А.Д.Оболенский указал на саратовского губернатора, П.А. Столыпина, но П.А.Столыпин был мало известным губернатором, члены совещания не располагали материалом относительно его деятельности и эта кандидатура не остановила на себе внимания ни гр. Витте, ни членов совещания. Затем был назван А.А.Лопухин, но обсуждение этой кандидатуры было устранено графом Витте, вследствие недовольства деятельностью А.А.Лопухина, как эстляндского губернатора. Граф Витте пожелал узнать наше мнение о князе С.Д.Урусове и сообщил, что он телеграфировал князю С.Д. приехать в Санкт-Петербург, так как имеет в виду предложить ему вернуться к активному участию в администрации. Князь Урусов ответил, что приедет при первой возможности, как только восстановится нарушенное забастовкой железнодорожное движение, и в виду переживаемых событий изъявил вперед согласие занять всякий пост, который будет ему предложен. При этом граф Витте сказал, что имел намерение предложить кн. Урусову должность товарища министра внутренних дел и спросил, как отнеслись бы мы к кандидатуре князя на пост министра внутренних дел? Все присутствовавшие, как знавшие князя лично, так и не бывшие лично с ним знакомыми, признавали, что в среде административных лиц имя князя С.Д.Урусова пользуется уважением и доверием в обществе и находили назначение его министром внутренних дел желательным. Граф Витте выражал опасение, что князь Урусов встретит затруднение при руководстве полицейской деятельности, так как он незнаком со сложной техникой охранной полиции, и, еще раз указав, какое важное значение в переживаемое время имеет правильное функционирование полицейского аппарата, признавал необходимым, чтобы при министре князе Урусове

товарищем министра по заведованию полицией был П.Н.Дурново. Эта комбинация всеми присутствовавшими была признана приемлемой, после чего наши совещания были приостановлены до приезда князя С.Д.Урусова и вечером в тот же день, т.е. 24 числа, А.И.Гучков и я уехали в Москву.

25-го, вскоре после приезда, мы получили от графа Витте телеграмму, извещающую об ожидаемом им в этот день прибытии князя Урусова, с просьбой поспешить возвращением в Санкт-Петербург; в тот же день, вечером, мы выехали обратно. 26-го утром А.И.Гучков, кн. Е.Н.Трубецкой, М.А.Стахович и я отправились к графу Витте и застали у него, незадолго до нас приехавшего князя С.Д.Урусова. Познакомив А.И.Гучкова и меня с князем Урусовым, граф Витте сказал, что он уже переговорил с князем и что князь Урусов согласен быть товарищем министра при министре П.Н.Дурново. Трудно передать, насколько это сообщение нас всех возмутило, явившись для нас вполне неожиданным после всего высказанного нами на предыдущих совещаниях. Я спросил графа Витте, зачем же он, придя к решению предоставить пост министра П.Н.Дурново, просил меня вновь приехать, имея мое категорическое заявление, что войти одновременно с этой личностью в состав кабинета я для себя не считаю возможным. Такое же возражение было сделано А.И.Гучковым. Князь С.Д.Урусов был нашими словами очень смущен и сказал, что ему не был известен обмен мнений, происходивший на предыдущих совещаниях, и что он чувствует себя в неловком положении, согласившись быть товарищем министра при П.Н.Дурново, слыша теперь такое резко отрицательное к нему отношение общественных деятелей. Граф Витте старался аргументиро-

вать свое решение приводимыми им ранее соображениями. Мы говорили, что не можем насиловать его убеждение, что он в праве разрешить вопрос по своему усмотрению, но он не в праве, продолжая приглашать нас, игнорировать наши определенные заявления. В виду создавшегося положения А.И.Гучков и я сказали графу Витте, что считаем вопрос по отношению приглашения нас исчерпанным и дальнейшее участие наше в совещаниях излишним. Гр. С.Ю.Витте просил нас отложить наше окончательное решение до вечера и до этого времени обсудить еще раз вопрос в своей среде, совместно с князем Урусовым, на что мы согласились, хотя невозможность изменить наше решение была для нас очевидной. В беседе с нами кн. С.Д.Урусов хотел ослабить наше отрицательное отношение к личности П.Н.Дурново и говорил, что в действительности он лучше, чем его репутация. Себя он считал связанным своей принадлежностью к администрации и уже выраженным дважды графу Витте согласием принять его предложение — в первый раз в своей телеграмме и второй раз в этот день, при личном свидании. А.И.Гучков и я решили настоятельно отклонить сделанные нам предложения. Кроме обнаружившегося во время совещаний отсутствия искренности и прямоты со стороны графа Витте, а также очевидной его неспособности освободиться от усвоенных им привычек и приемов бюрократического строя, мы имели в виду следующие соображения. Наше вступление в кабинет могло бы иметь значение в том случае, если бы одновременно с нами вошли представители большинства съездов земских и городских деятелей, объединившихся в партии «народной свободы», и если бы общественным представителям было предоставлено в кабинете достаточное число мест, обеспечивающее их влияние

на государственное управление. Вступление же нас двоих в кабинет, состоящий из представителей бюрократии, чуждых пониманию справедливых общественных запросов, не могло обеспечить правительству общественного доверия и принести пользу положению дела. В то же время манифест 17 октября, призывавший общество к новой политической жизни, вызывал необходимость политической группировки общественных элементов и мы считали своей обязанностью содействовать объединению лиц, принадлежавших к меньшинству земских съездов, в политическую партию. Эти мотивы нашего отрицательного ответа на сделанное нам предложение мы условились сообщить графу Витте и с этим решением вечером вновь его посетили.

Поднимаясь по лестнице в помещение, занимаемое графом Витте на Дворцовой набережной, рядом с зимним дворцом, мы увидали неизвестную всем нам личность в вицмундирном фраке. Встретивший нас в кабинете граф Витте извинился, что должен покинуть нас на некоторое время, чтобы принять пришедшего к нему с докладом Рачковского. Возвратясь в скором времени, гр. Витте имел встревоженный вид и сказал нам, что от кандидатуры П.Н.Дурново, может быть, придется отказаться. Рачковский сообщил, что в распоряжении многих редакций имеется различный материал из прошлой деятельности П.Н.Дурново, разоблачающий его личность, и что в случае его назначения материал этот будет немедленно опубликован, не исключая и известной резолюции Императора Александра III: «убрать этого мерзавца в 24 часа». А.И.Гучков высказал удивление, что то, чего не могли достигнуть доводы общественных деятелей, оказывается возможным из опасения скандала. Гр. Витте после этого замечания опять

стал говорить о необходимости назначения П.Н.Дурново, «а относительно угроз редакций могут быть, — сказал он, — приняты меры». Я заявил графу Витте, что мы, независимо от того, будет или нет П.Н.Дурново министром внутренних дел, во всяком случае не считаем в настоящее время возможным вступить в состав образуемого им кабинета и изложил соображения, побуждающие нас к такому решению. Граф С.Ю., выразив нам свое сожаление, просил нас изложить письменно мотивы нашего отказа, чтобы он мог их огласить.

Пред нашим уходом граф Витте обратился к нам с следующей просьбой. Во время наших совещаний обсуждался не только вопрос об образовании кабинета, но также вопрос о предстоявшем изменении положения о выборах в Государственную Думу, на основании манифеста 17 октября, возложившего на обязанность правительства привлечь к участию в Думе те классы населения, которые были лишены избирательных прав. Все участвовавшие в совещаниях общественные деятели высказывались за необходимость положить в основу предстоящих изменений начала общего избирательного права. Граф Витте, по-видимому, убедился нашими доводами, но видел затруднение в краткости срока, в течение которого эту работу нужно было произвести. Прощаясь с нами, он спросил нас, не примем ли мы на себя труд составить в возможно непродолжительном времени проект изменения избирательного закона на предложенных нами основаниях. Все мы изъявили полную готовность принять это поручение, заявив, что к этой работе мы постараемся привлечь общественных деятелей, принадлежащих к различным направлениям политической мысли.

На следующий день князь Е.Н.Трубецкой, А.И.Гучков и я обсуждали, каким путем следует нам сообщить графу Витте о мотивах, побудивших нас отклонить его предложение, и решили написать отдельные письма. Кн. Трубецкой и я изготовили письма в тот же день, но А.И.Гучков все оттягивал составление своего письма, а так как нам нужно было спешить в Москву для выполнения поручения графа Витте, то перед отъездом кн. Трубецкой и я отослали наши письма по назначению, которые на следующий день были опубликованы в «Новом Времени».

Письмо мое было следующего содержания.

«Милостивый Государь, Граф Сергей Юльевич.

Вменяю себе в обязанность изложить в настоящем письме те соображения, по которым я не нахожу возможным согласиться принять предложенную вами мне кандидатуру на пост государственного контролера в составляемом вами в настоящее время кабинете. Сочувствуя вполне программе, изложенной во всеподданнейшем докладе вашем, удостоившемся 17-го сего октября высочайшего одобрения, и разделяя вполне предположения относительно осуществления этой программы, с которыми вы познакомили меня во время наших бесед, я счел бы своим гражданским долгом принять сделанное мне вами предложение, если бы имел уверенность, что вступление мое в организуемый вами кабинет может принести ожидаемую вами пользу, но такой уверенности и даже надежды у меня нет. Включение в настоящее время в состав кабинета общественных деятелей, могло бы получить несомненно значение только в том случае, если участие в нем со-

гласились бы принять представители различных общественных групп и политических партий из среды земских и городских деятелей, согласившиеся предварительно между собой относительно программы действий в ближайшем времени, т.е. до первого созыва Государственной Думы. Это условие, конечно, открыло бы возможность для создания и укрепления столь необходимого доверия общества к правительству в переживаемое тяжелое время, — время перехода от старого строя к новому строю. Однако, как выяснилось, в настоящее время нельзя рассчитывать на согласие кого-либо из влиятельных членов съезда земских и городских деятелей, принадлежащих к его более левым группам и составляющих его большинство, принять участие в составляемом вами кабинете; вступление же в состав правительства представителей общества только исключительно из фракций более или менее правых не может принести пользы делу, не создаст доверия в широких кругах общества, а скорее может вызвать подозрение в односторонности направления, которого предполагает держаться правительство. Затем, независимо от этих соображений общего характера, я не могу надеяться принести практическую пользу в деле государственного контроля, так как с этой отраслью я совершенно незнаком, а в течение краткого срока, остающегося до созыва Государственной Думы, с которым, очень вероятно, может совпасть существование образуемого вами кабинета, я едва успел бы только ознакомиться с делом.

На основании изложенного не считаю возможным принять сделанное мне вами, граф, предложение, но в

то же время проникнутый готовностью и желанием оказать посильное с моей стороны содействие при разрешении предстоящей вам задачи, я сочту всегда своей обязанностью, если вы признали бы это желательным, принять участие при обсуждении и разработке отдельных вопросов, стоящих на очереди и требующих своего разрешения в настоящее время.

Прошу вас, граф, принять уверение в глубоком моем уважении и совершенной преданности.

Д. Шипов».

27 октября 1905 г.

Глава XI

Участие общественных деятелей в обсуждении вопроса об изменении положения о выборах в Государственную Думу 6 августа 1905 г., согласно п. 2 манифеста 17 октября 1905 года.

Возвращаясь в Москву, мы, т.е. А.И.Гучков, М.А.Стахович, князь Е.Н.Трубецкой и я, наметили лиц, которых считали желательным и необходимым привлечь к обсуждению вопроса о предстоявших изменениях в положении о выборах в Государственную Думу. К сожалению, не все из намеченных лиц могли принять участие в этой работе; граф П.А.Гейден, князь Пав.Д.Долгоруков, М.Я.Герценштейн, С.А.Муромцев и И.И.Петрункевич в это время не были в Москве, а ожидать их приезда было невозможно, в виду спешности вопроса. В обсуждении и составлении проекта избирательного закона на основе общего избирательного права приняли участие следующие лица:

1. Князь Николай Сергеевич Волконский (Рязань),
2. Александр Иванович Гучков (Москва),
3. Сергей Андреевич Котляревский (Саратов),
4. Князь Георгий Евгениевич Львов (Тула),
5. Николай Николаевич Львов (Саратов),
6. Александр Аполлонович Мануйлов (Москва),
7. Сергей Николаевич Маслов (Орел),
8. Князь Евгений Николаевич Трубецкой (Калуга),
9. Николай Николаевич Хмелев (Москва),
10. Николай Алексеевич Хомяков (Смоленск),
11. Михаил Васильевич Челноков (Москва),
12. Сергей Иванович Четвериков (Москва),

13. Дмитрий Николаевич Шипов (Москва) и

14. Николай Николаевич Щепкин (Москва).

Собрания наши происходили в моей квартире на Собачьей площадке 29 и 30 октября.

Приступая к нашим занятиям, мы имели в виду, что по точному смыслу 2-го пункта манифеста 17 октября надлежит «привлечь теперь же к участию в Государственной Думе, по мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав». Для наиболее полного и целесообразного ghbukfityвыполнения установленных требований собрание признало единогласно справедливым и необходимым положить в основу изменений положения о выборах в Государственную Думу общее избирательное право всех граждан, не ставя его вовсе в зависимость от имущественного ценза. Затем значительным большинством было признано возможным предоставить избирательные права только лицам мужского пола, достигшим двадцатипятилетнего возраста, хотя некоторые члены собрания находили достаточным достижение гражданского совершеннолетия. Все, принимавшие участие в собрании, относясь вполне отрицательно к цензовому началу, положенному в основу положения о выборах 6 августа 1905 года, и к группировке избирателей в зависимости от различия их имущественных цензов, считали единственно правильным предоставление всем избирателям равного избирательного права и объединение их участием в общих выборах.

Продолжительный обмен мнений вызвал вопрос: следует ли производить избрание членов Государственной Думы посредством прямого голосования или путем двухстепенных выборов? Одни считали, что для успокоения страны и

возможности произвести выборы в Государственную Думу есть только одно средство — производство выборов прямой подачей голосов; при всякой иной форме выборов они будут сопровождаться беспорядками, а Государственная Дума, так составленная, не будет иметь должного авторитета. Четырехчленная формула всеобщего голосования сделалась лозунгом почти всех партий, наиболее сознательных рабочих масс и значительной части крестьянства. Техника двухстепенных выборов сложнее прямых и потребуют большего времени. Другие, не возражая принципиально против непосредственной подачи голосов избирателями, не находили, однако, возможным применить эту систему теперь же по практическим соображениям. Применение прямого голосования потребует составления нового распределения избирательных округов; так, например, московская губерния, имеющая 13 уездов и избирающая 6 членов Государственной Думы, должна быть разделена на 6 избирательных округов. Новое распределение избирательных округов и составление соответственно им новых списков избирателей потребуют значительного времени и эта сложная работа невыполнима в течение краткого срока, остающегося до созыва Думы. Затем, если четырехчленная формула всеобщего голосования принята, хотя и не всеми, но многими партиями и усвоена большинством рабочих масс, то едва ли тоже может быть сказано по отношению к сельскому населению. В сознании большинства крестьянства не успело еще сложиться определенное отношение к этому вопросу. Нельзя не принять во внимание, что лица, выступающие кандидатами в члены Государственной Думы, по большей части будут мало известны сельским избирателям и подать сознательно свой голос за того или другого кандидата им будет

трудно. Конечно, ознакомление с кандидатами могло бы сделаться отчасти возможным путем выступления их с изложением своих программ на предварительных собраниях избирателей, но организация таких многочисленных собраний в сельских местностях при обширности территории сопряжена с большими затруднениями практического и формального характера и во всяком случае потребует весьма продолжительного времени. К избранию же выборщиков сельское население может отнестись вполне сознательно, а выборщики, собравшись в губернское избирательное собрание, получат возможность ознакомиться с кандидатами в члены Думы и подать свой голос, имея в виду настроение избравшего их населения. Указанные препятствия к применению непосредственной подачи голосов не могут иметь места в городах и потому избрание членов Государственной Думы от городов, указанных в пункте б. статьи 1-й Полож. о выборах, может быть произведено посредством прямого голосования. Значительным большинством участвовавших в обсуждении вопроса было признано желательным, чтобы в городах, которым предоставлено самостоятельное избрание членов Государственной Думы, выборы производились путем непосредственной подачи голосов, а избрание членов Думы по губерниям и областям, в губернских избирательных собраниях выборщиками, избираемыми в избирательных участках. При этом собрание полагало, что в том и другом случае избирателям должно быть предоставлено право выбирать кандидатов в члены Государственной Думы не только из среды лиц, внесенных в списки избирателей данного округа, но вообще из числа лиц, имеющих право участия в выборах в каком-либо избирательном округе Империи, но однако при условии, чтобы никто не мог бал-

лотироваться в члены Думы более чем в одном избирательном округе. Высказываясь таким образом за расширение пассивного избирательного права, собрание считало необходимым установить ограничение активного избирательного права в том смысле, чтобы каждое лицо, имеющее право участия в выборах, могло воспользоваться своим правом только в одном округе, избрав его по своему желанию.

Остановившись на двухстепенных выборах для избрания членов Государственной Думы по губерниям и областям, собрание перешло к обсуждению вопроса о том, какой порядок выборов в губернском избирательном собрании может лучше обеспечить правильность представительства населения в Думе; должны ли члены Думы избираться абсолютным большинством или предпочтительнее система пропорциональных выборов? Все, высказывавшиеся по этому вопросу, соглашались, что мажоритарная система обеспечивает исключительно представительство большинства членов избирательного собрания, не редко при том незначительного и зачастую случайного характера, тогда как пропорциональная система выборов открывает возможность представительства, если не всем, то, по крайней мере, более или менее влиятельным политическим течениям, и вследствие этого является более справедливой и желательной. В то же время система пропорциональных выборов не представляется сложной, и все пришли к единодушному заключению, что именно эта система должна быть проведена в проектируемом изменении положения о выборах в Государственную Думу. При обсуждении деталей применения в губернских избирательных собраниях системы пропорциональных выборов, был одобрен следующий порядок. Выборы должны производиться по спискам, которые представ-

ляются группами выборщиков, при условии, чтобы каждый список был подписан не менее ½₀ общего числа всех выборщиков по губернии. Число кандидатов в каждом списке должно соответствовать числу членов Государственной Думы, подлежащих избранию собранием. Никто не может быть включен в список помимо своего согласия. Списки кандидатов могут быть доставляемы заблаговременно и в таком случае они публикуются, но списки должны быть представлены не позднее как за два часа до начала выборов и все списки выставляются в зале собрания, занумерованными в порядке их поступления. Все списки подвергаются закрытой баллотировке шарами. Список считается принятым, если полученное им число избирательных шаров не менее частного от деления общего числа наличных выборщиков на число подлежащих избранию собранием членов Государственной Думы. Если указанное количество избирательных шаров будет получено лишь одним списком, то избранными считаются все предложенные в нем кандидаты. Если будет принято несколько списков, то прежде всего считаются избранными лица, внесенные в несколько списков и получившие в сумме большее число голосов, чем какой-либо из списков в отдельности. Остающееся число подлежащих избранию распределяется между принятыми списками, в нисходящем порядке записанных в каждом из них кандидатов, пропорционально числу шаров, поданных за каждый список. Пропорциональность определяется по формуле Виктора д'Ондта.

Так как при пропорциональных выборах каждый избранный член Думы явится представителем той или другой политической группы, то было признано справедливым, чтобы в случае выбытия из состава Государственной Думы

члена ее, избранного губернским избирательным собранием, освободившееся место замещалось следующим в нисходящем порядке кандидатом из того списка, к которому принадлежал выбывший член Думы.

Порядок избрания выборщиков в губернское избирательное собрание был намечен следующий. В уездах границы избирательных участков и число выборщиков, подлежащих избранию на каждом участковом избирательном съезде в пределах общего их числа, установленного для уезда расписанием, определяются уездными по делам о выборах комиссиями, при чем: а) избирательные участки приурочиваются к волостям и станицам, б) волости и станицы с населением по переписи 1897 г. более 2500 жителей могут составлять самостоятельные участки, в) волости и станицы с населением менее 2500 жителей присоединяются к соседним, г) волости и станицы с населением свыше 7500 жителей могут быть подразделяемы на несколько участков и д) распределение числа подлежащих избранию в уезде выборщиков между участками должно быть производимо пропорционально их населению. В городах, не имеющих права самостоятельного избрания членов Государственной Думы, разделение на избирательные участки и распределение между ними общего числа выборщиков, подлежащих избранию в городе, производятся городской управой.

При составлении расписания числа выборщиков по каждой губернии, а равно при распределении их в губернии между уездами и городами собрание полагало нужным руководиться численностью населения, исходя из расчета одного выборщика на 5000 жителей. Избрание выборщиков следует производить в праздничные дни; избранными в

выборщики признаются лица, получившие относительно наибольшее число голосов.

Избрание членов Государственной Думы прямой подачей голосов в городах, которым это право будет предоставлено, должно производиться на следующих главных основаниях. Каждый город, за исключением столиц, составляет отдельный избирательный округ, а Санкт-Петербург и Москва разделяются — первый на 6, а второй на 4 округа. Округа подразделяются городскими управами на избирательные участки. Списки кандидатов, подлежащих баллотировке в члены Думы, составляются на основании подаваемых избирателями заблаговременно заявлений, печатаются и вывешиваются при входе в помещения для выборов. Выборы производятся опусканием закрытого пакета, заключающего в себе листок с именем одного кандидата. Подсчет голосов, поданных по участкам, производится окружным комитетом и избранным признается лицо, получившее более половины всех избирательных листков. Если никто не получит необходимого большинства голосов, то назначается перебаллотировка не позднее двух недель, при чем избранным считается получивший, если не абсолютное, то относительное большинство голосов. В случае выбытия из состава Государственной Думы члена ее, избранного в городском избирательном округе, должны быть произведены в подлежащем округе новые выборы, если до наступления срока общих выборов в Думу остается более года. Поверку прав всех избранных членов Государственной Думы собрание считало необходимым предоставить исключительно компетенции самой Государственной Думы, куда и должны направляться все жалобы и заявления на неправильность производства выборов.

Заведование производством выборов было предположено возложить: 1) в избирательных участках на комитеты, состоящие из председателя и двух членов, приглашаемых из числа лиц, имеющих право участия в выборах, в уездах уездными по делам о выборах комиссиями, а в городах городскими управами; 2) в губернских избирательных собраниях — на комитеты, состоящие под председательством губернского предводителя дворянства из четырех членов, приглашаемых из числа выборщиков, губернскими по делам о выборах комиссиями; 3) в городах, избирающих членов Государственной Думы непосредственно, — на окружные и участковые комитеты в составе: первые под председательством городского головы из четырех избирателей округа, приглашаемых городской управой, а вторые из председателя и двух членов из числа избирателей участка по приглашении той же управы. Обязанности лицами, составляющими комитеты, исполняются бесплатно. В то же время собрание, считая нужным оговорить, что никто из выборщиков без уважительных причин не может уклоняться от исполнения своих обязанностей, полагало справедливым и полезным возмещать из средств казны выборщикам, в случае их о том ходатайства, путевые издержки по поездкам на губернские собрания по расчету 10 копеек на версту и суточное вознаграждение.

Составление списков лиц, имеющих право участия в выборах, было признано необходимым поручить: в городах — городским управам, а в уездах — волостным правлениям под руководством участковых комитетов, при чем основанием для составления списков могут служить: а) посемейные списки, б) списки избирателей, составленные согласно положению о выборах 6 августа 1905 г., в) списки плател-

щиков квартирного и промыслового налогов, г) списки рабочих на фабриках и заводах и д) заявления всех лиц, получающих право участия в выборах на основании составляемого собранием проекта нового положения о выборах.

Установив главные основания, которыми надлежит руководствоваться при внесении изменений в положение о выборах в Государственную Думу 6 августа 1905 г., собрание перешло к постатейному рассмотрению этого положения и, сделав ряд указаний, касающихся различных частных вопросов, поручило С.А.Котляревскому и мне, руководствуясь принятыми собранием заключениями и преподанными им указаниями, составить окончательную редакцию нового проекта положения о выборах. Это поручение было выполнено 31 октября и проект нового положения о выборах был изложен нами в 63-х статьях. 1 и 2 ноября проект был переписан в 5 экземплярах и 2 же ноября, вечером, я поспешил выехать в Санкт-Петербург, так как в течение последних дней граф С.Ю.Витте дважды телеграфировал мне, прося ускорить представление проекта.

Приехав в Санкт-Петербург, я тотчас, при письме, послал графу С.Ю.Витте 4 экземпляра составленного в Москве проекта и просил назначить время для личных переговоров. В тот же день в 2 часа я посетил гр. Витте совместно с А.И.Гучковым, кн. Е.Н.Трубецким и М.А.Стаховичем. Мы застали у него кн. А.Д.Оболенского и С.Е.Крыжановского. Граф С.Ю. уже успел ознакомиться с представленным ему проектом и, обращаясь к С.Е.Крыжановскому, сказал, что этот проект составлен нами по его просьбе, что в общем он с ним согласен, но ему представляется очень сложным предлагаемый в проекте порядок избрания в губернских избирательных собраниях членов Государственной Думы по спис-

кам, и спросил С.Е.Крыжановского знаком ли он с такой системой выборов. С.Е.Крыжановский, ответил, что нами предлагается система пропорциональных выборов, и так как гр. С.Ю. заявил, что он совершенно с этой системой не знаком, что нас всех присутствующих крайне удивило, то С.Е.Крыжановский ознакомил его тут же с основными положениями этой системы. Граф С.Ю. находил предложенный нами порядок слишком сложным, полагал, что он на практике вызовет большие недоразумения и настаивал на избрании членов Думы абсолютным большинством голосов. Все наши старания рассеять опасения графа оказались напрасными, и мы вынесли впечатление, что сомнения и возражения его коренятся, главным образом, в полном незнакомстве с основаниями системы и с различными способами пропорциональных выборов, выработанными наукой и практикой, и что это обстоятельство могло поставить его, как председателя совета министров, в затруднение при отстаивании предложенного нами порядка в совете министров и в особых совещаниях.

Затем гр. Витте говорил о неудобстве одновременного применения двух различных порядков выборов: прямых — в больших городах и двухстепенных — в губерниях, и признавал желательным, чтобы и в городах избрание членов Думы происходило путем выборов двухстепенных. Мы объясняли, что нами прямая подача голосов при избрании членов Думы признается принципиально наиболее правильной и если мы сочли возможным отступить от нее при выборах по губерниям, то исключительно по соображениям практического, но временного характера, и что прямые выборы в городах особенно необходимы для успокоения рабочих масс, сосредоточенных в больших городах. По это-

му вопросу во время нашей беседы граф Витте не высказал своего окончательного заключения.

Кн. А.Д.Оболенский выразил опасение, не вызовет ли введение общих выборов недовольства крестьянского населения; не усмотрит ли оно в них умаления предоставленного крестьянам положением 6 августа права самостоятельного избрания в члены Думы представителей своей курии? Мы объяснили, что при общих выборах крестьянство получает, благодаря своей численности, преобладающее влияние на исход всех выборов, и что общие выборы могут быть и, несомненно, будут поняты сельским населением не как умаление, а как расширение его избирательного права. Гр. Витте, как нам казалось, точки зрения на этот вопрос кн. А.Д.Оболенского не разделял.

После дальнейшего обмена мнений гр. Витте поручил С.Е.Крыжановскому переработать представленный нами проект, согласно сделанным во время беседы замечаниям, и сказал, что засим этот проект, вместе с другим проектом, составленным в особом совещании, будут внесены в совет министров, в заседании которого примут участие некоторые члены Государственного Совета и представители общественных деятелей; при этом граф С.Ю. просил А.И.Гучкова, кн. Е.Н.Трубецкого, М.А.Стаховича и меня принять участие при обсуждении в совете министров проектов изменения избирательного закона. М.А.Стахович, заявив, что он, кн. Е.Н.Трубецкой и А.И.Гучков в этот же день должны выехать в Москву для участия в съезде земских и городских деятелей, а что я в этом съезде не участвую, спросил гр. С.Ю., не обратится ли он ко мне с просьбой обсудить еще раз с С.Е.Крыжановским намечаемые изменения в представленном нами проекте прежде, чем С.Е. при-

ступит к его переработке. Граф Витте просил меня об этом и так как, мне показалось, что и С.Е.Крыжановский доволен предложением М.А.Стаховича, то я на него согласился и этим наша беседа была закончена.

На следующий день утром я отправился к С.Е.Крыжановскому, как мы условились накануне. Встретив меня с изысканной предупредительностью и любезностью и приступая к беседе, С.Е. поспешил сказать, что он сочувствует составленному общественными деятелями проекту закона о выборах в Государственную Думу, хорошо понимает, что политические выборы могут быть правильно и целесообразно организованы только при условии построения их на принципе общего избирательного права, приветствует меня в том, что мне и товарищам моим удалось убедить графа С.Ю. Витте в необходимости принять эту точку зрения, и сказал что он, С.Е., с удовольствием примется за порученную ему работу. Но при этом С.Е. считал необходимым оговориться, что его в то же время беспокоят сомнения. Во-первых, искренни ли в данном случае убеждение гр. С.Ю. и согласие его с предложением общественных деятелей, и во-вторых, насколько прочно положение самого гр. Витте? С.Е. говорил, что граф Витте имеет многочисленных противников среди влиятельных лиц; многие им недовольны, особенно за манифест 17 октября, а проведение в настоящее время общего избирательного права, может быть, еще более поколеблет прочность положения графа С.Ю. «Я боюсь, — закончил С.Е., — как бы мне не пришлось, в случае падения графа Витте, составлять еще третий проект закона о выборах в Думу и, может быть, на началах еще более узких, чем положение 6 августа». Я возражал С.Е.Крыжановскому по поводу высказанных им сомнений.

Выработанный в Москве общественными деятелями проект составлен по просьбе самого графа Витте; если он не сочувствовал бы общему избирательному праву и не видел возможность осуществить его в ближайшем же времени, то для чего стал бы он просить нас представить возможно скорее соответствующий проект? Что касается второго сомнения С.Е., то тут я говорил, что предугадать с уверенностью что-либо конечно, трудно, но после акта 17 октября трудно также ожидать возвращения к прежним условиям государственной жизни. К сожалению, в скором же времени пришлось мне убедиться, насколько прав был С.Е.Крыжановский, высказывая мне свои опасения.

По переходе к непосредственной цели нашей беседы, продолжительного обмена мнений между нами не потребовалось. С.Е. указал на необходимость внесения в наш проект некоторых формальных, технических дополнений и изменений. Вопрос о пропорциональных выборах отпадает, вследствие определенного несогласия на него графа Витте. Что касается предоставляемого нашим проектом большим городам права прямого избрания членов Думы, то этот вопрос остается открытым в ожидании выяснения определенного отношения к нему гр. Витте. На этом мы расстались.

В тот же день я счел нужным еще раз пред возвращением в Москву повидаться с графом Витте и переговорить по поводу приглашения общественных деятелей в заседание совета министров для обсуждения проектов закона о выборах в Государственную Думу. Я счел долгом объяснить председателю совета министров, что в отношении этого вопроса я держусь той же точки зрения, которую я ему излагал, когда он приглашал А.И.Гучкова и меня вступить в

образуемый им кабинет. Участие представителей общественных кругов при обсуждении столь важного вопроса в высшем правительственном учреждении может иметь известное значение только в том случае, если к такому участию будут привлечены представители всех, или, по крайней мере, главных политических течений; между тем, обратил я внимание графа, вчера им приглашены, кроме кн. Е.Н.Трубецкого, состоящего членом партии «народной свободы», три лица, принадлежащие все к партии «союза 17 октября», и я недоумеваю, как отнестись к сделанному мне приглашению, не зная будут ли к совещанию привлечены представители других политических партий. Гр. Витте сказал, что он имеет в виду пригласить еще В.Д.Кузьмина-Караваева, который уже принимал участие в совещании при выработке 1-го проекта. Я заметил, что В.Д.Кузьмин-Караваев явится представителем партии «демократических реформ»; а в совещании особенно желательно участие влиятельных членов наиболее многочисленной партии «народной свободы». Хотя мое заявление, как мне показалось, произвело на гр. Витте не вполне приятное впечатление, но он не возражал по существу и только спросил меня, участие каких именно членов партии «народной свободы» я считаю желательным? Отвечая на этот вопрос, я, кроме кн. Е.Н.-Трубецкого, назвал: С.А.Муромцева, И.И.Петрункевича и Ф.И.Родичева. Граф С.Ю. сказал, что было бы достаточно пригласить троих; тогда я предложил остановиться на первых трех из названных мною лиц. Из дальнейшего обмена мнений по этому поводу я понял, что вопрос разрешен графом Витте в положительном смысле, и, прощаясь, сказал, что буду ожидать в Москве уведомления, на какой день будет назначено заседание совета министров.

Дней через 7—8 князь Е.Н.Трубецкой, А.И.Гучков и я получили в Москве официальное приглашение принять 19 ноября участие при обсуждении в совете министров проектов положения о выборе в Государственную Думу. С.А. Муромцев, которого я предупредил о предстоящем совещании, приглашения одновременно с нами не получил и это поселило во мне сомнение, не изменил ли граф Витте своего решения? Я приехал в Петербург заблаговременно 17-го и вскоре же посетил председателя совета министров. На высказанное мной удивление, что С.А.Муромцев приглашения еще не получил, граф Витте сообщил, что приглашение действительно не послано С.А.Муромцеву и И.И.Петрункевичу и что он полагал бы лучше воздержаться от их приглашения, так как опасается, что присутствие в совещании этих лиц, и особенно И.И.Петрункевича, может неблагоприятно повлиять на некоторых из приглашенных в совещание членов Государственного Совета, которые очень отрицательно относятся к представителям общества более левых направлений. Я возразил, что едва ли эти опасения могут иметь место после манифеста 17 октября, полагающего, казалось бы, конец старым бюрократическим предрассудкам, и сказал графу Витте, что после последней нашей беседы я виделся с С.А.Муромцевым и сообщил ему о предположенном его приглашении. После этого гр. С.Ю. выразил готовность пригласить С.А.Муромцева, но на приглашение И.И.Петрункевича не соглашался, и я счел неудобным настаивать. С.А.Муромцев в эти дни был в Санкт-Петербурге и я сообщил графу Витте его адрес. От графа С.Ю. я узнал, что, кроме ранее намеченных лиц, им приглашен М.В.Красовский. Я предупредил гр. Витте, что имею в виду предложить всем приглашенным обществен-

ным деятелям собраться между собой в частном совещании для предварительного обсуждения стоящего на очереди вопроса.

18-го с указанной целью собрались: А.И.Гучков, М.В.Красовский, В.Д.Кузьмин-Караваев, С.А.Муромцев, М.А.Стахович, князь Е.Н.Трубецкой и я. Всем нам, одновременно с приглашениями были доставлены: «Справка о порядке исполнения высочайших предначертаний, возвещенных в п. 2 манифеста 17 октября 1906 года», и три проекта дополнений и изменений положения о выборах в Государственную Думу 6 августа 1905 года.

1-й проект предоставлял в городах избирательное право:

1) всем, владеющим в каком-либо размере имущественным цензом, а именно: владельцам недвижимых имуществ, обложенных городским сбором, и торгово-промышленных предприятий, требующих выборки промыслового свидетельства, плательщикам квартирного налога и основного промыслового налога с личных промышленных занятий;

2) лицам, получающим по службе государственной или в общественных учреждениях содержание или пенсию в размере не менее: в столицах — 900 р., а в прочих городах — 600 р., и

3) лицам, окончившим курс высших учебных заведений и получающим какое-либо содержание или пенсию по службе государственной или в общественных учреждениях.

В съездах землевладельцев предоставлялось участие в выборах управляющим и арендаторам имений, соответствующих по своим размерам требованиям ст. 12 и ст. 14 положения 6 августа 1905 г. Затем этот же проект привлекал к

участию в выборах всех совершеннолетних рабочих мужского пола в предприятиях фабрично-заводской промышленности на основании особых правил, согласно которым избрание членов Думы должно было происходить следующим порядком. Рабочие каждого предприятия выбирают пропорционально своему числу уполномоченных; уполномоченные на губернском своем съезде избирают установленное для губернии расписанием число выборщиков; выборы членов Государственной Думы происходят на окружных собраниях выборщиков; всех окружных собраний шесть, избирающих по три члена Думы, за исключением московского округа, выбирающего пятерых.

Второй проект открывал дополнительно право участия в выборах: в городах — всем, занимающим отдельную квартиру, хотя бы освобожденную от квартирного налога, и всем получающим по службе государственной или в общественных учреждениях содержание или пенсию: в столицах не менее 600, а в других городах не менее 300 рублей, а в предварительных съездах землевладельцев — всем, владеющим землей или другим недвижимым имуществом вне зависимости от размера ценза, если лица эти не приписаны к волостям. Представительство от рабочих было проектировано на совершенно иных в сравнении с первым проектом основаниях. Выборщикам от рабочих предоставлялось участие в городских и губернских избирательных собраниях. Избрание выборщиков должно было происходить на собраниях уполномоченных, избираемых на участковых избирательных сходах; число уполномоченных определялось по расчету одного на каждые пятьсот избирателей.

Третьим проектом был проект, составленный по поручению графа Витте общественными деятелями в Москве, но

с внесенными в него существенными изменениями, из которых главными были следующие:

1) прямая подача голосов в городах, имеющих право непосредственного избрания членов Государственной Думы, заменена двухстепенными выборами;

2) вместо избрания членов Думы в губернских избирательных собраниях путем пропорциональных выборов, избрание их предоставлялось (ст. 7) окружным избирательным собраниям, при чем каждый округ избирает одного члена Думы, а каждая губерния, область или город, избирающие более одного члена Думы, разделяются соответственно числу последних на отдельные избирательные округа;

3) пассивное право быть избранным в члены Государственной Думы предоставлено (ст. 50) только лицам, имеющим право участия в выборах в данном округе или владеющим в пределах округа не менее года каким-либо недвижимым имуществом или торгово-промышленным предприятием;

4) активное право избирателей обусловлено (ст. 32) проживанием или владением имущества в пределах округа не менее года;

5) в 5-ю статью проекта, указывающую, кто не имеет права участвовать в выборах, включен новый пункт, устанавливающий, что лишаются избирательного права «состоящие под следствием или судом по обвинению в преступных деяниях, означенных в пункте а или влекущих за собой отрешение от должности»;

6) исключена из проекта статья, говорящая, что никто из выборщиков не может уклоняться от исполнения своих обязанностей, и предоставляющая выборщикам право воз-

мещения им путевых издержек по поездкам на губернские избирательные собрания и получения суточного вознаграждения;

7) к ст. 53 измененного проекта было добавлено примечание: «Лица, занимающие должности по службе гражданской, соединенные со штатным окладом содержания, в случае избрания их в члены Государственной Думы могут сохранить эти должности не иначе, как с разрешения непосредственного своего начальства»;

8) введена новая статья (20), в силу которой — «сомнения, возникающие на местах при применении сего положения, разъясняются указаниями губернаторов и градоначальников, и министра внутренних дел, который, в случаях, когда сомнения эти не имеют разрешения в законе, входит о разъяснении их в Правительствующий Сенат».

В сопровождавшей приведенные законопроекты «справке» были изложены соображения, которыми руководились составители этих проектов. Согласно точному смыслу высочайших предначертаний, надлежало привлечь к участию в Думе те классы населения, которые были ранее лишены этого права. Обращаясь к вопросу, кого именно на этом основании надлежит включить в систему выборов, было принято во внимание, что за пределами установленной положением 6 августа 1905 г. избирательной системы остались, главным образом: 1) средние и низшие разряды городского населения, 2) лица, живущие умственным трудом вне городских поселений, 3) некоторые разряды мелких землевладельцев, а равно лиц, обрабатывающих землю, но не связанных с нею правом собственности, и 4) рабочие на фабриках, заводах и всякого рода мастерских. Исходя отсюда, были установлены классы, которым первыми двумя

проектами было предположено предоставить дополнительно избирательные права, «не нарушая с формальной стороны очертаний действующей избирательной системы». Затем, переходя к вопросу о привлечении к участию в выборах рабочих, указывалось на неизбежность «образовать из лиц, занятых физическим трудом в отраслях промышленности, особый избирательный класс вне условий имущественного ценза», и были намечены две системы выборов от рабочего населения, вошедшие в два первых законопроекта. Мотивировав таким образом основания, на которых были построены проекты № 1 и № 2, «справка» констатировала, что «проектируемые поправки и дополнения к порядку, установленному положением о выборах в Государственную Думу, страдают многими существенными недостатками, как и всякая избирательная система, построенная на различных мало соизмеримых основаниях». Особенно подчеркивались следующие недостатки: 1) «представительство рабочих классов обосновывается на началах всеобщей подачи голосов; тогда как представительство остальных, более консервативных классов, ограничено цензом»; 2) «по мере увеличения числа избирателей в съездах, особенно городских, затемняется начало имущественной силы отдельных классов избирателей», и 3) «определение числа выборщиков от рабочих может быть произведено во всяком случае не иначе, как по численном сопоставлении масс населения, т.е. на началах, совершенно противоположных тем, на коих разверстано избирательное влияние остальных классов, в том числе и крестьянства». При таких условиях, говорилось далее, должен неизбежно возникнуть вопрос: не будет ли правильнее прийти прямо к общей подаче голосов тем более, что начало это приходится во всяком случае приме-

нять к выборам от рабочих. Затем, имея в виду приведенные ранее в «справке» указания на преимущества классовой системы, а именно сохранение за крестьянами права отдельного представительства, высказывается мысль о возможности применения общей избирательной системы рядом с сохранением отдельных выборов членов Думы от крестьян. В последней части «справки» были приведены мотивы и соображения, на которых основывались положения, проведенные в третьем законопроекте; но при этом, однако, о сохранении самостоятельной крестьянской курии более не говорилось и это предположение в законопроекте не имело места.

Ознакомившись с сообщенными нам материалами, все 7 выше указанных лиц, собравшихся на частное совещание, вынесли впечатление, что составители «справки», руководствуясь, несомненно, полученными от председателя совета министров указаниями, имеют в виду проведение третьего проекта, построенного на началах общего избирательного права, и потому все, участвовавшие в совещании, относясь принципиально отрицательно к попытке сохранить при изменении положения о выборах в Государственную Думу классовую систему группировки избирателей, положенную в основу первых двух проектов, признали лишним входить в обсуждение их деталей и сосредоточили свое внимание на третьем законопроекте. Было признано возможным согласиться с намеченным порядком избрания членов Думы в избирательных округах при условии, что каждый округ избирает одного члена Думы; но в то же время все считали необходимым, чтобы в городах, имеющих право самостоятельного избрания членов Думы, выборы производились непременно путем прямого голосования. Установив это

главное положение, перешли к постатейному рассмотрению и обсуждению законопроекта, при чем было сделано много замечаний, возражений и были намечены желательные изменения. По окончании этой работы все присутствовавшие поручили мне в предстоявшем заседании совета министров сделать от лица всей группы общественных деятелей заявление относительно общих оснований, по которым мы признаем единственно приемлемым законопроект, построенный на началах общего избирательного права, и затем доложить все необходимые в нем, по нашему убеждению, поправки и дополнения.

19 ноября в 2 ч. дня в Мариинском дворце состоялось заседание совета министров. Присутствовали все министры, вошедшие в состав образованного графом Витте кабинета, и члены Государственного Совета: граф Д.М.Сольский, Э.В. Фриш, А.А.Сабуров, И.Я.Голубев, Н.С.Таганцев и В.В.Верховский. В среде приглашенных общественных деятелей, совершенно неожиданно для всех нас, мы увидали графа В.А.Бобринского. Председатель, открыв заседание, в краткой речи ознакомил собравшихся с порядком подготовительной работы, произведенной для выполнения высочайших предначертаний, изложенных в п. 2 манифеста 17 октября 1905 г., результатом которой, явились три представленные проекта, и доложил, что им приглашены в заседание несколько лиц из среды общественных деятелей, чтобы члены совета могли ознакомиться с их соображениями относительно вопроса, подлежащего разрешению совета. Признавая нужным прежде всего обсудить основные положения трех представленных проектов и выслушать мнение о них общественных деятелей, граф Витте предложил мне высказаться по этому вопросу.

Отвечая на обращение графа Витте, я сказал, что все приглашенные из среды общества лица, за исключением графа В.А.Бобринского, о приглашении которого нам не было известно, на предварительном частном совещании уполномочили меня изложить общее наше мнение по вопросу, предложенному в настоящее время председателем. Заявив, что, по глубокому нашему убеждению, предстоящее изменение положения о выборах в Государственную Думу должно быть построено обязательно на началах общего избирательного права, я начал с указания, что вопрос этот предрешен текстом второго пункта манифеста 17 октября, которым повелевается привлечь к участию в Думе все классы населения, лишенные ныне совсем избирательных прав; но если, согласно высочайшей воле, избирательное право должно быть предоставлено всем классам, которые этого права ранее не имели, то в результате не должно быть ни одного класса, лишенного права участия в выборах, и избирательное право будет тем самым предоставлено всем подданным Его Величества. С еще большей несомненностью о том же свидетельствуют заключительные слова того же пункта манифеста, предоставляющие дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку. Здесь говорится не о применении начала общего избирательного права в будущем, а лишь о дальнейшем развитии того начала, главные положения которого должны, очевидно, лечь в настоящее время в основу предуказанных изменений. Затем, цитировав приведенные в сообщенной всем присутствующим «справке» указания на многочисленные недостатки и противоречия в первых двух проектах и изложенные в ней соображения, в силу которых признается более правильным перейти прямо

к общей подаче голосов, я привел все мотивы принципиального и практического характера, которые побуждают нас отдать исключительное предпочтение третьему проекту. Между прочим, я говорил, что 3-м пунктом манифеста 17 октября предоставлено Государственной Думе, несомненно, участие в законодательной власти, но для того, чтобы осуществление этой власти Думой было встречено доверием всего населения и имело надлежащий авторитет, необходимо, чтобы состав Думы слагался не из представителей интересов отдельных классов, а явился представительством народа, свободно избранным на общих и равных для всех выборах.

Когда я кончил, слово взял тотчас председатель совета и резко возражал на сделанное мной указание, что осуществление начала общего избирательного права предуказано манифестом 17 октября. Отрицая правильность высказанного мною мнения, граф Витте подчеркивал значение первой части второго пункта манифеста, в которой сказано: «не останавливая предназначенных выборов, привлечь теперь же к участию в Думе, по мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы» и т.д. Основываясь на этих словах, председатель совета министров утверждал, что в силу их в настоящее время не могут быть отменены общие основы положения о выборах 6 августа и что классовая группировка избирателей должна быть сохранена. Затем им было высказано не мало возражений по существу против начал общего избирательного права и приводились указания на преимущества системы классового представительства.

Вся наша группа, исключая графа Бобринского, была поражена выступлением графа Витте, явившимся для нас

совершенно неожиданным и нам непонятным, после предварительного обмена мнений с ним по этому вопросу в течение продолжительного времени. Присутствующий в заседании С.Е.Крыжановский во время речи председателя неоднократно обращался ко мне с улыбкой, говорившей об основательности высказанных им мне сомнений относительно искренности графа Витте.

Происходившие, затем, продолжительные прения сосредоточились на том же принципиальном разномыслии. Все общественные деятели говорили о необходимости пойти навстречу пожеланиям многочисленных общественных кругов и организовать избрание членов Думы путем общих выборов. Наиболее веская аргументация этих требований была сделана С.А.Муромцевым и кн. Е.Н.Трубецким, но все приведенные доводы не могли побудить графа Витте изменить свое отношение к вопросу. Только один гр. В.А. Бобринский высказался за сохранение классового представительства. Из членов кабинета, кроме председателя, выступавшего с неоднократными и продолжительными возражениями, говорил обер-прокурор синода, кн. А.Д.Оболенский. Поддерживая мнение, высказанное председателем, князь Оболенский признавал неизбежным сохранить классовую группировку избирателей, в виду необходимости осуществить предоставленное положением 6 августа крестьянской курии право самостоятельного избрания членов Думы, тогда как при общих выборах крестьянство будет лишено этого права. Министр внутренних дел П.Н.Дурново выслушивал речи общественных деятелей с трудно сдерживаемым раздражением. Получив слово, он резко заявил, что не понимает, как можно говорить о предпочтительности той или иной системы выборов в Государственную Думу в

переживаемое время, — время революции; теперь вообще немыслимо производить эти выборы. Что касается необходимой власти, как здесь говорили, доверия общества, то правительству достаточно иметь опору со стороны классов, представителем которых в настоящем совещании является граф В.А.Бобринский. Затем во время одной моей реплики, в которой я говорил, что только общие выборы могут внести желательное умиротворение в среду, так называемого, третьего элемента, П.Н.Дурново демонстративно вышел из заседания и более не возвращался. Некоторые из участвовавших в совете членов Государственного Совета принимали участие в прениях, высказывали неопределенные опасения относительно привлечения к участию в выборах лиц, не обладающих имущественным цензом, но не внесли с своей стороны никаких конкретных предложений. В заключение заседания председатель указал на существующее разногласие и предложил собраться вновь на следующий день, чтобы приступить к постатейному обсуждению представленных проектов, начав с первого.

Ни по окончании заседания, ни во время его перерыва, продолжавшегося около получаса, граф Витте не вступал в беседу ни с кем из нашей группы и не счел нужным объяснить нам неожиданное изменение своего отношения к обсуждавшемуся вопросу. Вечером, того же дня наша группа, но без участия графа В.А.Бобринского, обсуждала создавшееся положение, и все пришли к единогласному заключению, что нам следует воздержаться от участия при детальном обсуждении в совете министров первых двух проектов, чтобы не создать предположения, будто мы считаем их с теми или иными поправками приемлемыми, и устранить возможность ссылаться впоследствии на то, что

проекты эти выработаны и одобрены при участии лиц из общественной среды. Сделать соответствующее заявление в совете министров было возложено на мою обязанность.

На следующий день, когда мы собрались вновь в Мариинском дворце, кн. А.Д.Оболенский пред самым началом заседания передал мне письмо и записку, с которыми просил меня тотчас же ознакомиться. Письмо князя было следующего содержания:

«Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Будьте любезны взглянуть и скажите, как, по разуму и совести, опровергнуть эти доводы. Вы, конечно, не станете утверждать, что все это имеет лишь формальный характер. Здесь дело „права", на почве которого правительство обязано оставаться. Если с него сойти, то можно, с одной стороны, предлагать восстановить самодержавие прежнего типа, с другой, — требовать отречения от престола и водворения социальной республики. На вещи нельзя смотреть с точки зрения увлечения минутным психозом, а с точки зрения будущей судьбы России и исторической ответственности за принятые теперь решения. Если принцип народовластия установлен манифестом, в чем я лично с вами не согласен, так как все-таки источник повиновения остается в царской санкции, — если даже это признать, то отсюда до всеобщих выборов еще большой промежуток, как это мы видим во многих других Европейских странах, да и в самой России надо еще иметь фактическую возможность всеобщие выборы осуществить. Покажите Гучкову и потом благоволите вернуть.

Искренно преданный
А. Оболенский».

К письму была приложена записка, напечатанная на пишущей машинке, но никем не подписанная, следующего содержания:

«Буквальный смысл п. 2-го Высочайшего манифеста 17 октября не оставляет сомнения в намерении и воле законодателя. Этим пунктом усматривается, во-первых, требование, чтобы выборы в Думу не были отлагаемы; во-вторых, чтобы привлечены были к участию в выборах такие классы населения, которые до сих пор были совсем лишены избирательных прав; в-третьих, чтобы такое привлечение было сделано „в мере возможности", соответствующей краткости срока, остающегося до созыва Думы, и, наконец, в-четвертых, чтобы дальнейшее затем развитие начала общего избирательного права было предоставлено вновь устанавливаемому сим манифестом законодательному порядку. Самый же новый порядок тот выражается в п. 3-м манифеста 17 октября, по коему никакой закон не может восприять силы без одобрения Государственной Думы. Совершенно очевидно, таким образом, что установление ныне вне порядка законодательного всеобщего избирательного права есть прямое и явное нарушение манифеста. Не менее очевидно, что иначе, как в законодательном порядке, не могут быть отменены общие основы выборного порядка (курии) по закону 6 августа. Во всяком случае правительство, на которое возложено исполнение манифеста, не в праве отступить от этой своей обязанности,

без опасения совершенно поколебать доверие к закономерности своей деятельности и вызвать требования о всяких вообще изменениях в угоду тем или иным партиям. Нарушение манифеста 17 октября есть акт революционный, откуда бы он ни исходил и в какую бы сторону ни направлялся. С другой стороны, нельзя не признать тот несомненный факт, что идея всеобщих выборов, за последнее время, столь распространилась, стала достоянием действительно столь значительных масс населения, что созыв Думы без провозглашения этого принципа крайне затруднится, если и не сделается совершенно невозможным. При таких условиях, по мнению моему, для правительства остается лишь следующий исход. Во-первых, безотлагательно представить на благовоззрение Его Императорского Величества проекта (№ 1 и № 2, несколько измененные, согласно частным замечаниям), по коему к участию в выборах по куриям 6 августа привлекается: класс рабочих, класс проживающих в уездах лиц не крестьянского и не землевладельческого сословия, все квартиронаниматели, уплачивающие квартирный налог, и некоторые другие разряды лиц; во-вторых, составить проект общеизбирательного закона (проект № 3), который и предать гласности, как один из проектов закона, имеющих быть от лица правительства внесенных в первую же сессию Государственной Думы. В-третьих, подробно, с полною ясностью пояснить причину невозможности ныне же вне законодательного порядка осуществить признаваемое желательным в принципе начало общеизбирательного права».

Я поспешил ознакомить А.И.Гучкова и других членов нашей группы с полученными письмом и запиской. Изложенные в них соображения, конечно, не могли нисколько поколебать нашего убеждения и рассеять наше недоумение. В записке были резюмированы доводы, приводимые накануне графом Витте, и все мы пришли к заключению, что записка передана мне кн. А.Д.Оболенским, вероятно, по поручению гр. Витте.

По открытии заседания, я просил слово и от лица семи членов нашей группы заявил, что мы не находим для себя возможным принять участие в постатейном обсуждении первых двух проектов, подробно мотивировав наше решение. Наше заявление произвело, видимо, неблагоприятное впечатление на председателя и он предложил совету, в виду нашего решения отложить временно обсуждение первого и второго проектов и выслушать в настоящем заседании мнение общественных деятелей относительно третьего проекта. Продолжение заседания имело затем исключительно формальный характер; нам было ясно, что проект, построенный на началах общего избирательного права, не получит осуществления и что предлагаемые нами к нему поправки и дополнения не окажут никакого влияния на дальнейшее направление вопроса. Очевидно, так же смотрели на дальнейшее наше участие в совещании совет и его председатель, и предложение выслушать наши замечания являлось лишь актом вежливости по отношению к лицам, приглашенным в заседание. Тем не менее, мы сочли своей обязанностью при постатейном чтении третьего проекта представить совету все намеченные нами ранее в частном совещании замечания, дополнения и изменения, при чем наши заявления не вызывали больших возражений и продолжительных прений.

Затем председатель благодарил нас за принятое нами участие в занятиях совета, после чего мы удалились из зала.

Во время происходившего заседания я успел составить ответ князю А.Д.Оболенскому, который тут же показал А.И.Гучкову, и на следующий день отослал князю следующее письмо:

«Многоуважаемый Князь Алексей Дмитриевич!
Никак не могу согласиться с правильностью доводов, изложенных в присланной мне вами записке. По поводу их я говорил в совете третьего дня, вчера и теперь могу повторить только то же самое. Самое страшное и пагубное в настоящую переживаемую Россией грозную минуту — отсутствие у правительства определенной программы, основанной на определенных политических убеждениях и которой правительство считало бы необходимым руководствоваться. Только при этом условии возможны доверие и поддержка общества. Постоянные сомнения, искания компромиссов, влекущие за собой неизбежные затем уступки, лишают правительство возможности овладеть общественным движением и сделаться его руководителем. Такой путь может только окончательно подорвать авторитет власти и ввергнуть страну в анархию. Принятие комбинаций, изложенных в вашей записке, по мнению Гучкова и моему, грозят большой опасностью государственному порядку.
Примите уверение и т. д.
Д. Шипов». 21 ноября 1905 года.

Уезжая из Санкт-Петербурга после заседаний совета министров, я не предполагал возможным, чтобы обществен-

ные деятели, в том числе и я, были вновь привлечены к обсуждению вопроса об изменении положения о выборах в Государственную Думу. Но 30 ноября московский градоначальник сообщил мне по телефону о полученном им предписании поставить меня в известность, что по высочайшему повелению я приглашаюсь на 5 декабря в Царское Село для представления объяснений в совещании, имеющем состояться под председательством Е.И.В., для рассмотрения предположений совета министров о способах осуществления высочайших предуказаний, возвещенных в пункте 2 манифеста 17 октября 1905 года. Такое же уведомление было передано в Москве А.И.Гучкову. 1 декабря М.А.Стахович, по поручению гр. Витте, телеграфировал мне, чтобы я приехал в Санкт-Петербург заблаговременно и повидался непременно с графом С.Ю. до заседания в Царском Селе. 3 декабря я приехал в Санкт-Петербург и в тот же день был у графа Витте. Приступая к беседе, граф С.Ю. сказал, приблизительно, следующее: «Вас, конечно, удивило встретить во мне оппонента в заседании совета министров, но вы сами в этом повинны. Зачем начали вы свою речь с указания на то, что применение общего избирательного права предрешено 2-м пунктом манифеста 17 октября? Всем известно, что автором этого манифеста был я, и, следовательно, если бы я согласился с вашей точкой зрения, то мои многочисленные недоброжелатели, из которых многие присутствовали в заседании, могли бы сказать, что я преднамеренно представил Государю к подписи проект манифеста, которым предрешалось немедленное применение общего избирательного права. Я ожидал, наоборот, что инициатива в возбуждении этого вопроса будет принадлежать приглашенным в заседание общественным деятелям и что вы ограничитесь аргу-

ментацией выставленного вами положения по существу; в таком случае и я не явился бы вашим противником, а считал бы только своей задачей содействовать всестороннему и объективному освещению вопроса. Я поручил М.А.Стаховичу просить вас побывать у меня, чтобы объяснить вам происшедшее недоразумение и предупредить вас, чтобы в ваших объяснениях на предстоящем совещании в Царском Селе вы не ссылались на предрешение вопроса манифестом 17 октября». — Откровенное заявление графа Витте еще раз с наглядностью подтвердило мне, на каких различных точках зрения стоят бюрократы и представители общества и как трудно им прийти к взаимному между собой пониманию и согласованному образу действий. Затем граф Витте сказал, что в предстоящем совещании приглашенные из среды общества лица представят свои объяснения в первой части заседания, после перерыва они удалятся и вопрос будет разрешен совещанием в их отсутствии. В виду этого, граф С.Ю. предупредил меня, что после наших речей он предложит нам следующие три вопроса: 1) возможно ли рассчитывать на благополучное производство выборов, в виду происходящих во многих местностях беспорядков; 2) не усмотрит ли крестьянство в общих выборах умаления предоставленного ему положением 6 августа права самостоятельного избрания членов Государственной Думы и 3) не заключается ли опасности в предоставлении широкого права участия в выборах лицам свободных профессий, — так называемому, третьему элементу. Граф сказал, что лично он знает мое мнение по этим вопросам, но так как эти вопросы будут, несомненно, возбуждены в совещании после удаления общественных деятелей, то он желает предоставить нам возможность высказать наше отношение к этим вопросам во

время первой части заседания. На мой вопрос, — кто из среды общества, кроме А.И.Гучкова и меня, приглашены в совещание в Царском Селе, — граф Витте ответил, что он предложил Государю привлечь, с одной стороны А.И.Гучкова и меня, как лиц, высказывающихся за применение общего избирательного права, а, с другой — барона П.Л.Корфа и графа В.А.Бобринского, которые стоят за классовую группировку избирателей. Я объяснил, что по отношению к барону П.Л.Корфу гр. С.Ю. ошибается; барон Корф вместе с А.И.Гучковым и мной является учредителем партии «Союза 17 октября», в программе которой провозглашено начало общего избирательного права. Граф Витте сказал, что ему это обстоятельство не было известно, и что, докладывая Государю, он впал в ошибку, имев в виду статью барона Корфа, напечатанную весной в «Санкт-Петербургских Ведомостях», и о происшедшем недоразумении просил меня предупредить барона Корфа.

Приглашенным на совещание в Царское Село были заблаговременно доставлены два проекта изменений положения о выборах в Государственную Думу и «Мемория совета министров о способах осуществления Высочайших предуказаний, возвещенных в п. 2-м манифеста 17 октября 1905 года». Первый проект, изложенный в форме указа Правительствующему Сенату, представлял соединение проектов № 1 и № 2, внесенных 19 ноября на рассмотрение совета министров, но со следующими изменениями: 1) к участию в съездах городских избирателей и в избрании выборщиков в городские избирательные собрания допускались, за исключением низших служителей и рабочих, все лица, получающие содержание или пенсию по службе государственной, или в общественных учреждениях, или на железных доро-

гах, без определения минимума получаемого ими вознаграждения; 2) право участия в предварительных съездах предоставлялось всем, владеющим землей, в размерах не менее ⅛ ценза, показанного в приложении к ст. 12 полож. о выборах, и 3) рабочим предоставлялось право самостоятельного избрания членов Государственной Думы в 6 окружных собраниях выборщиков, но число избираемых ими членов Думы было ограничено 14. — Второй проект был изложен в виде нового положения о выборах, при чем в основу его был положен проект № 3, представленный в совет министров, в который, однако, были внесены некоторые существенные изменения. Часть этих изменений была сделана согласно указаниям, представленным общественными деятелями 20 ноября при постатейном чтении 3-го проекта в совете министров, но два изменения были внесены по инициативе самого совета министров. Статья 7-ая нового проекта устанавливала, что выборы членов Государственной Думы производятся не только окружными избирательными собраниями в полном их составе, но также и выборщиками от съездов уполномоченных от волостей и казачьих станиц, при чем, согласно приложенному к этой статье расписанию, число членов, избираемых окружными собраниями, определялось 462, а избираемых выборщиками от волостей и станиц — 54. Затем совет министров исключил из статьи 61-ой заключавшееся в ней допущение в помещение избирательных собраний представителей печати. По предложению общественных деятелей были внесены следующие, более существенные изменения: 1) из примечания к статье 1-ой, перечислявшего местности, в которых выборы в Думу производятся на основании особых правил, было исключено Царство Польское и на него было распро-

странено действие общего порядка; 2) число жителей в городах, образующих самостоятельные избирательные участки, повышено с 7.500 до 10.000 (ст. 14), но в сельских избирательных участках предельное количество населения повышено с 2.500 до 4.000 (ст. 13); тогда как мы предлагали его понизить до 2.000 жителей; 3) статьей 36-ой для занесения лица в избирательные списки устанавливалось условие проживания в пределах участка не менее 6 месяцев вместо года, как предлагалось ранее, хотя общественные деятели настаивали на понижение этого срока до 1 месяца; 4) в статью 45-ую было введено требование о созыве избирательных съездов в праздничные дни, а статья 55-ая предоставляла выборщикам право на возмещение, в случае их желания, путевых издержек; 5) примечание к статье 59-ой, говорившее прежде, что лица, занимающие гражданские должности, в случае избрания их в члены Думы, могут сохранить свои должности не иначе, как с разрешения своего начальства, заменено требованием оставления этими лицами занимаемой должности, при чем это требование не распространялось только на министров и их товарищей, между тем как общественные деятели признавали необходимым не предъявлять этого требования также по отношению лиц, занимающих выборные должности по общественной службе, на профессоров и на членов ученых учреждений, и 6) проект был дополнен отделом пятым, предусматривавшим организацию подготовительных собраний избирателей и выборщиков.

В «Мемории» были изложены соображения, которыми руководился совет министров при составлении двух представленных им проектов. В начале «Мемории» указывалось, что по точному смыслу акта 17 октября непосредственною

задачей правительства должно служить развитие избирательной системы, установленной 6 августа, и потому избирательное право должно быть прежде всего дополнительно предоставлено средним и низшим разрядам городского населения, лицам, живущим умственным трудом вне городов, и мелким землевладельцам. Затем право участия в выборах следует также дать рабочим на фабриках, заводах и во всякого рода мастерских, при чем предстоит остановиться на одной из двух систем: или провести по всем ступеням раздельные выборы от рабочего населения, или включить выборщиков от рабочих в состав губернских избирательных собраний. Предоставление рабочим определенного числа мест в Государственной Думе явится, несомненно, наиболее действительным средством успокоения этих масс населения, но создаст и укрепит в умах рабочих предположение о раздельности их интересов от польз и нужд остального населения и о том, что рабочий класс является чем-то в роде государства в государстве. При этом высказывалось опасение, что в будущем даже переход ко всеобщим выборам окажется для рабочих крайне невыгодным и они будут стремиться к сохранению обособленной системы выборов и к увеличению числа членов Думы от рабочих. Что касается второго из указанных способов участия рабочих в выборах, то в «Мемории» констатируется, что эта система не даст рабочим реального участия в Думе и может вызвать их недовольство. Кроме, того, наиболее существенным доводом против участия рабочих в выборах, совместно с другими классами, признавалось соображение о той агитации, которую они внесут в среду избирательных собраний. В виду этого совет министров считал предпочтительным остановиться на системе отдельного представительства рабочих.

Закончив разработку проекта дополнительных к закону 6 августа правил, совет министров, говорилось далее в «мемории», принял во внимание, что количество лиц, остающихся за пределами проектируемого расширения, не может быть значительным, а, между тем, в круг избирателей предположено ввести элементы, наиболее подверженные брожению (лица свободных профессий, рабочие и т.д.). При таких условиях возникает вопрос — не следовало ли бы прямо перейти к порядку общего избирательного права, возможность установления коего предвозвещена в манифесте 17 октября? Россия — страна демократическая, а потому идеи равенства и, в частности равного и общего участия в выборах не могут не находить в нашем обществе самой благоприятной почвы для своего развития. Некоторые члены совета министров полагали необходимым ныне же обратиться к началу всеобщих выборов и указывали, что главный недостаток правительственных мероприятий сводится к тому, что они не шли в уровень с ростом общественного сознания, и правительство вместо того, чтобы твердо взять в свои руки движение, шло позади общества, делая время от времени вынужденные уступки, которые никого не удовлетворяли. Другие же члены совета не считали правильным задаваться единственно мыслью достигнуть во что бы то ни стало успокоения общественного настроения, признавали, что в таком деле, как выборы, единственною целью законодателя должно быть благо всего государства, указывали, что при общих выборах совершенно растворятся многие, и пока еще единственно культурные органические части общества: частные землевладельцы, вся крупная промышленность, наконец, все образованные классы, и полагали, что раз невозможность созвать Думу на

началах 6 августа не представляется доказанною, то нет основания отступать от начал, провозглашенных манифестом 17 октября. Тем не менее, в виду определившегося разномыслия, совет министров признал необходимым представить на благовоззрение Его Величества одновременно с первым проектом другой проект положения о выборах в Государственную Думу по системе общей подачи голосов.

В происходившем 5 декабря в Царскосельском дворце совещании принимали участие: великий князь Михаил Александрович, совет министров в полном составе, председатель Государственного Совета — граф Д.М.Сольский, члены Государственного Совета — Э.В.Фриш, О.Б.Рихтер, Н.М.Чихачев, А.А.Сабуров 1-й, граф А.П.Игнатьев 2-й, И.Я.Голубев, Н.С.Таганцев, В.В.Верховский, князь А.Д. Оболенский 1-й, А.Г.Булыгин, барон А.А.Будберг, А.С.Стишинский, государственный секретарь, барон Ю.А. Икскуль фон-Гиндельбандт, управляющий делами комитета министров барон Э.Ю.Нольде и свиты Е.И.В. генерал-майор Д.Ф.Трепов.

По открытии заседания, в 11 ч. дня, Государь сказал: «В предстоящем нам деле я ожидаю от всех самого откровенного и искреннего изложения своего мнения. Я желаю прежде всего выслушать москвичей». При этом Государь остановил свой взгляд на мне и сделал знак, приглашавший меня высказаться. С большим волнением начал я мою речь, так как впервые приходилось мне говорить в таком совещании и в то же время я не мог не сознавать громадной ответственности, лежавшей на мне, как на лице, призванном из среды общества. Но вскоре я овладел охватившем меня волнением, видя, с каким вниманием следит за моей речью Государь, и

я чувствовал, что говорю удачно и с большим подъемом. Мною была произнесена следующая речь:

«Ваше Императорское Величество. Грозное и тяжелое время переживает Россия: общество находится в брожении, в нем происходит переоценка всех ценностей, которыми определяется личная и общественная жизнь, деморализация проникла во все слои общества, утеряно сознание не только гражданских, но и нравственных обязанностей, поколеблено сознание лежащего на людях долга. Никогда еще Россия не нуждалась в такой степени в авторитетной правительственной власти, в организованном обществе и в тесном их единении, основанном на взаимном доверии. Манифест 17 октября открывает путь для создания столь необходимого взаимодействия власти и населения. Но правительство может быть сильным и обладать надлежащим авторитетом только в том случае, если оно встречает нравственную поддержку со стороны общества, которое должно быть для того организовано, что возможно лишь при правильной постановке народного представительства. Необходимо скорее созвать Государственную Думу; только Дума может внести умиротворение в настроение страны, установить и осуществить прочный правопорядок, создать столь необходимое взаимодействие правительственных и общественных сил и укрепить авторитет власти. Разрешить эту ответственную задачу может только Дума, которая по своему составу будет внушать к себе доверие всему населению. Предугадать, каков будет состав Думы, невозможно; теперь нужно иметь лишь одну цель, чтобы система избрания членов Думы была построена

на правильных началах, чтобы Дума явилась представительством всего населения и пользовалась его доверием. Положение 6 августа, ограничивавшее компетенцию Думы, обусловливавшее право участия в выборах имущественным цензом и устанавливавшее классовую группировку избирателей, встретило определенное несочувствие в широких кругах населения и создало благоприятную почву для агитации среди различных общественных групп, лишенных права участия в выборах, и для развития революционного движения. Манифестом 17 октября Вашему Величеству было угодно даровать всем вашим подданным незыблемые основы гражданской свободы и предоставить Государственной Думе надлежащий авторитет. Эта Монаршая милость вызвала восторг и глубокую признательность в сердцах всех верных сынов отечества и лишь крайние, революционные партии не сочувствуют ей, так как она открывает путь к нежелательной для них организации действительного взаимодействия правительства и общества. Теперь население с нетерпением ожидает изменения избирательного закона, согласно предуказаниям Вашего Величества, и необходимо, чтобы новый закон отвечал требованиям общественного сознания. Идея общего избирательного права распространена в широких кругах общества и сделалась, можно сказать, достоянием всего народа, за немногими исключениями. Об этом свидетельствуют, не говоря уже о печати, постановления земских собраний, городских дум и различных общественных организаций. В настоящее время в стране происходит группировка политических партий и в программах по-

чти всех партий выставляется требование всеобщего голосования. Без провозглашения принципа общего избирательного права нельзя рассчитывать на спокойное производство выборов, так как в противном случае революционная пропаганда найдет слишком благоприятную для себя почву. Манифест 17 октября дарует всем подданным Вашего Величества незыблемые основы гражданской свободы и если теперь, вы, Государь, предоставите всему же населению равное право участия в избрании членов Думы, то это ответит вполне требованиям справедливости и будет встречено всеми с горячей признательностью. Но осуществление общего и равного для всех избирательного права возможно лишь при отказе от требования имущественного ценза и от классовой группировки избирателей. Обыкновенно для оправдания требования ценза ссылаются на представительство интересов, но, стоя на исторической почве развития нашей государственной жизни, нельзя не признать, что представительство интересов было всегда чуждо русскому духу; следует ожидать, что при общих выборах в Думу войдут лучшие люди не для защиты своих классовых интересов, а для дружной работы на благо всего государства. При цензовом начале, как ни расширять классы, привлекаемые к участию в выборах, всегда будут обездоленные, лишенные избирательного права, так например: неотделенные сыновья, даже глава семьи, если занимаемая им и семьей его квартира почему-либо снята на имя жены, и т.д. При таком порядке могут быть устранены от участия в выборах желательные консервативные элементы общества. Россия — страна демо-

кратическая и в основу избирательной системы должен быть положен демократический принцип общего и равного права голоса. Государственная Дума будет наиболее консервативной в том случае, если возможность участвовать в выборах будет предоставлена всему народу, а не отдельным его классам. Нельзя также не принять во внимание, что если лица, обладающие имущественным цензом, платят прямые налоги, то остальные несут тяжесть косвенного обложения и потому все без исключения являются плательщиками государственных налогов; с этой точки зрения все имеют также равное право на участие в политических выборах. Я высказываюсь против первого проекта принципиально, а также и потому, что он совершенно несправедливо предоставляет особое представительство рабочему классу. При проектированной классовой группировке более консервативные элементы останутся в стороне, а рабочие, наиболее шумевшие, получат избирательное право, вопреки устанавливаемого для остальных классов требования имущественного ценза. Общее голосование нужно не для того, чтобы примирить крайние партии, а для того, чтобы отнять от них почву для агитации и для противодействия производству выборов, но, главным образом, оно необходимо, чтобы удовлетворить всех благонамеренных и массу населения. Общее избирательное право не только справедливо, но в то же время оно обеспечивает спокойное производство выборов и открывает возможность наиболее скорого их осуществления. По моему убеждению, следует принять второй проект, при котором выборы могут быть организованы

весьма скоро, так как составление списков избирателей не будет сопряжено с бесконечной их проверкой. Становясь на сторону второго проекта, я имею сделать некоторые относительно него замечания, но ограничусь представлением их только по двум статьям. Статья 6-я предоставляет выборщикам от крестьян в окружных избирательных собраниях право избирать из своей среды по одному члену Государственной Думы. Возникает вопрос: насколько такая постановка будет справедливой по отношению ко всему остальному населению? Такие отдельные выборы при общем избирательном праве являются принципиально неправильными, представляя смешение двух различных начал. Крестьяне могут подумать, что правительство сомневается в их способности сознательно отнестись к выборам, заставляя их непременно избрать члена Думы из среды их выборщиков. В то же время они увидят, что правительство, как-будто, противополагает интересы крестьянства интересам прочего населения. Обыкновенно при организации выборов опасаются абсентеизма избирателей; я утверждаю, что именно при проектированной системе крестьяне будут уклоняться от дальнейших выборов в избирательных собраниях с господами. Если выборщики от крестьян будут участвовать в избирательных собраниях наравне и вместе с остальными выборщиками, то они подадут свои голоса за общественных деятелей, известных им своей работой в области земских и городских учреждений. Если же крестьянские выборщики будут обособлены в отдельную, крестьянскую курию, то выбрать из своей среды рядового крестьянина они затруднятся, не зная

друг друга. В то же время, они, несомненно, поймут, что им предоставлено право самостоятельного избрания своего представителя в Думу для защиты своих классовых интересов, а так как таковыми они признают прежде всего расширение площади своего землевладения, то они изберут в члены Думы того, кто обещает им самое широкое разрешение аграрного вопроса. Среди выборщиков от крестьян всегда может быть лицо, приписанное к волости, но совершенно оторванное от сельского быта и принадлежащее к крайне левым политическим партиям. В московской губернии, например, представителем от крестьян легко может оказаться книгоиздатель Курнин, председатель крестьянского союза и член партии социалистов-революционеров. Вместо предоставления выборщикам от волостей и станиц права самостоятельного избрания 54 членов Думы лучше увеличить общее число членов Думы и приурочить, по возможности, избирательный округ к уезду. Каждый уезд с населением от 100 до 300 тысяч может составить избирательный округ; уезд с населением менее 100.000 жителей может быть присоединен к соседнему уезду, а уезд с населением более 300.000 может быть разделен на два округа. В таком случае общее число членов Думы будет от 600 до 650. Затем, я не вижу достаточных оснований для стеснительного ограничения пассивного избирательного права, устанавливаемого статьей 56-й. Заключающееся в ней требование, как бы, говорит о недостатке доверия к избирателям и является трудно объяснимым и ничем не оправдываемым ограничением их прав».

После меня говорил А.И.Гучков. Он обратил внимание на выдающуюся важность рассматриваемого вопроса и на значение, которое будет иметь то или иное его разрешение. Главный недостаток положения 6 августа заключается в том, что он устранил от участия в выборах слишком много лиц. Теперь представлены два проекта. Первый основан на цензовом начале и, однако, в тоже время им к участию в выборах привлекаются рабочие, но из них преимущественно те, которые проявили за последнее время больше волнения; масса же, так называемого городского простонародья: дворники, сторожа, извозчики, ремесленники и т.д. устраняются. Рабочие получают особое представительство в лице 14 депутатов, которые будут держать в своих руках нити рабочего движения и представлять из себя легализованный стачечный комитет. Не следует бояться народных масс; привлечением их к участию в политической жизни страны будет достигнуто наиболее прочное успокоение. Дарование общего избирательного права неизбежно, и если не дать его теперь, то в ближайшем будущем оно все-таки будет вырвано. Провозглашение же этого принципа в настоящее время явится актом доверия, справедливости и милости. Высказываясь за второй проект, А.И. возражал против ограничения пассивного избирательного права, устанавливаемого в 56-й статье.

Говоривший третьим, барон П.Л.Корф, отметил, что он еще в минувшем марте полагал возможным организовать выборы в Государственную Думу на почве выборов в земских и городских учреждениях, но теперь, в виду быстро развивающихся событий и выяснившихся требований общественного сознания, он должен отдать предпочтение второму проекту. Дарование общего избирательного права всех

удовлетворит; никто не будет обойден и, благодаря этому, в Думу войдут более консервативные элементы. Если будет дано узкое избирательное право, то вопрос о расширении его, на основании манифеста 17 октября, возникнет в Думе на первых же порах, а это едва ли может быть полезным и желательным. Склоняясь к принятию второго проекта, барон П.Л. возражал против обособленного представительства от крестьян. При общих выборах крестьяне, благодаря своей численности, получат уже преобладающее влияние при избрании выборщиков в избирательных участках. В настоящее время, главное, необходимо не допускать никаких затяжек в производстве выборов. Теперь самое важное — сохранить государство и для этого по возможности скорее созвать Государственную Думу.

Последним говорил граф В.А.Бобринский. Он начал свою речь, заметно и чрезвычайно волнуясь, и сначала, как-будто, подыскивал мысли и выражения, но затем, остановившись немного и сделав небольшое усилие, он сказал: Государь, при открытии совещания вы сказали, что ожидаете от всех самого откровенного и искреннего слова, и я, по долгу присяги должен высказать то, что я сейчас чувствую. Недавно еще, когда я ехал сюда, и в совете министров, я стоял за выборы при классовой группировке избирателей, но теперь, выслушав только что произнесенные речи и приведенные в них доводы, я отказываюсь от своего прежнего мнения и высказываюсь за общее избирательное право. Дума нужна не для разрешения того или другого частного вопроса, а для спасения государства и Государя, и она должна быть созвана возможно скорей. Ныне затронуты не классовые интересы, а интересы всей России. Надо поднять народный дух, нужно создать подъем настроения в обще-

стве и помочь государству. Я не сомневаюсь в государственном смысле у крестьян; при сословных же выборах действительно могут пройти в Думу такие господа, как Курнин. После этих слов граф В.А. сделал несколько частных замечаний по второму проекту и выразил пожелание, чтобы каждый уезд имел в Думе своего представителя. — Неожиданное заявление графа В.А.Бобринского произвело не только на нас, общественных деятелей, но и на всех членов совещания большое впечатление, по-видимому, благоприятное для защищаемого нами основного положения.

Выслушав общественных деятелей, Е.И.В. спросил: «не имеют ли члены совещания каких-либо вопросов, по которым они желали бы выслушать дополнительные объяснения»? Граф С.Ю.Витте, обращая внимание на то, что все говорившие указывали на необходимость скорейшего созыва Думы, интересовался узнать, находят ли приглашенные деятели возможным производить выборы там, где происходят аграрные беспорядки и где население находится под влиянием революционеров? Государь взглянул на меня, как бы ожидая моего ответа. Отвечая на вопрос, поставленный графом Витте, я сказал, что конечно нельзя рассчитывать, чтобы выборы прошли повсеместно спокойно, но нужно иметь в виду, что беспорядки происходили и происходят, главным образом, на почве аграрного вопроса. Крестьяне не останавливаются перед насилием и погромами, стремясь увеличить площадь своего землевладения, но они едва ли руководятся личной ненавистью к землевладельцам и присутствие последних на общих выборах едва ли может произвести на крестьян неблагоприятное впечатление. В то же время нет основания опасаться малодушия со стороны

землевладельцев, в силу которого они могли бы уклониться от участия в выборах; значительная часть землевладельцев сохранила к себе доверие со стороны населения. Барон П.Л.Корф опасался, что помещики могут встретить препятствия принять участие в выборах со стороны революционеров, и необходимы серьезные меры для охраны избирателей и порядка, памятуя, что созыв Думы, это — конец революции. — Граф В.А.Бобринский указал на возможность кассации выборов, в случае насилия над избирателями, и сказал, что все будет зависеть от условий того времени, в которое произойдут выборы.

Государь спросил: «имеет ли кто еще прибавить что-нибудь»? Я указал на значение, которое может иметь для успокоения крестьянского населения своевременное разрешение аграрного вопроса. Необходимо, чтобы одновременно с указом о созыве Государственной Думы было объявлено, что земельный вопрос будет предоставлен разрешению Думы на основаниях, ныне же предуказанных Верховною Властью. Нужно безотлагательно озаботиться изготовлением проекта аграрной реформы для внесения его в Думу при ее открытии. Следует провозгласить скорее основные положения этой реформы. Аграрный вопрос может быть разрешен путем расселения, переселения, отвода государственных и удельных земель, прибегая к отчуждению частновладельческих земель только в случаях исключительной необходимости.

О.Б.Рихтер высказал, что предоставлением общего избирательного права будут открыты двери интеллигентному пролетариату, элементу, участие которого в Государственной Думе весьма нежелательно. — Князь А.Д.Оболенский 2-й указал, что избрание крестьянских выборщиков на осно-

вании положения 6 августа уже произведено во многих местах и крестьяне освоились с этим порядком. В виду этого едва ли удобно в настоящее время изменять установленный порядок и лишать крестьян предоставленного им права самостоятельного избрания членов Думы.

Я просил слово, чтобы ответить на сделанные замечания. Возражая кн. А.Д.Оболенскому, я сказал, что сознание и интересы крестьян вовсе не вызывают с их стороны требования отдельных выборов. Крестьяне очень хорошо поймут, что общие выборы обеспечивают за сельским населением преобладающее влияние на исход всех выборов. В то же время при общих выборах крестьяне будут иметь возможность подать свои голоса за излюбленных ими местных деятелей, как из среды землевладельцев, так и из среды лиц, работающих на пользу местного населения. Что касается участия в выборах представителей интеллигенции, так называемого «третьего элемента», то, как не относиться к этой категории лиц, нельзя не признавать в них реального факта нашей общественной жизни. Я лично привык относиться к «третьему элементу» с глубоким уважением, но и при отрицательном к нему отношении я не вижу причины для устранения этих лиц от участия в выборах. Предоставление избирательного права внесет, несомненно, успокоение в их круги и введет их в правильное русло общественной жизни; исключение же их из числа избирателей будет поддерживать среди них недовольство и будет отталкивать их в революционные течения.

Когда я кончил, слово просил министр внутренних дел, П.Н.Дурново, и говорил, что смуту излечить выборами нельзя, что не недовольство положением 6 августа, а другие более сложные причины питают революционное движение,

и что при общем избирательном законе в Думу попадут не государственные элементы. Затем, соглашаясь, что «третий элемент» есть действительный факт общественной жизни, П.Н.Дурново признавал его явлением исключительно отрицательным, требующим всемерного пресечения, и при этом в весьма резких выражениях характеризовал интеллигентных работников в учреждениях местного самоуправления и говорил о них, как о людях, лишенных традиций, и вредных для государственного дела. В заключение он сказал, что общественного мнения в России нет. Речь министра внутренних дел вызвала среди общественных деятелей большое негодование и во время ее А.И.Гучков и я условились просить слово, чтобы, с своей стороны, дать отпор на несправедливые и резкие инсинуации, но, как только П.Н.Дурново кончил говорить, Е.И.В. объявил перерыв заседания, и мы были лишены возможности возражать на сказанное министром внутренних дел.

По объявлении перерыва, Государь и великий князь ушли из зала, а между оставшимися начался в отдельных кружках обмен мнений. Многие подходили к нашей группе общественных деятелей и выражали нам свое сочувствие. А.С.Стишинский сказал мне, что хотя он является моим политическим противником и в данном случае несогласен со мной по существу, но он не может не признать, что мы представили серьезные соображения в пользу общего избирательного права и что речи наши, очевидно, произвели благоприятное для защищаемого нами положения впечатление. Граф С.Ю.Витте подошел к нам, приветствовал нас с успешным выполнением нашей задачи и полагал, что принятие второго проекта можно считать обеспеченным. Принимавший участие в заведывании делопроизводством сове-

щания, С.Е.Крыжановский, также поделился с нами своими впечатлениями; ему также казалось несомненным, что будет утвержден проект, построенный на началах общего избирательного права.

О.Б.Рихтер, переходя от одной группы к другой, демонстрировал карту Прибалтийских губерний, на которой красным карандашом были отмечены усадьбы, подвергшиеся разгрому со стороны населения. Между прочим, он показал эту карту мне. Я сказал, что массовые беспорядки, имевшие место в Прибалтийском крае, обусловливаются, вероятно, тяжелыми экономическими условиями, в которых находится там сельское население; но О.Б.Рихтер утверждал, что причина беспорядков коренится в большой ошибке, допущенной Императором Александром II, в силу которой крестьяне в России в 1861 году, получив свободу, были в то же время наделены землею помещиков. Отмечаю этот эпизод, как характеризующий людей старого режима, оказывавших влияние на ход нашей государственной жизни.

После предложенного всем присутствовавшим завтрака, общественные деятели удалились и дальнейшее обсуждение вопроса происходило без нашего участия. Как известно (указ 11 декабря 1905 г.), Государь утвердил первый проект со следующими изменениями: 1) участие в предварительных съездах было предоставлено всем землевладельцам, независимо от размера их ценза, и 2) выборщики от рабочих введены в состав губернского или городского избирательного собрания по принадлежности. С.Е.Крыжановский, с которым мне пришлось беседовать по окончании занятий совещания, сообщил, что состоявшееся решение вопроса было обусловлено, главным образом, неопределенностью и неустойчивостью в отношении к нему графа

С.Ю.Витте и постоянным исканием им того или иного компромисса. Ознакомившись значительно позднее с протоколами заседаний совещания, я увидал, насколько прав был С.Е.Крыжановский в своем заключении. Приводя неоднократно во время происходивших заседаний очень веские доводы в пользу второго проекта, граф Витте вслед затем высказывал суждения, которые шли в разрез со всем, им ранее изложенным; так, например, он говорил: «Если нельзя собрать Думу по положению 6 августа, а второй проект может привести к последствиям, равным образом нежелательным, то следует избрать средний путь», или: «Когда я рассуждаю умом, я склоняюсь в пользу второго проекта, но когда я действую по чутью, я боюсь этого проекта». Эти слова и такие колебания не могли не оказать влияния на окончательное решение, принятое Государем.

Глава XII

Причины, по которым я не мог присоединиться к конституционно-демократической партии. Образование «Союза 17 октября». Первый съезд 8—12 февраля 1906 года делегатов «Союза 17 октября». Манифест 20 февраля 1906 года. Неудача «Союза 17 октября» при избрании членов 1-й Государственной Думы. Избрание меня московским губернским земством членом Государственного Совета. Опубликование основных законов 23 апреля 1906 года. Перемена кабинета министров до открытия Государственной Думы. Участие мое в Государственном Совете до роспуска 1-й Государственной Думы.

Организация народного представительства и предстоявшие выборы первых народных представителей вызывали необходимость политической группировки избирателей и образования в стране политических партий. Этот вопрос не мог не возникнуть и в земской среде, единение которой до 1904 года обусловливалось, главным образом, единодушным отрицательным отношением к политике государственной власти и к существовавшему бюрократическому абсолютизму, но это единение не могло не оказаться нарушенным, как только на очередь развитием событий были поставлены вопросы о желательных преобразованиях нашего государственного строя. В главах VIII-й и IX-й настоящих «воспоминаний» были уже приведены сведения о разномыслии, обнаружившемся на этой почве на земском съезде 1904 года и получившем более определенное выражение в течение следующего 1905 года. Это разномыслие, имевшее, как выяснено было выше, в основе своей принципиальный характер, предрешало неизбежность, в момент образования

в стране политических партий, разделения земских деятелей и их присоединения к различным политическим группам. Земские конституционалисты, «Союз Освобождения» и сочувствовавшие им члены съездов земских и городских деятелей, объединившись между собой, 12 октября 1905 года учредили конституционно-демократическую партию, ставившую себе целью установление в стране конституционного строя на правовых началах, путем ограничения верховной власти Монарха и предоставления законодательной власти народному представительству. Образование конституционно-демократической партии было предусмотрено и подготовлено руководителями конституционных течений заблаговременно; представителей же меньшинства земских съездов выдвинутый жизнью, при переходе к новому государственному строю, вопрос о партийной группировке избирателей застал неподготовленными. Это объясняется отчасти тем, что для первых признание партийной политической борьбы вытекало из основы их политического жизнепонимания, а для вторых — мысль о необходимости такой борьбы не соответствовала их убеждениям и они лишь примирялись с ней, как с неизбежным злом при развитии политической жизни. Однако, после манифеста 17 октября 1905 года представители меньшинства земских деятелей должны были признать вопрос о партийной группировке избирателей неотложным и требующим своего разрешения.

Манифест 17 октября предоставлял Государственной Думе участие в осуществлении законодательной власти и в основу избрания народных представителей полагал начало всеобщего избирательного права, т.е. он предрешал применение в нашем государственном строе конституционного принципа и идеи народовластия. Таким образом вопрос о

направлении, в котором должно было последовать изменение нашего государственного строя, получал определенное разрешение и это разрешение соответствовало пожеланиям большинства совещания земских деятелей 1904 года. Подчиняясь такому решению, последовавшему с высоты Престола, и признавая необходимым, в целях умиротворения нашей государственной жизни, скорейшее осуществление обещаний манифеста 17 октября, я, стоя в то же время пред вопросом — к какой политической группе мог бы я примкнуть при создавшихся условиях, прежде всего должен был остановиться на мысли о возможности для меня присоединиться к конституционно-демократической партии. Разногласие мое с большинством съезда земских деятелей оставалось лишь в области принципиальной, так как спорный вопрос в области практической получил уже определенное разрешение манифестом 17 октября, подчиниться чему я признавал неизбежным, и поэтому сохранившееся неизменным принципиальное разномыслие не могло служить безусловным препятствием для моего вступления в состав к.-д. партии. Не разделяя безграничной веры к.-д. в силу правовых форм и признания ими народного суверенитета, как основы государства, я, тем не менее, имел в виду некоторые несомненные достоинства этой политической партии и условия, имевшие для меня привлекательную силу. В состав партии вошли лучшие умственные силы страны, цвет русской интеллигенции, и в числе ее членов находилось много людей, с которыми меня связывали близкие товарищеские отношения, установившиеся и укрепившиеся на почве сотрудничества в всем нам одинаково дорогом земском деле. Вместе с тем я не мог не принять во внимание, что партия стремилась несомненно и искренно к осу-

ществлению в политической и социальной жизни истинно демократических идей, а это стремление вполне согласовалось с моими убеждениями, хотя в этом вопросе мы, преследуя одинаковые цели, исходили из различных жизнепониманий.

Но если таковы были в активе к.-д. партии условия, меня к ней привлекавшие, то рядом с ними в пассиве ее баланса существовали факты, исключавшие возможность моего присоединения к ней. К числу последних я отношу — свойственное к.-д. увлечение политической борьбой, при котором эта борьба являлась, как бы, самодовлеющею целью, причем в пылу ее, нередко, отрицательное отношение к произволу бюрократического строя превращалось в отрицательное отношение к государственному порядку вообще и игнорировалась обязанность всех граждан в поддержании и сохранении всегда необходимого в государственной жизни авторитета государственной власти. Считаю нужным привести несколько указаний на некоторые факты, которые я в данном случае имею в виду.

В главе VIII-й были уже приведены сведения о банкетах, устроенных членами «Союза Освобождения» после земского совещания в ноябре 1904 года, на которых проявились определенно и открыто агрессивные настроения и отношение к государственной власти, вступавшие в резкое противоречие с тоном и духом земского совещания и явившиеся главной причиной, как это подтвердил мне кн. П.Д. Святополк-Мирский, неудачи сделанного совещанием шага к доброжелательному соглашению с властью. С начала 1905 года земскими конституционалистами и членами «Союза Освобождения» по всей стране, но особенно в столицах, устраивались многочисленные совещания, собрания и ми-

тинги, которые имели главной задачей развитие и усиление политической борьбы. В этих целях были выдвинуты, между прочим, вопросы — аграрный и рабочий. Постановка этих вопросов в такого рода собраниях должна была, несомненно, вызвать, и в действительности вызвала возбуждение в народных массах, в чем, конечно, представлялась большая опасность. Признавая насущную необходимость широких социальных реформ, я, однако, разделял убеждение, что постановке соответствующих вопросов должно предшествовать спокойное, мирное осуществление народного представительства и производство выборов народных представителей при возможно меньше возбужденном настроении населения. Только после создания нового законодательного аппарата, казалось мне возможным поставить на очередь разрешение вопросов о сложных социальных преобразованиях, а до той поры обсуждение такого рода вопросов, в виде подготовительной работы, должно было бы происходить в немноголюдных собраниях специалистов и общественных деятелей, обладающих необходимыми знаниями и подготовкой. Но будущие к.-д., выдвигая в происходивших собраниях вопросы — аграрный, рабочий и т.п., не принимали во внимание неизбежность опасных для государственной жизни последствий привлечения таким путем к политической борьбе широких кругов населения.

Эта тенденция получила вполне определенную формулировку на совещании земских и городских деятелей, происходившем в Москве 6—8 июля 1905 года, на котором я уже не принимал участия. Организационным бюро был представлен специальный доклад — «О приобщении широких масс населения к работе по политическим вопросам». По обсуждении этого доклада совещание приняло ряд

резолюций, из коих первая гласила: «Съезд признал неотложной задачей данной минуты для общественных деятелей войти в ближайшее общение с широкими массами населения для совместного с народом обсуждения предстоящей политической реформы, для завоевания необходимых для ее проведения свобод и для подготовки к выборам». Во 2-м пункте указывалось, что «к политической деятельности следует привлечь волостные и сельские сходы, товарищества мелкого кредита и ссудосберегательные товарищества, сельскохозяйственные общества и другие самостоятельные организации», а 3-й пункт говорил так: «Для наиболее широкого привлечения народных масс к сознательной работе государственного строительства, общественным деятелям следует входить в сношения и совместно работать со всеми видами профессиональных союзов, соприкасающимися с населением, и раньше всего содействовать объединению на политической почве самого населения». По докладу «об отношении общественных учреждений к стеснению их деятельности со стороны администрации» совещание приняло следующее заключение: «Съезд земских и городских деятелей, принимая во внимание, что осуществление естественных прав человека и гражданина, при условиях существующего в России строя, постоянно встречает препятствие в распоряжениях власти, полагает, что отстаивание естественных прав, указанных в резолюциях съезда 6—9 ноября 1904 года, должно быть совершаемо всеми мирными способами, не исключая и неподчинения распоряжением власти, нарушающим эти права, хотя бы подобные распоряжения и ссылались на формальный закон». В заключение совещание, с целью «обобщить все пожелания о привлечении широких масс населения к работе по полити-

ческим вопросам» одобрило и все члены совещания подписали пространное обращение к обществу. В этом обращении, между прочим, осуждался выработанный Булыгинским совещанием проект закона о народном представительстве, «по которому предположено выборных избирать не всем населением, а близко к тому порядку, какой был по старому земскому положению» и по этому поводу говорилось: «Если это будет так, то перевес легко скажется за сильными, а от крестьян в выборные попадут, пожалуй, только те, кому помогут земские начальники. Выборные эти сами не будут иметь права окончательно вырабатывать законы, а будут только давать царю советы и то не прямо, а через чиновников, которые и теперь сочиняют законы в Государственном Совете. Не таким выборным управиться с тяжкими последствиями войны, с земельной теснотой, нуждами рабочего люда, со всем бесправием и обидою народными… Соединенными силами всего народа надо выступить против государственного разорения… И не вразброд, не по одиночке надо бороться, защищая свою жизнь, свое право». В конце этого «обращения», было сказано: «Если все сообща решат, что им делать, тогда за их голосом будет такая сила, против которой не устоит никакой произвол и беззаконие. Путь, нами указываемый, путь мирный (?)». При посредстве отделений «Союза Освобождения», констатирует И.П.Белоконский[30], изложенные воззвания и постановления июльского съезда земских и городских деятелей и конституционной группы быстро были распространены по всей России и

30 И.П. Белоконский. «Земское движение». Москва, 1904 г., стр. 348.

также быстро стали проводиться теми же отделениями в исполнение.

Обращение съезда земских и городских деятелей является в высшей степени показательным для характеристики тактики, которую избрала среда, вошедшая в скором времени в состав к.-д. партии, и которую последняя продолжала неизменно развивать в своей деятельности. Неуклонное стремление вовлечь народные массы в политическую борьбу не могло не иметь угрожающего значения и пагубных последствий для государственной жизни страны. Эта угроза была тем более реальна, а последствия избранной тактики тем более были чреваты опасностями, что культурный уровень народных масс был, и к сожалению, остается до настоящего времени, очень невысок. Ценя свойственные русскому народному духу религиозное сознание и искание высшей божественной правды, нельзя было, казалось, не принять в то же время во внимание, что, вследствие отсутствия просвещения, неблагоприятных экономических, а равно и правовых условий, народным массам было совершенно чуждо понимание значения правового начала и сложных проблем государственной жизни. А между тем призыв населения принять участие в политическом движении был обращен не к сознаваемому народным духом чувству лежащего на всех людях долга пред Высшим Началом, управляющим миром, а имел целью вызвать и усилить в нем недовольство своим положением и пробудить в нем эгоистические интересы, чем вполне и неизбежно разжигались в народных массах грубые инстинкты, свойственные вообще материальной природе человека.

12 октября 1905 года состоялось учредительное собрание конституционно-демократической партии. Вступитель-

ная, программная речь при открытии съезда была произнесена П.Н.Милюковым. Речь эта, встреченная общим сочувствием, не вызвала никаких возражений и поэтому мы вправе заключить, что развитые в ней мысли и установленные положения являются выражением настроения и политического жизнепонимания не одного оратора, а всего собрания. Указав и очертив те общественные группы, которые входят в состав вновь образуемой политической партии, и рассмотрев главные основания объединяющей их программы, П.Н.Милюков перешел к вопросу об отношении к.-д. партии к соседним политическим группам и сказал: «Жизнь уже ограничила данную группу от соседних. Справа, против нас, уже выставлены лозунги, которыми эта граница проводится от имени самих наших противников. Но надо сказать, что здесь граница проведена искусственно, с политическими целями, скрывающими истинные стремления наших противников, и нам предстоит задача разоблачить этот политический и избирательный прием. Против нас выставляют принцип единства России и неприкосновенности частной собственности, как будто мы отрицаем единство и частную собственность. Ни того, ни другого к.-д. партия, разумеется не отрицает, но она является непримиримым противником бюрократической централизации и манчестерства. Настоящая граница, таким образом, проходит совсем не там, где хотят провести ее, в своих интересах, наши противники справа. Эта граница там, где они выступят во имя узких классовых интересов русских аграриев и промышленников. Наша партия никогда не будет стоять на страже этих интересов». Отмежевавшись так определенно и резко от всех политических групп, стоящих правее к.-д., и приписав им всем, в том числе, очевидно, и представителям меньшинства

земских съездов, совершенно голословно и не приведя каких-либо фактических подтверждений, отстаивание своих узких классовых интересов, как единственный мотив их политической ориентации, П.Н.Милюков продолжал: «Между нами и нашими, мы хотели бы сказать, не противниками, а союзниками слева также существует известная грань, но она совершенно иного характера, чем та, которую мы проводим справа. Мы, подобно им, стоим на том же левом крыле русского политического движения. Но мы не присоединяемся к их требованиям демократической республики и обобществления средств производства. Одни из нас не присоединяются к этим лозунгам потому, что считают их вообще неприемлемыми, другие — потому, что считают их стоящими вне пределов практической политики. До тех пор, пока возможно будет идти к общей цели вместе, несмотря на это различие мотивов, обе группы партии будут выступать как одно целое; но всякая попытка подчеркнуть только что указанные стремления и ввести их в программу будет иметь последствием немедленный раскол. Мы не сомневаемся, однако, что в нашей среде найдется достаточно политической дальновидности и благоразумия, чтобы избежать этого раскола в настоящую минуту». Проведя затем параллель между к.-д. партией и интеллигентными западными группами, известными под названием «социальных реформаторов», и отметив, что программа к.-д. наиболее левая из всех программ аналогичных политических групп западной Европы, оратор вернулся к определению отношения его партии к ее левым соседям. «Этот характер программы», говорил П.Н.Милюков, «может быть не оценен по достоинству в момент такого высокого напряжения общественных страстей, какое мы сейчас переживаем, но он будет оценен

впоследствии. Для настоящего же момента на первую очередь выдвигаются вопросы тактические, которые и будут подняты на съезде после вопросов программных. Общее течение в обеих группах достаточно выяснилось и по тактическому вопросу: вступление в Думу с исключительной целью борьбы за политическую свободу и за правильное представительство. Едва ли может быть сомнение в том, что, добиваясь нашей цели, мы не можем рассчитывать ни на какие соглашения или компромиссы и должны держать высоко тот флаг, который уже выкинут русским освободительным движением в его целом, т.е. стремиться к созыву учредительного собрания, избранного на основании всеобщего, прямого, тайного и равного голосования».

14 октября тот же съезд принял постановление, которым определялось отношение к.-д. партии к происходившему в то время движению организованных рабочих масс. Постановление это очень обширное, и я привожу здесь лишь ту его часть, которая представляет наибольшее значение для характеристики тактики к.-д.: «Требования забастовщиков, как они формулированы ими самими, сводятся, главным образом, к немедленному введению основных свобод, свободному избранию народных представителей в учредительное собрание на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и общей политической амнистии. Не может быть ни малейшего сомнения, что все эти цели — общи у них с требованиями конституционно-демократической партии. Ввиду такого согласия в целях, учредительный съезд конституционно-демократической партии считает долгом заявить свою полнейшую солидарность с забастовочным движением. На своем месте и доступными партии средствами, члены ее стремятся к осуществлению тех же

задач, — и, подобно всем остальным борющимся группам, решительно отказались от мысли добиться своих целей путем переговоров с представителями власти».

Приведенные цитаты из программной речи и из постановлений учредительного съезда к.-д. партии исключали для меня возможность мысли о присоединении к этой партии. Объявляя непримиримую вражду ко всем политическим группам, стоящим правее их, к.-д. выражали полную готовность вступить в союз с не государственными элементами. Хотя обращение к широким массам населения, принятое июльским съездом земских и городских деятелей, заканчивалось указанием, что путь, на который съезд призывал население, «путь мирный», но подчеркнутые мной курсивом выражения в речи П.Н.Милюкова и в принятом учредительным съездом постановлении с убедительностью свидетельствовали о вступлении к.-д. партии на путь несомненно революционный.

Желая видеть в социалистических партиях своих союзников, к.-д. тем самым, как бы, признавали, что в основе идеологии и жизнепонимания той и другой группы нет существенных противоречий, и это признание, думается мне, в значительной мере соответствовало действительности. К.-д., как и последователи социализма, склонны были рассматривать процесс развития социальной и политической жизни, как процесс естественно-исторический, совершающийся под влиянием закона постоянной борьбы различных общественных, классовых элементов. Обе группы одинаково не допускали мысли о возможности постепенного переустройства государственной жизни мирным путем и признавали путь открытой политической борьбы неизбежным и единственно достигающим цели. Миросозерцание той и

другой группы определялось преимущественно, если не исключительно, работой человеческого разума, при отсутствии влияния религиозного сознания. Социализм объявляет непримиримую войну религии, рассматривает ее, как вредную иллюзию, отвлекающую человека от действительности, и не видит в мире ничего, кроме действия материальных сил. Весь смысл жизни людей заключается с точки зрения социализма в установлении общественных отношений и в соответствующем изменении внешних условий жизни[31]. Если к.-д. не относились к религиозным запросам духовной стороны человека так отрицательно и непримиримо, как относится к ним социализм, то во всяком случае к вопросам веры и религии они проявляли значительный индеферентизм. Характерной чертой русской интеллигенции, вошедшей в значительном числе в состав к.-д. партии, является ее безрелигиозность, как это доказательно было выяснено в сборнике «Вехи». Безрелигиозность нашей интеллигенции и в частности к.-д. являлась главным препятствием для правильного понимания ими сущности народного духа и была главной причиной, в силу которой они, стремясь искренно к улучшению условий жизни народных масс и к проведению демократических реформ, вступали однако на путь, разрушавший религиозное настроение народа и разлагавший народную душу, чем постепенно удавалась благоприятная почва для пробуждения в народных массах, под влиянием социалистической пропаганды классовой борьбы, чувства

31 Отношение социализма к религии очень верно и определённо выяснено в последнее время в книге П.И. Новгородцева — «Об общественном идеале». Москва, 1917 г., см. глава II, стр. 228—249.

злобы и ненависти не только к имущественным классам, но и к представителям интеллигенции.

Программная речь П.Н.Милюкова на учредительном съезде к.-д. партии заканчивалась призывом стремиться к созыву учредительного собрания и этот призыв, не вызвавший 12 октября 1905 года никаких возражений, явился также новым свидетельством того, как быстро нарастало в среде к.-д. агрессивное настроение и изменялись соответственно их требования. Выше, в главе VIII-ой, были приведены сведения о прениях, происходивших 8 ноября 1904 года в совещании земских деятелей, в которых земские конституционалисты горячо отвергали мысль о созыве учредительного собрания для разрешения вопроса об основаниях и формах организации взаимодействия государственной власти с народным представительством, но через 11 месяцев осуществление этой мысли признается уже необходимым, а 18 октября в постановлении того же учредительного съезда к.-д. партии по поводу обнародованного накануне манифеста, между прочим, предъявлялось требование о немедленном введении избирательного закона на основании всеобщего голосования для непосредственного созыва, вместо Государственной Думы по закону 6 августа, учредительного собрания для составления основного закона.

После опубликования манифеста 17 октября 1905 года, казалось, для всех, кому было дорого мирное осуществление преобразования нашего государственного строя, представлялось обязательным признать революционное движение в стране законченным и содействовать единодушными и доброжелательными усилиями возможно спокойному проведению новых начал в тихую государственную жизнь. Но не так отнеслись к этому вопросу к.-д.! Они не захотели

признать политическую борьбу завершенной, а продолжали вести ее с еще большей страстностью и непреклонностью. Кроме требования о немедленном созыве учредительного собрания, они указанным постановлением 18 октября старались вообще подорвать в обществе доверие к обнародованному 17 октября акту, а когда им было предложено, как было сообщено в X-ой главе, вступить в состав образуемого вновь кабинета, который должен был подготовить переход к новому государственному строю, то они уклонились от такой ответственной задачи и предпочли остаться в положении безответственной оппозиции. Они не захотели считаться с необходимостью поддержания в стране авторитета государственной власти в переживаемое, переходное время и продолжали развивать тактику, которая все более и более возбуждала настроение как общества, так и народных масс и устраняла возможность мирного разрешения политического кризиса. При наличности таких условий я не мог иначе, как отрицательно, разрешить вопрос о моем присоединении к к.-д. партии.

Придя к такому заключению, я в то же время не видел какой-либо иной сорганизовавшейся политической партии, войти в состав которой мне представлялось бы желательным и возможным. Вскоре после манифеста 17 октября стали быстро возникать и образовываться многочисленные политические партии, стоявшие правее к.-д.; некоторые из них относились, несомненно, отрицательно к основам предстоявшего преобразования нашего государственного строя; другие, сочувствуя правовым началам, возвещенным манифестом, опасались проведения широких демократических реформ и стремились к охранению своих классовых интересов, и затем в числе возникавших организаций было не мало

таких, которые имели преимущественно местный характер и не могли иметь значения для группировки избирателей во всей стране. Образование многочисленных партий мне представлялось всегда нежелательным и вредным явлением в политической жизни. Существование большого числа политических групп содействует усилению партийной розни, является серьезным препятствием для объединения избирателей и неизбежно оказывает вредное влияние на исход выборов. Группировка избирателей должна создаваться не на почве разномыслия по отдельным, нередко частным вопросам, по которым соглашение всегда может быть достигнуто между лицами, руководящимися общими основными положениями, а на основе положительного и отрицательного отношения избирателей к главному или к главным вопросам, выдвигаемым моментом развития политической жизни. После 17 октября эти главные вопросы заключались в осуществлении в нашем государственном строе принципов конституционной монархии и в проведении их мирным путем, избегая потрясений государственной жизни страны. В этих целях представлялось необходимым объединение всех политических групп и лиц, как принципиально сочувствующих началам, провозглашенным в манифесте 17 октября, так равно подчиняющихся признанию их практической в данное время неизбежности, чтобы создать такой состав Государственной Думы, который мог бы обеспечить утверждение в стране нового порядка при поддержании авторитета государственной власти и на основе взаимодействия правительственных и общественных сил.

На эти темы между А.И.Гучковым и мной происходили продолжительные беседы во время наших многочисленных поездок в конце октября и в начале ноября из Москвы в

Санкт-Петербург и обратно. А.И.Гучков, сочувствовавший принципиально, по убеждениям своим, конституционному режиму и принадлежавший еще в то время к составу членов съездов земских и городских деятелей, отрицательно относился к агрессивному настроению земских конституционалистов, а равно к положению и тактике, усвоенным конституционно-демократической партией, и с своей стороны признавал также необходимым стремиться к сплочению всех общественных элементов, которые могли бы составить при предстоявших выборах в Государственную Думу противовес конституционалистам-демократам с примыкающими к ним слева союзниками. При этом А.И.отмечал, что в среде съездов земских и городских деятелей недовольство направлением деятельности его большинства разделяется многими лицами и что в ближайшем времени предстоит неизбежное выделение из состава съезда более или менее значительной группы. Это предположение осуществилось в скором времени. 6—13 ноября в Москве происходило совещание земских и городских деятелей. По вопросу об отношении к положению, созданному манифестом 17 октября, съезд, признав манифест «драгоценным завоеванием русского народа», принял резолюцию, в которой предъявлялись требования о немедленном издании «акта о возможно скором созыве народных представителей на основе всеобщей, прямой, равной и закрытой подачи голосов и о формальной передаче первому собранию народных представителей учредительных функций для выработки, с утверждения Государя, конституции Российской Империи и закона об автономном устройстве Царства Польского». К этой резолюции 16-ю участниками съезда, с М.А.Стаховичем, гр. П.А.Гейден и А.И.Гучковым во главе, было представлено

особое мнение, в котором выражалось отрицательное отношение к вопросу об учредительном собрании, отвергалось предрешение вопроса об автономии Польши и указывалось, что съезд в тревожное время должен был бы способствовать успокоению общества и оказать поддержку правительству, а не диктовать ему условия своей требовательной программы. Представив свое особое мнение, подписавшие его дальнейшего участия в занятиях съезда не принимали.

Вскоре вслед за тем, в Москве состоялось совещание нескольких лиц, устранившихся в разное время от участия в съездах земских и городских деятелей, и на этом совещании было принято решение создать новую политическую организацию общественных элементов, наименовав ее: «Союзом 17 октября». «Союз 17 октября» ставил себе главной задачей содействовать скорейшему и возможно полному осуществлению в нашем государственном строе, на основе манифеста 17 октября, начал конституционной монархии и скорейшему созыву Государственной Думы, и призывал к объединению всех тех, кто искренно желает мирного обновления страны и торжества в ней порядка и законности, кто отвергает одинаково и застой, и революционные потрясения и кто признает необходимость создания сильной и авторитетной власти, которая, совместно с народным представительством, могла бы внести в страну умиротворение путем созидательной законодательной деятельности. С этой целью приглашались войти в состав «Союза» и присоединиться к нему как отдельные лица, так и целые партии, программы коих в основных чертах совпадают с программой «Союза». Вступление в «Союз 17 октября», говорилось в его воззвании, не может нарушить или противоречить автономной самостоятельности отдельных партий, к нему присоединяющихся, и разли-

чия в убеждениях по отдельным вопросам политическим, социальным и экономическим не могут служить препятствием для организованного взаимодействия партий и лиц, преследующих в данное время одну, общую всем, главную цель. Не могут войти в состав «Союза» только те, которые, с одной стороны, не примиряясь с началом конституционной монархии, желают сохранения прежнего строя, а, с другой — те, которые провозглашают требование демократической республики и желают, чтобы предстоящее собрание народных представителей служило целям революционным, ареной для политической борьбы с властью. Воззвание «Союза» было выпущено за подписью следующих его учредителей: Граф П.А.Гейден, Д.Н.Шипов, А.И.Гучков, М.В.Красовский, М.А.Стахович, князь Н.С.Волконский, С.И.Четвериков, Г.А.Крестовников, Н.А.Хомяков, М.В.Родзянко, С.Н. Маслов и Н.И.Гучков.

Одновременно с воззванием были опубликованы основные положения программы, которыми «Союз» имел в виду руководиться и которые в кратком изложении приводятся ниже:

1. Сохранение единства и нераздельности Российского государства при признании за отдельными национальностями самого широкого права на удовлетворение и защиту своих культурных нужд. Это положение имело целью отвергнуть идею федерализма в применении к русскому государственному строю, вполне допуская объединение отдельных местностей в областные союзы для разрешения задач местного самоуправления.

2. Развитие и укрепление начал конституционной монархии с народным представительством, основанном на

общем избирательном праве, и установление тесного единения монарха с народом.

3. Обеспечение гражданских прав, а также неприкосновенность личности, жилища, переписки и собственности граждан.

4. Неотложность созыва Государственной Думы для проведения политических реформ, направленных к усовершенствованию народного представительства, и для разработки и разрешения вопросов первостепенной государственной важности, как-то: а) крестьянский вопрос — приобщение крестьян к полноте гражданских прав наравне с остальными гражданами, урегулирование и расширение крестьянского землевладения, путем признания государственных и удельных земель фондом для удовлетворения земельной нужды и допустимости в случаях государственной важности принудительного отчуждения части частновладельческих земель на справедливых условиях вознаграждения; б) рабочий вопрос — меры к обеспечению рабочих и их семей на случай болезни, инвалидности и смерти (страхование), меры к ограничению рабочего времени, признание свободы союзов и стачек при условии законодательного регулирования экономической борьбы и выделения производств, от коих зависит жизнь и здоровье населения и важные общественные и государственные интересы; в) развитие и укрепление начал местного самоуправления с привлечением к участию в нем возможно широкого круга лиц; г) заботы о народном образовании; д) реформы судебные и административные; е) меры экономические и финансовые в целях осуществления более рациональной и справедливой налоговой системы, в частности, путем развития прямых налогов на основе прогрессивного

подоходного обложения при постепенном понижении косвенного обложения предметов первой необходимости.

Призыв «Союза» к объединению в стране всех, стремившихся к мирному преобразованию нашего государственного строя на началах, провозглашенных в манифесте 17 октября, был встречен сочувственно, и вскоре в большинстве губерний и больших городов были образованы местные отделы «Союза», во главе которого находился в Москве центральный комитет, состоявший из учредителей «Союза», избравших меня своим председателем. Затем, как только в Санкт-Петербурге образовался местный комитет, то он был признан отделением центрального комитета, и для обсуждения и разрешения более важных вопросов оба отделения собирались в Москве в общем собрании. Председателем Санкт-Петербургского комитета был избран барон П.Л.Корф.

Вскоре по окончании своей организации «Союз» встретился при выполнении поставленных им себе задач с серьезными затруднениями и препятствиями, вытекавшими из образа действий правительственной власти. Предположение о привлечении общественных деятелей в состав вновь образуемого после манифеста 17 октября кабинета, как известно, не получило своего положительного разрешения по причинам, изложенным выше, в главе X-ой, и переход от старого приказного строя к новому конституционному осложнялся тем, что разрешение этой задачи должно было быть произведено правительством, воспитанным в традициях отжившего режима. Председатель совета министров, не встретив содействия со стороны представителей общества и постоянно опасаясь навлечь на себя неудовольствие влиятельных в придворных кругах лиц за проявленную им во

всеподданнейшем докладе готовность пойти навстречу общественным требованиям, не сумел удержаться на избранном им курсе и приступить безотлагательно к установлению новых приемов в государственном управлении, руководясь новыми условиями, возвещенными манифестом 17 октября. Нельзя не принять во внимание, что на образ действий гр. С.Ю.Витте не могло не оказать влияние все более и более обострявшееся настроение многих общественных кругов и проявившееся остро во многих местностях революционное движение, превратившееся в Москве в вооруженное восстание. Эти обстоятельства не могли не заставить правительство принять строгие меры для подавления активных революционных выступлений и для восстановления необходимого порядка, но министерство внутренних дел, управление которым было возложено на П.Н.Дурново, вопреки настойчивым заявлениям, сделанным председателю совета министров общественными деятелями, не оказалось способным удержаться при этом в границах, соответствующих новым условиям, и оказалось не в состоянии отступить от старых приемов. Борясь с революционными выступлениями, правительство по-прежнему было склонно отождествлять с ними все общественное движение и наряду с мерами, направленными к подавлению вооруженных восстаний, последовательно нарушало дарованные 17 октября населению «незыблемые основы гражданской свободы, на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Собрания воспрещались; печать подвергалась самому строгому преследованию; высылка лиц административными распоряжениями производилась энергичнее прежнего и во всей стране господствовал режим чрезвычайной или усиленной охраны. Прави-

тельство продолжало неизменно следовать по пути насилий и произвола.

«Союз 17 октября» смысл и значение своего существования видел в осуществлении манифеста 17 октября и ставил себе главной задачей содействовать в этом деле правительственной власти. Но политика правительства являлась, как бы, глумлением над этим актом, от которого вся страна ожидала обновления своей государственной жизни, и исключала возможность создания взаимодействия государственной власти с обществом. Вместе с тем в «Новом Времени» появились сообщения о высказываемых гр. С.Ю. Витте мнениях, что, будто, манифестом 17 октября не внесено никаких изменений в государственный строй и что власть Государя остается по-прежнему неограниченной. Эти условия побудили центральный комитет «Союза» обсудить создавшееся положение и определить свое отношение к политике правительства. 8 и 9 января 1906 г. в Москве состоялось, в этих целях, соединенное собрание обоих отделений центрального комитета. Представители санкт-петербургского отделения комитета сообщили, что после происходившего в Санкт-Петербурге в декабре общего собрания местных членов «Союза» графу Витте особой депутацией была представлена принятая собранием резолюция, указывавшая, что медленное осуществление реформ, возвещенных манифестом, и нарушение свободы собраний и других гражданских прав населения вызывают раздражение общества и его недоверие к правительству. Граф Витте выражал опасения по поводу неограниченной свободы собраний, говорил, что правительство в доверии общества не нуждается, что он сам знает, что нужно для спасения России, что опасения, что Государственная Дума не будет

созвана, напрасны, и в заключение сказал: «Воля Государя в осуществлении манифеста 17 октября непреклонна». Вскоре, однако, после этих заявлений появилось в «Новом Времени» сообщение об интервью с председателем совета министров, во время которого граф Витте высказал, что и после манифеста 17 октября Государь остается неограниченным самодержцем и самый манифест во всякое время может быть взят обратно. Все члены центрального комитета относились с полным недоверием к политике графа Витте, но полагали, однако, что «Союзу» не следует содействовать падению кабинета в настоящее время, так как рассчитывать на замену его кабинетом прогрессивным нельзя, ввиду отсутствия подходящих людей в бюрократической среде и выяснившейся невозможности составить кабинет из общественных деятелей до созыва Государственной Думы. В то же время комитет признал необходимым: 1) поместить в периодической прессе сообщение о своем отношении к политике правительства и к толкованию графом Витте положения, созданного манифестом 17 октября, и 2) созвать в Москве съезд членов «Союза» и присоединившихся к нему партий для обсуждения политики правительства, насколько таковая выяснится ко времени съезда, и установления определенного к ней отношения «Союза». Тотчас по окончании занятий центрального комитета, в газетах было помещено следующее сообщение:

«8 января 1906 г. происходило соединенное заседание московского и санкт-петербургского отделений центрального комитета «Союза 17 октября». Ближайшим поводом совместного заседания послужили появившиеся в «Новом Времени» сообщения о высказанном графом С.Ю.Витте в разговоре с некоторыми достоверными лицами мнении, что,

будто бы, манифестом 17 октября не внесено никакого изменения в основу нашего государственного строя и что Государь Император по-прежнему остается Царем с неограниченною властью. Такие сообщения вызывали для «Союза 17 октября» необходимость обсудить и выяснить создавшееся для него положение, так как в своем воззвании «Союз» выражал готовность поддерживать правительство, исходя из уверенности, что министерство намерено искренно и откровенно осуществить провозглашенные 17 октября начала. Хотя ко времени заседания было уже опубликовано официозное разъяснение по поводу появившихся в «Новом Времени» сообщений, тем не менее центральный комитет признал необходимым определенно установить свое отношение к возбужденному вопросу. Центральный комитет разделяет убеждение, что Государь Император по собственному соизволению ограничил свою власть в области законодательства, установив «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы» и предоставив выборным от народа возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Государя властей, и потому комитет держится мнения, что манифестом 17 октября в наш государственный строй вводится новое начало, — начало конституционной монархии. Развитие и укрепление этого начала составляет одно из основных положений «Союза 17 октября», и «Союз» ставит главной своей задачей стремиться неизменно к его осуществлению. Поэтому «Союз» может содействовать министерству постольку, поскольку оно будет последовательно и в должной полноте осуществлять права и свободы, дарованные означенным манифестом 17 октября. На основании выраженной в этом

манифесте державной воли, Государь со времени созыва Государственной Думы не может уже почитаться Монархом неограниченным, но это не противоречит сохранению за ним титула «самодержавный». В сознании русского народа слово «самодержавие» не отождествляется с понятием о деспотизме и самовластии. Согласно нашему основному закону, Император именуется Монархом самодержавным и неограниченным. Помещение этих двух слов рядом свидетельствует, что они по мысли нашего законодательства — не синонимы. Первым самодержавным государем был Иоанн III, свергнувший татарское иго. Самодержавным царем именовался Михаил Феодорович, который, однако, был государем с ограниченной в значительной мере властью и управлял страной при участии выборных от народа людей. Титул «самодержавный» является нашим историческим достоянием и в представлении народа связан с понятием о монархе, а не о неограниченной власти. Исключение этого титула при богослужении могло бы внести смуту и раскол. По вопросу о том, должна ли быть Государем Императором по открытии Думы принесена присяга в сохранении дарованных им прав и свободы, комитет пришел к единогласному заключению, что манифест 17 октября, выражая собою добрую волю Государя Императора, исключает вопрос о принесении им присяги и вопрос этот может относиться лишь к Наследнику престола».

1-й всероссийский съезд делегатов «Союза 17 октября» состоялся 8—12 февраля 1906 года в Москве, в помещении Охотничьего клуба, в доме графа Шереметева на Воздвиженке. Съезд был очень многолюдным и происходил при значительно возбужденном настроении собравшихся, обусловленном выяснившимся к этому времени с достаточной

определенностью реакционным направлением деятельности правительства. Все собравшиеся хорошо сознавали лежавшую на них великую ответственность перед страной возвысить свой голос за попранную свободу и за неисполненные правительством обещания, возвещенные с высоты Престола.

Открыв съезд, как председатель центрального комитета, я обратился к собранию с речью, в которой, изложив условия и причины, вызвавшие организацию «Союза 17 октября», и задачи, им преследуемые, я указал на необходимость общими силами обсудить и разрешить вопрос о тактике, которой следует держаться «Союзу» при предстоящих выборах в Государственную Думу, и затем сказал: «Одним из самых важных вопросов, подлежащих разрешению съезда, является вопрос об отношении «Союза» к современной деятельности правительства. Мы призываем все мирные прогрессивные партии сплотиться воедино для мирного проведения в жизнь реформ, возвещенных манифестом 17 октября. Для наиболее успешного достижения этой цели необходимо было бы взаимодействие общества и правительства, но такое взаимодействие возможно лишь тогда, когда общество будет вполне уверено, что правительство искренно, честно и последовательно будет проводить в жизнь все начала манифеста 17 октября. К сожалению, мы не видим с его стороны искренности, честности и последовательности в том великом деле, которое поручено ему, вменено в прямую обязанность и прямой долг державной волей. В особенности не видим этого за последнее время. До сих пор, например, нам все еще неизвестно, когда же, наконец, будет созвана Государственная Дума, которая должна была быть созвана не позднее января? Правительство говорит нам, что задержка в созыве Думы произошла потому,

что оно желало обсудить вопрос при содействии общественных представителей, которые, однако, не откликнулись на призыв правительства. Но, призывая к содействию общественных деятелей, правительство в то же самое время не считало нужным считаться с ярко выраженным общественным мнением, и, конечно, немудрено, что общественные деятели при таких условиях отказались от содействия правительству, в искренность которого не верили, да и не могли верить. Ведь, при искреннем желании осуществить державную волю правительство легко могло получить содействие общественных деятелей и избежать всяких отсрочек в созыве Государственной Думы. Но такого желания со стороны правительства не было. Манифест 17 октября провозгласил гражданские свободы, а правительство не позаботилось до сей поры издать временные правила, которые регулировали бы эти свободы, и так как не было правил, нормирующих свободы, то меры, принимаемые властью, получили характер широкого произвола. Этот произвол вызвал взрыв революционного движения, а последнее, в свою очередь, вызвало жестокое подавление его крупными репрессивными мерами, повлекшими за собой сотни и тысячи жертв. Но когда, наконец, революционное движение было подавлено, то правительство по-прежнему продолжало идти и до сих пор идет по пути крутых репрессий и продолжает насилия и произвол над обществом. Грубо нарушаются все права и свободы, возвещенные высочайшим манифестом 17 октября. Но если можно мириться с подавлением грубой силою вооруженного восстания, то нельзя, не должно ни в каком случае мириться с тем, что правительство производит насилия над мирным населением и разрушает все права и свободы. Съезду необходимо разрешить вопрос об отношении к

такой деятельности правительства. Только тогда объединенные «Союзом» партии смогут общими силами выполнить лежащие на них задачи и долг перед родиной».

А.И.Гучков в своей речи остановился подробно на обстоятельствах, при которых создался «Союз 17 октября», и на причинах, вызвавших необходимость происходившего съезда, нарисовал картину нараставшего постепенно в стране в течение последних лет освободительного движения до появления манифеста 17 октября и по поводу его говорил: «казалось, что он дал все. Явилась мысль объединиться вокруг этого манифеста. Мысль о необходимости такого объединения вспыхивала и там и тут. Повсюду создавались очаги. И вот, образовался наш «Союз». В настоящее время мы все — свидетели того, что сталось с этим манифестом. Члены нашего «Союза» все время участвовали в общем освободительном движении, пока, наконец, нам не пришлось расстаться с некоторыми группами и партиями. Еще на московском съезде в июле прошлого года наметилась дифференциация партий. Сентябрьский съезд городских и земских деятелей вполне точно определил эту дифференциацию. В числе отшатнувшихся были и мы. Нам казалось, что мы не можем относиться отрицательно к тому, что создано старой Россией. Нам казалось, что величие России, что славное имя ее, которое было так замарано там, в Маньчжурии, должны быть восстановлены, и обновленными перенесены в новую Россию. Нам казалось, что монархическое начало, которое сыграло в России такую громадную роль, тоже должно быть перенесено обновленным в новую Россию. Доктринерство крайних партий, их оторванность от всей исторической жизни России оттолкнули нас от них. Отстаивая те начала, которых не признавали крайние пар-

тии, и добиваясь народного представительства, всеобщего избирательного права, осуществления всех реформ, возвещенных манифестом 17 октября, мы были уверены, что стоим ближе к народу и вернее понимаем его запросы и стремления. Вам казалось, что все, что мы отстаиваем, дает нам право считаться народной партией и что в этом заключается тот успех, которого мы достигли, тот залог победы, которую мы должны одержать. На почве этих верований и задач произошло наше объединение. Если здесь, на этом съезде, мы встретим разноголосицу, то пусть она не смущает нас. Основные начала нашего «Союза» — сильный цемент, который в состоянии сплотить нас в могучую политическую партию. В данный момент нам необходимо сказать свое авторитетное слово, и мы его скажем, и оно будет выслушано и произведет должное впечатление. Манифест 17 октября подвергся той же участи, которой и прежде подвергались все обещания с высоты Престола. Мне невольно вспоминается русская пословица: „милует царь, да не жалует псарь“. Вас и теперь не пожаловали. Ваше отечество переживает такое недомогание, что врачевание его нельзя откладывать. Оно находится в ненадлежащих руках и не настоящему кабинету вывести его на путь спасения».

Наибольшего напряжения достигло настроение собрания в заседаниях 9 и 10 февраля при обсуждении жгучего вопроса об отношении «Союза» к внутренней политике правительства. Докладчиком по этому вопросу выступил М.А.Стахович, который вместо прочтения доклада центрального комитета произнес горячую, прочувствованную речь, начав ее так:

«В точном исполнении правительством манифеста 17 октября заключаются все основы наших задач, дея-

тельности и пропаганды. От этого зависит, кроме того, и спасение нашей родины, прекращение в ней смут и неурядиц. Нужно ли говорить, что никто из нас не считает себя врагом правительства, что мы совсем не желаем низвергнуть или казнить его? Но правительство за весь пережитый нами период после манифеста 17 октября глубоко не право перед страной, и мы должны, мы обязаны открыто и прямо высказать это. Предвозвещая преобразование всего русского государственного строя на началах гражданской и политической свободы, манифест 17 октября вменял в обязанность правительству: „не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, по мере возможности, соответствующей краткости до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав“. Вот главная задача, которая была поручена законодателем правительству, и правительство не исполнило этой задачи. Оно всячески уклонялось от выполнения непреклонной высочайшей воли и всеми силами старалось и все еще до сих пор старается оттянуть осуществление неприятного для него контроля со стороны народных представителей над целесообразностью и закономерностью своих действий».

Выяснив далее порядок составления и недостатки закона 11 декабря 1905 года[32], М.А.Стахович продолжал:

32 Указ Правительствующему Сенату об изменениях в Положении о выборах в Государственную Думу 6 августа 1905 года.

«перехожу к другой заповеди манифеста 17 октября, также не исполненной правительством. В первом пункте манифеста сказано: „на обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непременной Нашей воли даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов“. Нам всем уже давно надоело слышать от правительства, что все эти свободы, будто бы, не могли быть осуществлены и не могут быть осуществлены до тех пор, пока не прекратится революционное движение, широкой волной охватившее всю Россию. А под этим революционным движением правительство понимало все беспорядки и волнения. Но высочайший манифест не дает правительству никакого права на это. В манифесте точно указано, что объединенное правительство (совет министров) обязано неуклонно выполнить державную волю, независимо от успеха или неуспеха в деле устранения прямых проявлений беспорядка. И ни под какими отговорками правительство не имело права отменять высочайшего манифеста. „Союз 17 октября“ открыто и резко отграничил себя с обоих флангов. Мы одинаково не сочувствуем и революции и реакции: нам одинаково кажутся незаконными, как насильственные революционные действия, так и ломка со стороны правительства основных начал манифеста 17 октября. Мы одинаково выказали себя противниками как тех, которые путем насилий, с оружием в руках хотели заменить манифест 17 октября и конституционную монархию иным социальным строем государства, так и тех, которые всеми

силами стараются удержать выгодный для них старый, отживший строй. Манифест должен быть точно и непреклонно осуществлен, как он был дарован Государем, и принят от него народом. И для осуществления его не требовалось от правительства никаких исключительных мер. Нужны были только искреннее желание и сознание долга выполнить непреклонную волю Монарха. Мы понимаем, что исключительные события требуют и исключительных мер; мы понимаем, что вооруженное восстание нельзя подавить увещаниями и лекциями, что его можно подавить только вооруженной силой. Мы даже убеждены, что так всегда и нужно энергично подавлять вооруженное восстание. Но, водворив порядок, правительство обязано тотчас же, немедля, прекратить всякое насилие, к которому вынуждено было прибегнуть, нарушив тем самым священные основы гражданской и политической жизни страны. После подавления вооруженного восстания, насилия со стороны правительства не находят себе никаких оправданий. А, между тем, мы видим необузданный произвол и насилия со стороны правительства продолжаются повсеместно, даже там, где не было никакого вооруженного восстания. Мы видим, вток революционерам причисляются миллионы русских граждан, что правительство хочет осилить всю Россию, недовольную его беззаконной деятельностью и протестующую против произвола и насилий с его стороны. И, видя все это, мы должны сказать правительству: „После манифеста 17 октября вы не смеете делать этого. Вы не смеете посягать на наши свободы и стараться снова водворить тот порядок, который был

главной причиной всех наших зол и несчастий“. До чего доходит наглость приемов, практикуемых правительством, может служить характерным доказательством циркулярное распоряжение министра внутренних дел Дурново, изданное им еще 20 ноября, когда он был только управляющим министерством, но лишь недавно сделавшееся достоянием общей прессы. Это циркулярное распоряжение применялось уже десятки тысяч раз. Во исполнение его местные власти силой оружия разгоняли всякие собрания, подавляли всякий протест, арестовывали, ссылали без суда, следствия, даже дознания, и даже тогда, когда суды, не находя никакого состава преступления, оправдывали заподозренных администрацией в „крамоле“ лиц. Последних, и после оправдания их судом, гноили в тюрьмах, не предъявляя к ним никакого обвинения. Десятки тысяч людей сделались жертвами этого циркуляра лишь за то, что, в силу требований своей совести, своего разума, исполняли волю Государя, выраженную в манифесте 17 октября. Бездушная механика в руках правительства нарушала все дарованные нам Государем права и свободы. Какая неопытность, какое недомыслие со стороны правительства, воочию убедившегося в том, какой взрыв благодарности и восторга в населении страны вызвали первые же изъявления высочайшей воли. Если в пользовании дарованными свободами люди иногда доходили до крайности, то ведь потому лишь, что чересчур изголодались в ожидании этих свобод. Почувствовав готовность общества содействовать в подавлении анархии, правительство позабыло о всяких законах и стало без всякого суда и всякой про-

верки виновности лишать свободы и прав всех неугодных ему людей. И, конечно, произошло то, что возмущенное общество окончательно отшатнулось от правительства. Для общества стало ясно, что правительство само расшатывает и, как бы, хочет опрокинуть весь государственный строй. Оно само готовит себе гибель. Но за этой гибелью может последовать гибель династии и гибель всей России».

Речь М.А.Стаховича вызвала большой энтузиазм в собрании и долго несмолкавшие рукоплескания. В последовавших после нее горячих и продолжительных прениях участвовало большое число ораторов, и в заключение съездом была принята следующая резолюция:

«Съезд делегатов „Союза 17 октября“, обсудив в заседании 9 февраля доклад по вопросу об отношении „Союза“ к текущей деятельности правительственных учреждений, ответственных за исполнение манифеста 17 октября, нашел, что совет министров, на который высочайшею волею возложено объединение и направление всей правительственной деятельности, проявляет крайнюю медленность в осуществлении благой и мудрой воли Его Величества. Он не проводит в жизнь начал, положенных в основу манифеста 17 октября; он неизменно старается дать этим началам наиболее узкое и несоответствующее их сущности применение. Исключительные случаи требуют, конечно, исключительных мер; на революционные насилия, на вооруженные восстания правительство обязано отвечать энергичным подавлением; оно может даже ввести на срок военное положение. Но нельзя не осудить те слу-

чаи, когда правительственными лицами, с ведома совета министров, допускались произвольные действия, напрасная жестокость в применении чрезвычайных карательных мер. Такое направление деятельности совета министров увеличивает в стране недовольство и тем грозит России и ее Государю возможностью новых опасностей. Скорейший созыв Думы является единственным надежным средством вернуть государственной власти ее пошатнувшийся авторитет и самым верным путем к успокоению страны. Поэтому общее собрание делегатов „Союза 17 октября“ признает, что неотложная государственная необходимость требует:

1) ускорить всеми мерами выборы в Государственную Думу;

2) определить точный и близкий срок ее созыва, не позднее 26 апреля сего года;

3) издать безотлагательно временные правила, обеспечивающие установленные манифестом 17 октября свободы и ограждающие от злоупотребления в пользовании ими, отменив одновременно положение об усиленной и чрезвычайной охранах, как меру неправосудную, возбуждающую в стране общее недовольство и не достигающую цели;

4) введение военного положения может быть вызвано только вооруженным восстанием или приготовлением к нему и должно быть отменено, как только минует крайняя в нем необходимость. Не следует злоупотреблять этим жестоким правом, а еще менее злоупотреблять его применением там, где оно по необходимости было введено. Во всяком случае применение смертной казни без судебного приговора в каких бы то

ни было случаях должно быть немедленно прекращено».

Вынося резкое осуждение образу действий правительства, съезд не отождествлял правительство с главой государства и считал необходимым подчеркнуть, что он борется не с представителем Верховной Власти в государстве, а лишь с теми органами правительственной власти, которые нарушают его волю своими беззаконными действиями. Эта мысль на съезде была блестяще выражена Ф.Н.Плевако в его речи, в которой он предложил закончить наши думы и беседы о благе страны, обратившись к Его Величеству со следующими словами: «Государь! В манифесте Вашем сказано: скорбь народа — скорбь царского сердца. Наша скорбь велика: мы видим, что манифест, отделяющий ветхозаветную Русь от новозаветной, Русь бездушного произвола от Руси благодатного будущего, не приводится в исполнение. Повели, Государь, приступить к немедленной работе — исполнить Твою волю. Тогда великие слова Твои, Государь, о том, что скорбь народа есть Твоя скорбь, восполнятся еще другой истиной: народная свобода — свобода его Царя». Эта речь была встречена собранием с восторгом, и, казалось, что все, как один человек, готовы встать и пойти сказать Государю то, что так вдохновенно было высказано маститым оратором.

В следующих заседаниях съездом были рассмотрены заключения секций по разным отдельным вопросам и приняты соответствовавшие мнению большинства резолюции. Когда обсуждение всех очередных вопросов было закончено, я перед закрытием съезда обратился к нему со следующей заключительной речью:

«Съезд закончит свои занятия, и я прошу позволения резюмировать итоги наших занятий. На съезд прибыло 389 делегатов; в течение 5 дней было 8 заседаний. Кроме внесенных центральным комитетом вопросов, рассмотрены еще: окраинный, рабочий и аграрный вопросы; и с внешней и с внутренней стороны съезд достиг полного успеха. Одной из главных задач съезда было, конечно, выяснение положения нашего „Союза 17 октября“ среди других политических партий. И мы выяснили это положение; оно оказалось чрезвычайно устойчивым и крепким. Положение наше зиждется на почве манифеста 17 октября, который служит выражением державной воли нашего Монарха. Мы не умаляем и не расширяем этот манифест, как то делают другие политические партии. Мы принимаем его во всей его полноте и ставим своей задачей стремиться всеми своими силами к мирному развитию и процветанию страны на благо и счастье всех населяющих ее народностей. Мы готовы поддерживать правительство постольку, поскольку оно искренно и неуклонно будет осуществлять начала манифеста 17 октября. Но мы не поступимся ничем из дарованных нам прав и свобод и не можем молчать, не можем не возмущаться, видя насилия и произвол со стороны администрации, видя, как правительство беззастенчиво нарушает державную волю Государя. Съезд своей резолюцией осудил беззаконные действия правительства и дал ему почувствовать, что общественное мнение не дремлет и стоит на страже всех прав и свобод, дарованных манифестом. Мы отмежевались от левых и правых партий. От правых потому, что они стараются

во что бы то ни стало, рассудку вопреки, наперекор стихиям, сохранить старый приказный строй, приведший нас к Ляояну, Цусиме и всем внутренним неурядицам и кровопролитиям. От левых партий мы отграничили себя потому, что весь русский народ привержен идее монархизма. Мы — искренние монархисты по убеждению; мы видим в конституционной монархии противодействие идее деспотизма олигархии или массы. Монарх — выше всех политических партий, он — вне их интересов и борьбы, и поэтому свобода и право каждого гражданина наиболее обеспечены при конституционной монархии. Мы наравне с левыми партиями одинаково понимаем, что будущее России заключается в широких демократических реформах. Но наше понимание этих реформ несколько иное. Мне думается, что все члены „Союза 17 октября“ одинаково разделяют убеждение, что человек должен быть не только свободным существом, но и должен быть проникнут сознанием нравственного идеала. Исходной идеей „Союза 17 октября“ является признание высших начал свободы, правды и любви. Русский народ проникнут той же идеей, и потому „Союз 17 октября“ более всех других партий имеет право называть себя народной партией. Мы все здесь, несмотря на мимолетные разногласия и опасения раскола, объединились в единую и тесную семью. Позвольте мне выразить надежду, что все члены „Союза 17 октября“ приложат все силы к пробуждению нравственного сознания в народных массах и во всех местах России привлекут к избирательным урнам наиболее достойных людей, ко-

торые могли бы содействовать умиротворению и благу нашей дорогой родины».

Первый всероссийский съезд делегатов «Союза 17 октября» можно было признать вполне удавшимся, как по многочисленности участников, так и по преобладавшему в их среде настроению. Съезд определенно выяснил отношение «Союза» к политике правительства, задачи, преследуемые «Союзом», и положение, занимаемое им среди других политических партий. С этой точки зрения результаты съезда не могли не доставить его организаторам некоторого удовлетворения. Но, однако, рядом с этими положительными фактами чувствовалось присутствие некоторых отрицательных явлений, в которых заключались указания на некоторые неблагоприятные условия для дальнейшего развития и направления деятельности «Союза». Состав съезда оказался очень разнообразным и определенно сознавалось, что далеко не все его члены связаны общностью своих политических убеждений. Хотя большинство съезда было, несомненно, проникнуто искренним убеждением в необходимости преобразования нашего государственного строя и проведения в жизнь широких демократических реформ, но, с другой стороны, являлось очевидным, что в состав «Союза» вошли элементы, принадлежавшие к числу, так сказать, испуганных развивавшимися событиями обывателей, а по существу, если не враждебные, то мало сочувствовавшие освободительному движению. Невольно возникала мысль, что эти лица присоединились к «Союзу», главным образом, в расчете на то, что эта политическая группа скорее может обеспечить их имущественные и классовые, обывательские интересы. Наиболее определенно двойственность состава «Союза» проявилась на съезде при обсуждении и баллоти-

ровке резолюции по вопросу об отношении «Союза» к политике правительства. Во время прений, происходивших после речи М.А.Стаховича, и оглашения им проекта резолюции, предложенного центральным комитетом, некоторые члены съезда горячо возражали против отмены военного положения и положения об усиленной и чрезвычайной охранах и при первой баллотировке резолюции en bloc за нее было подано 142 голоса, а против — 140. При повторном, поименном голосовании резолюция была принята большинством 157 голосов против 141. Ввиду такого разделения голосов, центральный комитет предложил собранию рассмотреть и баллотировать резолюцию по пунктам, чтобы выяснить, какие именно ее пункты вызывают проявившееся разногласие. При последовавшем голосовании вступительная часть и первые два пункта резолюции были приняты почти единогласно, но 3-й и 4-ый пункты вызвали вновь продолжительные возражения и хотя при баллотировке число лиц, голосовавших против них, оказалось менее значительным, но было ясно, что многие воздержались от отрицательного вотума, имея в виду, что во всяком случае собрать на своей стороне большинство надежды не было.

По окраинному вопросу секция, состоявшая преимущественно из представителей русского населения Царства Польского, Северо-Западного, Юго-Западного и Прибалтийского края, представила проект резолюции, в которой говорилось о необходимости в интересах русской государственности и высшей справедливости ввести на окраинах принцип пропорционального избрания выборщиков и депутатов в Государственную Думу по национальностям, предоставив право избрания, по крайней мере, одного русского члена Государственной Думы каждой окраинной губернии и от

Царства Польского, по крайней мере, двух депутатов. Против принятия этой резолюции по поручению центрального комитета выступил А.И.Гучков, который выяснил, что «Союз 17 октября», отрицая возможность автономии какой-либо из окраин, в то же время отрицательно относится и к политическому гнету национальностей, населяющих Россию. Все народности должны пользоваться полным равноправием и ни одной из них не должно быть предоставлено никаких привилегий. Требования о представительстве русского населения окраин могут иметь свои основания в принципе представительства вообще меньшинства, но этот принцип не может быть осуществлен для одного русского населения. В заключение съезд принял следующую резолюцию, предложенную центральным комитетом: «Признать, что при пересмотре избирательного закона должно быть принято во внимание справедливое представительство интересов меньшинства и отдельных групп населения». Принятие этой резолюции вызвало заметное неудовольствие со стороны представителей русского населения на окраинах.

При возбуждении вскоре после открытия съезда вопроса, будет ли предложен на обсуждение съезда аграрный вопрос, некоторые члены съезда признавали за лучшее обойти этот вопрос, а представитель Минской губернии (Шмидт) указывал на то, что «Союз» не представляет собой однородную партию, и говорил, что от разрешения аграрного вопроса зависит, останутся ли в «Союзе» многочисленные его отделения в Юго-Западном и Северо-Западном крае.

Проявившиеся на съезде разногласия свидетельствовали об отсутствии принципиальной солидарности между членами «Союза» и поселяли опасения, что дальнейший приток в него элементов, чуждых сознанию необходимости

обновления нашей государственной жизни и социальных отношений на основе начал свободы, справедливости и равноправия, может пагубно отразиться в будущем на составе и характере недавно создавшейся политической организации.

20 февраля 1906 года был опубликован манифест об изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы. Этим манифестом Государственному Совету в области законодательства предоставлялись одинаковые права с Государственной Думой, что вступало в несомненное противоречие с обещаниями манифеста 17 октября 1905 года, которым устанавливалось «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы». Между тем, манифест 20 февраля 1906 года «без одобрения Государственной Думы» устанавливал законодательную норму, которой существенно ограничивалось право, предоставленное Думе 17 октября 1905 года. Центральный комитет «Союза 17 октября» счел для себя обязательным обсудить в своем общем собрании значение вновь появившегося манифеста и выяснить к нему свое отношение. Свое мнение по данному вопросу центральный комитет огласил путем помещения в газетах следующего сообщения:

> «Собравшийся в Москве 6 марта центральный комитет „Союза 17 октября“, подвергнув обсуждению обнародованные при высочайшем манифесте от 20 февраля 1906 года положения о Государственном Совете и Государственной Думе, пришел к заключению, что эти законодательные акты существенно отклоняются от основных начал манифеста 17 октября, вновь воздвигая в лице преобразованного Государственного

Совета то бюрократическое средостение, разрушения которого единодушно и законно домогается русский народ, с той поры, как Верховная власть, осведомленная о чувствах возраставшего недоверия и вражды его к чиновному властвованию, рескриптом от 18 февраля 1905 года решила призвать облеченных народным доверием избранников к совместным трудам по усовершенствованию государственного строя. Центральный комитет прежде всего усматривает, что преобразованному Государственному Совету законоположения 20 февраля с. г. предоставляют ничем не ограниченное право приостанавливать дальнейший ход всякого законопроекта, принятого Думою. Поэтому может случиться, что ясно выраженное народными представителями стремление к изменению предписаний закона, признаваемых стеснительными и даже вредными, встретит непреодолимое препятствие со стороны Государственного Совета, не являющегося выражением действительного мнения страны. Кроме того, при таком столкновении даже глава государства окажется лишенным возможности осуществить меру, признаваемую им благодетельною и желаемую народом, но не встречающую сочувствия Государственного Совета. Центральный комитет полагает, что преобразованному Государственному Совету должно быть присвоено значение органа, по преимуществу имеющего своей задачею ограждение последовательного развития законодательства в государстве от возможных случайных и недостаточно разработанных решений Государственной Думы, но ему отнюдь не должна быть присвоена власть ограничивать проявление воли монар-

шей и воли народной. Поэтому центральный комитет признает желательным введение в положение о Государственном Совете правила, в силу которого, при неодобрении Государственным Советом решения, принятого Государственной Думою, дело должно возвращаться на новое обсуждение в Думу и затем, в случае подтверждения ею своего постановления, это постановление должно быть представлено на усмотрение Верховной власти, и не одним председателем Государственного Совета, а совместно с ним и председателем Государственной Думы».

«Другим, не менее существенным недостатком преобразованного Государственного Совета является, по мнению центрального комитета, сохранение в нем департаментов. В состав их входят лишь лица по назначению правительства, а в их исключительном ведении остаются столь важные предметы обсуждения и утверждения, как, напр., кассовый отчет министра финансов, годовые отчеты государственного банка и других правительственных кредитных установлений, дела об ответственности за нарушение долга службы высших чинов управления и другие (пункты: 9 (лит. б.—г.) и 14—17 статьи Учреждения Государственного Совета). При сохранении департаментов в преобразованном Государственном Совете сказывается с особенною силою коренной недостаток законоположений 20 февраля с. г., не устанавливающих ни одновременности созыва и прекращения занятий обеих палат, ни сроков, не далее которых народные представители должны быть созываемы в случаях перерыва заседаний Думы или ее роспуска. Такой недостаток вызывает опасение,

что для Государственного Совета не исключена возможность заседать в то время, как сессии Государственной Думы не будет».

«Перейдя затем к обсуждению вопроса о правах Государственной Думы по надзору за деятельностью правительственных властей, центральный комитет прежде всего обратил внимание на то, что права эти, намеченные положением о Государственной Думе 6 августа и подлежавшие расширению по п. 3 манифеста 17 октября, должному изменению не подверглись. Продолжительность сроков, назначаемых для представления министрами сведений, требуемых Думою, и объяснений по ее запросам, сложность порядка обжалования уклонений со стороны министров от представления этих сведений и объяснений, наконец, подтверждаемое изъятие из-под надзора Государственной Думы обширных отраслей управления, главные начальники которых не состоят в подчинении Правительствующему Сенату (ст. 33), — все это вместе коренным образом противоречит возвещенной в манифесте 17 октября в п. 3 воле Государя, „чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью поставленных от Нас властей“».

«Кроме указанных коренных недостатков законоположений 20 февраля с. г., по мнению центрального комитета, имеются и многие другие, в числе которых наиболее существенным представляется отсутствие права петиций. По всем вышеизложенным соображениям, устанавливающим явную ненормальность взаимоотношений, с одной стороны, Государственного

Совета и Государственной Думы, с другой, — Государственной Думы и поставляемых под надзор ее властей, центральный комитет пришел к заключению, что акты 20 февраля с. г., бесспорно, противоречат установленным манифестом 17 октября началам и явятся серьезною помехою для правильной и плодотворной работы народного представительства. Так как эти законоположения не введены в основные законы Империи, то пересмотр их становится одною из главных задач, предстоящих Государственной Думе первого созыва, что, однако, не должно задерживать текущей законодательной деятельности по жизненным для государства вопросам — земельному, рабочему и другим, разрешение которых столь необходимо для умиротворения страны и для удовлетворения ее неотложных нужд».

Во время выборов членов первой Государственной Думы «Союз 17 октября» потерпел крупную неудачу. Из состава его членов вошло в Государственную Думу очень незначительное число лиц, а из состава его центрального комитета были избраны членами Думы только трое: кн. Н.С. Волконский, гр. П.А.Гейден и М.А.Стахович. Такой исход выборов может быть объяснен следующими причинами. Политика правительства ко времени производства выборов продолжала оставаться неизменной и вступала в резкое противоречие с новыми условиями, вытекавшими из манифеста 17 октября 1905 года. Образ действий правительственной власти возбуждал и обострял все более и более настроение в широких кругах общества и укреплял в населении убеждение, что рассчитывать на какое-либо соглашение с властью невозможно. Ввиду этого избиратели предпочитали

отдавать свои голоса в пользу представителей партий, открыто заявлявших, что они стремятся войти в Государственную Думу с исключительною целью борьбы за политическую свободу и для принудительного осуществления нового, обещанного стране строя. Так как «Союз 17 октября» стремился к мирному разрешению конфликта и не терял надежды на возможность создания доброжелательного взаимодействия государственной власти с населением, то выставленные им кандидаты в члены Государственной Думы не встречали сочувствия со стороны избирателей. Известное влияние на результат выборов, несомненно, имело также с своей стороны недостаточное развитие, а нередко и полное отсутствие предвыборной агитации со стороны отделов «Союза». Последнее в значительной мере находит себе объяснение в том, что агитационная деятельность вообще не привлекала к себе симпатии членов «Союза», тогда как для конституционалистов-демократов и для примыкавших к ним более левых партий политическая агитация представлялась необходимым орудием политической борьбы. Не могло также не оказать отрицательного влияния на избирателей присутствие в составе «Союза» случайных, не прогрессивных элементов, которое придавало ему некоторый, неблагоприятный оттенок. В этом отношении немало повредило «Союзу» его сближение и соглашение с торгово-промышленной партией. Эта партия образовалась ранее «Союза» и явилась, главным образом, представительством определенного класса, а не какой-либо самостоятельной политической программы. Хотя программа торгово-промышленной партии не противоречила основным положениям, провозглашенным в воззвании «Союза», и не выдвигала особых классовых интересов, тем не менее блок «Союза» с

этой партией во время выборов мог послужить поводом для заподозревания обеих групп в склонности руководиться классовыми интересами.

Мне пришлось принять участие в выборах по московской губернии. В выборщики я был избран съездом землевладельцев волоколамского уезда. Мое избрание в уезде не встретило противодействия со стороны представителей левых партий, так как таковые в уезде почти отсутствовали, но против моей кандидатуры вели агитацию некоторые крупные землевладельцы, не сочувствовавшие манифесту 17 октября. Они старались привлечь на свою сторону священников, что им отчасти и удалось, но тем не менее я был избран довольно значительным большинством голосов. В губернском избирательном собрании выборщики составили три почти равносильные группы: 1) правые, представители, так называемых, монархических партий, 2) конституционалисты-демократы, с присоединившимися к ним выборщиками от рабочих, и 3) избранные из числа членов «Союза 17 октября» и торгово-промышленной партии. Эти две последние организации, состоявшие в блоке, наметили по соглашению между собой кандидатами в члены Государственной Думы — от «Союза 17 октября»: С.И.Четверикова и меня, а от торгово-промышленной партии: В.С.Баршева и барона А.А.Крюденер-Струве. При подаче, согласно ст. 51 положения о выборах, записок с именами предлагаемых кандидатов выяснилось, что ни одна из трех групп выборщиков не может провести самостоятельно своих кандидатов. Во время происходившего после подачи записок перерыва, руководители правой группы вступили в переговоры с В.С.Баршевым и бар. А.А.Крюденер-Струве, после чего последние сообщили С.И.Четверикову и мне, что правые предлагают вступить

с ними в соглашение с тем, чтобы избрать от блока «Союза 17 октября» и торгово-промышленной партии двух лиц, намеченных кандидатами торгово-промышленной партии, а из числа правых: А.Д.Самарина и гр. П.С.Шереметева. Мы отнеслись отрицательно к такому предложению, а затем, переговорив с выборщиками, состоявшими членами нашего «Союза», заявили, что наша группа отклоняет мысль о возможности такого соглашения, признавая ее принципиально недопустимой. При этом мы указывали на ст. 52-ю положения о выборах, допускающую избрание членов Думы относительным большинством на третий день, если выборы абсолютным большинством в первые два дня не состоятся, и обращали внимание, что при этом условии наш блок имеет значительные шансы провести своих кандидатов. Однако, несмотря на наше категорическое заявление, В.С.Баршев, бар. А.А.Крюденер-Струве и другие представители их партии сочли возможным вступить в соглашение с правыми. Когда в среде членов избирательного собрания стало известно о налаживающемся соглашении правых с торгово-промышленной партией, тогда представители к.-д. обратились к представителям «Союза 17 октября» с предложением вступить в такое же соглашение между собой, причем при таком соглашении получалось абсолютное большинство голосов. С.И.Четвериков и я тотчас же отвергли это предложение, как совершенно для нас неприемлемое. Мы заявили: 1) что не можем подать своих голосов за кандидатов партии, с которой нас разделяют принципиальные разномыслия, 2) что мы не считаем возможным быть избранными голосами выборщиков от политических партий, к которым мы относимся безусловно отрицательно, и 3) что, независимо от образа действий представителей торгово-промыш-

ленной партии, мы не можем отказать им в наших избирательных шарах, ввиду состоявшегося вообще соглашения между этой партией и «Союзом 17 октября». Когда собрание приступило к баллотировке заявленных кандидатов, то В.С.Баршев и бар. А.А.Крюденер-Струве оказались избранными абсолютным большинством. Гр. П.С.Шереметев не получил большинства избирательных шаров, после чего А.Д.Самарин от баллотировки отказался, а затем отказались и все остальные кандидаты. После большого перерыва и долгих переговоров правые уговорили подвергнуться баллотировке кн. Г.Г.Гагарина, клинского предводителя дворянства, изъявившего свое согласие, хотя он состоял членом «Союза 17 октября», и Я.В.Ильина, члена подольской уездной земской управы, крестьянина, являвшегося выборщиком от избирательного съезда города Подольска. Оба эти лица оказались избранными; кн. Г.Г.Гагарин получил, вероятно, порядочное количество избирательных шаров от членов «Союза 17 октября», а Я.В.Ильин, принадлежавший к правым партиям, можно предположить, получил избирательные шары, как от представителей торгово-промышленной партии, так и от выборщиков крестьянской курии. Этим выборы членов Государственной Думы в губернском избирательном собрании были закончены.

10 апреля 1906 года было созвано чрезвычайное московское губернское земское собрание для избрания члена Государственного Совета. Чрезвычайное собрание происходило в составе губернских гласных, избранных на трехлетие в очередных сессиях уездных земских собраний 1903-го года, во время расцвета освободительного движения, и поэтому в среде губернского собрания имели еще значительное преобладание прогрессивные элементы. При подаче

записок с именами предлагаемых кандидатов, большинство гласных выставило мою кандидатуру, а затем при баллотировке я был избран членом Государственного Совета большинством 47 голосов против 21. Принося собранию благодарность за избрание, я отметил, что высоко ценю честь войти в состав Государственного Совета от московского губернского земства, с которым меня связывает крепкими духовными узами вся моя протекшая общественная деятельность, и заявил, что в Государственном Совете я буду стремиться оказать посильное содействие осуществлению в должной полноте начал и свобод, возвещенных манифестом 17 октября 1905 года, и мирному преобразованию нашей изстрадавшейся родины.

Созыв Государственной Думы и Государственного Совета был назначен на 27 апреля, но незадолго до этого срока последовало опубликование двух актов государственной власти, которые вызвали в обществе большое недовольство и явились условием, представившим серьезное препятствие для сближения государственной власти с вновь создававшимся народным представительством и для установления их нормального взаимодействия. 23 апреля были утверждены, а на следующий день обнародованы основные государственные законы. Новая редакция основных законов формально оправдывалась необходимостью согласования их с началами манифеста 17 октября, но в действительности новый закон существенно ограничивал положения, установленные манифестом, и вступал с ним в трудно примиримое противоречие. 3-й пункт манифеста устанавливал как незыблемое правило, что никакой закон не может восприять силу без одобрения Государственной Думы и никакого исключения из этого правила для основных законов оговорено не

было. Признавая неотложную необходимость пересмотра основных законов при введении в действие народного представительства и принимая во внимание, что инициатива такого пересмотра не была предоставлена Государственной Думе, представлялось совершенно правильным и необходимым, чтобы проект новой редакции основных законов был выработан правительственной властью и по указу Его Величества внесен на обсуждение Государственной Думы. Утверждение же нового основного закона единолично властью Монарха составляло прямое нарушение порядка, возвещенного в манифесте 17 октября, и явилось для общества совершенно неожиданным. Правильность такого понимания вопроса находит себе подтверждение в компетентных суждениях членов совещания, происходившего 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 года в Царском Селе по пересмотру основных законов. Журналы этого совещания были напечатаны в «Былом» за октябрь 1917 года, и здесь я ограничиваюсь приведением некоторых высказанных мнений.

А.А.Сабуров. — Акт 17 октября разумел, что ни один закон не может быть издан без Государственной Думы. Если этот порядок принят для всех законов, то несомненно он должен быть соблюден и для наиболее важных, основных.

И.Я.Голубев. — Закон 20 февраля 1906 года устанавливает общее правило, что ни один закон не может восприять силы без одобрения Думы. Это ее незыблемое право. Каждая часть основных законов составляет закон и должна подчиниться этому правилу.

Э.В.Фриш. — Предоставить Верховной власти самой, единолично изменять основные законы — это прямое отступление от узаконений 20 февраля 1906 года. Необходимо

оговорить, что никакая часть законодательства не будет подлежать изменению без согласия Думы и Г. Совета.

Кн. А.Д.Оболенский. — Право изменения каких бы то ни было основных законов без Г. Думы было бы нарушением народных прав.

Гр. С.Ю.Витте — Действительно по смыслу всех актов 17 октября все основные законы должны идти в Г. Думу и в Г. Совет.

Приведенные мнения с убедительностью свидетельствуют, что и лица, стоявшие в первых рядах бюрократического строя, не находили возможным вносить изменения в основные законы без предварительного одобрения проектируемых изменений законодательными палатами. В опубликовании новых основных законов почти накануне открытия Государственной Думы выразилась определенная тенденция, стремившаяся к ограничению прав народного представительства, и ярко проявилось недоверие к нему государственной власти.

Как указано было выше в этой же главе, уже манифест 20 февраля 1906 года (об изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы) вносил некоторые существенные изменения в основные положения манифеста 17 октября, как-то: предоставление преобразованному Государственному Совету положения второй законодательной палаты, установление института чрезвычайных указов, ограничение права законодательного почина и права запросов, обращаемых к членам правительства. Однако, так как в то время узаконения 20 февраля не были введены в состав основных законов, то возвещенные ими изменения могли подлежать пересмотру по инициативе народного представительства; с изданием же

основных законов предоставление Государственному Совету равного с Государственной Думой прав в области законодательства было включено в главу X, ст. 86, и главу XI, а ст. 87 тех же законов устанавливала порядок указного законодательства во время прекращения занятий Государственной Думы и, таким образом, эти вопросы являлись предрешенными и неподлежащими пересмотру Государственной Думы.

Еще большее недоумение и возмущение в обществе и особенно в среде народных представителей вызвали последовавшие вслед за опубликованием основных законов отставка всего кабинета гр. С.Ю.Витте и назначение нового состава совета министров под председательством И.Л.Горемыкина. Политика С.Ю.Витте встречала единодушное отрицательное отношение во всех, самых различных кругах общества и неизбежность его устранения с открытием законодательных представительных учреждений признавалась всеми, но народное представительство было в праве ожидать, что образование нового министерства произойдет лишь по открытии Государственной Думы и что в состав его будут привлечены новые люди, пользующиеся доверием общества и способные установить необходимую солидарность власти с палатой народных представителей. Отставка кабинета гр. С.Ю.Витте до открытия Государственной Думы и назначение председателя и членов нового совета министров из среды той же бюрократии и притом лиц, относившихся определенно несочувственно к преобразованию государственного строя на новых основаниях, согласно манифесту 17 октября, не могли быть поняты иначе, как вызов, брошенный народному представительству. Перемена кабинета при наличности таких условий исключала возможность

согласованной деятельности правительства с Государственной Думой, вносила в среду последней чувство раздражения и толкало ее на путь еще более острой политической борьбы. Под удручающим впечатлением этих двух актов государственной власти я выехал 25 апреля в Санкт-Петербург, чтобы принять участие в занятиях Государственного Совета.

Первое заседание Государственного Совета состоялось 28 апреля в 2 ч. дня в приспособленном для его собраний доме санкт-петербургского дворянского собрания. После приветственной речи председателя Совета, гр. Д.М.Сольского, членами Совета была принесена и подписана присяга, а затем заседание было объявлено закрытым. По окончании заседания председатель Совета и его товарищ, Э.В.Фриш, пригласили в помещение, предназначенное для президиума, некоторых членов Государственного Совета, как по назначению, так и по выборам, в числе последних и меня, для совещания о назначении дня второго заседания Совета и определения предмета, подлежащего его обсуждению. Все собравшиеся признали необходимым поставить на первую очередь вопрос о представлении Его Императорскому Величеству всеподданнейшего адреса в ответ на приветственное слово, с которым Государь накануне в зимнем дворце обратился к представителям обеих палат. При обсуждении вопроса о назначении дня ближайшего заседания Совета, я говорил, что было бы полезно прежде официального заседания собраться всем членам Совета в частном совещании. Члены Совета по назначению и по выборам мало между собой знакомы, и предварительное обсуждение вопроса о содержании предполагаемого адреса, путем обмена мнениями в частном совещании, может помочь их взаимному ознакомлению, выяснит господствующее настроение и

устранит внесение в официальном заседании предложений, которые не встретят сочувствия большинства. Мое предложение встретило поддержку среди присутствовавших, и все приглашенные лица признали желательным и целесообразным организовать частное совещание членов Государственного Совета. Гр. Д.М.Сольский и Э.В.Фриш с своей стороны согласились с высказанным мной, и все члены Совета были ими приглашены 29 апреля на частное совещание в одну из зал Мариинского дворца.

При открытии частного совещания, председатель сообщил о возникшем предположении, о целях, в которых совещание созвано, и спросил о согласии собравшихся. Никаких возражений сделано не было, и совещание приступило к своим занятиям. Представление всеподданнейшего адреса было признано единогласно необходимым, и затем начался обмен мнений по тем вопросам, которые признавалось членами Совета желательным затронуть в адресе. Значительное большинство ораторов говорило, что адрес, кроме благодарности за дарованные новые основы законодательной деятельности, должен содержать в себе и последовательный отзыв по данным в приветственном слове высочайшим предуказаниям. Д.И.Багалей[33] внес несколько предложений, которые были формулированы им в следующих тезисах: «1) Государственный Совет считает необходимым работать в полном единении с Государственною Думою, выражающею общественные интересы, и своею единственною заботою ставит благо всего народа. 2) Для него одинаково дорого будет широкое просвещение народных масс, в основу кото-

33 Член Государственного Совета от академии наук и университетов.

рого должно быть положено всеобщее народное образование, и подъем экономического их благосостояния, для которого необходимо коренное разрешение земельного, крестьянского и рабочего вопросов. 3) Да ознаменуется великий день 27 апреля перевода России на путь права и свободы актом монаршей амнистии по политическим, религиозным и аграрным делам в тех пределах, какие укажет Вам, Государь, необычайная важность нынешнего исторического момента. Пусть этот акт явится гранью, отделяющей старую Россию от новой, ныне возрожденной».

Последнее предложение вызвало многочисленные возражения. Представители правых, относясь вообще отрицательно к мысли об амнистии, указывали, что Государственный Совет не в праве касаться этого вопроса, так как помилование составляет прерогативу верховной власти. С такой аргументацией не было согласно очевидное большинство членов совещания, но в то же время лица, поддерживавшие предложение Д.И.Багалея, полагали возможным возбудить вопрос не о полной амнистии по всем политическим, религиозным и аграрным делам, а лишь с некоторыми ограничениями. Все высказанные в этом отношении мнения были сведены Н.С.Таганцевым к следующим положениям: «При включении в ответ указания на желательность амнистии следует принять во внимание:

1. что хотя, по силе ст. 23 законов основных, общее прощение совершивших преступные деяния, прекращение судебного против них преследования и освобождение их от суда и наказания принадлежит Государю Императору, но это не исключает, конечно, права Государственного Совета печаловаться и бить челом пред Его Величеством о смягчении уча-

сти известной группы лиц, привлеченных к ответственности или и осужденных за преступления политические, коль скоро это является желательным для успокоения государства и этим не нарушаются основные принципы нравственности и справедливости;

2. что слова, сказанные с высоты Престола, что день 27 апреля знаменуется отныне, как день обновления нравственного облика земли Русской, как день возрождения ее лучших сил, — дают полное основание для проявления высокого права короны, права помилования, что равным образом нельзя забывать и того, что весьма и весьма многими избирателями, приславшими выборных и в Государственный Совет, были не только высказаны пожелания, но и даже даны поручения ходатайствовать пред Государем о помиловании или смягчении участи лиц, осужденных за участие в борьбе за право и свободу;
3. что такое ходатайство должно относиться к тем, которые, борясь за идеалы свободы, не смогли или не сумели согласовать эту борьбу с требованиями охраны общественного и государственного порядка, а потому и посягнули на основы права и их выражающие законы;
4. что на сем основании ходатайство о помиловании могло бы относиться: а) ко всем подвергнутым или подлежащим ответственности в порядке не судебном, а в административном, так как самый порядок их ответственности свидетельствует, что степень их виновности и опасность их деятельности, даже в глазах правительственных властей, не имеет такого значения, которое могло бы послужить основанием для

применения к ним всей строгости закона; б) ко всем, привлеченным к ответственности не в порядке судебном, так как это с несомненностью свидетельствует, что по отношению к ним не имеется достаточных доказательств и улик виновности; в) ко всем, подвергнутым суду и наказанию и привлеченным к судебной ответственности за политические преступные деяния, учиненные до 27 апреля путем печатного слова, устной пропаганды в собраниях, участия в преступных сообществах и т. п., коль скоро ими не были учинены тяжкие общие преступления, несовместимые с основными принципами нравственности: посягательство на жизнь частных или должностных лиц, поджоги, разбой, участие в посягательствах при помощи взрывчатых веществ и т. д., если, конечно, своим поведением при отбывании наказания они не заслужили снисхождения; г) ко всем тем участникам массовых преступлений, хотя бы и окончившихся тяжкими злодеяниями, относительно коих в приговорах судов или при самом предъявлении к ним обвинения будет признано, что они были простыми орудиями в руках вожаков, были обмануты ложными уверениями и слухами или действовали в доводящем почти до бессознательности массовом возбуждении, каковое признание и выразилось в относительной незначительности назначенных или угрожающих им наказаний. Если бы эти соображения были приняты, то самое изложение вопроса об амнистии в ответе должно быть обобщено, сокращено и поставлено в редакционную связь с другими частями ответа».

Представителем польского коло, И.О.Корвин-Милевским, было предложено включить в адрес следующие слова:

> «К светлому будущему Российского Государства, состоящего из разных народов, стремимся все, в непоколебимом убеждении, что взаимная справедливость и уважение национальных и территориальных особенностей доведут до взаимного доверия, воодушевят к созданию в ближайшем будущем сознательно сплоченного, крепкого и благоустроенного Российского Государства к счастию народов и славе Монарха».

Когда слово было предоставлено мне, я говорил, что спокойное осуществление в нашем государственном строе начал, возвещенных в манифесте 17 октября 1905 года, и умиротворение возбужденного в стране настроения возможны лишь при условии полной солидарности государственной власти с народным представительством, основанной на взаимном доверии. Указав далее на последние два акта государственной власти — опубликование основных законов и перемена кабинета министров, я развил подробно соображения, изложенные выше по поводу этих актов, и закончил свою речь следующим предложением:

> «Исходя из убеждения, что главнейшая из задач, предстоящих Государственному Совету, должна иметь своею целью содействовать установлению и укреплению необходимого взаимодействия государственной власти и народного представительства, я полагаю, что в ответном адресе на приветственное слово Его Императорского Величества Государственному Совету следует отметить те условия, которые необходимы для создания и обеспечения такого взаимодействия:

1. Принимая во внимание, что обнародованные 24 сего апреля основные государственные законы, включающие в себя законоположения, определяющие права и обязанности вновь образованных государственных представительных учреждений, могут подлежать пересмотру в Государственном Совете и Государственной Думе единственно по почину Государя Императора, желательно высказать в ответном адресе, что предоставление Его Императорским Величеством Государственному Совету и Государственной Думе в течение сессий 1906 г. права обсуждения этих законоположений и представления своих заключений явится актом, который внесет умиротворение в общественное настроение и обеспечит спокойную и правильную работу народных представителей.
2. Так как необходимые для правильного развития политической жизни страны единение и взаимодействие государственной власти с народным представительством возможны лишь на почве взаимного доверия, то в ответном адресе Государственному Совету следовало бы высказать, что главное условие для достижения указанной цели заключается в назначении в состав ответственного пред Его Императорским Величеством министерства лиц, пользующихся доверием большинства Государственной Думы».

Мое предложение вызвало большое оживление в собрании и продолжительные прения. Представители реакционных течений выступили с резкими возражениями, указывая, что передача на обсуждение Государственной Думы основных законов грозит большими опасностями, а возбуждение

вопроса о составе министерства явится вторжением в сферу ведения верховной власти. Некоторые из членов Государственного Совета по назначению, принадлежавшие к прогрессивному направлению, не возражали по существу моего заявления, но видели препятствия формального характера и, по-видимому, опасались включением предложенных мной указаний в адрес вызвать недовольство Государя. Я обращал внимание представителей последнего мнения, что в преобразованном Государственном Совете члены его по назначению являются членами законодательной палаты, призванными высказывать свободно свои убеждения, и что им обеспечена в этом полная независимость, так как ст. 9-ая учреждения Г.С. устанавливает, что члены по назначению увольняются только по их о том просьбам[34].

Совещание в этот день не приняло никаких заключений и продолжение его занятий было назначено на следующий день, к которому, согласно выраженному многими пожеланию, все внесенные 29 апреля предложения были отпечата-

34 По окончании совещания член Государственного Совета по назначению, генерал-адъютант П.П. Дурново, сказал мне, что я ошибаюсь в моём предположении, будто ст. 9-ая учреждения Государственного Совета обеспечивает несменяемость членов Государственного Совета по назначению. 11-ая ст. того же учреждения говорит, что состав присутствующих в Совете членов ежегодно публикуется, и таким путём могут быть исключаемы неугодные лица. Я не соглашался с таким толкованием значения 11-ой ст., но П.П. Дурново оказался прав; на 1 января 1907 г., он вместе с другими 3-мя членами Государственного Совета, не был включён в опубликованный список присутствующих членов. Вина этих лиц, по-видимому, заключалась в том, что они иногда при открытых баллотировках подавали свои голоса вместе с представителями прогрессивной группы членов Государственного Совета по выборам.

ны в виде выше приведенных тезисов. Как только началось второе частное совещание, слово попросил гр. С.Ю.Витте и высказался в том смысле, что такого рода совещания являются противозаконными, как непредусмотренные учреждением Государственного Совета, и потому находил продолжение их неправильным и нежелательным. К заявлению гр. С.Ю.Витте поспешили присоединиться некоторые правые члены Государственного Совета. Председатель совещания заявил, что частное совещание было созвано по инициативе членов Совета и что накануне такое предположение не вызвало никаких возражений, но если против таких совещаний возникает протест со стороны членов Г.Совета, то он, председатель, не считает возможным в таких совещаниях председательствовать и их созывать. Чем было вызвано заявление гр. С.Ю.Витте и какими целями он при этом руководился, уяснить себе трудно, но в результате частные совещания всех членов Г.Совета прекратились.

Однако потребность общения и обмена мнениями сознавалась многими, и тотчас после прекращения общих совещаний организовались совещания всех более или менее прогрессивно настроенных членов Государственного Совета. Эти собеседования происходили в доме дворянства в зале, предназначенной для чайного буфета, и во время их продолжалось обсуждение вопросов, связанных с составлением проекта адреса. Впечатления, вынесенные мной из всех этих совещаний, были не утешительные. Состав Г.Совета в подавляющем его большинстве представлялся мне мало работоспособным. Очень значительную группу представляли правые, реакционные элементы, в среде которых было немало членов по выбору, но преобладали члены по назначению. Если присутствие этих элементов среди

выборных членов могло объясняться их избранием сословными собраниями, то назначение в состав Г.Совета лиц, относившихся открыто и определенно отрицательно к преобразованию государственного строя на началах, возвещенных манифестом 17 октября, представлялось трудно объяснимым и свидетельствовало о неискренности государственной власти. Если проведение в жизнь новых начал признавалось государственной властью необходимым, то почему же ею к разрешению этой сложной задачи привлекались люди, не сочувствовавшие этой задаче? Для укрепления новых установлений, несомненно, должно было иметь особо важное значение обеспечение принципиальной солидарности между обеими законодательными палатами, при которой не могли бы иметь место принципиальные столкновения и разногласия и при которой вторая палата, обладая большим государственным опытом, считала бы своею ближайшею обязанностью доброжелательно умерять размах законодательной инициативы первой палаты, поддающейся иногда в своем стремлении к свободе и к изменению социального строя влиянию некоторого увлечения. Назначение же в Государственный Совет большого числа членов, заведомо враждебных новому строю, могло лишь усилить рознь между Г.Думой и Г.Советом и исключало возможность создания их взаимодействия.

Но и среди членов, сочувствовавших государственному обновлению или признававших его необходимость и составлявших большинство Государственного Совета, было много лиц, не сознававших в должной мере значения переживаемого страной исторического момента и не оценивавших правильно общественного настроения и стремлений общества. Кроме того, многие участники этой группы, особенно

из числа членов по назначению, опасались решительного выступления на путь необходимых широких реформ и склонны были считаться преимущественно с тем, как посмотрят на их образ действий в Петергофе или в Царском Селе. Нерешительность и опасения этой группы проявлялись еще в большей мере при выступлениях немногочисленных представителей конституционно-демократической партии, которые нередко в совещаниях членов Государственного Совета придерживались усвоенных вообще к.-д. воинствующей тактики и вызывающего тона.

В происходивших совещаниях вскоре выяснилось, что внесенные мной предложения, не встречая возражений по существу, тем не менее не находят поддержки со стороны большинства. По вопросу об амнистии большинство склонилось к формулировке вопроса, предложенной Н.С.Таганцевым. В заключение был выработан проект адреса, одобренный большинством участников совещания. Этот проект за подписью 33 лиц было решено представить в общее собрание Государственного Совета. Д.И.Багалеем, А.А. Шахматовым и некоторыми другими лицами был составлен особый проект, существенным отличием которого являлись — включение ходатайства о полной амнистии и указания на то, что правительство должно пользоваться доверием большинства Государственной Думы. Я присоединился к проекту большинства и отказался от мысли внести мои предложения на обсуждение Государственного Совета, так как было очевидно, что провести их нет никакой надежды, а отклонение их Советом, вместо сближения его с Государственной Думой, что я ставил себе главною целью, могло бы послужить скорее поводом для обострения отношений между двумя палатами.

Обсуждение адреса в Государственном Совете заняло 3 заседания — 3, 4 и 5 мая. В первом заседании для составления проекта адреса была избрана комиссия в составе 18 лиц и было решено никаких предварительных указаний комиссии не давать, но передать в комиссию все проекты, представленные отдельными группами членов Совета. Кроме указанных выше двух проектов, в комиссию был внесен третий проект четырьмя ее членами, принадлежавшими к числу правых. На следующий день Государственному Совету были представлены 3 проекта: 1) принятый большинством комиссии в числе 13 лиц, 2) предложенный меньшинством — 4 лицами, и 3) внесенный членом комиссии Д.И.Багалеем. Основой первого варианта послужил проект 33-х членов Г.Совета. Второй проект начинался с указания, что «Государственный Совет поставляет себе священным долгом всемерно охранять непоколебимость Верховной Самодержавной власти», а в конце говорилось: «С негодованием смотрят русские люди на безумные попытки насильственно, вопреки воле народа, ниспровергнуть весь существующий государственный и общественный строй. С ужасом отворачиваются они от неслыханных злодеяний, направленных против всех верных присяге должностных лиц, и не находят слов для осуждения преступной деятельности, имеющей целью повергнуть наш мирный народ на путь всякого рода своеволия и насилий». Третий проект соответствовал проекту, предложенному Д.И.Багалеем в частном совещании членов Г.Совета.

4 мая происходившие прения сосредоточились, главным образом, на вопросе о включении в ответное слово Государственного Совета на речь Государя указания на желательность амнистии или помилования в том или ином

объеме. Принципиальными противниками амнистии высказались многочисленные представители правых, с Ф.Д.Самариным во главе, и к ним же присоединился гр. С.Ю.Витте. Д.И.Багалей, А.А.Шахматов и В.И.Вернадский поддерживали предложение 3-го проекта, в котором возбуждалось ходатайство о полной амнистии. Большую речь произнес Н.С.Таганцев, с убедительностью развивший положения, формулированные им 29 апреля в частном совещании всех членов Гос.Совета. С возражениями на речи правых и особенно на речь Ф.Д.Самарина выступил и я. Я охарактеризовал проект 4-х членов комиссии, как проект боевой, который влечет Гос.Совет на путь борьбы с Госуд.Думой и со всем освободительным движением. Проект этот дышит отрицательным отношением ко всем великим событиям последнего времени. Провозглашая непоколебимость самодержавия, адрес отождествляет этот принцип с понятием неограниченности, тогда как сам Царь признал необходимым разделить законодательную власть с народным представительством и исключить эпитет «неограниченный» из основных законов. В проекте указывается на необходимость сильной власти, и с этим нельзя не согласиться, но сильна не та власть, которая опирается на репрессии, а та, которая объединена с населением и опирается на свой нравственный авторитет. Такая власть должна отказаться от постоянной борьбы с обществом. Только вступив на путь примирения, можно обновить нашу государственную жизнь, только таким путем возможно внести в страну умиротворение; довольно злобы, довольно ненависти.

5 мая заседание Государственного Совета началось речью председателя комиссии А.С.Ермолова, отстаивавшего проект большинства, и затем этот проект был предложен

председателем Совета первым на баллотировку, причем в пользу его было подано 92 голоса против 47, и 9 членов воздержались от голосования. По одобрении этого проекта в общем, было приступлено, как это было предрешено ранее, к его рассмотрению по частям. При втором чтении в проект были внесены некоторые редакционные поправки, не изменявшие характера адреса, но когда очередь дошла до той части адреса, в которой говорилось об амнистии тех, «кои в неудержимом стремлении к скорейшему достижению желанной свободы нарушили грани, законом поставленные, но не посягнули при этом на чужую жизнь и имущество, а также не вовлекли в эти преступления других», тогда Ф.Д.Самариным была предложена поправка, которая вносила существенное изменение. Указав, что Государственный Совет ходатайствует о помиловании только тех лиц, которые добивались ниспровержения существующего строя, Ф.Д.Самарин говорил, что наряду с этими лицами существует значительная категория таких, которые преступили грани закона, совершив преступления в борьбе за Царя, за тот строй, в котором мы жили, и предложил к словам: «в неудержимом стремлении к достижению желанной свободы» добавить: «или в борьбе за охрану порядка». С.С.Манухин поспешил выяснить, что в адресе идет речь о преступлениях политических, а в этой категории нет и не могло быть таких лиц, на которые указывал Ф.Д.Самарин. В адресе имеется в виду нарушение закона в области идейной борьбы, но такое положение, чтобы была идейная борьба за старые порядки и чтобы лица, за них боровшиеся, могли быть привлечены к ответственности, невозможно. Другое дело — бездействие или превышение власти; это специальное преступление, не имеющее ничего общего с идейной

борьбой. С своей стороны, возражая Ф.Д.Самарину, я также указывал, что таких лиц, которых он имеет в виду, не существует; лиц, которые понесли бы кару за борьбу против освободительного движения, нет и не могло быть. Автор предложения вносит его с исключительной целью изменить смысл и характер этой части адреса. В заключение я высказал надежду, что предлагаемая поправка, стремящаяся к коренному изменению характера адреса, будет отвергнута, так как адрес при первом чтении был уже принят большинством более двух третей голосов. Однако при баллотировке предложенная поправка была принята большинством 88 голосов против 48. Такой результат голосования явился совершенно неожиданным и трудно объяснимым. Можно предположить, что некоторые члены Гос.Совета не считали удобным высказаться открыто отрицательно по вопросу об амнистии, но в то же время они не относились к нему с искренним сочувствием и вследствие этого вотировали за поправку Ф.Д.Самарина. Очень вероятным представляется также, что некоторые лица, недостаточно устойчивые в своих взглядах и убеждениях, подавая свои голоса, находились под влиянием резких прений, происходивших в предыдущий день в Государственной Думе, и были возмущены характером и тоном принятого Гос.Думой текста адреса. По принятии Государственным Советом текста всеподданнейшего адреса, дальнейшие занятия Совета были прерваны на продолжительное время за отсутствием вопросов, подлежавших его обсуждению.

Во время моего пребывания в Санкт-Петербурге я часто посещал заседания Государственной Думы. Резко обозначившаяся отчужденность правительства от народного представительства, несомненно, многим содействовала все

большему возбуждению настроения Государственной Думы. В то же время представители руководящей в Гос.Думе конституционно-демократической партии подпадали все более и более под влияние многочисленных союзников своих на левом крыле, что особенно отчетливо проявилось при обсуждении и составлении адреса Думы в ответ на приветственные слова Государя. Составленный под гнетом влияния левых партий адрес не соответствовал нормальному обращению народного представительства к конституционному монарху, и имел скорее характер предъявления Верховной власти ультимативных требований. Затем Гос.Дума сделала антиконституционный шаг, остановившись на решении представить Государю свой адрес через особо избранную депутацию. Таким приемом создавалось следующее положение: приняв депутацию, Государь тем самым, как бы, изъявлял согласие принять изложенную в адресе программу, а в случае отказа в приеме депутации Гос.Думы население страны могло усмотреть в нем нежелание Монарха вступать в сношения с народным представительством. Отсутствие между правительством и Государственной Думой взаимного понимания и отсутствие с обеих сторон желания и готовности вступить в доброжелательное соглашение предвещали неизбежность близкого конфликта, который и проявился резко 13 мая после прочтения в Государственной Думе председателем совета министров декларации правительства в ответ на представленный Его Величеству Государственной Думой адрес. Если редакция и тон адреса не отвечали элементарным требованиям политического такта, то характер и язык правительственной декларации свидетельствовали о полном неуважении власти к народному представительству и исключали возможность совместной дальнейшей деятель-

ности. Правительство, как бы, не признавало прав, предоставленных Государственной Думе высочайшим манифестом 17 октября 1905 года, и его декларация имела подобие высокомерного наставления подчиненному правительственной власти учреждению. После оглашения правительственной декларации и после бурных сцен, разыгравшихся в заседании Государственной Думы 13 мая, представлялось несомненным, что единственный выход из создавшегося и все более обострявшегося положения заключается в образовании кабинета министров, состоящего из лиц, пользующихся доверием большинства Государственной Думы.

Имея в виду значительный перерыв в занятиях Государственного Совета, я возвратился в Москву, а в конце мая месяца, пользуясь свободным временем и по совету врачей, отправился на одесский лиман, откуда по окончании курса лечения вернулся в Москву 23 июня.

Глава XIII

Предположения об образовании коалиционного кабинета перед роспуском Государственной Думы первого созыва.

В Москве я получил извещение, что на 27 июня назначено рассмотрение в Государственном Совете поступившего из Государственной Думы законопроекта об отмене смертной казни, и 25 числа выехал в Санкт-Петербург. По приезде посетивший меня вскоре Н.Н.Львов передал мне приглашение П.А.Столыпина побывать у него для переговоров по очень важному вопросу и в оживленной беседе Н.Н. ввел меня в курс предположений П.А.Столыпина, с которыми и сам Н.Н. вполне был согласен.

Все более и более обостряющиеся отношения между правительством и Государственной Думой и вызывающее положение, занимаемое последней, говорил Н.Н.Львов, приводят П.А.Столыпина к убеждению в необходимости роспуска Думы. Но, приходя к такому заключению, П.А. Столыпин оценивает все значение этого опасного шага и признает, что он не может быть сделан настоящим правительством с И.Л.Горемыкиным во главе, не пользующимся надлежащим авторитетом, и полагает, что роспуск Думы должен быть произведен обновленным правительством, имеющим во главе общественного деятеля, пользующегося доверием в широких кругах общества, и таковым лицом П.А. считает меня. Государь одобряет предположения П.А. Столыпина и поручил ему со мной переговорить. Относясь совершенно отрицательно к мысли о роспуске Государственной Думы, я сказал Н.Н.Львову, что не нахожу возможным принять какое-либо участие в осуществлении пред-

положений П.А.Столыпина и потому считаю не желательным и лишним вступать с ним по этому поводу в переговоры, о чем и просил довести до его сведения. В течение того же дня мне пришлось встретиться и беседовать со многими членами Государственного Совета и Государственной Думы и к удивлению моему я увидел, что многие считают возложение на меня поручения образовать новый кабинет вопросом предрешенным. Не желая давать с своей стороны повода для укрепления такого рода слухов, я решил на следующий же день по окончании заседания Гос.Совета выехать обратно в Москву, о чем в разговорах и говорил многим из своих знакомых.

Утром 27-го я был вызван к телефону из Петергофа князем Орловым, сообщившим мне, что 28 числа в 6 ч. дня я буду принят Его Величеством, а затем получил от него же телеграмму, подтверждающую приглашение, с указанием железнодорожной станции, на которой меня будет ожидать экипаж. Вслед затем Н.Н.Львов вновь передал мне просьбу П.А.Столыпина посетить его в этот же день в 11 ч. вечера и я, имея в виду полученный мной вызов в Петергоф, счел полезным переговорить предварительно с П.А.Столыпиным и принял его приглашение. К 11 ч. в. Н.Н.Львов и я отправились на дачу министра внутренних дел на островах. Вскоре туда же прибыл по приглашению П.А.Столыпина министр иностранных дел, А.П.Извольский, после чего началась наша беседа.

П.А.Столыпин, повторив то, что мне уже было сообщено Н.Н.Львовым, очень резко отзывался о неработоспособности Государственной Думы, о выступлениях ее отдельных членов, доказывал необходимость ее роспуска и просил меня высказать мое отношение к этому предположению. Я

сказал, что, согласно моим убеждениям и моему пониманию современного положения, роспуск Думы в настоящее время представляется мне актом несправедливым и даже с политической точки зрения преступным, и добавил, что во всяком случае не считаю возможным принять участие в его осуществлении. Я не привожу здесь высказанных мной при этом соображений, так как они будут изложены подробно ниже при сообщении об аудиенции в Петергофе.

Все высказанное мной относительно роспуска Думы, вступая в противоречие с сложившимся уже у П.А.Столыпина определенным мнением, видимо производило на него неприятное впечатление, и он перевел речь на вопрос об образовании коалиционного кабинета под моим председательством. В состав коалиционного кабинета, по его предположению, должны были войти приглашенные мной общественные деятели и представители бюрократических кругов, в лице некоторых членов настоящего кабинета, причем в числе последних, кроме министров двора, военного и морского, П.А. дал понять, что он имеет в виду себя и А.П.Извольского. Я выразил сомнение, чтобы образованный указанным путем коалиционный кабинет мог пользоваться надлежащим авторитетом в глазах народного представительства и создать необходимое взаимодействие между правительством и Государственной Думой. Оставляя в стороне вопрос об участии в обновленном кабинете представителей старого государственного строя и того впечатления, которое это участие может оказать на Думу, я говорил, что не могу рассчитывать на согласие вступить в состав предполагаемого кабинета представителей руководящего большинства Государственной Думы, а без их участия кабинет не может найти необходимую ему опору в народ-

ном представительстве. Я не могу не сознавать, что пользуюсь известным авторитетом и доверием в земских кругах, но за последнее время, при постановке на очередь вопроса о преобразовании нашего государственного строя, в земской и городской среде наметились два течения, причем я присоединился к сравнительно незначительному меньшинству. Н.А.Хомяков про себя и про меня отчасти верно говорит, что мы оба после манифеста 17 октября 1905 г. стали конституционалистами по высочайшему повелению. Хотя в настоящее время, я в силу сложившихся обстоятельств признаю безусловно необходимым возможно полное и безотлагательное проведение в жизнь конституционных начал, возвещенных 17 октября, и всеми силами готов этому содействовать, но, однако, мне представляется несомненным, что если в образованный мной кабинет мне удастся привлечь только своих единомышленников, как например: граф П.А.Гейден, князь Г.Е.Львов, то такой кабинет встретит в Государственной Думе такое же отношение, как и кабинет И.Л.Горемыкина, причем этот новый кабинет, конечно, не может искать поддержки в традициях старого строя и будет поставлен в необходимость в самом скором времени, при неизбежном столкновении с Думой, подать в отставку. Затем я указал, что при данном составе Думы во вновь образуемый кабинет должны быть непременно привлечены представители конституционно-демократической партии, а для этого поручение образования кабинета следовало бы возложить на одного из лидеров этой партии. А.П.Извольский, по-видимому, выслушивал мои заявления сочувственно, не возражал на них и лишь высказал предположение, что мне удастся убедить представителей к.-д. партии войти в состав коалиционного кабинета и, обращаясь

к П.А.Столыпину, сказал: «что касается нашего участия, то вопрос этот мы должны предоставить вполне свободному решению Дмитрия Николаевича». П.А.Столыпин, сделав вид, будто и он присоединяется к последним словам А.П. Извольского, возражал на высказанное мной по существу, не считал возможным и слишком рискованным образование кабинета из представителей партии к.-д. и настаивал на необходимости роспуска Гос.Думы. В то же время П.А. сообщил, что он приглашал к себе П.Н.Милюкова, говорил с ним о вероятной перемене кабинета и П.Н.Милюков дал понять, что он не уклонится от поручения образовать кабинет, если такое предложение ему было бы сделано. В заключение П.А.Столыпин сказал, что вопрос об образовании нового кабинета может быть разрешен только Государем и что мои соображения по этому вопросу я буду иметь возможность представить Его Величеству, так как имеется предположение назначить мне на завтра аудиенцию в Петергофе. Очевидно П.А.Столыпину было неизвестно, что приглашение мной уже получено, и я счел лишним сообщить ему об этом, раз вызов мой состоялся не при его посредстве. На этом закончилась наша беседа, затянувшаяся до 3-х часов утра. При прощании П.А.Столыпин и А.П. Извольский просили меня поделиться с ними впечатлениями после предстоявшей мне аудиенции, на что я выразил полную готовность.

На следующий день, считая своим долгом перед поездкой в Петергоф выяснить определенно отношение представителей к.-д. партии к мысли о возможности образования коалиционного кабинета, я просил графа П.А.Гейдена повидаться с П.Н.Милюковым, так как я лично был мало с ним знаком, а сам в этот же день имел продолжительную беседу

с С.А.Муромцевым. Граф Гейден, как между нами было условлено, при свидании с П.Н.Милюковым не говорил об обращении ко мне П.А.Столыпина и о предстоявшей мне аудиенции, а спросил его, как относятся он и политическая группа, к которой он принадлежит, к слухам и предположениям об образовании коалиционного кабинета под моим председательством и согласился ли бы он принять участие в таком кабинете. П.Н. ответил категорически, что он, стоя строго на почве принципа парламентаризма, находит такую комбинацию безусловно неприемлемой, что, по его убеждениям, новый кабинет должен быть образован исключительно из лиц, принадлежащих к руководящему большинству Государственной Думы, и дал понять, что считает в этом смысле вопрос уже в сферах предрешенным, и готов принять на себя составление кабинета, как только такое поручение будет ему сделано.

С.А.Муромцеву, с которым меня связывали близкие, товарищеские отношения, я рассказал откровенно и подробно о беседе моей с министрами и о предстоящей поездке в Петергоф. Образование коалиционного кабинета из к.-д. и стоящих правее их общественных деятелей мне представлялось актом, наиболее отвечающим обстоятельствам переживаемого времени, но главным, если не исключительным к этому препятствием являлось несогласие на эту комбинацию со стороны лиц, являвшихся руководителями конституционно-демократической партии. Исходя из этого убеждения, я приложил все возможные старания, чтобы повлиять на С.А.Муромцева и заручиться его содействием. Я обращал его внимание на то, что сформирование коалиционного министерства, по-видимому, отвечает намерению Государя и будет встречено сочувственно в влиятельных сферах,

ныне отрицательно относящихся к народному представительству, что такой состав кабинета может объединить в стране все общественные прогрессивные круги, и освободит к.-д. от союза с крайними, не государственными элементами. Участие в кабинете бюрократического элемента и в частности П.А.Столыпина должно, конечно, быть исключено. Главенство в кабинете должно быть предоставлено непременно кому-либо из представителей к.-д. партии и, конечно, самым авторитетным и желательным председателем, по глубокому моему убеждению, является сам С.А. Муромцев и его председательство обеспечивало бы кабинету необходимое ему доверие Государственной Думы. Я просил С.А-ча переговорить с П.Н.Милюковым и другими влиятельными лицами партии и постараться убедить их в целесообразности и необходимости принятия предлагаемой комбинации. Однако, все мои убеждения и просьбы оказались напрасными и С.А. отказался содействовать образованию коалиционного кабинета. Он соглашался с правильностью моих соображений по существу, но не считал возможным повлиять на изменение уже вполне и окончательно сложившегося среди к.-д. отношения к данному вопросу и говорил, что П.Н.Милюков уже чувствует себя премьером. К своему личному участию в кабинете в качестве премьера и министра юстиции он отнесся совершенно отрицательно. По мнению С.А-ча, ввиду господствующего в стране возбужденного настроения в широких кругах населения и воспитанного в обществе политикой правительства вообще отрицательного отношения к государственной власти, никакой состав вновь образованного министерства при переживаемых условиях не может рассчитывать в ближайшем времени на спокойную и продуктивную государственную

деятельность и не сможет сохранить свое положение более или менее продолжительное время. Неизбежны революционные вспышки, против которых правительство будет поставлено в необходимость принимать строгие, репрессивные меры, а это вызовет несомненно недовольство в общественных кругах и лишит власть необходимой ей поддержки со стороны общества. В тоже время С.А. был согласен со мной относительно условий, исключающих возможность образования кабинета под моим председательством, т.е. предрешенное отрицательное отношение к.-д. партии к участию ее членов в коалиционном кабинете и неизбежный в ближайшем же времени конфликт его с Государственной Думой. Таким образом переговоры с С.А.Муромцевым и сведения, сообщенные графом П.А.Гейденом о его беседе с П.Н.Милюковым, подтвердили правильность соображений, изложенных мной накануне вечером у П.А.Столыпина.

В Петергоф я направился, как мне было указано князем Орловым, по железной дороге. При проезде в экипаже со станции ж.д. парком ко дворцу тяжелое впечатление производили очень часто стоявшие пешие и конные чины охраны и во время пути несколько раз сидевший на козлах камер-лакей предъявлял письменный пропуск. По приезде во дворец один из камер-лакеев проводил меня в приемную, в которой не было дежурного флигель-адъютанта, и обо мне доложил Государю его камердинер. Из приемной я был введен в кабинет, где Государь принял меня очень милостиво и просто. Сев за свой письменный стол, Государь пригласил меня занять кресло против себя по другую сторону стола и, открыв портсигар, спросил курю ли я, на что я с благодарностью ответил отрицательно. Государь, сказав, что ему известно о моей поездке на одесский лиман, спра-

шивал о моем там пребывании и затем о моей семье. Своим милостивым и простым отношением Государь, как мне казалось, хотел подготовить меня, чтобы я затем чувствовал себя свободнее при изложении моих соображений, и это впечатление очень меня ободрило.

Приступая к беседе, Государь сказал: «Вы оказались настоящим пророком. На совещании под моим председательством в Царском вы предупреждали о том, какого характера будет представительство от крестьян, если им будет предоставлено право особого избрания членов Думы. Ваши слова оправдались. Я помню ваше указание, но не помню, как вы его мотивировали. Прошу вас повторить высказанные вами тогда соображения». Я повторил все, высказанное мной на совещании 5 декабря 1905 г. о вреде классовой группировки избирателей вообще и особенно о вреде обособленности крестьянской и рабочей курий, и добавил, что представители правительства, отстаивавшие эту избирательную систему, были, по-видимому, мало знакомы с современным настроением народа. Со времени освобождения крестьян от крепостной зависимости самосознание крестьянства получило большое развитие и о прежних патриархальных отношениях нет и помина. Положение о земских начальниках, созданное для укрепления сильной власти на местах и в целях поддержания в деревне патриархальных отношений, дало диаметрально противоположные результаты; оно воспитало в населении сознание недостаточности и необеспеченности его прав и отрицательное отношение к представителям власти и к привилегированному сословию.

Выслушав мои объяснения, Государь сказал, что ему известно о моей беседе с П.А.Столыпиным и А.П.Изволь-

ским и о моем отрицательном отношении к мысли о роспуске Государственной Думы, и предложил высказать мои соображения по этому вопросу. Прежде всего, сказал я, я не вижу определенного конституционного повода для такого акта. Если между Государственной Думой и правительством возникло бы принципиальное разногласие на почве какого-либо существенного законопроекта, тогда роспуск Думы явился, как бы, апелляцией к стране, которая путем новых выборов должна была бы высказаться по данному спорному вопросу, но до сих пор такое разногласие не имело места. Ненормальные отношения между Думой и правительством проявляются, главным образом, на почве совершенно различного понимания высочайшего манифеста 17 прошлого октября. Дума, а с ней и вся страна понимают этот акт, как несомненный переход к новому конституционному государственному строю, а правительство совершенно иначе оценивает значение этого акта и держится традиций и приемов прежнего времени. При таком условии роспуск Думы и назначение новых выборов поставит перед избирателями вопрос: желает ли страна осуществления прав, дарованных ей Вашим Величеством манифестом 17 октября, или желает она вернуться к старому строю? После этих слов Государь остановил меня и сказал: «об этом не может быть речи», и мне показалось, что в голосе Государя звучало недовольство допущенным мной предположением. В таком случае, продолжал я, как может страна понять роспуск Думы и отнестись к новым выборам? Кроме этих соображений принципиального характера, я остановился на практической стороне вопроса, на рассмотрении вероятных результатов новых выборов. Если первые выборы, говорил я, при действующем избирательном законе дали очень левый состав

Думы, то вторичные выборы, произведенные после роспуска Думы при указанных условиях и на основе того же положения о выборах, дадут, несомненно, состав Думы гораздо более левый и тем еще более будет затруднено создание столь необходимого взаимодействия между правительством и народным представительством. Впрочем, добавил я, может быть, Ваше Величество имеете в виду одновременно с роспуском Думы произвести некоторое изменение в положении о выборах. «Об этом также не может быть речи» — сказал Государь и мне вновь послышалось его недовольство.

Коснувшись причин, вызывающих мысль о роспуске Думы, я признавал, что присутствие в Думе значительного левого крыла отражается вредно на ее настроении, получившем свое выражение как в резком выступлении отдельных ее членов, так и особенно в неуместном тоне представленного Думою адреса. Однако, едва ли можно признать Думу в общем ее составе не работоспособной и притом нельзя не принять во внимание некоторые условия, не зависящие от самой Думы, но крайне неблагоприятно на нее повлиявшие. Состав Думы является последствием недостатков избирательной системы, построенной на основе классовой группировки избирателей. Затем нельзя не принять во внимание то недоверие, которое систематически и постоянно проявлялось правительством к развитию общественной самодеятельности, к органам общественного самоуправления и ко всем общественным организациям, а также и то, что во всей стране в течение более 30-ти лет применяется положение об усиленной и чрезвычайной охранах, которое и после манифеста 17 октября остается в силе. Эти условия не могли подготовить население к участию в государственной работе, а воспитывали в нем лишь отрицательное отношение

к системе правительственного управления, и это настроение невольно явилось преобладающим среди членов Думы. Настроение, в котором собралась Дума, могло бы быть вскоре же ослаблено и умиротворено, если к началу деятельности законодательных учреждений правительством были бы представлены законопроекты, имеющие целью широкое проведение в жизнь начал, возвещенных манифестом 17 октября, и если бы правительство проявило при этом искреннюю готовность осуществить новый порядок в доброжелательном сотрудничестве с народным представительством. Но к открытию сессии правительством не было представлено никаких законопроектов и Г.Дума не получила материала для безотлагательного приступа к положительной законодательной деятельности. В то же время правительство ничем не проявило признания, что с открытием Г.Думы вступает в силу новый государственный порядок, не проявило желания установить нормальные отношения между административной властью и народным представительством, а продолжает держаться прежних традиций, которые получили особенно определенное выражение в правительственной декларации 13 мая и в правительственном сообщении 20 июня по аграрному вопросу. Все эти условия не могли не создать крайне ненормальное положение, которое, однако, может быть исправлено, если правительство изменит свою тактику и сочтет своей непреложной обязанностью вступить определенно на новый путь, начертанный в манифесте 17 октября.

Государь сказал, что П.А.Столыпин сообщил ему, что я не нахожу возможным принять поручение сформировать коалиционный кабинет и предложил мне высказаться по этому поводу. Я отвечал, что образование коалиционного

министерства из лиц, принадлежащих к различным общественным группам, по моему убеждению, отвечало бы вполне потребностям времени и могло бы создать объединение всех общественных элементов, столь необходимое при переходе политической жизни страны от старого к новому строю. Но к сожалению сейчас мысль о таком коалиционном кабинете встречает отрицательное к себе отношение со стороны наиболее многочисленной и влиятельной партии конституционалистов-демократов. Я доложил Его Величеству о переговорах по этому вопросу с С.А.Муромцевым и П.Н.Милюковым и сообщил их отзывы, исключающие возможность предположения, чтобы кто-либо из влиятельных членов этой политической группы согласился войти в состав коалиционного кабинета, а без участия в нем представителей руководящего большинства Г.Думы такой кабинет встретит, несомненно, отрицательное к себе отношение Думы и не сможет сколько-нибудь продолжительное время оставаться у власти. Положение, занятое по отношению к этому вопросу к.-д. партией, по-видимому, особенно укрепилось после переговоров П.А.Столыпина с П.Н.Милюковым. В настоящее время и при сложившихся условиях возможно образование кабинета только из представителей большинства Государственной Думы. Оппозиционный дух, который в настоящее время ярко проявляется среди к.-д. партии, не может внушать серьезных опасений. Такой характер ее в значительной мере обусловливается занимаемым ею положением безответственной оппозиции. Но если представители партии будут привлечены к осуществлению правительственной власти и примут на себя тяжелую ответственность, с ней сопряженную, то нынешняя окраска партии, несомненно, изменится и представители ее, вошед-

шие в состав кабинета, сочтут своим долгом значительно ограничить требования партийной программы при проведении их в жизнь и уплатят по своим векселям, выданным на предвыборных собраниях, не полностью, а по 20 или 10 копеек за рубль.

Государь изъявил желание услышать пояснение, как понимаю я предполагаемую расплату по векселям к.-д. партии, и предложил мне в этом отношении высказаться по следующим пяти вопросам, затронутым в адресе Г.Думы: отмена смертной казни, политическая амнистия, аграрный вопрос, равноправие всех национальностей и автономия Царства Польского. Вопрос об отмене смертной казни, отвечал я, уже рассмотрен Г.Думой; соответствующий законопроект ею составлен, поступил в Г.Совет и, в случае согласия с ним Совета, будет представлен на благовоззрение Вашего Величества. По второму вопросу, я полагал, что к.-д. удовлетворятся предоставлением политической амнистии всем тем, которые в стремлении к скорейшему достижению свободы нарушили грани, поставленные законом, но при этом не посягали на чужие жизнь и имущество. Что касается аграрного вопроса, то я высказал предположение, что к.-д. прежде всего исправят ошибку положения 19 февраля 1861 г. и обеспечат за счет государства дополнительными наделами всех крестьян, получивших дарственные наделы, и затем организуют возможно широкое содействие крестьянству со стороны государства в покупке частновладельческих земель, прибегая к принудительному их отчуждению лишь в исключительных, безусловно необходимых случаях. Вопрос об уравнении пред законом всех граждан, независимо от их вероисповедания и национальности, сказал я, уже предрешен Вашим Величеством по докладу графа Витте, сопро-

вождавшему манифест 17 октября. Наконец, вопрос об автономии Царства Польского, вероятно, может быть разрешен путем предоставления его населению широкого местного самоуправления и широких прав национальной польской культуре. Представив эти пояснения, я счел долгом оговорить, что все сказанное мной является моими личными предположениями, мне представляющимися вероятными. В заключение я добавил, что если представители к.-д. партии были бы призваны к власти, то весьма вероятно, что в ближайшем времени они признали бы необходимым распустить Государственную Думу и произвести новые выборы, с целью освободиться от многочисленного левого крыла и создать палату из сплоченных прогрессивных элементов страны. Государь, как мне казалось, был удовлетворен представленными мной пояснениями и спросил, кто из членов конституционной демократической партии пользуется в ней большим авторитетом и более способен к руководящей роли? Отвечая на этот вопрос, я высказал следующие мысли. Самым влиятельным членом к.-д. партии, бесспорно, нужно признать П.Н.Милюкова и, хотя он не состоит членом Г.Думы, тем не менее, он является действительным лидером к.-д. фракции. Отдавая должную дань его способностям, его талантам и его научной эрудиции, мне в то же время думается, что он по своему жизнепониманию преимущественно рационалист, историк-позитивист, но в нем слабо развито религиозное сознание, т.е. сознание лежащего на человеке нравственного долга, как пред Высшим Началом, так и пред людьми. Ввиду этого, я думаю, если П.Н.Милюков был бы поставлен во главе правительства, то едва ли он всегда в основу своей деятельности полагал требования нравственного долга и едва ли его политика

могла бы содействовать столь необходимому духовному подъему в населении страны. В то же время П.Н.Милюков человек очень властный; он слишком самодержавен[35], и если он будет поставлен во главе министерства, то можно опасаться, что он будет подавлять своих товарищей, а это может неблагоприятно отозваться на их самостоятельности. Присутствие П.Н.Милюкова в кабинете на посту министра внутренних дел или министра иностранных дел будет очень полезно и даже необходимо, если в состав кабинета будут призваны вообще представители к.-д. партии, но на посту председателя желательно было бы видеть С.А.Муромцева, человека высоко-морального настроения. В это время Государь сказал: «Я вынес самое хорошее впечатление из знакомства с С.А.Муромцевым и отношусь к нему с полным уважением». С.А.Муромцев, как председатель Г.Думы, продолжал я, пользуется общепризнанным авторитетом и его появление на посту главы кабинета будет приветствовано в широких кругах общества, не только в среде к.-д. партии. Обладая сильною волей, С.А. в то же время отличается большим тактом и мягкостью характера. Будучи председателем кабинета, он сумеет обеспечить всем его членам необходимую самостоятельность и при его главенстве участие в кабинете П.Н.Милюкова будет особо полезно. На это Государь сказал: «Да, таким образом, может установиться правильное соотношение умственных и духовных сил».

После этих слов Государь дал понять, что аудиенция кончена, и я, вставая, обратился к Его Величеству с прось-

35 Это слово вырвалось у меня случайно, необдуманно, о чем я очень сожалею.

бой извинить меня, если я невольно сказал в своих речах что-либо лишнее или что могло быть Государю неприятно, я считал себя обязанным, раз Его Величеству угодно было меня выслушать, высказать откровенно все, что считал своим долгом. Государь, подавая руку, сказал: «Я очень рад, что вы говорили свободно; я видел, что вы говорили, не стесняясь, и очень вам благодарен». Аудиенция продолжалась более часа. Возвращаясь в Санкт-Петербург, я чувствовал себя в бодром настроении; я был счастлив, что имел случай высказаться так откровенно пред Государем, и был глубоко тронут оказанным мне доверием и вниманием.

На следующий день утром я посетил А.П.Извольского и рассказал ему о всем происходившем на вчерашней аудиенции. А.П. выслушал меня с большим интересом, находил основательными и правильными все изложенные мной соображения и сказал, что, по дошедшим до него слухам, Государь сочувственно относится к изложенным мной мыслям и предположениям. Считая вероятным, что в ближайшее время С.А.Муромцев будет приглашен в Петергоф, А.П.Извольский советовал мне предупредить С.А-ча, на что я ответил, что считаю это совершенно необходимым и от А.П.Извольского направился к С.А.Муромцеву.

Я сообщил С.А-чу во всех подробностях все, что мной было доложено Государю и изложено выше. Пока я приводил высказанные мной на аудиенции соображения относительно роспуска Г.Думы, невозможности при сложившихся обстоятельствах образования коалиционного министерства и желательности сформирования кабинета из представителей к.-д. партии, С.А. неоднократно выражал свое полное сочувствие и одобрение моему образу мыслей и действий, но когда я перешел к вопросу о лице, на которое должно

быть возложено поручение составления кабинета, С.А. отнесся к высказанному мной с большим волнением, был, очевидно, крайне не доволен и сказал мне: «Ты совершенно верно охарактеризовал значение роспуска Думы и вполне правильно выяснил необходимость образования кабинета из конституционалистов-демократов, но какое основание и какое право имеешь ты касаться вопроса, который должен быть решен самой политической партией?». Я отвечал: «Право мое исходит из сознания лежавшего на мне долга сказать Государю, раз он пожелал меня выслушать, то, что я считаю необходимым для блага страны». Мы долго продолжали беседу на эту тему, причем я пришел к заключению, что С.А.Муромцев видит главное для себя затруднение в образовании кабинета при признаваемом им самим необходимом участии в кабинете П.Н.Милюкова. С.А. выразил опасения относительно совместного с П.Н.Милюковым участия в кабинете и, между прочим, сказал: «двум медведям в одной берлоге ужиться трудно», на что я заметил, что «вы — два медведя из одной прежней берлоги и я, не сомневаюсь, что уживетесь и в новой». В заключение я говорил, что как ни тяжела ответственность, которая ляжет на С.А-ча, если Государь возложит на него поручение образовать министерство, но уклониться он не имеет права и должен будет принести, может быть, и очень тяжелую жертву, необходимую для укрепления в стране нового государственного строя.

В 4 часа, в тот же день, я был у П.А.Столыпина. При встрече с ним я сейчас же заметил недовольство во всей его фигуре. Он начал беседу с заявления, что ему известно уже в общих чертах то, что мной было доложено на аудиенции, и что, по-видимому, высказанное мной произвело благопри-

ятное впечатление и встречает сочувствие. Так как П.А., тем не менее, просил меня сообщить ему о происходившем на аудиенции в Петергофе, то я исполнил его желание, не углубляясь, однако, в подробности. Он старался, слушая меня, не проявлять своего недовольства и по окончании нашего свидания сказал: «теперь будем ожидать, что воспоследует». Уходя от П.А.Столыпина, я уносил уверенность, что им будет оказано все возможное противодействие осуществлению мысли об образовании кабинета из руководящих элементов Государственной Думы.

30 июня мне случайно пришлось услышать дважды подтверждение тому, что доложенное мной в Петергофе встречено сочувственно. Днем мне пришлось быть у члена Государственного Совета А.С.Ермолова, который желал привлечь меня к участию в образованной им в Государственном Совете группе центра, но, как только я вошел в кабинет, А.С. завел речь о моем приеме в Петергофе, оказался в курсе высказанного мной на аудиенции и приветствовал меня с успешным выполнением моей задачи, так как ему известно, что мое представление встречено благоприятно. Затем А.С.Ермолов так же, как и А.П.Извольский, говорил, что мне следовало бы предупредить С.А.Муромцева. С своей стороны, я постарался уклониться от разговора на эту тему и поспешил перейти к вопросу, по поводу которого я приехал.

Затем, в тот же день посетил меня член Государственного Совета, московский губернский предводитель дворянства, князь П.Н.Трубецкой, который в этот день по какому-то поводу представлялся Государю Императору. Князь Трубецкой, не знавший ранее о моем приглашении в Петергоф, услыхал о нем во время своего представления. Госу-

дарь, вероятно, имея в виду, что оба мы москвичи и находимся в товарищеских отношениях, сказал князю Трубецкому о происходившей 28 июня аудиенции, милостиво отозвался обо мне и выразил сожаление, что я не счел возможным принять исполнение поручения, которое он намерен был на меня возложить. Князь Трубецкой поспешил узнать от меня, о каком поручении шла речь? Я сказал, что не считаю себя пока в праве удовлетворить его любопытство, но сообщение князя Трубецкого дало мне большое удовлетворение.

Считая мою задачу исчерпанной, я, вечером, 30 июня, выехал в Москву. В Санкт-Петербург я вернулся 7 июля. В гостинице «Франция», где я обычно останавливался, мне сказали, что на днях от министра иностранных дел справлялись о времени моего возвращения и просили известить, когда я приеду в Санкт-Петербург. Я сказал, чтобы в министерство о моем приезде ничего не говорили и вскоре сам туда направился. А.П.Извольский хотел сообщить мне, что после моей аудиенции сложившееся было благоприятное отношение к моему докладу продолжалось до 5 июля, но с этого дня положение резко изменилось и, как видно, предположение о вероятности приглашения в Петергоф С.А. Муромцева отпадает. На мой вопрос, чем вызвана такая перемена, А.П. отвечал, что ему неизвестно точно, что повлияло на такое изменение настроения, но он предполагал, что тут сказалось влияние П.А.Столыпина. Побесѣдовав на эту тему некоторое время, я удалился. Повидавшись затем со многими лицами, я узнал, что под влиянием убийств адмирала Чухнина в Севастополе и свиты Е.В. генерал-майора Козлова в Петергофе, а, главным образом, вследствие возбуждения в Г.Думе вопроса об опубликова-

нии от имени Г.Думы обращения к населению в ответ на правительственное сообщение по аграрному вопросу, реакционные течения в Санкт-Петербурге и в Петергофе возобладали и облегчили П.А.Столыпину осуществление его намерений. Как известно, 8 июля был подписан указ о роспуске Государственной Думы, с назначением созыва вновь избранной Думы на 20 февраля 1907 года, и в то же время П.А.Столыпин был назначен председателем совета министров.

Глава XIV

Приглашение П.А.Столыпиным общественных деятелей принять участие в реформируемом им после роспуска первой Государственной Думы министерстве.

Роспуск Государственной Думы и назначение премьером П.А.Столыпина вызывали тревожные мысли. Была утеряна последняя надежда на возможность создания единения государственной власти с обществом, на честное осуществление свобод, дарованных манифестом 17 октября, и на мирный переход к обещанному стране новому государственному строю.

Так как одновременно с роспуском Думы прекратились занятия Государственного Совета, то 10 июля я уехал из Санкт-Петербурга и не предполагал в более или менее близком времени туда возвратиться. Но уже 12-го я получил от Н.Н.Львова и М.А.Стаховича телеграмму, настоятельно приглашавшую меня безотлагательно вернуться. Считая всякие политические переговоры при сложившихся условиях не своевременными и лишними, я отвечал, что приехать не могу. На следующий день я получил вторую телеграмму с таким же приглашением и так как эта телеграмма, кроме подписей Н.Н.Львова и М.А.Стаховича, имела подпись графа П.А.Гейдена, то я, посоветовавшись с семьей и друзьями в Москве, выехал 14-го утром со скорым поездом, шедшим из Нижнего-Новгорода, и вечером был в Санкт-Петербурге. От графа П.А.Гейдена, Н.Н.Львова, А.И.Гучкова и М.А.Стаховича я узнал, что П.А.Столыпин, занятый сформированием министерства, вступил в переговоры с первыми тремя из перечисленных лиц; в то же время он просил их убедить меня принять участие в образуемом им кабинете

и говорил, что с таким же приглашением он имеет в виду обратиться к князю Г.Е.Львову. Я отнесся к мысли об участии моем в кабинете Столыпина отрицательно и высказал, что П.А.Столыпин и я совершенно различно понимаем задачи правительственной власти вообще и особенно в переживаемое время. Я вижу в нем человека воспитанного и проникнутого традициями старого строя, считаю его главным виновником роспуска Государственной Думы и лицом, оказавшим несомненное противодействие образованию кабинета из представителей большинства Гос. Думы; не имею вообще никакого доверия к П.А.Столыпину и удивляюсь, как он, зная хорошо мое отношение к его политике, ищет моего сотрудничества. Н.Н.Львов, А.И.Гучков и М.А.Стахович, примирявшиеся с актом роспуска Гос. Думы, видели в П.А.Столыпине человека, способного в сотрудничестве с общественными деятелями осуществить реформы, вызываемые манифестом 17 октября, и старались убедить меня в правильности их точки зрения. Граф П.А.Гейден скептически относился к этим предположениям, склонялся к моей оценке политической физиономии П.А.Столыпина, но, тем не менее, находил лучшим не уклоняться от переговоров с ним и постараться выяснить определенно его намерения и программу. Я остался при высказанном решении и указывал, что цель, намечаемая гр. П.А.Гейденом, может быть достигнута путем продолжения уже начатых ими переговоров, но мне принять в них вновь участие, после моих сношений с П.А.Столыпиным до роспуска Государственной Думы, я находил невозможным.

15 июля в Санкт-Петербург приехал князь Г.Е.Львов, как председатель общеземской организации, для переговоров с министром внутренних дел по вопросу об организации

продовольственной помощи населению. О своем приезде он сообщил тотчас же П.А.Столыпину, не зная еще ничего о его намерениях по образованию кабинета, и просил назначить время приема. В этот день все упомянутые выше общественные деятели собрались в гостинице «Франция» за завтраком и в беседе между собой обсуждали занимавший всех нас вопрос. В это время князю Г.Е.Львову доложили, что его просит к телефону председатель совета министров. Возвратясь в столовую, Г.Е. сказал, что П.А.Столыпин просит его и меня, как члена управления общеземской организации, приехать к нему на дачу сегодня в 4 часа дня для переговоров по вопросу о продовольственной помощи населению при содействии общеземской организации. Я предчувствовал, что в этом приглашении готовится ловушка, но формально дело было поставлено так, что уклониться от этого свидания было невозможно, и к означенному времени мы явились на дачу министра внутренних дел. У министра были с докладом товарищ министра, А.А.Макаров, и директор департамента полиции, Трусевич. По докладе о нашем приезде эти лица немедленно вышли из кабинета министра, а мы были приглашены войти.

Изложить систематично последовавший разговор я должен признать делом очень трудным и почти невозможным. Он происходил при большом возбуждении обеих сторон, которые часто друг друга перебивали; по затрагиваемым вопросам высказывались отрывочные суждения и мнения и, не выяснив их достаточно по одному вопросу, переходили к другому. На нашем разговоре невольно отразились настроение и волнение, переживаемые обеими сторонами. П.А.Столыпин, несомненно, помнил мое отношение к вопросу о роспуске Государственной Думы, который я в

беседе с ним 27 июня характеризовал, как акт, с политической точки зрения даже преступный; в то же время он не мог не сознавать, что пред ним люди, совершенно разного с ним общего и политического жизнепонимания, согласие которых на сотрудничество с ним в министерстве представляется делом мало вероятным. Для нас обоих, т.е. для князя Г.Е.Львова и меня, было совершенно ясно, что П.А.Столыпин желает привлечь нас к участию в кабинете не в силу того, чтобы предоставить нам возможность содействовать действительному проведению в жизнь начал, положенных в основу манифеста 17 октября, а лишь потому, что он, хотя человек очень самоуверенный и смелый, тем не менее, опасается общественного противодействия своим начинаниям, и в нашем участии в кабинете видит только средство для примирения возбужденного общественного настроения с правительством.

Как только мы вошли в кабинет, П.А.Столыпин обратился ко мне со словами: «Вот, Д.Н., роспуск Думы состоялся; как теперь относитесь вы к этому факту?» Я отвечал, что П.А-чу известно мое отношение к этому факту, и я остаюсь при своем убеждении. Такое начало не могло не отразиться неблагоприятно на настроении вопрошавшего и на предстоявших переговорах. После моей реплики П.А.Столыпин сказал: «Я обращаюсь к вам обоим с просьбой войти в состав образуемого мной кабинета и оказать ваше содействие осуществлению конституционных начал, возвещенных манифестом 17 октября». Мы говорили, что прежде, чем дать наш ответ, нам необходимо ознакомиться с политической программой председателя совета министров. П.А. заявил, что теперь не время для слов и для программ; сейчас нужны дело и работа. Мы указывали на необходимость

решительной перемены правительственной политики и скорейшего созыва новой Государственной Думы. П.А. говорил, что прежде всего, для успокоения всех классов населения, нужно в ближайшем же времени дать каждой крупной общественной группе удовлетворение их насущных потребностей и тем привлечь их на сторону правительства. Делу поверят скорее и больше, чем словам. Иллюстрируя свою мысль, П.А. говорил, между прочим, что нужно будет привлечь и влиятельных евреев, выяснив с ними, что необходимо и возможно предоставить теперь же еврейству, в целях успокоения революционного в его среде настроения. Мы горячо возражали против такой политики и указывали, что во всяком случае никакие мероприятия, нуждающиеся в законодательной санкции, не могут быть осуществляемы помимо законодательных учреждений, и недоумевали, как правительство может предрешать после 17 октября 1906 г., помимо народного представительства, какие именно реформы должны быть проведены в жизнь? П.А.Столыпин заявил, что ему совершенно ясно, какие мероприятия являются неотложными и требуют скорейшего осуществления. Он критически относился к законодательной способности Государственной Думы, особенно на первое время, и еще раз подтвердил свою уверенность, что правительство сумеет предоставить безотлагательно всем классам населения то, что им действительно нужно. Мы обращали его внимание, что раз высочайшею властью населению предоставлено право самоопределения в государственной жизни, осуществляемое посредством избираемых им представителей, то как правительство Его Величества может нарушить это право? Если даже допустить всегда возможные ошибки законодательных учреждений, то пусть население будет

знать, что эти ошибки — ошибки его избранников, и будет иметь это в виду при следующих выборах; ошибки же правительства будут только питать еще более odium к нему населения. Я сказал П.А.Столыпину: «Какая же будет разница между характером вашей политики и политикой ваших предшественников; разве граф Толстой, Сипягин, Плеве не желали блага России, как они его понимали; разве граф Витте не говорил, что он знает, что нужно для счастия России? Если их политика была, однако, пагубна для страны, то они, по крайней мере, имели оправдание в том, что действовали при старом строе; но как можно идти теми же путями после акта 17 октября? Я не сомневаюсь, что такая политика приведет правительство на путь реакции и не только не внесет в страну успокоение, но заставит вас прибегнуть через два-три месяца к самым крутым мерам и репрессиям». П.А.Столыпин был этими словами крайне возбужден и воскликнул: «Какое право имеете вы это говорить?!». «Вы приглашаете меня вступить в ваш кабинет», отвечал я, «и я считаю себя обязанным откровенно высказать вам мое убеждение». В дальнейшем князь Львов и я пытались выяснить те условия, при которых мы сочли бы возможным принять приглашение П.А.Столыпина, а именно: привлечение общественных деятелей в кабинет должно быть высочайшим актом объяснено целью создания необходимого взаимодействия правительства и общества; общественным деятелям, объединившимся между собой на одной политической программе, должна быть предоставлена половина мест в кабинете и в том числе портфель министра внутренних дел; новым кабинетом должно быть опубликовано правительственное сообщение, определяющее задачи, которые ставит себе кабинет; должны быть подготовлены к

внесению в Государственную Думу законопроекты по важнейшим вопросам государственной жизни и регулирующие пользование свободами, дарованными манифестом 17 октября; применение смертной казни должно быть немедленно приостановлено, впредь до разрешения вопроса законодательным порядком. П.А.Столыпин выслушивал наши заявления не внимательно, иногда возражал или отзывался очень неопределенно и в заключение сказал, что теперь не время разговаривать о программах, а нужно общественным деятелям верить Царю и его правительству и самоотверженно отнестись к призыву правительства при тяжелых обстоятельствах, в которых находится страна. Видя, что мы не находим общего языка с П.А.Столыпиным и совершенно различно оцениваем значение переживаемого времени, князь Г.Е. Львов и я сочли дальнейший обмен мнений с председателем совета министров бесполезным и, простившись с ним, удалились.

По возвращении от П.А.Столыпина мы ознакомили лиц, знавших о предстоявших нам переговорах, с их характером и содержанием. Граф П.А.Гейден видел в нашем сообщении подтверждение высказанному им ранее скептицизму относительно искренности П.А.Столыпина и возможности притти с ним к соглашению, приемлемому для общественных деятелей. Остальные трое, Н.Н.Львов, М.А.Стахович и А.И.Гучков, продолжали выражать доверие готовности и способности председателя совета министров честно вступить на путь обновления нашего государственного строя, полагали, что между нами двумя с одной стороны и П.А.Столыпиным с другой имели место в переговорах какие-либо недоразумения, вследствие которых мы плохо

друг друга поняли, и сожалели, что мы пришли к окончательному отрицательному решению.

Князь Г.Е.Львов и я находились под влиянием тяжелых впечатлений, вынесенных из свидания с П.А.Столыпиным. Отсутствие в нем искренности и прямоты было для нас очевидным. Хотя при начале нашего разговора П.А.Столыпин обращался к нашему содействию для осуществления, как он говорил, конституционных начал манифеста 17 октября, но все, им затем высказанное, свидетельствовало о совершенно противоположных его намерениях и о нежелании его вести страну открыто на путь политической свободы, отрешившись от традиций старого бюрократического абсолютизма. Но, однако, мы сознавали, что если заключение, к которому мы пришли, могло бы быть ошибочным, то на нас должна была бы лечь тяжелая моральная ответственность за отказ в нашем сотрудничестве. Также, хотя и мало вероятно, могло иметь место предположение, что нам не удалось во время нашего беспорядочного разговора обстоятельно изложить те условия, при наличности которых мы сочли бы долгом пойти навстречу сделанному нам предложению. Оба мы ощущали живую потребность выяснить определенно эти вопросы, которые могли вызвать сомнения, если не внутри нас, то в среде общественных кругов. В то же время мы хотели, чтобы выяснение этих вопросов было установлено порядком, который сохранил бы документальные следы для объективного свидетельства в будущем о действительном положении вещей. 16 июля князь Г.Е.Львов предложил написать в этих целях письмо П.А.Столыпину с изложением нашего понимания предстоявших правительству задач и тех условий, при которых, по нашему убеждению, было бы возможно вступление общественных деятелей

в образуемый председателем совета министров кабинет. Предложение князя Г.Е.Львова вполне соответствовало поставленным нами себе целям и 17 числа рано утром было доставлено П.А.Столыпину следующее наше письмо:

«Милостивый Государь Петр Аркадьевич.

Помимо нашего желания, наша беседа с вами 15 июля приняла направление, которое лишило нас возможности выяснить вам те условия, при наличности которых мы сочли бы себя в праве принять ваше предложение, и сделать вам понятным причины нашего отрицательного к нему отношения.

О готовности жертвовать собой не может быть вопроса. При условии сознания и твердой веры, что мы можем принести пользу, мы готовы отдать все свои силы служению родине. Но мы полагаем, что намеченная вами политика постепенного приготовления общества к свободным реформам маленькими уступками, сегодня с тем, чтобы завтра сделать большие, и постепенного убеждения его в благих намерениях правительства, не принесет пользы и не внесет успокоения. При такой политике всякие реформы будут неизбежно запаздывать и служить не к укреплению, а, наоборот, к ослаблению правительственной власти. Реформаторство правительства должно носить на себе печать смелости и ею импонировать обществу. Поэтому мы считаем единственно правильной политикой настоящего времени открытое выступление правительства навстречу свободе и социальным реформам, и всякая отсрочка в этом отношении представляется нам губительной. Революция сильна борьбой за

свободу и глухим сочувствием общества и народных масс. Успокоить страну можно только, внедрив в общество убеждение, что правительство не борется со свободой, а полагает ее честно и открыто в основу государственной жизни. Только тогда правительство привлечет общество на свою сторону и между ними установятся правильные взаимоотношения и только при этом условии будет иметь значение и может принести пользу появление у власти общественных элементов. В этих целях, по нашему мнению, необходимо, чтобы в высочайшем рескрипте на имя председателя совета министров, при назначении в кабинет лиц из среды общественных деятелей, было возвещено, что мера эта имеет своей целью осуществление необходимого взаимодействия правительственных и общественных сил.

Мы полагаем, что из 13 лиц, кроме председателя совета министров, входящих в состав кабинета, должно быть не менее 7 лиц, призванных из общества, сплоченных единством политических взглядов и объединившихся на одной политической программе. Между этими лицами должны быть распределены портфели министров: внутренних дел, юстиции, народного просвещения, земледелия, торговли, обер-прокурора Святейшего Синода и государственного контролера.

Главою кабинета должны быть вы, ибо назначение нового главы явилось бы в настоящее время колебанием авторитета власти. Вновь образованный кабинет, в противовес декларации 13 мая, должен обратиться к стране с правительственным сообщением, в коем

должны быть ясно и определенно установлены те задачи, которые ставит себе министерство. В сообщении этом кабинет должен заявить, что он подготовит к внесению в Государственную Думу целый ряд законопроектов по важнейшим очередным вопросам государственной жизни и в том числе проект земельного устройства и расширения крестьянского землевладения, в целях которого правительство не остановится и перед принудительным отчуждением части частновладельческих земель в случаях необходимости, устанавливаемых местными землеустроительными учреждениями.

Одновременно с организацией нового кабинета мы признаем необходимым, чтобы высочайшими указами Государя Императора было приостановлено произнесение приговоров смертной казни до созыва Государственной Думы и дарована амнистия всем лицам, привлеченным к ответственности и отбывающим наказание за участие в освободительном движении и не посягавшим при этом на жизнь людей и чужое имущество.

Вновь образованный кабинет должен неотложно выработать законопроекты, регулирующие пользование правами и свободами, возвещенными 17 октября, и устанавливающие равенство перед законом всех российских граждан и представить их на высочайшее утверждение для введения их в действие временно, вперед до утверждения законопроектов Государственной Думой. В то же время правительство должно прекратить действие всех исключительных положений.

В заключение мы считаем совершенно необходимым, в целях успокоения страны, приступить возможно скорее к производству выборов и созвать Государственную Думу не позднее 1 декабря 1906 г.

Изложив наше мнение, которое мы не имели возможности определенно формулировать перед вами 15 июля, просим вас принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Д.Н.Шипов. Князь Г.Е.Львов».

Весь день мы поджидали какого-либо отзыва на наше письмо, имея в виду, при желании П.А.Столыпина получить наши словесные пояснения, вновь его посетить. Допуская возможность такого предположения, мы на всякий случай составили список лиц, из которых мог бы быть составлен коалиционный кабинет. Из среды общественных деятелей мы наметили тех, участие которых, по нашему мнению, было желательно и на согласие которых мы могли рассчитывать. Нами был предположен следующий состав министерства:

Председатель совета министров П.А.Столыпин.
Министр иностранных дел А.П.Извольский.
Министр финансов В.Н.Коковцов.
Министр путей сообщения Н.К.Шауфус.
Министр военный А.Ф.Редигер.
Министр морской А.А.Бирилев.
Министр Двора Бар. В.Б.Фредерикс.
Министр внутренних дел кн. Г.Е.Львов.
Министр юстиции А.Ф.Кони или С.А.Лопухин.
Министр народного просвещения А.А.Мануйлов.
Министр торговли и промышленности М.М.Федоров

или В.И.Тимирязев.
Главноуправляющий земледелием Д.Н.Шипов.
Обер-прокурор Св.Синода кн. Е.Н.Трубецкой.
Государственный контролер гр. П.А.Гейден.

До позднего вечера 17 июля никакого ответа от П.А.Столыпина мы не получили и с последним скорым поездом я уехал в Москву. 18-го среди дня курьер привез мне в Москву ответное письмо П.А.Столыпина. Это письмо, 17-го направленное в гостиницу «Франция», было доставлено после моего выезда и П.А. распорядился отправить его с курьером в Москву с последним пассажирским поездом. Письмо было следующего содержания:

«Милостивый Государь Дмитрий Николаевич. Очень благодарен вам и князю Львову за ваше письмо. Мне душевно жаль, что вы отказываете мне в вашем ценном и столь желательном для блага общего сотрудничестве. Мне также весьма досадно, что я не сумел достаточно ясно изложить вам свою точку зрения и оставил в вас впечатления человека, боящегося смелых реформ и сторонника „маленьких уступок“. Дело в том, что я не признаю никаких уступок, ни больших, ни маленьких, Я нахожу, что нужно реальное дело, реальные реформы и что мы в промежуток 200 дней, отделяющих нас от новой Думы, должны всецело себя отдать подготовлению их и проведению возможного в жизнь. Такому „делу“ поверят больше, чем самым сильным словам.

В общих чертах, в программе, которая и по мне должна быть обнародована, мы мало расходимся. Что касается смертной казни (форма приостановки ее вы-

сочайшем указом) и амнистии, то нельзя забывать, что это вопросы не программные, так как находятся в зависимости от свободной воли Монарха.

Кабинет весь целиком должен быть сплочен единством политических взглядов и дело, мне кажется, не в числе портфелей, а в подходящих лицах, объединенных желанием вывести Россию из кризиса. Что касается портфеля внутренних дел, то пока, видимо. Государь еще не освободит меня от этой ноши. Перемена времени созыва Думы, помимо существа дела, противоречила бы основным законам. Извините за бессвязность письма, вызванную спехом, извините еще больше за отнятое у вас время. Я думал, как и в первый раз, когда говорил о сформировании вами министерства, так и теперь, когда предлагал вам и князю Львову войти в мой кабинет, что польза для России будет от этого несомненная. Вы рассудили иначе. Я вам, во всяком случае, благодарен за вашу откровенную беседу, за искренность, которую вы внесли в это дело, и за видимое ваше желание помочь мне в трудном деле, возложенном на меня Государем.

Верьте в мое искреннее к вам уважение и преданность. П.Столыпин. 17 июля 1906 г.».

Письмо П.А.Столыпина с полной убедительностью подтвердило сложившееся у нас относительно него мнение, а равно отсутствие в нем искренности и откровенности при переговорах с нами. Он не согласен с термином «маленьких уступок», но вслед за тем подтверждает свое намерение подготовить и проводить в жизнь до созыва Г.Думы реальные реформы, которые, как он нам говорил, могут привлечь

на сторону правительства все классы населения. Он говорит, что кабинет весь целиком должен быть сплочен единством политических взглядов», но в таком случае почему же он старается привлечь меня в состав своего кабинета? Если П.А.Столыпину были, быть может, неизвестны политические идеалы князя Г.Е.Львова, то относительно моих убеждений он не мог не знать из предыдущих наших разговоров, что мы стоим на диаметрально противоположных точках зрения и понимании предстоящих правительству политических задач. Он не придает значения числу портфелей, которые могут быть предоставлены общественным деятелям, но он не может же не понимать, что для последних при вступлении в коалиционное министерство имеет особенно важное значение уверенность, что обе группы, бюрократическая и общественная, будут пользоваться в нем одинаковым влиянием. Наконец, его указания на то, что вопросы о смертной казни, амнистии и освобождении его от обязанностей министра внутренних дел — зависят от свободной воли Монарха, носят характер софизмов и представляются какой-то недостойной отговоркой. Нам, как и всем вообще, конечно, вполне было ясно, что не только разрешение этих вопросов, но и весь вопрос об образовании коалиционного кабинета находится в зависимости от благоусмотрения Государя. При наших переговорах мы ставили себе исключительной задачей выяснить вопросы о составе кабинета и о программе, которой министерство будет руководиться, с тем, что установленные путем нашего соглашения предположения, само собой понятно, должно быть представлены на благовоззрение Верховной власти. Такой же характер носит отзыв П.А.Столыпина, будто перемена времени созыва Думы противоречила бы основным законам. Письмо П.А.Столы-

пина успокоило наше самочувствие, выяснив определенно принципиальную невозможность нашего участия в формируемом им министерстве, что, очевидно, было понято им самим, так как, говоря в своем ответе, что «в общих чертах в программе мы мало расходимся», он тем не менее не вызывает нас более на продолжение переговоров.

К аналогичному заключению пришел и граф П.А. Гейден. 17 июля он был вновь у П.А.Столыпина по его приглашению, причем ему до посещения председателя совета министров был уже известен текст письма, отправленного князем Г.Е.Львовым и мною П.А.Столыпину. Во время переговоров по тому же вопросу о привлечении общественных деятелей в состав министерства граф П.А.Гейден говорил П.А.Столыпину, что ему следовало бы употребить все усилия убедить князя Г.Е.Львова и меня принять его приглашение и постараться вступить с нами в соглашение относительно необходимых условий, принимая во внимание, что Государь, судя по впечатлению, вынесенному Д.Н.Шиповым из аудиенции в Петергофе, одобряет определенный, искренний переход к новому курсу государственной жизни. П.А.Столыпин отвечал, что он исчерпал в переговорах с нами все доводы, но получил от нас категорический отказ и говорил, что я обвинял его даже в государственном преступлении. По поводу предоставленной мне аудиенции, П.А. сказал, что Государь только расспрашивал меня, но ничего не высказывал с своей стороны, и затем П.А. добавил, будто я во время аудиенции, уклоняясь от поручения по сформированию коалиционного кабинета, мотивировал свое решение несочувствием началам, возвещенным манифестом 17 октября, и преданностью идее самодержавия. Граф П.А.Гейден, сообщив мне все выслу-

шанное им от П.А.Столыпина, и относясь отрицательно к его приемам и образу действий, с свойственными ему меткостью выражений и юмором сказал: «Очевидно нас с вами приглашали на роли наемных детей при дамах легкого поведения».

Вслед за графом П.А.Гейденом, к нашему пониманию личности и политики П.А.Столыпина вскоре присоединился Н.Н.Львов. М.А.Стахович в письме от 20 июля, между прочим, писал мне в Москву: «К общему удивлению ты оказался наиболее правым (в прямом, а не политическом значении слова). А.Ф.Кони дважды отказывался, потом уступил, наконец вчера отказался окончательно. Столыпин поехал с этим известием в Петергоф и вернулся неузнаваемым. Объявил, что свободных только два портфеля; что Щегловитов очень нравится Государю; что принимает программу только капитулирующее правительство, а сильное само их ставит и одолевает тех, кто с ним не согласен; что если большинство совета будет у общественных деятелей[36], то, значит, он пойдет к ним на службу, и т.д., и т.д. Словом ты прав: все хотят оставить по старому, не задумываясь о грядущих выборах и не желая в сущности ни в чем обновиться, а радуясь семимесячной отсрочке. В результате всего этого убежденные в своей мощи, которую наглядно подтверждают события в Свеаборге, Самаре, Кронштадте, бунты на броненосце „Память Азова“, в Ревеле и где-то на

36 17 июля, когда кн. Г.Е. Львов и я говорили о предоставлении общественным деятелям половины мест в кабинете, П.А. Столыпин отозвался так: «В таком случае у вас может получиться большинство», — а из дальнейших слов можно было понять, что он имел в виду А.П. Извольского;

Кавказе, кроме обычных грабежей и убийств, от которых правительство, конечно не призвано защищать, — они приглашают в министры Н.Н.Львова и А.И.Гучкова, для чего последние вызваны сегодня в 7 ч. вечера в Петергоф. Идут, чтобы отказаться, но с намерением высказаться откровенно».

Указываемое М.А.Стаховичем успешное подавление революционных вспышек, сравнительно спокойное настроение широких общественных кругов и полное отсутствие какого-либо влияния на население «выборгского возвания» устранили, по-видимому, опасения П.А.Столыпина, возбужденные ожидавшимся им широким общественным противодействием его политике, и он поспешил отказаться от намерения привлечь в свой кабинет общественных деятелей.

В двадцатых числах июля в Москве собрались представители партии к.-д., «Союза 17 октября» и образовавшейся в Г.Думе фракции «Мирного обновления» для совещаний и обсуждения возможного между ними единения и взаимодействия в виду предстоявших новых выборов. В числе прибывших были между прочими — Граф П.А.Гейден, князь Г.Е.Львов, Н.Н.Львов и М.А.Стахович. В частных беседах мы продолжали обсуждать между собой переговоры, происходившие в Санкт-Петербурге. 26 июля все мы были поражены, прочтя в № «Нового Времени» от 25 числа следующее официального характера сообщение санкт-петербургского телеграфного агентства: «После роспуска Государственной Думы и высочайшего манифеста, объявившего волю Государя Императора проводить в жизнь дарованные реформы, со стороны правительства было вполне естественно обратиться с предложением занять освободившиеся министерские места к тем общественным деяте-

лям, которые положили в основу своей деятельности закономерное проведение этих реформ. Таким образом, казался обеспеченным и подбор лиц, и направление деятельности правительства. Однако комбинация эта встретила затруднение вне доброй воли правительства и самих общественных деятелей. Последние желали составить группу лиц единомышленных, которые должны были войти в правительство, но это им не удалось; отдельные же общественные деятели, из которых Н.Н.Львов и А.И.Гучков были приняты Его Величеством в продолжительной аудиенции, полагали, что они в целях мирного проведения реформ, могут оказать большую пользу, не уходя в настоящую минуту от общественной деятельности, которая им свойственна и которая требует мобилизации всех трезвых общественных сил. Что касается намерений правительства, то они остаются неизменными, и наряду с твердым и непоколебимым водворением порядка, на что правительство имеет достаточно силы и средств, оно так же твердо и непоколебимо будет подготовлять и в пределах закона немедленно проводить те разумные реформы, которые должны ввести жизнь России в закономерное русло».

Было признано необходимым немедленно возразить на это сообщение, очевидно, инспирированное П.А.Столыпиным и дающее заведомо неверное освещение происходившим переговорам и позиции, занятой общественными деятелями. Было решено поместить возможно скорее в «Новом Времени» два письма: одно от графа П.А.Гейдена, а другое за подписью князя Г.Е.Львова и моей. Письма эти вскоре же были нами составлены, переписаны, и мы обсуждали способ отправки их с тем, чтобы они возможно скорее появились в печати. В это время, было уже более 6 часов вечера, в номер

М.А.Стаховича в «Национальной гостинице», в котором мы все собрались, вошел совершенно неожиданно А.А.Столыпин, только что приехавший из Саратова и вскоре уезжавший в Санкт-Петербург. Имея в виду, что А.А.Столыпин влиятельный сотрудник «Нового Времени», принимал с большинством из нас деятельное участие в «Союзе 17 октября» и, как нам казалось, по своим убеждениям, в нашем конфликте с его братом должен был бы признать правильным наш образ действий, мы обратились к нему с просьбой принять на себя передать наши письма в редакцию газеты и посодействовать скорейшему их опубликованию. А.А.Столыпин принял с готовностью это поручение и 28 июля в «Новом Времени» были напечатаны следующие письма:

I.

Господин редактор! В № вашей газеты от 28 июля, в отделе «Вечерняя хроника» перепечатано сообщение о том, что правительство обратилось к некоторым общественным деятелям «с предложением занять освободившиеся министерские места», но «комбинация эта встретила затруднение вне доброй воли правительства и самих общественных деятелей», которые «желали составить группу лиц единомышленных, которые должны были войти в правительство, но это им не удалось». Я был в числе тех общественных деятелей, о которых идет речь. До сих пор я не считал себя в праве об этом говорить. Но так как упомянутое сообщение не вполне верно освещает дело, то я считаю нужным его восстановить. Председатель совета министров имел несколько свиданий с Н.Н.Львовым, А.И.Гучковым и мною и обсуждал способ привлечения общественных деятелей в состав министерства.

Мы с первого же дня заявили, что предоставление общественным деятелям двух освободившихся министерских мест недостаточно и что они должны войти в состав министерства не менее, как в числе пяти лиц, вполне единомышленных между собою, и при условии принятия той программы, которую мы тогда же изложили. Программу эту должны были обнародовать от имени министерства и она являлась бы основой, вокруг которой общественные деятели, вступившие в министерство, могли бы образовать сплоченную партию при выборах в Думу. Первоначально на это не было сделано принципиального возражения и мы приняли меры к привлечению в эту комбинацию лиц, имена которых ручались за неуклонное проведение нашей программы. Одно из этих лиц отказалось вследствие болезненного своего состояния и прежде чем мы успели завести переговоры с кем-либо другим, нам было заявлено, что на первое время возможно вступление в министерство лишь двух лиц на свободные вакансии, а дальнейшее привлечение общественных деятелей осуществится постепенно. Вопрос же о принятии и опубликовании программы должен был оставаться открытым ввиду того, что правительство решило и без того неуклонно следовать по пути реформ. При таких условиях и ввиду того, что дальнейшие переговоры предполагалось вести лишь с двумя лицами, я, как третий, не счел нужным и возможным принимать в этом какое-либо участие. Из этого видно, что комбинация встретила затруднения вне нашей доброй воли, вследствие непринятия председателем совета министров наших предложений, и что если нам что-

либо не удалось, то это умение убедить правительство в том, что не было смысла делать из нас министров-чиновников, а вся суть нашего приглашения была в том, что мы шли не как чиновники, а как общественные деятели, и с своей программой.

С совершенным почтением

27 июля 1906 г. граф П.Гейден.

II.

«В газетах через посредство Санкт-Петербургского телеграфного агентства опубликовано официальное сообщение о попытке привлечения в состав правительства общественных деятелей и о причинах неудачи этой попытки. В сообщении этом говорится, что после роспуска Государственной Думы и высочайшего манифеста, объявившего волю Государя Императора проводить в жизнь дарованные реформы, „со стороны правительства было вполне естественно обратиться с предложением занять освободившиеся министерские места к тем общественным деятелям, которые положили в основу своей деятельности закономерное проведение этих реформ... однако, комбинация эта встретила затруднение вне доброй воли правительства и самих общественных деятелей. Последние желали составить группу лиц единомышленных, которые должны были войти в правительство, но им это не удалось“.

Сообщение это вынуждает нас нижеподписавшихся установить, поскольку это касается нас двоих, факты и дать им надлежащее толкование, соответственное действительным побуждениям, руководив-

шим нами при ведении переговоров с правительством. Утверждение, что нам „не удалось составить группу лиц единомышленных, которые должны были войти в правительство“, не отвечает действительности. Переговоры с нами были прерваны потому, что глава нынешнего кабинета не счел возможным согласиться на выставленные нами условия образования нового кабинета. Мы полагали, что дело идет не „об освободившихся министерских местах“, а о создании сплоченного единством политических взглядов и объединившегося на одной политической программе министерства». Для этой цели мы считали нужным вступление в кабинет не менее 7 лиц, призванных из общества, и в том числе поручение общественному деятелю политически наиболее важных обязанностей министра внутренних дел. В основе нашего понимания современного процесса лежит убеждение в необходимости решительной перемены правительственной политики и скорейшим созывом новой Государственной Думы исправить коренную ошибку, заключавшуюся в роспуске Государственной Думы. Соответственно этому взгляду, мы формулировали целую политическую программу, с которой должно было открыто выступить новое правительство. Наши условия не были приняты. Что же касается фразы цитируемого сообщения о том, что «комбинация» с участием общественных деятелей в правительстве «встретила затруднение вне доброй воли правительства и самих общественных деятелей», то в части своей, относящейся к нам и к другим лицам из общественной среды, эта фраза совершенно справед-

лива; поскольку же в ней речь идет и о правительстве, она представляется нам совершенно непонятной.

Д.Н.Шипов. Кн. Г.Львов».

Эти письма сопровождались заметкой от редакции, очевидно, также инспирированной, следующего содержания:

«Мы печатаем сегодня письмо графа Гейдена и письмо Д.Н.Шипова и кн. Г.Е.Львова по поводу правительственного сообщения о неудавшейся министерской комбинации с общественными деятелями. Сколько нам было известно во время самых этих переговоров, последние прерваны были с Д.Н.Шиповым и кн. Г.Львовым в самом начале, так как программа, ими представленная, весьма близко подходила к кадетской программе и требовала уступок со стороны правительства вплоть до сознания им в своей „коренной ошибке, заключавшейся в роспуске Государственной Думы“, как выражаются они в письме. Они настаивали в „необходимости решительной перемены правительственной политики и скорейшем созыве Думы“. Правительство же, с своей стороны, желало осуществить необходимые реформы и прежде всего аграрную, не слагая оружия перед кадетской партией. Оно предлагало добровольный и необходимый преобразовательный труд, рамки которого определялись бы сами собой в этом сложном деле реформы, соединенным с необходимостью успокоить страну. Министерская комбинация из 7 лиц, предложенная Д.Н.Шиповым и кн. Г.Львовым, походила на ультиматум и, естественно, тотчас же была не принята.

Дальнейшие попытки тех общественных деятелей, к которым непосредственно обратилось правительство (А.И. Гучков, Н.Н.Львов, А.Ф.Кони, гр. Гейден и проф. Виноградов), встретились с затруднениями внешнего свойства, из которых мы знаем о болезненном состоянии одного из кандидатов и заграничном пребывании другого. Возможность совместных обсуждений министерского вопроса затруднялась, вследствие этого, а дело требовало скорого решения. Нам кажется, что гр. Гейден ошибается в том, что правительство желало сделать из общественных деятелей „министров-чиновников“. Правительство совершенно искренно переходило к новому порядку образования министерства из общественных деятелей и, по нашему мнению, следовало отнестись к этому с тем самоотвержением, которого требуют тяжелые обстоятельства Родины, о чем мы не раз говорили. Нам кажется, что в это время не разговаривают ни о подробностях программы, ни о превращении общественных деятелей в чиновников. Время не такое, чтобы это можно было сделать, и люди не такие, которых приглашали и которые приглашали. Наконец, борьба была всегда возможна и возможны в совместной деятельности и соглашения и уступки. Надо было принять приглашение и работать со всей энергией. Этот опыт необходимо было сделать, как патриотический подвиг. Общественное мнение только в деле могло бы убедиться, насколько была возможна созидательная деятельность вместе с министрами-чиновниками, употребляя тенденциозное выражение гр. Гейдена. Отказаться было легче, чем принять, но характер, воля, талант обнару-

живаются в трудном, а не в легком. На трудное не хотят идти, и общество остается в неведении насчет государственных способностей тех почтенных людей, которым предложены были портфели. Во всяком случае, мы знаем, что двое из приглашенных, хотя отказались от министерств, но отказались с непреклонным желанием на местах работать в пользу того, чтобы будущий состав Думы не представлял собою такого господства крайних элементов, как в распущенной Государственной Думе».

Опубликованием наших писем был закончен вопрос, связанный с приглашением П.А.Столыпиным общественных деятелей в реформируемое им после роспуска первой Государственной Думы министерство.

Государственная деятельность П.А.Столыпина оправдала наши предположения и ожидания. При осуществлении избранного им курса П.А.Столыпин проявил властный характер, сильную волю и не заурядное мужество. Эти свойства помогли ему в скором времени подавить проявления революционного движения и водворить в стране внешний порядок, причем в своей деятельности, особенно в первое время, П.А.Столыпин встретил поддержку со стороны многочисленных представителей привилегированных, имущественных классов, которые, сочувствуя ранее освободительному движению, были затем испуганы проявившимся революционным настроением, угрожавшим их материальным интересам. Но политика П.А.Столыпина не создала и по своему характеру не могла создать столь необходимых стране действительного внутреннего умиротворения и единения государственной власти с населением, основанно-

го на взаимном доверии; она еще более углубила пропасть, разделявшую правительство с обществом и народом. Политическое понимание П.А.Столыпина определялось преимущественно сословными, бюрократическими традициями, и он явился, может быть, не отдавая себе сам ясного отчета, проводником пожеланий и постановлений «Союза объединенного дворянства», что наглядно и с полной убедительностью было доказано М.М.Ковалевским в статьях, помещенных в «Вестнике Европы» в 1913 году. П.А.Столыпин отрицательно относился к изменению нашего государственного строя на основаниях, возвещенных манифестом 17 октября, и вся его деятельность была направлена к сохранению бюрократического абсолютизма в государственном управлении. В правительственной декларации, прочитанной П.А.Столыпиным 6 марта 1907 г. в Государственной Думе 2-го созыва, указывалось на необходимость связать все отдельные правительственные предположения одною общею мыслью, которая должна иметь целью создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, и затем говорилось, что «преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое»; но в декларации правительства, сделанной 16 ноября того же года пред Государственной Думой 3-го созыва, наш новый государственный строй уже не назывался правовым, а устанавливалось положение, что «строй, в котором мы живем, это строй представительный, дарованный Самодержавным Монархом и, следовательно, обязательный для всех Его верноподданных» и далее в декларации было пояснено, что «нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужестранный цветок». Исходя из такой характеристики

нового строя, П.А.Столыпин в новых представительных учреждениях видел лишь придаток к старому строю, придаток, с которым он, как «верноподданный», был готов примириться формально, но никогда не был согласен признавать присущие этим учреждениям права и положение в правовом государстве. Такое отношение к новым представительным учреждениям было особенно резко проявлено П.А.Столыпиным при проведении большого числа законодательных мероприятий в порядке ст. 87 основных законов. С начала августа 1906 года по 20 февраля 1907 года, т.е. ко времени открытия Государственной Думы второго созыва, в порядке законодательства, вызываемого «чрезвычайными» обстоятельствами, было утверждено 59 постановлений[37]. Из числа этих постановлений только 5 могли бы быть обусловлены чрезвычайными обстоятельствами революционного времени, а именно: 1) об учреждении военно-полевых судов, 2) об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений, 3) о мерах предупреждения побегов арестантов, 4) о дополнении постановлений устава о воинской повинности и 5) об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний, — но из этой группы законодательных мер последние четыре были отклонены впоследствии Государственной Думой, а первое постановление о военно-полевых судах самим правительством не было внесено в Государственную Думу в течение 2 месяцев со дня открытия ее

37 См. сборник постановлений, изданных в порядке ст. 87-ой Основных Законов. Издание второе. Санкт-Петербург, государственная типография, 1907 г.

занятий и потому утратило свою силу. Издание остальных 54 постановлений никак не может быть оправдано наличностью «чрезвычайных обстоятельств». Большая часть из них касается таких вопросов, как, например: о переименовании должностей военных губернаторов Акмолинской и Семипалатинской областей в должности Акмолинского и Семипалатинского губернаторов (постановление 11 августа 1906 г.) или о рыболовстве в Закаспийской области — постановление, состоявшееся 19 февраля 1907 г., т.е. накануне открытия сессии Государственной Думы. Вторую группу мероприятий в порядке 87-й статьи составляют постановления, проведенные, по-видимому, с целью, как говорил П.А.Столыпин князю Г.Е.Львову и мне, привлечь на сторону правительства различные группы населения. К этой категории могут быть отнесены постановления: об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей, о порядке образования и действия старообрядческих и сектантских обществ, об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, а также и в ремесленных, и т.п. Постановления этого рода, несомненно, не могли быть поставлены в зависимость от чрезвычайных обстоятельств. Наконец, к последней группе чрезвычайного законодательства должны быть отнесены постановления, касающиеся крестьянского землевладения и землеустройства, среди которых первое место занимает указ 9 ноября 1906 г., наименованный указом о дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения и землепользования, но в сущности направленный к разрушению общинного землевладения. Оставляя в стороне вопрос о преимуществах и недостатках общинного строя, нельзя не принять во внимание, что сельская община являлась многовековой основой

сельского быта в большей части страны, и нельзя не признать, что разрушение этой основы уклада всей сельской жизни никоим образом не могло быть обусловлено «чрезвычайными обстоятельствами», не допускающими отлагательства, и проведено в порядке ст. 87-й. Все чрезвычайное законодательство, проводимое с такой настойчивостью П.А. Столыпиным, как между Государственными Думами 1-го и 2-го созывов, так и между Государственными Думами 2-го и 3-го созывов, определенно свидетельствовало об его неуважении к правам законодательных учреждений и о его желании навязывать им свою волю, поставляя их пред совершившимися уже фактами. Такое отношение П.А.Столыпина получило особенно резкое выражение при проведении им в 1911 году в порядке ст. 87-й, во время перерыва на рождественские праздники заседаний законодательных палат, закона о введении земских учреждений в Юго-Западном крае, встретившего возражения со стороны Государственного Совета. Насколько П.А.Столыпин при усвоенной им точке зрения игнорировал принципиальную сторону вопроса и основные права представительных учреждений, видно особенно ясно из того, что когда представители фракции октябристов выразили ему свое возмущение его образом действий, то он был крайне удивлен их недовольством, так как закон был проведен в порядке ст. 87-й в редакции Государственной Думы, и П.А.Столыпину казалось, что Государственная Дума должна была быть ему за то признательной.

Не ограничившись проведением многочисленных постановлений в порядке статьи 87-й, П.А.Столыпин не остановился пред представлением Государю Императору об изменении закона о выборах в Государственную Думу в

прямое нарушение условий, установленных 87-й статьей, и в целях предоставления преобладания в Государственной Думе представительству привилегированных, имущественных классов и реакционных элементов. Это нарушение данного с высоты Престола обещания в значительной мере поколебало в стране престиж монархической власти и еще более укрепило недоверие к бюрократическому правительству. Всем хорошо памятно, каким давлением со стороны власти сопровождались в 1907 году выборы в Государственную Думу 3-го созыва, причем правительство не остановилось даже пред вовлечением в политическую борьбу духовенства и пред подчинением своему влиянию Сената, руководящие разъяснения которого в 1907 году вступали нередко в противоречие с прежними его разъяснениями и с самим избирательным законом.

П.А.Столыпин ставил своим идеалом — великую Россию, но величие ее он видел в укреплении ее внешнего могущества и в усилении мощи правительственной власти внутри страны. В таком величии государства он признавал самодовлеющую цель, при которой существеннейшие задачи государства — обеспечение всем гражданам свободы, равных для всех личных и политических прав и содействие осуществлению общего блага и высшей правды — отступали на задний план. П.А.Столыпин в государственном строе и государственной жизни, по-видимому, не признавал надлежащего и необходимого значения нравственного начала. Так, например, поставив себе целью разрушение общинного землевладения, он рассматривал общину исключительно как стеснительную опеку над личностью и совершенно не обращал внимания на то, что общинное пользование землей отвечает жизнепониманию народа, вытекающе-

му из религиозного его сознания. В речи, сказанной 5 декабря 1908 года в Государственной Думе при обсуждении земельного закона, П.А.Столыпин, между прочим, говорил, что закон не должен ставить преграды обогащению сильного, он должен иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых, и что правительство, проводя в порядке ст. 87-й закон 9 ноября 1906 года, ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных. В защиту этого же закона председатель совета министров 10 мая 1907 г. указывал в Государственной Думе, что землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Эта аргументация является очень характерной для понимания всей государственной деятельности П.А.Столыпина: она руководилась культом силы и была направлена, с одной стороны, к охранению бюрократического абсолютизма, а с другой — к поддержке имущественных классов, не считаясь с требованиями общего блага и нравственного долга.

Глава XV

Выход мой из «Союза 17 октября». Изменения в настроении Государственного Совета после роспуска первой Государственной Думы. Роспуск Государственной Думы второго созыва. Положение о выборах в Государственную Думу 3 июня 1907 года. Попытки объединения прогрессивных элементов общества и политических партий.

Незадолго до отъезда из Москвы в Санкт-Петербург перед предстоявшим открытием новых законодательных учреждений я заявил центральному комитету «Союза 17 октября» о моем отказе от дальнейшего исполнения обязанностей его председателя. Председателем комитета был избран А.И.Гучков. Свой отказ я мотивировал необходимостью частых и продолжительных отлучек, связанных с исполнением обязанностей члена Государственного Совета, но кроме этой причины, решение мое обусловливалось для меня лично следующими мотивами. В главе XII-й я уже говорил о впечатлениях, сложившихся у меня во время происходившего в феврале 1906 года съезда делегатов «Союза 17 октября», которые внушили мне большое опасение за направление деятельности «Союза» в дальнейшем будущем. При учреждении «Союза» его главная задача определялась — содействовать всеми доступными ему средствами неотложному и полному осуществлению начал, возвещенных в манифесте 17 октября, и преобразованию нашего государственного строя мирным путем. В этих целях признавалось необходимым одинаково противодействовать и протестовать против проявления всякого рода произвола и насилия, как со стороны революционных течений, так равно

и со стороны административной власти. Только в сохранении беспристрастного и вполне объективного положения хотелось видеть и понимать смысл существования «Союза 17 октября». Между тем, как выяснено было выше, при обсуждении на съезде вопроса об отношении к внутренней политике правительства и при баллотировке 3-го и 4-го пунктов резолюции, указывавших на необходимость отмены положения об усиленной и чрезвычайной охранах и на недопустимость злоупотребления военным положением по подавлении вооруженных восстаний, — голоса членов съезда разделились почти поровну и предложенные центральным комитетом резолюции были приняты незначительным большинством голосов. Результат голосования показал, что значительное число представителей «Союза», осуждая революционные насилия, было в то же время склонно примиряться с произволом правительственной власти и охранять ее чрезвычайные полномочия. На происходившем съезде с достаточной наглядностью выяснились двойственность состава «Союза» и отсутствие принципиальной солидарности между его членами. «Союз» при своем возникновении ставил себе целью перед выборами членов Государственной Думы объединить все партии, сочувствовавшие главной, основной задаче, поставленной себе «Союзом», но съезд показал, что к «Союзу» присоединились политические группы, чрезвычайно разнородные и очень различно понимавшие сущность главной задачи, преследуемой «Союзом». По окончании выборов «Союз», как временное объединение различных партий, не мог продолжать свое существование и неизбежно должен был превратиться в дальнейшем в самостоятельную политическую партию; но и при этом условии состав его не сделался однообразнее, и в

нем группировалось немало случайных элементов. По окончании выборов в Государственную Думу торгово-промышленная партия прекратила свое существование и члены ее в большей своей части присоединились к «Союзу 17 октября», как к политической партии. Этот приток новых членов не мог также не отразиться на составе «Союза» и придал этой партии в значительной мере классовый оттенок. К решению сложить с себя председательство в центральном комитете побудило меня также обнаружившееся существенное разномыслие между мной и А.И.Гучковым, лицом, с которым мне приходилось принимать более близкое и интенсивное участие в деятельности «Союза». С А.И.Гучковым мне пришлось ближе познакомиться во время наших поездок в Санкт-Петербург вскоре после 17 октября по приглашению гр. С.Ю.Витте, и мы оба были главными инициаторами образования «Союза 17 октября». А.И.Гучков всегда высказывался как убежденный конституционалист, не разделял моего понимания основной идеи русского самодержавия, как идеи нравственной, и признавал необходимость ограничения верховной власти конституционными гарантиями. Я, с своей стороны, только примирялся с основными положениями манифеста 17 октября и принужден был согласиться с необходимостью осуществления их в нашем государственном строе, как с неизбежным последствием слепой политики государственной власти и реакционных кругов, не пожелавших пойти своевременно навстречу справедливым требованиям общества и всего населения. Наше разномыслие в этом вопросе не могло помешать А.И.Гучкову и мне в совместной работе в «Союзе». Это разномыслие не исключало возможность нашей солидарности при выполнении главной задачи, поставленной «Союзу»

— содействовать мирному преобразованию нашего государственного строя. Одно из главных средств для достижения намеченной цели видел я в постоянном стремлении внести примирение в партийные рознь и вражду, разделяющие общество, устранять из политической борьбы раздражение, предвзятую подозрительность, взаимное недоверие и сводить ее по возможности к доброжелательному выяснению спорных вопросов и к установлению приемлемых для спорящих сторон соглашений. Такого рода тактика должна была быть усвоена особенно «Союзом», занимавшим центральное положение между правыми и левыми политическими группами. В этом отношении мне казалось во время предварительных переговоров и при учреждении «Союза», что между А.И.Гучковым и мною установится надлежащая солидарность, но в непродолжительном времени пришлось убедиться в ошибочности моего предположения. А.И.Гучков оказался человеком, легко увлекающимся политической партийной борьбой и склонным вносить в нее чрезвычайную страстность. В одной из наших бесед я говорил ему о моем отрицательном отношении к политической борьбе, побуждающем меня всегда избегать ее и устраняться от нее по возможности, а А.И.Гучков, не соглашаясь со мной, между прочим сказал: «Мне, напротив, всегда доставляет большое удовольствие хорошенько накласть моим противникам». Эти слова, сказанные во время товарищеского разговора в виде шутки, явились, как я убедился в скором времени, очень характерными для определения отношений моего собеседника к своим политическим противникам и заставили меня усомниться в возможности нашей солидарной политической деятельности.

22 февраля 1906 года происходило заседание московского губернского земского собрания, в котором рассматривался доклад губернской управы о положении земских служащих. В докладе указывалось на затруднительное положение, которое создается в последнее время для управы и для земского дела многочисленными предложениями губернатора, делаемыми на основании ст. 20 положения об усиленной охране, об увольнении большого числа земских служащих без привлечения их к судебной ответственности и без предъявления каких-либо определенных обвинений. Управа предлагала собранию сделать следующие постановления:

> «1. Признавая, что увольнение земских служащих по требованию администрации, не основанному на решении суда, противоречит смыслу манифеста 17 октября и наносит существенный ущерб земскому делу, и принимая во внимание, что такие требования администрации являются следствием применения законов об усиленной и чрезвычайной охранах, губернское земское собрание заявляет о необходимости немедленной отмены упомянутых исключительных законов. 2. Уполномочить управу, в случаях увольнения земских служащих не по самостоятельному решению управы, выдавать увольняемым единовременное пособие в размере трехмесячного оклада жалованья».

Против предложений управы возражал А.И.Гучков, участвовавший в собрании как гласный от г. Москвы. Он предложил отнестись отрицательно ко второй части первого предложения управы, требующей отмены усиленной и чрезвычайной охраны, но в то же время признавал нужным

осудить участие земских служащих в происходившей политической забастовке. С своей стороны А.И.Гучков предложил принять следующую резолюцию:

> «1. Безусловно осуждая политическую забастовку, как средство политической борьбы, собрание признает недопустимым участие в ней, как для учреждений, подведомственных земству, так и для отдельных земских служащих. 2. Просить управу принять меры к предотвращению и прекращению в будущем таких забастовок в учреждениях губернского земства. 3. Признать необходимым, чтобы в случае арестования и увольнения земских служащих дела о них передавались на рассмотрение суда».

Внесенные А.И.Гучковым предложения, имевшие целью осудить исключительно проявившееся в среде земских служащих сочувствие революционному движению, не касаясь вовсе произвольных действий администрации, были вызваны его враждебностью к конституционно-демократической партии и явились, несомненно, актом политической борьбы, что он и сам не скрывал, заявив при внесении своих предложений, что «губернская управа будет поставлена этим в затруднительное положение, так как, с одной стороны, она должна проявить все силы, чтобы охранить от распадания земское хозяйство, а с другой стороны, большинство управы, как принадлежащее к составу к.-д. партии, должно выражать солидарность с забастовочным движением». Представители управы и многие гласные горячо возражали А.И.Гучкову и выясняли, что управа всегда старалась удержать служащих от забастовок, но, кроме морального воздействия, она не имела и не может иметь других средств.

Нельзя, осуждая забастовочное движение, не указать на причину его, обусловливающую и заключающуюся в ничем неограниченном произволе администрации. Я высказал в собрании полное недоумение, вызванное во мне выступлением А.И.Гучкова, который всего 12 дней назад на съезде «Союза 17 октября» доказывал необходимость скорейшей отмены положения об охранах, а теперь предлагает отнестись отрицательно к этому вопросу. Не примиряясь ни с каким насилием, откуда бы оно ни исходило, я считал правильным принять первое предложение А.И.Гучкова и одновременно принять оба предложения губернской управы. После моих указаний А.И.Гучков объяснил, что он, защищая сохранение положения об усиленной и чрезвычайной охранах, считал необходимым дать средство правительству для борьбы с революционным движением, и предложил дополнить свои предложения следующим четвертым пунктом: 4. «Вполне допуская, что в исключительных случаях администрация должна быть снабжена исключительными полномочиями, признать необходимыми — безотлагательное издание законов, регулирующих свободу, и одновременно с этим отмену положения об усиленной и чрезвычайной охранах». Выступление А.И.Гучкова было встречено с большим сочувствием всеми гласными, принадлежавшими или примыкавшими к реакционному направлению, всегда относившимися отрицательно к освободительному движению. При баллотировке предложения управы были отвергнуты большинством 33 против 27 голосов, а предложения А.И.Гучкова приняты. Образ действий А.И.Гучкова в губернском земском собрании явился наглядным подтверждением тому, что он в пылу партийной борьбы готов поступиться как интересами общественного дела, так и основны-

ми положениями, которые, казалось, он сам признавал руководящими началами своей политической деятельности. Выступление А.И.Гучкова в губернском земском собрании явилось для меня первым указанием, что наша совместная деятельность в дальнейшем едва ли будет возможна, а избрание его председателем центрального комитета возбуждало во мне сомнение перед вопросом: выполнит ли «Союз 17 октября» примиряющую роль среди политических партий или перейдет на путь резкой борьбы с партиями, левее его стоящими, и, встав на этот путь, поступится осуществлением начал, возвещенных манифестом, который должен был служить «Союзу» его знаменем?

После роспуска первой Государственной Думы, во время переговоров П.А.Столыпина с общественными деятелями из числа последних только один А.И.Гучков остался не поколебленным в своем сочувствии к проведенной новым председателем совета министров мере. С точки зрения правоверного конституционалиста признать правильным принудительное прекращение деятельности Государственной Думы при наличности создавшихся условий было трудно. Не оправдывая образ действий Государственной Думы, нельзя было не сознавать, что он во многом был вызван антиконституционной политикой самого правительства. Одобрение А.И.Гучковым роспуска Государственной Думы могло найти себе объяснение только в его нетерпимом отношении к к.-д. партии, в силу чего он готов был примириться с этой мерой, как с сильным ударом, наносимым его политическим противникам. При постановке на очередь вопроса о привлечении общественных деятелей в образуемый П.А.Столыпиным кабинет, А.И.Гучков более продолжительное время, чем остальные, продолжал выражать

доверие к политике нового премьера и готовность принять его предложение, но после всего, что выяснилось в переговорах с П.А.Столыпиным, которые он вел с гр. П.А.Гейденом, А.И.Гучковым и Н.Н.Львовым с одной стороны, а с кн. Г.Е.Львовым и мной с другой, А.И.Гучков, казалось нам всем, был поколеблен в своем доверии к политике, намечавшейся новым главой правительства, и наравне со всеми остальными уклонился от принятия его предложения. При окончании переговоров с П.А.Столыпиным все привлеченные к ним общественные деятели были между собой, повидимому, вполне солидарны. Однако во второй половине того же июля месяца, когда в Москве собрались все указанные выше лица, в одной московской газете появилось сообщение об интервью с А.И.Гучковым, во время которого А.И. вновь высказал одобрение и доверие намерениям П.А.Столыпина и осуждение общественных деятелей, отказавшихся от сотрудничества с ним. Появление сведений об этом интервью совпало с опубликованием в «Новом Времени» сообщения санкт-петербургского телеграфного агентства о предложении общественным деятелям «занять освободившиеся министерские места», приведенного выше в предыдущей главе. Все участники переговоров с П.А.Столыпиным поспешили обратиться к А.И.Гучкову с просьбой объяснить им его образ действий. А.И. говорил, что он действительно не вполне разделяет нашего резко отрицательного отношения к политической личности П.А.Столыпина и в этом смысле высказался во время интервью с корреспондентом, но приписанное ему последним осуждение других общественных деятелей является каким-то недоразумением корреспондента, и заявил, что он поместит в той же газете необходимое с своей стороны разъяснение. После этого

А.И.Гучков совместно с нами обсуждал напечатанное в «Новом Времени» официозное сообщение и ответы на него, составленные гр. П.А.Гейденом, кн. Г.Е.Львовым и мной. На следующий день обещанное А.И.Гучковым разъяснение в газете не появилось, что было объяснено им недостатком времени; но оно не появилось и в последующие дни, и сообщенные в интервью сведения остались без опровержения.

Политика П.А.Столыпина не замедлила проявиться и получить свое развитие в том именно направлении, как она была понята общественными деятелями, которых премьер предполагал было привлечь в образуемый им после роспуска Государственной Думы кабинет. Эта политика не могла создать себе доверия в широких кругах общества и внести успокоение в настроение страны; она могла лишь, как я предупреждал П.А.Столыпина во время нашей последней встречи, вызвать обострение революционного движения и тем обусловить необходимость применения крайних репрессивных мер. Во время нашей беседы 16 июля я предполагал, что это случится через 2—3 месяца, и я ошибся только в сроке. Уже 19 августа 1906 года совет министров представил на высочайшее утверждение положение об учреждении военно-полевых судов. 24 того же августа было опубликовано правительственное сообщение, в котором отмечался быстрый рост революционного движения, вызвавший издание временных правил о военно-полевом суде, в силу которых, говорилось в сообщении, «судопроизводство и приведение приговора в исполнение значительно приближаются к моменту совершения преступления», но в действительности эти правила устраняли соблюдение требований судебной осторожности и элементарной справедливости и являлись в

руках власти исключительно орудием террора. Порядок рассмотрения и разрешения дел военно-полевыми судами приносил в жертву соображениям целесообразности не только необходимые условия для предупреждения роковых непоправимых судебных ошибок, но и требования безусловного нравственного начала. Далее в правительственном сообщении говорилось: «Не соответствовало бы обстоятельствам и интересам России… обратиться исключительно к проведению в жизнь освободительных реформ… Мнение это не может быть принято уже потому, что революция борется не из-за реформ, проведение которых почитает своею обязанностью и правительство, а из-за разрушения самой государственности, крушения монархии и введения социалистического строя». Переходя к определению программы правительства, сообщение указывало на обязанность администрации подготовить «законопроекты, которые служили бы основанием для суждения в законодательных учреждениях», но вслед за тем тотчас же говорилось, что многие законопроекты, «по чрезвычайной неотложности своей, должны быть проведены в жизнь немедленно». В числе последних на первом месте был поставлен «вопрос земельный и землеустроительный», а затем, «некоторые неотложные мероприятия в смысле гражданского равноправия и свободы вероисповедания». Этими словами полагалась основа получившему вскоре столь широкое развитие указному законодательству, помимо законодательных учреждений и по предметам, не имевшим во всяком случае характера «чрезвычайной неотложности». В ряду предполагавшихся отмен «отживших правоограничений» указывалось, что «и в области еврейского вопроса безотлагательно будет рассмотрено, какие ограничения… могут быть отме-

нены немедленно». В общем правительственное сообщение вполне подтверждало вынесенные кн. Г.Е.Львовым и мной из бесед с П.А.Столыпиным впечатления, что он не способен и не желает вступить открыто на путь политической свободы и широких реформ, что после манифеста 17 октября и при существовании в стране законодательных учреждений он признает возможным проводить в жизнь изменения законодательных норм по своему усмотрению, и рассчитывает привлечь симпатии и сочувствие различных общественных групп путем спешного предоставления им некоторых прав.

27 августа в «Новом Времени» появилось, переданное из Москвы по телефону, следующее сообщение о беседе, происходившей накануне между А.И.Гучковым и корреспондентом газеты:

> «Я с особенным удовольствием, — сказал г. Гучков, — должен признать, что в своей декларации министерство не отступило от тех основ, какие оно защищало, когда вело переговоры с общественными деятелями и когда не приходилось еще считаться с ужасным впечатлением взрыва на Аптекарском острове. Эта декларация предполагалась давно. Еще когда П.А.Столыпин вел переговоры с нами, он считал необходимым обратиться к обществу с ясным и подробным изложением правительственной программы. Общий тон опубликованной декларации я считаю чрезвычайно удачным, хотя, может быть, и не согласен со всеми ее деталями. Я сочувствую декларации; из нее я вижу, что правительство совсем не намерено пользоваться результатами победы, которую оно, несомненно, чувствует за собой. Нельзя ведь отрицать, что ро-

спуск Государственной Думы был вызовом не только революционным элементам, но и обществу вообще. Конечно, можно было ждать волнений; их удалось избежать и правительство могло бы праздновать победу, забыв о реформах, могло бы даже подумать, что можно управлять и дальше совсем без Думы. Но правительство не впадает в эту ошибку и обещает подготовить реформы до Государственной Думы и потом работать совместно с Думой. Правда, в осуществлении реформ декларация сулит слишком осторожные и медленные шаги. Указания правительства на решительные меры в борьбе с революцией дают надежду, что люди мирного труда встретят в правительстве твердую власть, имеющую охранять нашу молодую политическую свободу. При нашем расшатанном строе мы нуждаемся в твердой и решительной политике правительства. Некоторые считают, что опубликование либеральной декларации кабинета в одно время с законом о скорых военно-полевых судах являются как бы попыткой подсластить пилюлю, успокоить общество. Может быть, тут и был некоторый расчет на то, что рядом с либеральной декларацией суровый закон о военно-полевых судах не будет так заметен. Во всяком случае опубликование программы было предрешено гораздо раньше и об этом неоднократно говорилось при переговорах с общественными деятелями. Что касается самого закона о военно-полевых судах, то он является жестокой необходимостью; он как бы легализирует карательные экспедиции, которые совершались и раньше. Но, ведь, у нас, в некоторых по, крайней мере, местностях, идет, право, междоусобная

война, а законы войны всегда жестоки. Для победы же над революционным движением такие меры необходимы. Может быть, в Баку резня была бы предотвращена, если бы своевременно предавались военно-полевому суду лица, захваченные с оружием. Конечно, надо при применении полевых судов оградить общество от злоупотреблений, от каких-либо личных счетов, но в серьезный момент, переживаемый нами, решительные меры необходимы. Пример свободолюбивых Соединенных Штатов Северной Америки, где после землетрясения в Сан-Франциско моментально повесили 15 грабителей, служит в этом случае знаменательным указанием. А ведь возрастающее у нас грабительство уже перешло от революционного характера прямо в хулиганство. Должен сказать в заключение, что я глубоко верю в П.А.Столыпина. Таких способных и талантливых людей еще не было у власти. Я уверен, что он приложит все усилия, чтобы осуществить свою программу в жизни. Я верю в чистоту его намерений и в его горячую любовь к нашей исстрадавшейся родине. Но все дело, конечно, в том, насколько он властен, а от этого зависит исполнение обещаний, данных им в декларации».

Высказанное председателем «Союза 17 октября» чувство полного удовлетворения правительственным сообщением и апология политики П.А.Столыпина, настоявшего на роспуске Государственной Думы, отложившего выборы и созыв новой Государственной Думы на очень долгий срок, признавшего возможным установления государственного бюджета, вопреки основным законам, без участия народного представительства, и открыто провозгласившего намерение

в указном порядке провести целый ряд существенных законов, помимо законодательных учреждений, — вызвали недоумение и понятное возмущение в широких кругах общества. Мое положение, как члена «Союза», при моем политическом жизнепонимании и моих убеждениях, становилось в высшей степени сложным и я не знал, что отвечать на многочисленные обращенные ко мне запросы о моем отношении к заявлениям А.И.Гучкова. Я сознавал необходимость громогласно протестовать против высказанных председателем «Союза» суждений, но в то же время считал нужным повременить некоторое время, выжидая, как отзовется центральный комитет на выступление своего председателя, и не разъяснит ли, может быть, сам А.И.Гучков в печати неточность и неправильность изложения его мнений и отзыва. Последнее, по словам некоторых членов «Союза», беседовавших по этому поводу с А.И.Гучковым, представлялось возможным. Однако, прошло более 10 дней, но ни со стороны центрального комитета, ни со стороны его председателя не последовало каких-либо разъяснений, а, напротив, 3 сентября в «Новом Времени» его корреспондент сообщил дополнительно, что А.И.Гучков подтверждает точность изложения происходившей между ними 26 августа беседы. При таком положении вопроса я не мог оставаться долее в составе «Союза 17 октября» и 7 сентября обратился в центральный комитет со следующим письмом, которое одновременно было напечатано в «Русских Ведомостях»:

> «В № 10939 «Нового Времени» от 27 августа помещено сообщение о беседе корреспондента газеты с А.И.Гучковым по поводу опубликованной декларации министерства П.А.Столыпина. Из этого сообщения видно, что А.И.Гучков не только оправдывает уста-

новление военно-полевых судов, но и высказывает сочувствие министерской декларации, считает ее тон чрезвычайно удачным и с полным доверием относится к программе и курсу, которые намерен держаться кабинет П.А.Столыпина. В № 10946 той же газеты сотрудник ее сообщает по телефону из Москвы, что А.И.Гучков подтвердил точность изложения происходившей между ними беседы.

Поскольку высказанное А.И.Гучковым является выражением его личных убеждений, постольку оно касается, конечно, только его одного, и А.И., как и всякий другой общественный деятель, свободен в своих убеждениях. Но А.И.Гучков состоит председателем центрального комитета «Союза 17 октября», а потому оповещенные в печати мнения и отношение его к правительственной декларации получают большое значение для всей партии, к которой он принадлежит, а также и для отношения общества к этой партии. Общество вправе сделать заключение, что «Союз» ставит себе в настоящее время задачей оказывать поддержку кабинету П.А.Столыпина и преследуемой им политике.

Я был одним из учредителей «Союза», был председателем его центрального комитета в Москве и принимал живое участие в деятельности партии. «Союз» всегда ставил себе главной задачей содействовать мирному преобразованию нашего государственного строя на твердом основании конституционных начал, возвещенных манифестом 17 октября 1905 года. Признавая, что задача мирного преобразования может быть разрешена лишь при условии взаимодействия

правительственной власти и общества, «Союз» считал своею обязанностью идти навстречу такому необходимому взаимодействию, поскольку правительство искренно и последовательно будет осуществлять конституционный строй. Когда в начале текущего года стало ясно, что министерство гр. С.Ю.Витте сошло с этого пути и по-прежнему придерживается традиций бюрократического абсолютизма и административного произвола, то съезд «Союза» высказал громкое осуждение такой тактике правительства и открыто заявил, что образ действий министерства исключает возможность какой-либо поддержки со стороны «Союза». Оставаясь верным этим принципам, я не считаю возможным, чтобы «Союз» мог быть в настоящее время солидарен с министерством П.А.Столыпина. Министерство П.А.Столыпина есть министерство роспуска Думы, министерство, создавшееся на почве конфликта переживающего себя бюрократического режима с народным представительством. Поэтому политика настоящего кабинета может быть только реакционной, о чем с очевидностью свидетельствуют ежедневно многочисленные факты проявления административного произвола. Хотя министерская декларация и заявляет, что правительство борется не с обществом, а только с врагами общества, но при этом врагами общества, по-видимому, признаются все, не одобряющие действия правительства. Путь усиливающихся репрессий является для настоящего министерства неизбежным и уже привел его к широкому применению военно-полевых судов. В настоящее время самым страшным фактом нашей общественной жизни представляется

все усиливающийся упадок нравственного сознания, а, помимо нравственного возрождения, стране нет выхода из переживаемого положения. Но не военно-полевые суды могут обновить нравственный облик земли русской, — мера эта может содействовать лишь еще большему развитию процесса деморализации и одичания в обществе.

Расходясь с председателем центрального комитета «Союза» в оценке декларации министерства, я, в виду нашего коренного разногласия, не нахожу для себя возможным оставаться членом «Союза 17 октября» и выхожу из его состава.

7 сентября 1906 г. Д.Н.Шипов»

Только 29 сентября в «Новом Времени» была напечатана резолюция соединенного собрания санкт-петербургского и московского центральных комитетов «Союза», в которой, признавая верным мое указание, что «Союз» всегда ставил себе главной задачей содействовать мирному преобразованию нашего государственного строя на твердом основании конституционных начал, возвещенных манифестом 17 октября 1905 года, говорилось: «Ничто во всей прошлой и настоящей деятельности «Союза» не представляет отступления от этой основной задачи, ничто ей не противоречит и в недавно опубликованных заявлениях нынешнего председателя московского центрального комитета А.И.Гучкова». Эта резолюция подтвердила мне правильность принятого мною решения и свидетельствовала насколько прав был кн. Е.Н.Трубецкой, сказавший, что партия, имевшая своим знаменем манифест 17 октября, превратилась в партию «пропавшей грамоты».

Выборы в Государственную Думу второго созыва, происходившие под впечатлением роспуска первой Государственной Думы и определенно выяснившейся антиконституционной политики правительства, не могли не отразиться на составе и настроении вновь избранных народных представителей. Левое крыло второй Государственной Думы оказалось еще многочисленнее, а в рядах конституционно-демократической партии отсутствовали многие авторитетные ее представители, устраненные от участия в политической деятельности привлечением их к судебной ответственности за выборгское возвание. С момента открытия Государственной Думы стала вполне очевидной невозможность установления более или менее нормальных отношений между правительством и народным представительством и их взаимодействия; неизбежный между ними конфликт мог быть только вопросом времени.

Совершенно иное настроение, под влиянием тех же обстоятельств не замедлило проявиться в среде членов Государственного Совета, созванного во вторую сессию. Группа правых членов Государственного Совета значительно усилилась; группа центра готова была приветствовать направление политики нового премьера и делала вид, что эта политика, будто бы, не вступает в противоречие с основными началами манифеста 17 октября; прогрессивная группа из числа выборных членов Государственного Совета состояла всего из 12 лиц. Государственная власть всемирно старалась поддерживать и усиливать влияние в Государственном Совете представителей реакции. Как уже было указано в XII-ой главе, четыре члена Совета по назначению, проявившие во время первой сессии склонность присоединяться к прогрессивным мнениям, не были назначены на

1907 год к присутствованию в Государственном Совете, что должно было послужить предостережением для остальных членов по назначению. После кончины председателя Государственного Совета Э.В.Фриша, человека хорошо понимавшего политическое значение переживаемого страной времени и необходимость обновления нашей государственной жизни, 10 апреля 1907 года председателем был назначен М.Г.Акимов, заведомо относившийся отрицательно к преобразованию государственного строя, согласно манифесту 17 октября.

В заседании Государственного Совета 6 марта 1907 года была выслушана декларация правительства, прочтенная председателем совета министров, после чего от группы центра бароном П.Л.Корфом[38] был предложен проект следующей резолюции: «Выслушав сообщение правительства и выражая полную готовность содействовать проведению в жизнь тех законопроектов и мероприятий правительства, которые будут направлены ко благу народа и к водворению в стране порядка и законности, в осуществление высочайших предначертаний, призвавших Россию к новой жизни, — Государственный Совет переходит к очередным делам». Против этой резолюции от лица прогрессивной группы возражал кн. Е.Н.Трубецкой. Он указывал, что предложенная резолюция заключает в себе обязательство известной поддержки и косвенное выражение одобрения и уверенности, что правительство действительно будет содействовать проведению в жизнь законности. Признавая преждевремен-

38 Бар. П.Л. Корф был председателем с.-петербургского отделения центрального комитета «Союза 17 октября».

ным выражение доверия или недоверия правительству, кн. Е.Н.Трубецкой предлагал остановиться на простом, не мотивированном переходе к очередным делам. Резолюция, предложенная бароном П.Л.Корфом, была принята подавляющим большинством против 17 голосов, присоединившихся к заявлению кн. Е.Н.Трубецкого.

Предупредительную готовность проявил Государственный Совет в удовлетворении предъявленных администрацией требований об устранении членов Государственного Совета, принадлежавших к его прогрессивной группе. Министром юстиции был возбужден вопрос о временном устранении от участия в заседаниях члена Совета В.А.Кудрявого, избранного вологодским губернским земством, в виду привлечения его к следствию по обвинению в деянии, предусмотренном ст. 341 улож. о наказ., т.е. за превышение власти. Сущность предъявленного обвинения заключалась в том, что в качестве городского гласного и члена исполнительной комиссии В.А.Кудрявый, совместно с другими лицами, израсходовал 2000 р. на вооружение народной милиции. Комиссия Государственного Совета, рассматривавшая этот вопрос, пришла к заключению, что, согласно ст. 27 учреждения Государственного Совета, раз член его привлечен к следствию, то он должен быть устранен от участия в заседаниях Государственного Совета. Член комиссии, Д.Д.Гримм, остался при особом мнении и доказывал, что ст. 27 учр. Гос. Сов. не налагает на Совет обязанность, а предоставляет ему право устранить или не устранить из своих заседаний члена Совета, привлеченного к судебному следствию. При разрешении такого рода вопроса Государственный Совет не может ограничиваться установлением факта формального привлечения лица к следствию, а

должен войти в морально-политическую оценку предъявляемого ему обвинения. Если бы в деянии В.А.Кудрявого было что-либо грозящее общественной безопасности, то судебная власть не ждала бы более года, а между тем, после инкриминируемого ему деяния В.А.Кудрявый был избран членом Государственного Совета и принимал участие в первой его сессии. Ст. 341 уложения о наказаниях угрожает отрешением от должности, но В.А.Кудрявый никакой должности не занимал; он был избран городской думой в исполнительную комиссию, но комиссия эта не осуществилась, так как по протесту губернатора постановление об ее учреждении было тотчас же отменено губернским присутствием. Не взирая на доводы, приведенные Д.Д.Гриммом, Государственный Совет большинством 125 голосов против 23 устранил В.А.Кудрявого от участия в заседаниях Государственного Совета. — Костромское губернское земское Собрание 7 декабря 1906 года избрало членом Государственного Совета Н.В.Марина, вместо выбывшего из состава члена Совета А.В.Перелешина, избранного ранее в заседании того же собрания 27 марта того же года. От костромского губернатора поступило заявление о неправильном избрании Н.В.Марина на том основании, что он не был включен в список лиц, имеющих право быть избранными в члены Государственного Совета. Семь членов комиссии Государственного Совета, рассматривавшей вопрос о выборах Н.В.Марина, пришли к заключению, что избрание его следует признать неправильным и подлежащим отмене. С таким постановлением три члена комиссии не согласились по следующим соображениям. Солигалическая управа в составленном ею списке в рубрике возраста по недосмотру проставила против фамилии Н.В.Марина 59 лет и губерна-

тор только по этому исключил его из списка. Управа, узнав о происшедшей ошибке, телеграфировала губернатору, что Н.В.Марину 40 лет, но список был уже опубликован. В список, составленный и опубликованный губернатором перед выборами 27 марта, Н.В.Марин был включен и возраст его был показан правильно. В виду происшедшей при напечатании последнего списка очевидной ошибки, губернское земское собрание дополнило список включением в него Н.В.Марина. В виду этих сведений право Н.В.Марина на избрание представлялось несомненным. Тем не менее при баллотировке этого вопроса в заседании Государственного Совета 93 лица высказались за отмену выборов Н.В.Марина и только 47 лиц за признание их правильными, но так как постановление об отмене выборов приобретает силу, когда оно принято большинством двух третей голосов, а 2/3 наличного состава равнялось 93⅔, то выборы Н.В.Марина были оставлены в силе.

Перемена в политическом настроении Государственного Совета сказалась лично для меня в изменении отношений ко мне большинства его членов. Во время первой сессии отношения ко мне членов Совета были очень любезные, внимательные и многие из них вступали со мной в продолжительные беседы, особенно, когда усилились слухи о том, что я могу быть привлечен к разрешению ответственной задачи установления взаимодействия правительственной власти с народным представительством. В то время осуществление в государственной жизни во всей полноте начал, возвещенных манифестом 17 октября, для значительного большинства членов Государственного Совета представлялось, если не необходимым, то, во всяком случае, неизбежным, и общее желание сводилось преимущественно

к тому, чтобы переход от старого строя к новому совершился возможно мирным путем, без больших потрясений. Но с роспуском первой Государственной Думы и развитием политики, провозглашенной П.А.Столыпиным, открывалась, как будто, возможность избежать широких политических и социальных реформ и исполнить обещание манифеста 17 октября лишь формально, сохранив, в сущности прежние основы государственного строя. Государственный Совет, состоявший из элементов, в подавляющем своем большинстве сочувствовавших скорее сохранению, по возможности, старых условий государственной жизни, поспешил приветствовать политику П.А.Столыпина и готов был оказывать ему полную поддержку. Зная мое безусловно отрицательное отношение к направлению деятельности и образу действий П.А.Столыпина и имея в виду письмо мое и кн. Г.Е.Львова, помещенное в «Новом Времени», в ответ на официозное сообщение о переговорах П.А.Столыпина с общественными деятелями, а также мое мотивированное и оглашенное в печати заявление о выходе моем из состава «Союза 17 октября», большинство членов Государственного Совета сохранило ко мне только вежливые отношения, исключительно формального характера, избегая обмена со мной мнениями по вопросам политики и законодательной деятельности. Продолжение моего участия в Государственном Совете было для меня очень тягостным и оно сделалось еще более неприятным во время третьей сессии Государственного Совета, когда, после роспуска второй Государственной Думы, бюрократия и вообще реакция чувствовали себя в положении победителей над освободительным движением. Неоднократно порывался я сложить с себя звание члена Государственного Совета, но по настоянию членов прогрес-

сивной группы я оставался до конца трехлетия, на которое был избран. Так как заседания Государственного Совета назначались не часто, то я приезжал в Санкт-Петербург в день заседания Государственного Совета и по его окончании возвращался тотчас же в Москву. Участия в прениях я почти не принимал и выступал в очень редких случаях, лишь при настоятельном желании прогрессивной группы, и всегда чувствовал, что мое выступление не содействует выяснению и принятию защищаемого мною мнения, а, скорее, служит ему во вред.

Диаметрально противоположные настроения второй Государственной Думы и Государственного Совета во время их второй сессии не привели к столкновениям между законодательными палатами только потому, что за краткий срок существования Государственной Думы во вторую палату из первой не поступило законопроектов принципиального характера. Отрицательное отношение Государственного Совета к Государственной Думе за этот период имело повод проявиться в двух случаях. Из первой Государственной Думы незадолго до ее роспуска поступил в Государственный Совет законопроект об отмене смертной казни, переданный в то время Государственным Советом на рассмотрение особо избранной комиссии, которая не успела выполнить возложенное на нее поручение до перерыва первой сессии Государственного Совета. По открытии следующей сессии комиссия остановилась пред вопросом: может ли она продолжать обсуждение законопроекта, возникшего по почину распущенной Государственной Думы и не рассмотренного заседающей второй Государственной Думой? Комиссия большинством голосов признала, что она не вправе рассматривать переданный на ее заключение законо-

проект и предложила Государственному Совету отнестись к этому делу так же. Члены комиссии Н.С.Таганцев и С.Ф. Платонов остались при особом мнении, полагая, что Государственному Совету надлежит рассмотреть вопрос по существу и установить свое определенное к нему отношение. Если будет признано нужным внести какие-либо изменения в проект, то, в таком случае, следует поступить согласно ст. 49 учрежд. Государственного Совета, указывающей, что при разногласии палат проект или возвращается в Государственную Думу, или направляется в согласительную комиссию. Передача вопроса в согласительную комиссию невозможна, так как вторая Государственная Дума вопрос по существу не рассматривала, но законопроект с изменениями Государственного Совета может быть возвращен в новую Государственную Думу, которая и распорядится им, как признает нужным. На разрешение Государственного Совета были поставлены два вопроса: следует ли признать законопроект об отмене смертной казни не подлежащим рассмотрению или следует поручить комиссии обсудить законопроект по существу и внести свое заключение в общее собрание Государственного Совета? Большинством, 135 против 12 голосов, Государственный Совет согласился с мнением большинства комиссии.

В заседании 2 мая 1907 года Государственному Совету был предложен к рассмотрению одобренный 17 апреля того же года Государственной Думой законопроект об отмене положения о военно-полевых судах, состоявший из двух статей:

> Ст. 1-ая. Высочайше утвержденное в 19-ый день августа 1906 г. положение совета министров об учреждении военно-полевых судов отменить.

Ст. 2-ая. Все дела, по коим приговоры военно-полевых судов не приведены в исполнение, равно дела, по коим осужденные отбывают наказания, безотлагательно передать в общие судебные места для направления и рассмотрения по правилам устава уголовного судопроизводства.

Министр юстиции, И.Г.Щегловитов, настаивал на отклонении законопроекта, главным образом, на том основании, что положение о военно-полевых судах было издано в порядке ст. 87 основныхъ законов и, как не внесенное правительством в законодательные учреждения в течение двух месяцев со дня их созыва, уже потеряло свою силу. С.С. Манухин признавал необходимым соблюдение общего правила ст. 98-ой наказа, требующей, чтобы все законопроекты не слушались непосредственно в общем собрании Государственного Совета, а проходили нормальную стадию предварительного соображения в комиссии, и предложил передать рассматриваемый вопрос в комиссию законодательных предположений. Однако, при голосовании, предложение С.С.Манухина было отклонено значительным большинством, а затем подавляющим большинством был отклонен законопроект, одобренный Государственной Думой. Пред последней баллотировкой я, по поручению 10 лиц, заявил, что мы воздерживаемся от участия в голосовании на основании следующих мотивов. Невозможность принять первую статью законопроекта очевидна, так как нельзя отменять несуществующий закон. Вторая статья представляется с юридической точки зрения недостаточно обоснованной и неудовлетворительно формулированной, вследствие чего за принятие ее в предложенной редакции высказаться трудно. В то же время, однако, несомненно, что

военно-полевая юстиция не была обставлена надлежащими правовыми условиями, и общественная совесть не может не желать исправления судебных ошибок. Если вопрос этот был бы передан в комиссию, то последняя могла бы наметить путь для правильного его разрешения, но, в виду отклонения Государственным Советом предложения С.С. Манухина, возможность внесения необходимого изменения в ст. 2-ую законопроекта отпадает и по этой причине прогрессивная группа членов Государственного Совета вынуждена воздержаться от участия в голосовании вопроса о принятии или отклонении всего законопроекта.

В обоих указанных случаях Государственный Совет уклонился от обсуждения и разрешения вопросов по существу и предпочел устранить их рассмотрение по мотивам формального характера, хотя, очевидно, недостаточно основательным. Он не мог настолько игнорировать общественное мнение и общественное настроение, чтобы высказаться открыто против отмены смертной казни и против необходимости исправления несправедливостей, явившихся последствиями военно-полевой юстиции, но в то же время Государственный Совет не хотел выразить своего положительного отношения к этим вопросам, так как такого рода постановления Государственного Совета имели бы, несомненно, значение косвенного осуждения политического террора, примененного П.А.Столыпиным. В устранении рассмотрения указанных вопросов по формальным соображениям, Государственный Совет нашел выход из затруднительного положения.

Политика П.А.Столыпина не могла внести успокоение в возбужденное настроение страны, оживить в населении сознание нравственного долга и воспитать в нем доверие к

правительственной власти. Такие результаты могли бы явиться лишь последствием укрепления в народе убеждения, что правительство, охраняя государственный порядок и авторитет власти, готово в то же время искренно и последовательно идти по пути осуществления начал, возвещенных манифестом 17 октября 1905 г., безотлагательного проведения в жизнь широких демократических реформ и строгого уважения личных и политических прав всех граждан. Но образ действия правительства с течением времени все с большей убедительностью свидетельствовал, что государственная власть преследует совсем иные цели и стремится свести на нет обещания высочайшего манифеста. Путь, избранный П.А.Столыпиным, привел его сначала к установлению военно-полевых судов, положение о которых, изданное в порядке ст. 87-ой основных законов, он сам не мог даже решиться внести на рассмотрение законодательных палат, а затем и к роспуску второй Государственной Думы.

Если в составе второй Государственной Думы оказалось много элементов негосударственных и не работоспособных, то это в значительной степени явилось последствием не обоснованного роспуска первой Государственной Думы и правительственных мероприятий во время междудумья, как, например, устранение от выборов видных общественных деятелей, возбуждением против них уголовных преследований и другими репрессивными мерами. Направление и характер деятельности правительства создавали в широких кругах населения острое оппозиционное настроение и побуждали избирателей отдавать свои голоса кандидатам, стремившимся в Государственную Думу, главным образом, для политической борьбы с бюрократическим, антиконституционным правительством. Недостаточная спо-

собность второй Государственной Думы к законодательной деятельности проявилась в бесконечных и бесплодных прениях по разным вопросам, не стоявшим на очереди, и особенно в затяжке и опоздании рассмотрения государственной росписи. Это последнее обстоятельство могло бы послужить достаточным и справедливым основанием для роспуска Государственной Думы в половине или конце июня, перед летними вакациями, и если одновременно новые выборы были бы назначены безотлагательно с тем, чтобы новая Государственная Дума была созвана на 1 сентября, то в таком случае стране была бы ясна причина, вызывающая роспуск Государственной Думы, а также представилось бы несомненным, что правительство по существу не относится отрицательно к народному представительству. При таких условиях, выборы в третью Государственную Думу дали бы, вероятно, более работоспособный состав ее членов. Однако, П.А.Столыпин при роспуске второй Государственной Думы руководился, очевидно, совершенно иными соображениями: он желал дискредитировать ее состав в политическом отношении и найти в этом повод для изменения положения о выборах в Государственную Думу.

1-го июня 1907 года Государственной Думе было доложено постановление судебного следователя по важнейшим делам о привлечении 55 членов Государственной Думы, принадлежавших к социал-демократической фракции, к следствию по обвинению в деяниях, предусмотренных 1 ч. 102 ст. уголовного уложения, и о взятии 16 из указанных лиц под стражу. При этом министр юстиции указывал на необходимость безотлагательного разрешения Государственной Думой вопроса о временном, в силу ст. 20 и 21 учр. Государственной Думы, устранении от участия в со-

браниях Думы всех привлеченных к следствию 55 членов Думы. Председатель Государственной Думы обратил ее внимание, что на основании § 96 наказа ни одно дело, на повестке не обозначенное, по существу в этом же заседании не рассматривается. Государственная Дума постановила передать представление министра юстиции и постановление судебного следователя на заключение особо избранной комиссии из 22 лиц и поручила ей представить свое заключение на следующий день вечером. Во время происходивших прений членом Государственной Думы, Коншиным, одним из привлеченных к следствию, в качестве члена социал-демократической фракции, было заявлено, что он членом этой фракции вовсе не состоит и что в привлечении его заключается явное недоразумение. Упоминаю об этом обстоятельстве, как о факте, подтверждавшем необходимость передачи возникшего дела на предварительное рассмотрение комиссии. 2-го июня, в субботу, при окончании дневного заседания Государственной Думы, по поручению комиссии, рассматривавшей вопрос об устранении 55 членов Государственной Думы, членом ее А.А.Кизеветтером было заявлено, что комиссия не имеет возможности закончить свою работу к вечернему заседанию и просит отсрочить слушание ее доклада до понедельника. В то же время было доложено, что комиссия занимается рассмотрением всего делопроизводства судебного следователя, при чем необходимые ей разъяснения дает представитель судебной власти. Государственная Дума, приняв во внимание сделанное от лица комиссии заявление, назначила слушание доклада комиссии на понедельник, 4-го июня. Такая непродолжительная и обоснованная отсрочка Государственной Думой разрешения поставленного ей вопроса не могла,

казалось бы, представить серьезного затруднения для правительства; полиция, зная обвиняемых, их местожительства и местопребывания, могла свободно иметь за ними неослабное наблюдение и не допустить их исчезновения в течение двух дней, необходимых Государственной Думе для принятия определенного и обдуманного решения. Но такое направление дела не соответствовало намерениям и видам председателя совета министров. Для него предъявленное Государственной Думе требование и ожидаемый отрицательный ее ответ должны были послужить лишь поводом для принятия против нее репрессивных мер, за ранее уже предрешенных. Очень вероятно, что из отзывов представителя судебной власти в комиссии, правительство могло предвидеть, что Государственная Дума признает возможным удовлетворить предъявленное ей правительством требование, и в таком случае роспуск Государственной Думы не мог бы последовать в данное время. Во избежание такого оборота дела Государственная Дума была распущена внезапно высочайшим указом 3-го июня, и в тот же день манифестом было объявлено об изменении избирательного закона и напечатано в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» новое положение о выборах в Государственную Думу.

Мероприятия, проведенные 3 июня 1907 года, имели характер государственного переворота; они являлись угрозой новому государственному строю и самому существованию народного представительства. Изменение избирательного закона помимо законодательных учреждений составляло грубое нарушение основных законов, утвержденных властью Монарха 23-го апреля 1906 года. Ст. 87-ая этих законов определенно устанавливала, что в указном порядке

не может быть вносимо никаких изменений в постановления о выборах в Государственную Думу. 28-го июня 1906 года во время предоставленной мне Его Величеством аудиенции в Петергофе, когда я, говоря о предполагавшемся роспуске первой Государственной Думы и о предстоявших в этом случае новых выборах, высказал предположение, не имеется ли в виду изменение избирательного закона, Государь проявил несомненное недовольство возможностью такого предположения и сказал резко: «об этом не может быть речи». Но менее чем через год П.А.Столыпину удалось побудить Государя нарушить данное им стране торжественное обещание и тем подорвать непоколебимо авторитет и престиж монархической власти в сознании всего народа.

Положение о выборах в Государственную Думу 3-го июня 1907 года тем более углубляло пропасть, отделявшую государственную власть от населения, что новый закон значительно ограничивал круг избирателей и предоставлял преобладание на выборах землевладетельческому и вообще имущественным классам. Новое положение вносило очень существенные изменения, в числе которых особенное значение имели следующие: 19 городов были лишены самостоятельного представительства; восточные окраины, имевшие в первых Государственных Думах 26 представителей, были вовсе лишены избирательного права; число членов Государственной Думы, избираемых Кавказом, Царством Польским, 4 губерниями Западной Сибири и в 5 губерниях Европейской России, было убавлено в общем итоге на 61; в городах избиратели были разделены в двух съездах в зависимости от величин их имущественных цензов; новое расписание числа выборщиков в губернских собраниях в 32 губерниях предоставляло абсолютное большинство землевладѣльцам, а в

остальных 21 губерниях большинство составляли землевладѣльцы и выборщики от первого съезда городских избирателей. Обеспечив в губернских избирательных собраниях преобладание представителей имущественных классов, составители избирательного закона не остановились пред установлением порядка, имевшего характер явного лицемерия. Ст. 123-ья устанавливала правило, в силу котораго избираемые члены Думы должны были являться представителями от всех курий, участвовавших в губернском избирательном собрании; но избрание их было предоставлено не отдельным куриям из своей среды самостоятельно, а должно было производиться в общем собрании всех выборщиков. Благодаря этому условию, в члены Думы от крестьянской и рабочей курий могли быть избраны не те лица, которых желали бы иметь своими представителями уполномоченные от волостей и рабочих, а те случайные члены этих курий, которых пожелают избрать представители имущественных классов.

Изменение избирательного закона, проведенное П.А. Столыпиным, явилось откровенным и убедительным доказательством, что в своей политической деятельности он не руководился требованиями нравственного долга, справедливости и принципом равноправия всех граждан, а стремился оградить близкие ему интересы крупного землевладения и торгово-промышленного класса в надежде, при содействии избранных ими представителей, найти в Государственной Думе поддержку своей политике. Третья Государственная Дума в этом отношении оправдала надежды П.А.Столыпина; она явилась законопослушной, и руководящая роль в ней принадлежала «Союзу 17 октября», превратившемуся окончательно в партию представителей интересов крупного

землевладения, торговли и промышленности. Этот видимый успех политики П.А.Столыпина мог быть, конечно, лишь кратковременным и находил себе объяснение в испуге имущественных классов пред обострением революционного движения, но эта политика не могла внести действительного умиротворения и предрешала неизбежность великих потрясений при дальнейшем развитии нашей государственной жизни в ближайшем же времени. Положение о выборах членов Государственной Думы 3 июня 1907 года, предоставляя преобладание имущественным классам, создавало благоприятную почву для восприятия народными массами социалистических учений о классовой борьбе, для воспитания в широких кругах населения недоверия к государственной власти и убеждения, что обеспечение своих прав население может получить не иначе, как путем политической борьбы с существующим строем. Представители имущественных классов, с своей стороны, следя за развитием деятельности правительственной власти, не могли не усмотреть в скором же времени, что эта политика в сущности вступает в полное противоречие с манифестом 17 октября и возвращает страну к прежнему порядку государственного управления, основанному на произволе и усмотрении правительственной бюрократической власти.

Для беспристрастного наблюдателя не могло не представляться несомненным, что избранный П.А.Столыпиным курс государственного управления и устанавливаемые им отношения государственной власти к народному представительству, должны привести страну в недалеком будущем к неминуемой политической катастрофе, так как порядок и условия государственного управления совершенно исключали возможность установления более нормальных отноше-

ний и взаимодействия власти с населением. П.А.Столыпин был человек с очень ограниченным политическим кругозором, с не глубоким общим миросозерцанием и был неспособен отрешиться от узких интересов своего класса, но он был человеком очень самоуверенным, властным и сумел подчинить своему пагубному, но сильному влиянию, Государя. Роспуск первых двух Государственных Дум и внешний, видимый успех, достигнутый политикой П.А.Столыпина в первое время, поселили в Государе, по-видимому, надежду на возможность сохранения неограниченности монархической власти и подорвали в нем сознание долга стремится к созданию и укреплению своей морально-политической солидарности с народным представительством. Было вполне очевидным, что никакие соглашения с властью, приемлемые для общественного сознания, невозможны и что для перехода от старого государственного строя к новому остается обществу и населению один путь, — путь политической борьбы с властью. Но встать на этот путь и следовать ему тем, для которых самая идея борьбы противоречила их заветным убеждениям и усвоенному общему жизнепониманию, было в свою очередь невозможным и этим лицам оставался лишь один выход устраниться от участия в политической деятельности. К числу этих последних принадлежал и я.

Устраняясь от активных политических выступлений, я, однако, не мог, в предвидении надвигающейся катастрофы, не сознавать своего долга посильно содействовать осуществлению всякого рода попыток объединения в стране всех прогрессивных элементов в целях сплочения их с тем, чтобы общими усилиями стараться оградить нашу государственную жизнь от слишком острых потрясений и устранить

или, по крайней мере, ослабить партийные рознь и вражду, разделяющие общество. Мне казалось, что для такого рода сближения общественных кругов могут наступить более благоприятные условия. «Союз 17 октября», думалось мне, не замедлит убедиться, что политика П.А.Столыпина является полным отрицанием конституционных принципов, в осуществлении которых «Союз» видел свою главную задачу, и, придя к такому убеждению, «Союз» сочтет себя обязанным отказаться от поддержки антиконституционного правительства. Конституционно-демократическая партия или по крайней мере многие из ее членов не могли, также казалось, не сознавать крупных ошибок, сделанных партией в пылу и в увлечении политической борьбой, и, изверившись в возможности своего союза с социалистическими группами, эта партия должна была бы, можно было ожидать, с меньшей нетерпимостью относиться к политическим партиям, стоящим правее ее. Сближение двух политических групп, — «Союза 17 октября» и к.-д. партии, могло бы создать в Государственной Думе и в стране конституционный центр, способный охранить развитие нашей государственной жизни от одинаково опасных поползновений с обеих флангов, как справа, так и слева. Руководясь этими соображениями, я не уклонялся от участия во всех попытках, направленных к осуществлению указанной цели, но, к сожалению, все такого рода начинания не имели успеха.

В первой Государственной Думе руководящая роль принадлежала конституционно-демократической партии. В половине мая при съехавшихся 448 народных представителях она насчитывала 153 члена, а ко времени роспуска Государственной Думы к составу партии принадлежали 183 лица. Занятое этой фракцией руководящее положение обу-

словливалось высоким среди ее членов процентом людей с высшим образованием и опытностью их в делах местного самоуправления. В близком контакте с к.-д. партией находилась трудовая группа, имевшая в своем составе около 100 лиц. Члены Государственной Думы, правее к.-д., принадлежали к различным политическим группам, немногочисленным, в своих составах. «Союз 17-го октября» был представлен 13 членами и фракция его в Государственной Думе оказалась бессильной сплотить вокруг себя беспартийных конституционалистов; отсутствие в «Союзе» определенного настроения и готовности решительного осуждения реакционной и незакономерной деятельности правительства отталкивало от него беспартийных членов Государственной Думы, среди которых в то же время сознавалась ясно необходимость создания в Государственной Думе новой партии. Гр. П.А.Гейден, принадлежавший к левому крылу «Союза 17-го октября», переставшего, по его мнению, фактически существовать в Государственной Думе, стал естественным центром объединения членов Государственной Думы, равно враждебных как реакции, так и революции, и стремившихся к широким демократическим реформам мирным путем. Ядро вновь образовавшейся фракции, принявшей название «Мирного Обновления», составили преимущественно представители различных местных прогрессивных групп. Деятельное участие в организации партии приняли, кроме гр. П.А.Гейдена, — М.А.Стахович, И.Н.Ефремов и Н.Н.Львов, вышедший из состава к.-д. партии. В состав фракции «Мирного Обновления» вошли 29 членов и, кроме того, с ней голосовали около 30 лиц, преимущественно крестьян. Осуждение произвола и насилия, от кого бы они ни исходили, легло в основу вновь образуемой партии и вместе с тем

неуклонное стремление к преобразованию всего государственного строя мирным путем, путем доброжелательных соглашений. При обсуждении в Государственной Думе ответного адреса, гр. П.А.Гейден, возражая на горячие речи, раздававшиеся слева, говорил; «Мы не должны, вспоминая о прошлых неправдах, о прошлой беде, разжигать чувств злобы, а должны выступать с чувством примирения и забвения прошлого, думая о том, что должно сделать в будущем». По поводу возбуждения в адресе ходатайства об амнистии М.А.Стахович, — отметив в своей речи, что «с прошлым бесправием должно сгинуть преступление, как средство борьбы и спора; больше никто не смеет тягаться кровью; пусть отныне все живут, управляют и добиваются своего или общественного права не силой, а по закону», — предложил следующую поправку к проекту адреса: «Признавая полную амнистию по политическим преступлениям актом милосердия к виновным, справедливости для пострадавших невинно, и актом политической мудрости, Государственная Дума выражает твердую надежду, что ныне, с установлением конституционного строя, прекратятся политические убийства и другие насильственные действия, которым Дума высказывает решительное осуждение, считая их оскорблением нравственного чувства народа и самой идеи народного представительства». Это предложение не встретило, однако, сочувствия со стороны большинства Государственной Думы, которая, возбудив вопрос об амнистии, отказалась осудить одновременно политические убийства, в чем, несомненно, заключалась крупная политическая ошибка, с большим вредом отозвавшаяся на дальнейшем развитии событий и на отношениях государственной власти к народному представительству. Я привел выдержки из речей гр.

П.А.Гейдена и М.А.Стаховича, чтобы дать наглядное представление наиболее характерной черты, образовавшейся в первой Думе фракции «Мирного Обновления». С тою же целью считаю нужным указать на обращение этой фракции к населению, опубликованное после роспуска первой Государственной Думы и после сделавшегося известным воззвания, принятого большинством Государственной Думы в Выборге. В своем обращении фракция «Мирного Обновления», в противовес «выборгскому воззванию», призывала население беспрекословно подчиниться верховной воле Государя Императора, которому, в силу основных законов, принадлежит право роспуска Думы, направить общие усилия всего народа к спокойному избранию новых Народных представителей и продолжать мирную и упорную работу отстаивания нужд, прав и свободы русского народа.

Фракция «Мирного Обновления» возникла среди членов первой Государственной Думы, но при предстоявших выборах во вторую Думу представилась необходимость создать партийную организацию в стране для объединения избирателей, сочувствующих основным положениям и программе вновь образовавшейся в Государственной Думе политической группы. По оглашении моего заявления о выходе из состава «Союза 17 октября», гр. П.А.Гейден обратился ко мне с предложением присоединиться к партии «Мирного Обновления» и принять участие в создании ее местных организаций. Безусловно разделяя руководящую идею, положенную в основу партии «Мирного Обновления», и вполне сочувствуя характеру и направлению деятельности учредителей этой политической группы в Государственной Думе, я всецело готов был принять сделанное мне предложение, но в то же время во мне возникало сомне-

ние относительно возможности привлечь в состав новой партии достаточное число членов, при котором ее выступление на предстоявших выборах могло бы иметь практическое значение. Для выяснения этого вопроса в сентябре и октябре 1906 года в Москве состоялись совещания, в которых приняли участие: гр. П.А.Гейден, Н.Н.Львов, М.А.Стахович и некоторые московские общественные деятели, среди которых были: кн. Е.Н.Трубецкой, кн. Г.Н.Трубецкой, А.С.Вишняков, П.П.Рябушинский, С.И.Четвериков, А.И.Коновалов, В.П.Энгельгардт и я. Все приходили к заключению, что образование новой партии может рассчитывать на успех только в том случае, если в состав ее войдут, кроме беспартийных, правые к.-д. и левые октябристы, т.е., если партии «Мирного Обновления» удастся объединить всех истинных конституционалистов в противовес реакционным союзам правых и революционным союзам левых. После гельсингфорского съезда к.-д. партии казалось возможным ожидать, что ряды этой партии склонны будут покинуть многие ее члены, не сочувствовавшие направлению большинства партии и такого рода ее выступлениям, как выборгское воззвание. Это предположение было поддержано присутствовавшими на наших совещаниях некоторыми лицами, принадлежавшими к правому крылу к.-д. партии, которые, со своей стороны признавали очень желательным образование новой партии в указанных целях. Под влиянием этих соображений было признано возможным сделать попытку организовать в стране партию «Мирного Обновления». Центральный комитет партии, под председательством гр. П.А.Гейдена, был образован в Санкт-Петербурге, а в Москве было учреждено отделение центрального комитета, члены которого избрали меня своим председателем. Основными положениями пар-

тии были провозглашены: 1) определенное оппозиционное отношение ко всяким антиконституционным действиям, безразлично, откуда бы они ни происходили, и 2) постановка этических начал в освободительном движении на первый план.

В воззвании, составленном во время происходивших совещаний, указывалось на две разрушительные силы, препятствующие созидательной работе, направленной к обновлению родины: пережитки приказного строя и революционный анархизм крайних партий. С одной стороны, антиконституционный образ действий министерства поддерживает и питает ту смуту, против которой оно призвано бороться; с другой стороны, смута составляет источник силы и опору самовластия правительства. Призывая избирателей во имя права к противодействию самовластию как правительства, так и крайних партий, воззвание говорило, что партия «Мирного Обновления» прежде всего подчиняет всякие тактические соображения незыблемым нравственным началам, которые составляют смысл освободительного движения. Исходя из признания безусловной ценности человеческой личности, партия безусловно осуждает всякий кровавый террор, как правительственный, так и революционный.

В скором времени, однако, учредителям партии «Мирного Обновления» пришлось убедиться, что их надежды объединить достаточное число лиц, которым дорого было мирное преобразование нашего государственного строя, представляются неосуществимыми. Большинство избирателей уже входили в состав образовавшихся ранее политических группировок и порвать с ними свои связи не находили возможным. Подавляющее большинство видело причину всех переживаемых страной бедствий в бюрократическом

правительстве и при его существовании не допускало возможности возрождения государственной жизни мирным путем. Население, изверившись в добросовестности неоднократных обещаний власти, охотно шло за теми, кто стремился сломить существовавший приказный строй, хотя бы насильственным путем. В виду наличности таких, определенно выяснившихся условий, центральный комитет партии должен был признать, что партия «Мирного Обновления» не имеет возможности выступить самостоятельно при предстоявших выборах во вторую Государственную Думу и провести в нее своих членов, а может самостоятельным своим выступлением скорее принести вред общему делу, отвлекая порядочное количество голосов от кандидатов к.-д. партии и «Союза 17 октября», и тем усилить шансы крайних правых и левых партий. О таком заключении центрального комитета были своевременно поставлены в известность все члены партии.

Роспуск второй Государственной Думы и изменение избирательного закона, совершенные 3 июня 1907 года, оказали большое влияние на изменение общественного настроения, при чем характер происшедших изменений был очень различен в разнообразных общественных группах. Крайние левые элементы приостановили свою революционную деятельность, проявлявшуюся ранее в террористических актах, и сосредоточили свои силы и внимание на подпольной пропаганде социалистических идей в народных массах, преимущественно среди рабочих, подготовляя их к классовой борьбе и воспитывая в них революционный дух. Правые партии, начиная с «Союза 17 октября», торжествовали одержанную победу над революцией и занимали по отношению ко всем прогрессивным элементам в стране вызыва-

ющее положение. Представители их поспешили организовать в Москве в июне месяце съезд новых земских деятелей в противовес бывшим земским съездам, положившим начало освободительному движению. На этом июньском съезде господствовали реакционные элементы и выдающуюся роль на съезде играл, между прочим, Н.Е.Марков, который, повидимому, все-таки сознавал, что торжество реакции не может быть продолжительным, и с этой точки зрения сравнил себя и своих единомышленников с вымирающими зубрами. К.-д. переживали угнетенное настроение. Они не могли не сознавать сделанных ими многочисленных и крупных ошибок, помешавших мирному преобразованию нашего государственного строя. Они разочаровались в своих союзниках слева и убедились в неспособности их к государственному строительству. К.-д. предчувствовали, что при новом избирательном законе они могут провести в третью Государственную Думу незначительное число лиц и в их среде проявлялась наклонность искать сближения с прогрессивными элементами, принадлежавшими к меньшинству прежних земских съездов. Мне пришлось убедиться в этом прежде всего из беседы с кн. Д.И.Шаховским, который ранее был одним из горячих защитников тактики, усвоенной к.-д. партией, и непримиримым противником мнения меньшинства прежних земских съездов. Кн. Д.И.Шаховской посетил меня в Москве 31-го августа, чтобы поговорить о предстоявших выборах в третью Государственную Думу. Д.И. предполагал, что Дума, вероятно, составится из: 30% правых, 30% левых и до 40% умеренных прогрессистов. Он приглашал меня принять все возможные меры и приложить все старания, чтобы быть избранным в члены третьей Государственной Думы, и высказывал предположения, что мне

удастся сплотить в ней прогрессивное большинство и установить компромисс между Государственной Думой и правительством. Я указал, что имею очень мало шансов быть избранным членом Государственной Думы, и с своей стороны высказал предположение, что третья Дума в 70% своего состава будет походить на последний съезд новых земских деятелей и потому едва ли проникнувшие в нее прогрессивные народные представители могут рассчитывать занять в ней руководящее положение. Затем я напомнил своему собеседнику, что во время земских совещаний и бесед земских деятелей я предвидел те последствия, к которым должны были привести и привели направление освободительного движения и тактика, избранные большинством земских съездов и к.-д. партией. В то время существовала, несомненно, возможность путем доброжелательного соглашения, между представителями различных течений общественной мысли, с одной стороны и представителями правительственной власти, с другой, провести мирным путем преобразование нашей государственной жизни; но после переворота 3-го июня, когда реакция значительно усилилась, а правительство торжествует победу над освободительным движением, трудно рассчитывать на возможность осуществления предположений, высказанных кн. Д.И.Шаховским. Опасность избранного в то время пути, пути политической борьбы с властью, заключается особенно в том, что, раз встав на него, сойти с него и повернуть обратно крайне трудно. Кн. Д.И.Шаховской соглашался, что ошибок было сделано не мало, но, тем не менее, полагал, что надежды на возможность их исправления терять не следует и нужно искать выход из создавшегося положения. Высказанные мной кн. Д.И.Шаховскому предположения в скором

времени оправдались: я не только не был избран в члены Государственной Думы, но и не оказался в числе выборщиков губернского избирательного собрания, а в составе третьей Государственной Думы присутствовали в значительном большинстве представители реакционных течений и руководящая роль принадлежала в Государственной Думе представителям «Союза 17 октября».

В начале октября того же 1907 года я получил приглашение кн. Павла Дмитриевича Долгорукова принять участие в совещании староземцев, собиравшихся у него для беседы по поводу состояния земского дела в России. При обмене сведениями и мнениями между 14 лицами, собравшимися у кн. П.Д.Долгорукова 12-го октября, выяснилось следующее положение земского дела. Происходившие в 1906 и 1907 годах выборы земских гласных совершенно изменили состав земских собраний. Прогрессивные гласные, которые вели работу в продолжение многих лет, оказались устраненными, и на смену им пришли люди, в прежнее время не интересовавшиеся земским делом и большею частью не принимавшие ранее в нем участия. Такое изменение личного состава земских собраний вызывало неблагоприятные последствия. Культурные мероприятия, имевшие целью поднятие духовного и экономического благосостояния населения, встречали недоверчивое к себе отношение со стороны новых хозяев. Во многих местах были закрыты или сокращены санитарные, агрономические, статистические и т.п. организации, упразднены бюро по народному образованию, уменьшены ассигновки на внешкольное просвещение и т.д. Многие земские служащие, отличавшиеся независимым характером и широкой инициативой, принуждены были устраниться, а их места были заняты элементами более уступчивыми,

склонными ставить интересы службы выше интереса дела. Сначала отстраненные земские деятели не придавали особого значения происшедшей перемене; им казалось, что создавшееся положение имеет лишь временное значение. Однако, действительность не оправдала этих ожиданий и реакционные течения в земстве быстро усиливались. Вместе с тем исчезла надежда на скорый и благоприятный пересмотр земского положения. Внесение нового законопроекта было поставлено в зависимость от предварительного его рассмотрения в совете по делам местного хозяйства при участии земских представителей. Зная состав земских собраний, не трудно было предвидеть, какие представители земства будут посланы в совет. При таких обстоятельствах в среде собравшихся на совещание возникла мысль, не представляется ли своевременным сделать попытку объединить прогрессивные земские элементы в стране, вне всякого отношения к принадлежности их к различным политическим партиям. Находясь в громадном числе губерний в меньшинстве, эти лица должны были, несомненно, испытывать тяжелое, подавленное настроение и их объединение могло послужить им существенной моральной поддержкой. Для разработки способов проведения указанной мысли в жизнь было образовано особое бюро, в состав которого собравшиеся просили войти: кн. П.Д.Долгорукова, кн. Г.Е.Львова, Н.Н.Львова, кн. Е.Н.Трубецкого, Н.Н.Хмелева, М.П.Щепкина и меня.

Бюро прежде всего пришло к заключению, что возникшая мысль может получить реальное значение только при том условии, если она встретит широкое сочувствие на местах и если в каждой губернии, в каждом уезде создадутся деятельные организации, которые поставят себе целью объе-

динить все прогрессивные элементы данной местности. Необходимо для начала дела, чтобы в каждой губернии несколько лиц взяли на себя организацию местных комитетов, которые могли бы служить первой ячейкой будущей губернской организации. В середине апреля 1908 года предположено было созвать в Москве съезд с целью: 1) обсудить вопрос — насколько объединение прогрессивных земских элементов является своевременным и осуществимым, 2) рассмотреть программу деятельности возникающей организации и 3) наметить способы достижения преследуемых целей. В этом съезде бюро приглашало принять участие из каждой губернии по два лица, из числа принявших на себя инициативу в деле организации местных комитетов. Бюро составило и напечатало обращение к прогрессивным земским деятелям, в котором изложило подробно все соображения, обусловливавшие возникшее предположение, и общий план его осуществления. Кроме такого воззвания официального характера, члены бюро распределили между собой все губернии и каждый член бюро принял на себя обязанность лично или письменно снестись с хорошо известными им земскими деятелями в данной губернии, и просить их сообщить бюро свои определенные отзывы.

Воззвание, составленное бюро, и письма его членов были разосланы в декабре, но получение отзывов и ответов очень замедлилось и созыв съезда по этой причине в предположенное время оказался невозможным. К началу июня 1908 года не поступило вовсе ответов из 11 губерний; из 6 губерний полученные ответы не заключали в себе более или менее определенных отзывов; из 6 губерний лица, с которыми были сношения, высказали мнение, что созыв предположенного съезда преждевременен и может быть лишь

делом будущего; 2 ответа ограничились выражением полного сочувствия возникшему предположению; из 8 губерний лица, к которым были направлены обращения бюро, изъявили готовность принять участие в съезде и указывали других лиц, которых бюро могло бы пригласить, и только в 2 губерниях прогрессивные губернские гласные, собравшись в частных совещаниях, избрали представителей для участия в съезде. 9-го июня бюро ознакомилось с содержанием полученных ответов и обсуждало выяснившееся положение. Меньшинство признавало нужным, несмотря на поступившие отзывы с мест, созвать предполагавшийся съезд осенью как для обсуждения тактики прогрессивных земцев в земских собраниях текущего года, так и для обсуждения, главным образом, выборной земской кампании 1909 года. Большинство членов бюро находило, что результаты происходивших сношений свидетельствуют об отсутствии в прогрессивных земских кругах подъема духа и настроения, необходимых для успеха дела. Обращение бюро, очевидно, не встретило далеко общего сочувствия, а, между тем, бюро с самого начала считало возможным рассчитывать на успех дела только при условии, если возникшее предположение не только встретит сочувствие земской среды, но если на местах образуются предварительно соответствующие организации. Созывать же съезд для обсуждения каких-либо неотложных практических вопросов земской жизни нет надобности за отсутствием сейчас таких вопросов. Привлечение к предстоящим земским выборам прогрессивных элементов, конечно, необходимо, но вопрос этот вполне ясен, не нуждается в какой-либо разработке на съезде, а необходимые практические меры находятся в зависимости от местных условий. Обсуждение общих вопросов, как,

например, пересмотр земского положения, не может иметь значения, так как разрешение его зависит от законодательных учреждений, среди которых прогрессивные элементы очень не значительны. В то же время созыв с этой целью прогрессивного съезда, явится, как бы, противовесом съезду земских деятелей реакционного направления, происходившему в июне 1907 года, и в таком случае созыв прогрессивного съезда скорее может повредить делу. В последнее время замечается некоторое улучшение в настроении октябристов в Государственной Думе и, по-видимому, в некоторых случаях между ними и оппозицией возможны соглашения. Содействовать этому процессу — существенная современная задача и если такой блок окажется возможным в Государственной Думе, то влияние его отразится и на предстоящих земских выборах. Созыв же в ближайшем времени прогрессивного земского съезда может неблагоприятно повлиять на сближение октябристов с оппозицией в Государственной Думе. На основании этих соображений бюро большинством голосов признало созыв предполагавшегося в 1908 году съезда несвоевременным, а для дальнейшего времени вопрос о созыве такого рода съезда был оставлен открытым. Таким образом, сделанная в 1908 году попытка объединения в стране всех земских прогрессивных деятелей не дала положительных результатов.

В конце 1907 года и в начале 1908 года среди зарубежных славян Австро-Венгрии и Балканского полуострова под влиянием все более и более развивающегося империализма Германии, как в области экономической, так и в области политической, проявилось заметное искание взаимного общения. В Австрии, по инициативе Крамаржа, образовался комитет из членов рейхсрата для организации в Праге летом

1908 года славянского съезда и в мае ожидался приезд в Санкт-Петербург чешских общественных деятелей: Крамаржа, Гриборя и Глебовицкого, имевший своею целью ознакомление с настроениями и отношениями русского общества к славянскому вопросу и приглашение русских общественных деятелей принять участие в предстоявшем пражском съезде. Русское общество не могло оставаться индифферентным к проявившемуся движению, стремившемуся к сближению славянских национальностей. Связь России с славянским миром принадлежит к числу исторических основ нашего национального существования и в нашем прошлом сознание связи России с славянством нередко выражалось в высоком национальном подъеме. Оживление в русском обществе интереса к славянскому вопросу, в связи с проявившимся среди зарубежных славян движением, представлялось фактом несомненным и обусловливалось в то же время сознанием необходимости выяснения и разрешения польского вопроса при переходе России от старого к новому политическому строю. Славянский вопрос привлекал к себе более или менее одинаковый интерес разнообразных кругов, независимо от их политической, партийной группировки. В переживаемое время постановка на очередь славянского вопроса отвечала действительной потребности большинства русского общества и нужно было только найти практическую форму, в которой эта потребность могла бы получить удовлетворение.

В марте, во время одной беседы нескольких лиц, собравшихся в редакции газеты «Слово», зашла речь о славянском вопросе, во время которой редактор «Слова», М.М. Федоров, высказал мысль — не следует ли признать своевременным организовать для обсуждения этого вопроса

совещание из общественных деятелей, принадлежащих к различным политическим партиям, и наметить план дальнейших действий? Эта мысль была встречена общим сочувствием и при этом было принято во внимание, что обсуждение славянского вопроса в такого рода совещании, с одной стороны, может помочь выяснению его в общественном сознании, а, с другой, может послужить почвой для сближения между собой различных политических групп и содействовать смягчению и устранению партийной розни, так неблагоприятно отзывающейся на нашей внутренней политической жизни. Было признано прежде всего необходимым обеспечить предположенному совещанию вполне беспартийный характер и постараться привлечь к участию в нем выдающихся общественных деятелей, наиболее интересующихся и компетентных в славянском вопросе, независимо от их партийной группировки. Председательство в совещании было решено просить принять на себя председателя Государственной Думы, Н.А.Хомякова, и, заручившись его согласием, от его имени разослать приглашения намеченным лицам, предварительные словесные переговоры с которыми приняли на себя: в Санкт-Петербурге — М.М.Федоров, а в Москве — пишущий эти строки. Н.А.Хомяков с полной готовностью пошел навстречу сделанному ему предложению. Первое совещание было созвано 2-го апреля, в помещении редакции «Слова», и продолжилось на следующий день в помещении клуба общественных деятелей. При начале заседания вступительное слово, по просьбе организаторов совещания, было сказано С.А.Котляревским, который в своей речи развил следующие положения: 1) своевременность возбуждения славянского вопроса, как имеющего глубокий национальный интерес для России; 2)

желательность сближения на почве культурных интересов различных славянских национальностей; 3) необходимость поставить славянский вопрос независимо от вероисповедного и политического принципов; 4) необходимость в то же время отнестись к постановке вопроса с осторожностью, не возбуждая в зарубежных славянах преувеличенных ожиданий, и 5) несвоевременность созыва в России в данное время общеславянского съезда и предпочтительность учреждения общества, ставящего себе целью ознакомление с славянской культурой и взаимное сближение славянских народностей на почве культурных интересов.

Во время происходившего продолжительного обмена мнениями между собравшимися, все говорившие признавали правильными положения, мотивированные С.А.Котляревским. Учреждение общества признавалось всеми своевременным и желательным, причем высказанные мысли и сделанные указания сводились к следующему. Общество должно быть русским, но в него нужно привлечь представителей всех славянских племен, живущих в России, и особенно важно участие в нем поляков. При старой постановке славянского вопроса доминирующее значение имели принципы — вероисповедные и политические; в настоящее время идея славянского единения ищет своего осуществления в изучении славянской культуры. Главною целью должно быть всестороннее изучение славянского вопроса, возбуждение интереса к нему в широких кругах и распространение сведений о славянстве. Общество должно быть беспартийным и в таком только случае оно может получить авторитет в глазах всех славян; если же организация и состав общества получат партийную окраску, то авторитет его будет поколеблен. Необходимо полное уважение к

индивидуальным особенностям отдельных славянских народностей. Соблюдение этого условия укрепит авторитет России среди славянских народов, и только при этом условии может быть устранен русско-польский антагонизм[39]. Созыв всеславянского съезда был признан несвоевременным; нужно предварительно сговориться между собой и найти то общее, что может объединить и установить определенное общее настроение в широких кругах русского общества. В заключение было признано нужным избрать комитет, который должен был наметить организацию предполагаемого общества и определить круг его задач. В состав комитета вошли: О.П.Герасимов, М.М.Ковалевский, Н.П. Кандаков, П.Н.Милюков, Ю.Н.Милютин, И.Х.Озеров и М.М.Федоров.

Следующее совещание, которое явилось в то же время организационным собранием вновь учреждаемого общества «Славянской взаимности», состоялось 30 апреля в клубе общественных деятелей. Принять участие в учреждении общества изъявили согласие:

1. П.Н.Балашев.
2. гр. В.А.Бобринский.
3. А.С.Будилович.
4. С.Н.Булгаков.
5. В.И.Вернадский.

39 При предварительных переговорах с поляками выяснилось, что они относятся сочувственно к предположению об учреждении общества, но полагали, что обсуждение вопроса в первоначальной стадии правильнее произвести без их участия. Совещание признало участие поляков в образуемом обществе весьма желательным.

6. О.П.Герасимов.
7. В.И.Герье.
8. А.А.Гирс.
9. А.И.Гучков.
10. Н.И.Гучков.
11. И.Н.Ефремов.
12. В.М.Истрин.
13. М.Я.Капустин.
14. Б.А.Кистяковский.
15. М.М.Ковалевский.
16. Гр. Л.А.Комаровский.
17. Н.П.Кандаков.
18. А.Ф.Кони.
19. Бар. П.Л.Корф.
20. Н.А.Котляревский.
21. С.А.Котляревский.
22. М.В.Красовский.
23. Г.А.Крестовников.
24. П.А.Кулаковский.
25. В.И.Ламанский.
26. Н.Н.Львов.
27. В.А.Маклаков.
28. П.Н.Милюков.
29. Ю.Н.Милютин.
30. С.Ф.Ольденбург.
31. В.М.Петрово-Соловово.
32. И.Х.Озеров.

33. А.А.Пиленко.
34. М.А.Стахович.
35. П.Б.Струве.
36. М.М.Федоров.
37. Н.А.Хомяков.
38. А.А.Шахматов.
39. С.И.Шидловский.
40. Д.Н.Шипов.

Из приведенного списка видно, что организаторы совещания, приглашая общественных деятелей принять участие в осуществлении намеченного предположения, не руководились партийными соображениями, а имели в виду исключительно интересы дела. Однако, в собрании 30-го апреля дальнейшее направление дела получило неожиданно совершенно иной характер. Совещание, одобрив представленный комитетом проект устава общества, приступило к избранию правления общества. Учредители, принадлежавшие к политическим партиям левее «Союза 17 октября», присутствовали далеко не в полном числе, тогда как учредители из числа октябристов были почти в полном сборе и, как выяснилось, они явились с заранее составленным списком лиц, намеченных ими в состав правления. При подсчете поданных записок оказались избранными в правление почти исключительно представители «Союза 17 октября», а из числа лиц, принадлежавших к партиям левее октябристов, в состав правления был введен только один В.А.Маклаков. От участия в руководстве деятельностью вновь образованного общества оказались устраненными: инициатор дела, М.М.Федоров, и такие компетентные в славянском вопросе люди, как П.Н.Милюков и С.А.Котляревский. Образ дей-

ствий октябристов придал новому обществу определенно партийный характер, что исключало возможность создать на почве славянского вопроса благоприятную почву для примирения партийной розни, и в то же время обрекало новое общество на бездеятельность, так как во главе его стали люди, не имевшие в своем большинстве глубокого интереса к вопросу и руководившиеся, главным образом, партийными соображениями.

Весной того же 1908 года среди лиц, часто собиравшихся в редакции газеты «Слово», возникло еще другое предположение, преследовавшее также цель содействовать сближению близких между собой партийных политических организаций. Газета «Слово» не являлась органом партии «Мирного Обновления», но она находилась в тесных с ней отношениях. Редактор, М.М.Федоров, состоял членом партии «Мирного Обновления» и руководимый им орган печати, имея безусловно беспартийный характер, всегда являлся в то же время проводником идей, которые совпадали с основными положениями партии «Мирного Обновления». «Слово» ставило себе главной задачей последовательно разоблачать антиконституционный образ действий кабинета П.А.Столыпина и содействовать образованию в Государственной Думе и в стране конституционного центра. Для того, чтобы последняя задача получила совершенно определенную и ясную постановку в глазах общества и чтобы лучше обеспечить возможность достижения намеченной цели, было признано желательным образовать редакционный комитет, состоящий из представителей в равном числе трех политических групп: левых октябристов, «Мирного Обновления» и правых конституционалистов-демократов. Такой состав редакционного комитета свидетельствовал бы

с несомненностью о беспартийном характере газеты и мог бы на ее страницах давать освещение всем возникающим в политической жизни вопросам и намечать их разрешение с точки зрения, приемлемой для всех трех указанных политических групп. Казалось, что такая постановка дела могла бы послужить ячейкой для сближения между собой близких политических деятелей и для постепенного образования в стране конституционного центра. Представители в комитете трех политических групп могли бы служить живой связью между последними; они имели бы возможность при постановке на очередь того или иного вопроса обсудить его предварительно среди членов своей партии, выслушать их мнение и ознакомить их с отношением к данному вопросу представителей других двух групп. Было признано достаточным образовать комитет из девяти лиц, по три представителя от каждой группы.

Инициаторами возникшего предложения были намечены в этих целях из среды партии «Мирного Обновления»: М.М.Федоров, Н.Н.Львов и Д.Н.Шипов. Войти в комитет из состава к.-д. партии было признано желательным пригласить: С.А.Котляревского, В.А.Маклакова и П.Б.Струве, а из среды октябристов: М.Я.Капустина, В.М.Петрово-Соловово и С.И.Шидловского. Первые трое из числа представителей этих двух партий отнеслись к сделанному им предложению с полным сочувствием и выразили свое определенное согласие. Намеченные представители «Союза 17 октября», при первоначальных с каждым из них в отдельности переговорах, также выражали, по-видимому, свою готовность принять приглашение, но когда все трое собрались с представителями партии «Мирного Обновления» для совместного обсуждения вопроса, то октябристы изменили свое отноше-

ние, выражали сомнение в целесообразности предложенной организации и в возможности установления соглашений при обсуждении в редакционном комитете конкретных вопросов. При окончании беседы члены «Союза 17 октября», хотя и не заявили окончательно своего отказа, но говорили о необходимости, прежде чем дать свой ответ, обсудить сделанное им предложение в своей думской фракции и затем, так как беседа происходила в мае месяце, заявили, что считают за лучшее оставить вопрос открытым до осени. Представители партии «Мирного Обновления» вынесли впечатление, что отсрочка ответа со стороны октябристов является только желанием избегнуть определенного отказа с их стороны и что они, очевидно, не в состоянии освободиться от усвоенного ими партийного антагонизма. В виду такого их отношения к сделанному им приглашению приходилось признать, что предположение, возникшее в редакции «Слово» и встреченное с полным сочувствием со стороны представителей «Мирного Обновления» и правых к.-д., не могло получить своего осуществления.

Вместе с тем я принужден был прийти к заключению, что все попытки внести примирение и содействовать соглашению близких в сущности между собой партийных политических организаций не достигают благоприятных результатов, встречая трудно устранимое противодействие в партийном антагонизме и в отсутствии сознания необходимости доброжелательных соглашений в интересах общего дела и мирного устройства государственной жизни.

Глава XVI

Последние годы моего участия в земских учреждениях московской губернии. Участие мое в московской городской думе. Решение устраниться от дальнейшего участия в общественной деятельности.

Последние годы моего участия в московском земстве оставили во мне очень тяжелые воспоминания. С 1877-го года в течение 28 лет я с глубоким интересом и с горячей любовью следил за развитием земской деятельности в московской губернии и принимал в ней посильное участие. Во все это время губернское земское собрание неизменно и неуклонно стремилось к широкому удовлетворению экономических и культурных потребностей населения; в своей деятельности собрание всегда руководилось правильным пониманием сущности земской общественной идеи и всегда с уважением относилось к работе земских тружеников, как избираемых из своей среды, так и приглашаемых земскими управами. Совершенно иное отношение к делу проявилось в губернском собрании в трехлетие 1906–8 г.г. В главе IV я уже говорил о земском положении 1890 года, стремившемся ослабить приток демократических элементов в земство и предоставлявшем в земских избирательных собраниях преобладание представителям дворянского землевладения. Там же останавливался я на выяснении причин, в силу которых предоставленное дворянству право не оказывало в течение продолжительного времени неблагоприятного влияния на развитие земского дела. Главной причиной этому послужило то, что большинство представителей реакционного направления в среде дворянства было чуждо интересам политической и общественной жизни и потому

уклонялось от участия в земских избирательных собраниях, вследствие чего в последних получали перевес прогрессивные, культурные дворянские элементы. Но революционные выступления, широко проявившиеся с конца 1905 года, изменения в государственном строе, возвещенные манифестом 17-го октября, и политика, проводимая П.А.Столыпиным после роспуска первой Государственной Думы, побудили дворянство воспользоваться предоставленным ему в 1890 году правом, что не могло не отразиться на составе гласных, избранных в 1906 году. Состав губернского земского собрания к очередной его сессии оказался значительно измененным и при баллотировках, произведенных в первых заседаниях, не замедлило выясниться, что около 60% гласных принадлежат к реакционным элементам. Образовавшееся в собрании реакционное большинство поспешило проявить резкий антагонизм к установившемуся ранее направлению земской деятельности и непримиримое, вызывающее отношение к прогрессивному меньшинству и, в особенности, к личному составу последней губернской управы. При избрании финансовой комиссии, на заключение которой обычно передавались все более сложные доклады, были избраны исключительно представители большинства, но так как в их среде было очень мало лиц, знакомых с земским делом, то в состав комиссии был включен и избран ее председателем Н.Ф.Рихтер. Н.Ф.Рихтер был старым земским деятелем и в прежнее время по своим политическим убеждениям всегда примыкал к прогрессивным течениям; во время земского съезда в ноябре 1901 года он присоединился к мнению его большинства, а затем в июле 1905 года он был в числе подписавших обращение к обществу от съезда земских и городских деятелей, имевшее

целью привлечь широкие народные массы к политической деятельности. Учтя происшедшие в составе губернского собрания изменения и возможность быть избранным при новых условиях председателем губернской управы, что являлось для него желательной компенсацией после выраженного единогласно порицания его образу действий губернским собранием очередной сессии 1891 года, — Н.Ф.Рихтер изменил свою политическую физиономию, присоединился к реакционному большинству и стал во главе течения, отрицательно относившегося к направлению протекшей деятельности московского земства, направлению, установленному Д.А.Наумовым еще в то время, когда Н.Ф. был членом губернской управы. В продолжение всей сессии члены финансовой комиссии и ее председатель старались дискредитировать прежнюю земскую деятельность, работу губернской управы и более ответственных земских служащих и предлагали широкое сокращение сметных ассигнований на 1907 год, с чем собрание всегда соглашалось. Представители прогрессивной группы гласных и губернская управа выясняли необоснованность вносимых финансовой комиссией предложений и предостерегали собрание относительно опасности разрушения земского дела, но все их возражения оставлялись без внимания, и представленная управой смета была собранием уменьшена почти на сто тысяч рублей.

Когда рассмотрение всех сметных докладов было закончено, я внес и огласил в собрании заявление, подписанное 36 гласными. В этом заявлении обращалось внимание на то, что комиссия мотивировала сокращение сметных ассигновок финансовым положением губернского земства, но не вполне удовлетворительное состояние финансового хозяй-

ства земства можно было усмотреть лишь в недостаточном размере оборотных средств, имевшихся в распоряжении земства, но отнюдь не по отношению к текущим сметным средствам. Процент обложения имуществ губернским сбором очень не велик и с десятины он исчислен в размере 6–7 копеек. Отказ в ассигновании 28500 руб. на строительные нужды различных земских учреждений и отклонение предложенных управой новых расходов в сумме 9000 р. оставляют без удовлетворения выясненные потребности земского дела. Исключение из сметы 16000 р., назначавшихся на покрытие уже произведенных сверхсметных расходов, отразится на ухудшении общего финансового положения. Исключение и уменьшение ассигновок, ранее уже существовавших, нарушают или прекращают земскую деятельность, как например, в области внешкольного образования и разработку статистических данных, сокращают необходимые земству рабочие силы и вносят дезорганизацию в земское дело. Затем в заявлении было сказано: «Не можем не указать на отсутствие каких-либо доводов и мотивов по существу предлагаемых к сокращению расходов. Мы находим, что такого рода постановления вступают в противоречие с направлением, в котором неизменно развивалось земское дело в московской губернии более 40 лет, не соответствуют культурным задачам, преследуемым земством, и нарушают установившиеся традиции — уважение к деятельности прежних собраний и сохранение необходимой преемственности в их деятельности. Сокращение штата служащих возлагает на оставшихся непосильную работу и нарушает необходимое взаимодействие земского собрания и выборных земских деятелей с культурными работниками, посвящающими самоотверженно и с любовью свои труды зем-

скому делу. Не считая возможным принять на себя нравственную ответственность за последствия состоявшихся постановлений, мы протестуем против сделанных в смете исключений и прилагаем наше заявление к журналам собрания».

При окончании сессии собранию надлежало произвести выборы нового состава губернской управы. При подаче записок с именами кандидатов на должность председателя управы 41-ой из 79-ти поданных записок был предложен Н.Ф.Рихтер, но при баллотировке шарами он получил — 40 шаров неизбирательных, 39 избирательных и свой собственный голос. Все остальные кандидаты от баллотировки отказались и затем собрание выборы председателя и членов управы отложило до экстренной сессии, открывшейся 15 февраля 1907 г. При подаче записок в этот раз Н.Ф.Рихтер, из 74 поданных вообще записок, получил 43 предложения и тогда в собрании возник вопрос о праве Н.Ф.Рихтера баллотироваться вновь, раз он уже баллотировался и не был избран в очередной сессии. Председатель собрания, и.д. губернского предводителя дворянства, П.А.Базилевский, заявил, что в виду противоречивости сенатских разъяснений, он считает необходимым руководиться исключительно ст. 119 полож. о зем. учр. и признает за Н.Ф.Рихтером право подвергнуться снова баллотировке. По поручению группы прогрессивных гласных я выступил с протестом против незакономерного разъяснения вопроса председателем. Ст. 119 предусматривает, что, в случае неутверждения избранных должностных лиц администрацией, при последующих новых выборах не могут баллотироваться вновь лица, не получившие утверждения, но эта статья не имеет никакого отношения к вопросу о праве лиц, забаллотированных,

баллотироваться вновь на ту же должность в течение той же выборной сессии. Этот последний вопрос разъяснен указом сената 27-го марта 1902 г., № 2775, последовавшем по рапорту министра внутренних дел, в том смысле, что «под земской выборной сессией, в течение которой не допускается перебаллотировка забаллотированных в ту же сессию лиц, следует разуметь совокупность заседаний, необходимых для замещения, посредством выборов всех открывшихся в данное время вакансий». Согласно такому определенному разъяснению, не допускающему сомнений, Н.Ф.Рихтер вновь баллотироваться не может, и если тем не менее ему это право предоставлено будет, то 30-ью гласными будет тотчас же представлена жалоба в сенат. После моего заявления раздались рукоплескания в публике. Председатель предложил публике удалиться и так как это предложение немедленно исполнено не было, то председатель объявил, что если через 5 минут зал публикой очищен не будет, то заседание будет перенесено в другое помещение, куда публика допущена не будет. Председатель управы, Ф.А.Головин, обратил внимание председателя собрания, что публика может быть удаляема после того, как она, несмотря на предупреждение, держит себя не соответствующим образом; в данном случае предупреждения сделано не было и потому распоряжение председателя превращает произвольно публичное заседание земского собрания в закрытое. Председатель отвечал, что он остается при принятом им решении, а Ф.А.Головин имеет право подать жалобу на действия председателя. Этот ответ вызвал снова шумный и резкий протест среди публики. Во время объявленного перерыва публика была удалена и затем заседание возобновилось, но от участия в незаконных выборах Н.Ф.Рихтера и в виде протеста

против образа действий председателя собрания устранились многие гласные и заседание продолжалось при наличности 49 лиц. При баллотировке Н.Ф.Рихтер получил 43 избирательных шара, свой голос и 4 неизбирательных шара, а 1 гласный, не удалившийся из собрания, отказался от участия в баллотировке. 30-ю гласными была принесена жалоба на неправильность произведенной баллотировки и сенат не имел возможности не уважить этой жалобы, но так как администрация, местная и центральная, сочувствовала кандидатуре Н.Ф.Рихтера и он был ею в скором же времени после произведенных выборов допущен до исполнения обязанностей председателя, то указ сената, признавший баллотировку Н.Ф.Рихтера неправильной и отменивший его избрание, последовал лишь по окончании трехлетия, на которое Н.Ф.Рихтер был незаконно избран.

В течение той же февральской сессии губернского собрания большинство его воспользовалось случаем проявить свое отношение к земским работникам из среды третьего элемента. Прежняя управа внесла в собрание ряд предложений о назначении обычных пенсий нескольким лицам, прослужившим земству большое число лет и оставлявших свою службу. Большинство собрания, объяснив себе заявления некоторых старослужащих, о желании оставить службу, косвенным протестом их против нового настроения собрания и нежеланием их сотрудничать с намечавшимся составом новой управы, отклонило предложения о назначении им пенсий. Ф.А.Головин видел в результатах баллотировки какое-то недоразумение, так как лица, которым было отказано в пенсии, принадлежали к числу самых старых и наиболее достойных служащих и пенсии испрашивались им управой в обычном размере, согласно установившейся в

течение многих лет практике. После этого заявления вопрос был пересмотрен и нескольким лицам пенсии были определены, но однако в значительно пониженном размере, а в назначении пенсии заведующему статистическим отделением, профессору Н.А.Каблукову, прослужившему земству более 25 лет было отказано. Я привожу здесь все эти сведения, чтобы показать при каком настроении и при каком отношении к земскому делу происходили очередная сессия 1906 года и послужившая ей продолжением экстренная сессия.

Хотя во время этих сессий реакционное большинство одержало победу, но оно ею не удовлетворилось и в очередной сессии следующего года продолжало свои старания дискредитировать направление земской деятельности за прежнее время и, особенно, действия последней управы. Предъявляемые бывшему составу губернской управы ревизионной комиссией обвинения относились преимущественно к операциям сельскохозяйственного склада и к деятельности союза земств в деле совместной закупки железа. Эти операции за предыдущие года получили широкое развитие и в результате являлись очень выгодными для земств, но при ведении такого рода сложных дел возможны были некоторые недостатки, преимущественно формального характера, не имевшие серьезного значения. Ревизионная комиссия и новая управа сосредоточили свое внимание исключительно на последних и игнорировали всю положительную сторону дела. Прежней управе предъявлялись обвинения в упущениях, нераспорядительности и чуть не в злоупотреблениях, а представляемые ею объяснения и возражения признавались неудовлетворительными и оставлялись без внимания. В заключение продолжительных в течение нескольких заседа-

ний прений собрание постановило: просить прежний состав управы внести в кассу губернского земства 3347 р. 15 к., как убыток, причиненный ее действиями. Ф.А.Головин, по поводу состоявшегося без участия прежнего состава управы приведенного постановления, заявил в следующем заседании от себя и от лица товарищей своих, что они сочли бы своею обязанностью внести соответствующую сумму в возмещение ущерба земства, если бы таковой был выяснен, но ни в докладе комиссии, ни в происходивших в собрании прениях не был установлен самый факт ущерба, а потому они не считают себя нравственно обязанными внести указанную в постановлении собрания сумму и просят собрание поручить управе предъявить к ним иск, дабы надлежащий судь разрешил возникший спор. Такая постановка вопроса смутила инициаторов предъявленного обвинения, так как у них не могло быть никакого сомнения, что суд признает это обвинение необоснованным и неправильным. Они старались отклонить предложение, внесенное Ф.А.Головиным, по разным формальным соображениям, а прогрессивные гласные доказывали необходимость передачи дела в суд, чтобы таким путем устранить авторитетным и объективным порядком предъявленное обвинение. После продолжительных прений было поставлено на закрытую баллотировку следующее предложение: «поручить губернской управе предъявить не позднее трех месяцев иск к бывшему составу управы установленным порядком, назначив сроком для добровольного взноса начета один месяц». Это предложение было принято большинством 46 голосов против 8. Однако, ни через три месяца, ни позднее иск предъявлен не был, чем с очевидностью была признана неосновательность и предвзятость предъявленного обвинения.

Для полной характеристики отношений нового состава губернского собрания и губернской управы к земскому делу и к земским учреждениям приведу еще некоторые указания. В докладе новой управы о деятельности союза земств по закупке железа были, между прочим, следующие выражения: «выслушивая на совещаниях земских представителей грозные цифры объединенных заказов, оборотов, прибылей земства, участники союза до того прониклись мыслью грандиозности и мощности операции, в которой они участвуют, что свои личные материальные обязательства перед союзом стали считать чем-то столь незначительным, что единение, начатое на почве совместной закупки железа, стало постепенно вырождаться в единение на почве совместного неплатежа за него», и далее — «прослышав о таком учреждении, где за 1 коп. с пуда комиссионных можно иметь неограниченный кредит, земства всей России стали массами примыкать к союзу, т.е. присылать ему свои заказы, не уплачивая не только стоимости железа, но и комиссионных». Никто из представителей большинства собрания ничем не реагировал на приведенные выражения, но группа прогрессивных гласных представила и огласила в собрании заявление, которое заканчивалось словами: «Находя такое отношение губернской управы к земствам всей России не отвечающим достоинству московского земства и совершенно несправедливым и ни на чем не основанным по существу, мы протестуем против недостойных выражений в докладе губернской управы». Излишне, думается мне, говорить, что в действительности союз земств не потерял ни 1 копейки от неплатежа своих сочленов.

К очередной сессии 1908 года агрессивное настроение губернского собрания несколько успокоилось и губернская

управа под председательством Н.Ф.Рихтера, опытного земского деятеля и не чуждаго пониманию старых земских традиций, приняв во внимание происшедшее в настроении собрания изменение, стала понемногу восстановлять то, что было нарушено в земском деле в последние два года; течение земской жизни возвращалось постепенно в прежнее русло и под напором роста и сознания разнообразных потребностей населения земское дело не могло быть остановлено в своем дальнейшем развитии, хотя последнее, может быть, не было достаточно обосновано и идейно одухотворено.

Отрицательное отношение новых земских деятелей к направлению земской деятельности прежнего времени и к земскому освободительному движению, приведшему к изменению политического строя страны, отразилось и на отношениях ко мне, представителей реакционной дворянской среды. В первом избирательном собрании по волоколамскому уезду, в котором я принимал участие, в прежнее время редко собирались избиратели в числе, достигавшем двух третей числа 15 гласных, подлежавших избранию, и гласными, в большей части случаев, признавались все, прибывшие на избирательные собрания, а если избирательное собрание оказывалось в надлежащем составе, то я был избираем всегда почти единогласно. При выборе гласных на трехлетие 1909–1911 г.г., в избирательное собрание прибыло 12 лиц, среди которых 8 явились представителями преобладавшего в дворянской среде реакционного настроения, и только 4 лица принадлежали к прогрессивной группе. Несмотря на такой состав собрания и на то, что мне было известно о принятом большинством избирателей решении забаллотировать меня, я заявил о своем желании подверг-

нуться баллотировке и получил, кроме своего голоса, только три избирательных шара. Такой исход выборов не мог быть, конечно, сколько-нибудь обидным для моего самолюбия, но мне было прискорбно быть устраненным от дальнейшего участия в работе уездного и губернского земств. Тем более было мне отрадно избрание меня уездным земским собранием третьим членом уездной управы без содержания, чем мне предоставлялась возможность войти в состав уездного собрания и быть избранным губернским гласным. Избрание меня членом управы большинством всех гласных, кроме присутствовавших реакционных представителей первого избирательного собрания, разрушало план последних, который они считали уже осуществленным. Насколько мне стало известно из компетентного источника, были сделаны шаги, клонившиеся к неутверждению меня в должности члена уездной управы, но это предположение не было приведено в исполнение. В то время, когда губернатору, В.Ф.Джунковскому, предстояло принять решение по данному вопросу, в Москве был проездом П.А.Столыпин. Губернатор говорил ему во время происходившей между ними беседы о моем избрании и о своем недоумении относительно вопроса о моем утверждении и председатель совета министров, как передавали мне, не видел основания для моего неутверждения. По моем вступлении в должность было вскоре созвано экстренное уездное собрание, на котором я был избран губернским гласным на четвертое место, оставленное с этой целью вакантным во время очередного собрания. Реакционными элементами, как мне было сообщено, из того же хорошо осведомленного источника, и, главным образом, губернским предводителем дворянства, А.Д.Самариным, было произведено давление на губернато-

ра, которым избрание меня губернским гласным было опротестовано и передано на заключение губернского по земским делам присутствия. Присутствие согласилось с протестом губернатора и признало избрание меня губернским гласным неправильным, так как я не состоял уездным гласным по избранию первого избирательного собрания. Постановление присутствия состоялось в декабре 1909 г., незадолго до открытия очередной сессии губернского земского собрания, в которой я таким образом был лишен возможности принять участие. Хотя постановление присутствия представлялось, несомненно, незаконным и явно противоречащим ст. 116 и ст. 121 положения о земских учреждениях, но волоколамское собрание, чтобы обжаловать определение присутствия должно было быть созвано в чрезвычайную сессию. Затем я предполагал, что сенат отменит определение присутствия не в скором времени, очень вероятно, по окончании трехлетия, на которое я был избран, и по этим причинам я не ожидал быть своевременно восстановленным в своих правах. Однако, дело приняло совершенно неожиданно вполне благоприятный оборот. В феврале 1910 г. волоколамское собрание постановило обжаловать постановление присутствия; уездной управой вскоре была представлена жалоба, направленная присутствием без замедления в сенат, который уже 11 апреля отменил постановление московского губернского присутствия, и таким образом я получил возможность принять участие в последующих собраниях губернского земства в течение трехлетия.

В последнее время моего участия в земских учреждениях московской губернии я следил за их деятельностью преимущественно в качестве стороннего наблюдателя и высту-

пал в собраниях в редких случаях. Работа волоколамского земства продолжала развиваться интенсивно в прежнем направлении, благодаря энергии молодого председателя управы, А.А.Эйлера, и прогрессивного настроения уездного собрания и, особенно, всегда достаточно сознательных гласных от сельских обществ. Реакционные представители дворянского землевладения не имели в земском собрании никакого влияния и очень неисправно посещали его заседания. В губернском земском собрании господствовал полный индифферентизм к земскому делу. Гласные собирались неохотно и необходимый для открытия собрания кворум составлялся с большим опозданием, а заседания часто приходилось вскоре прекращать за отсутствием гласных. С 1908 года выступления реакционных гласных не носили того характера раздражения и озлобления, которым они отличались в продолжение предыдущих двух лет, но представители реакционных течений продолжали преобладать в собрании и отсутствие среди них интереса и живого отношения к земскому делу налагали свой отпечаток на ход занятий и настроение собраний. Когда представители реакции выступали с возражениями на речи и предложения, вносимые немногочисленными прогрессивными гласными, то они имели всегда в виду не существо обсуждавшихся вопросов, а сводили прения на почву политических, принципиальных разногласий. Посещение, при таких условиях, заседаний губернских собраний превращалось в тягостную и малопроизводительную повинность.

Осенью 1908 года в Москве должны были происходить выборы гласных в городскую думу на четырехлетие 1909–12 г. Во время предвыборной кампании многие городские деятели приглашали меня выставить мою кандидатуру при

предстоявших выборах городских гласных и так как в городе у меня не было имущественного ценза, то мне было обеспечено уполномочие по доверенности совета московского общества сельского хозяйства. Ранее я никогда не принимал участия в городском самоуправлении и возможность ближе ознакомиться с постановкой и ведением городского общественного хозяйства представлялась мне заманчивой, но одно обстоятельство возбуждало во мне некоторое сомнение — невыясненность отношений между городским самоуправлением и губернским земством на почве привлечения к земскому обложению городских недвижимых имуществ. Недвижимые имущества в г. Москве были впервые привлечены к обложению губернским земским сбором в 1890 году, о чем уже было говорено выше, в I-ой главе. Участие городов в расходах земских учреждений я всегда считал необходимым и безусловно справедливым, по принципиальным соображениям, изложенным во II-ой главе настоящих воспоминаний; и всегда отстаивал эту точку зрения в губернском земском собрании. Но московская городская дума и ее представители в земском собрании не примирялись с таким разрешением вопроса, хотя постановление губернского земского собрания имело в своем основании, кроме принципиальных соображений, определенное указание в законе. В этот вопрос с самого начала представителями городского самоуправления было внесено слишком много раздражения и это не могло не отразиться неблагоприятно на соответствующих постановлениях городской думы, на взаимных отношениях двух крупных общественных единиц и нередко вызывало недостаточно спокойное обсуждение в губернском земском собрании вопросов, затрагивавших в той или иной мере интересы г. Москвы.

Признавая необходимым и вполне справедливым привлечение городских имуществ к земскому обложению, мне в то же время представлялось правильным обставить это обложение некоторыми условиями, в соответствии с особенностями порядка раскладки городских сборов, и прийти в этом вопросе к установлению известного соглашения между городом и земством. В этих целях, еще во время очередной сессии 1891 года, мною было внесено в губернское земское собрание за подписью 45 гласных заявление, которое заканчивалось следующими предложениями: 1) признать желательным выяснить и урегулировать взаимные отношения губернского земства и г. Москвы; 2) разработку этого вопроса поручить комиссии, половина состава которой должна быть избрана губернским земским собранием, а остальные члены имеют быть избранными городской думой; 3) избрать в означенную комиссию членов от земства; 4) о состоявшихся постановлениях уведомить городскую думу и 5) когда комиссия признает сама свою задачу исчерпанной, доклад ее должен быть представлен в губернское земское собрание и городскую думу. Эти предложения были приняты единогласно и затем собрание избрало в намеченную комиссию из своей среды пять лиц, в числе которых был и я. В непродолжительном времени городская дума также избрала своих представителей во вновь образуемую комиссию. Однако, в 1892 году и в первой половине 1893 года вопрос, порученный комиссии, оставался без движения, в виду возникших осложнений между органами губернского земского самоуправления и происшедшего изменения в составе губернской управы.

В сентябре 1893 года я обратился к городскому голове, К.В.Рукавишникову, с предложением приступить к выпол-

нению поручения, возложенного на согласительную комиссию. К.В., отнесясь сочувственно к сделанному ему предложению, находил полезным и желательным, до созыва комиссии в полном ее составе, предварительно обменяться нам между собой мнениями по этому вопросу и привлечь к такого рода частной беседе еще по одному члену комиссии от земства и города. В происходившем 23 сентября у К.В.Рукавишникова частном совещании, кроме нас двоих, приняли участие: товарищ городского головы, Н.Н.Щепкин, со стороны города, и Ф.Д.Самарин, со стороны земства. Во время нашей беседы были намечены следующие положения, которые, по мнению совещавшихся, могли бы послужить основой для урегулирования отношений между земством и городом и текст которых, записанный во время нашей беседы, был сообщен мной К.В.Рукавишникову при письме 25-го того же месяца:

1. Издаваемые губернским земством обязательные постановления не применяются к Москве по 79 ст. положения о земских учреждениях, а сообщаются городской думе, которая, если пожелает, издает их с соответственными изменениями по ст. 108 городового положения.
2. Все расходы, вызываемые применением обязательных постановлений в г. Москве, должны производиться из городских средств.
3. В случае появления в губернии эпидемий и эпизоотий и принятия губернским земством на свой счет всех расходов по борьбе с ними, расходы г. Москвы из губернских средств не удовлетворяются.

4. Мероприятия губернского земства по народному образованию, санитарной и врачебной организации на г. Москву не распространяются.
5. Если московской думе, вследствие предъявления со стороны администрации требований, вызывающих новые крупные расходы, обязательные для города, независимо от согласия думы, придется увеличить процент своего обложения на предстоящий сметный период, то в этом году процент земского обложения не должен быть повышаем.
6. Губернским земским собранием и городской думой будет предъявлено ходатайство пред правительством о том, чтобы maximum размера обложения земским сбором недвижимых имуществ г. Москвы не превышал половины размера обложения в том же году этих имуществ городским сбором.
7. Призрение душевнобольных, уроженцев московской губернии и проживавших до своего заболевания в г. Москве не менее года, лежит на обязанности городского управления.

Эти положения, на основании состоявшегося между К.В.Рукавишниковым и мной соглашения, были сообщены предварительно, каждым из нас по принадлежности, остальным членам комиссии и затем состоялось ее общее заседание. Все земские представители признали намеченные положения приемлемыми, но со стороны остальных членов комиссии, избранных городской думой, последовали большие возражения и они с своей стороны предлагали внести в проект существенные изменения, которые сводились к следующему: 1) maximum размера земского обложения не должен быть более ¼ обложения имуществ городским

сбором, причем эта норма должна соблюдаться пока существует различный порядок для земского и городского обложения, 2) увеличение земского сбора в одном году не должно превышать ¼% с доходности облагаемых имуществ и 3) в тот год, когда город доведет свое обложение до 10%, на этот год земство не увеличивает процент своего обложения. К концу заседания комиссия не пришла к определенному соглашению и было предположено собраться вторично, причем представители города выражали намерение предварительно обменяться мнениями с некоторыми из городских гласных. Однако вторичное заседание комиссии не состоялось, хотя я по этому поводу неоднократно обращался к К.В.Рукавишникову; он находил лучшим не спешить с созывом комиссии и выждать время, в течение которого может установиться среди городских представителей более определенное отношение к вопросу. В таком положении вопрос оставался до января 1895 года. При открытии очередной сессии губернского земского собрания 1894 года, я вновь просил К.В.Рукавишникова оказать свое содействие к выяснению порученного комиссии вопроса и он, после совещания с членами комиссии, избранными городской думой, сообщил мне, что возобновление занятий комиссии и достижение соглашения было бы возможно при условии, если губернское земство будет согласно определить максимальный размер обложения городских имуществ не выше 1¾%. Отнесясь лично к такой постановке вопроса совершенно отрицательно, я в то же время счел себя обязанным ознакомить всех членов комиссии, избранных земским собранием, с сообщением К.В.Рукавишникова. Мнения земских представителей в комиссии разделились и некоторые из них полагали возможным принять предложение,

переданное мне городским головой. В виду обнаружившегося в среде членов комиссии разномыслия, было признано нужным сообщить новое предложение со стороны города всему составу губернского собрания в частном совещании гласных. Частное совещание, в котором гласные от города участие не принимали, желая положить конец пререканиям, возникшим и все еще продолжавшимся между земством и городом, признало возможным пойти навстречу предложению, исходившему со стороны городских представителей в согласительной комиссии, и поручило губернской управе, в этом смысле внести предложение в заседание губернского земского собрания. 27 января 1895 года, губернское земское собрание, после сделанного мной словесного доклада, приняло приводимые ниже постановления, которые должны были послужить основанием при дальнейшем рассмотрении в комиссии вопроса о соглашении с городским управлением, а именно: 1) признать, что для справедливой раскладки губернского земского сбора между всеми общественными платежными единицами, входящими в состав московской губернии, необходимо установить максимальный размер процента обложения г. Москвы с тем, чтобы таковое ограничение действовало до тех пор, пока останутся в силе ныне существующие основания взимания земских и городских сборов, 2) определить максимальный % обложения губернским земским сбором г. Москвы в 1¾%, сохраняя за земством право применения к оценке фабрик и заводов г. Москвы норм, принятых губернским земством для оценки фабрик и заводов в уездах, и 3) уполномочить комиссию по соглашению земства с городом выработать на изложенных основаниях проект окончательного соглашения с городом, каковой и представить на утверждение городской думы и

губернского земского собрания. Эти постановления были сообщены городскому управлению, но они не вызвали принятия какого-либо решения со стороны городской думы и ею не было дано никакого определенного поручения своим представителям в согласительной комиссии. Вопрос продолжал оставаться в том же неопределенном, невыясненном положении. Городские гласные в губернском земском собрании вменяли себе, как бы, в обязанность протестовать ежегодно при внесении в земскую смету доходов сбора с имуществ в г. Москве и прилагали к журналам особое мнение, а когда процент земского обложения превысил 1¾%, то они стали указывать, что этим, будто бы, нарушается установленное земским собранием в 1895 году соглашение. Такое указание представлялось очевидно не основательным: 1) в 1895 г. земское собрание установило лишь основания для дальнейшей разработки комиссией соглашения с городом, но городское управление ничем не отозвалось на предложение земства и по этой причине соглашение осталось неосуществленным, 2) новые основания для земского обложения в г. Москве могли быть применены только в том случае, если бы земство и город, придя между собой предварительно к соглашению, возбудили ходатайство о соответствующих изменениях действующего закона, и новый порядок мог подлежать введению только после его законодательной санкции, и 3) губернское земское собрание, предлагая установить максимальный размер обложения городских имуществ в 1¾%, в то же время оговорило, что эта норма должна сохраниться до тех пор, «пока останутся в силе ныне существующие основания взимания земских и городских сборов», но после этого постановления были изменены основания земской оценки всех имуществ в

губернии и доходность, например, земель была повышена более чем в три раза; при таких условиях, если соглашение между земством и городом даже было бы своевременно установлено, сделалось бы необходимым пересмотреть вопрос и соответственно изменить норму максимального размера обложения земским сбором городских имуществ.

В таком положении находился вопрос об отношениях между губернским земством и городом Москвой ко времени выборов городских гласных в конце 1908 года и меня невольно смущала мысль — следует ли мне войти в состав городской думы, принимая во внимание, что в указанном вопросе она почти единодушно относится отрицательно к земскому обложению, а я всегда являлся в земстве одним из инициаторов положительного разрешения этого вопроса? Лица, склонявшие меня поставить мою кандидатуру, при предстоявших выборах и которым я сообщал о своих сомнениях, полагали, что мое участие в городской думе и выяснение в ее среде моей точки зрения может скорее содействовать разрешению вопроса о соглашении между земством и городом, и в то же время указывали, что если бы я не пожелал принимать участие при обсуждении в думе этого вопроса, то за мной остается право не присутствовать в заседаниях думы, при постановке его на очередь. Я согласился с этими доводами, но оговорил, что я, если буду избран городским гласным, не сочту возможным баллотироваться в гласные губернского земского собрания от г. Москвы, если бы такое предложение было бы мне сделано гласными городской думы. Сомнения, возникшие во мне по указанному вопросу оказались напрасными, так как во время моего пребывания в составе городской думы, в ней вопрос об ее отношениях к земству ни разу не возбуждался.

Происходившие в конце 1908 г. выборы в московскую городскую думу отличались небывалой страстностью и отражали на себе партийную нетерпимость, которая разделила на политические группы часть населения города, принимавшую участие в этих выборах. В то время, как элементы общества, стремившиеся к обновлению строя городского управления, объединились в группе, получившей название группы прогрессивных избирателей, ставя себе целью изменение старой системы управления городским хозяйством, общественные элементы, из которых образовано было большинство старого состава думы, в своих обращениях к избирателям объявили, что выборы в городскую думу имеют политическое значение и что от их исхода будет зависеть дальнейшее умиротворение страны. После ожесточенной борьбы, происходившей на предвыборных собраниях, обе боровшиеся группы вступили в городскую думу численно почти уравновешенными. Исход выборов, давший состав думы, органически разделенный на две почти равные половины, предопределил и самое положение ее на начавшееся четырехлетие. Ни та, ни другая группа не была в состоянии приобрести решающего влияния на ход дела в думе и в то же время они не могли слиться для общей работы в однородное целое, так как, помимо взаимного недоверия и повышенного раздражения друг против друга, между обеими половинами думы была рознь, получавшая свое начало в политическом разномыслии.

Вступив в думу, гласные, прошедшие по спискам прогрессивных избирателей, поспешили сорганизоваться и образовали прогрессивную группу, в состав которой вошли 70 гласных. Для руководства деятельностью группы был избран комитет в составе 10 лиц, которые в свою очередь

избрали меня своим председателем. В первом же совещании группы она поставила себе главною целью стремиться и содействовать в деле улучшения городского хозяйства мирному сотрудничеству обеих групп в думе и решительно отвергла мысль о борьбе и соперничестве между ними в городском общественном деле на почве политического разномыслия и нетерпимости. Свое внимание прогрессивная группа первоначально сосредоточила на организации подготовительной работы думы, т.е. на образовании подготовительных комиссий. Между обеими группами удалось установить соглашение, в силу которого каждая группа намечала половину состава каждой существовавшей при думе комиссии, а намеченные таким путем кандидаты избирались затем в собрании думы.

Представители прогрессивной группы настаивали, чтобы выборы городского головы были отложены на некоторый срок, с целью дать возможность гласным предварительно лучше между собой ознакомиться и не производить эти выборы под влиянием настроений предвыборной кампании. Однако, единомыслия достигнуть в этом отношении не удалось и избрание городского головы было назначено произвести в первых заседаниях думы. Группа умеренно-правых спешила произвести выборы городского головы, так как ее кандидатом являлось лицо, занимавшее этот пост последнее четырехлетие. Прогрессивная группа, признававшая желательным и нужным обновить состав исполнительного органа городского управления и поставить во главе его человека, более отвечающего пониманию прогрессивной группой идеи и задач общественного самоуправления, ко времени открытия действий новой городской думы не успела еще определенно наметить своего кандидата. При

обсуждении этого вопроса в собрании группы члены ее при подаче записок выставили мою кандидатуру и обратились ко мне с убедительной просьбой подчиниться их желанию; при этом указывалось, что моя кандидатура, кроме членов прогрессивной группы, по-видимому, будет встречена сочувственно многими членами умеренно-правой группы, и потому явится при выборах в думе наиболее надежной. Высоко ценя оказываемое мне доверие и сознавая, что уклонение от принятия сделанного мне предложения может поставить группу, отчасти, в затруднительное положение, я, тем не менее, не счел возможным ответить согласием на сделанное мне заявление. Я говорил, что не чувствую в себе достаточно физических и моральных сил, чтобы в переживаемое страной время принять на себя исполнение сложных и ответственных обязанностей, связанных с должностью московского городского головы. Я готов был бы посвятить свои силы служению городскому общественному делу, если ведение городского хозяйства было бы возможно при доверчивом и тесном единении всех элементов, принимающих в нем участие, в чем, по глубокому моему убеждению, заключается необходимая основа общественного дела. Но в данное время, с одной стороны, общественные круги, призванные к участию в городском самоуправлении, разделены разномыслием по политическим и социальным вопросам и проникнуты взаимным недоверием, а, с другой, политика государственной власти поддерживает эту рознь в обществе и исключает возможность установления необходимого взаимодействия между администрацией и независимыми органами самоуправления. Эти условия предопределяют неизбежность постоянных столкновений и трений в среде городской думы, в ее отношениях к своему исполнительно-

му органу и в отношениях между городским управлением, и местной и центральной администрацией. Я всегда тяготился политической борьбой во всех ее проявлениях и всегда старался служить делу примирения и установлению необходимых доброжелательных соглашений. Я продолжаю держаться убеждения, что в этом заключается единственно верный путь, но во мне ослабла сильная прежде вера, что страна и общество смогут вступить на этот путь в ближайшее время, а без этой веры я не найду в себе нужных сил, чтобы стоять во главе такого общественного дела, как дело московского городского самоуправления. Затем я указал, что совершенно неустранимым препятствием для моей кандидатуры является вопрос о взаимных отношениях города Москвы и губернского земства. Городская дума и я в этом вопросе стоим на диаметрально противоположных точках зрения и этим исключается для меня возможность явиться представителем городского самоуправления, так как я признаю занятое им в этом вопросе положение неправильным. Когда вопрос о моей кандидатуре был устранен, группа перешла к дальнейшему обсуждению и остановила свой выбор на М.В.Челнокове, который согласился принять сделанное ему предложение. При производстве в городской думе выборов городского головы были предложены и баллотировались два кандидата: Н.И.Гучков и М.В.Челноков. Первый был избран 80-ью голосами против 65-ти, а второй — получил 69 избирательных шаров и 76 неизбирательных. На стороне Н.И.Гучкова были 10 голосов городской управы и, помимо их, перевес умеренно-правых гласных определился всего 5-ю голосами; но результат выборов во всяком случае свидетельствовал, что прогрессивная группа не имеет численного преобладания в думе.

Если выборы городского головы были произведены с исключительной поспешностью, то избрание членов управы было отсрочено и выборы их состоялись только в конце четвертого месяца существования думы. Обе группы гласных придавали этим выборам большое значение, но исход их имел особенно важное значение для прогрессивной группы, так как он должен был определить положение группы в городской думе и отношение между группой и городской управой в течение всего четырехлетия. Прогрессивная группа одной из главных задач ставила себе укрепление необходимой солидарности и создание правильно организованного взаимодействия между городской думой и городской управой. Препятствием осуществлению этой задачи являлась в предыдущее четырехлетие наклонность исполнительного органа к некоторому самовластию и к ограничению влияния думы на направление городского дела. Изменение установившегося режима представлялось возможным лишь при изменении личного состава управы и при условии введения в нее новых людей, свободных от привычек и приемов, усвоенных в прежнее время. Кроме того, введение в состав управы новых лиц из числа кандидатов прогрессивной группы могло увеличить численный состав этой группы в городской думе и содействовало бы приближению исполнительного органа к прогрессивной группе. Только при этом условии представлялось возможным укрепить коллегиальное начало в городской управе и создать почву для безусловно необходимого взаимодействия городского головы и всего состава управы с городской думой. Имея в виду эти соображения, группа после всестороннего обсуждения вопросов, связанных с предстоявшими выборами, пришла к заключению о необходимости стре-

миться провести в управу только выставленных группой новых кандидатов и устранить из прежнего состава управы ее членов, прослуживших сроки, на которые они были избраны. Последнее условие было признано необходимым не вследствие отрицательного отношения к большинству членов управы, которым предстояло подвергнуться переизбранию, а исключительно в виду признания необходимости обновить вообще состав управы в указанных целях. Однако, результаты выборов оказались для прогрессивной группы безуспешными. Из трех прежних членов управы не переизбран был только один, а двое остальных получили: один — 75 избирательных шаров и 50 неизбирательных, а другой — 64 и 61. Кандидаты прогрессивной группы избраны не были: один — большинством 64 против 61 голоса, а другой — 68 против 57 голосов. Такой неуспех явился последствием отчасти индифферентизма некоторых членов прогрессивной группы, а отчасти отсутствия необходимой солидарности между членами группы. 8 лиц из ее состава опоздали приездом на заседание думы и прибыли в то время, когда уже производился подсчет шаров. Если эти 8 гласных явились бы своевременно, то один из переизбранных прежних членов управы не был бы выбран, а один из кандидатов прогрессивной группы получил бы большинство избирательных шаров. Затем, из подсчета шаров выяснилось, что из числа 61 гласных прогрессивной группы, принявших участие в выборах, 11 лиц, вопреки принятому группой решению, положили избирательные шары одному из баллотировавшихся вновь членов управы прежнего состава, а 4 из прогрессивных гласных положили неизбирательные шары одному из кандидатов прогрессивной группы.

Результаты указанных выборов произвели на меня удручающее впечатление. Отсутствие необходимой в общественном деле солидарности между членами прогрессивной группы лишало ее силы и исключало возможность разрешения поставленных себе группой задач. Наша неудача не могла не укрепить господствовавшего в городском управлении режима и еще более затрудняла сближение прогрессивной группы с управой. Положение группы в думе становилось безнадежным; инициатива и выступления ее представителей по вопросам, не встречавшим сочувствия управы, обрекались на неуспех, и могли лишь содействовать обострению раздражения, свойственного гласным реакционного настроения. В таких условиях работа прогрессивных гласных в комиссиях и в думе становилась чрезвычайно тяжелой и малоплодотворной. При таком положении вещей приходилось признать, что нельзя рассчитывать на скорое и успешное преобразование системы управления городским хозяйством. Однако, проникавшее в общественное сознание убеждение, что городское управление должно приступить к реформам, открывало прогрессивной группе возможность не отказываться от надежды на проведение хотя бы некоторых ее пожеланий. В своей программной речи, произнесенной в городской думе 26-го января, городской голова указал на необходимость реформ в городском деле, но городская управа и ее председатель сознавали, что при искании новых путей ведения городского хозяйства и при переходе на них, они скорее могут встретить поддержку прогрессивной группы, чем со стороны умеренно-правых гласных. Это обстоятельство побуждало исполнительный орган городского управления не избегать сближения с прогрессивной группой, а последняя, ставя выше всего интересы обще-

ственного дела, не отказывала управе в своей поддержке во всех случаях, когда ее начинания и мероприятия соответствовали требованиям, которые должны быть предъявлены при постановке и при ведении общественного городского хозяйства. На этой почве и при наличности в составе городской думы двух почти равносильных групп постановления думы принимались неоднократно голосами прогрессивной группы и управы.

Поставив себе целью установление в городском деле условий для мирного сотрудничества всех элементов, входящих в его состав, прогрессивная группа признала нужным сделать попытку к проведению органических реформ, обеспечивающих более живое и тесное взаимодействие распорядительного и исполнительного органов городского управления. В этих видах по инициативе группы была образована комиссия «по общим вопросам городского устройства», имевшая своей задачей внесение изменений в систему подготовительной работы думы, в порядок управления городскими предприятиями коммерческого типа и в порядок производства дел в городской управе. Комиссия была организована в составе 10 лиц, по 5 представителей от двух групп гласных в городской думе. Своим председателем комиссия избрала меня. Комиссия признала необходимым поставить на первую очередь своих работ вопрос об изменениях в организации подготовительных комиссий при городской думе, имея при этом в виду, что на нее возложено думой поручение выяснить: 1) каким способом гласные могли бы быть введены в курс городского хозяйства, 2) какими мерами могла бы быть осуществляема ежегодно фактическая ревизия городского хозяйства и 3) каким путем финансовая комиссия могла бы ближайшим образом ведать

вопросы городского бюджета и быть в курсе исполнения финансового плана городского хозяйства. Приступая к своим занятиям, комиссия ясно сознавала, что предполагаемая реформа может быть жизненной и плодотворной только в том случае, если она будет встречена сочувственно всеми заинтересованными сторонами и прежде всего лицами, стоящими во главе городского управления. Поэтому комиссия считала главным условием, обеспечивающим продуктивность ее работы, постоянное и близкое сотрудничество представителей городской управы. Городской голова, его товарищ и некоторые члены управы, казалось, с своей стороны сочувствовали такой постановке работы и принимали деятельное участие в заседаниях комиссии.

В основу составленного комиссией проекта реформы подготовительных комиссий были положены следующие соображения. Интересы дела настоятельно требуют, чтобы городская дума так организовала свою работу, чтобы близкое знакомство с положением всех отраслей городского хозяйства открывало ей возможность принимать активное участие в направлении городского дела. Система существующих подготовительных комиссий и установленные для них правила не открывают путей для приближения думы к городскому делу. Для достижения намечаемой цели необходимы: планомерное разделение труда между всеми гласными, приближение их к городскому хозяйству и создание условий, при которых будут доступны — производство фактической ревизии и наблюдение за исполнением определенного плана ведения городского хозяйства. Выполнение этой задачи сделается возможным 1) путем применения принципа специализации при распределении работы между подготовительными комиссиями и 2) при предоставлении

комиссиям большего круга прав и обязанностей. Только эти условия могут создать живой интерес к работе и ту непосредственную связь думы с городским хозяйством, которой она лишена в настоящее время. Следует признать необходимым, чтобы все вопросы, касающиеся данной отрасли городского хозяйства входили в круг ведения одной, специальной комиссии и чтобы круг ведения каждой комиссии соответствовал отделам и параграфам городской сметы. Приближение комиссий к городскому делу сделается осуществимым только в том случае, если на них будет возложено думой ознакомление на местах с соответствующими городскими учреждениями и постановкой в них дела. Фактическая ревизия станет осуществимой только при условии возложения ее не на особую ревизионную комиссию, а на все комиссии, ведающие отдельными отраслями городского хозяйства. Но подготовительные комиссии отнюдь не должны иметь исполнительной и распорядительной власти и не должны вмешиваться в распоряжения управы и прочих органов городского управления; они должны ограничиваться в своей деятельности ознакомлением с постановкой и ходом городского хозяйства, разработкой вопросов, вносимых на рассмотрение думы, и представлением заключений по параграфам и статьям ежегодных городских смет расходов и доходов, входящих в круг их ведения. Особенно важное значение должно иметь правильное и целесообразное распределение сил думы при образовании комиссии. Необходимо распределить силы думы по возможности равномерно и так, чтобы ни одна отрасль хозяйства не осталась без надлежащего изучения. Следует признать желательным, чтобы каждый гласный вошел обязательно в состав хотя бы одной комиссии. Руководясь изложенными

основными положениями, комиссией был составлен проект правил организации при городской думе подготовительных комиссий, состоящий из 83 параграфов. Выполнение этой работы потребовало почти годовой срок, продолжительность которого обусловилась как сложностью вопроса, так и сознанием, что новый порядок может явиться жизненным в том только случае, если он будет проектирован при возможном единомыслии всего состава комиссии и городской управы.

Ко времени окончания рассмотрения в комиссии по общим вопросам городского хозяйства проекта новых правил о подготовительных комиссиях, казалось, что желательное единомыслие было в значительной мере достигнуто; большая часть основных положений проекта и его отдельных статей была принята комиссией единогласно или значительным числом голосов, и притом, в большинстве случаев, по соглашению с принимавшими деятельное участие в работах комиссии представителями городской управы. Но когда проект правил и доклад комиссии были отпечатаны и сообщены в корректурных оттисках представителям управы, то товарищем городского головы была представлена записка, заключавшая в себе замечания относительно проектированного комиссией порядка рассмотрения сметных предположений, причем изложение этих замечаний свидетельствовало об отрицательном отношении автора вообще к основным положениям всего проекта. Затем в заседании комиссии 14-го января 1910 г., созванном для окончательного утверждения редакции доклада, городской голова высказал, что он, признавая принципы, положенные в основу проекта, правильными, находит, однако, проект настолько теоретичным и непрактичным, что осуществле-

ние его совершенно немыслимо и что новый порядок при проведении его в жизнь скорее может принести ущерб делу, чем ожидаемую от него пользу. Оставляя в стороне детали, как, например, соединение функций ревизионной и финансовой в одной комиссии, Н.И.Гучков считал, что при наличном составе думы невозможно взваливать на нее такую работу, как это проектирует комиссия. Предлагаемое приближение гласных к работе управы явится вмешательством во все детали грандиозного городского хозяйства. Такое сближение работы думы и управы почти совершенно уничтожило бы линию, разъединяющую распорядительный орган от исполнительного, и неизвестно, кто же из них явится ответственным органом? В виду выяснившегося отношения к результатам работ комиссии городского головы и его товарища, мне тогда же казалось, что было бы правильнее не вносить составленные доклад и проект правил для подготовительных комиссий на рассмотрение думы, и я предложил комиссии обсудить этот вопрос, но комиссия большинством голосов признала нужным представить свою работу думе, несмотря на обнаружившееся неожиданно существенное разномыслие.

В заседании думы 16 марта 1910 г., когда доклад комиссии был поставлен на очередь, гласный Н.Л.Богоявленский от лица группы гласных просил передать доклад на предварительное обсуждение в частном совещании всех гласных и городской управы. Как председатель комиссии, я приветствовал предложение Н.Л. и, присоединяясь к нему, сказал: «Реформа, которая предлагается нашей комиссией, имеет единственную и исключительную цель создать необходимое взаимодействие всех элементов, призванных к работе в городском управлении. Эта реформа может ока-

заться плодотворной только в том случае, если встретит сочувствие со стороны городской управы; она может быть жизненна только тогда, когда будет принята значительным большинством думы.» К сожалению состоявшееся совещание гласных не помогло объективному освещению вопроса. Со стороны присутствовавших не было заявлено пожеланий получить от комиссии какие-либо пояснения ни по основным положениям ее работы, ни по ее деталям. В то же время некоторыми гласными было выражено категорическое отрицательное отношение к проекту комиссии, а городской голова повторил в совещании то, что им было высказано в заседании комиссии 14-го января. Отвечая на возражения и сомнения, высказанные Н.И.Гучковым, я отметил, что городской голова признает: реформу подготовительных комиссий — необходимой, применение при организации комиссий принципа специализации — правильным, распределение между комиссиями вопросов применительно к отделам сметы — удачным, приближение комиссий к изучению дела — необходимым и стремление к укреплению взаимодействия думы и управы — обязательным. Н.И. недоумевает пред вопросом: на ком же по проекту комиссии будет лежать ответственность за деятельность городского управления? В этом отношении проект никаких изменений в существующее положение не вносит. Моральную ответственность и в настоящее время несут и дума, и управа, только при наличных условиях дума не может нести ее сознательно. Разделение моральной ответственности между думой и управой не создает безответственности исполнительного органа за свои действия. Отрицательное отношение представителей городской управы к проекту комиссии коренится в опасении «вмешательства подготовительных

комиссий в детали грандиозного городского хозяйства». Эта боязнь свидетельствует, что существующие отношения между думой и управой не вполне нормальны, в них нет необходимого взаимного доверия. Но на почве недоверия к живым общественным силам невозможно создать доброжелательного сотрудничества думы и управы. Необходимо им от взаимного недоверия отрешиться, и тогда управа не будет опасаться вмешательства в свою деятельность со стороны подготовительных комиссий думы.

2-го апреля дума приступила к постатейному обсуждению проекта. Продолжительный обмен мнений вызвал вопрос об объединении в одной комиссии функций ревизионных и финансовых и попутно говорившие останавливались на параграфе 6-м, пункте б, возлагавшем на проектируемые комиссии производство фактической ревизии. Товарищ городского головы, заявив, что он даст объяснения от лица всей управы, высказался против слияния финансовой и ревизионной комиссий и против предоставления комиссиям функций ревизионных и финансовых. Член управы Д.Д. Дувакин усматривал в предлагаемой организации признаки, указывающие на исполнительный характер проектируемых комиссий. Городской голова высказался также против образования одной ревизионно-финансовой комиссии и, признавая за проектируемыми комиссиями характер исполнительный, закончил свою речь словами: «Мне кажется, что это обстоятельство должно одинаково быть принято во внимание как противниками, так и сторонниками настоящего доклада, которые не хотят создавать исполнительных комиссий. Наша дума никогда по этому пути не шла и надо надеяться не пойдет.» При баллотировке предложение

доклада о слиянии ревизионной и финансовой комиссий было отклонено большинством 16 голосов против 42.

Рассмотрение в думе доклада комиссии продолжалось 6-го апреля. Городской голова, указав, что самое важное нововведение, предлагаемое комиссией, заключается в пунктах б и е, § 6-го, а именно — возложение на подготовительные комиссии производства фактической ревизии и рассмотрения сметных предположений, предложил перейти к рассмотрению этого вопроса. Против предложений доклада высказались некоторые гласные, а также члены комиссии по общим вопросам: гр. Л.А.Комаровский и С.В.Пучков. Бывший член той же комиссии С.И.Анофриев, являвшийся ранее одним из горячих сторонников рассматриваемых предложений, заявил, что он изменил свое мнение и ныне высказывается против них. Товарищ городского головы полагал, что производство фактической ревизии не должно входить в число функций тех комиссий, которые будут ведать городское хозяйство. По заключении прений, дума большинством 59 голосов против 48 приняла пункт б, § 6-го, а затем были приняты остальные пункты этого параграфа, а также §§ 7, 8 и 9-й. После этого дума постановила передать доклад в комиссию для согласования проекта правил с принятым думой положением о сохранении двух отдельных комиссий — ревизионной и финансовой. С.В.Пучков заявил в том же заседании, что он, как несогласный с принятым незначительным большинством думы предложением комиссии о возложении ревизионных функций на подготовительные комиссии, отказывается от звания члена комиссии по общим вопросам.

Поручение думы было исполнено в скором времени и 1-го мая гласным было представлено дополнение к докладу

комиссии, содержащее в себе измененную редакцию некоторых статей проекта правил о подготовительных комиссиях, соответственно постановлению думы 2-го апреля. Доклад комиссии вместе с дополнением был поставлен на повестку заседания думы 18-го мая, но в этом заседании было постановлено, по предложению гласного Н.П.Вишнякова, отложить обсуждение доклада до осени и просить комиссию перепечатать проект правил о подготовительных комиссиях в измененной комиссией редакции.

Осенью 1910 года доклад комиссии по общим вопросам в течение продолжительного времени не был поставлен на очередь обсуждения в думе, а из частных бесед с представителями управы легко было усмотреть, что их отрицательное отношение к проекту комиссии заметно усилилось. В то же время выяснилось с достаточной несомненностью, что в среде самой думы антагонизм умеренно-правых к прогрессивной группе все возрастает; правые элементы в этой группе получили заметное преобладание над элементами умеренными, что в значительной мере содействовало усилению партийной розни и нетерпимости. Одновременно с этим, примкнувшие, было, сначала к прогрессивной группе гласные из среды, так называемых, арендаторов, в надежде таким путем получить скорейшее удовлетворение своих местных интересов, разочаровавшись в своей надежде, выделились из состава прогрессивной группы и вместе с некоторыми представителями крайних правых образовали новую группу гласных в думе, присвоив ей наименование «группы центра».

При наличности таких условий я счел необходимым предложить комиссии обсудить вопрос — своевременно ли вообще настаивать на внесении ее доклада в думу и на

принятии думой проекта комиссии? От своей стороны я высказал следующие соображения: 16-го марта я заявил в думе от лица комиссии, что она считает возможным проведение в жизнь предлагаемой реформы только при условии сочувственного отношения к ней управы и принятия нашего предложения значительным большинством думы. Из отзывов представителей городской управы очевидно, что управа относится отрицательно к двум основным положениям комиссии. Рассчитывать на сколько-нибудь значительное большинство голосов в думе, сочувствующих принципам, положенным в основу проекта комиссии, нельзя, о чем с убедительностью свидетельствуют состоявшиеся уже голосования. При первом голосовании в числе 55 лиц, вотировавших за переход к постатейному чтению проекта, был весь состав управы, но при баллотировке пункта и, § 3-го управа голосовала против него и одно из основных положений проекта было отвергнуто большинством 46 против 42 голосов. Наконец при 3-ей баллотировке, по вопросу о возложении фактической ревизии на отделы, хотя предложение комиссии и было принято большинством 59 над 48, но при этом управа в полном составе голосовала против него, а за предложение комиссии очевидно голосовало несколько лиц, совершенно не разделявших ее принципиальных взглядов, но желавших лишь тем или иным способом усилить контроль и надзор за действиями управы. В заседании думы 18-го мая Н.И.Астров, соглашаясь с предложением Н.П.Вишнякова отсрочить обсуждение доклада комиссии до осени, между прочим сказал: «для того, чтобы принять проект, нужно иное настроение думы, чем существует сейчас. Будем надеяться,» добавил Н.И., «что к осени настроение смягчится и уляжется раздражение, и тогда

отношение к этому проекту будет иное.» Однако действительность не свидетельствует о возможности осуществления в близком будущем высказанных Н.И. надежд. Затем я указал, что и среди нашей комиссии нет необходимого единомыслия. Во время произведенной комиссией работы все члены приходили между собой к соглашению и, казалось, были между собой солидарны, но выступления в думе гр. Л.А.Комаровского и С.В.Пучкова свидетельствуют противное. Приведенные соображения, говорил я, приводят меня к заключению, что нельзя рассчитывать вообще на принятие думой проекта комиссии, и во всяком случае без внесения в него существенных изменений, вступающих в противоречие с основными, принципиальными его положениями. В тоже время внесением проекта комиссии вновь на обсуждение думы теперь не может быть достигнута преследуемая им цель — объединение и создание основанного на доверии взаимодействия всех элементов, участвующих в городском управлении, а скорее могут получиться совершенно противоположные результаты. Мое заявление вызвало продолжительный обмен мнениями между членами комиссии, но в виду обнаружившегося значительного разногласия прийти к какому-либо определенному заключению оказалось невозможным и предложенный мной вопрос был оставлен комиссией открытым.

Для меня вопрос представлялся вполне ясным. От внесения проекта комиссии в думу ожидать каких-либо положительных результатов было невозможно. Продолжение работы комиссии я не мог не признавать бесцельным и, во всяком случае, если бы последний вопрос был решен в положительном смысле, я при создавшихся условиях не мог бы продолжать исполнение обязанности председателя

комиссии. Но, независимо от вопроса о дальнейшем моем участии в работах комиссии, предо мной встал вопрос о целесообразности моего дальнейшего пребывания вообще в составе московской городской думы. В продолжение двух лет, в течение которых я был городским гласным, я пришел к заключению, что в основе постановки всего городского дела лежит принципиальный недостаток, заключающийся в полном отсутствии необходимой в общественном деле солидарности между распорядительным и исполнительным органами городского общественного самоуправления. Ненормальность отношений между думой и управой, проявившаяся особенно резко в последние годы, имела глубокие корни и создалась, по-видимому, еще в то время, когда наша общественная жизнь не служила ареной для проявления розни политических партий. Городская дума всегда была склонна относиться с подозрительностью и с предвзятым недоверием к исполнительному органу городского управления, а городская управа в свою очередь смотрела на свои отношения к думе, как на тяжелую обузу формального характера, стесняющую управу в ее действиях и работе. Такая постановка взаимоотношений этих двух органов придавала всему городскому делу антиобщественный характер и являлась для меня резким противоречием традициям, воспитанным во мне в течение долгих лет моего участия в работе московского земства. Принципиальная солидарность и дружное взаимодействие распорядительного и исполнительного органов, вытекающие из взаимного доверия и из общности понимания ими принципов, руководящих общественною деятельностью, должны всегда служить главной основой правильной постановки общественного дела. Наблюдая эти условия и сроднившись с ними во время моей

земской деятельности, я войдя в состав московской городской думы, встретился с поразившей меня совсем иной постановкой дела. В своей общественной деятельности я всегда ставил себе целью, по мере своих сил, служить делу объединения общественных элементов, и потому, встретив по вступлении моем в городскую думу полную ее разобщенность с исполнительным органом, я хотел содействовать установлению в городском деле условий, облегчающих возможность сближения думы и управы. Главная причина их разобщенности заключалась, как я понимал, в невозможности для думы в общем своем составе ознакомиться и быть всегда в курсе всех отраслей грандиозного городского хозяйства. Это условие отзывалось невольно и нередко дилетантским отношением думы к подлежащим ее рассмотрению вопросам, что в свою очередь подрывало ее авторитет в глазах управы. Устранение этого неблагоприятного условия было бы возможно в том случае, если все гласные разделились на отделы (или комиссии) думы с тем, чтобы каждый отдел думы, состоящий из лиц знакомых и интересующихся данной отраслью городского дела, мог сосредоточить свое внимание и силы на изучении одной отрасли дела и иметь последовательное наблюдение за ее направлением. Такой порядок не мог бы нарушать необходимой управе самостоятельности, но авторитетное содействие ей отдела думы облегчало бы управе лежащую на ней моральную ответственность и сближало бы управу с думой, которая в своем полном составе принимала бы решения по докладам управы, имея компетентные заключения со стороны своих отделов. Эта цель и преследовалась проектом о подготовительных комиссиях, составленным комиссией по общим вопросам. Приведенные сведения об отношении,

встреченном этим проектом, как со стороны управы, так и со стороны умеренно-правой группы гласных, свидетельствовали об отсутствии сознания необходимости предлагаемой реформы. Отношение управы и указанной группы к проекту комиссии, инициатива которого принадлежала представителям прогрессивной группы гласных, обусловливалось, главным образом, настроением и духом, господствовавшими в среде управы и умеренно-правых на почве политического разномыслия с прогрессивной группой. При таком их настроении ни один вопрос не мог обсуждаться в думе хладнокровно и объективно по существу, а встречался, обычно с предвзятым предубеждением и служил лишь лишним поводом для проявления озлобления и непримиримости. Для меня представлялось очевидным, что при сложившихся условиях в течение всего четырехлетия никакая творческая, созидательная работа немыслима. Направление и характер деятельности общественных учреждений находятся всегда в прямой зависимости от сознания и настроения большинства принимающих в ней участие общественных деятелей, а атмосфера, окружавшая городскую думу и городскую управу, была насыщена раздражительностью и духом партийной политической нетерпимости, которые исключали возможность спокойной работы и предрешали неизбежность постоянной борьбы. Принимать участие в такой борьбе не отвечало моим убеждениям, а оставаться в положении безучастного наблюдателя и без возможности принести какую-либо пользу общественному делу представлялось бесцельным. В то же время я имел в виду, что удаление мое из состава думы облегчит ликвидацию доклада комиссии по общим вопросам городского устройства. В виду всех изложенных соображений я известил письмом

городского голову об отказе моем от звания гласного московской городской думы.

Отказываясь от участия в московской городской думе, я в тоже время должен был остановиться на мысли об окончательном моем удалении от общественной деятельности вообще. К такому решению побуждали меня не только плохое состояние моего здоровья и оставлявшие меня силы, но, главным образом, глубокое сознание, что усвоенные в течение всей моей жизни основные убеждения не могут примириться с направлением, которое получила наша политическая жизнь, и с последствиями влияния этого направления на настроение общественных элементов, призванных к деятельности в учреждениях местного самоуправления. Развитие освободительного движения, определенно проявившегося в стране с начала настоящего века, и все события нашей государственной жизни последних лет еще более укрепили во мне убеждение, что политическая жизнь и общественная деятельность могут получить правильные направление и развитие только в том случае, если они будут руководиться нравственной идеей, вытекающей из религиозного сознания, которым определяется смысл личной и общественной жизни. Я продолжал верить неизменно, что человечество в деле устроения жизни усилиями многих поколений выйдет на путь, ведущий его к всечеловеческому единению на основе христианской любви, но во мне были поколеблены вера и надежда в возможность выхода на этот путь в близком будущем. То направление, которое приняло развитие нашей политической жизни, обрекало страну на усиление в ней на долгие годы процесса деморализации, озлобления, столкновения интересов и борьбы материальных сил. Этот путь противоречит моему жизнепониманию и

это обстоятельство побудило меня принять в феврале 1911 года решение окончательно устраниться от активного участия в политической и общественной жизни.

Послесловие

Я приступил к изложению моих «воспоминаний» и выполнил настоящий труд во время происходившей и длящейся поныне великой мировой войны народов. С самого начала возникновения этой страшной войны я видел в ней глубокое идейное значение, — столкновение двух основных начал жизнепонимания: рационализма и религиозного сознания, и верил, что в конечном своем результате эта война откроет всему человечеству новые пути к лучшему устроению жизни. Рационализм с вытекающими из него позитивизмом и марксизмом приводят к пониманию жизни, как результата естественно-исторического процесса, основанного на постоянной борьбе экономических, социальных и политических сил. Вера в естественное развитие жизни и признание закона ее механической эволюции являются, по глубокому моему убеждению, основным грехом нашей современности. Хотя для упорядочения признаваемой неизбежной борьбы обычно полагается в основу общественной жизни идея права и придается особенно важное значение организации и формам политического строя, но тем не менее рационалистическое мировоззрение приводит неизбежно к культу силы, как в социальной жизни, так и в политических, внутренних и международных отношениях. Культ силы получил наибольшее развитие и наиболее наглядное проявление в германском империализме, выражающемся в последовательном и неуклонном стремлении подчинить с одной стороны личность граждан подавляющему влиянию государства, а с другой стороны подчинить экономическим интересам Германии и ее политическому влиянию все остальные народы. Созданный в этих целях немецкий милитаризм с своей стороны вызывает необходимость постоян-

ного роста вооружений других государств, непомерное отягощение государственных бюджетов и отвлекает рабочие силы народов от производительного труда. Такое стремление Германии к господству силы в международных отношениях препятствует мирному сожительству народов и постепенно в их сознании выясняется ошибочность жизнепонимания, послужившего основой для создавшегося положения.

Под влиянием этих условий повелительно выдвигается значение другого миросозерцания, вытекающего из свойственного людям религиозного сознания, т.е. из сознания связи личной жизни каждого человека с жизнью всего мира. Постепенно воспитывается убеждение, что смысл человеческой жизни заключается в свободном и сознательном подчинении своей воли указаниям Божественного разума, призывающего всех людей и все народы не к непрерывной вражде, а к всечеловеческому единению. Мне представляется несомненным, что пробуждение и укрепление этого жизнепонимания одушевляет и объединяет все народы, поднявшиеся против германского империализма. Мы видим, например, какой громадный переворот совершился в отношениях Англии к ее колониям. Еще не так давно отношения к ним метрополии были построены на насилии и сопровождались угнетением местных населений и жестокостями. Но затем постепенно и особенно со времени Гладстона, человека высокого духовного настроения, политика Великобритании получила иной характер и ныне в основу ее полагается не господство силы, а нравственная идея, уважение свободы и самостоятельности колоний, благодаря чему их отношения к метрополии быстро и резко изменились; настоящая война с очевидностью свидетельствует о крепкой между ними солидарности. Если колонии несут большие жертвы людьми

и материальными средствами, то конечно не во имя каких-либо меркантильных интересов Англии, а потому, что видят смысл происходящей войны в осуществлении в будущем в международных отношениях идей, на основе которых в настоящее время зиждутся отношения Англии к ее колониям.

Идейный смысл происходящей войны еще более выдвигается выступлением Северо-Американских Соединенных Штатов. Северная Америка приняла участие в этой войне, очевидно, не преследуя в ней каких-либо экономических интересов. Ее материальные интересы были достаточно обеспечены при ее нейтральном положении громадным развитием актива ее торгового баланса. Мотивы, побудившие Северо-Американские Соединенные Штаты присоединиться к державам согласия, были определенно выяснены в заявлении президента Вильсона в сенат. В этом заявлении, между прочим, говорилось, что «в грядущие дни, когда придется заново заложить фундамент международного мира, немыслимо, чтобы Соединенные Штаты уклонились от участия в этом великом деле». «Мир должен сопровождаться соглашением, международный характер которого сделает принципиально невозможным, чтобы подобная настоящей катастрофа, когда-либо снова обрушилась». На происходящую войну Вильсон смотрит не как на борьбу за «установление новой системы равновесия между державами», а как на борьбу «за справедливость и прочный мир». В своем заявлении президент выставляет требование, «чтобы грядущий мир был миром, не основанном на победе одной из воюющих сторон». Если это последнее пожелание может представиться слишком утопичным, то во всяком случае оно с несомненностью свидетельствует, что Вильсон, высказы-

вая его, руководился исключительно надеждой и верой, что конечный результат войны должен явиться основой для постепенного осуществления единения всех народов, с устранением из их отношений чувств вражды и озлобленного между ними соперничества.

Но и в самой Германии пробуждается, по-видимому, сознание ошибочности жизнепонимания, послужившего основой германскому милитаризму. Уже и там, хотя пока в виде редких исключений, слышатся новые мысли; так, например, профессор Мюнхенского университета Ферстер, по поводу происходящей войны, печатно заявляет: «Новая Германская империя обязана своим происхождением языческому духу, национально-эгоистическому индивидуализму, который должен был неудержимо толкать к катастрофе, как все в мире, что идет против духа христианской истины»[40].

Как ни велики несчастья, вызываемые войной, как ни ужасны многочисленные живые жертвы, ею поглощаемые, но хочется верить, что эти жертвы послужат жертвами искупления за ошибки человечества в устроении жизни в прошлом и откроют ему новые пути для устройства жизни в будущем на основе, более соответствующей духовной сущности человека. Происходящая война поставила на очередь вопрос об устранении милитаризма и культа силы из области международных отношений. Достижение этой цели, т.е. устранение господства насилия прежде всего из этой области людских отношений представляется наиболее возможным и наименее трудным. В сознании широких

40 См. «Русские Ведомости», № 144, 1916 года. Военно-академический конфликт в Германии.

общественных кругов всех стран уже достаточно глубоко проникло убеждение, что примирение различных национальных задач и экономических интересов вернее может быть достигнуто путем соглашений на почве уважения и равноправия всех национальностей и на основе справедливого удовлетворения и согласования разнообразных интересов. Устранение господства насилия из внутреннего государственного строя и особенно из области социальных отношений — вопрос, конечно, гораздо более сложный и трудный; он может быть поставлен и разрешаем лишь с известной постепенностью, по мере укрепления в людях сознания несправедливости с христианской точки зрения сложившихся условий и сознания лежащего на людях друг перед другом нравственного долга. Устранение насилия из области международных отношений и признание всеми народами необходимости установления их в будущем на основе идей правды, высшей справедливости и стремления к всечеловеческому единению, несомненно, должно будет приблизить применение и осуществление тех же идей в остальных сферах людских отношений. Принимая это во внимание идейный смысл происходящей войны приобретал еще большее значение.

Такие благоприятные для человечества результаты войны могут явиться последствием только решительной победы держав согласия над Германией и ее союзниками, в противном же случае все народы были бы поставлены в необходимость нести еще долгие годы тяжкий гнет милитаризма, чтобы оградить себя от торжествующего германского империализма и быть готовыми к новой неминуемой кровавой катастрофе. В виду такой перспективы нельзя было не сознавать необходимости, чтобы усилия всего населения

России, как и в других союзных с ней государствах, были направлены к доведению войны до победного конца, но в этом отношении условия нашей внутренней государственной жизни возбуждали серьезные опасения.

Армия наша, несмотря на недостатки в ее оборудовании, достойно выполняла свои обязанности, но для ее победы были необходимы поддержка тыла и сохранение в стране внутреннего мира, а с этой стороны далеко не все обстояло благополучно. Дезорганизация транспорта и затруднения в продовольствии явились серьезным препятствием при удовлетворении усиленной потребности армии и обычной потребности населения. Однако, эти неблагоприятные условия могли бы быть в значительной мере облегчены при дружных усилиях правительства и общественных сил, но в их отношениях с 1915 г. проявилось резкое обострение, препятствовавшее их спокойному и планомерному взаимодействию и угрожавшее возможности сохранения в стране необходимого для одержания победы внутреннего мира. Государственная власть с преступным пренебрежением относилась к вопросу о создании и укреплении необходимого всегда, а во время войны особенно, единения с обществом и продолжала свою внутреннюю политику в том же пагубном направлении, как и прежде. В таком образе действий нельзя не признать несомненной и безусловной вины государственной власти, но в тоже время нельзя отрицать, что усилившийся во время войны антагонизм между правительством и обществом в значительной мере обусловливался тактикой наших общественных организаций. Общественным деятелям хорошо было известно, что правительство состоит из людей близоруких и ограниченных в своем политическом кругозоре, принадлежащих к наиболее реак-

ционным элементам, не признававших значения общественных сил в государственном строе и понимавших единение и взаимодействие власти с обществом исключительно в смысле беспрекословного подчинения всех воле и видам правительства. Такое правительство и такое его отношение к обществу являлось страшным несчастьем страны. Этот печальный факт нельзя было игнорировать и не считаться с ним при предъявлении государственной власти требований со стороны общества. Нельзя было не принять во внимание, что принудительное изменение в желательном направлении господствовавшего режима, если бы даже оно представлялось реально возможным для руководящих кругов общества, едва ли могло быть совершено во время войны без существенного вреда для ее победоносного окончания. Между тем Государственной Думой и разными общественными организациями в более или менее резкой форме был неоднократно возбуждаем вопрос о перемене личного состава правительства, а в сущности об изменении пресловутого «нашего самобытного государственного строя», созданного Столыпиным, хотя рассчитывать в этом деле на согласие государственной власти не было, несомненно, никакой надежды. Такая постановка вопроса, хотя и имевшая в своем основании вполне справедливые недовольство и негодование всего общества, не могла, однако, очевидно, при заведомо и упорно отрицательном отношении власти, привести к желательным положительным результатам, но угрожала, несомненно, стране возможностью тяжелых последствий отрицательного характера. Тактика Государственной Думы и общественных организаций углубляла и подчеркивала разлад между правительственными и общественными силами, и в то же время резкие и последователь-

ные предъявления требований о неотложной реформе правительства подрывали окончательно авторитет государственной власти в широких кругах населения, а главное среди утомлявшегося войска, создавали восприимчивую почву для революционной социалистической пропаганды и предрешали неизбежность революции.

Совершившийся государственный переворот застал общественных деятелей к нему неподготовленными и они оказались не в силах направить политическое движение по пути, не разрушающему государственную мощь страны и обеспечивающему ей возможность довести войну до победоносного конца. Руководство происшедшей революцией перешло в руки элементов не государственных, увлеченных социалистическими утопиями и поставивших себе целью превратить политическую революцию в революцию социалистическую. Для осуществления этой задачи руководителям движения представлялось необходимым прежде всего привлечь на свою сторону армию, которая в противном случае могла выступить в защиту поддержания государственного порядка. В этих видах была подорвана необходимая всегда в войсках дисциплина и солдаты на почве классовой вражды были восстановлены против командного состава. В то же время были провозглашены лозунги: прекращение войны и немедленное заключение мира без аннексий и контрибуций. Было громогласно заявлено, что происходящая война, как и вообще всякая война, будто бы, начата и ведется исключительно в интересах буржуазных классов и является вредной для интересов пролетариата. По-видимому, руководители революционного движения, находясь под гипнозом марксистского учения, были чужды пониманию идейного смысла происходящей войны, начатой

Германией действительно из империалистических побуждений, но тотчас же превращенной державами согласия в войну против принципа войны, против милитаризма и за устранение из международных отношений господства насилия. Эти цели были так ясно и определенно формулированы всеми державами согласия, в их числе и Россией, что отрицать и не понять их было трудно, а потому может иметь место предположение — не было ли провозглашено, что война ведется только в интересах буржуазии, с целью силой этого аргумента вернее вызвать разложение армии? Смелые экспериментаторы применения в жизни принципов социализма настолько были увлечены преследуемой ими целью, что даже не остановились пред неизбежными, при выбранных ими путях и средствах, последствиями. Русская армия была быстро деморализована, дезорганизована, страна осталась беззащитной пред врагом, оказавшимся, для него самого неожиданно, в положении высокомерного победителя, и приведена к полному государственному, экономическому и моральному разложению.

Как отразится на исходе войны нарушение Россией лежавшего на ней по договору с своими союзниками обязательства? Удастся ли державам согласия после уклонения России от участия в войне довести последнюю до победы над врагом? Эти тревожные вопросы стоят пред всем культурным миром, но предугадать, какое получат они разрешение, в настоящее время очень трудно. Страшно подумать о неисчислимых жертвах, которые окажутся жертвами, принесенными напрасно, если германский империализм не будет сломлен и если господство насилия еще на долгое время будет служить основой отношений между народами. Прекращение Россией военных действий и заключение

брестского псевдо-мирного договора открыли Германии и ее союзникам возможность оставить на своем восточном фронте незначительные военные силы и перебросить освободившиеся армии на западный фронт. Вместе с тем Германия и Австрия поспешили проникнуть в глубь России и захватить плодороднейшие ее области, чтобы обеспечить себя продовольственными средствами, недостаток которых должен был в близком времени поставить их в безвыходное, критическое положение. Эти условия являются, несомненно, чрезвычайно крупной поддержкой, оказанной Германии и ее союзникам новой русской социалистической властью. Эта сильная поддержка, оказанная русским социализмом германскому империализму, является, как бы, последствием и выражением общности их основного миросозерцания. И тот и другой рассматривают жизнь исключительно как естественное и постоянное развитие борьбы материальных сил. Различие между ними скорее внешнее и заключается в том, что социализм сосредоточивает свое внимание преимущественно на социальных отношениях, на классовой борьбе, а империализм имеет в виду, преимущественно, область отношений международных, но в идейной своей основе они, несомненно, родственны и имеют много общего. Существенная поддержка, оказанная русским социализмом германскому империализму, в случае торжества последнего, может быть чреватой роковыми и пагубными последствиями для интересов всего культурного человечества, стремящегося к постепенному переходу от господства в жизни грубой силы к осуществлению в жизни справедливости, общего блага и высоких идеалов высшей правды и добра.

Однако, наряду с неблагоприятным влиянием нашей социалистической революции на дальнейший ход происхо-

дящей великой войны народов, нельзя не отметить известный положительный результат этой революции для последующего развития и устроения жизни всего человечества. Смелая попытка поспешного применения у нас принципов социализма во всех областях жизни послужит для всех народов и для всего человечества наглядным уроком и красноречивым, несомненным доказательством неприменимости этих принципов для переустройства на их основе всей жизни. В этом отношении наша социалистическая революция, по своему объективному значению, является не реальным торжеством социализма, а полным его крушением. Вместо упорядочения производства и всей экономической жизни с подчинением этой цели групповых и личных интересов, мы видим, что именно в погоне за удовлетворением классовых интересов потрясено и разрушено народное хозяйство, государственные финансы приведены в положение полного банкротства, а Россия, как великая держава, более не существует, и выкинута из международного оборота. Создавшиеся условия исключают возможность оздоровления в более или менее близком будущем экономической и политической жизни страны и обрекают ее подчинению на долгое время иноземным и враждебным экономическим интересам. В основу социального прогресса кладется не развитие производительных сил страны, а преследуются исключительно задачи раздела и распределения. Как последствия возбуждения в народных массах жажды мщения и чувств вражды ко всем имущим и более просвещенным элементам общества, мы наблюдаем во всей стране — глубокие процессы деморализации и одичания людей, проявление подозрительности, недоверия, злобы и ненависти и утрату всех приобретений цивилизации и общечелове-

ческой культуры. Впрочем иных результатов от широких социалистических экспериментов нельзя было и ожидать, так как эти результаты неминуемо должны были проявиться, как неизбежные последствия ошибочной основы идеологии социализма. Социализм обращается с призывом не к добрым чувствам людей, не к сознанию лежащего на них нравственного долга, а призывает их к отстаиванию, путем борьбы и насилия своих классовых и личных интересов. Идее социального мира и стремлению к всечеловеческому единению социализм противополагает непримиримую и бесконечную войну классов. Социализм отрицает связь человека с мировым законом добра и высшей правдой и не признает в жизни ничего, кроме материальных сил. Игнорирование и отрицание духовной природы человека приводит к отождествлению свободы с освобождением людей от моральных уз. Положение, создавшееся в настоящее время в России под влиянием социалистической доктрины, не может не раскрыть в глазах и в сознании всех народов ошибочности коренной основы социализма и должно побудить тем все человечество идти иным путем к переустройству и улучшению условий жизни.

Классовая борьба является основой мировоззрения социализма и в развитии борьбы труда с капиталом социализм видит главную, если не исключительную, задачу и смысл всей жизни. В таком жизнепонимании заключается, несомненно, большая ошибка. Эволюция в жизни человечества определяется не борьбой сил, а проникновением и осуществлением в жизни новых идей, усвояемых последовательным развитием общественного сознания. Согласно двойственности природы человека новые идеи выясняются в сознании людей путем работы человеческого разума и

развития в людях их духовной силы. Движение в мире идей может получить правильное направление только в том случае, когда оно является последствием работы человеческой мысли, руководимой свойственным духовной природе человека религиозным чувством. Рационализм и религиозное сознание должны всегда служить совместно основными началами, определяющими всю человеческую жизнь, как в целом, так и в ее деталях. Если религиозное чувство в людях ослабевает и заглушается, то работа человеческого разума получает одностороннее рационалистическое направление и на ней неизбежно сказывается преобладающее влияние интересов и инстинктов, свойственных материальной природе человека. Такое одностороннее направление приводит к пониманию жизни, как процесса борьбы материальных сил, но такое понимание смысла жизни вступает в непримиримое противоречие с духовной природой человека и затрудняет установление в мире доброжелательных между всеми людьми отношений. Развитие религиозного сознания и сознания лежащего на всех людях нравственного долга призывает их к единению и воспитывает в них убеждение, что только при этом условии возможны осуществление в жизни справедливости и обеспечение общего блага всем людям. Рационализм и религиозное сознание являются основами двух жизнепониманий и направление развития жизненного процесса определяется отнюдь не борьбой материальных сил, а находится в прямой зависимости от преобладания в общественном сознании того или другого из соперничающих между собой двух указанных основных жизнепониманий. Правильное и целесообразное устроение личной и общественной жизни возможно лишь на почве

синтеза работы человеческой мысли и развития религиозного сознания.

Развитие политической и социальной жизни каждой страны обусловливается основным жизнепониманием, которое является преобладающим в сознании его населения, но особенно в среде руководящих общественных элементов. Рационалистическое жизнепонимание было и остается чуждым русскому народу. Недостаток знаний, просвещения и тяжелые правовые и экономические условия его жизни неблагоприятно влияли на расширение его умственного кругозора и на развитие его мысли. Но духу русского народа было всегда близко религиозное сознание, сознание несомненной связи жизни людей с высшей волей, управляющей миром; ему было всегда свойственно искание высшей, Божественной правды. Этим свойством народного духа объясняется с одной стороны тяготение народа к церкви вообще, а с другой — готовность его прислушиваться и примыкать к различным сектантским учениям. Свойственное русскому народу религиозное настроение отражается на хорошо знакомых всем чертах его характера, которые получили яркое и вполне верное выражение в произведениях наших гениальных мыслителей-писателей и особенно в творчестве Достоевского и Л.Н.Толстого. Однако, характерные черты русского народа воспроизведены не только писателями, которые сами усвоили и разделяют религиозное жизнепонимание, но и писателями противоположного лагеря. Если, например, в числе характернейших представителей русского народа в произведениях Л.Н.Толстого мы видим Каратаева и Акима, то не менее жизненным представляется Лука, воспроизведенный М.Горьким. Такое совпадение является лучшим подтверждением тому, что пред-

ставленные писателями различных лагерей типы вполне соответствуют действительности и жизненной правде.

Если таково основное жизнепонимание русского народа, то в руководящих кругах общества и особенно среди интеллигенции с сороковых годов прошлого века преобладало жизнепонимание рационалистическое и к религиозным запросам наша интеллигенция относилась частью безразлично, а нередко вполне отрицательно. Это основное разномыслие не могло не отразиться пагубно на развитии нашей политической жизни, и на направлении освободительного движения, по которому оно было поведено руководящими элементами общества. Интеллигенция обращалась с призывом к правовому сознанию народных масс и стремилась привлечь их к политической борьбе с властью, но, за отсутствием в народе правильного понимания идеи права, обращения интеллигенции пробуждали в народных массах только материальные инстинкты и эгоистические интересы. Такое воздействие, оказанное на настроение народных масс, подрывало в них религиозное сознание и подготовило благоприятную почву для социалистической пропаганды, которая еще более пробудила в массах озлобление, отрицание всякого права и толкнула страну на путь анархии и полного разложения. Социализм, отрицая духовную сторону природы человека и относясь к религии не только безразлично, но определенно враждебно, призывает народные массы к установлению, опираясь на свои материальные силы, диктатуры пролетариата. В конечном результате социалистическая проповедь углубила классовую борьбу до борьбы материальной силы с силами умственными и духовными и пробудило в народных массах чувства злобы и ненависти к интеллигентным силам страны.

Переживаемое ныне время явилось неизбежным последствием отсутствия в прошлом необходимой духовной связи между интеллигенцией и народом, в силу чего они друг друга плохо понимали и не могли быть солидарными. Но проявившееся в народных массах разложение их обычного настроения явление временное и, нужно думать, что, изверившись в недалеком будущем в посулах руководителей социалистической революции и в возможности устроения на земле социалистического рая путем классовой борьбы, бесправия и безвластия, русский народ, который Достоевский и Л.Н.Толстой справедливо характеризовали эпитетами богоносец и богоискатель, вскоре найдет вновь свойственное ему религиозное сознание. «Одним из отличительных признаков русского народа», говорит В.О.Ключевский, «служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы, которые выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу»[41]. Помимо нравственного возрождения народного духа, немыслимы политическое возрождение России и обновление нашего социального строя. Необходимо сознать, что обеспечение общего блага возможно лишь путем доброжелательного единения людей и воспитания ими в себе чувства нравственной ответственности за свои действия. Только при такой основе жизненного строя осуществление и широкое развитие в нем демократических идей сделается не только возможным, но и безусловно

41 Речь В.О. Ключевского о значении преподобного Сергия для русского народа и государства.

необходимым. Не социализм исправит мир, а христианское воспитание людей. Русский народ — народ христианский по своему духу; хотя он переполнен слабостями и пороками, но чувство его христианское и идеал его христианский.

Но и при нравственном возрождении народного сознания, обновление нашей политической и социальной жизни станет возможным только в том случае, если одновременно пересмотрит свое жизнепонимание наша интеллигенция и согласует в дальнейшем образ своих действий с идеалами и запросами народного духа. Развитие жизни пойдет устойчиво и надежно по верному пути только тогда, когда все население страны и все его классы будут связаны между собой единством нравственного идеала. Пересмотр интеллигенцией своего жизнепонимания представляется вполне вероятным, так как необходимость такого пересмотра сознается широкими кругами общества. Даже среди социалистов мыслящие люди отдают себе отчет в глубоком кризисе социалистического движения, как идейного направления. Так, например, Савинков (Ропшин), бывший организатор и руководитель многих террористических актов, еще в 1909 году поместил в «Русской Мысли» (январь) очерк — «Конь бледный», эпиграфом к которому он взял слова из 1-го послания Иоанна, гл. II., ст. 11: «Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза». В этом очерке представлен психологический процесс переживаний самоуглубляющегося социалиста-революционера, в котором зарождается сомнение относительно правильности избранного им пути и жизнепонимания, приведшего его на этот путь. Положения, на которых он останавливается, являются полным противоречием социалистическому пониманию

смысла жизни, и им высказываются мысли, которые считаю уместным повторить здесь при заключении моих записок:

«Нужно, чтобы люди друг друга любили, чтобы Бог был с ними и в них».

«Во имя Бога, во имя любви будут люди свободны и сыты, и в любви будут жить».

«Я верю: не мечом, а любовью спасется мир, как любовью он и устроится».

Апрель 1918 г.
село Вотово.

P.S. Закончив мои «воспоминания» в апреле, я передал их тогда же книгоиздательству «М. и С. Сабашниковых», но под влиянием тяжелых условий переживаемого времени, отразившихся и на типографских работах, печатание моих записок очень затянулось и заканчивается в конце сего декабря. В течение 8 месяцев, протекших за это время, произошли существенные изменения в положении вопросов, связанных с мировой войной, сравнительно с тем состоянием, в котором они находились, когда я писал приведенное выше послесловие; тем не менее я оставил его без изменений в том виде, как оно было написано ранее, но считаю не лишним сопроводить его в настоящее время некоторым дополнением.

В апреле я останавливался пред тревожными вопросами: Как отразится на исходе мировой войны нарушение Россией лежавших на ней по договору с ее союзниками обязательств? Удастся ли державам согласия, после уклонения России от участия в войне, довести последнюю до решительной победы? Сейчас эти вопросы получили уже

более или менее свое разрешение. Идею империализма и принцип милитаризма можно признать в настоящее время не только поколебленными, но и окончательно ниспровергнутыми. В настоящее время стоят на очереди вопросы, связанные с заключением мира между всеми народами и с установлением новых оснований и порядка в международных отношениях. Теперь человечество имеет полное право ожидать, что заканчивающаяся война будет последней и что предстоящее мирное соглашение народов исключит возможность повторения подобной кровавой катастрофы. Для достижения таких результатов необходимо, чтобы при заключении всеобщего мира были осуществлены с надлежащей полнотой те цели, о которых неоднократно заявляли державы согласия.

Предстоящий мир должен создать новый международный строй, основанный на широких мировых принципах Права и справедливости, и обеспечить всем народам полную свободу и самостоятельность самоопределения. Всякий территориальный спор должен быть разрешаем в интересах и по желанию местного населения, а не как часть примирительного соглашения между соперничающими государствами. Такой мир может быть осуществлен только в том случае, если державы согласия останутся непоколебимо верны провозглашенным ими принципам, не поддадутся чувствам возмущения и негодования против виновников заканчивающейся страшной войны и воздержатся от возможных под влиянием победы увлечений. Можно надеяться, что победители найдут в себе необходимые нравственные силы установить для всех народов равные и вполне справедливые условия и не будут стремиться возложить на побежденные страны слишком тяжелую ответственность за преступные

действия представителей повергнутого империализма. Благотворное влияние в этом отношении можно особенно предвидеть и ожидать со стороны Северо-Американских Соединенных Штатов и их президента Вильсона, определенно выставившего заблаговременно 14 пунктов предложенной им программы мира, высказавшего уверенность, что «стремление к новому международному строю, в котором восторжествуют разум, справедливость и общие интересы всего человечества, является стремлением всех просвещенных людей всего света», и заявившего 11 февраля с. г. в своей речи в конгрессе, что «приложив руку к осуществлению идеала, мы не отступим назад».

Если предстоящее мирное соглашение должно устранить навсегда и окончательно господство насилия из области международных отношений и положить начало мирному и доброжелательному сотрудничеству всех народов в интересах всего человечества, то в тоже время настолько же необходимо, чтобы предстоящий мир явился миром вполне демократическим и обеспечил во всем мире осуществление демократических идей и принципов. Только повсеместная и широкая демократизация государственных учреждений и всего социального строя может обеспечить действительный мир всему миру. Но особенно необходимо, чтобы, как при заключении мирного соглашения, так и при обновлении государственной и социальной жизни, было положено в основу признание абсолютной ценности нравственных начал, источником которых является исключительно свойственное всем народам религиозное сознание. Всякая сила, лишенная нравственного содержания, не может управлять духом людей; только моральная сила, может быть силой животворящей, освобождающей человеческие души и

обеспечивающей равно и одинаково для всех свободные условия существования.

За время войны жизнепонимание, основанное на религиозном сознании, приобретает, видимо, все большее и большее преобладание среди всех народов, но истинно религиозное настроение особенно рельефно проявляется в Северной Америке. Подтверждением этому может служить воззвание, с которым президент Вильсон весной этого года обратился к населению Соединенных Штатов с приглашением отменить празднование 30-го мая, считавшегося днем национального праздника, и превратить его в день публичного покаяния, молитвы и поста. В этом воззвании говорилось:

«Сим я провозглашаю четверг 30-го мая, день, уже отягченный священными трогательными воспоминаниями, днем общественного покаяния, молитвы и поста и призываю своих товарищей-сограждан, всех верований и исповеданий, собраться в этот день в различных местах их религиозного культа, и там, равно как и дома, умолять Всемогущего Бога, чтобы Он простил грехи и прегрешения нашего народа, очистил наши сердца и дал нам лицезреть и любить правду, принимать и защищать все согласное с правдой и справедливостью, чтобы Он дал нам действовать и судить в духе права и в согласии с Его волей. Будем умолять Его, чтобы Он даровал победу нашим армиям в их борьбе за освобождение, мудрость всем тем, кто в эти дни мрачной борьбы принимает решение в пользу нашего дела, и упорную непоколебимость нашему народу в несении высших жертв для поддержания истины и справедливости. Будем умолять Его о даровании нам, наконец, мира, при котором успокоится

сердце человеческое, мира, основанного на милосердии, справедливости и доброжелательности».

Если все участники предстоящей мирной конференции проникнутся мыслями и идеями, составляющими содержание приведенного воззвания, и подчинятся вызываемому ими душевному настроению, то не может быть сомнения, что человечеству, по заключении мирного соглашения, будут постепенно и последовательно открываться новые светлые пути во всех областях его жизни.

Декабрь 1918 г.
Москва.